

П.Н.КРАСНОВЪ

ВЫПАШЬ

РОМАНЪ

ИЗДАНИЕ Е. СІЯЛЬСКОЙ

1931

П. Н. Красновъ

ВЫПАШЬ

Романъ

Издательство

Е. СІЯЛЬСКОЙ

2, Rue Pierre-le-Grand PARIS (8°)

1 9 3 1

Всѣ права, въ томъ числѣ права перевода на иностранные
языки и постановки на фильмы, сохранены за авторомъ.

Copyright 1931 by the author.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

— Итакъ, Долле, вы твердо рѣшили сегодня же ѣхать обратно?

— Не могу больше оставаться, королевна... И отпускъ мой кончается. И дѣло мое тянетъ меня къ себѣ.

Та, кого называли «королевой», покраснѣла, остановилась и, разсѣянно сбивая сложеннымъ зонтикомъ былинки травъ, посмотрѣла въ глаза говорившему. Говорилъ артиллерійскій капитанъ выше средняго роста, — сутуловатый, съ темнымъ цвѣтомъ лица, густыми черными бровями надъ большимъ, широкимъ носомъ. Темнокаріе глаза свѣтились умомъ. Надъ толстыми губами были усы. Мягкая борода обрамляла щеки, удлиняясь на подбородкѣ. Очень выразительно было лицо. Капитанъ былъ по-городскому въ длинномъ сюртукѣ со скромнымъ бархатнымъ воротникомъ, съ ученымъ золотымъ значкомъ на груди.

«Королевна» смотрѣла внимательно и глубоко въ глаза капитана. Точно хотѣла спросить безъ словъ, почему онъ опять назвалъ ее — королевной, потому-ли, что помнилъ ихъ дѣтскія игры въ «трехъ мушкетеровъ», или потому, что по-прежнему почиталъ ее королевной? Ея зеленовато-сѣрые, такъ часто мѣняющіе цвѣтъ и отѣнокъ глаза, — морская волна холоднаго сѣвернаго моря — надолго остановились на его темныхъ глазахъ.

— Долле, — сказала она тихимъ груднымъ голосомъ. — Какъ все это странно, не правда-ли? Наши дѣтскія игры въ Захолустномъ Штабѣ... Вы... трое.... Вы — Арамисъ, мой мужъ — Петрикъ — Атосъ и.., — она понизила голосъ до шопота, — Багреньевъ — Портосъ. Давно это было!..

— Ну... не такъ давно. Много-ли лѣтъ прошло? И десяти, пожалуй, нѣтъ?

— А какъ много пережито!

Она опустила голову, перестала сбивать цвѣты и глубоко вздохнула.

— Да, вся жизнь по-новому, — чуть слышно сказала она.

Въ изящномъ костюмѣ *tailleur*, сѣрожелтаго цвѣта пыли, стройная, очень моложавая для своихъ тридцати лѣтъ, съ дѣвическимъ гибкимъ станомъ, съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ съ ямочками, она четко рисовалась на зеленомъ полѣ, покрытомъ поздними, осенними цвѣтами. Она отвернулась отъ Долле и смотрѣла на западъ, гдѣ къ лиловымъ горамъ румяное спускалось солнце. Тамъ шла игра цвѣтовъ и красокъ. Позолотою покрывались острые пики скалъ, и были облиты нѣжною розовою глазурью пологіе холмы. По скатамъ все чернѣе становились густые лѣса въ мрачныхъ ущельяхъ.

— Какъ красивъ этотъ видъ, — сказалъ капитанъ.

— Какъ смотрѣть? задумчиво сказала она. — Если посмотрѣть и уѣхать?.. Да... глазами путешественника.... Очень красивъ.. Я бы сказала: экзотичный видъ... Какъ на китайской лаковой коробкѣ. Да вѣдь и то... Мы въ Китаѣ... Постъ Ляо-хе-дзы.... Но, если подумать... Что королевнѣ сказки Захолустнаго Штаба — предстоитъ любоваться этимъ видомъ многіе годы... Можетъ быть, всю жизнь...

Она замолчала. Голова ниже опустилась на грудь, рука оперлась на зонтикъ. Зонтикъ чуть врѣзался концомъ въ мягкую дернину луга.

— Онъ... ужасенъ... — прошептала она.

— Вы жалѣете, Валентина Петровна, что вышли замужъ за Петрика? — очень тихо, спокойно и ласково сказалъ капитанъ. — Что поѣхали въ эту глушь?

— Долле... Какъ странно... мы всѣ однихъ лѣтъ.... а всегда мы какъ-то... всѣ... даже и Портосъ — были откровенны съ вами.. Мы вамъ точно исповѣдывались. А — Петрикъ? Онъ въ васъ души не чаеъ... Вы спрашиваете меня — жалѣетъ-ли вдова профессора, Валентина

Петровна Тропарева, о томъ, что она вышла замужъ за ротмистра Петра Сергѣевича Ранцева и поѣхала вѣнчаться въ Харбинъ, а жить въ Манчжурской глуши, на глухомъ посту Ляховедзы? Нѣтъ... Не жалѣетъ. Что ей оставалось дѣлать, когда ея первый бракъ такъ страшно... такъ драматически ужасно окончился?.. Я всегда любила Петрика. Его нельзя не любить... Но передо мною, такъ искушенной жизнью — онъ совсѣмъ — дѣтка.... Мнѣ стыдно думать, что онъ мой мужъ... Я его крѣпко любила, какъ честнаго товарища дѣтскихъ игръ и какъ самаго вѣрнаго мушкетера.... Онъ мнѣ и раньше предложеніе дѣлалъ.... еще юнкеромъ... Я тогда въ серьезъ его не приняла... Казалось — шуткой. Петрикъ — мужъ? Онъ для меня все тотъ же, немножко шалый — молодецъ-юнкерь... Со «стишками» про строй и лошадей. Быть его женой?.. Вы понимаете?... Это совсѣмъ другое... Это очень серьезно... А серьезень-ли для этого Петрикъ!? Особенно теперь — послѣ всего того, что было!

— Валентина Петровна — посмотрите на него. Я вамъ одно могу сказать; вашъ Петрикъ — рыцарь долга.

Долле широкимъ взмахомъ руки показалъ Валентинъ Петровнѣ на группу изъ трехъ офицеровъ, стоявшихъ на другой сторонѣ цвѣтущаго луга. Самый высокій и былъ ея мужъ — Ранцевъ. Въ кителѣ и рейтузахъ съ зеленымъ кантомъ, въ высокихъ сапогахъ, загорѣлый, съ мягкими небольшими русыми усами въ стрѣлку, въ надѣтой на бокъ фуражкѣ, стройный и гибкій — онъ сейчасъ нагнулся надъ чѣмъ-то въ травѣ и разсматривалъ. Съ нимъ были офицеры его сотни: черноволосый, сухощавый штабсъ-ротмистръ Кудумцевъ и загорѣлый въ красную бронзу поручикъ Ферфаксовъ. Сзади Ферфаксова стоялъ каштановаго цвѣта не слишкомъ породистый сеттеръ Берданъ. И Берданъ тоже что-то разсматривалъ въ травѣ, и кончикъ его хвоста ходилъ вправо и влево, а голова поднималась къ Ферфаксову — точно объяснить хотѣлъ что-то Берданъ хозяину.

—Очень хорошъ..., — сказалъ Долле. — Другого такого офицера днемъ съ огнемъ не сыщете.

— Да... если бы....

Валентина Петровна не кончила начатой фразы. Долле ее понял. «Если бы не стала между ними эта тайная, но всѣмъ ставшая извѣстной, исторія ея связи съ Портосомъ, задушеннымъ въ гарсоньеркѣ на Знаменской улицѣ въ Петербургѣ годъ тому назадъ».

— Простить-ли онъ мнѣ, когда-нибудь, — чуть слышно сказала Валентина Петровна, — мое увлечение Портосомъ?..

— Если бы Петрикъ объ этомъ думалъ, — онъ не женился бы на васъ, — твердо сказалъ Долле. — Вы, Валентина Петровна, можете ему вѣрить. Онъ это забылъ... Навсегда... Онъ не знаетъ объ этомъ.

Петрикъ выпрямился. Въ золотыхъ лучахъ закатаго солнца онъ показался отлитымъ изъ бронзы.

— Аля, — крикнулъ онъ. — Идите сюда. Какую интересную вещь я вамъ покажу.

II.

Въ густой травѣ — и какъ-то много тутъ скопилось цвѣтовъ, лиловыхъ колокольчиковъ, гроздей сине-желтаго мышиного гороха, пушистой вероники, желтыхъ ромашекъ, — на пестромъ ихъ коврѣ стояла маленькая — поларшина вышины и три четверти длины, точно игрушка — китайская кумирня. Она была сложена изъ дерева и изъ камней, съ разлатой черепичной, сѣрой крышей, съ широкимъ входомъ, гдѣ стояли красные столбики съ золотыми концами и съ раскрашенными подъ кирпичъ деревянными стѣнами.

Валентина Петровна опустилаcь на колѣни и сѣла, чтобы заглянуть внутрь игрушечной постройки. Тамъ была наполовину сдутая вѣтромъ горка пепла, и за нею дощечка, гдѣ черной, желтой и красной красками было изображено косматое и лохматое чудовище съ выпученными глазами.

— Это что же такое? — спросила Валентина Петровна.

— Это то, что здѣсь называютъ «Ляо-мяо» — маленькая кумирня. Это кумирня бога полей. Бога здѣшнихъ мѣсть, — сказалъ Петрикъ.

Валентина Петровна долго и серьезно разсматривала дощечку. Вполголоса, ни къ кому не обращаясь, будто говоря сама съ собою, она сказала:

— Богъ здѣшнихъ мѣсть... Будь же ты милостивъ къ намъ, богъ полей... Но какой же ты стра-ашный и смѣшной... смѣшной....

Въ ея голосъ прозвучали слезы. Быстро, не ожидая ничьей помощи и не опираясь руками, она вскочила на ноги и скромными шагами пошла отъ кумирни. Точно хотѣла скрыты отъ всѣхъ набѣжавшія на ея глаза слезы.

Въ тридцати шагахъ отъ кумирни лугъ кончился. Дальше было когда-то запаханное поле — паровое поле.

Потому-ли, что въ этотъ самый мигъ солнце скрылось за горы, и длинныя черныя тѣни побѣжали въ долину, холодный шумливый вѣтерокъ налетѣлъ откуда-то и, зашатались отъ его дуновенья широколистые лопухи, покрытые сѣрыми цѣпкими шариками и зашеле-стѣли густые кусты бурьяна, или и дѣйствительно послѣ зеленого цвѣтущаго луга это поле являло всю мерзость запущенности и осиротѣлости — оно показалось ужаснымъ и мрачнымъ Валентинѣ Петровнѣ.

Молодая женщина сдѣлала нѣсколько шаговъ по нему. Ноги спотыкались о неровныя, желтыя, кочковатыя желто-сѣрыя борозды. Разлзатый будякъ съ малиновыми кисточками пушистыхъ цвѣтовъ зацѣпился шипами за ея кофточку. Овсякъ качался подъ ногами, и изъ гущи сѣрыхъ травъ скромно торчали три пушистыхъ бѣдныхъ зерномъ колоса, похожей на пшеницу чумизы. За кустами бѣлозеленой лебеды и густо разросшейся крапивы проглядывали сѣрожелтыя грубыя доски неуклюжаго длиннаго ящика, поставленнаго на камняхъ. Точно безобразный богъ полей, чье изображеніе только что видѣла въ «ляо-мяо» Валентина Петровна, — показалъ въ этой запущенной заброшенности поля свое страшное лицо. Валентина Петровна остановилась. Она старалась отцѣпить колючки будяка. Шипы

кололи пальцы сквозь перчатки. Петрикъ и Долле поспѣшили ей на помощь.

— Послушайте, — показывая зонтикомъ на сѣрый ящикъ, сказала Валентина Петровна, — что это такое?

— Это китайскій гробъ, — спокойно сказалъ Петрикъ.

— Гробъ? — Валентина Петровна поблѣднѣла и отвернулась. Неужели и тутъ, какъ всю ея прежнюю замужнюю жизнь, ее будутъ преслѣдовать покойники и мертвые тѣла? Ей казалось, что она слышитъ запахъ трупa, несущійся отъ гроба.

— И тамъ... покойникъ? — содрогаясь сказала она.

— Возможно, что и нѣтъ. Китаецъ приготовилъ себѣ гробъ и оставилъ въ полѣ, а самъ еще и не умеръ... А, если и покойникъ, то давно истлѣлъ. Этотъ гробъ здѣсь стоитъ давно.

Не все-ли равно? Это былъ гробъ... Это была могила. Ей довольно было могилъ. Довольно смертей и ужасовъ. За прошлый годъ чего она не пережила! Она шла назадъ. Когда ступила на лугъ и подошла къ кумирнѣ бога полей страшная злоба вдругъ охватила ее. Ей хотѣлось ударомъ зонтика сбить крышу кумирни-игрушки, растоптать ногами, въ щепы разбить изображеніе бога полей. Она испугалась, однако, самой мысли. Вдругъ можетъ подслушать ее этотъ страшный богъ? А что, если отомститъ? Она прошла съ затаеннымъ страхомъ мимо кумирни и, обернувшись на поле, спросила съ нервическимъ смѣхомъ:

— Что же тамъ?... Китайское кладбище? — она хотѣла бросить упрекъ Петрику. «Хороши! Куда повели въ день свадьбы! На кладбище!» — Но оставила это въ мысляхъ. Ей жаль стало Петрика. Да и не онъ виноватъ. Она сама пошла туда.

— Нѣтъ. Это — в ы п а ш ь, — сказалъ Петрикъ.

Валентина Петровна повернулась къ страшному полю. На лицѣ ея былъ вопросъ. Она не поняла Петрика. Она никогда не слыхала этого слова. Долле ей объяснилъ.

— Это выпаханное, усталое поле. Оно перестало родить. Его оставили «подъ паромъ», оно запустѣло, по-

росло сорными травами. Оно было переработано и потому переутомлено.

— Очень зайчистое мѣсто, — сказалъ Петрикъ. — Я скажу Факсу, пусть бросить туда Бердана. Можетъ быть, на ваше счастье выгонить какого-нибудь зайчишку. А для вашей Ди-ди — это будетъ раздолье.

— Выпашь, — тихо сказала Валентина Петровна и пошла рядомъ съ Долле за Петрикомъ. — Усталое поле... А, знаете, Долле... и душа можетъ такъ устать... И порастаетъ бурьяномъ сомнѣній, чертополохомъ отчаянія.... Какъ вы думаете?

— Конечно, можетъ. Если много отъ души требовали.... Если многое ей пришлось пережить.

— И что тогда?

— Надо дать отдохнуть душѣ, какъ далъ хозяинъ отдохнуть выпаханному полю... Сосредоточиться.... обдумать....

— И дальше?

— Придетъ хозяинъ, выкорчуетъ, выжжетъ сорные травы, перепашетъ поле — и оно снова зацвѣтетъ хлѣбами

— Вы думаете и душа такъ?

— Непремѣнно. Нашелся бы только хозяинъ.

Берданъ носился и прыгалъ по полю. Ферфаксовъ кричалъ на него. Эта суeta и жизнь на усталомъ полѣ не отвѣчали тому настроенію, что дало оно Валентинѣ Петровнѣ. Она капризно крикнула мужу:

— Петрикъ!.. Довольно... Идемте домой... Надо успѣть накормить до поѣзда Ричарда Васильевича. Таня ждетъ съ ужиномъ.

Петрикъ сейчасъ же пошелъ къ ней. Она смотрѣла на его легкую и твердую поступь, на всю его крѣпкую, хорошо слаженную фигуру и думала: — «хозяинъ!.. хозяинъ... сумѣетъ онъ очистить душу? Сумѣетъ выкорчевать и сжечь всѣ ея печали и сомнѣнія и сдѣлать поле ея души благодатною нивою?»

Она шла съ Долле. Сзади Ферфаксовъ и Кудумцевъ что-то кричали собакѣ. Она морщилась отъ этого крика. Петрикъ обгонялъ ее. Онъ шелъ распорядиться.

Хозяинъ!

Она догнала его, вложила свою руку въ изгибъ его локтя и крѣпко оперлась на него. Снизу вверхъ заглянула морской пучиной въ его сѣрые, стальные, не мигающіе глаза. Съ гордостью еще разъ подумала: — «хозяинъ!»

Со спокойною ласкою смотрѣлъ Петрикъ въ глаза Валентины Петровны. Огонь страсти загорался гдѣ-то далеко въ самой глубинѣ его потемнѣвшихъ зрачковъ. Валентина Петровна вздрогнула, почуявъ этотъ огонь. Еще крѣпче оперлась она на сильную руку.

Выпашъ осталась далеко позади.

III.

Такъ началась новая жизнь Валентины Петровны на манчжурскомъ посту Ляохедзы въ казенной поставой квартирѣ командира Заамурской сотни.

Хозяинъ оказался хорошій. Милыми заботами, а, главное, полнымъ забвеніемъ прошлаго: — они никогда не поминали о ея первомъ замужествѣ, о Петербургской жизни — онъ и правда точно выкорчевывалъ выпаханное страданіями поле ея души.

Заботы какъ-то сразу навалились на нее. Ея мужъ, съ сотеннымъ подрядчикомъ китайцемъ — Александромъ Ивановичемъ — убралъ квартиру.

Но, развѣ онъ умѣлъ это сдѣлать!? Такъ все было плохо и безвкусно, казарменно пусто въ ихъ пяти комнатахъ! Она со своей постоянной горничной — почти подругой, Таней, все переставила по-своему. Не хватало мебели и бездѣлушекъ. Начались поѣздки въ Харбинъ и Куан-чен-дзы — надо же было и визиты сдѣлать женатымъ офицерамъ и кое-кому изъ инженеровъ, — началось знакомство съ «универсальными» магазинами Кунста и Альбертса, Чурина и Соловья и лавками китайскаго квартала и выписка изъ Шанхая мебели. Валентина Петровна съ азартомъ накинута на китайскія

и японскія шелковыя вышивки, на китайскій старый фарфоръ и японское клуазонне, на цыновки изъ рисовой соломѣ, издѣлія изъ рѣзного чернаго дерева, и, по началу, не замѣчая банальности обстановки, устраивалась такъ, какъ устраивались на Дальнемъ Востокѣ всѣ офицерскія жены.

Ея проводникомъ и совѣтникомъ былъ командиръ полка Петрика полковникъ Ржондпутовскій, старый манчжурецъ. За глаза всѣ звали его — Старый Ржондъ. Онъ любилъ всю эту китайщину. Ему извивающіеся золотые драконы, тканые по тяжелому шелку цвѣта индиго — были какъ родные. Онъ питалъ нѣжность къ лохматымъ хризантемамъ и стилизованнымъ розамъ изъ слоновой кости и перламутра. Китайскій черный лакъ казался ему верхомъ красоты. Валентина Петровна поддалась ему. Да, если нельзя было все выписать изъ Петербурга и Москвы, поневолѣ приходилось устраиваться на русско-китайскій ладъ.

Эти хлопоты, установка ея прекраснаго рояля фабрики Эрара, разборка нотъ, воспоминаніе когда-то играннаго заняли ея первые мѣсяцы на посту, и она какъ-то забыла и страшнаго бога полей и такъ поразившее ее выпаханное поле. Она туда не ходила. Наступала золотая Манчжурская осень. Съ юга везли виноградъ и бананы. Изъ Японіи доставляли мандарины, миканы и каки. Все это было ново. Китаецъ-бой былъ за повара. Она учила его готовить, какъ готовили у ея отца въ Захолустномъ Штабѣ. Она много ѣздила по вечерамъ верхомъ съ Петрикомъ. Ея собака - левретка - уипеть - Диди, какъ сумасшедшая носилась по полямъ. Лошади пряли ушами. Ихъ шагъ былъ мѣрнъ, колебанія тѣла мягки. Эти поѣздки напоминали ея прошлое увлеченіе и въ этомъ была сладость, не отравленная сознаніемъ грѣха.

Диди врывалась въ выпашь, — и Валентина Петровна скакала за нею на караковомъ Мазепѣ рядомъ съ Петрикомъ, забывая про страшный китайскій гробъ. Будяки рвали ея легкую амазонку. Лопухи цѣплялись за края юбки и оставляли на нихъ свои сѣрые липкіе катышки...

Не плоха была новая жизнь. Въ ней растворялась и исчезала прошлая, полная тяжелаго. На посту: она да

Таня — единственные женщины. Отсюда поклонение имъ всего мужского населенія казармы.

То явится въ болотныхъ сапогахъ, въ изорванномъ, измызанномъ охотничьемъ костюмѣ мѣднокрасный Ферфаксовъ и принесетъ на кухню убитую имъ дикую козу-джейрана. Валентина Петровна выйдетъ къ нему поблагодарить — и милъ и смѣшонъ ей громадный Факсъ. Сзади него стоитъ Берданъ — и въ коричневыхъ глазахъ Бердана и янтарныхъ Факса она читаетъ одинаковую преданность. И, едва сдерживая смѣхъ, Валентина Петровна думаетъ, что если бы Факсъ былъ собакой, онъ былъ бы такой, какъ Берданъ, и, если бы Бердана сдѣлать офицеромъ, — онъ былъ бы точь-въ-точь Факсъ. И это было пріятно. У нея — королевны — не переводились пажи!

То примчится со двора пунцовокрасная Таня и принесетъ громадные букеты невиданныхъ цвѣтовъ — громадныхъ лохматыхъ хризантемъ и пестрыхъ далій.

— Откуда, Таня?

— Похилко, барыня, — задыхаясь, говоритъ Таня, — унтеръ-офицеръ Похилко. Ну такой вальяжный кавалеръ!.. Говоритъ изъ Японіи достали. Матросъ съ миноносца привезъ. Землякъ ему. Это вамъ, барыня.

Общее поклоненіе радовало. Оно поднимало. Оно дѣлало чище и подтягивало. Надо было быть передъ обожателями всегда на высотѣ — отсюда надо было наряжаться и всегда быть интересной.

Валентина Петровна чувствовала, какъ все это усиливало страстную и нѣжную любовь мужа.

Какъ-то незамѣтно пришла беременность. Совсѣмъ некстати. Какъ это она не убереглась?! Не невинная дѣвчонка же!..

Однако, несла ее кротко. Даже съ нѣкоторой гордостью. Ждала сына. Родила въ Харбинѣ, въ клиникѣ, и очень легко, дѣвочку. Назвали въ честь матери Петрика — Анастасіей.

Опять были хлопоты и заботы. Въ этомъ краю воспитать ребенка! Но помогать ей бросились всѣ. Старый Ржондъ разрывался на части. Письма и телеграммы полетѣли по всему Китаю до Кантона и Нанкина!..

Наконецъ, изъ Тянь-Цзиня пріѣхала съ отличнѣйшими рекомендаціями няня-китайка Чао-ли, «Ама», какъ ихъ зовутъ на Дальнемъ Востока. Она училась въ англійской католической школѣ и прекрасно говорила по-англійски. Валентина Петровна сразу рѣшила, что она будетъ брать у нея уроки англійскаго языка. И Петрику тоже!..

Она посмотрѣла на китайку. Прелестна была Чао-ли. Ей было двадцать три года. На лобъ спускалась прямо подрѣзанная чолка блестящихъ черныхъ волосъ. Косые глаза блистали и свѣтились преданностью. Длинные шаравары, башмачки на маленькихъ, не уродованныхъ ножкахъ, расшитая кофта-курма, — точно въ модной пижамѣ отѣняли молодое, стройное тѣло. Петрику брать у нея уроки?.. Хорошо-ли?

Но она Петрику вѣрила.

Когда вернулась изъ Харбина на постъ — ея квартира стала женскимъ царствомъ. Рядомъ съ ихъ спальней — комната Насти и Чао-ли. Рядомъ съ ними Таня и Диди. Въ этихъ комнатахъ всегда смѣхъ. Таня учитъ Чао-ли по Русски, Чао-ли болтаетъ на русскомъ, англійскомъ и китайскомъ языкахъ. Даже маленькая Настя мало плакала.

И у всѣхъ преданность въ глазахъ. Точно ея поданные... У Чао-ли, какъ у Диди, у Тани, какъ у Чао-ли... Рабы?...

Валентина Петровна такое рабство оправдывала. Что было въ немъ худого? Всѣ были счастливы услужить своей госпожѣ. А не все ли равно быть счастливымъ свободнымъ, или зависимымъ. Дѣло въ счастіѣ, а не въ свободѣ.

И такъ прошло незамѣтно два года. Время не знаетъ остановки. Его поступь неизбѣжна. И тогда, когда жизнь на посту утряслась, потеряла новизну, — тогда стала Валентина Петровна замѣчать обратную сторону медали. Стала сознавать, какъ права была она, когда, гуляя по полямъ и глядя на причудливыя горы, сказала съ тоскою, что этотъ видъ ужасенъ, потому что онъ на многіе годы... на всю жизнь.

Тогда, осмотрѣвшись въ наладившейся жизни, она вдругъ сознала, что ея новая жизнь, ея положеніе «офицерской» жены и матери на этомъ далекомъ посту — просто.... тоже ужасно.... Тутъ, впрочемъ, было и другое. «Военная» барышня — она, оказалось, не знала, что такое военная жизнь.

IV.

Валентина Петровна родилась въ казармѣ, на Западной границѣ въ мѣстечкѣ Захолустный Штабъ.

Она воспитывалась въ Петербургѣ, въ Патріотическомъ институтѣ и ѣздила каждое лѣто къ отцу въ казарму Захолустнаго штаба. По окончаніи института она почти шесть лѣтъ прожила при родителяхъ, ожидая жениха. И ей казалось, что она военную жизнь отлично знала.

Даже времена года у нея различались и отмѣчались по полковому росписанію. Пришли новобранцы — и говорятъ: — «ну, вотъ и зима наступаетъ». Сталъ ея любимый папочка отлучаться, дѣлать смотры молодыхъ солдатъ, испытанія развѣдчиковъ, экзамены полковой учебной командѣ — значить: весна на носу. Лѣто дѣлилось на три части — періодъ эскадронныхъ ученій, періодъ полковыхъ ученій и общекавалерійскій сборъ — папочка съ полкомъ уходилъ недѣли на три изъ Захолустнаго Штаба. Маневры отмѣчали осень, а тамъ и опять: новобранцы — значить, зима!

И все это для Алечки было весело. По всякому случаю гремѣла музыка, пѣли пѣсенники и нерѣдко широкий большой «загулъ» въ собраніи сопровождался разсказами о томъ, кто, что сдѣлалъ. Лошадь вводили въ собраніе, и корнетъ Мазараки прыгалъ черезъ нее, какъ черезъ деревянную кобылу... Чего не дѣлали!.. Въ офицерскихъ собраніяхъ бывали балы, семейно-танцевальные вечера и любительскіе спектакли. Гарнизонъ былъ маленькій, — однако, все-таки пѣхотный полкъ, конная

батарея и папины уланы... И кругомъ были войска. Въ коляскѣ четверикомъ ѣздили въ гости къ гусарамъ, къ донцамъ, къ драгунамъ. Танцевали кадрили, вальсъ, мазурку, па-д-эспань, шаконь...

Алечка помнила и тревоги. Папа за обѣдомъ скажетъ: какъ бы сегодня тревоги не было? И Алечка бѣжитъ въ гарнизонный садъ и шепнетъ «по довѣрію» какому-нибудь другу-корнету, или кому-либо изъ своихъ «мушкетеровъ» — «папа сказалъ: — тревога будетъ».

И подь утро зарокочутъ красиво трубы, играя сигналъ «тревога» — и пяти минутъ не прошло — ихъ полкъ выстраивается на гарнизонномъ полѣ. Скачутъ эскадроны.

Алечка въ ночной рубашкѣ и темной кофтѣ, кутаясь въ Оренбургскій вязаный платокъ, прижавшись носикомъ къ стеклу окна, высматривала — чей эскадронъ будетъ первый. Послѣ тревоги бывало ученье, или маневръ на короткѣ и съ музыкой и пѣснями шли по домамъ.

И, когда въ институтѣ читала Алечка — «Ревизора» Гоголя, смѣялась: «музыка играетъ, штандартъ скачетъ». Она видала, какъ скакалъ штандартъ, слыхала бодрую полковую музыку.

Не трудной, не тяжелой, а веселой казалась ей военная служба. Маленькій гарнизонъ не страшилъ. Солдатъ она любила, какъ родныхъ, офицеры были — друзья. Съ такимъ представленіемъ о службѣ она приняла предложеніе Петрика и согласилась жить въ Ляохедзы.

И первый годъ, когда были частыя поѣздки въ Харбинъ, а потомъ роды и кормленіе ребенка — она ничего не замѣчала. Было иногда скучновато. Мало было офицеровъ — Кудумцевъ да Ферфаксовъ... Не слышно было о балахъ и семейныхъ вечерахъ, не готовили спектаклей, но все-таки было сносно.

Но, когда приѣхала съ Настей и амой и прочно, семейно, вселилась на постъ — тогда стала замѣчать, что въ службѣ ея мужа было нѣчто, чего она въ Захолустномъ Штабѣ не примѣчала. Такъ же, какъ и въ полку ея отца и тутъ приходили новобранцы, начиная зиму,

и тѣ же были ученья и тѣ же были команды. Но вдругъ, — то вся сотня, то одинъ, два взвода срывались и уходили на день, на два, на три въ горы.

«Гоняли хунхузовъ». — Это и была — служба.

Первый разъ когда такъ ушли, и ушелъ ея Петрикъ — она съ волненьемъ, но волненьемъ еще не страшнымъ: — «гонять хунхузовъ» — ей не казалось опаснымъ — ожидала мужа. И раньше, чѣмъ пришла сотня — пришли слухи. Богъ ихъ знаетъ, какъ, какимъ вѣтромъ долетѣли они до поста раньше сотни. Прибѣжала Таня, взволнованная, возбужденная и ликующая.

— Барыня, что я вамъ скажу... У нашихъ была перестрѣлка. Много Китая, сказываютъ, убили... И нашихъ двоихъ убитыхъ и одного раненаго везутъ.

— Да кто сказалъ?

— Александръ Ивановичъ, манза, провизію привезъ, такъ на кухнѣ сказывалъ. Таково-то страшно! Храни Богъ Петра Сергѣича - то! — но сама была — вся одинъ восторгъ.

Валентина Петровна сѣла у окна, откуда была видна дорога, уходящая въ горы. Подъ вечеръ показалась сотня. Она шла мирно и спокойно. Пѣли пѣсенники. Передъ ними ѣхали Петрикъ на Одалискѣ, Кудумцевъ на англотекинской Джеммѣ и Ферфаксовъ на большомъ гнѣдомъ, простоватомъ Магнитѣ. Сзади шелъ бѣлый строй монголокъ. Бунчукъ звенѣлъ бубенцами, блисталъ мѣднымъ уборомъ, развѣвался пестрыми мохрами и лентами. Все было благополучно. Совралъ Александръ Ивановичъ. Но, почему же у нея такъ сильно и неровно билось сердце? Она бѣжала въ прихожую и ждала Петрика на площадкѣ. Онъ — такой педантъ! — пошелъ раньше на конюшню — посмотрѣть какъ убираютъ лошадей. Внизу, гдѣ квартиры холостыхъ офицеровъ, стали слышны голоса. Это Кудумцевъ и Ферфаксовъ пришли. Эхо отдавало по пустой, каменной лѣстницѣ безъ ковровъ.

— Я тебѣ говорю, не менѣе шести ихъ свалили. Я одного славно положилъ, — сказалъ Кудумцевъ. — Самъ видѣлъ, какъ понесли! Будутъ знать.

— Ты думаешь, Лаврентьевъ выживетъ?

— Наврядъ-ли. Въ животъ. Ихъ пуля самъ знаешь какая! Изъ фальконета....

Они скрылись въ своей квартирѣ.

Валентина Петровна бросилась къ окну во дворъ. Александръ Ивановичъ совралъ. Убитыхъ нѣтъ. И раненый только одинъ — Лаврентьевъ. Длинные носилки качаются между двухъ лошадей, на нихъ накрытый съ головой шинелью солдатъ. Фельдшеръ ѣхалъ сзади.

Вотъ оно что значитъ: «гонять хунхузовъ!»

Они — убивали... «Шесть пронесли. Я самъ видѣлъ»...

Но... и Петрикъ могъ быть такъ же убить, или раненъ, какъ раненъ Лаврентьевъ!..

Совсѣмъ другая тутъ была служба. Тутъ убивали... И Петрикъ...

Но почему въ эту ночь ласки Петрика казались ей особенно сладкими и съ бурною страстью она отдавалась ему?

Или... между страстью и смертью есть что-то общее?.. И тотъ, кто дерзаетъ убивать, имѣетъ больше правъ на женщину?

Какая жуткая мысль!.. А въ животномъ мірѣ?
Драки... бои самцовъ?..

V.

Съ этого дня совсѣмъ иначе стала смотрѣть Валентина Петровна на все окружающее. Все приняло другую окраску. Все стало: страшнымъ.

Лаврентьевъ на другой день къ вечеру въ страшныхъ мукахъ умеръ. Его хоронили на постовомъ кладбищѣ. Какъ много было тамъ могилъ!.. И все: — «убить»... «скончался отъ ранъ»... «убить»!

Вотъ она: военная служба!

Въ день похоронъ вечеромъ Валентина Петровна и Петрикъ ѣздили кататься верхомъ. Она первый разъ была на Одалискѣ — и какъ этимъ гордилась! — онъ на Ма-

зепѣ. Отъ стройныхъ раинѣ на желѣзнодорожномъ переѣздѣ ложились длинныя синія тѣни. Листья карагачей и грушъ въ китайской деревушкѣ висѣли неподвижно. Вечеръ былъ тихій и жаркій. Безобразныя китайскія дѣти съ круглыми вздутыми животами красно-бронзоваго цвѣта съ грязевыми потеками бѣжали за ними, прося милостыню — «ченна мею!.. денегъ нѣтъ.... ченна мею»... Они были отвратительны, но ихъ было жалко.

Валентина Петровна обратила вниманіе на то, что Петрикъ былъ безъ оружія. Щегольской стикъ, — ея подарокъ — только и былъ у него въ рукѣ: «для стиля».

— Петрикъ, ты не боишься... такъ?.. безъ револьвера?

Онъ засмѣялся.

— Чего же мнѣ бояться! Я — русскій офицеръ.

— А хунхузы?..

— Хунхузы!.. Никогда они насъ тронуть не посмѣютъ.

— А... меня?.. Я такъ часто остаюсь одна.... А Настеньку?

Онъ продолжалъ смѣяться. Гордъ и полонъ задора былъ его смѣхъ.

— Насъ тронуть?... Не посмѣютъ никогда! За это имъ такое мои пограничники пропишутъ!..

— Но бывали же случаи... Мнѣ Александръ Ивановичъ говорилъ: дѣтей крали... хунхузы....

— Да... крали. Китайскихъ. Богатыхъ купезъ, чтобы выкупъ содрать. Тутъ, моя милая, безопаснѣе, чѣмъ въ любомъ Парижѣ.

И тронулъ по мягкой пыльной дорогѣ галопомъ. Они поскакали.

Но она не забыла этого разговора. Петрикъ ее не успокоилъ. Теперь она такъ ясно вспомнила страшную рожу бога полей и его выпученные глаза. Не зря онъ такой страшный. Она съ тревогой смотрѣла на лиловѣвшія горы и темные дѣса по ихъ скатамъ. Они таили опасность.

Къ скукѣ однообразнаго существованія прибавился страхъ. Она подѣлилась своими чувствами съ Ферфаксовымъ — онъ ей казался проще Кудумцева — и

Ферфаксовъ отнесся къ этому такъ же, какъ и Петрикъ.

— Помилуйте, командирша, — это же неслыханное дѣло, чтобы они на насъ напали. Я ихъ знаю.

И точно: онъ ихъ зналъ. Онъ съ Берданомъ и Похилко съ охотничьими ружьями исходили всѣ здѣшнія сопки, всѣ пади, онъ всѣхъ зналъ.

Даже Таня, и та посмѣялась.

— Да, что вы, барыня!.. Манзы и на Россійскую державу!.. Такъ, когда ихъ гонять — ну стрѣляютъ, конечно, а, чтобы на насъ напасть, — да, что вы, помилуйте... Мы Россійскіе....

Онъ продолжали гулять по дорогѣ вдоль полотна. Впереди ама съ колясочкой съ Настенькой, за ними Валентина Петровна съ Таней... и шагахъ въ двухстахъ денщикъ Григорій — безоружный.... Для чего?.. Не все ли равно... Если они не посмѣютъ напасть?..

Но страхъ не проходилъ. Теперь у нея явилось какое-то особое чутье. Она напередъ знала, когда будетъ тревога. Сердце болѣло и билось.

«Шестое, что ли чувство у тебя», смѣялся Петрикъ.

Шестое, или какое другое по счету это было чувство — это было все равно. Оно было мучительное и больное. Оно отравляло ей жизнь...

VI.

Валентина Петровна проснулась точно отъ какого-то внутренняго толчка. Сильно болѣло сердце. Она прислушалась. Въ ихъ спальнѣ была полная тишина. Петрикъ спалъ такъ тихо, что не было слышно его дыханія. Въ открытое окно со спущенными синими шелковыми китайскими занавѣсками, расшитыми шелками, доносилось непрерывное, мягкое, однообразное пѣніе лягушекъ. Будто правда тамъ, на недалекомъ болотѣ былъ лягушиный капельмейстеръ, управлявшій ихъ хоромъ. Все въ одной трепещущей нотѣ, то усиливаясь, то ослабѣвая, временами затихая, потомъ опять нарастая шель

этотъ непонятный концертъ. Онъ не умалялъ тишины ночи. Онъ ее подчеркивалъ. Въ немъ было жуткое, непонятное и мистическое. Кому? для кого? Зачѣмъ такъ пѣли лягушки и какая была магическая сила таинственности въ ихъ голосахъ. Онъ раздражалъ и усыпляющій однообразіемъ своихъ музыкальныхъ колебаній, онъ мѣшалъ заснуть. И страшно было безсиліе человѣка передъ нимъ — передъ лягушками! Его жуткость еще была въ томъ, что онъ звучалъ тогда, когда вся ночь молчала. Что хотѣли сказать лягушки? Какому богу онѣ пѣли свои гимны?!.. Богу полей?..

Валентина Петровна открыла глаза. Въ комнатѣ былъ полумракъ. Въ углу, у большого Лика Казанской Божіей Матери въ зеленомъ стеклѣ лампы недвижно стояло маленькое пламя. Оно бросало мертвенный зеленый свѣтъ на икону, на полъ и на стулъ, гдѣ аккуратно, по школьному, было сложено платье и бѣлье Петрика. Углы комнаты тонули во мракѣ.

Глаза постепенно привыкали къ полусвѣту. На постели, стоявшей рядомъ, спалъ Петрикъ. Валентина Петровна приподнялась, сѣла и нагнулась къ нему.

«Ты спишь», — думала она. — «Ты ничего не чувствуешь? А какъ мнѣ страшно!.. Какъ мнѣ больно!.. Ты сильный... Пойди и прогони лягушекъ»..

Но, какъ только подумала объ этомъ — испугалась. Тогда будетъ — полная тишина — и это будетъ еще страшнѣе!

Петрикъ лежалъ на боку. Онъ такъ быстро и крѣпко сразу заснулъ, что его вьющіеся на концахъ волосы, разобранные на проборъ, не были смяты. На его лицѣ была сладость покоя. Онъ ходилъ вчера съ сотней на боевую стрѣльбу, куда то далеко, вернулся поздно, провѣрялъ вѣдомости и не рано легъ спать.

Онъ не слышалъ ея мыслей, и безпокойство ея ему не передавалось.

Въ сосѣдней комнатѣ вдругъ заплакала Настя. Было слышно, какъ встала ама, ходила по комнатѣ, шаркая туфлями, и шипѣла на ребенка. Валентина Петровна накинула китайскій шелковый халатъ, вдѣла на ноги туфли и скользнула къ дѣвочкѣ.

Есть что-то жалкое и беспомощное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшное въ плачущемъ ребенкѣ.

Маленькій лобъ сжался въ розовыхъ, кривыхъ морщинахъ. Что предвѣщали эти морщины? Какія заботы, какія молчаливыя, невысказанныя мысли ихъ проложили по нѣжной атласной кожѣ? Глазъ не стало видно. Все лицо сморщилось. И страшенъ былъ булькающій, захлебывающійся плачь. О чемъ?

— Ма-а... Ма-а... неслоь по спальнѣ. — Ши-ши, — шипѣла, топчась въ мягкихъ туфляхъ, Чао-ли. Ночникъ въ тазу съ водою бросалъ вверхъ, къ потолку уродливыя тѣни. И звуки, и тѣни, и то, что нельзя было узнать, нельзя догадаться о чемъ плачетъ ребенокъ, и то, что его няня была китаянка, съ чужою душою, — да съ душою-ли? вонъ Похилко на кухнѣ утверждалъ, что у китаецевъ не душа, а паръ, — и ея странный черный нарядъ — панталоны и курма, и прическа съ серебряными стрѣлами въ волосахъ, отражавшимися на тѣни, какъ рога — все это было страшно. Нагоняло тоску.

Она взяла ребенка. Онъ сразу затихъ и въ узкомъ прорѣзѣ розовыхъ вѣкъ чуть блеснула зеленая глубина заплаканныхъ глазъ.

«Что ждетъ его? Въ этомъ краю?»

И вдругъ какимъ-то длиннымъ свиткомъ развернулась будущая жизнь. Эта малютка тянула ихъ изъ глуши. Ее надо будетъ учить? Воспитывать? Школа, учителя, Гимназія.... Какіе таланты у нея будутъ?

«Кѣмъ?.. Какою ты будешь?» — мысленно спрашивала Валентина Петровна, качая ребенка на рукахъ. Все показалось ей теперь значительнымъ. «Да вотъ... да, конечно, жить для нея! Ее воспитать и научить.. не ошибаться». — Точно въ темной ночи показался просвѣтъ.

Ребенокъ заснулъ. Валентина Петровна съ амой уложила его въ постельку. Ама легла на свой диванъ. Валентина Петровна прошла въ спальню и нарочно громко притворила дверь.

— Ши, ши... зашипѣла на нее китаянка.

Петрикъ все такъ же тихо лежалъ. Ни ея тревога и бессонница, ни плачь ребенка никакъ и ничѣмъ не встревожили его души. Онъ не пошевелинулся. Ей стало до-

сдно. Она подошла къ окну и распахнула тяжелыя шелковыя занавѣси.

Отъ полей потянуло жаркимъ ночнымъ воздухомъ. Запахъ цвѣтущаго мака, гаоляна и чумизы, прѣсный запахъ бобовъ и терпкій запахъ ладана — «экзотическій» запахъ широкой долины — вошелъ въ комнату. Слышнѣе сталъ лягушиный концертъ. Онъ могъ съ ума свести. Луна свѣтила надъ полями. Все было въ ея серебряномъ свѣтѣ. Черныя тѣни были коротки. Горы рѣзко чеканились на темносиней парчѣ неба и казались дикими и страшными. Онѣ жили. Въ тѣхъ горахъ были хунхузы. Это туда ходили ихъ гонять, и тамъ были... убитые!

Страхъ сталъ нарастать въ сердцѣ Валентины Петровны. Страшный мистическій ужасъ передъ постоянной неизбѣжностью смерти. Смерть была кругомъ. Смерть была вездѣ и смерть сторожила изъ-за горъ ихъ всѣхъ: ее, Петрика, Настю. Здѣсь ея было царство.

Теперь она уже знала навѣрно, что это случится сегодня ночью... «Шестое чувство» ей это сказало. Уйти отъ этого было нельзя. Петрикъ могъ бы ее успокоить, но онъ спалъ. Его не трогала ея тревога.

Она задернула занавѣси. Такъ менѣе былъ слышенъ лягушиный концертъ болотнаго капельмейстера, и не раздражалъ запахъ полей. Она сѣла въ креслѣ у другого окна. Комната была угловая и это окно выходило во дворъ казармы. Въ щелку между занавѣсей она заглянула во дворъ. Онъ былъ закрытъ черной тѣнью казармы. На крыльцѣ тусклымъ желтымъ пятномъ горѣлъ фонарь.

И было тихо.

Она ждала. И такъ еще прошли долгія минуты. Ей показалось: часы. Она начала задремывать. Вдругъ внизу хлопнула дверь и кто-то пробѣжалъ по двору. Эти звуки едва донеслись до нея. Только настороженное ухо Валентины Петровны уловило ихъ. Она покосилась на Петрика. Онъ уже сидѣлъ на постели, спиной къ ней. Ея любовь, ея тоска, надрывный плачъ ребенка не могли разбудить его. Его разбудило — чувство долга. Въ казармѣ что-то случилось. Онъ не посмотрѣлъ на постель своей

жены, не увидѣлъ, что она брошена и одѣяло спустилось къ полу. Онъ напрягалъ свое вниманіе на казарменный дворъ.

И тогда въ душу Валентины Петровны вошла ревность. Тѣмъ болѣе страшная ревность, что она была къ чему-то особенному, съ чѣмъ нельзя бороться и что носило имя: служба!

— Петрикъ, — негромко окликнула она мужа.

Онъ повернулъ голову.

— Почему ты не спишь? Тебѣ нездоровится?

Она хотѣла отвѣтить. Онъ перебилъ ее.

—Постой... Сюда кто-то идетъ. По нашей лѣстницѣ.

Громкаго плача ребенка онъ не слышалъ и имъ не былъ обезпокоенъ, а чуть слышные шаги по лѣстницѣ ихъ флигеля сейчасъ же услышалъ.

Она готова была плакать.

Негромко, по ночному брякнулъ колокольчикъ. Раздались шаги босыхъ ногъ по столовой. Денщикъ пошелъ отворять.

Она не ошиблась. Вотъ и пришло то, что унесетъ ихъ всѣхъ: ея Диди, Настю, Петрика, ее саму. Хунхузы!

— Григорій, что тамъ? — спокойно спросилъ Петрикъ.

— Господинъ вахмистръ просятъ васъ на телефонъ.

— Сейчасъ.

Петрикъ уже былъ въ рейтузахъ и сапогахъ. Онъ надѣлъ старую шинель, какъ халатъ. Валентина Петровна всегда удивлялась, какъ скоро онъ умѣлъ въ такихъ случаяхъ одѣваться.

— Ты не безпокойся, Солнышко, я сейчасъ.

Онъ не поцѣловалъ ее, не посмотрѣлъ на нее и вышелъ. Теперь — она было ничто для него. Имъ владѣла — служба.

Валентина Петровна зажгла лампу. Прибрала волосы, умылась, смѣнила китайскій халатъ наряднымъ японскимъ «кимоно» и повязалась широкимъ поясомъ «оби». Она выйдетъ провожать. Ее никто не долженъ видѣть не принаряженной.

Она знала — шестое чувство ее не обманетъ — будетъ тревога. Экспедиція — «гонять хунхузовъ!» — Будутъ убитые и раненые.... Когда нѣтъ войны!.. Въ 20-мъ вѣкѣ!...

Она прислушивалась, ожидая. И дождалась.

Въ тишину ночи, съ ея каденцами лягушинаго хора, разрывая ее и точно срывая ея покровы, ворвались рѣзкіе, хриплые звуки непродутой трубы.

— «Трубить труба, вызываетъ,
Торопитъ въ бой бойца»...

Она подошла къ окну во дворъ и распахнула его. Безъ криковъ — онъ былъ шуменъ. Бѣжали люди, на бѣгу запрокидывая за плечи винтовки. Кто-то уронилъ ружье и рѣзокъ и досаденъ былъ стукъ упавшей на камни винтовки. На конюшнѣ топотали разбуженныя лошади. Посреди двора стоялъ трубачъ и, задравъ трубу кверху, доигрывалъ:

— «Оружье оправь, коня осмотри..
Тихо стой и приказа жди»...

Эти звуки трубы точно на части рвали сердце Валентины Петровны...

VII.

Къ завтраку, на дрезинѣ, съ сосѣдней станціи Шаньда-о-хедзы, гдѣ былъ штабъ полка, пріѣхалъ полковникъ Ржондпутовскій. Онъ считалъ своимъ долгомъ пріѣзжать утѣшать Валентину Петровну, когда она оставалась одна и волновалась за мужа.

Старый Ржондъ служилъ еще въ вольнонаемной «охранной» стражѣ, составленной изъ казаковъ, командовалъ въ тѣ времена Кубанской сотней, и теперь — девятый годъ, однако! — «донашивалъ» нарядную кавказскую черкесску.

Невысокаго роста, ладный, статный, — его и годы не брали — онъ молодецкато носилъ сѣраго курпья папаху съ алымъ верхомъ, расшитымъ тонкимъ золотымъ кавказскимъ галуномъ, — бѣлый въ голубую полосу — пикейный бешметъ и черную черкеску съ слоновой кости въ золотой рѣзбѣ гозырями. Кинжалъ и шашка — подарокъ его казаковъ — были въ стилѣ съ гозырями выложены слоновою костью въ тонкой азіатской золотой насѣчкѣ. Русые волосы, пробитые сѣдиной, вились изъ-подъ папахи, мягкіе усы и округлая борода въ мелкихъ кольчикахъ не старили его свѣжее лицо. Точно шляхтичъ изъ романа Сенкевича, подлинно — «Старый Ржондъ» въ кавказской черкескѣ стоялъ въ прихожей и выговаривалъ денщику Григорію.

— Ты, братъ, папаху такъ, грибомъ, никогда не ставь. Это только донцы такъ ставятъ. Отъ этого она пузырится. Ее надо либо плоско положить на столъ, — онъ легко шмякнуетъ папаху на столъ, такъ, что она плоско легла, — либо на особый крючокъ повѣсить. Вотъ какъ по-кавказски!

Старый Ржондъ гордился знаніемъ кавказскихъ обычаевъ и своею прикосновенностью къ кубанскимъ казакамъ.

Въ нарядномъ кимоно съ широкимъ бантомъ «оби» на спинѣ, въ которомъ Валентина Петровна провожала сотню мужа, — она вышла къ гостю.

Старый Ржондъ со вкусомъ поцѣловалъ ея свѣжую, надушенную руку.

— Ну, какъ, милая барынька?.. Напугались этою ночью... Ничего не попишешь!.. Такова наша служба. Скачи враже, якъ панъ каже. Что Настенька?

— Пожалуйте къ ней. Она кушаетъ.

Диди прыгала на Старога Ржонда и коготками царапала его черкеску.

— Что тамъ случилось?

— На Шадринскую заимку напали хунхузы.. Прибѣжалъ оттуда тяжело раненый манза-рабочій. Толкомъ ничего не сказалъ, и умеръ... Руки у него отпилены.

— Руки отпилены? — съ ужасомъ повторила Валентина Петровна.

— Да... Такъ, какъ бѣжалъ, кровью истекъ. Толка добиться нельзя было. Да Шадринъ скоро не сдается. Темный человѣкъ, однако.

Настенька мирно кушала манную кашку. Жестянка молока Нестле стояла на столѣ. Дѣтская была залита солнечными лучами. Чао-ли въ своемъ китайскомъ нарядѣ что-то ворковала по-английски Настѣ. Такой миръ былъ въ этой комнатѣ, подлѣ ребенка, что странно было слушать, что гдѣ-то, и не такъ далеко, отпилили руку живому манзѣ и какой-то Шадринъ «едва-ли не бѣглый варнакъ» отбивался онъ напавшихъ на него хунгузовъ.

— Въ общемъ странное дѣло, — сказалъ Старый Ржондъ. — Вотъ уже никогда бы не допустилъ и мысли, что кто-нибудь тронетъ старика Шадрина. Онъ самъ любого тронетъ.

— Вы всѣхъ здѣсь знаете, — сказала Валентина Петровна.

— Да, болѣе или менѣе. Съ 1896-го года, съ самага учрежденія здѣсь стражи и по сей день безсмѣнно. И въ отпуску-то былъ только разъ. Жену повидалъ, да дочь въ гимназію сдалъ.

— Я люблю слушать, какъ вы рассказываете о былой жизни въ здѣшнемъ краю, — сказала Валентина Петровна, приглашая Старого Ржонда къ завтраку.

— Да, есть что и поразсказать. Тутъ, барынька, жизнь была!.. Теперь, настроили вамъ каменные хоромы, водопроводы провели, все грозятся и электричество дать, а, ей-Богу, какъ посмотрю: жизнь хуже стала. Скущнѣе. Нѣтъ прежнихъ ея красокъ.

Они сѣли за столъ, накрытый на два прибора.

— Это, барынька, все пережить было надо. Эту Россійскую властную поступь въ новые края! Ермакъ, Дежневъ, Колгуевъ, Полушкинъ — ну и мы — охранныя стража Восточно-Китайской дороги! Съ металлическими драконами на желтымъ обшитыхъ петлицахъ и въ коричневыхъ мундирахъ, что твои Ахтырскіе гусары, или въ черкескахъ. Пріѣзжаю... Моя сотня недалеко отъ станціи Джелантунъ тогда стояла, это въ Сѣверной Манчжуріи... оглядѣлся. Съ визитами по сосѣдямъ по-

ѣхаль. Все, барыня, верхомъ. Желѣзную дорогу только прокладывали. Инженеры Бочаровъ и Рыжовъ Хинганскія горы долбили, а временно тупиками взбирались — такъ о вагонахъ-то еще и не мечтали. Рядомъ со мною — «женатый» постъ. Ротмистръ Кошляковъ стоитъ съ оренбургскою сотней. Жена Петербургская. Да чуть-ли еще не графиня какая, или княгиня! Вижу — степь кругомъ. А уже зима надвигалась. Гололедка была. Снѣжкомъ пурга припорошивала. Камыши сѣрые сухо, по зимнему, шумѣли. Кучи землянокъ и, какъ водится, часовой у денежнаго ящика. — «Гей, хлопцы, гдѣ сотенный?» — Показываютъ. Землянка — на полтора аршина подъ землей. У крыльца земляныя ступени вглубь, подъ землю — ступеней десять, циновкой рисовой покрыты. Изъ трубы дымокъ вьется. Соломенной, кизечной гарью пахнетъ. На крыльцѣ денщикъ въ разстегнутомъ полушубкѣ голенищемъ серебряный самоваръ раздуваетъ. — «Командиръ дома?, барыня дома?» — «Однако, пожалуйста». — У нихъ все — «однако».. — «Пойди, доложи»... Карточку послалъ. Просятъ. Спустился — ну.. и... чисто арабскія сказки какія! Вся землянка — и полъ и стѣны — коврами восточными убрана. Лампы висятъ и стоятъ на столахъ. Тахты.... стулики.... Многогранные этакіе столики перламутромъ выложенные и піанино. Отъ него ко мнѣ поднялась этакая.. персидская что-ли? княжна, какая! Модное черное платье. Камни въ броши блестятъ. Въ браслетахъ. — «Очень рада, — говоритъ, — познакомиться. Мужъ сейчасъ выйдетъ. У него вахмистръ. Мы, кажется, съ вами сосѣди»... Понимаете, барынька, контрасты то эти Манчжурскіе! Землянка... Степь подъ гололедкой. Пурга задуваетъ. Хмурья, низкія, безотрадныя, голыя сопки вдали. Денщикъ съ голенищемъ и... барыня, да какая... Пришелъ мужъ. Появилось шампанское. Мы его, какъ воду, тогда лакали. Два съ полтиной бутылка — безъ пошлыны. Истинный Богъ!.. А потомъ изъ-подъ тонкихъ пальчиковъ, вотъ, какъ ваши, брызнуло піанино, разсыпалось звуками. Она запѣла. И Глинка, и Чайковскій, и Даргомыжскій, и Бородинъ, и Гречаниновъ — это на глухомъ-то посту, подъ городомъ Цицикаромъ! Да,

жизнь была! Барыня мнѣ рассказывала — какъ въ Цицикарѣ ѣхать — казачью черкеску надѣвала. Нельзя иначе. Въ дамскомъ поѣхала — китайцы прохода не дали. Затолкали, затрогали. Едва пограничники нагайками разогнали...

Старый Ржондъ со вкусомъ обсасывалъ косточки домашней утки. У себя, на холостомъ положеніи, онъ такъ не ѣдалъ.

— А славно сталъ готовить бойка у васъ. Кто его учитъ?

— Да я же. По Молоховцу.. Скажите, Максимъ Станиславовичъ, еще кого семейныхъ тогда вы видѣли, и какъ они жили?

— Много видалъ... Южниѣ меня, это уже за Фулярдами будетъ, Донская стояла сотня — и тамъ есаулъ Рожневъ. Такъ казаки его себѣ цѣлый хуторъ поставили, а у сотеннаго домикъ — изба съ мезониномъ. Чинно такъ. На обрывѣ надъ рѣчкою домикъ. Окошки на западъ. Когда солнышко садится — ну, чистый пожаръ! И кругомъ степь, степь — безъ конца и края. Жена есаула — изъ Новочеркасска, красивая и такая, знаете.... уютная. Дѣтей двое. Весною пойдутъ, по степи тюльпаны собираютъ, Донъ вспоминаютъ. Мужъ охотничалъ. Борзыхъ собачекъ держалъ. Вотъ и жили — одно жаль — кое-кто соблазнился. Понаѣхали инженеры, подрядчики. Тому карьеръ песку для дороги надо, этому муловъ — гужевой транспортъ устраивать, другому кули — рабочихъ — проценты хорошіе, все золотомъ... Ну и захватило... Гони монету! Стали мало мало и офицеры «конхойденъ» — работать... Нехорошо! Онъ и сотней командуетъ, онъ и подряды ставитъ. Все достанетъ... Гдѣ добромъ, гдѣ и нагайкой погрозить... А тутъ еще пришла къ намъ игра азартная. Да — какая! Сотнями тысячъ швырялись.... Сутками изъ-за стола не вставали.. Новый край... Дикій... и шумный.... И какъ очищающая воздухъ гроза налетѣло боксерское возстаніе. «Большими кулаками» ихъ тогда называли. Началось оно далеко въ Китаѣ и грозой-бурей понеслось по желѣзной дорогѣ. Паровозы сбивали подъ откосъ, жгли станціи, разметывали едва проложенный путь. Насъ —

горсть. Сюда прискачемъ, расправу учинимъ — за спиною все пожгли. Молодцами показали себя казаки! Что за войско! Десятокъ — сотни боксеровъ въ шашки бралъ. А рубили! Отъ плеча до бедра! А тамъ пошли намъ на помощь войска. Съ налета, чисто какъ въ сказкѣ тигръ-генераль — «ламайза дзянь-дзюнь» Ренненкампфъ и съ нимъ Павловъ захватили Гиринъ. Навели порядокъ. Орловъ шелъ къ Мукдену. Мищенко работалъ на южной вѣткѣ, генералы Линевичь и Анисимовъ со стрѣлками изъ Уссурийскаго края пошли къ Пекину. Помните международный тогда отрядъ былъ составленъ. Нѣмецкій генераль графъ Вальдерзее имъ командовалъ. Прямо какъ въ опереткѣ — итальянцы, нѣмцы, испанцы и англичане, словомъ, весь міръ!.. Испанцевъ, кажется, впрочемъ, тамъ не было. Вотъ когда сравнить себя могли, цѣну себѣ поставить... Лучше всѣхъ оказались японцы и мы.

— Японцы и мы, — повторила Валентина Петровна.

— Что жъ, барынька, правду надо сказать, — хороши были солдаты. Особенно пѣхота! Вотъ, когда мы защитный цвѣтъ въ первый разъ увидали!.. Они въ хаки, такъ эта матерія прозывалась, а наши стрѣлки въ бѣлыхъ рубахахъ — по-Скобелевски! Однако, въ Пекинскія ворота — первыми... — Линевичь съ Анисимовымъ — 1-й Его Величества Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ! — А потомъ пошло по-старому. Только насъ за громкіе наши подвиги приказали замѣнить Пограничною стражею, на общихъ основаніяхъ. Стало безъ казаковъ скучновато. Пѣсни не тѣ — и не та жизнь. Размаху не стало...

— Разрѣшите, — вынувъ портъ-сигаръ, спросилъ Старый Ржондъ. — Знаю, благовѣрный вашъ не курить, такъ вамъ, можетъ быть, непріятно.

— Ахъ, пожалуйста... А вы, Максимъ Станиславовичь не соблазнились... подрядами... деньгами?

— Я — Старый Ржондъ не удивился и не обидѣлся на этотъ вопросъ. Онъ былъ естественъ. — Я? — нѣтъ. Правда, я пошелъ сюда служить за деньгами. Родилась дочь — надо воспитывать — тутъ сотенному пятьсотъ

монетъ въ мѣсяцъ платили — ну ради жены, да Анельки и продался... А, деньги — я не люблю деньги. Такъ играть... игрывалъ. Зачѣмъ обижать людей?!

— Вы, какъ мой мужъ. Онъ говоритъ, что деньги не власть человѣку даютъ, а дѣлаютъ человѣка своимъ рабомъ.

— Что жъ?.. Можетъ быть, — и вѣрно. Я не философъ... Счастья во всякомъ случаѣ деньги не даютъ.... Но, признаюсь, и меня завлекла эта могучая поступь Россіи. Что англичане? Какіе они колонисты по сравненію съ нами? Мальчишки... Щенки... Посмотрѣли бы на насъ тогда. Шире дорогу! — Россія идетъ!..

VIII.

По приглашенію Валентины Петровны Старый Ржондъ перешелъ въ гостинную. Туда Таня подала кофе и коньякъ. У Старого Ржонда глаза блестѣли отъ воспоминаній.

— Послушайте, милая барынька.. Я вамъ не надо-
бль?

— Помилуйте... Я съ такимъ наслажденіемъ васъ слушаю.

— Да... я люблю это золотое прошлое, не затемненное пораженьями Японской войны... Минувшее проходитъ предо мною... Откуда это?.. Изъ «Бориса Годунова» Пушкина, что ли?... Давно- ль оно неслось событій полно, волнуясь, какъ море-океанъ... Теперь оно безмолвно и спокойно... Если не перевралъ, кадетикомъ еще училъ. Давно это было.... Возьмите — Харбинъ. Какой городъ теперь!... Отъ Харбина до Сунгари — сплошные дома, четырехъ-пятиэтажные, электричество, трамвай, мостовыя, водопроводъ, театръ, соборъ, какіе магазины. Все — Русскій геній!.. Американскій размахъ.... А какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ тому назадъ — полуземлянка станція — это Харбинъ. Четыре версты пустыни до Сунгари и тамъ горсть хижинъ! На па-

роходъ по жердочкамъ взбирались... Помню: стояло въ Харбинѣ длинное низкое зданіе — сарай съ большими казеннаго образца окнами. Какъ передъ глазами вижу — гостинница Гамартели. Въ ней узкіе номеришки на манеръ арестантскихъ камеръ. Некрашенные, щелявые полы, низкія желѣзныя постели и вонючіе умывальники. Тамъ и праздники справляли, тамъ и женились и свиданья назначали и по начальству являлись. Низкій залъ... бывало когда тамъ трубачи играть начнутъ — такъ уши потомъ болятъ. Противъ станціи — лѣса поставлены — возводится громадное зданіе Управленія дороги. Приличный — но въ одинъ этажъ — былъ домъ, гдѣ помѣстился Чуринъ со своими бакалейными товарами. Вотъ вамъ и весь Харбинъ! Конечно, — Японская война, когда онъ сталъ тыломъ армій, засыпала его золотомъ... Но все-таки... развѣ это не геній? Такое строительство? Такой — повторяю — американскій размахъ. Вѣдь, барынька, мы прямо таки перли къ Великому Океану, мы шли въ объятія Америки.. Вотъ когда — и это уже само собою вышло — о штатахъ заговорили, о Сибирской автономіи.

— А, какъ вы думаете, — медленно слово за словомъ, въ какомъ-то раздумьи, устремивъ прекрасные сѣро-зеленые глаза вдаль, сказала Валентина Петровна. — Вотъ этимъ-то.. Размахомъ американскимъ.. Не выпаживали мы тогда народное поле.. Не форсировали того, что народъ можетъ дать. Не истощали народныхъ силы?

— Возможно, что и да... Двѣ войны — Русско-Китайская и Русско - Японская, революція 1905-го года... Да... это.. знаете. Не всякій народъ безнаказанно снесетъ. Ну, теперь отдохнемъ... Оправимся. Все лучше и лучше у насъ идетъ.

— Да... А эта игра?... азартная?... Я слыхала..

— Вотъ кстати... Я къ вамъ, между прочимъ, изъ за нея... вѣрнѣе — по поводу ея и пріѣхалъ.

— Хотите, чтобы я играла? — улыбнулась Валентина Петровна.

— Ну, нѣтъ.. Зачѣмъ? Предоставьте это Викуленской — оѣ на заднихъ лапкахъ... Но... видите, — Ста-

рый Ржондъ смутился, — видите.... Я передаю вамъ приглашеніе Замятиныхъ на обѣдъ и вечеръ 19-го іюля... Вы два раза отказали. Люди обижаются.

— Я была больна.

— Милая барынька.... Вы на другой день были у Банановой.

Валентина Петровна смутилась. Это была правда. Она не была больна, но Петрикъ отказался ѣхать къ богатому инженеру, у котораго — онъ зналъ — шла большая игра.

— Здѣсь, барынька, насчетъ сплетенъ — первое мѣсто. Грань-при. Все извѣстно. И то, что было и то, чего не было. Матильда Германовна и Борисъ Николаевичъ очень хотятъ васъ видѣть. Отказывать нельзя. Они нужные люди.

— Для Петрика это ничто. У него люди не раздѣляются на нужныхъ и не нужныхъ, но на хорошихъ и худыхъ.

— Тэ-эксь... Допустимъ, что у него есть къ тому и опытъ и знаніе.

— Не сердитесь, Максимъ Станиславовичъ. — Валентина Петровна рукою коснулась рукава черкески Старого Ржонда. — У моего мужа есть свои слабости. Его надо принимать такимъ, каковъ онъ есть.

— У кого нѣтъ слабостей, барынька... Но — Замятины не только нужные люди — они прекрасные, отзывчивые люди. И почему вашъ благовѣрный такъ чурается ихъ?

— Извольте. Отвѣчу съ полною откровенностью. Вы меня только не выдавайте. Мужъ говорить — когда я былъ холостъ — меня не звали.

— Это такъ естественно.

— Постойте... Онъ говорить — Банановыхъ не зовутъ.

— Ну ужъ!... Банановъ прекрасный сотенный командиръ... но, вы понимаете... Вѣра Сергѣевна...

— Нѣтъ... ни я, ни особенно мой мужъ этого не понимаемъ. Для него, разъ такой же ротмистръ, какъ и онъ — значитъ — права одинаковы.

— Но, милая барынька...

— Послушайте, Максимъ Станиславовичъ, — щеки Валентины Петровны горѣли, глаза блистали, — мой мужъ не хочетъ играть.

— А ему надо пойдти и поиграть. «Бѣлая ворона» говорятъ про него. «Гордый». Эхъ, милая барынька, у насъ — пошлость простять, подлость простять, глупости — прямо рады, но гордости не простять. Жить особнякомъ, отъ всѣхъ отгородившись, нельзя. Касты военной теперь нѣтъ. То и дѣло у насъ и офицеровъ выбираютъ, то въ гласные городской думы, то еще куда по благотворительности. Идетъ сліянiе — и это такъ хорошо. Замятины люди, много разъ вамъ помогавшіе — вспомните: — то служебный вагонъ вамъ дадутъ, когда вы большая ѣхали въ Харбинъ, — то поѣздъ на станціи для васъ останавливать, то посылку перешлютъ — отказать имъ въ пустякѣ неблагодарно и нехорошо. Вы такъ и скажите вашему благовѣрному. Вы должны поѣхать! Мало того — пусть и играть сядетъ Петръ Сергѣевичъ. Всѣ люди, всѣ человѣки. Всѣ играютъ — вотъ и я такой, какъ всѣ. Играю... У всякаго свои слабости. Ну и пусть и благовѣрный вашъ — вотъ такъ возьметъ и сядетъ, и карту спроситъ. Не маленький. Этимъ онъ покажетъ, что не зазнается. Люди, барынька, злы. Два раза сошло, а потомъ мстить начнутъ — житья не станетъ. Что хорошаго?

Валентина Петровна сдавалась. По существу — она ничего не имѣла противъ обязательнаго, румянаго въ русой бородкѣ — совсѣмъ купчикъ-голубчикъ — инженера Замятина, ни противъ его всегда нарядной, богато одѣтой, очень видной жены, едва ли не еврейки.

— Но, говорятъ... они не вѣнчаны, — робко сказала она, выставя послѣдній доводъ.

— Ахъ, милая барынька! Кто тутъ на это смотреть? Сюда многіе затѣмъ и ѣхали, чтобы жить съ невѣнчанными женами...

Валентина Петровна поняла, что этотъ доводъ былъ не совсѣмъ удаченъ. Она смутилась.

— Ну, хорошо, — сказала она. — Я уговорю моего мужа. И мы поѣдемъ... Что жъ... Если нельзя быть бѣлой вороной!.. А, какъ хорошо бы это было!

— Нельзя и нельзя, милая барынька.. Бѣлую ворону заклюютъ черныя вороны. Надо съ людьми жить и жить, какъ всѣ люди... Не согрѣшивши, не проживешь... Святѣмъ на землѣ не мѣсто. Такъ я передамъ о вашемъ согласіи.

— Нѣтъ, вы погодите..

— Что думать, да годить. Я на васъ полагаюсь. Что вы скажете, то и будетъ. Ночная кукушка всѣхъ перекукуетъ.

— Вы думаете..., — протянула Валентина Петровна. Много грусти было въ ея голосъ. Но она не хотѣла признаться чужому человѣку, не могла рассказать ему о томъ, что пережила она, и что передумала сегодняшней ночью. Какъ скажетъ она Старому Ржонду, что между нею и ея Петромъ Сергѣвичемъ стоитъ каменная стѣна и за этой каменной стѣной — ея соперница — служба? И если Петръ Сергѣвичъ скажетъ, что для службы знакомство съ Замятиными вредно, — никогда она его не переубѣдитъ.

«Ночная кукушка»..., подумала она. «Пошлая и неправильная поговорка по отношенію къ женѣ. Кукушка гнѣзда не вьетъ — кукушка пользуется чужимъ гнѣздомъ, а она такъ хочетъ свить свое прочное, теплое гнѣздышко. И, если Замятины этому мѣшаютъ, — Богъ съ ними и съ Замятиными».

Но она все-таки общала «сдѣлать все возможное и невозможное», чтобы уговорить Петрика поѣхать къ Замятинымъ.

IX.

Когда Валентина Петровна провожала Старого Ржонда, она замѣтила, какъ вдругъ потемнѣлъ ясный лѣтній день.

«А вѣдь гроза будетъ», — подумала она. Ея сердце сжалось тоскою за мужа. Она знала, что такое неистовая, тропическія Манчжурскія грозы.

Изъ раскрытаго настежь окна шла знойная, душная теплота. Мухи — этотъ бичъ Валентины Петровны, толклись въ комнатѣ. Онѣ цѣлыми роями врывались въ нее. И не было отъ нихъ спасенія. Нѣчто страшное, темнобурою стѣною встало за горами и быстро затягивало небо. Горы казались тяжелыми и мрачными. Отъ нихъ и отъ тучъ по полямъ бѣжала черная тѣнь. Еще солнце не было закрыто тучами, но какая-то хмарь носилась въ воздухѣ и отъ того точно не свѣтило солнце, но лишь висѣло кровавымъ шаромъ. На него можно было смотреть.

Безгромныя, таинственныя молніи вспыхивали и играли за горами. Кругомъ казармъ напряженнѣйшая стала тишина. Ни одинъ листъ не шелестѣлъ на деревьяхъ. Прямо стояли травы и стебли гаюляна не колебались здѣсь. А за недалекою рѣкою какіе-то вихри налетали полосами, вдругъ нагибали хлѣба и поля волновались, какъ море. Зеленая чумиза никла въ землѣ... Большая, корявая развѣсистая груша трепетала тамъ всѣми своими листьями.

Было жутко это приближеніе несущейся отъ горъ грозы. Внизу, на квартирѣ Ферфаксова вылъ Берданъ.

Ди-ди, лежавшая на креслѣ подлѣ окна, съ ворчаньемъ положила голову на ручку и испуганно ширила свои глаза. Собака чуяла непорядокъ въ природѣ.

Въ такіе дни, въ часы этихъ ужасныхъ грозъ и ливней Валентина Петровна чувствовала себя подавленной и одинокой. Таня, Настя, ама, Ди-ди? Развѣ поймутъ онѣ ея тонкія переживанія, ея безпокойство о мужѣ, ея муки совѣсти за прошлое?.. Въ такіе часы она чувствовала себя усталой и только музыка могла ее успокоить.

Тучи подошли къ солнцу и закрыли его. Будто совсѣмъ похитили его съ неба. Гдѣ-то далеко — точно кипѣло тамъ что-то въ громадномъ котлѣ — непрерывно перекачивались громы. Молніи огневыми рѣками спускались съ неба. Исчезали здѣсь и появлялись рядомъ. Какія-то огневые жилы, казалось, бороздили тамъ небо. Отъ ихъ свѣта все тамъ стало призрачно, неясно и точно сама земля тамъ дрожала въ страхѣ.

И тамъ былъ Петрикъ!

Валентина Петровна все не отходила отъ окна. Она не чувствовала усталости ногъ. Она ждала, когда подойдетъ къ ней, когда ихъ домъ захватитъ эта величественная, неизбежная, непостижимая поступь грозы.

И тогда, когда она этого не ожидала, и было вокругъ все такъ же обманчиво тихо, вдругъ точно небо всею своею тяжестью обрушилось на землю. Загрохоталъ, запрыгалъ, отражаясь о желѣзныя крыши, тяжкій громъ. Валентина Петровна схватилась за голову и едва не съла на Ди-ди. Собака вскочила съ кресла и прыгнула на колѣни къ хозяйкѣ. Валентина Петровна согнулась, закрыла руками глаза и сжалась въ трепещущій комокъ. Точно сквозь руки она видѣла яркое пламя молніи, побѣдно скользнувшей передъ самымъ окномъ.

И снова грянулъ громъ.

Таня и ама съ криками бѣгали по комнатамъ, закрывая окна.

— Барыня.. барыня... Что же... Петръ Сергѣичъ-то тамъ... Солдатики!.. Господи, что же это такое!

«Это служба», — хотѣла сказать Валентина Петровна, но промолчала. Слишкомъ тяжело ей было это сказать.

Вѣтряной вихрь холодно и упруго налетѣлъ на казарму и ударилъ въ окна — точно кто-то живой хотѣлъ въ нихъ ворваться. На крикъ Тани Валентина Петровна отняла руки и посмотрѣла мутными глазами въ окно. За окномъ уже ураганомъ неслась буря. Крѣпкій тама-рискъ изогнулъ свои вѣтви. Листья крутились на немъ и летѣли темными бабочками въ поля. Сѣдая пыль пеленою неслась съ растоптанной, немощеной дороги. Луга приникли травами и стали свѣтло голубыми.

Громъ непрерывно гудѣлъ. День сталъ чернѣе ночи. Таня зажигала по комнатамъ лампы.

Казалось, что горы слились съ тучами въ одну черную массу и неслись по землѣ, все сокрушая. Молніи слѣпили и, когда сверкали онѣ, Валентина Петровна видѣла въ ихъ фантастическомъ свѣтѣ, точно искаженную въ гримасѣ природу.

Почти два часа гремѣла и сверкала молніями сухая гроза. Потомъ мельче, тоньше, короче стали молніи. Истощился небесный огонь.

Валентина Петровна эти часы просидѣла у окна.

Она ни о чемъ и ни о комъ не думала. Странное успокоеніе несла ея душѣ эта бездумность. Точно спала она крѣпкимъ, оживляющимъ сномъ съ раскрытыми глазами. Она видѣла, какъ вдругъ побѣлѣло черное небо. Точно раскрылось оно: тяжелыми потоками хлынулъ тропическій дождь. Дороги, только что курившіяся пылью, обратились въ темный потокъ. Маленькая рѣчка, съ широкимъ, камнями усѣяннымъ русломъ, носившая у солдатъ презрительное названіе Плюнь-хе, надулась, запѣнилась и заревѣла грознымъ Терекомъ. Дождь гудѣлъ по крышѣ. Изъ водосточныхъ трубъ били водяные фонтаны. Вѣтеръ стихъ. Смолкли громы. Исчезли молніи — и только дождь однообразно шумѣлъ по пришедшей землѣ.

Къ вечеру дождь пересталъ. Валентина Петровна растворила окно. Парная, душистая, точно оранжерейная свѣжесть полей цѣлительнымъ виномъ вливалась въ легкія. На болотѣ начинали квакать лягушки: свой оркестръ настраивали. Небо на западѣ было бѣлесовато-зеленое — точно слиняло оно тамъ. Горы были прозрачны. Подъ ними широкая и низкая играла радуга. Послѣдній тамъ дождь проливался. Видъ былъ вычурно-красивъ и чуждъ. Точно китаецъ-художникъ нарочно разставилъ: румяное солнце, лиловыя горы, пеструю радугу въ серебряномъ дождѣ. Такіе вотъ пейзажи описывалъ въ своихъ странныхъ разсказахъ Эдгаръ Поэ. Что-то очень чужое, нездѣшнее, неземное, точно «потустороннее» было въ этомъ видѣ.

«Что дѣлать? — Манчжурія!»

Валентина Петровна вздохнула и потянула шнурокъ. Медленно задвинулась тяжелая шелковая занавѣсъ. Глуше сталъ шумъ рѣки. Лягушиный концертъ, уже начавшійся, игралъ тихо: — «подъ сурдинку».

Валентина Петровна подошла къ роялю. «Музыка... да, конечно, музыка, и только музыка — можетъ ее успокоить и смягчить ея страхи». Она открыла свой доро-

гой Эраръ... Взяла двѣ, три ноты и сильно ударила по клавишамъ.

Когда то... еще тогда, когда она была женою профессора Тропарева и прекрасною піанисткой, подбиваемая скрипачемъ Обри — «съ оркестромъ Императорской оперы въ залѣ Консерваторіи сыграемъ» — она разучила наизусть концертъ б-молль опусъ 23 Чайковскаго... Она начала его. Глаза сосредоточенно нахмурились. Складка легла между бровями. Рояль загудѣлъ подъ сильными пальцами и заглушилъ лягушиный концертъ. Валентина Петровна не чувствовала приближенія Манчжурской ночи. Спокойно и величественно — *«andante non troppo e molto maestoso»* пѣлъ рояль, заставляя ее все позабыть.

Разбуженные ею духи музыки владѣли ею. Еще видѣла она, какъ ея Ди-ди разогнулась въ креслѣ, поднялась, положила голову на ручку и устремила спокойный взглядъ черныхъ глазъ на хозяйку. Будто собралась внимательно ее слушать. Въ ушахъ, то заглушая рояль, то сливаясь съ нимъ, то отдѣльно отъ него игралъ прекрасный симфоническій оркестръ. Валентина Петровна дѣлала паузы, давала играть воображаемому оркестру, вступала снова. Красивымъ движеніемъ, послѣ удара она поднимала руку. Синій широкий рукавъ китайскаго халата скользилъ къ плечу и вся рука, какъ изваянная изъ мрамора, на секунду замирала въ воздухѣ.

Рояль успокаивался. Шла пѣвучая, простая мелодія — какую умѣлъ создавать одинъ Чайковскій — *«andantino semplice»*. И съ музыкою вмѣстѣ рождалось представление о глубокой, уютной Петербургской комнатѣ на Морской, гдѣ творилъ ее композиторъ. О тишинѣ бѣлой сѣверной ночи, тяжелыхъ портъерахъ, мраморныхъ бюстахъ и портретахъ — гравюрахъ въ орѣховыхъ рамахъ. Валентина Петровна видѣла кресла Александровскаго времени, крутой изгибъ краснаго дерева широкихъ ручекъ и полированную гладкость покойныхъ спинокъ. Петербургъ Чайковскаго... тотъ Петербургъ, гдѣ былъ ея успѣхъ, гдѣ была ея сжигающая страсть...

Она сдѣлала паузу. Лягушиный оркестръ пѣлъ за

окномъ. Синяя тамъ ночь стояла. Ей казалось, что тамъ играетъ настоящий оркестръ. Она слышала скрипки. Носовые звуки фагота ихъ перебивали. Съ новою силою — «*allegro con fuoco*» — она продолжала игру.

Да, она не забыла этой вещи! Три года прошло, — а она не забыла. И все такъ измѣнилось за эти три года... Тогда это былъ Петербургъ...

Валентина Петровна поднялась отъ рояля и подошла къ окну. Отодвинула занавѣсъ.

Печаль снова овладѣла ею. Въ теплой влажной ночи, въ лягушечьемъ пѣніи Валентина Петровна съ необычайной ясностью почувствовала свое одиночество въ громадномъ мірѣ.

«Постъ Ляо-хе-дзы... Тамъ горы Джан-гуань-цай-линъ... За ними тотъ безобразный богъ, кого увидѣла она въ день своей свадьбы въ маленькой полевой кумирнѣ. Онъ встанетъ когда-нибудь изъ-за горъ и отомститъ ей за все»...

Дрожь пробѣжала по спинѣ. Ея Петрикъ сильный... Но онъ не наглый... Онъ проситъ, а не требуетъ. Онъ получаетъ, а не беретъ... Господи, что же это такое!.. Рабыня? Развратная женщина?... или просто... женщина! И никогда Петрикъ не забудетъ того, что онъ знаетъ! Онъ спасъ ее, какъ спасаютъ падшихъ женщинъ — и она должна цѣловать ему руки...

Она, кого онъ звалъ когда-то «госпожей нашей начальницей», кто была его королевной! — просто — рабыня!

Она одна въ этомъ страшномъ краю. Кому здѣсь нужно ея искусство? Кто слушаетъ ее здѣсь съ восторгомъ и слезами? Кто у нея?

Валентина Петровна опустилась на колѣни передъ кресломъ, гдѣ Ди-ди опять свернулась клубкомъ. Она уткнула лицо въ ея мягкую нѣжную шерстку въ изгибѣ шеи. Звѣринымъ нѣжнымъ запахомъ мѣха вѣяло отъ разоспавшейся собаки.

— Ди-ди! — прошептала Валентина Петровна.
Ди-ди!

Собака приоткрыла глаза.

— Такъ надо?.. Это долгъ?.. Его, твой, мой долгъ..

Мой долгъ жить здѣсь.. бояться, ждать чего-то... И страдать!

Слезы капнули на золотистую шерсть. Ди-ди заворковала точно голубь.

Черезъ двѣ комнаты слышался плачъ Насти. Валентина Петровна встала и пошла въ дѣтскую. Собака вскочила за нею и, согнувъ спину, упруго ступая на тоненькихъ лапкахъ, пошла за своей хозяйкой.

«Мой долгъ» — Валентина Петровна вздохнула.

Х.

Петрикъ, какъ только выѣхалъ со двора, освѣщеннаго изъ оконъ казармъ мутно-золотистымъ свѣтомъ керосиновыхъ лампъ, потерялъ изъ вида дозорныхъ. Темная ночь тѣсно его обступила. Вправо, съ болота, мѣрно полыхающими распѣвами несли лягушиный концертъ. Отъ рѣчки тянуло теплою сыростью и пахло иломъ. Въ темномъ, какъ самое густое индиго, небѣ золотыя звѣзды мерцали.

Таинственный, непостижимый и прекрасный Млечный Путь широкою, серебряною рѣкою текъ по небу. На черныхъ тамарискахъ у въѣзда въ ворота лежали пятна свѣта отъ казарменныхъ фонарей.

Глаза Петрика постепенно привыкали къ темнотѣ. Въ мерцаніи звѣздъ, въ ихъ кроткомъ свѣтѣ угадывались колосья высокаго гаоляна. Широкая пыльная дорога съ ночью, тяжелою, пахучею пылью исчезала во мракѣ. Безъ тѣней сотня по ней шла. Бѣлые крупы лошадей точно свѣтились. На спускѣ къ рѣкѣ Петрикъ пропустилъ сотню мимо себя. Попыхивали маленькими красными огоньками папироски въ зубахъ у солдатъ. Привычное самовольство, противъ котораго и не пытался бороться Петрикъ. Рядомъ съ вахмистромъ ѣхалъ фельдшеръ съ толстою, тяжелою сумкою черезъ плечо.

Пропустивъ сотню, на фыркающей Одалискѣ, по крутому кремнистому спуску Петрикъ съѣхалъ къ рѣкѣ. Сотня разбредлась вдоль русла. Солдаты поили ло-

шадей. Когда сотня опять втянулась на подъемъ, Петрикъ попустилъ Одалиску, и просторною, легкою рысью обогналъ сотню.

— Поводъ вправо!... Вправо поводъ!... — раздавались голоса. Солдаты давали дорогу своему командиру. Уже поравнявшись съ головою второго взвода, Петрикъ увидалъ рослаго гнѣдого Магнита. Ферфаксовъ ѣхалъ на немъ рядомъ съ Кудумцевымъ на маленькой бѣлой казенной монголкѣ.

— Штабсъ-ротмистръ Кудумцевъ, — догоняя офицеровъ, строго сказалъ Петрикъ. — Вы почему не на своей?

— Мои лошади обѣ больны, Петръ Сергѣевичъ, — не принимая официальнаго тона, быстро отвѣтилъ Кудумцевъ. Это была неправда. Еще вечеромъ Петрикъ видѣлъ, какъ вѣстовые Кудумцева водили по двору прекраснаго чистокровнаго Ихтіозавра и нарядную легкую англо-туркменскую Джемму. Кудумцевъ съ бичомъ стоялъ на дворѣ. Онъ любовался лошадьми. Онѣ были совершенно здоровы и весело прядали и играли.

Ложь — въ понятіи Петрика никакъ не совмѣщалась со званіемъ и достоинствомъ офицера. Она его поразила, онъ не нашелся что сказать и хмуро проѣхалъ впередъ.

Кудумцева онъ никакъ не понималъ. Какъ часто и раньше въ чистой и открытой душѣ Петрика поднималось возмущеніе противъ его старшаго офицера. Но онъ всегда молчалъ. Въ Кудумцевѣ было противорѣчіе всему, что училъ и исповѣдывалъ Петрикъ. Образованный, окончившій Кавалерійскую Школу конникъ, тонкій знатокъ ѣзды, спортсменъ — какъ часто онъ «пасовалъ» въ сложной Манчжурской обстановкѣ передъ Кудумцевымъ.

«Кто онъ? — Анатолій Епифановичъ Кудумцевъ?» — Петрикъ зналъ по послужному списку офицера, что онъ сынъ мелкаго помѣщика одной изъ центральныхъ Россійскихъ губерній. Онъ слышалъ отъ Стараго Ржонда, что мать Кудумцева была цыганка изъ табора. Отъ нея у него темная смуглость сухого гладко обритаго лица, длинный овалъ и черные смѣлые глаза. Отъ нея и

страсть продавать, покупать и мѣнять лошадей. Сколько разъ выпрашивалъ себѣ Кудумцевъ отпускъ, или командировку за лошадьми и ѣхалъ въ Монголію, въ Тибетъ и Туркестанъ. Его Джемма приведена изъ Ауліе-Атинской казенной конюшни, изъ-подъ самаго Ташкента. За Ихтіозавромъ, по совѣту Петрика Кудумцевъ въ прошломъ году ѣздилъ въ Москву, на аукціонъ скаковыхъ лошадей. У него былъ два года тому назадъ широкій монгольскій игреней масти. Солдаты шептали, что это священная лошадь какого-то монгольскаго хутухты и что Кудумцевъ ее укралъ въ монастырѣ. Это «укралъ» было такъ ужасно, что Петрикъ не допрашивалъ Кудумцева, боясь узнать правду. Эта лошадь очень скоро пропала у Кудумцева.

Кудумцевъ ѣздилъ не такъ изящно, какъ Петрикъ, но Петрикъ не могъ не признать, что ѣздилъ онъ смѣло, отлично. Онъ никогда, на какихъ бы то ни было тяжелыхъ переходахъ, не набивалъ спины лошади и сидѣлъ свободно и ловко.. Съ пятнадцати лѣтъ въ сѣдлѣ и походахъ! Когда Петрикъ былъ чиннымъ кадетомъ: — «кадетъ на палочку надѣтъ» — дразнила его Алечка Лоссовская, и былъ мушкетеромъ у своей прелестной королевны — Кудумцевъ испыталъ всѣ тяготы войны и похода. Гимназистомъ пятаго класса классической гимназіи Толя Кудумцевъ бѣжалъ изъ родительскаго дома въ Манчжурію на китайскую войну. Казакомъ-охотникомъ одного изъ Забайкальскихъ полковъ онъ сломалъ весь походъ до Пекина. Онъ научился говорить по-китайски, сталъ нужнымъ и остался въ Манчжуріи вольноопредѣляющимся въ охранной стражѣ.

Рядовымъ, а потомъ унтеръ-офицеромъ онъ пробылъ всю Японскую войну, имѣлъ солдатскій Георгіевскій крестъ. Послѣ войны держалъ экзаменъ на офицера и, прослуживъ короткое время въ драгунскомъ полку, вернулся въ Манчжурію въ Пограничную стражу. Онъ съ нею сроднился.

Но повадки, «манеры» Кудумцева были не офицерскія. Онъ, подлаживаясь къ солдатамъ, распускалъ ихъ. Петрикъ рѣдко слышалъ, чтобы солдаты называли его: «ваше благородіе». — Они его никакъ не титуловали. За

глаза и Петрика и Ферфаксова называли «ихъ высокоблагородіе», «его благородіе» — или — «баринъ», или «командиръ»... Кудумцева звали просто: Толя... «Толя приказалъ»... «Толя говорилъ»... «Толя уѣхалъ»...

Сотня по командѣ Петрика остановилась подтянуть подпруги и оправиться.

Свѣтало. Приблизившіяся горы казались грозными и недоступными. Предразсвѣтный вѣтерокъ холодилъ сквозь рубахи. По Сибирскому обычаю сразу за свѣтилось десятка три костровъ. Приобрѣтшіе сибирскіе навыки пограничники приготовились «чаевать». Въ мѣдныхъ котелкахъ быстро закипала вода.

Петрикъ видѣлъ, какъ Кудумцевъ сидѣлъ на корточкахъ противъ унтеръ-офицера Похилко и они оба слѣдили за котелкомъ и о чемъ-то дружески болтали. Кудумцевъ, смѣясь, пальцемъ толкнулъ Похилко въ грудь и тотъ, не удержавъ равновѣсія, упалъ съ хохотомъ на спину.

Петрикъ не могъ и не умѣлъ такъ обращаться. Онъ любилъ солдатъ, вѣроятно, больше, нѣжнѣе и глубже, чѣмъ Кудумцевъ, — но у него въ этой любви была и нѣкоторая брезгливость. Петрикъ могъ спать съ ними — на маневрахъ и походѣ — въ повалку, — но это по нуждѣ. Между ними стояла стѣна прошлаго барства. Между ними былъ комфортъ кадетскаго корпуса и училища и роскошь ихъ Мариенбургскаго полка. У Петрика было собраніе, «Общество господъ офицеровъ» со сложными, вѣками установившимися традиціями, — и туда доступа нижнимъ чинамъ не было. Душа Петрика была закрыта для солдатъ и, Петрикъ это хорошо чувствовалъ, — солдатская душа была отъ него тоже закрыта. Петрикъ былъ въ замкнутой офицерской кастѣ, и въ Манчжуріи онъ изъ нея не вышелъ. Кудумцевъ былъ внѣ касты: онъ былъ одно съ солдатами. Онъ ими не брезговалъ, ходилъ съ ними купаться и въ баню и спалъ съ ними, не считая это себѣ въ заслугу.

И Петрикъ не могъ опредѣлить, хорошо это, или худо? Нужна каста или товарищество?

И сейчасъ, на привалѣ, онъ лежалъ въ сторонѣ отъ сотни, на пригоркѣ, на сыровой отъ росы травѣ. Сзади

него сидѣлъ на камнѣ Ферфаксовъ. Они не участвовали въ кипучей энергіи солдатъ, бѣжавшихъ къ ручью за водою, раскладывавшихъ костры.

Кудумцевъ, осторожно, полами кителя придерживая горячій котелокъ, дымящійся паромъ, сопровождаемый Похилко, несшимъ въ чистой тряпицѣ краюху чернаго хлѣба, подошелъ къ Петрику.

— Петръ Сергѣевичъ, чайку?..

«Аа, помириться хочеть... Замазываетъ», — подумалъ Петрикъ.

Вѣстовой Петрика, стоявшій неподалеку съ Одалиской, вывязалъ изъ выюка жестяную, эмалированную кружку и мѣшечекъ съ сахаромъ и подалъ Петрику.

— Садись, Анатолій Елифановичъ. Спасибо. Байдалаковъ!... — обернулся Петрикъ къ вѣстовому, — тамъ въ передней кобуръ есть фляга, подай ее... Присаживайся, Факсъ. Съ ромомъ будетъ лучше. Не такъ дымною горечью отзывается.

— А по мнѣ, — сказалъ Кудумцевъ, — съ дымкомъ еще вкуснѣе... Похилко, рѣжь командиру хлѣба.

Ферфаксовъ подошелъ со своею кружкою. Кудумцевъ плескалъ мутный чай изъ котелка по кружкамъ.

— Сахару, господа, положено. Кому мало, добавляйте своего.

Байдалаковъ поставилъ въ траву фляжку и холщевой мѣшочекъ съ сахаромъ. Похилко кривымъ ножомъ, упирая краюху въ грудь, рѣзалъ хлѣбъ.

— Самое во время, ваше высокоблагородіе, — говорилъ онъ. — Солнышко восходитъ.

Слѣпящее, огневое солнце поднималось изъ-за щетины густого лѣса, покрывавшаго горы.

XI.

Въ предгорьяхъ, гдѣ большая китайская деревня Даянелтунъ живописно раскинулась въ зелени садовъ, широкая дорога, — вдоль нея тянулся на кривыхъ сѣ-

рыхъ столбахъ телеграфъ, — повернула къ желѣзной дорогѣ. У въѣзда въ деревню оставили взводъ при вахмистрѣ дожидаться судебного слѣдователя. Въ телеграммѣ было указано, что слѣдователь пріѣдетъ сюда. Дальше велѣ сотню Ферфаксовъ. Онъ зналъ дорогу на Шадринскую заимку.

Ферфаксовъ, сынъ священника, окончилъ Иркутское военное училище, недолго служилъ въ пѣхотѣ, потомъ, лѣтъ шесть тому назадъ, по любви къ лошади и влеченію къ кавалерійской службѣ перевелся въ пограничную стражу. Онъ былъ страстнымъ охотникомъ. Пѣшкомъ, то одинъ со своимъ Берданомъ, лягавымъ, умнымъ псомъ, то съ кѣмъ-нибудь изъ солдатъ, чаще всего съ унтеръ-офицеромъ Похилко онъ исходилъ всѣ лѣса «Императорской Охоты». Ему случалось свалить изюбра и версть восемь тащить его на себѣ до ближайшаго китайскаго поселка. Рослый, крѣпкій, сильный, съ большимъ мѣдно-краснымъ бронзовымъ, вѣчнымъ загаромъ покрытымъ лицомъ безъ усовъ и бороды, съ добрыми, собачьими глазами — онъ съ перваго появленія въ Ляо-хе-дзы Валентины Петровны влюбился въ нее, что называется «по уши» особой «пажеской», ничего себѣ, все ей отдающей любовью. Для него не было большей радости, какъ сутокъ трое исходить по лѣсамъ и горамъ, въ мечтахъ «о ней» и подстрѣлить ей хорошаго козла, или набить фазановъ. Онъ принесетъ ихъ — всегда съ чернаго хода на кухню, вызоветъ Таню: — «передайте барынѣ», — и исчезнетъ, спрячется гдѣ-нибудь внѣ казармы, чтобы не видѣть своего божества и не слышать ея благодарности. Иногда Таня подшутитъ и, догадавшись кто ее вызываетъ на кухню, скажетъ Валентинѣ Петровнѣ, и та выйдетъ сама. Всегда нарядная — то въ европейскомъ платьѣ изъ Петербурга, то въ японскомъ кимоно, то въ китайскомъ дорогомъ халатѣ. Золотистые волосы завиты. Отъ красивыхъ полныхъ рукъ нѣжный запахъ духовъ идетъ. Въ улыбкѣ открываются ямочки на нѣжныхъ щекахъ. Съ нею впрыгнетъ Ди-ди. Станетъ жадно обнюхивать охотничью справу Ферфаксова и возбужденно повизгивать — дичь чувствовала. Какъ тогда смутится и покраснѣетъ

Факсъ! Въ собачьихъ его глазахъ блеснетъ слеза. Горячія спекшіяся губы едва коснутся «божественной» руки... Кажется, умереть готовъ за нее.

Петрикъ любилъ Ферфаксова. Въ немъ видѣлъ онъ правильнаго и смѣлаго, совсѣмъ «безъ позы» — рыцаря офицера. Въ немъ видѣлъ глубоко вѣрующаго и безупречно честнаго и чистаго человѣка.

Стало совсѣмъ свѣтло. Горный ручей, тихо журча, спускался среди порослей кустовъ. Узкая непримѣтная дорога шла вдоль него. Она иногда исчезала, шла по самому ручью, по разсыпчатой галькѣ русла между крутыхъ береговъ, заросшихъ дубнякомъ и боярышникомъ. Цѣпкія плети ежевики съ покраснѣвшими крупными ягодами хватали за рукава, царапали руки. Лѣсъ надвигался, сжимая дорогу.

Когда выбрались на плоскогорье, гдѣ сквозь луговину выбивались плоскія бурыя спины громаднхъ гранитныхъ валуновъ, поросшихъ сѣрымъ мхомъ, широкій видъ открылся на всю долину Плюнь-хе. Чуть виднѣлся красными прямоугольными постройками постъ Ляохедзы.

И повсюду, точно провѣшивая путь въ горы, — тутъ и тамъ отъ деревень, поселковъ и отдѣльныхъ китайскихъ фанзъ поднимался прямой бѣлый соломенный дымъ.

— Видишь, Петръ Сергѣевичъ, — сказалъ Кудумцевъ. — Китайцы даютъ сигналъ хунхузамъ, что сотня вышла. Хунхузъ грабитъ китайца. Хунхузъ для него гроза... Но никогда никто не поймаетъ хунхуза, потому что самъ китаецъ помогаетъ хунхузу укрыться... Мнѣ, Петръ Сергѣевичъ, приходилось гоняться за такими большими хунхузскими князьями.... такъ что-ли назовемъ ихъ, какъ Шасыянванъ и Ліуданзырь... Они, какъ Степанъ Разинъ Волгу, держали весь этотъ край — лѣса «Императорской охоты», горы Ирхахунъ, треугольникъ Мукденъ — Бодунэ — Нингута въ полной своей власти. И дань накладывали и заложниковъ брали.... Тогда баронъ Каульбарсъ посылалъ цѣлыя экспедиціи за ними. У Шасыянвана и Ліуданзыря и трехъ сотенъ не наберется. Оружіе — сбродъ. У кого охотничья шомпольная дву-

стволка, у кого рушница съ раструбомъ временъ... да не Ермака-ли?.. Артиллерійскій музей ходячій. Рѣдко у кого американскій винчестеръ... Стрѣляютъ — прикладъ въ пузо вставляютъ... А хлопотъ надѣлали не мало. Ханшинный заводъ *) Мопашанъ, гдѣ укрылся Ліуданзырь, четырьмя сотнями казаковъ взять не могли. Пришлось пушки подвозить.

— Взяли же?

— Взяли... да только какою силой.

— Гдѣ теперь эти хунхузскіе князья?

— Ліуданзыря заточили въ Хунчунѣ. Онъ съ ума сошелъ и бредитъ Русскими войсками. Шасыянваня отравили черезъ Читу въ Казань. Прежде, Петръ Сергѣевичъ, царское правительство умнѣ поступало. Я у Карамзина въ исторіи читалъ. Такимъ людямъ надо кавалерійскіе корпуса давать. Вотъ это дѣло было! Служили же при Царѣ Иванѣ Грозномъ татарскіе князья у насъ. Худого не было.

— Но это же разбойники, а не владѣтельные князья.

— А гдѣ между ними грань? И князь потому князь, что его отецъ хорошимъ душегубомъ былъ.

— Ну это не такъ... Это было... да и не вездѣ... въ средніе вѣка.

— Теперь, Петръ Сергѣевичъ, хуже всякихъ среднихъ вѣковъ... Теперь матеріализмъ нашъ богъ. Теперь мошенники и негодяи первые люди. Ихъ боятся и имъ служатъ. Вотъ хунхузамъ — весь край всполошился — гаолянъ жжетъ, сигналъ подаетъ — хоронись, молъ, спасайся! А намъ кто укажетъ? У него, можетъ быть, жёну зарѣзали на его глазахъ, а онъ клясться будетъ, что никого не видалъ и ничего не слыхалъ. Народъ подлець сталъ. Честный-то человѣкъ ему вродѣ какого-то слизняка, или сопляка кажется. Онъ его не уважаетъ. А мошеннику — первый почетъ. А, если мошенникъ еще и во фракѣ, да банкъ имѣетъ или редакторъ газеты — такъ ему и президенты ручкужимаютъ.

*) Водочный заводъ. Эти заводы, какъ средневѣковыя крѣпости, были окружены высокими стѣнами съ башнями по угламъ.

— Слава Богу, у насъ таковыхъ нѣтъ.

— Есть предсѣдатели Государственной Думы и существуетъ борьба... Ну, а гдѣ борьба — тамъ безъ мошенника... и какого! — самага махрового ни-и-какъ не обойдтись.

— Есть еще, Анатолій Елифановичъ, совѣсть и Богъ, — жестко и твердо сказалъ Петрикъ и прямо взглянулъ въ холодные черные глаза Кудумцева. Тотъ не сломалъ своего злобнаго взгляда и сказалъ тихо, но увѣренно:

— Совѣсть — понятіе весьма растяжимое... А что касается Бога, то я имѣлъ неоднократно случаи убѣдиться, что никакого Бога нигдѣ нѣтъ...

ХІІ.

Петрикъ вспыхнулъ. Онъ чувствовалъ, что еще мигъ и онъ слишкомъ рѣзко, не по-офицерски, отвѣтитъ Кудумцеву. Онъ сдвинулъ лошадь шенкелями и догналъ ѣхавшаго впереди Ферфаксова. Нѣсколько шаговъ они ѣхали рядомъ, молча. Узкая, лѣсовозная дорога зигзагами поднималась въ гору. Пихты тѣсно ее обступили. Поднявшееся солнце жгло сквозь китель. Запахъ смолы былъ кругомъ.

Серьезное лицо Ферфаксова, его напряженно смотрящіе вдаль глаза подѣйствовали на Петрика успокоительно. Онъ справился съ собою.

— Факсъ, ты самого Шадрина знавалъ? — спросилъ онъ.

— Я раза три у него былъ.

— Что это за человѣкъ?

— А кто его знаетъ. Здѣсь, Петръ Сергѣевичъ, такъ люди не селятся. Да и мѣсто очень глухое онъ выбралъ. Онъ старовѣръ... У него я видалъ старые образа и, когда приходилъ я къ нему, — первое, о чемъ онъ заявлялъ, что курить нельзя. Высокій, нескладный.. Черной

бородищей обросъ, не глупый. Мы съ нимъ все о священномъ писаніи препирались. Начетчикъ онъ хорошій.

— Ну и ты, Факсъ, это дѣло тонко знаешь... Апостоловъ наизусть читаешь!

— Куда мнѣ до него! Сразу схватились. Всю ночь проговорили. По книгамъ листали. Спорили...

— Чѣмъ онъ жилъ?

— Думаю, что лебедями да фазанами. Хорошій винчестеръ у него на стѣнѣ висѣлъ. А хозяйство маленькое. Ну и видимо — бабникъ... Китайки при немъ были... Такія, знаешь, Петръ Сергѣевичъ... Съ чолками на лбу... Ну да видать какія!.. Волосы въ толстыхъ косахъ.

И, замѣтивъ, что Ранцевъ не вполнѣ его понялъ, Ферфаксовъ пояснилъ.

— Я думаю, что ходилъ онъ временами на Корейскую границу. Билъ лебедей — корейцевъ, въ бѣломъ они ходять, вотъ ихъ и зовутъ лебедями, отбиралъ у нихъ дорогіе панты олени, да корень цѣлебный женьшень, а потомъ билъ китайцевъ-фазановъ, что шли съ серебромъ къ корейцамъ за рогами и за корнемъ... Этимъ и жилъ.

— Грабежомъ... Убийствомъ?.. — спросилъ, пожимая плечами, Петрикъ. — Почтенное ремесло!

— Да такъ же... Такихъ варнаковъ здѣсь не мало.

— А потомъ о Священномъ Писаніи спорилъ?

— Да вотъ... Онъ, я думаю, когда и стрѣлялъ-то по корейцу, или по манзѣ, такъ съ молитвою стрѣлялъ. Онъ ихъ за людей не считалъ...

— Однако, съ китайнками жилъ?

— Онъ, я думаю, и съ козою бы жилъ... да апостоль Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ всякое такое осудилъ.

— А притомъ святость... Иконы.. Лампадки!...

— Да это, какъ слѣдуетъ... Какъ водится. И свѣчи горятъ всегда восковые, толстыя. Ладаномъ пахнетъ. Посты соблюдалъ строго.

— И съ китайнками спалъ?

— Съ двумя.

— Ты давно его не видалъ?

— Съ полгода тому назадъ... Зимою... Пришелъ

подъ вечеръ и, какъ раньше, безъ стука вошелъ въ хату. Слышу — табакомъ пахнетъ. Онъ на стукъ двери выскочилъ. Замахалъ на меня руками. Точно испугался меня. «Нельзя, нельзя», — шепчетъ, — «ваше благородіе ко мнѣ». А самъ дверь старается отъ меня въ сосѣдную горницу прикрыть. Да на бѣду полушубокъ на порогъ упалъ и никакъ ему не захлопнуть двери. Я невольно заглянулъ. Тамъ за столомъ на лавкѣ, подъ иконами сидѣли двѣ женщины — Русскія. И одна мнѣ показалась — интеллигентная, большіе такіе глаза.... И будто съ ними какой-то бородатый человѣкъ... Тоже не манза, хотя и въ китайскомъ платьѣ. А Шадринъ, значитъ, меня такъ легонько, почтительно, но настойчиво выпроваживаетъ. — «Ваше благородіе, молю васъ, уйдите. Это же совсѣмъ сумасшедшіе люди! Они могутъ вамъ худое сдѣлать. И вамъ непріятность и сами отвѣтятъ. Вы меня за мою хлѣбъ-соль подводите».. Далъ мнѣ работника проводить въ сосѣдную падь къ китайцамъ. Я тамъ и ночевалъ.

— Ты работника спрашивалъ, что это за люди?

— Спрашивалъ... Но что въ этомъ дѣлѣ можетъ понимать китаецъ?

— А больше ты не пошелъ къ нему?

— Нѣтъ. Все-таки, Петръ Сергѣевичъ, хотя и вѣжливо и очень почетно, но мнѣ на дверь показали, такъ что же я буду навязываться? Да и охота тутъ не ахти какая.

— Да, я понимаю тебя, — тихо сказалъ Ранцевъ. — А ты Кудумцеву объ этомъ не рассказывалъ?

— Нѣтъ... Я Толѣ ничего не говорилъ. Если бы онъ пронюхалъ о китаянкахъ, а тѣмъ болѣе о Русскихъ женщинахъ — такъ распалился бы!.. Богъ его знаетъ на какой рожонъ полѣзъ бы!.. Съ Шадринымъ шутки плохи. Онъ не посмотрѣлъ бы, что Толя офицеръ... Онъ, я думаю, ревни-и-вый...

— Да... Можетъ быть, ты и правъ...

— Насъ учили, Петръ Сергѣевичъ, отъ службы не отказывайся, на службу не напрашивайся... Въ сущности все это меня ни какъ офицера пограничной стражи, ни какъ Андрея Васильевича Ферфаксова не касалось.

— Но... поинтересуйся ты... и возможно, что этого убійства вовсе и не было бы...

— На все воля Господня.

На перевалѣ Петрикъ сдѣлалъ привалъ. Онъ все поджидалъ слѣдователя. По всему было видно, что напавшихъ на займку онъ тутъ не найдетъ, и поиски придется производить въ зависимости отъ того, что найдетъ слѣдствие.

Около полудня стали спускаться въ Драконову падь. Лѣсъ сталъ рѣже. Попадались порубленные мѣста и на нихъ дѣлянки дровъ, поставленныхъ и обдѣланныхъ по-Русски. Уже издали доносилось протяжное, унылое мычаніе невыдоенной брошенной коровы и собачій вой и лай. Еще новое доказательство, что хунхузовъ тутъ нѣтъ, да можетъ быть, и не было. Они не оставили бы въ живыхъ собаку и угнали бы скотъ. Впереди была не военная экспедиція и расправа, а обыкновенное судебное слѣдствие. Петрикъ опять остановился и сталъ дожидаться слѣдователя.

Слѣдователь, молодой человѣкъ съ рыжеватой бородкой кисточкой и мягкими русыми усами, въ пенснэ, неловко сидя на лошади и, посылая ее, дергая поводьями, наконецъ, показался изъ лѣса.

Они познакомились.

— Баронъ Ризенъ...

— Ротмистръ Ранцевъ.

— Вы видите, баронъ, — сказалъ Петрикъ, — никакой войны нѣтъ.

— Но, какъ мнѣ телеграфировали, есть убійство. Русскаго, и въ этомъ краю я не найду убійцъ безъ вашей помощи. Фудутунъ мнѣ далъ своихъ полицейскихъ, чтобы оказать содѣйствіе, — шепелявя и задыхаясь отъ непривычки ѣздить, сказалъ слѣдователь.

Онъ былъ возбужденъ и взволнованъ. Онъ былъ не настоящій слѣдователь, а кандидатъ на судебныя должности, недавно кончилъ университетъ и еще не зналъ, какъ ему держаться съ этими загорѣлыми и суровыми на видъ офицерами.

— Шадринская займка внизу, — сказалъ Ферфак-

совъ, ѣздившій на развѣдку, — тамъ все тихо. Прикажешь ѣхать?

— Вы позволите? — прикладывая руку къ козырьку фуражки, спросилъ Ранцевъ слѣдователя.

—Ахъ, пожалуйста... Это совсѣмъ, какъ вы найдете нужнымъ... Я думаю не опасно?

Петрикъ послалъ взводъ оцѣпить падь, чтобы если на заимкѣ былъ кто-нибудь, онъ не могъ убѣжать и сталъ спускаться въ ложбину.

XIII

Лѣсъ и кусты кончились. Низъ Драконовой пади представлялъ изъ себя зеленый, слегка покатый лугъ, почти со всѣхъ сторонъ замыкаемый крутыми, утесистыми, лѣсомъ покрытыми горами. Посерединѣ луга былъ по-Русски устроенъ дворъ съ высокимъ тыномъ съ воротами изъ прочныхъ дубовыхъ досокъ, съ калиткой сбоку. Все было заперто. Сверху, съ горы было отчасти видно, что было во дворѣ. Тамъ была по-Сибирски, какъ строятъ поселенцы, поставлена просторная, длинная, горницы, на три, изба-землянка. Срубы были низкіе изъ замшѣлой сѣрой пихты. Длинные подслѣповатыя съ плохими стеклами окна вровень съ землей отсвѣчивали фольгой. Изба наполовину уходила въ землю. Крыша была плоская, частью тесовая, частью жердяная. Изъ нея выходила труба Русской печи изъ сѣраго китайскаго сырцоваго кирпича. Сбоку избы была большая, китайскаго устройства кирпичная фанза съ бумажными окнами. Въ глубинѣ двора стоялъ колодезный срубъ съ деревяннымъ колесомъ. Все было прочно, домовито и основательно построено. Сарай былъ жердяной, обмазанный глиной, за нимъ были скирды гаоляна и копны сѣна. Изъ сарая еще тревожнѣе стало мычаніе коровы. Она почуяла людей. Собаки лаяли и визжали, и только куры, пестрой стаей бродившія по кучѣ навоза, однѣ ос-

тавались спокойными. Это жильё почему-то напомнило Петрику — медвѣжьё берлогу.

— Какіе же это хунхузы? — сказалъ Кудумцевъ.

Въ его голосѣ слышалось разочарованіе. Оно было и на лицѣ солдатъ.

Шли, какъ никакъ, на бой, на погоню, на преслѣдованіе. Было все-таки и какое-то волненіе въ ожиданіи возможной своей, или чужой крови. Заимка казалась пустой и безлюдной.

Петрикъ остановилъ и спѣшилъ сотню. Слѣдователь слѣзъ. Офицеры, вахмистръ, фельдшеръ и унтеръ-офицеръ Похилко пошли къ воротамъ. Они были заперты. Собаки, почуявшія многихъ людей смолкли и забились по конурамъ. Онѣ не были спущены. Слышно было, какъ звенѣли цѣпи. Собаки злобно ворчали.

— Нѣтъ-ли тутъ засады? — сказалъ слѣдователь.

— Какая тутъ можетъ быть засада! — сказалъ грубо Кудумцевъ и толкнулъ ворота. Они не подались. Онъ взялся за калитку, она раскрылась, и Кудумцевъ, а за нимъ Петрикъ, Ферфаксовъ, вахмистръ и послѣдними фельдшеръ со слѣдователемъ вошли во дворъ.

Двѣ лохматая собаки зарычали, прячась въ конуры. Мычаніе коровъ стало настойчивѣе и надрывнѣй. Куры побѣжали въ уголь двора.

— Кубыть никого и нѣтъ, — прошепталъ вахмистръ. Онъ вынулъ изъ кобуры тяжелый ноганъ и теперь вкладывалъ его обратно.

— Нѣтъ ли какой ошибки... Туда-ли ты насъ, Факсъ, привель? — сказалъ Петрикъ.

— Я не ошибся, — сказалъ Ферфаксовъ. — Да вотъ — онъ рукою показалъ на кишѣвшую черными мухами лужу, еще не впитанную землею у раскрытой двери китайской фанзы. Отъ нея доносился противный, прѣсный и терпкій запахъ человѣческой крови. И ошибиться было нельзя. Это была кровь и очень много ея тутъ было пролито.

И, забывъ про главный домъ, всѣ двинулись, обходя лужу крови, къ фанзѣ.

— Что тутъ у него было? — спросилъ Петрикъ.

— По нашему холостецкая. Тутъ у него жили манзы рабочіе.

— Позвольте, господа, я за вами... Можно попросить фельдшера, — волнуясь, ломающимся голосомъ сказалъ слѣдователь.

Черезъ узкую дверь прошли въ тѣсныя сѣни. Здѣсь нудно и мерзко пахло раздѣланнымъ свѣжимъ человѣческимъ трупомъ и прѣсною вонью китайскаго тѣста. Въ сѣняхъ — большую часть ихъ занимала низкая печь со вмазанными двумя чугунными котлами — было темно. Ферфаксовъ освѣтилъ ихъ карманнымъ электрическимъ фонарикомъ. Въ одномъ чанѣ было сѣрое, грязное тѣсто, другой былъ полонъ человѣческихъ внутренностей.

Невольно всѣ сняли фуражки и одинъ за однимъ вошли въ фанзу. Ферфаксовъ и вахмистръ перекрестились.

Просторная постройка съ двумя канами, покрытыми соломенными циновками, была тускло освѣщена черезъ бумажныя окна. Она вся была забрызгана кровью. Темные потеки ея были на бумагѣ оконъ. Все носило слѣды борьбы. По полу и по канамъ валялись лохмотья одежды, утварь, низкіе, квадратные китайскіе столики. Три человѣческія головы, искусно отнятыя отъ тѣлъ, валялись въ углу. Два безголовыхъ трупа были раздѣланы. Руки и ноги были отняты. Брюшины вспороты, внутренности вынуты. Конечности были въ порядкѣ уложены по кану. Руки къ рукамъ, ноги къ ногамъ. Третій трупъ былъ только выпотрошенъ. Начали отпиливать ногу и окровавленная хирургическая пила, застрявшая въ мясѣ, такъ и осталась у бедра.

— Мы имѣемъ дѣло, — торжественно сказалъ слѣдователь, — съ необычайнымъ, я бы сказалъ — садическимъ преступленіемъ. Помните, господа, «Садъ пытокъ» Мирбо?

Но никто изъ офицеровъ не читалъ никакого Мирбо.

— Я попрошу поставить часовыхъ къ этой фанзѣ, послать за арбами и за гробами. Я произведу потомъ

опись, а сейчас закончимъ поверхностный осмотръ всей заимки.

Всѣ вышли на дворъ и только тогда замѣтили, что окна одной изъ горницъ избы были ярко, изнутри освѣщены желтымъ свѣтомъ пламени. Всѣ бросились туда.

XIV.

Въ первой горницѣ, мѣшая войти, раскинувшись громаднымъ, могучимъ тѣломъ, чернѣя густою бородою на бѣломъ, мертвомъ лицѣ лежалъ одѣтый рослый мужикъ.

— Это и есть Шадринъ? — спросилъ Петрикъ.

— Онъ самый, — коротко сказалъ Ферфаксовъ.

— Покойникъ есть задушенъ, ваше высокоблагородіе, — сказалъ, нагибаясь къ мертвому тѣлу, фельдшеръ.

Онъ приподнялъ широкую бороду. На посинѣвшей шеѣ показался красный гарусный шнурокъ-удавка.

— Прикажете снять?

— Оставьте, — сказалъ слѣдователь. — Мы приобщимъ это послѣ къ вещественнымъ доказательствамъ. Пугливо перешагнули черезъ трупъ, и Кудумцевъ первымъ открылъ низкую широкую дверь, ведущую во вторую горницу.

Она пылала отблесками ярко разгорѣвшихся многихъ толстыхъ восковыхъ свѣчей, вставленныхъ въ мѣдный свѣшникъ передъ большой дубовой, въ золотомъ рѣзномъ изъ дерева виноградъ божницею. Образа изъ божницы были вынуты. Они валялись тутъ же на полу, поруганные, попранные ногами. Вмѣсто нихъ въ божницу, подъ стекло былъ вставленъ безстыдно обнаженный торсъ мертвой женщины.

Петрикъ вглядывался въ бѣлое, точно восковое лицо покойницы съ открытыми, тусклыми, мертвыми гла-

зами. Кругомъ въ страхъ сопѣли вахмистръ, фельдшеръ и Похилко.

Что-то знакомое было въ этомъ простомъ скуластомъ Русскомъ лицѣ. Волосы — коричнево-темные, гладкіе, пробитые сѣдиной, были расчесаны на проборъ посерединѣ и сзади завязаны узломъ. Синія губы были скорбны. Гдѣ-то, когда-то и мелькомъ — иначе запомнилъ бы Петрикъ это лицо — онъ видѣлъ такую женщину. И у ней на посинѣвшей шеѣ висѣла красная удавка. Безстыдно обнаженная грудь и животъ были желто-шафраннаго цвѣта и ударяли въ синь. Горящія передъ нею свѣчи бросали бѣглыя тѣни и увеличивали необычное, страшное впечатлѣніе.

Нижняя часть тѣла и внутренности лежали на постели, на лоскутномъ одѣялѣ. Оно все было пропитано кровью.

Нѣсколько долгихъ минутъ всѣ стояли, молча, въ какомъ-то трепетномъ оцѣпенѣніи и не сводили глазъ съ лица этой мертвой женщины.

— Ну те-съ, прервалъ общее молчаніе слѣдователь. — Для меня дѣло совершенно ясное. Мы имѣемъ передъ собою преступленіе совершенно особаго характера. Я бы сказалъ — религіозно-садическое. Тутъ кто-то хозяйничалъ сластолюбиво и страстно. Кто-то, ненавидящій Христа и презрѣвшій смерть и убійство...

— И этотъ кто-то несомнѣнно былъ Русскій, — сказалъ спокойно Кудумцевъ. Его одного не поразила страшная необычайность всего, что было на заимкѣ.

— Почему ты такъ думаешь? — быстро и рѣзко сказалъ Ранцевъ.

— Потому что только въ Русскую анархическую голову могло влѣзть столько вкуса въ убійствѣ. А... мертвая богородица!.. И онъ съ удавкой на шеѣ... Онъ то, поди еще и молился ей, когда она его давила... А потомъ кто-то третій — и, я увѣренъ, интеллигентный третій и ее задавилъ, раздѣлалъ, поставилъ и свѣчи зажегъ... Поди еще кого и молиться заставилъ. Темна, Петръ Сергѣевичъ, человѣческая душа... А Русская душа трижды темна.

— И я... мы... этого третьяго найдемъ! — горячо сказалъ Петрикъ.

— Никогда ты его не найдешь... Такимъ людямъ самъ дьяволъ помогаетъ.

— Но, если это Русскіе?.. Судя по тому, что свѣчи, положимъ, толстыя — не догорѣли, и сутокъ не прошло, какъ они ушли отсюда. Просмотримъ, обыщемъ лѣса. Опросимъ всѣхъ, кого найдемъ.... Они не могутъ исчезнуть.

— И все-таки исчезнуть!

— Такъ, такъ ротмистръ... Вашъ планъ совершенно правильный. Оставьте мнѣ фельдшера и взводъ, и, можетъ быть, какого-нибудь грамотнаго солдатики, и я съ ними произведу опись и необходимую выемку. А тѣмъ временемъ пріѣдутъ и другія судебныя власти, — говорилъ слѣдователь. Его страхъ прошелъ. Профессіональный интересъ глушилъ безразличность и ужасъ. Онъ стоялъ передъ такимъ дѣломъ, о которомъ будутъ говорить не меньше, чѣмъ о дѣлѣ Дреллиса. Но тамъ было еврейское ритуальное убійство и мѣшались въ него было опасно, здѣсь было садически-мистическое убійство, какая-то грубая религіозно-распутная драма, какая-то секта, но уже секта Русская — и пріобщить свое имя къ ея раскрытію было куда-какъ заманчиво. Какъ жаль, что это такъ далеко — и сюда не пріѣдутъ корреспонденты. Вся либеральная пресса его смаковала бы! Такое убійство такъ кстати теперь, когда еще не затихъ шумъ Дреллисовскаго дѣла.

— Отыщите ихъ, господинъ ротмистръ! — говорилъ онъ Ранцеву. — Это же вашъ долгъ! Ихъ такъ легко найти. Они же тутъ Русскіе, а Русскихъ тутъ не должно быть.

— Конечно, мы ихъ найдемъ, — сказалъ глубоко взволнованный Ферфаксовъ. — Я эти мѣста отлично знаю. Тутъ нѣтъ большихъ поселковъ, а въ лѣсу каждый слѣдъ замѣтенъ. Раскинемъ лаву и осмотримъ лѣсъ.

Петрикъ вышелъ изъ страшной фанзы. За нимъ вышли Кудумцевъ и Ферфаксовъ. Петрикъ оставилъ вахмистра, фельдшера, писаря и взводъ при слѣдователѣ, приказавъ унтеръ-офицеру Похилко быть за вахмист-

ра. Онъ, и правда, рѣшилъ раскинуть лаву и обыскать лѣсъ. Звонко и наигранно бодро онъ скомандовалъ:

— Сотня! по конямъ... Садись.

Самъ сѣлъ на Одалиску.

Но раскидывать лаву не пришлось.

XV.

Точно въ ужасѣ отъ святотатственнаго убійства Божій день померкъ. Далекіе громы грохотали, приближаясь. Ясное, голубое небо стало чернымъ отъ дымныхъ бурыхъ и черно-синихъ тучъ. Надъ лѣсомъ сверкала молнія.

Петрикъ приказалъ надѣть холщевые плащи. Люди въ ожиданіи дождя и грозы какъ-то сразу нахохлились. Ихъ лица были голодны и сумрачны. Обѣденное время прошло, а они еще не обѣдали.

Разосланные обыскать драконову падь люди возвращались. Ихъ докладъ Петрику былъ одинаковъ. Нигдѣ не было никакихъ слѣдовъ.

Сотня стала вытягиваться въ колоннѣ рядами по узкой дорогѣ, выводившей изъ пади. Петрикъ хотѣлъ было разсыпать ее въ лаву, но понялъ, что это невысказано. Въ лѣсу было совершенно темно. Длинные яркія молніи на мгновеніе слѣпили глаза и потомъ точно черная стѣна становилась передъ ними. Лошади шли тупо и неохотно. Онѣ были некормлены. Шелъ пятый часъ дня. Несомнѣнно было, что ихъ захватитъ гроза и ливень. Надо было думать о ночлегѣ. Петрикъ и думалъ теперь о немъ. Ночевать на заимкѣ? Тамъ и мѣста для всѣхъ не хватило бы, да и ночевать среди труповъ страшнаго и непонятнаго преступленія, куда какъ не хотѣлось, — и Петрикъ упрямо сжималъ ногами Одалиску, заставляя ее подниматься по узкой кремнистой дорогѣ.

Большіе дубы простирали надъ нимъ вѣтви. Приходилось нагибаться, проѣзжая подъ ними. При блескѣ молній вдругъ появлялись густые папоротники, росшіе

между стволами. Таинственной казалась ихъ красивая перистая зелень.

Громъ приближался и какъ-то сразу, неожиданно, загрохоталъ надъ самыми головами и пошелъ грозно перекатываться изъ долины въ долину, двоясь и троясь, отраженный эхомъ. Казалось горы обрушивались и валялись кругомъ, дубы трещали. Солдаты снимали фуражки и крестились.

Съ трудомъ достигли вершины. Дорога стала мягкой и шла между дубовъ и вязовъ ползаросшая травой. Перевалъ былъ небольшой. Сейчасъ же начинался крутой спускъ. Едва достигли его, какъ стремительный вихрь налетѣлъ на горы. Онъ зашумѣлъ дубравами, сорвалъ листы, больно ударилъ сорванной вѣткой въ лицо Петрика. Холщевые плащи мотались за спинами солдатъ, какъ крылья. Лошади останавливались и старались стать хвостами къ вѣтру. Колонна сбилась въ кучу. Съ новымъ раскатомъ грома хлынулъ потоками дождь. Точно какіе-то обширные водоемы опрокинулись въ небѣ. Молніи сверкали сквозь ливень. Лица солдатъ казались мертвенными и зелеными. Всѣ промокли въ мгновение ока. Петрикъ чувствовалъ, какъ непріятно липли къ его тѣлу обтянутый аммуниціей китель и рейтузы. Въ сапогахъ хлюпала вода и текла ручьями со стремянъ. Рыжая Одалиска стала черной. Бѣлая монголки при свѣтѣ молній дымились голубоватымъ паромъ. Вѣтеръ хлесталъ струями водъ и казалось пробивалъ ее сквозь тѣло. Фуражки на солдатахъ обратились въ грязные темные блины. Все почернѣло, потеряло краски и форму.

Передъ Петрикомъ вмѣсто дороги былъ бурно несущійся стремительный потокъ. Вода шумѣла и скрежетала гальками. Лошадь не шла впередъ.

Этотъ скатъ горы былъ безлѣсный. Черной была внизу пропасть. И вдругъ въ низинѣ, и, казалось, гдѣ-то очень глубоко, сквозь дождевые потоки засвѣтилось лучистое, желтое пятно, потомъ другое, третье. Широкіе ряды китайскихъ оконъ какихъ-то большихъ построекъ показались тамъ, куда шумящимъ ручьемъ шла дорога.

Петрикъ повернулся къ Ферфаксову.

— Факсъ, — сквозь громы и шумы дождя, крикнулъ онъ. — Ты не знаешь, что тамъ такое?

— Я никогда не зналъ, что подлѣ Шадринской заимки есть китайцы. Можетъ быть, это такъ кажется.

— Кой чортъ, — кажется, — грубо крикнулъ Кудумцевъ. — Если тебѣ кажется — перекрестись.

Онъ ударилъ на отмахъ плетью своего монгола, но тотъ не пошелъ и, круто повернувшись, на заду, едва не сбросилъ всадника.

— А, дьяволъ! — рывкнулъ Кудумцевъ, поводьями заставляя повернуться заартачившуюся лошадь.

— Сотня! За мной! — спокойно скомандовалъ Петрикъ и далъ мягко шпоры Одалискѣ. Выѣзженная школьная лошадь поджала задъ, вытянула впередъ тонкія ноги и осторожно ступила въ несшіяся серебряными водопадами волны потока.

Совсѣмъ смерклося. Обрываясь и скользя по гладкой галькѣ Одалиска безстрашно спускалась туда, гдѣ все ярче и ярче разгорались освѣщенные изнутри бумажныя окна китайскихъ фанзъ. За командиромъ сотни на фыркающихъ и храпящихъ коняхъ потянулись солдаты.

Дождь хлесталъ, не переставая. Въ глубинѣ пади вѣтеръ не такъ былъ замѣтенъ. Громы катились, удаляясь. Молніи вспыхивали рѣже. Въ ихъ свѣтѣ становилась видна широкая поляна, и на ней черныя высокія стѣны съ башнями по угламъ — точно средневѣковая крѣпость, съ громадными воротами, — обычная архитектура большого ханшиннаго завода.

XVI.

Передъ черными дубовыми воротами съ круглыми шляпками желѣзныхъ гвоздей была, какъ водится, высокая каменная стѣна, стоявшая щитомъ. На ней по бѣлому полю былъ намалеванъ страшный богъ съ выпученными глазами. При блескѣ молній, подъ сѣткою до-

жда, этотъ богъ былъ страшенъ и точно живой. Это была стѣнка отъ злого духа. Она преграждала ему прямой входъ въ ворота. Нарисованный на ней богъ охранялъ входъ. При видѣ большихъ построекъ, въ ожиданіи крыши, обѣда и ночлега люди оживились. Дождь все шелъ крупный и ровный. На западѣ, куда ниспадала долина, замѣтно яснѣло.

Похилко, вошедшій въ роль вахмистра, неистово стучалъ прикладомъ винтовки въ доски воротъ.

Со двора хриплымъ, заливымъ лаемъ отвѣчали собаки.

— Ишь черти косоглазые... Ни за что на дождь не вылъзетъ сукинъ котъ!.. Ломать что-ль, ваше высокоблагородіе, прикажете? Такъ и то не сломаешь. Развѣ что толовой шашкой ихъ подорвать.

— Подожди... Стучи еще...

Наконецъ, за дверью кто-то заговорилъ гортаннымъ голосомъ.

— Эй, ходя, — крикнулъ Похилко, — пусти Русскихъ солдаза обогрѣться.

— Бутундэ *), — лѣниво проворчалъ невнятный голосъ за воротами.

— Э, тунда-бутунда!... Открывай что-ль!.. Не ломать же намъ твои чортовы ворота.

— Анатолій Епифановичъ, скажи ему, въ чемъ дѣло, — обратился Петрикъ къ Кудумцеву.

Кудумцевъ бойко заговорилъ по-китайски. За воротами внимательно слушали. И уже не такъ сердито отвѣтили оттуда. Потомъ все стихло. Смолкъ собачій лай. Говорившій ушелъ отъ воротъ.

— Ну что тамъ? — спросилъ Петрикъ.

— Обождать мало-мало придется, — объяснилъ Кудумцевъ. — Надо же китайскія церемоніи соблюсти... Это большой ханшинный заводъ.... Какъ ты его, Факсъ, проглядѣлъ?.. Ворона, право.... Хозяинъ — Вангъ-Ши-Тзе — важный купеза, конечно, насъ пустить, но ему надо время привести себя въ приличный видъ, иначе онъ потеряетъ лицо.

*) Бутундэ — не понимаю.

— А мы стой подъ дождемъ и мокни, ишь ты косо-глазая какая приличія, — сказалъ Похилко.

На дворѣ было движеніе. Отодвигали хитрый деревянный засовъ. Со скрипомъ тяжело раскрылись набухшія на дождѣ ворота. За ними стояло два китайца рабочихъ. Въ рукахъ одного качался круглый розовый китайскій бумажный фонарь.

Въ его свѣтѣ сталъ виденъ обширный дворъ. Длинные фанзы свѣтящимися бумажными окнами глядѣли въ него, разсѣивая темноту и отражаясь въ лужахъ. Пахнуло соломой, бобовымъ масломъ, жильемъ. Съ говоромъ входили люди. Были видны по сторонамъ двора громадныя высокіе раскрытые сараи. Дождь барабанилъ по ихъ крышамъ изъ гаоляновыхъ стеблей. Плитная каменная дорожка вела вглубь двора, гдѣ вдругъ засвѣтились бумажныя, розоватыя окна. Передъ ними четко обрисовались тонкіе столбики галлерейки, окружавшей фанзу и большіе горшки съ фуксіями, бальзаминами и геранью.

Петрикъ съ Кудумцевымъ пошли къ главной фанзѣ. Ферфаксовъ и Похилко со встрѣтившими ихъ китайцами стали размѣщать людей и лошадей сотни подъ навѣсами сараевъ.

Хозяинъ въ черной шапочкѣ съ краснымъ гаруснымъ узелкомъ на маковкѣ — это украшеніе почему-то напомнило Петрику ту удавку, что была на шеѣ Шадрина и на мертвомъ женскомъ торсѣ — въ богатой, расшитой шелками синей кофтѣ, по старинѣ — съ длинной косой, встрѣтилъ Петрика въ дверяхъ. Его домоправитель стоялъ сзади и держалъ въ рукѣ керосиновую лампу съ узкимъ стекломъ, безъ абажура. Рѣзкій ея свѣтъ слѣпилъ вошедшаго съ темноты Петрика.

Хозяинъ присѣлъ въ церемонномъ поклонѣ и тихо и почтительно сталъ говорить по-китайски.

— Вангъ-Ши-Тзе, — переводилъ Кудумцевъ, — радъ дать пріютъ въ эту страшную непогоду господамъ офицерамъ и солдатамъ, но онъ проситъ, чтобы никто не заглядывалъ въ фанзы, гдѣ помѣщаются женщины.

— Хо! — какъ бы подтвердилъ переводъ Кудумцева Вангъ-Ши-Тзе.

Петрикъ положилъ руку на плечо китайца и тѣмъ ломанымъ Русско-китайскимъ языкомъ, какимъ всегда говорилъ съ манзами, сказалъ:

— Русски солдаза шанго! Китайска бабушка нѣтъ — ходи.... Тунде?

— Хао! хао, — закивалъ головою старый китаецъ.

По его знаку, домоправитель, толстый высокій круглолицый китаецъ съ полными щеками, — голова точно кегельный новый шаръ, — пошелъ съ лампой впередъ. Узкія двустворчатыя двери съ рѣзьбою распахнулись и хозяева, а за ними Петрикъ и Кудумцевъ вошли въ длинную фанзу. Она была ярко освѣщена висячей лампой съ горѣлкой геліосъ. Въ ней стояло душное тепло. Пахло дымомъ гаоляновой соломы: разогрѣвали каны. На нихъ, поверхъ соломенныхъ циновокъ были постланы тонкіе синяго сукна плоскіе матрацы и наложены суконные китайскіе вальки-подушки.

Петрикъ скользилъ намокшими сапогами по плетенкамъ изъ соломы. Съ его одежды текла вода.

Въ глубинѣ фанзы была узкая дверь. По ея сторонамъ стояли шкапикки черного дерева съ красивой рѣзьбой.

На одномъ невысокое изображеніе какого-то изваяннаго изъ бронзы бога. Передъ нимъ на тарелкѣ лежали бѣлые хлѣбцы, въ горку пепла были воткнуты тонкія угасшія свѣчи и въ вазочкахъ были пыльные бумажные цвѣты — домашніе пенаты, охранявшіе покой дома. На другомъ шкапикѣ было зеркало и какія-то шкатулки и фарфоровыя бездѣлушки. На этотъ шкапикъ домоправитель поставилъ лампу и она отбросила большія и страшныя тѣни отъ людей на желтоватыя бумажныя окна въ частомъ рѣзномъ переплетѣ.

Слуги Вангъ-Ши-Тзе принесли грязноватые, стеганные на ватѣ халаты, чтобы было, что надѣть, пока просохнетъ на канахъ промокшее платье.

— Онъ говоритъ, — объяснялъ слова китайца Кудумцевъ, — что сейчасъ растопить жарко каны... Намъ подадутъ чай. Если что нужно для сотни — свинью, или сѣна и зерна онъ охотно продастъ.

Вангъ-Ши-Тзе кивалъ головой: — «хао!.. хао!..»

Кудумцевъ съ помощью манзы-слуги стягивалъ намокшее платье и сапоги. Пришелъ его вѣстовой съ вьюкомъ, разложилъ бѣлье и одежду по кану. Китайцы ушли. Кудумцевъ голый, обросшій черною косматою шерстью, накинულъ на плечи китайскій халатъ и растянулся на нагрѣтомъ канѣ.

— Прямо блаженство, — сказалъ онъ. — Какъ послѣ бани на Русской лежанкѣ. А ты что же, Петръ Сергѣевичъ?

— Я еще пойду посмотрѣть, какъ устроилась сотня.

— Охота! Устроятся и безъ насъ, — потягиваясь сильнымъ, мускулистымъ тѣломъ и крикая, сказалъ Кудумцевъ. — Ты все пограничника нашего на Россійскаго солдата цѣнишь. Тутъ наша служба его такъ обломала — вездѣ приспособится... Поди еще и къ китаянкамъ заглянеть.

— Этого еще не доставало! — недовольнымъ голосомъ проворчалъ Петрикъ.

— Тебѣ что, Петръ Сергѣевичъ. Ты человѣкъ женатый... Тебѣ насъ не понять! Китайская мадама не трогать! Вотъ оно какъ!

— Неужели ты, Анатолій Епифановичъ, этого не понимаешь? Или ты шутишь!.. Тогда прости, твои шутки неумѣстны!

— Откровенно говоря, — не понимаю, — Кудумцевъ съ хрустомъ расправилъ свои кости, весь выворачиваясь изъ халата. — Я бы и самъ... Славно то какъ послѣ такой-то бани!.. Вотъ такъ, въ этомъ распахнутомъ халатѣ... Грязноватъ маленько, такъ за то мягкій какой?!.. Понимають семейное дѣло китайцы.... Да такъ бы вотъ голый — и скользнулъ бы по галлерейкѣ къ ихъ лѣвой фанзѣ... То-то тамъ переполоху!.. А вѣдь, поди, тамъ не однѣ сѣдья бабушки съ прокуренными черными зубами и сѣдыми косицами на лысыхъ черепахъ. Поди есть и молоденькія съ размалеванными щечками и черными чолками на лбу... Попѣтушился бы я тамъ!.. Онѣ то до бѣлаго мяса, я думаю куда какъ охочи!

— Ты это такъ рассказываешь, точно бывалъ тамъ, — сердито сказалъ Петрикъ.

— Бывалъ, не бывалъ, — былъ молодцу не въ укоръ. Китайская любовь не плохая любовь. Въ ней тоже и смѣхъ, и поцѣлуй... и слезы... Немножко множко, пожалуй, слезъ... Да вѣдь и то — любовь на полчаса. Ты не позволишь же тащить свой китайскій предметъ въ казарму.

Петрику былъ непріятенъ этотъ разговоръ, и онъ пошелъ къ дверямъ.

— Ты никогда не думалъ, Анатолій Епифановичъ, о послѣдствіяхъ такой любви?

— Послѣдствія меня не касаются... Мнѣ надо же имѣть какое-нибудь удовлетвореніе въ этомъ дикомъ краю... Я хочу!.. Ты понимаешь это, Петръ Сергѣевичъ?.. Я... я... я хочу... Вѣдь для меня то я — это все!

— Если такъ смотрѣть?.. Если я — это все?.. Если все можно — то можно дойти до такого состоянія, до какого дошелъ тотъ страшный злодѣй на Шадринской заимкѣ.

Петрикъ открылъ дверь въ сѣни.

— Пожалуй... да... можно, — гибко садясь на канѣ и охватывая руками голыя колѣни, сказалъ Кудумцевъ.

— Ты что же?... Его оправдываешь?... Ты понимаешь его?..

— Я думаю... тамъ былъ нашъ Русскій религіозный садизмъ... Это похуже еще еврейскаго употребленія крови... И кромѣ того... Въ этомъ я уже никакъ не сомнѣваюсь... Тамъ было... Тамъ было... Ты, Петръ Сергѣевичъ, знаешь, что такое «хи-хи-хи»?..

Ранцевъ пожалъ плечами и вышелъ изъ фанзы.

XVII.

Все тотъ же ровный, крупный дождь продолжалъ лить съ неба. Съ крышъ фанзъ шумѣли водяные потоки. Подъ сараями свѣтились китайскіе фонари. По случаю лѣтняго времени — старый урожай былъ израсходованъ — новый еще не собранъ — сараи были пусты. Тамъ

были уже протянуты коновязи. Мѣрный хрустъ раздавался оттуда. Лошадямъ было задано сѣно. Сѣдла, амуниція, винтовки — все было сложено и составлено согласно съ уставомъ. Часовой и два дневальныхъ въ мокрыхъ накидкахъ были при лошадяхъ.

— Когда смѣняетесь?

— Ихъ благородіе, поручикъ, сказали, какъ немного обогрѣется и просохнетъ смѣна, такъ и подмѣнять.

— Хорошо... Гдѣ поручикъ?

— Вотъ въ этой фанзюшкѣ.

Солдатъ указалъ на большую длинную постройку, ярко свѣтившуюся бумажными, широкими окнами.

Ранцевъ вошелъ въ фанзу. Въ ней было парно и дымно, какъ въ банѣ. И, какъ въ банѣ, въ ней копошились голые люди. На протянутыхъ веревкахъ, раздѣвшиися до нага солдаты, раздѣшивали рейтузы, сапоги и бѣлье. Въ сѣняхъ, при тускломъ свѣтѣ масляной лампы голый кашеваръ въ накинутой на плечи сѣрой, коломъ торчащей шинели раздѣлывалъ подвѣшенную за заднія ноги тушу молодой свиньи. Во вмазанныхъ въ печь чугунныхъ котлахъ закипала, дымясь паромъ, вода.

Похилко въ шинели, какъ въ халатѣ, босой, появился изъ фанзы.

— Что готовите? — спросилъ Петрикъ.

— Сейчасъ чаемъ съ китайскими лепешками ребятъ напоилъ... А на ужинъ похлебка свиная съ чумизой... Всего манза отпустилъ. Такіе хорошіе люди!

— Чтобы за все было заплачено. Спроси счетъ.

— Понимаю.

И, вспоминая бывший сейчасъ разговоръ съ Кудумцевымъ, Петрикъ строго добавилъ.

— И чтобы ханшина не трогали!

— Сами понимаемъ, ваше благородіе... Развѣ можно!

Весь мокрый и точно дымящій въ облипшемъ и ставшемъ тѣснымъ кителѣ показался Ферфаксовъ.

— Спасибо, Факсъ. Все въ порядкѣ... Пойдемъ... намъ хозяинъ сейчасъ чаю дастъ.

И, обращаясь къ Похилко, Петрикъ строго добавилъ:

— Чтобы никто не смѣлъ заглядывать къ китайякамъ.

— Да что вы, ваше высокоблагородіе, — точно возмущился Похилко. — Будто первый разъ!.. Мы себя соблюдаемъ... Сами, чай, женъ по домамъ пооставили... Очень даже мы это понимаемъ...

Когда шли по мокрымъ плитамъ подъ шумъ дождя и водяныхъ струй, Ферфаксовъ говорилъ Петрику:

— На счетъ этого ты, Петръ Сергѣевичъ, можешь быть спокоенъ... Наши солдаты Бога не забыли... Да и я имъ разъяснялъ... Имъ это и въ голову не придетъ.

«Кудумцеву, однако, пришло», — подумалъ Петрикъ, но ничего не сказалъ и вошелъ въ фанзу.

На канѣ стоялъ четырёхугольный низкій столъ и на немъ подносъ съ чашками и тарелками съ миндальнымъ печеньемъ. Кудумцевъ, завернувшись въ халатъ, спалъ, или притворялся спящимъ. Байдалаковъ въ одной шинели ожидалъ своего командира, чтобы помочь ему раздѣться.

Петрикъ легъ, подложивъ подъ голову сѣдло. Байдалаковъ, забравъ его мокрое платье и сапоги ушелъ. Ферфаксовъ въ сѣромъ китайскомъ халатѣ стоялъ у коптящей догорающей лампы спиною къ китайскому богу и крестился, молясь. Тѣнь отъ него прыгала по окнамъ, принимала причудливыя формы и скрывалась, когда Ферфаксовъ становился на колѣни.

Петрикъ согрѣвался и просыхалъ, лежа на нагрѣтомъ канѣ. Сонъ отъ него бѣжалъ. Онъ думалъ о Валентинѣ Петровнѣ, о Настѣ, объ Одалискѣ, кого онъ не забылъ навѣстить и устроить въ тепломъ углу сарая.

«Правъ ли я, осуждая Кудумцева», — думалъ Петрикъ. «У меня есть свой уголъ, свое семейное счастье. Мой служебный долгъ скрашенъ ласкою милаго моего Солнышка. А онъ?»...

И сейчасъ же вспомнилъ Похилко и солдатъ.

«Они выше насъ, потому что ближе и ближе къ Богу... Но, если имъ замѣнить Бога богородицею съ красной удавкой?.. Если они станутъ такими же невѣрными, какъ Кудумцевъ? Что будетъ тогда»... И думалъ о Богѣ, какъ о какой-то удивительной, благостной си-

лѣ и чувствовалъ себя крошечнымъ, маленькимъ, но этою силою хранимымъ. И тихо, про себя сталъ шептать на память вечернія молитвы.

...«Ты бо еси Богъ нашъ, и мы людіе Твои, вси дѣла руку Твоею, и имя Твое призываемъ»...

Хотѣлъ читать «милосердія двери», но точно что свернулось клубкомъ въ головѣ его, какъ сворачивалась Ди-ди, укладываясь спать, и сладкій покой охватилъ его тѣло. Онъ забылся крѣпкимъ сномъ.

Лампа, навонявъ керосиномъ, вспыхнула краснымъ пламенемъ и погасла. Черная дымная струйка вознеслась къ потолку. Въ фанзѣ стало темно. Въ темнотѣ безшумно укладывался Ферфаксовъ. Онъ лежалъ долго съ открытыми глазами, точно къ чему то прислушивался. Онъ смотрѣлъ, какъ прояснѣли и точно выплыли широкія бумажныя окна. Прислушался еще разъ: было тихо. Дождь пересталъ. Въ стеклянный маленькій глазокъ въ узорномъ окнѣ серебряная заглянула звѣздная ночь.

XVIII.

Утромъ, пока поили и кормили лошадей, чистили и сѣдлали, — офицеры въ фанзѣ пили чай. На противоположномъ канѣ сидѣли Вангъ-Ши-Тзе и его домоправитель. Они курили трубочки съ длинными тонкими чубучками и обмѣнивались короткими фразами. Петрикъ съ Ферфаксовымъ осмотрѣли сотню и убѣдились, что все исправно. Ферфаксовъ и Похилко остались подсчитать, что надо заплатить китайцу и заготовить росписку «о благополучномъ квартирovanіи», Петрикъ вернулся въ фанзу.

Кудумцевъ въ просохшемъ кителѣ и при амуниціи разливалъ поданный манзою-слугою чай.

— Петръ Сергѣевичъ, садись. Я налью тебѣ покрѣпче. Эхъ, жалко лимона нѣтъ.

— У меня есть въ сумѣ морсъ. Байдалаковъ дай баночку, что барыня давала, — сказалъ Петрикъ.

Прекрасное солнечное утро, освѣженный вчерашнею грозою воздухъ его опьянили. Онъ чувствовалъ себя бодрымъ, готовымъ къ работѣ. Онъ кипѣлъ желаніемъ скорѣе приняться за поиски.

— Такъ ты не знаешь, что такое «хи-хи-хи»? — капая тягучія черно-вишневая капли морса въ чашку, сказалъ Кудумцевъ.

Петрикъ, молча, пожалъ плечами.

— Интеллигентская, знаешь, ухмылочка... Скепсисъ. Ты учился въ корпусѣ — съ дворянскими, офицерскими дѣтьми... Ну, а я былъ въ гимназіи съ тѣми, кого наши дворянчики окрестили «кухаркиными сыновьями». Вотъ, когда я узналъ, что такое классовая рознь. Откуда только брались у насъ такіе типы!? Помню — одного звали Мустангъ, другого Будило, а то былъ еще Крюкъ... Сидѣли по два года въ классѣ, поступили поздно. Они были юноши, почти взрослые — мы дѣти. Признавали они только физическую силу. Кулаки — пудъ вѣсомъ... И били они малышей смертнымъ, нещаднымъ боемъ за то, что мы дѣти помѣщиковъ... Въ деревнѣ насъ не трогали. Тамъ дѣти и парни Бога помнили, старшихъ почитали.... За то, когда эта самая деревня являлась въ гимназію и нюхала просвѣщеніе — первое, что отметала она — религію и уваженіе къ старшимъ. Только физическое воздѣйствіе и признавали. Ихъ и воспитатели боялись.... Вотъ когда я и услыхалъ это подловатое съ присвистомъ, подслуживающееся хаму хихиканье, что и называлъ тогда — «хи-хи-хи»... Помню — Мустангъ и Крюкъ стали избивать одного дворянскаго мальчика... не будучи его называть... все равно... Мустангъ поставилъ его между колѣнями, а Крюкъ кулаками билъ его по вискамъ... до обморока. Дѣлали это такъ: здорово живешь. Я вступился. Я былъ сильный, ловкій раскаталъ обоихъ. На шумъ драки пришелъ воспитатель. «Въ чемъ дѣло?» — Мы молчали. Молчалъ и тотъ, избитый Мустангомъ и Крюкомъ мальчикъ. Виновнымъ оказался я. И, когда вели меня въ карцеръ, я первый разъ услышалъ это страшное, какъ змѣиный шипъ и архи-подлое интеллигентское «хи-хи-хи!... Это угодливо, чтобы подлизаться къ тѣмъ, кто его избили, смѣялся избитый

мальчикъ... Смѣялся надо мною — кто его спасъ отъ мукъ, можетъ быть, — отъ смерти! Вотъ когда я понималъ, что никакого Бога нѣтъ.

— При чемъ тутъ Богъ? — тихо сказалъ Петрикъ.

— Да вѣдь тотъ мальчикъ то... въ Бога вѣрилъ... Маменькинъ сынокъ былъ... Ханжа... Тихоня.... Ну, а еще... Послѣ Японской войны былъ я въ отпуску — въ Петербургѣ. Тамъ забастовки, манифестаціи, словомъ, безпорядки. Въ столицѣ я первый разъ — достопримѣчательности осматривалъ. Зашелъ въ Казанскій Соборъ. Идетъ богослуженіе. Влѣво, передъ чудотворной иконой, прямо костромъ горятъ свѣчи и лампадка теплится въ драгоценномъ хрусталѣ. Толпа народа. Я думаю, сотъ нѣсколько человѣкъ было. Чинно, благостно все. Въ толпѣ есть офицеры... Можетъ быть, и солдаты были. Все — вѣрующіе, Русскіе люди. И вдругъ шумно, съ хохотомъ и вотъ этимъ то подхихикиваньемъ, этимъ-то ядовитымъ «хи-хи-хи» вваливается человѣкъ двѣнадцать интеллигентской молодежи. Студенты, гимназисты, ну и... дѣвчонки съ ними какія-то. Въ шапкахъ... Растолкали толпу... Идутъ прямо къ иконѣ. И какой-то въ шапкѣ, лохматый, кудри до плечъ, похоже, что жидъ, по бархатомъ обитымъ ступенькамъ къ лампадѣ... и раскурилъ папиросу... И толпа ахнула... И никто, понимаешь, никто не вытолкалъ ихъ въ шею, морды имъ не набилъ. А дѣвица, курсистка, что-ли какая, такъ звонко засмѣялась — «хи-хи-хи». Когда я выходилъ изъ Собора, — я слышалъ въ толпѣ говорили: — «если сама Владычица не заступилась за себя, что же мы, грѣшные люди, могли сдѣлать?»... Ты понимаешь, Петръ Сергѣевичъ, что это паршивое «хи-хи-хи» великую вѣру шатаетъ... Такъ ужъ лучше не вѣрить.

Послѣдовало продолжительное молчаніе. Петрикъ, опустивъ голову, задумчиво мѣшалъ ручкой ножа въ желѣзной кружкѣ чай. Кудумцевъ курилъ, пуская частые клубы дыма.

— Вотъ такъ же. — неожиданно сказалъ онъ, — было и на Шадринской заимкѣ.

— Что... На Шадринской заимкѣ? — спросилъ, поднимая голову, Петрикъ.

— Я не знаю, что тамъ разнохаетъ этотъ Пинкертонъ въ пенснэ... Отъ него тоже интеллигентскимъ невѣрьемъ пахнетъ, а мнѣ, съ дѣтства знакомому съ варнаками, это дѣло ясно.

— Ну?

— Ты слыхалъ — Факсъ рассказывалъ — жилъ былъ богобоязненный разбойникъ... Старовѣръ притомъ.... Когда Факсъ у него ночевалъ — курить ему не разрѣшалось... И Факсъ слушался... Онъ вѣдь не интеллигентъ... Онъ, «средняго образованія». Университета не нюхалъ... Александровскаго военного училища. Изъ «юнкарей»... Да какой!.. Онъ бывало, въ кумирню китайскую входитъ — шапку сниметь... Всякая вѣра достойна, молъ, уваженія... Ну и помнишь, говорилъ Факсъ, — пришелъ, — а тамъ накурено... Табачищемъ воняетъ, и человѣкъ рыжий и съ нимъ двѣ дѣвки... Ты понимаешь, — какъ это все важно... Сдвигъ - то какой!.. Вѣдь это Монбланъ спустился въ пропасть! Какъ же это Шадринъ-то позволилъ?.. Ну такъ я тебѣ литературу напому. Помнишь, въ «Идіотѣ» Достоевскаго — Настасья Филипповна и купецъ-старовѣръ Рогожинъ. Ну такъ вотъ и къ Шадрину явилась такая же Настасья Филипповна — тоже женщина съ надрывомъ, съ истерикой и обожгла его пожаромъ страсти всего. Только покрупнѣе, посовременнѣе Настасьи Филипповны... Настасья Филипповна-то Рогожинскія сто тысячъ въ огонь бросила, да какъ газетная обложка-то обгорать стала, такъ она ее каминными щипцами вынула и потушить дала. Ну эта-то, поди, не то, чтобы ста тысячамъ сгорѣть дала, еще и щипцами самый пепелъ бы растерла. Ей все равно.... Она, кабы могла — и самое Россію, на какомъ ни на есть громадномъ кострѣ спалила бы!.. Вотъ она какая!.. Явилась и стала смущать. Онъ-то, Шадринъ, по словамъ Факса — бабникъ... А тутъ пришла интеллигентная, образованная, поди, тонкая, изящная, обольстительная... И Бога-то нѣтъ, — а какъ поняла, что такой человѣкъ, какъ Шадринъ, безъ Бога никакъ не можетъ — такъ она сама ему богородицей стала. А хочешь обладать мной — смотри вотъ красный снурочекъ — обладай, а потомъ задую... И при ней,

значить, это уже такъ водится, какіе-нибудь тоже изувѣры, вотъ этакіе Мустанги, Будилы, да Крюки, — и тоже съ ухмылочкой. Это тотъ рыжій, кого видалъ Факсъ, — онъ, поди и давилъ, — ну и дѣвица — безъ нея нельзя — надо комунибудь богородицу-то обслуживать... Ну и вотъ драма... Она можетъ и не одинъ мѣсяцъ назрѣвала, а вырѣшилась позавчерашнею ночью... Значить: — «я тебѣ докажу, что твои боги, что стоятъ въ божницѣ ничто!» и вотъ давить свою служанку... А та еще и петлю на себя надѣваетъ. Ручки цѣлуетъ... Въ ней тоже это «хи-хи-хи», экстазъ этотъ сидитъ. А потомъ потрошатъ ее и ставятъ въ кіотъ. Ты Шадрина-то при этомъ видишь? Поди, глаза вылупилъ и сразу повѣрилъ, что чelовѣкъ произошелъ отъ обезьяны и никакого Бога нѣтъ. Отъ всей этой крови, отъ всего этого могущества ея — онъ такъ распалился, что и самъ полѣзъ на женщину-то эту. Ну, а она — и его удавкой... Онъ сильный — бѣжать бросился, да въ дверяхъ его и додушили. Вотъ оно какъ было... Никакого тутъ Пинкертона въ пенснэ не надо!.. Просто знать эту каторжную психологию изувѣровъ.

— Ну, хорошо, а китайцевъ-то зачѣмъ же они убили?

— Чтобы свидѣтелей не было. Тѣла ихъ свиньямъ бы скормили, или такъ разбросали бы, да вишь ты — одному бѣжать удалось... Вотъ тогда и они испугались. Эти-то самые «хи-хи-хи» куда какъ горазды мучить другихъ, ну а сами на расчетъ очень жидки.

— Значить, все-таки, они тутъ, гдѣ-нибудь... И я ихъ найду! — сказалъ Петрикъ.

Вангъ-Ши-Тзе и его домоправитель встали съ кана и съ церемоннымъ поклономъ вышли изъ фанзы.

— Не думаю, что найдешь. Имъ самъ дьяволъ поможетъ.

— Еще вопросъ... Все то, что ты сказалъ, — все это неправдоподобно, но именно въ самомъ своемъ неправдоподобіи можетъ быть скрываетъ ужаснѣйшую правду... Но откуда же взялись эти люди? Какъ попали они именно на Шадринскую заимку?

— Безпорядки 1905 года вызвали то, что очень много вотъ этакихъ-то «хи-хи-хи» было выслано въ Сибирь, другіе и сами бѣжали. Граница тутъ почти не охраняется. Изъ Благовѣщенска въ Сахалянъ... Ну и искали возможностей. Вѣдь и Настасья Филипповна Рогожинымъ интересовалась. А чѣмъ Шадринъ хуже Рогожина? Такого Манчжурскаго медвѣдя покорить и обломать было куда интереснѣе, чѣмъ Петербургскаго купчика-голубчика Рогожина.

— Да... вотъ оно какъ, — протянулъ въ раздумьи Петрикъ, поднимаясь съ кана. — Ужасно все то, что ты говоришь.

— Жизнь, Петръ Сергѣевичъ, не красивая сказка и не рыцарскій романъ, но грязь и кровь.

Петрикъ хотѣлъ что-то возразить Кудумцеву, но дверь фанзы шумно, съ трескомъ распахнулась и въ дверяхъ ея появился взволнованный и возбужденный Похилко. Онъ знаками вызывалъ сотеннаго командира къ себѣ.

XIX.

— Ваше высокоблагородіе, — таинственнымъ шопотомъ докладывалъ Похилко, — безпремѣнно тутъ, ихъ искать надо, убійцевъ этихъ... Это Китай сдѣлалъ... хунхузы... Я тутъ развѣдалъ... Самое этотъ заводъ — хунхузское гнѣздо оказывается. И гдѣ-нибудь недалеко и эти самые душегубы скрываются.

— Почему ты такъ думаешь?

— Такая, ваше высокоблагородіе, выходитъ тутъ антимонія... Ясно — тутъ ничего нѣтъ. Семьдесятъ насъ тутъ ночевало — чего-нибудь да нанюхали бы... А только... Вы чего объ этомъ дѣлѣ при Вангѣ не говорили?

— Ну.

— Вѣдь онъ, я развѣдалъ, онъ по-Русски то, какъ мы съ вами!.. Онъ понимаетъ!.. Только притворяется, что ничего не знаетъ... А зачѣмъ онъ... Да вотъ, ваше вы-

сокоблагородіе, мало-мало время тому назадъ, значить, вышелъ ихъ управляющій, — и, вижу я, хоронится отъ насъ. Я осторожно такъ выглядаю. И позвалъ онъ. значить, манзу. Чего-то ему пошепталъ и тотъ хоронякой, чтобы никто не видалъ, сигнулъ за ограду, да какъ ударится въ лѣсъ! Чего бы ему?.. Я было за нимъ... А онъ уже и скрылся. Да не уйдетъ. Трава-то мокрая — по слѣду найдемъ... Ваше высокоблагородіе, вы только ему и виду не показывайте, что раскрыли его... А то онъ тоже свои мѣры приметъ... А мы по тому... по манзѣ... живо найдемъ и всѣхъ, хотя и съ боемъ опредѣлимъ.

Петрикъ задумался.

— Скажи... чтобы давали мнѣ Одалиску. Сотня готова?

— Однако, построена уже.

Петрикъ хотѣлъ съ завода идти домой. Его дѣло было кончено. Слѣдственные власти взялись за него. Преступленіе раскрыть должна была полиція. Но... разговоръ съ Кудумцевымъ его сильно взволновалъ. Петрикъ чувствовалъ, что необычность преступленія не могла быть объяснена иначе, какъ объяснялъ его Кудумцевъ. И, если Вангъ-Ши-Тзе — хорошо понимаетъ по-Русски, и если онъ кого-то тутъ укрывалъ, то эта странная посылка манзы должна быть разгадана. А тутъ еще это Похилковское: «хотя и съ боемъ», что какъ бичомъ ударило Петрика. И не его ли это долгъ разыскать ту тонкую ниточку, что вдругъ появилась передъ нимъ? Онъ на мѣстѣ. Онъ съ люльми. Для нихъ это интересный и поучительный маневръ по сильно пересѣченной мѣстности, развѣлка — и онъ будетъ правъ, если и не сразу вернется домой.

Написавъ записочку Валентинѣ Петровнѣ и передавъ ее Кудумцеву, Петрикъ приказалъ своему старшему офицеру идти съ полусотней домой, а самъ съ Ферфаксовымъ — его онъ быстро посвятилъ во все, — Похилко и шестнадцатью солдатами развѣдчиками рысью пошелъ въ томъ направленіи, какое ему указалъ Похилко.

Лошади мягко шли по грязной, размытой дорогѣ. Колеи заплыли пескомъ. Мелкій камень стучалъ и скри-

пѣлъ иногда подѣ подковами. Впереди низкимъ паромъ курилась дорога. Жаркій наступалъ день.

Отойдя отъ завода, замѣтавъ, такъ сказать, слѣды, устранивъ подозрѣнія отъ истинныхъ своихъ намѣреній, Ранцевъ, посовѣтовавшись съ Похилко и Факсомъ, свернулъ съ дороги, по цѣлинѣ, по крутому подъему, усѣянному камнями и густо заросшему кустарникомъ, выбрался изъ долины, гдѣ былъ заводъ и очутился на просторномъ плоскогорьѣ, заросшемъ густою травою. Широкий видъ открылся передъ нимъ. Въ дымкѣ поднимающихся отъ намокшей земли паровъ, какъ на планѣ, видны были поля, рощи тамарисковъ, яблонь и грушъ у китайскихъ помѣстій, сѣрые зигзаги улицъ китайскихъ деревень и далекій городъ, окруженный прямоугольникомъ высокой стѣны съ башнями по угламъ. И надо всѣмъ распростерлось глубокое синее небо. Куда дѣвались дымы, завѣсы, громы и молніи вчерашнихъ грозъ? Все было голубо, покрыто золотымъ налетомъ блистающаго солнца, все точно играло. Даль звенѣла и звала. Надъ бѣлесымъ отъ дождевой воды лугомъ играли бабочки. Перепела срывались задолго до подхода всадниковъ и летѣли быстро и прямо, дразня охотниковъ.

— Эхъ, — крутилъ головою Ферфаксовъ. — Напрасно второпяхъ не взялъ двустволки и Бердана. Настрѣлялъ бы я командиршѣ перепеловъ. Такіе они теперь жирные!

Похилко на ходу соскочилъ съ лошади, приникъ къ самой верхушкѣ травъ и изъ-подъ ладони выглядывалъ на солнце.

— Вотъ онъ и есть его слѣдъ, — крикнулъ онъ и, вскочивъ на лошадь, выѣхалъ впередъ. — Ваше высокоблагородіе ай-да за мною!.. Теперя нагонимъ... Никуда не уйдетъ.

Петрикъ, Ферфаксовъ, а за ними развѣдчики широкимъ наметомъ поскакали по лугу.

По мокрой травѣ чуть намѣчался слѣдъ прошедшаго человѣка.

Плоскогорье кончилось. Передъ ними былъ опять крутой обрывъ, густо заросшій кустарникомъ и ежевикой. Слѣдъ потерялся. Всѣ остановились и рассыпались

вдоль обрыва. Похилко, слѣзъ съ лошади, бросилъ ее и точно провалился въ густой заросли.

Не прошло и минуты, какъ онъ возвратился. На лицѣ его свѣтился охотничій восторгъ. Въ рукѣ была вѣточка ежевики съ приставшимъ къ шипу маленькимъ клочкомъ сѣрой китайской дрели.

— Гляньте, ваше высокоблагородіе, — еще издали кричалъ онъ. — Тутъ гдѣ-нибудь недалеко и манза будетъ. Лоскутъ еще мокрый, и просохнуть не успѣлъ на солнышкѣ!

XX.

Когда по крутому спуску, продираясь сквозь кусты, сошли внизъ — оказались въ узкой долинѣ рѣки Плюньхе. Послѣ вчерашнихъ грозы и ливня она неслась бурнымъ потокомъ, шумя катящимися по дну камнями. Какъ водится, расползлись по рѣкѣ — напоить лошадей. Монголки храпѣли, подходя къ водѣ. Онѣ чуяли глубину потока. Солдаты, оживившіеся отъ погони поглядывали вдоль по рѣкѣ, точно прощупывали глазами гущину кустовъ. И вдругъ съ лѣваго фланга закричали: — «вонъ онъ — во-онъ... Глядите надъ рѣкой»...

Петрикъ не сразу увидалъ то, что увидалъ своими зоркими глазами солдатъ. Въ полтора, примѣрно, верстахъ, ниже по рѣкѣ, какой-то манза проворно раздѣлся, свернулъ комкомъ свою одежду и пошелъ въ рѣку. Вода ему была по горло. И видно было по движенію куклы съ одеждой на его головѣ надъ водою, какъ трудно было ему переходить рѣку, какъ его сносило потокомъ. Онъ выскочилъ и проворно одѣвшись, побѣжалъ въ горы.

Первымъ сорвался за нимъ Ферфаксовъ, потомъ Петрикъ, сзади растянулись солдаты. Галька со скрипомъ и шумомъ летѣла изъ-подъ копытъ. На скаку Петрикъ соображалъ свои дѣйствія. Переходить съ солдатами на ихъ маленькихъ лошадакахъ нечего было и ду-

мать. Ихъ снесетъ. Не зачѣмъ брать съ собою солдатъ — онъ одинъ управится.

Но уже могучій гнѣдой Магнитъ Ферфаксова прынулъ въ потокъ. Петрикъ задержалъ Одалиску и знакомъ остановилъ развѣдчиковъ.

— Похилко! — крикнулъ онъ. — Вамъ переходить не зачѣмъ, мы съ поручикомъ его поймаемъ и допросимъ. Если надо будетъ — я подамъ свистокъ, тогда безъ лошадей идите человекъ пять черезъ рѣчку.

— Понимаю!

Сильная, чистокровная Одалиска въ три прыжка по глубокой водѣ, залившей ее съ крупомъ, вынесла Петрика на тотъ берегъ. Ухватившись за гривы, Петрикъ и Ферфаксовъ вскарабкались по крутому берегу и опять было передъ нимъ плоскоегорье, поросшее погорѣлою травою. Кое-гдѣ выпячивались изъ него камни. Это плоскоегорье тянулось вдоль рѣки и было шириной сажень триста. И только поднялись на него, какъ Ферфаксовъ показалъ рукою Петрику. На той сторонѣ луга показалась и исчезла сѣрая фигура манзы.

Ферфаксовъ карьеромъ помчался туда. За нимъ поскакалъ Петрикъ. И когда, уже нагоняя Ферфаксова, Петрикъ былъ на той сторонѣ — передъ нимъ мелькнули ноги Ферфаксова. Магнитъ тупо остановился надъ пропастью и Ферфаксовъ «рыбкою» вылетѣлъ изъ сѣдла и скрылся въ кустахъ. Петрикъ набралъ мундштукъ, сдвинулъ ногами Одалиску и остановилъ лошадь надъ обрывомъ. Онъ поймалъ Магнита. Сконфуженный Ферфаксовъ вылѣзалъ изъ кустовъ, хватаясь за вѣтви.

— Не ушибся, Факсъ? — крикнулъ Петрикъ.

— Нѣтъ... въ кусты... Прямо мордой. Ни-какъ не ожидалъ, что онъ, подлецъ, такъ занесетъ! Мало-мало въ пропасть не угодилъ.

Онъ дѣйствительно былъ цѣлъ и невредимъ. Только по щекамъ текла кровь. Онъ разодралъ ихъ о кусты и шипы ежевики.

Петрикъ спѣшилъ.

— Ну, вотъ что... Держи, Факсъ, лошадей, а я спущусь и посмотрю, куда дѣвался проклятый манза!..

Круто, почти отвѣсно, горная грива спускалась въ

новую, глухую, лѣсную падь. И не было сомнѣнiя, что именно туда полѣзъ манза. Петрикъ, хватаясь руками за стебли кустовъ, ища опоры ногамъ въ осыпающемся пескѣ и на камняхъ, быстро сползаль внизъ. По низу росъ густой и частый лѣсъ и едва прошелъ по нему нѣсколько шаговъ Петрикъ, увидалъ поляну и на ней одинокую фанзу.

Эта фанза была такъ неожиданна, что Петрикъ остановился, вглядываясь въ нее. Никакого признака жизни не было подлѣ нея. Не залаяла собака, не всполошились и не закричали куры. Да, какъ видно, никакой живности не было на крошечномъ дворѣ, образованномъ обвалившимися, неровными глиняными стѣнами. Жердяныя ворота были раскрыты и сквозь нихъ были видны сѣрыя, пыльные стѣны глинобитной фанзы, простой переплетъ широкаго окна, заклееннаго желтоватою, пыльною бумагою. Розовыя и бѣлыя махровыя мальвы часовыми стояли вдоль стѣны. Въ углу бурно раскинулись бурьянъ и крапива. Печать заброшенности и смерти лежала на этомъ пустомъ жильѣ. Холоднымъ дымомъ, пылью и терпкимъ запахомъ полыни и мяты пахнуло въ лицо Петрику, едва онъ вошелъ во дворъ. Нигдѣ не было никакого человѣческаго слѣда.

Петрикъ почему-то крадучись подошелъ къ дверямъ фанзы. Потрогалъ ихъ. Онѣ были заложены изнутри китайскимъ засовомъ. Петрикъ вынулъ изъ ноженъ шашку, просунулъ ее въ щель между створками дверей и приподнялъ засовъ. Безшумно растворились двери. Петрикъ прислушался. Полная тишина была въ фанзѣ. Въ темныхъ сѣняхъ пахло пепломъ и бобовымъ масломъ. Въ низкой печи былъ вмазанъ черный чугунокъ. Петрикъ потрогалъ печь — она хранила вчерашнее тепло. Влѣво была дверь. Она распахнулась, какъ только къ ней прикоснулся Петрикъ.

Послѣ темныхъ сѣней въ фанзѣ казалось свѣтло. Широкий канъ съ обгорѣлой порыжѣвшей грубой соломЕННОЙ циновкой шелъ подъ окномъ. Полъ былъ земляной. На канѣ валялось тряпье. На деревянномъ краѣ его симметричными горками лежалъ выбитый изъ трубочки табачный пепелъ. Пахло ѣдкимъ табачнымъ ды-

момъ, сладковатымъ дурманомъ мака и ѣдкою вонью бобоваго масла. Темный сундукъ стоялъ въ углу. Въ глубинѣ была дверь. Простой ея переплетъ съ той стороны былъ заклеенъ розовой бумагою. Эта бумага была разорвана и въ отверстіе — Петрику показалось — кто-то разсматривалъ его. Петрикъ вглядѣлся. Два огромныхъ глаза — лампы — смотрѣли оттуда. Эти глаза, вдругъ такъ много напомнившіе Петрику изъ той, его Петербургской жизни, когда онъ избѣгалъ Валентины Петровны и дружилъ съ Портосомъ — ошеломили его. Онъ не могъ вынести ихъ внимательнаго взгляда. Все было такъ странно и страшно, такъ неестественно, необычно и не по здѣшнему дико! Глаза показались призракомъ. Мертвая тишина одиноко стоящей въ лѣсной глуши фанзы давила. Петрикъ почувствовалъ: волосы зашевелились подъ донцемъ фуражки, и холодный трепетъ прошелъ по спинѣ и ногамъ. Онъ попятился назадъ и, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, выбѣжалъ изъ фанзы и побѣжалъ къ опушкѣ лѣса.

Но едва подошелъ къ мелкимъ частымъ осинамъ и елкамъ, услышалъ жужжаніе толкавшихся въ воздухѣ мухъ, увидалъ пробѣжавшую въ травѣ ящерицу, услышалъ трепетъ крыльевъ сорвавшейся въ кустахъ птицы, — овладѣлъ собою. Вложилъ все еще вынутую шашку въ ножны и, взявъ себя въ руки, спокойно и неторопливо пошелъ въ фанзу. Тамъ все та же царила тишина. Петрикъ смѣлѣе посмотрѣлъ на двери, заклеенныя розовой бумагой. Онъ ждалъ увидѣть глаза-лампы, онъ былъ готовъ сломать о нихъ свой острый взглядъ и распахнуть скрывавшія лицо двери, — но щель была пуста. Оттуда смотрѣлась чернота каморки. Петрикъ шагнулъ къ дверямъ и сразу остановился, какъ вкопанный. У него на мигъ отъ неожиданности и страха закружилась голова.

Двери медленно раскрылись и изъ нихъ вышла маленькая, сгорбленная, одѣтая въ сѣрыя длинныя лохмотья старуха-китаянка. Ея черепъ былъ голъ и покрытъ коричневой сморщенной кожей. На макушкѣ былъ точно узелокъ грязно-сѣдыхъ волосъ. Лицо въ морщинахъ съ узкими щелками глазъ, съ широкимъ приплюсну-

тымъ носомъ, съ тонкими губами, раскрывавшими черный пустой ротъ безъ зубовъ, было лицомъ ужасной маски. Такъ было оно неподвижно.

Старуха остановилась въ шагѣ отъ Петрика. Въ ея рукѣ была тоненькая трубочка съ серебряною съ полъ жолудя величиною чашечкою чубука. Нѣсколько секундъ Петрикъ и китаянка стояли другъ противъ друга. Оба молчали.

— Русска мадама чего ю? — отрывисто, срывающимся хриплымъ голосомъ спросилъ Петрикъ.

Старуха не отвѣтила. И прошло довольно времени въ этомъ напряженіи. Петрикъ сдѣлалъ движеніе схватить старуху. Тогда шире раскрылся беззубый ротъ и въ щеляхъ глазъ коричневой маски метнулся огонь. Блеющий, нечеловѣческій голосъ раздался въ фанзѣ:

— Мею... мею! *).

«Я долженъ обыскать», — мелькнула мысль въ головѣ Петрика.

Но едва онъ коснулся рукою тряпья, какъ отдернулъ руку. Самое слово — «обыскать» претило его офицерскому достоинству. Позорнымъ казалось рыться въ женскомъ скарбѣ ничтожной старухи. Кого она могла здѣсь прятать, что хранить? Петрикъ воровато оглянулся. Старуха сѣла на край кана. Ея голова чуть тряслась. Въ рукѣ, изсохшей съ тонкими пальцами дрожала ея трубка. Она смотрѣла на Петрика узкими глазами. И въ ея взглядѣ Петрикъ читалъ страшный, оскорбительный нѣмой упрекъ.

— Мею... мею-ля... — еще разъ проблеяла старуха.

XXI.

Страшный, такой, какого никогда еще не испытывалъ Петрикъ, мистическій какой-то, ужасъ охватилъ его. Точно видѣлъ онъ что-то потустороннее. Будто не-

*) Чего ю — здѣсь есть? — Мею, мею-ля — нѣтъ.

земныя силы стали противъ него. Такъ страшна казалась эта такая простая старуха! Петрикъ, пятась, вышелъ изъ фанзы. Опустивъ голову, медленно брелъ онъ по лѣсной прогалинѣ, потомъ карабкался наверхъ, выбираясь изъ пади съ одинокой фанзой. Онъ уже жалѣлъ, что не взялъ съ собой ни Ферфаксова, ни Похилко, ни кого-нибудь изъ солдатъ. Ихъ трезвый умъ помогъ бы ему. Они не стѣснились бы перерыть все старухино тряпье, раскрыть сундуки, заглянуть во всѣ закоулки фанзы. Они сказали бы — были дѣйствительно въ щели между бумагами глаза-лампады, принадлежавшіе тому прошлому, что Петрикъ такъ рѣшительно и рѣзко вычеркнулъ изъ своей жизни.

«А впрочемъ», — думалъ онъ, — «чего это я? Старый солдатъ... Какъ разыгрались нервы! Вчерашняя драма на Шадринской заимкѣ... Станный разговоръ съ Кудумцевымъ и это его опредѣленіе интеллигентскаго цинизма... «хи-хи-хи».

Ему казалось, что, когда онъ выходилъ изъ фанзы — онъ слышалъ это «хи-хи-хи». Не смѣялась-ли то старуха? Ея блеющее «мею» преслѣдовало его.

«Ну чего это я», — думалъ онъ, и самъ мысленно говорилъ себѣ: — «ну, хочешь, вернись... Ну вотъ и вернись».

Но не вернулся. Напротивъ, торопился выбраться изъ пади, жаждалъ увидѣть простодушное честное лицо Факса.

— Кто тамъ можетъ скрываться? Ну, если тамъ была и правда нигилисточка? Если это ея глаза-лампады глядѣли изъ-за прорванной бумаги, куда же она дѣвалась? И какъ могла нигилисточка изъ Петербурга очутиться въ глухой пади среди лѣсовъ «Императорской охоты»? Все это вздоръ».

Но этотъ вздоръ всколыхнулъ мучительныя воспоминанія прошлаго и разбудилъ, казалось, такъ надежно усыпленную ревность.

И немалого усилія воли стоило Петрику прогнать мысли о прошломъ и доказать себѣ, что никакая нигилисточка невозможна въ этой суровой Манчжурской

глуши. Что глаза-лампады только показались, привидѣлись ему.

А мысль работала дальше.

«А если?.. Если бы тамъ и правда нигилисточка? Если это ее найдетъ «Пинкертонъ въ пенснэ» и раскроетъ все прошлое... Портось и драма его милого, яснаго Солнышка! Нѣтъ!.. Не надо, не надо.. не надо!»...

И, уже внутренно желая, чтобы слѣдствіе пошло по другому пути, выкинувъ изъ памяти привидѣвшіеся ему глаза-лампады, Петрикъ вылѣзъ на поляну шагахъ въ двухстахъ отъ того мѣста, гдѣ онъ оставилъ Ферфаксова съ лошадьми.

— Ну, что? — спросилъ его Ферфаксовъ.

Петрикъ, молча, сѣлъ на лошадь и шагомъ поѣхалъ черезъ поляну. Дорогой онъ разсказалъ Ферфаксову про найденную имъ пустую и таинственную фанзу, про старуху и ея блеющий голосъ, но про привидѣвшіеся ему глаза-лампады Петрикъ умолчалъ.

И это было съ нимъ въ первый разъ... Въ такомъ простомъ дѣлѣ, какъ розыски манзы и убійцъ Шадрина, въ разговорѣ съ такимъ чуднымъ и прямымъ товарищемъ, какъ Ферфаксовъ, — Петрикъ вступалъ на чуждый ему путь компромисса. Онъ умалчивалъ. А компромиссъ и умолчаніе и были ложью, противной Петрику. Но вмѣстѣ съ прелестной Валентиной Петровной, вмѣстѣ съ Солнышкомъ, освѣтившимъ его постовую солдатскую жизнь вошла къ нему въ душу и ложь умолчанія. И, какъ ни хотѣлъ Петрикъ исключить изъ жизни Петербургское прошлое, — онъ не могъ этого сдѣлать. То тутъ, то тамъ всплывало оно и отравляло ему жизнь мучительнымъ стыдомъ и ревностью. Онъ старался простить, но не могъ забыть.

Всю дорогу до поста Петрикъ молчалъ. Онъ казался усталымъ, чего никогда за нимъ солдаты не замѣчали. Гдѣ было можно — онъ велъ развѣдчиковъ рысью. Онъ торопился и съ тревогою посматривалъ на горы. Тучи сгущались тамъ, и дымныя клочья неслись по небу. Чернѣла его синева. Новая гроза шла изъ-за горъ.

Показались вдали кирпичныя казармы. Окно въ командирской квартирѣ было раскрыто.

Похилко на правахъ приближеннаго сказалъ Ферфаксову:

— Ваше благородіе, мать командирша насъ ожидаютъ. Прикажите — Манчжурскую!

Такъ ужъ было заведено и безъ словъ условлено, что когда возвращались съ маневра, шли изъ поиска за хунхузами, и все было благополучно, то подходили къ казармамъ съ пѣснями.

Ферфаксовъ и самъ увидалъ въ окнѣ свою мать-командиршу. Его бурое лицо почернѣло отъ восторга. Онъ знакомъ собралъ вокругъ себя развѣдчиковъ, угрозилъ пальцемъ, чтобы смотрѣли на него и красивымъ, звонкимъ теноромъ завелъ:

«Любимъ драться мы съ Китаемъ,
Пулѣ пульей отвѣчать,
И съ бутылкой предъ огнями,
На бивакѣ пировать!»..

Далекіе громы идущей изъ-за горъ грозы аккомпанировали ему. Молніи полыхали за его спиной. Непросохшая послѣ вчерашняго ливня дорога чавкала подъ копытами всадниковъ...

XXII.

Валентина Петровна послѣ возвращенія Кудумцева весь остатокъ дня провела у окна, смотрѣвшаго на горную дорогу. Она ждала Петрика. Настенька спала въ дѣтской колясочкѣ подлѣ нея. Ди-ди лежала въ креслѣ.

Валентина Петровна наблюдала, какъ ползли, все становясь длиннѣе и длиннѣе, тѣни отъ казармъ и рани на желѣзнодорожномъ переѣздѣ, какъ стихалъ день. Умолкали жаворонки въ поляхъ и только ласточки съ пронзительнымъ пискомъ носились, ниспадая къ землѣ. Онѣ предвѣщали ненастье.

Она надѣла любимое платье Петрика. Изъ бѣлаго крепъ-де-шина съ широкой блузкой, раскрытой на шеѣ,

съ узкимъ вырѣзомъ, зашпиленнымъ золотою брошкою-драконъ съ брилліантомъ въ пасти, — большою складкою, упадающею на широкій въ сборкахъ поясъ, съ просторной юбкой, полнившей ея бедра, съ кружевной горжеткой, завитая, со взбитыми волосами она ждала мужа, какъ невѣста ждетъ жениха, какъ возлюбленная милого друга. Послѣ поисковъ и маневровъ, когда приходилъ онъ къ ней, пахнуцій жесткимъ мужскимъ запахомъ — лѣса и полей, лошади и кожи, приходилъ, пропитанный дождемъ вчерашней грозы и прокаленный сегодняшнимъ солнцемъ — онъ былъ ей особенно дорогъ и милъ.

И странно — напоминалъ ей холенаго, снобирующаго, надушеннаго крѣпкими англійскими духами Порто-са.

Первая почуяла возвращеніе Петрика Ди-ди. Она, крѣпко спавшая, вдругъ выставила трубкой розовое внутри ухо, распрямилась, сѣла на креслѣ, потянула шевелящимися черными ноздрями воздухъ, тявкнула, побѣжала къ дверямъ, потомъ, повизгивая, вернулась къ окну и стала у него, опираясь объ оконницу напруженными тонкими передними лапками. Черные брилліанты глазъ были полны напряженнѣйшаго вниманія, кончикъ хлыстика хвоста былъ въ движеніи.

Почти сейчасъ же Валентина Петровна услышала хоровое пѣніе и различила слова:

«Пей, друзья, покуда пьется
Горе въ жизни забывай!
Издавна у насъ ведется —
Пей!.. Ума не пропивай!..

Маленькая Настя улыбалась пѣснѣ и косила къ окну глазами морской волны — точь въ точь такими, какъ были и у ея матери.

Болью сжалось сердце Валентины Петровны. Какъ? въ какихъ впечатлѣніяхъ ранняго дѣтства росла ея дочь! Что баюкало ея колыбельный сонъ? Солдатская пѣсня!.. Дочь солдата!..

По вчерашнему налетали полосами грозовые вихри и гнули къ землѣ зрѣющіе хлѣба. Муаровыми лентами

покрывались поля. Гривы и хвосты лошадей раздувались вѣтромъ. Гроза приближалась скорѣе всадниковъ. Чернѣлъ небосводъ. Пахнуло дождемъ.

Валентина Петровна укатила колясочку съ ребенкомъ въ дѣтскую, гдѣ уже закрыто было окно и задернуты занавѣси и передала ребенка Чао-ли. Она послала Григорія пригласить Кудумцева и Ферфаксова къ ужину черезъ часъ.

И только услышала послѣднія команды на дворъ и шаги мужа по лѣстницѣ, побѣжала, какъ дѣвочка навстрѣчу Петрику.

Душистыя руки обняли шею Петрика, побурѣвшую отъ загара, нѣжныя уста прижались къ его сухимъ губамъ.

Отстегивая ремни амуниціи, Петрикъ невольно вспомнилъ слова Кудумцева: — «ты человѣкъ женатый, тебѣ насъ не понять»...

Тепло, покой и свѣтъ встрѣтили его въ спальнѣ. За закрытыми окнами и тяжелыми занавѣсами громы не казались страшными. Петрикъ видѣлъ передъ собою сіяющіе любовью прелестные глаза. Все то, что было вчера и сегодня, затягивалось пеленой прошлаго.

«Да вѣдь это была его жена! Эта несказанно красивая женщина!» Въ ея глазахъ бушевало море. Темныя рѣсницы гасили ихъ огонь и не могли погасить. Она, о комъ мечталъ онъ съ дѣтства — была его. Онъ цѣловалъ золотые ея волосы и вдыхалъ ихъ нѣжный аромат. Онъ цѣловалъ раскрытые, какъ лепестки розы, нѣжныя уста и чувствовалъ влажный холодъ ея ровныхъ зубовъ. Обнявъ ее, онъ тихо, все позабывъ, пятился къ постели.

Падая на постель спиною Валентина Петровна смущенно прошептала:

— Дверь закрой, сумасшедшій!..

За стѣною, въ дѣтской, напуганная грозою надрывно плакала Настя. Ама шипѣла, ее успокаивая. Въ столовой гремѣли посудой. Со двора дикіе неслись крики. Заведшіе на конюшню лошадей и разсѣдлавшіе ихъ солдаты съ уханьемъ и свистомъ бѣжали подъ налетѣвшимъ ливнемъ въ казарму. Громы ниспадали на крышу. Молніи были примѣтны сквозь занавѣси.

Валентина Петровна ничего этого не видала. Она мелькомъ замѣтила забрызганные грязью тяжелые сапоги мужа, разстегнутый, смятый, пахнувший лѣсомъ китель. Пронеслась мутная мысль: «солдатская жена!» — и все покрылось восторгомъ любви...

XXIII.

Когда офицеры, поужинавъ, разошлись, Петрикъ прошелъ съ женою въ спальню. Такъ было заведено, что онъ ей передъ сномъ рассказывалъ событія дня. Онъ сѣлъ въ низкое кресло, привлекая за талию жену къ себѣ и усадилъ ее на колѣни. Ощущая на себѣ ея теплую, мягкую тяжесть, подъ шумъ дождя, лившаго за окномъ, онъ рассказывалъ ей сначала о томъ, что было недавно, о старухѣ въ пустой фанзѣ, въ лѣсу.

— Знаешь... совсѣмъ, какъ въ оперѣ... Волшебница Наина.

О глазахъ-лампадахъ онъ и ей умолчалъ. Между ними было заведено никогда не поминать стараго. Въ немъ было столько тяжелаго и больного. А глаза-лампады были изъ стараго. И притомъ этихъ глазъ - лампадъ, ниgiliсточкиныхъ глазъ, не было въ дѣйствительности. Они привидѣлись, а мало ли что можетъ показаться.

Въ уютной тихой спальнѣ, чувствуя подлѣ себя прелестную женщину въ расцвѣтѣ силъ, Петрикъ иначе относился къ ужасному преступленію на Шадринской заимкѣ. Оно отошло отъ него. Завтра онъ донесетъ обо всемъ рапортомъ. Судебныя власти уже копаются тамъ и это не его дѣло искать преступника. Это было не преступленіе, которое нужно было отразить воинскою силою, но преступленіе, преслѣдуемое судомъ.

Красивая голова была подлѣ его глазъ. Валентина Петровна разбила прическу, убирая волосы на ночь. Среди золотыхъ прядей Петрикъ увидалъ серебряныя нити. Ему стало жаль свое Солнышко. Онъ только сейчасъ, казалось, понялъ, какъ было ей, должно быть,

скучно и тоскливо одной оставаться въ постовой казармѣ. Теплая нѣжность къ женѣ залила его сердце. Онъ рассказывалъ, какъ вчера они вошли на Шадринскую заимку.

— Ты говоришь, — глубоко взволнованная сказала Валентина Петровна, — тѣла китайцевъ были разрублены?

— Да... Головы лежали отдѣльно.... Руки собраны къ рукамъ... ноги къ ногамъ. Очень страшное зрѣлище. И что меня поразило.. Мухи... Какъ-то показались онѣ неприличными, точно святотатственными...

— Но... вѣдь это...

Она не договорила. Она хотѣла сказать — «это совсѣмъ такъ, какъ сдѣлали съ Портосомъ! Только сжечь головы и запаковать куски тѣлъ не успѣли»...

— Что ты хочешь сказать?

— Нѣтъ... ничего... Какой ужасъ!.. Что же ты думаешь это сдѣлали китайцы?

— Кто ихъ знаетъ. Вотъ Кудумцевъ такую теорію развилъ. Просто страшно... Что это какой-то Русскій... Рыжій.

— Рыжій?

— Да... Факсъ въ прошломъ, или позапрошломъ году видалъ тамъ рыжаго мужика и съ нимъ женщины... Табакомъ пахло... Такъ вотъ будто это онъ... И секта ужасная... Ну ты слыхала... Въ родѣ хлыстовъ.

Она не слыхала. Въ смятеніи и ужасѣ она встала съ колѣнъ мужа и прошлась по ковра. Волосы царственной мантией лежали на ея спинѣ.

«Рыжій», — думала она. — «Здѣсь гдѣ-то подлѣ орудуетъ какой-то рыжій. Распилилъ тѣла китайцевъ, какъ тогда распилили тѣло Портоса».

— Петрикъ, — воскликнула она. Отчаяніе было въ ея голосѣ. — Петрикъ!... да вѣдь это!...

И опять сдержалась. Она остановилась въ углу спальни у большого зеркальнаго шкафа. Съ ея устъ чуть не сорвалось имя — Ермократъ! Но слишкомъ казалось невозможнымъ. Если это онъ, значитъ онъ до нея добирается. И доберется, и будетъ душить обезьяньими руками съ широко отставленнымъ большимъ паль-

цемъ, а потомъ распилить ея тѣло на куски и разбросаетъ по полямъ.

— Да ты, Солнышко, не пугайся. Его теперь поймають. А не поймають — самъ уйдетъ отъ грѣха подальше.

— Уйдетъ... Да, хорошо, если такъ?.. Но какъ страшно все это, Петрикъ!..

Она не спала ночью. И Петрикъ, несмотря на усталость, плохо спавшій, часто просыпался. При свѣтѣ лампадки видѣлъ, что она не спитъ и плачетъ.

— Что ты, Солнышко?

— Ничего, родненькій, такъ... страшно стало... За тебя страшно... За Настеньку... Какіе люди тутъ ходятъ.. И такъ близко.

— Сюда не придутъ.

За окномъ ровный лиль дождь. Шумѣла вода по крышѣ. Громы ушли далеко. Зарницы не мерцали за портьерами.

— Это здѣшнія грозы тебя раздражаютъ.

— Да, можетъ быть... Спи мой ясный. Ты же усталъ. Обо мнѣ не думай.

Онъ закрывалъ глаза и думалъ о ней.

«Какъ ей одиноко и скучно, должно быть».

За ужиномъ она рассказывала о посѣщеніи Старого Ржонда и приглашеніи къ Замятинымъ.

«Она жидовка... и тамъ игра будетъ», — думалъ Петрикъ. — «но для нея это развлеченіе. Не можетъ она жить, какъ я одними казарменными интересами. Тамъ она поиграетъ на рояли. Можетъ быть, и цѣнители найдутся».

Онъ открылъ глаза. Она лежала на спинѣ. Свѣтъ лампадки отражался искорками въ ея широко раскрытыхъ глазахъ. Въ нихъ были слезы.

— Ты все не спишь? Спи, пожалуйста, — сказалъ онъ.

— Я сейчасъ засну.

— Знаешь, что я надумалъ. И правда: поѣдемъ къ Замятинымъ девятнадцатаго. Все людей повидаемъ.

— Тамъ, Петрикъ, азартныя игры. И нельзя тамъ не играть... Они обижаются.

Петрикъ долго не отвѣчалъ. Какая-то, должно быть, дерзкая мысль пришла ему въ голову. Онъ сѣлъ на постели.

— Ну, что же, Солнышко, — сказалъ онъ. — У меня есть отложенныя на приданное Настеньки деньги... Тамъ двѣ тысячи... Игранемъ. Съ волками жить по-волчьи выть. Съ игроками надо играть.. Ну, а, если съ подлецами?

— Мы, Петрикъ, къ подлецамъ не пойдемъ. Не думай объ этомъ. Дѣлай какъ знаешь. Я вовсе уже не такъ этого хочу. Мнѣ только не понравилось, какъ Старый Ржондъ говорилъ о бѣлой воронѣ... А потомъ эта исторія... Я боюсь... Друзей-то у насъ такъ не будетъ, если тебя за гордаго будутъ считать.

— Чернаго кобеля, Солнышко, не отмоешь до-бѣла... Да я рѣшилъ... Меня это самого забавить. Офицеръ — кавалеромъ при жидовкѣ... Ну и сыграю... Я покажу имъ, какъ надо играть!

И злоба загорѣлась въ его сѣрыхъ глазахъ.

— Спи... Не думай... Полно!.. Теперь ты не спишь. А уже свѣтать начинается.

И точно: сквозь щели портьеръ сѣрый свѣтъ входилъ въ спальню. Дождь пересталъ и только еще изъ трубъ лилась на дворъ вода. Рѣка Плюнь-хэ ревѣла грознымъ потокомъ.

Валентина Петровна закрыла глаза и заснула крѣпкимъ сномъ переволновавшагося человѣка.

XXIV.

Валентина Петровна совсѣмъ не знала, что ей надѣтъ къ Замятинымъ. Все было здѣсь такъ необычно. И не по Петербургски, и не такъ, какъ бывало у ея отца въ Захолустномъ Штабѣ. Обѣдъ — и послѣ вечеръ... А, если будутъ танцы?.. Здѣсь все возможно. Надѣтъ платье изъ маркизеты?.. Не будетъ ли слишкомъ просто? Инженерныя дамы такъ наряжаются! Имъ китайцы порт-

ные шьютъ платья по Парижскимъ моделямъ. Рѣшила надѣтъ то, что такъ нравилось Петрику: изъ бѣлаго крепъ де шинъ въ сборкахъ и съ пунцовымъ бантомъ. Пыльникъ у ней былъ широкій изъ легкой кремовой чесунчи.. Таня его называла — «еропланомъ». Ъхать придется и лошадыми и по желѣзной дорогѣ. Для нихъ остановятъ курьерскій на станціи Ляхедзы. На голову она надѣнетъ шляпу-будку (*capotte*), покроетъ ее вуалью и подвяжетъ подъ шеей, какъ надѣвала для автомобиля... Оставался вопросъ о башмакахъ. Ихъ у нея была масса. Хорошая обувь была ея слабость... Ну и то сказать — ножка того стоила! Ихъ «бойка» китаецъ спрашивалъ Чао-ли, не держала-ли госпожа раньше сапожнаго магазина. Дикарь!.. Не видалъ Петербургской барыни!.. Послѣ долгаго раздумья и колебаній надъ цѣлой выставкой башмаковъ — остановилась все таки на простыхъ, бѣлыхъ, полотняныхъ. Очень хороша была въ нихъ ея ножка. И — стиль прежде всего! Притомъ: — лѣто и жара. Пусть другія носятъ, что имъ угодно... Хоть красные или бронзовые.

Очень она была моложава и хороша въ этомъ костюмѣ. Скромно, просто, а оцѣните-ка чего стоитъ эта простота! Петрикъ вырядился въ сюртукъ съ эполетами. Было это немного провинціально и слишкомъ по-армейски, но Валентина Петровна не спорила. Здѣсь это было «такъ принято». И Петрикъ въ длинномъ сюртукѣ въ талію былъ очень хорошъ. Жаль только, что подкладка у сюртука была черная, а не бѣлая.

Валентина Петровна даже радовалась своему «выходу въ свѣтъ». Это вносило разнообразіе въ постовую жизнь. Смущалъ Петрикъ. Онъ все хмурилъ пушистыя брови, и затаенная злоба вспыхивала въ его глазахъ.

Въ городѣ ихъ ожидалъ — какая любезность! — экипажъ Замятина. Коляска была запряжена парой удышла широкихъ крупныхъ Томскихъ лошадей. Кучеръ былъ въ синей безрукавкѣ и розовой рубахѣ съ бѣлыми ластовицами, въ круглой, низкой ямщицкой фетровой шляпѣ съ павлиньими перьями. Это было грубо, безвкусно и не стильно.

— Вѣрно ея затѣя, — брезгливо садясь въ коляску,

сказалъ Петрикъ. — Ей бы жидовскую балагулу подать, ту сумѣла бы обрядить.

Замятинъ, коренной русакъ, — онъ самъ былъ Курянинъ — Курской губерніи, — въ домѣ держалъ Русскій тонъ. Ничего китайскаго, или японскаго. Ничего изъ Шанхая, или Нагасаки. Никакихъ шелковъ, вышивокъ, лака, слоновой кости или клуазонне. Все изъ Петербурга и Москвы. Прислуга тоже у него была Русская.

Ранцевыхъ встрѣтилъ лакей изъ запасныхъ заамурцевъ въ чистой бѣлой рубахѣ, подпоясанной зеленой шелковой ширинкой — по Московски, какъ у Тѣстова въ трактирѣ ходятъ половые, и горничная въ кружевной наколкѣ и бѣломъ передникѣ съ фестонами на черномъ короткомъ платьѣ, — субретка изъ оперетки. Отъ лакея пахло грушевой помадой, отъ горничной лукомъ и дешевыми духами.

Въ гостиной, гдѣ ихъ встрѣчали хозяева, — Валентинъ Петровнѣ бросились въ глаза безвкусица и смѣшеніе стилей. Фальшивые Обюссоны лежали на полу, по стѣнамъ были развѣшаны поддѣльные гобелены. Между ними въ широкихъ золотыхъ лѣпныхъ рамахъ висѣли пейзажи: зеленые парки съ прудами, поросшими ряской, съ отразившимися въ нихъ бѣлыми березками «подъ Волкова» и дворики съ лучомъ солнечнаго свѣта на гнилыхъ доскахъ забора «подъ Левитана». Надъ диваномъ въ черной рамѣ висѣла хорошая копія Полѣновской «Христосъ и грѣшница».

Старый Ржондъ, перехватившій Ранцевыхъ до хозяевъ, — онъ хотѣлъ «шаперонировать» имъ, шепнулъ Петрику:

— Не сочти, миленькій, сію картину за веревку въ домѣ повѣшеннаго.

Замятинъ, средняго роста, плотный человекъ, въ русой мягкой бородкѣ, сѣроглазый, веснушчатый въ пикейномъ бѣломъ жилетѣ и кителѣ чортовой кожи на распаху, шаркающей походкой подкатилъ къ Валентинъ Петровнѣ.

— Какъ я радъ васъ видѣть у себя, дорогая, — фамильярно обратился онъ къ ней. — Матильда! — Валентина Петровна!

Матильда Германовна, разговаривавшая съ генераломъ Заборовымъ, спокойно и величественно подошла къ Ранцевымъ. Ей было подъ сорокъ. Она была красива той тяжелой, властной красотой, какой бываютъ красивы еврейки. Большіе, миндалевидные, черные, томные глаза въ глубокихъ синихъ обводахъ, съ длинными въ полмизинца, загнутыми густыми рѣсницами горѣли. Размахъ тонкихъ бровей былъ правиленъ. Тяжелые, жирные, не очень опрятные волосы были убраны въ модную прическу. Высокая, крупная, въ мѣру полная, съ открытой грудью, въ ожерельи, она сразу обращала на себя вниманіе. Лицо было подкрашено. Румяныя губы алчно улыбались. Тонкій носъ съ шевелящимися ноздрями выдавалъ ея восточное происхожденіе. На ея лицѣ играла торжествующая, хищная улыбка. Она смотрѣла на Петрика, какъ богиня на жертву.

— Такая должна была быть Саломея, — шепнулъ Старый Ржондъ Петрику и повелъ его навстрѣчу Матильдѣ Германовнѣ.

— Вотъ вамъ, Матильда Германовна, и нашъ казарменный отшельникъ, — сказалъ онъ громко.

— Мы знакомы съ мосье Ранцевымъ. Я его въ церквѣ видала на свадьбѣ, — жестко сказала хозяйка.

Гостиная была полна гостей. Но дамъ было мало, какъ вездѣ на Дальнемъ Востокѣ. Была толстая, осанистая, въ какомъ-то пестромъ платьѣ — вѣроятно модели Харбинскаго портного-китайца — жена генерала Заборова, «обожавшая» карты и лото, и еще — очень тонкая, чернявая, совсѣмъ оса на заднихъ лапкахъ, жена одного инженера и докторша Березова. Остальные, а было еще человѣкъ пятнадцать, были мужчины. Хозяева никого не представляли Ранцевымъ.

Петрикъ въ толпѣ гостей узналъ адъютанта Ананьева, отряднаго доктора Березова въ черной прямой «асирийской» бородѣ, слѣдователя барона Ризена, проѣзжаго — про него много говорили «на линіи» ученаго батюшку — въ чесунчовой рясѣ съ большимъ академическимъ крестомъ, подрядчика Барышева въ русской поддевкѣ до колѣнъ и въ высокихъ сапогахъ. Остальные были инженеры. Одни были въ форменныхъ кителяхъ

съ инженерными петлицами съ топоромъ и якоремъ, другіе въ легкихъ лѣтнихъ штатскихъ костюмахъ. Преобладалъ бѣлый цвѣтъ, не шедшій къ тяжелой и аляповато убранной гостиной.

Отвыкшіе отъ большого общества Ранцевы растерялись немного.

Матильда Германовна овладѣла Валентиной Петровной и повела ее къ дивану, гдѣ молодой человѣкъ въ пенснэ что-то съ жаромъ разсказывалъ о сѣ на заднихъ лапкахъ и двумъ пожилымъ инженерамъ.

Молодого человѣка представили Валентинѣ Петровнѣ.

— Имѣлъ удовольствіе съ супругомъ вашимъ осматривать Шадринскую заимку сейчасъ послѣ преступленія... Слѣдствіе въ моихъ рукахъ. И я все раскопалъ. Удивительное необычайное преступленіе... И уже все раскрыто. Вотъ я о немъ и разсказываю.

— Ахъ, очень, очень интересно! — пожимаясь узкими плечами, жеманно сказала «оса на заднихъ лапкахъ». — Садитесь, душечка. Баронъ намъ снова разскажетъ начало.

Странное волненіе охватило Валентину Петровну. Она сѣла въ кресло и стала слушать. Ей казалось, что она знаетъ гораздо больше, чѣмъ этотъ торжествующій своимъ удачнымъ разслѣдованіемъ судейскій чиновникъ.

XXV.

— Это, господа, необычайно интересное преступленіе. Это смѣсь самаго низкопробнаго садизма съ религіознымъ фанатизмомъ. Оказывается, — съ полъ года тому назадъ Шадринъ встрѣтилъ въ лѣсу зимою... Забудьте, господа, ужасно тамъ глухое мѣсто — двухъ женщинъ и съ ними мужчину лѣтъ около пятидесяти. Это явленіе — это мое, господа, предположеніе, мой синтезъ, догадка моя — такъ его поразило, что онъ сталъ передъ ними на колѣни и началъ креститься.

— Но, позвольте, кто же это все видѣлъ? — спросилъ инженеръ съ петлицами статскаго совѣтника.

— Я допрашивалъ офицера Кудумцева и потомъ одного китайца, сосѣда Шадрина, владѣльца ханшиннаго завода. Оказывается Шадринъ одну изъ встрѣчныхъ дамъ призналъ за богородицу....

— Китайская богородица, — пожимая плечами, сказала оса на заднихъ лапкахъ.

— Да... Представьте... Тамъ — такъ говорили китайцы — даже чудеса бывали... А въ общемъ все сводилось къ хлыстовщинѣ, къ радѣніямъ... Туда, оказывается, много народа шаталось. И деньгами и натурой жертвовали. И вотъ... я полагаю... что тамъ... какъ бы сказать при дамахъ....

— Да говорите, что уже тутъ... не институтки сидятъ, — полыхнула большимъ животомъ генеральша Заборова.

— Повидимому такъ... Обладай — а я тебя потомъ задушу.

— Сама и душила? — спросила, сжимаясь комочкомъ отъ ужаса и отвращенія, оса на заднихъ лапкахъ.

— Возможно и сама... А вѣрнѣе тотъ, ея помощникъ, что всякіе фокусы - покусы показывалъ и за чудеса выдавалъ.

— Что же? Нашли ее по крайней мѣрѣ? — сказала генеральша. — Интересно было бы такую посмотреть. Чѣмъ взяла! Мнѣ про Шадрина мой генеральъ рассказывалъ — кремень человѣкъ и душегубъ... Это все, баронъ, Тургеневскаго «Степного короля Лира» напоминаетъ... Вы помните?

— Какъ же!... Евлампіевщина... Поскромнѣе только, по мѣстному масштабу... Китайскіе полицейскіе, тамъ же въ лѣсу нашли очень уединенную фанзу. И въ ней трупъ, — очень разложившійся, но узнать было можно — женщины и бѣлой. И вотъ у насъ предположеніе — не она ли?

Валентина Петровна задыхалась отъ волненія. Какой это все былъ ужасъ! Трупы ее преслѣдовали и здѣсь. И гдѣ то близко, казалось, былъ тотъ, кого она

ненавидѣла. Съ трудомъ скрывая свое волненіе, чужимъ, не своимъ голосомъ, задыхаясь, она спросила: —

— А его... душителя... не нашли?

Въ ухахъ у нея такъ звенѣло, что она почти не слышала отвѣта.

— Нѣтъ!... Гдѣ-же... такъ скоро... въ этихъ то дѣляхъ!...

Въ это самое время, ея мужъ, слушалъ съ не меньшимъ, пожалуй, волненіемъ другой разговоръ, шедшій въ томъ углу большой гостиной, гдѣ генераль Заборовъ собралъ около себя большое общество. Петрикъ пошелъ туда, чтобы поздороваться со своимъ начальникомъ, да такъ тамъ и остался, точно приковала его какая то сила. Тамъ говорили о войнѣ... Близкой, возможной... неизбежной.

Генераль Заборовъ стоялъ спиною къ окну. Онъ былъ въ свободномъ коричневатомъ кителѣ съ низкимъ воротникомъ, съ Владиміромъ на шеѣ. Полный, коротконогій, онъ заложилъ руки въ карманы тугихъ рейтузъ и бубнилъ, оттопыривая толстыя, сочныя губы. Крашенные, черные усы съ большими подусниками ходили надъ губами.

— Это-же, господа, задача Россіи. Вѣковая задача и цѣль... Защита славянства. Австрію мы всегда били и учить ее слѣдуетъ... Это мое такое мнѣніе. Другимъ, какъ нравится.

— Но, позвольте, мое сокровенное мнѣніе сказать, — сказала Барышевъ, выступая впередъ и поглаживая рукою русую въ сѣдинахъ бороду. — Вѣдь это война-съ. И война, не болѣе, не менѣе, какъ съ Германіей-съ. А миролюбіе нашего обожаемаго Государя? Гагская конференція и различные международные, такъ сказать, трибуналы. Ну, тамъ мальчишка Принкипъ убилъ эрцгерцога и эрцгерцогиню... Ужасное преступленіе — такъ его судить можно, его выдрать можно все-народно-съ и публично... Повѣсить...

— Да, навѣрно, уже и повѣсили, — сказалъ Замятинъ.

— Но, зачѣмъ же, война то! — продолжалъ Барышевъ. — Вѣдь это какое разореніе всей Россіи! Невоз-

можное это дѣло. Да готовы-ли мы къ войнѣ? Какъ бы не вышло такъ какъ съ японцами, что, не спросясь брода сунулись въ воду, ну и вышло... какъ въ лужу!

— Ну это-то... — началъ снова Заборовъ. — Теперь то у насъ и пулеметы, и все... Японская война урокъ былъ хорошій.

— Да, если бы побѣдили, — сказалъ батюшка, стоявшій въ самомъ углу, подъ картиной «подъ Левитана». Онъ сказалъ это, и вдругъ точно смутился, опустил смуглое, въ лиловое отдающее лицо, обрамленное курчавой черной бородкой и замолчалъ.

— То есть, что вы хотѣли этимъ сказать? — спросилъ его генераль Заборовъ, поощрительно поглядывая на него.

— Это по писанію.

— Даже любопытно, — сказалъ старый, совершенно лысый инженеръ въ очкахъ. — Можетъ быть вы намъ поясните.

— Какъ вамъ угодно. Есть книга великой премудрости и откровенія Божія. Неразгаданная книга. Тамъ объ этомъ явственно сказано. «Откровеніе св. Іоанна».

— Апокалипсисъ, — съ нѣкоторымъ разочарованіемъ сказалъ Заборовъ.

— На этой книгѣ съ ума сходили, — сказалъ Барышевъ. — Вонъ и у Шадрина — покойника, нашли, что въ библии апокалипсисъ весь былъ такъ захватанъ и зачитанъ, что живого мѣста не было. Читать даже трудно было. Искать, значить, человѣкъ.

— И доискался, — сказалъ Заборовъ.

— Слабому уму не открыто, а если читать съ умомъ, не ища гаданій и предсказаній, чего и не дано человѣку знать, то есть, это я говорю про будущее, а ища во всемъ мудраго совѣта и отвѣта на большіе житейскіе вопросы, то и найдете.

— Очень это любопытно, — повторилъ инженеръ и, сдѣлавъ шагъ къ батюшкѣ, добавилъ. — Не поясните ли вы это намъ. Что же сказано о войнѣ, напримѣръ?

— Извольте, — охотно отвѣчалъ батюшка. Онъ поднялъ голову. Темносѣрые глаза стали сосредоточе-

ны, точно въ воздухѣ гдѣ то искалъ онъ тѣ слова, что были написаны въ его памяти. — Извольте: — «Духъ говоритъ церквамъ: — побѣждающему дамъ вкушать отъ древа жизни, которое посреди рая Божія. Побѣждающій не потерпитъ вреда отъ второй смерти... Побѣждающему дамъ вкушать сокровенную манну и дамъ ему бѣлый камень и на камнѣ написанное новое имя, котораго никто не знаетъ, кромѣ того, кто получаетъ... Кто побѣждаетъ и соблюдаетъ дѣла Мои до конца, тому дамъ власть надъ язычниками... Побѣждающій облечется въ бѣлыя одежды... Побѣждающаго сдѣлаю столпомъ въ храмѣ Бога Моего... Побѣждающему дамъ сѣсть со Мною на престолѣ Моемъ, какъ Я побѣдилъ и сѣлъ со Отцемъ Моимъ на Престолѣ Его»*), — по мѣрѣ того, какъ говорилъ, вспоминая текстъ священникъ, голосъ его крѣпъ и становился сильнѣе и громче. Кончивъ, онъ опустилъ руки вдоль рясы — онъ держалъ ими крестъ на груди — и тихо, какъ бы про себя добавилъ: — но мы не побѣдили.

Нѣсколько мгновений стояло молчаніе. Казалось, всѣ были поражены. Точно они и впрямь первый разъ это услышали. И были слова подлинно, какъ откровеніе.

Особенно сильное впечатлѣніе они произвели на Петрика. Они врѣзались въ его памяти, какъ въ дѣтствѣ врѣзывались ему въ память различные кавалерійскіе и пѣхотные «стишки», которыми онъ любилъ щеголять передъ Валентиной Петровной. Этотъ текстъ былъ для него открытіе. Онъ напряженно ждалъ, что кто нибудь возразитъ, или опровергнетъ.

Наконецъ, несмѣло заговорилъ Заборовъ.

— Но... позвольте... Какая же, однако, была и въ Японскую войну проявлена нашими войсками доблесть... Это мое такое мнѣніе... Другимъ, какъ нравится. Возьмите хотя нашу Заамурскую Пограничную Стражу на Ляоянскихъ фортахъ... Умерли, а не сдали... А Портъ-Артуръ!... Безпримѣрная оборона! Генераль Кондратенко... Да вотъ тоже про Цусиму — мало чего говорили...

*) Откровеніе Святого Іоанна. Гл. 2, ст. 7, 11, 17, 26. Гл. 3, ст. 5, 12 и 21.

А я знаю — японцы изумлялись подвигамъ нашихъ офицеровъ и экипажей. Разстрѣлъ, пожаръ. На кораблѣ живого мѣста нѣтъ. Тонетъ... А Андреевскій флагъ какъ прибитый на кормѣ и музыканты гимнъ играютъ. Командиръ на мостикѣ... И такъ въ пучину... Это-жъ... Подвиги! Мое такое мнѣніе... Другимъ, какъ нравится.

— Подвиги, ваше превосходительство, но не побѣда. Духъ говоритъ церквамъ о побѣдѣ, — тихо, но очень настойчиво сказалъ священникъ. — Нужна побѣда. И только побѣда... во всякомъ дѣлѣ побѣда... Иначе...

— Но, батюшка, — смягчая настроеніе заговорилъ Барышевъ. — Побѣда... это, конечно, вещь самонужнѣйшая... Но Господь милосердъ и по милосердію своему какъ нибудь помилуетъ насъ грѣшныхъ и безъ побѣды.

— Господь милосердъ, но говоритъ Господь: — «Іакова я возлюбилъ, а Исава возненавидѣлъ. Что же скажемъ? Неужели неправда у Бога? Никакъ. Ибо Онъ говоритъ Моисею: «кого миловать, помилую; кого жалѣть, пожалѣю». Итакъ помилованіе зависитъ «не отъ желающаго и не отъ подвизающагося, но отъ Бога милующаго»^{*)}). Сопоставьте это со словами откровенія святого Іоанна — и вы увидите, что Господь требуетъ отъ насъ не только подвига вѣры и самоотреченія, но и побѣды надъ діаволомъ, т. е. зломъ и смертью... Безъ противленія злу и побѣды надъ нимъ погибнемъ.

— А потому, — безпечно сказалъ, подходя къ слушавшимъ священника, Замятинъ, — и войны никакой намъ не надо. Все равно — нѣмца намъ не побѣдить... Куда намъ, гусямъ лапчатымъ!... Пожалуйте, господа, кушать... Ваше превосходительство!... Батюшка!... Доримедонтъ Ивановичъ!... Дамы уже тронулись... И я... прощенія прошу.., Несмотря на то, что жара и вечеръ — блинами васъ угостить хочу. Ужъ очень хорошую сегодня подлець Чуринъ икру изъ Иркутска получилъ. Жалко было ее не использовать. Пожалуйте... Самуиль Соломоновичъ — вы рядомъ съ женою... Напротивъ генерала...

^{*)} Писаніе апостола Павла къ Римлянамъ. Гл. 9, стр. 13-16.

Дамы проходили въ высокія двери столовой. Петрикъ видѣлъ золотистый затылокъ своей жены и узелъ черныхъ косъ Матильды Германовны. Онѣ шли рядомъ. Канторовичъ спѣшилъ къ нимъ.

«Въ жидовской компаніи», — подумалъ Петрикъ — «привыкай ко всему... Новая власть... Новая сила... Капиталь и знаніе... А ты кто? Наѣздникъ... И только!...»

XXVI.

За обѣдомъ Петрикъ сидѣлъ между Барышевымъ и докторомъ Березовымъ. Они сосредоточенно и молчаливо налегли на блины, икру и семгу и на розовый борщокъ въ чашкахъ съ гренками съ сыромъ. Старый Ржондъ и генераль Заборовъ, остерегавшіеся много ѣсть, — овладѣли бесѣдой.

— Вы, ваше превосходительство, ланцепуповъ за-стали? Помните — подъ Владивостокомъ, — обратился Старый Ржондъ къ Заборову.

— Да вы чего это, въ самомъ дѣлѣ, меня передъ прекрасными барынями конфузите. Что я? Такой уже старый что-ли?... Вѣдь это почти къ временамъ Муравьева относится.

— Ну, нѣтъ, много позже.

Матильда Германовна, сидѣвшая въ головѣ стола, жеманно улыбаясь, протянула: —

— Ахъ... расскажите намъ генераль... Такъ это интересно.

— Да, что, Матильда Германовна, другимъ какъ нравится, но мое такое мнѣніе — теперь куда лучше стало. Теперь вотъ мы всѣ вмѣстѣ. И инженеры, и офицеры, и купцы — всѣ одно. А тогда — извѣстно, дворянскіе предразсудки сильны были — ну и была каста. Гарнизонъ маленькій.

— Ахъ, какъ же... — перебила Забонова Матильда Германовна. — Я недавно читала «Въ маленькомъ гар-

низонѣ», нѣмецкій, переводный романъ Бильзе. Говорятъ такъ ужасно тамъ все это написано, что Императоръ Вильгельмъ даже запретилъ его.

— Ну, какіе тамъ маленькіе гарнизоны! Четыре часа ѣзды до Берлина!... Вотъ постояли бы въ Хунчунѣ, или Камень Рыболовъ — такъ вѣрно не хуже нашихъ до тоски смертной дошли-бы... И, притомъ, и у насъ, какъ у нихъ тоже была офицерская каста. Варились въ своемъ соку.

— Вотъ тамъ то и дошли до ланцепуповъ, — вставилъ Старый Ржондъ.

— Ланцепупы... Ахъ, чтобъ ихъ! — подхватилъ Заборовъ. — Да... было... Лѣто понимаете. Теплынь... И тоска до одури. Такая тоска, что ее и водка не беретъ. Вотъ кто то и придумалъ, что надо дойти до первороднаго человѣка и въ такомъ состояніи всѣ грѣхи стряхнуть. Ну и цѣлыми партіями уходили въ лѣса... А вы тамошніе лѣса и представить себѣ не можете. Дичь... Красота. Дубы — шесть охватовъ, чинары, плющъ, ліаны... Кусты тамъ разные... Смородина дикая... барбарисъ... кизиль... Ручьи... буреломъ. И тамъ то, въ лѣсахъ, раздѣвались до нага... Да такъ и жили недѣлями предаваясь созерцанію... Ну тамъ гармоники... балалайки... пѣсня... и водка, конечно... Значитъ душа покоя требовала. Деньщики господамъ обѣдъ носили. Вотъ это и былъ клубъ ланцепуповъ... Другимъ, какъ нравится, а мое такое мнѣніе: неблагозвучное, не для дамъ названіе... Да и не дамское это было дѣло...

— А въ Туркестанѣ въ «мяу» играли, — сказалъ Старый Ржондъ.

— Ну это... посерьезнѣе будетъ. Знаете ночью... темнота эдакая, хоть глазъ выколи, ничего не видать. И звѣздъ нѣтъ. Ну и кусты, или камышъ. Плавни или по иностранному... По иностранному намъ какъ-то понятнѣе. Джунгли... Ну и туда компанія... Тоже пьяная... Съ револьверами... И одинъ — кошку играетъ. Схоронится и мяукнетъ... А всѣ на его голосъ — бацъ... бацъ... изъ револьверовъ... Лефоше тогда были револьверы. Тяжелые со свинцовой пулей... А тотъ, что мяукнулъ — и перемѣстится. Ну, знаете, попасть мудрено. Однако по-

падали... Бывало и на смерть забьютъ. Полировка крови.

— Чего не придумаютъ люди, — сказала «оса на заднихъ лапкахъ».

— Да... все таки... бравая, знаете, игра... Нервы закаливала... Ну, потомъ — это прошло. Много къ Скобелеву тогда офицеровъ съ Кавказа пріѣхало, и стали вводить кавказскіе обычаи въ Туркестанѣ — ну и стало полегче. Отъ кавказцевъ пѣсни переняли, лезгинку стали плясать. Другимъ, какъ нравится... «Мраваль джаміеръ» пѣли и шутили: — обида, молъ, хозяину. Его питье, брашно ѣдятъ до отвала, а сами еще поютъ: — «мало жрали мы, мало жрали мы»... Мое такое мнѣніе — неловко будто...

И генераль, довольный своей шуткой и тѣмъ, что приковалъ къ себѣ вниманіе всего стола, затрясся въ сытомъ смѣхѣ, потрясая большимъ животомъ.

«Зачѣмъ?... Ну зачѣмъ онъ это?... Ну къ чему это онъ, такъ распоясался передъ всѣми «этими»? — мучительно краснѣя, думалъ Петрикъ. — «Ну да... были и ланцепупы, и въ «мяу» играли и, можетъ быть, еще и худшія безобразія бывали. Спивались... Съ ума сходили отъ тоски и отъ водки... Ежегодно кто нибудь тамъ стрѣлялся. Вонъ въ Адеми, недалеко отъ Барабаша, рассказывали мнѣ, на берегу Великаго Океана семь большихъ крестовъ въ линію стоятъ — все надъ могилами самоубійцъ-офицеровъ. Значить — было съ чего стрѣляться. Да, они то... эти-то сытые инженеры, жидъ подрядчикъ, жидовка — Матильда Германовна — они понимаютъ что-ли, отчего это было? Могутъ они представить себѣ тамошнюю, тогдашнюю то жизнь! За девять тысячъ верстъ отъ желѣзной дороги! Если по морю — парусными судами!... И кругомъ корейцы и китайцы... И все такое чужое!... И ничего своего. Письма рѣдки... Газеты на четвертый мѣсяцъ приходили... Ну и доходили до безумія. А они со своею игрою — съ «макашкой», «банчкомъ», съ «желѣзкой» развѣ лучше?

Петрикъ съ нарастающею въ немъ ненавистью оглядывалъ гостей. Всѣ слушали генерала. И то сказать — рассказывалъ онъ хорошо, смачно, со вкусомъ. Ве-

село блистали его маленькіе узенькіе глаза, топорщились широкіе крашеные подусники и весь онъ сіялъ. Самуиль Соломоновичъ Канторовичъ, — «благодѣтель» — звали его на линіи, брезгливо топорщилъ нижнюю губу и отдувалъ ее.

— У насъ говорили, — сказалъ онъ, — пьянъ, какъ дымъ, потому что, вы знаете, его всего изгибаетъ отъ водки. Хэ-хэ-хэ. Выворачиваетъ кольцомъ.

— А то я слыхалъ — вставилъ Замятинъ — пьянъ, какъ лошадь... А развѣ лошадь то пьетъ, — его русское лицо — купчика-голубчика, круглые, блестящіе глаза — насмѣшливо играли.

Петрику хотѣлось шлепнуть ихъ, по больному мѣсту ударить, унизить, чтобы не смѣли они смѣяться надъ офицерами. И больно сжималось сердце... Да, если бы могъ онъ сказать, крикнуть на весь столъ: «неправда! — этого не было!...» Но молчалъ. Ибо — пили... И въ ихъ Маріенбургскомъ полку пили, только пили умѣючи, воспитываемые цѣлыми поколѣніями «питуховъ»... И у него — милый его Факсъ — чудо офицеръ — не пьетъ совсѣмъ, потому что знаетъ, что если начнетъ пить — запьетъ такъ, что не остановится. И ланцетупомъ станетъ и въ «мяу» играть захочетъ... И потому крѣпится.

Въ крови это у нихъ. Со временъ, можетъ быть, Владиміра Святого или Олега, со временъ пьяныхъ пировъ послѣ побѣды... И надо когда то остановиться... А то, если станетъ душа утомленная — выпашью, поростетъ чертополохомъ безумнаго пьянства, бурьянами дикаго своеволя — тогда — крышка! Какая тогда побѣда!...

А тутъ война надвигается.

И злыми глазами посматривалъ Петрикъ на сочно смѣющагося Замятина и думалъ про себя: — «смѣйся, смѣйся... рябчикъ... штатская твоя душонка... а я тебѣ... въ рожу, въ рожу, въ рожу-бы надавалъ...»

XXVII.

Обѣдъ приходилъ къ концу.

«И слава Богу», — думалъ Петрикъ. — «А то не справлюсь я съ собою. Скажу что-нибудь нелѣпое, несправедливое. Вѣдь это я не правъ, а не они...»

Пить кофе пошли въ гостиную. Матильда Германовна, шикнувъ на гостей, чтобы обратить ихъ вниманіе, подошла ласковой кошечкой къ Валентинѣ Петровнѣ.

— Сыграйте намъ что-нибудь, душечка, — сказала она.

Валентина Петровна покраснѣла до корней волосъ. Смущенно оглядѣла она гостей. Дымили сигары и папиросы. Лицо генерала Заборова было мѣдно-красное отъ выпитаго вина. Канторовичъ что то шепталъ на ухо осѣ на заднихъ лапкахъ, что-нибудь, надо думать, неприличное. Она извивалась всѣмъ своимъ тонкимъ тѣломъ, подставляла ухо, краснѣла, напряженно смотрѣла вдаль и говорила, захлебываясь отъ дѣланнаго смѣха: — «Ну... правда?... Неужели?... да нѣтъ!... не можетъ быть...»

Рояль стоялъ не раскрытый. На немъ лежали иллюстраціи, какіе то альбомы, деревянная коробка съ карточными мѣлками. «Настроенъ-ли онъ?» — подумала Валентина Петровна. Она хотѣла уже отказаться. Ей, почти артисткѣ, играть при такомъ обществѣ?!... Ее благоговѣйно слушалъ самъ Стасскій!! Говорили — у ней сила Рубинштейна и душа Листа. И ей играть такъ... зря... передъ кѣмъ попало. Но хотѣлось играть въ обществѣ. Попробовать силу музыки, силу своего таланта.

— Что же вамъ сыграть?

Листъ, Шуманъ, Чайковскій, Шопенъ были у нея въ памяти. Цѣлые концерты...

— Вы, я слыхала, и безъ нотъ можете, — настаивала хозяйка.

Валентина Петровна подошла къ роялю. Петрикъ снялъ съ него журналы и коробки и поднялъ крышку. «Догадался, милый...»

Валентина Петровна сѣла на табуретъ. Тронула клавиши. Кажется настроенъ. Въ ушахъ стояло — «сыграйте что-нибудь!...» Было смѣшно и досадно. Но вспомнила: — она въ Маньчжуріи... не артистка, но солдатская жена... жена вонъ - того постового офицера, что сталъ въ углу — такой странный въ сюртукъ съ эполетами. Она посмотрѣла кругомъ. На диванъ подлѣ простоватой докторши въ розовой шелковой блузкѣ, сопѣлъ генераль Заборовъ. Толстая сигара торчала у него изо рта. Канторовичъ, играя золотой цѣпочкой на жирномъ брюхѣ, нагнулъ къ осѣ на заднихъ лапкахъ, усѣвшеяся въ кресло. Толпа инженеровъ стояла въ дверяхъ кабинета. Тамъ лакей и горничная разставляли карточные столы. Валентина Петровна поняла — она была дивертисментъ — и, пожалуй, не нужный, между обѣдомъ и картами. Она хотѣла встать и уйти... Но взяла сейчасъ себя въ руки. Вѣдь она не Тропарева, партнерша Обри, готовившаяся для большого концерта, мечтавшая сыграть съ оркестромъ, а просто — ротмистерская жена... «Ротмистерша». Она замѣтила, какъ потемнѣло лицо Петрика. Онъ все понималъ. И, жалѣя его, она заиграла съ силою, и своимъ великолѣпнымъ искусствомъ вариации на Аргентинское танго.

Ее слушали снисходительно. Кое гдѣ даже прекратили разговаривать. Канторовичъ устремилъ на нее круглые глаза. У Старого Ржонда ротъ открылся.

«Постойте, мои милые, я покорю васъ», — думала Валентина Петровна, кончая игру. Она ждала восхищенія... Можетъ быть рукоплесканій? Но одни молчали, другіе продолжали начатый разговоръ. Сочно смѣялся Барышевъ. И только Матильда Германовна подошла къ ней и сказала съ наиграннымъ восхищеніемъ: —

— Отлично сыграли... Ну сыграйте еще немножечко... Столечко!... Какъ вы можете такъ, безъ нотъ-то!

Глаза Валентины Петровны потемнѣли. Огневые искорки запрыгали на ихъ морской волнѣ. Она притуши-

ла ихъ рѣсницами. «Хорошо... Я проберу васъ. Неужели я этимъ не покорю васъ? Орфей — говорятъ, — хищныхъ звѣрей усмирялъ игрою на лютнѣ...» И она заиграла «Прелюдъ» Шопена. Эта вещь всегда и вездѣ имѣла громаднѣйшій успѣхъ. Она играла, какъ никогда. Казалось пальцы ея не касались клавишъ, но самъ рояль пѣлъ по одной ея волѣ...

Но едва она кончила, всѣ какъ по командѣ, встали. Ни одного возгласа одобренія не раздалось въ залѣ.

— Ну, пора, господа, и за дѣло, — проворчалъ Заборовъ, тяжело ступая по ковру.

— Готово все для сраженія, — угодливо отозвался Замятинъ изъ группы инженеровъ.

Всѣ, точно ученики, окончившіе скучный классъ, спѣшили въ кабинетъ, гдѣ въ два ряда стояли зеленые «ломберные» столы. На нихъ были разложены нераспечатанные колоды картъ, остро-отточенные мѣлки, щетки въ перламутровой оправѣ, и были зажжены, несмотря на то, что было еще совсѣмъ свѣтло, свѣчи въ бронзовыхъ шандалахъ. Точно тамъ готовилось служеніе богу азарта и были засвѣчены ему свѣтильники.

Въ гостиной остались батюшка, докторша, Матильда Германовна, Петрикъ и Валентина Петровна.

Матильда Германовна подошла къ Валентинѣ Петровнѣ.

— Спасибо, милая, — сказала она, цѣлуя Валентину Петровну въ щеку. — Вы чудно играете... Прелесть, какъ хорошо!... Вамъ надо въ концертахъ, а не у насъ въ трущобѣ... Вамъ въ Петербургѣ, или Одессѣ такъ играть!...

Она усадила Валентину Петровну подлѣ батюшки на диванѣ, а сама пошла къ Петрику.

— Что, батюшка, — тихо спросила Валентина Петровна. — Не побѣдила я ихъ?

Батюшка не сразу отвѣтилъ. Его смуглое лицо аскета, съ синими тѣнями было печально. Онъ глубоко взглянулъ въ глаза Валентины Петровны и тихо и сердечно сказалъ: —

— Нѣтъ... Обманывать не стану... Не побѣдили ихъ. Ихъ искусствомъ побѣдить нельзя... Выпаханные у нихъ

души. Имъ этого не понять — какъ выпаша не родить хорошаго хлѣба.

Матильда Германовна, блестящая платьемъ, зашитымъ пальтками и камнями на ухахъ, на груди и на шеѣ, дѣйствительно, прекрасная, какъ Саломея, дышащая зноемъ страсти, сознающая, что она-то побѣдила, унизивъ прекрасную офицерскую жену, гибкая и высокая, подошла къ Петрику и, завораживая его темнымъ блескомъ прекрасныхъ, громадныхъ глазъ, схватила за руку выше локтя и, почти обнимая его, дыша ему въ лицо горячимъ дыханіемъ красиваго чувственнаго рта, бывшаго совсѣмъ близко отъ его губъ стала шептать ему со страстью:

— Какая у васъ, Петръ Сергѣевичъ, прекрасная жена. Удивительная артистка!... Вы должны ее очень любить...

Ея колѣни касались колѣнъ Петрика. Обнаженные руки въ браслетахъ изъ зеленой лазури были необычайно бѣлы. Тонкій запахъ духовъ, ароматъ ея волосъ и горячаго тѣла опьянялъ Петрика. Она еще приблизила свое лицо къ его лицу и почти касаясь губами его губъ прошептала: —

— Пойдемъ туда... Сыграйте.. Поставь... Не бойтесь?... На мое счастье.

Кожаный бумажникъ со всѣми сбереженьями Петрика точно жегъ его ногу. Петрику хотѣлось оттолкнуть Матильду Германовну, назвать ее жидовкой. Онъ чувствовалъ, какъ она, точно змѣя колдовала его, лишая воли... Но онъ сейчасъ же овладѣлъ собою. Осторожно онъ высвободился отъ нея. Жесткая улыбка появилась на мгновенье на его лицѣ и сейчасъ-же исчезла. Онъ притворно-безпечно сказалъ: —

— Отчего-же?... Съ удовольствіемъ... Зачѣмъ не сыграть.

И пошелъ за Матильдой Германовной въ игорныя комнаты.

XXVIII.

Когда-то въ своемъ Лейбъ - драгунскомъ Маріенбургскомъ Его Величества полку Петрикъ въ офицерскомъ собраніи игрывалъ въ макао. У нихъ играли безъ страсти, безъ азарта. И страсть и азартъ считались неприличными для офицера. «Умѣй владѣть собой... Ты не сапожникъ!» — говаривалъ старшій офицеръ — папаша Ахросимовъ. Играли отъ скуки, отъ нечего дѣлать, для полировки крови. Для воспитанія офицеровъ. Игра входила въ военный бытъ. Играли наемные ландскнехты, играли королевскіе мушкетеры — почему же не играть и Императорскимъ драгунамъ? Азартная игра входила въ офицерскую жизнь, какъ входили въ нее кутежи и ночной загулъ въ заведеніи госпожи Саломонъ.

Играли, впрочемъ, не крупно. Выигрыши и проигрыши исчислялись десятками рублей. Считалось шикомъ играть ровно, спокойно, серьезно, не радуясь выигрышу, не огорчаясь проигрышемъ. Шутки и прибаутки были недопустимы. За столомъ пили чай, или вино. и обмѣнивались короткими дѣловыми фразами. Это былъ стиль игры. Если какойнибудь неопытный и не знающій полковыхъ обычаевъ корнетъ начиналъ крупно ставить, или слишкомъ проигрывать, ктонибудь изъ старшихъ ротмистровъ, или самъ папаша Ахросимовъ скажетъ сочнымъ, твердымъ баскомъ: — «корнетъ не зарывайтесь!...» — и всѣ игроки, хоромъ, въ унисонъ повторяютъ: — «корнетъ, не зарывайтесь!...»

И завянетъ бѣдный корнетъ. Точно ледяной водой потушатъ его азартный пожаръ. Станетъ онъ просить еще карточку, — а старшій офицеръ умышленно грубо прикрикнетъ: — «играй, да не отыгрывайся!... Ну пшелъ!... не скули!... Отрезвись!...»

Играли шутя... между дѣломъ, отъ скуки

Какъ только Петрикъ вошелъ въ игорныя комнаты Замятина — онъ понялъ: здѣсь было совсѣмъ другое дѣло. Тутъ шла «игра высокаго давленія». Это было:

— д ѣ л о . Пожалуй, самое важное, и, пожалуй, самое интересное въ ихъ жизни. Тутъ было забыто все. Петрикъ видѣлъ какія вдругъ важныя и серьезныя лица стали у генерала Заборова, у Барышева, у Канторовича.. Несмотря на то, что вечеръ былъ очень знойный окна были закрыты, чтобы городской шумъ не мѣшалъ игрѣ. Пламя свѣчъ не колебалось въ недвижномъ воздухѣ. Большинство уже усѣлось за столы. Съ трескомъ распаковывались карты. Шли короткіе переговоры, кому метать. И только въ дальнемъ углу какіе то молодые инженеры въ длинныхъ бѣлыхъ кителяхъ еще стояли кругомъ стола. Генераль Заборовъ, распушивъ усы, медленно тасовалъ карты. На толстомъ пальцѣ игралъ въ массивномъ кольцѣ крупный брилліантъ. Даже Старый Ржондъ, милый Старый Ржондъ, былъ серьезенъ и хмуръ.

Матильда Германовна, какъ нѣкій духъ, сопровождающій Петрика, подвела его къ столу, гдѣ сидѣли ея мужъ, подрядчикъ Барышевъ, Канторовичъ и какой-то старый инженеръ, кого Петрикъ не зналъ, съ Владиміромъ на шеѣ. Передъ Замятинымъ лежала толстая пачка сторублевыхъ бумажекъ, оклеенныхъ еще бандеролью, Барышевъ выложилъ на столъ толстый, объемистый кожаный бумажникъ, у Канторовича кредитки, какъ крѣпостною стѣною съ башнями, были окружены аккуратными столбиками золотой монеты.

— Вотъ, господа, вамъ и еще партнеръ, — сказала Матильда Германовна.

— Мазать будете? — пренебрежительно щурясь, спросилъ старый инженеръ.

— Нѣтъ, играть, — спокойно сказалъ Петрикъ.

— У насъ игра большая, — сказалъ сердито инженеръ. — Меньше ста ставки не бываетъ.

Замятинъ подвинулъ Петрику стулъ. Петрикъ, молча, сѣлъ и досталъ свой бумажникъ. Въ немъ были всѣ его сбереженія — приданое Настеньки — по Маріенбургской терминологіи — девять «поповъ» и одинъ «архіерей» — девять Катенекъ и Петръ — тысяча девятьсотъ рублей.

Банкъ держалъ Замятинъ. Петрикъ невольно подавался общему серьезному настроенію. Точно сквозь все его тѣло, какъ въ віолончели, были протянуты струны и только ударъ по нимъ — зарыдають. Но наружно онъ былъ спокойнѣе всѣхъ. Онъ былъ почти небреженъ. У Барышева, когда онъ принималъ карты, лицо мѣнялось, у Канторовича, закуривавшаго толстую папиросу съ золотымъ мундштукомъ дрожали руки и никакъ не загорался фитиль въ зажигалкѣ.

— У васъ, вѣрно, бензина нѣтъ, — сказалъ Замятинъ.

— Да нѣтъ-же, наливалъ.

Замятинъ зажегъ свою и подаль Канторовичу.

— Сдавать? — сказалъ Замятинъ. Молчаніе стало за столомъ.

Мягко летѣли карты и беззвучно падали на зеленое сукно стола. Игроки брали ихъ, приподнимали и за-сматривали.

— Еще...

— Пожалуйте-съ...

— Куплю еще.

Карты открывались.

— Ваши!

И съ тихимъ шелестомъ и легкимъ звономъ кредитки и золотыя монеты передвигались къ выигравшему.

Сотня за сотней, — попъ за попомъ, уходили изъ бумажника Петрика и сыпались въ гору денегъ банка. Онъ уже размѣнялъ «архіерея» на десять «поповъ» и продолжалъ проигрывать. Ему казалось порою, что и имъ начинается овладѣвать власть игры и денегъ. Но онъ сейчасъ же справлялся съ собою и напускалъ холодъ въ свое сердце.

— Еще карточку!...

Все шелъ жиръ... Глупые бородатые короли, чернорусые валеты, некрасивыя дамы, двойки, да тройки. Паршивая шла игра.

Но собою Петрикъ былъ доволенъ. Онъ шелъ въ

пэйсѣ*) игры и, несмотря на проигрышъ, чувствовалъ себя первымъ. Онъ и старый инженеръ только и владѣли собою. Старый инженеръ косился на него глазомъ. И мычалъ одобрительно. Хорошо игралъ этотъ офицеръ!

Лакей въ бѣлой рубашкѣ, видно вышколенный для игры, безшумно разнесъ по игрокамъ стаканы съ темно-янтарнымъ чаемъ, задернулъ портьеры и пустилъ электричество. Ночь наступала. Въ комнатѣ было очень душно. Табачный дымъ стоялъ неподвижными сизыми полосами. Отъ него першило въ горлѣ у Петрика и Фло глаза. Онъ проигралъ семнадцатаго «попа» и поставилъ предпоследняго.

«Проиграю его, встану и уйду. Значить — не вышло».

И Петрикъ обдумывалъ самымъ тщательнымъ образомъ, какъ онъ встанетъ, какъ пойдетъ въ залу къ жене и какъ, улучивъ удобный моментъ, уйдетъ. Онъ не жалѣлъ проигрыша. Ему были противны деньги. Ему странно было, что за нѣсколько такихъ «поповъ» онъ купилъ когда-то Одалиску — живое и чуткое существо, уже сколько лѣтъ дающее ему много радости. Когда то покупали и людей... Онъ самъ читалъ въ старыхъ газетахъ: — «продается дѣвка»... А развѣ теперь?... Вспомнилъ заведеніе госпожи Саломонъ... Почему то показалось, что и Матильду Германовну можно купить. Развѣ не купилъ ее инженеръ Замятинъ? Они не вѣнчаны... И Матильда Германовна только что покровительственно цѣловала его жену. А чѣмъ она лучше Ревекки Хозендуфтъ, дочери его хозяина въ Маріенбургскомъ штабѣ, что «работала» въ заведеніи госпожи Саломонъ? Власть денегъ? Имъ не овладѣть ротмистромъ Ранцевымъ!...

Онъ поднялъ свои карты.

— Ваши.

*) Идти въ пэйсѣ, попасть въ пэйсѣ — выраженія, употребляемыя на конскихъ скачкахъ. Это значитъ идти одинаковымъ махомъ съ другими лошадьми.

Значительная кучка денегъ передвинулась къ нему. «Какъ это просто», — подумалъ онъ. То не было ничего, вставать хотѣлъ, а вотъ опять болѣе пятисотъ». Онъ взялъ новую карту.

Оса на заднихъ лапкахъ склонилась надъ нимъ. Петрикъ чувствовалъ легкій аромать духовъ, шедшій отъ нея платья. Кружилась отъ него голова.

Онъ опять выигралъ. Это она принесла ему счастье.

У него размѣняли деньги и его «архіерей» вернулся къ нему. Карты все шли. Деньги валили. Сзади Петрика уже стояла не одна оса, но еще какіе то люди.

Распечатали свѣжую колоду, и пока тасовали, Петрикъ отсчиталъ свои первоначальныя девятнадцать сотенъ — Настенькино приданое и уложилъ въ бумажникъ. Порядочная сумма денегъ осталась лежать передъ нимъ. Вѣроятно — нѣсколько тысячъ.

— На выигрышъ, значить? — хриплымъ голосомъ спросилъ Барышевъ.

Петрикъ не отвѣтилъ. Онъ съ трудомъ удерживалъ торжествующую улыбку. Счастье валило къ нему.

Ему послышалось, что кто то сказалъ, или это было подсознательное ощущеніе, но онъ понималъ, что Замятинъ уже игралъ не на свои, а на казенныя деньги.

«Такъ ему и надо» — подумалъ Петрикъ.

Должно быть было поздно. Гдѣ то по утреннему лаяла отрывисто и грубо собака. «Бѣдная Аля» — думалъ Петрикъ, «ей должно быть отчаянно скучно. Ну что-же: — *tu l'as voulu, Georges Dandin**)...

Первый и послѣдній разъ»... Онъ чувствовалъ, что теперь уже скоро конецъ. Онъ выигралъ и выигралъ основательно. Онъ видѣлъ, какъ старый инженеръ записывалъ на сукнѣ свой и, по просьбѣ Барышева, его проигрыши. И Петрикъ обдумывалъ, какъ ему поступить дальше. То, что онъ хотѣлъ сдѣлать казалось ему рѣзкимъ и оскорбительнымъ, и онъ рѣшилъ еще разъ попробовать судьбу.

— Сколько въ банкѣ? — спросилъ онъ.

*) «Ты этого хотѣлъ, Жоржъ Дандень», — французская поговорка.

Его голосъ былъ поразительно спокоенъ. Онъ внутренно любовался собою. «Да вѣдь я офицеръ», — подумалъ онъ про себя, и добавилъ — «и какой молодецъ — ротмистръ Заамурецъ Ранцевъ!...»

Онъ весь подобрался.

— Подсчитать надо, — прохрипѣлъ Барышевъ.

— Подсчитайте.

Замятинъ и Канторовичъ быстро разбили кучу по пачкамъ.

— Двадцать двѣ тысячи, — сказалъ, вздыхая, Канторовичъ.

Теперь уже всѣ знали, что тутъ были и казенныя деньги. Лицо Замятина было очень блѣдно. Отъ ухара купчика-голубчика ничего не осталось. Былъ просто попавшійся мазурикъ.

— Играю ва-банкъ, — сказалъ отчетливо Петрикъ.

На сосѣднихъ столахъ прекратили игру. Генераль Заборовъ всталъ и, хромя на отсиженную ногу, двинулся къ ихъ столу, но его на пути перехватилъ адъютантъ Ананьевъ и увелъ въ сосѣдную комнату.

Замятинъ металъ банкъ. Руки его сильно дрожали.

Петрикъ поднялъ карту.

Девятка!

Въ полной тишинѣ какъ то деревянно прозвучалъ голосъ Замятина: —

— Банкъ вашъ.

Инженеръ съ Владиміромъ на шеѣ всталъ. Канторовичъ услужливо подвинулъ пачки ассигнацій и золотые столбики Петрику. Петрикъ впервые ощутилъ власть и силу денегъ, но она не опьянила его.

— Я кончаю игру, — сказалъ Петрикъ и всталъ.

— Какъ вамъ угодно-съ, — холодно сказалъ Замятинъ.

Петрикъ не дрогнувшей рукою отодвинулъ на середину стола всѣ деньги, причитавшіяся ему и сказалъ: —

— Господа, разберите ваши деньги.

— То есть... какъ это?... Я не слышалъ... — заикаясь сказалъ Замятинъ. Лицо его стало совершенно бѣлымъ. — Что вы хотите этимъ сказать?... Я васъ не по-ни-ммаю!

— Это ваши деньги, — снисходительно, покровительственно сказалъ старый инженеръ. — Вы ихъ выиграли.

— Я имѣю... и признаю только деньги, или заработанные или заслуженные... отъ Государя... Это не работа и не служба... Это игра... — и чуть криво и блѣдно улыбаясь договорилъ Петрикъ, стараясь улыбкой и шуткой смягчить то, что онъ сказалъ: — поиграли... и за щеку.

— Но... позвольте, — дрожащимъ голосомъ сказалъ Замятинъ. — Но вы то... понимаете, что говорите?

Румянецъ возвращался къ нему. Петрикъ сдѣлалъ шагъ отъ стола. Только теперь онъ вполнѣ ощутилъ, какъ было душно въ комнатѣ. Въ опаловомъ табачномъ дыму красными языками горѣли свѣчи. Черная копотъ лентами вилась къ потолку.

— Я?!... вполнѣ!... Разбирайте свои деньги... И конечно. Я же ихъ все равно ни за что не возьму.

Старый инженеръ пожалъ плечами.

— Пойдите, ротмистръ, — сказалъ онъ спокойно. Я вижу вы новичекъ... Вы думаете... Мы же не на орѣхи играли... Эт-то оч-чень серьезно... Такія шутки не допустимы... Это ребячество.

— Я вовсе и не шучу.

— Хор-шо-съ! Ну, а допустимъ, если бы вы проиграли?

— Я и проигрывалъ... Заплатилъ бы проигрышъ и ушелъ.

— А, если бы мы, какъ вы, вашего проигрыша не взяли.

— Это уже ваше дѣло.

— Господа, — взвизгнулъ, становясь изъ бѣлаго внезапно краснымъ, Замятинъ, — это оскорбленіе... Это чортъ знаетъ что такое!

Спокойствіе и увѣренность Петрика сбивали съ толка его партнеровъ.

— Я, господа, не имѣлъ и не имѣю никакого намѣренія кого бы то ни было оскорблять, — сказалъ Петрикъ. — Мнѣ ваши деньги просто не нужны... Если угод-

но знать — я свои взялъ. Теперь прошу васъ разобрать и ваши.

— Я этого такъ не оставлю, пробормоталъ Замятинъ. — Никто мнѣ морали писать не можетъ.

Петрикъ отходилъ отъ стола.

— Если господинъ офицеръ пошутилъ, такъ это же его дѣло, — сказалъ Барышевъ и сталъ какъ бы машинально, ни о чемъ не думая отсчитывать отъ кучи, свой проигрышъ.

Канторовичъ послѣдовалъ его примѣру.

— Такія шутки... мораль... не допустимы, — весь красный, брызжа слюнами говорилъ Замятинъ. — Вѣдь это, господа, донъ-кихотство какое-то! — Погодите, господа... Не берите такъ...

Петрикъ выходилъ изъ комнаты въ залу. Слышалъ онъ, или не слышалъ эти слова — онъ не обернулся.

Въ игровой комнатѣ поднялся страшный шумъ. Всѣ, по выходѣ Петрика, заговорили сразу.

— Этотъ офицеришка, однако, здорово задается.

— Какъ онъ смѣетъ!

— Я отъ него удовольстворенія потребую... Этакій нах-халь!... Позвольте, господа, зачѣмъ вы берете деньги?... Маль-чиш-ш-ка! — кричалъ Замятинъ.

Только его деньги и оставались на столѣ.

— Э, Борисъ Николаевичъ, — полно, милый, — говорилъ Барышевъ. — Не надо было приглашать его. Сыграли въ ничью... Только время золотое потеряли.

— Какъ онъ отъ такихъ денегъ-то отказался — шипѣлъ старый инженеръ. — Нищій!... Хар-рактеръ...

— Почти пятьдесятъ тысячъ было, — сказалъ угодливо Барышевъ. — Несмысленышъ.

У осы на заднихъ лапкахъ горѣли щеки.

— Это я понимаю, — сказала она и хлопнула въ ладоши.

Замятинъ злобно скосилъ на нее круглые глаза.

— Такимъ рожи надо бить, — мрачно сказалъ онъ и, не считая ссыпалъ деньги въ кожаный мѣшокъ, висѣвшій на спинкѣ его стула.

— Ну рожи то вы ему, однако, никогда, не побьете, — холодно и строго сказалъ Старый Ржондъ.

— Почему вы такъ думаете? — огрызнулся Замятинъ.

— Да потому, милый мой, что у него рожи нѣтъ. И прошу васъ взять ваши слова обратно.

— Это почему?

Старый инженеръ взялъ за локоть Старого Ржонда и повелъ его въ сторону.

— Оставьте хоть вы его, — прошипѣлъ онъ, — не видите, кипятится, а у самого на лицѣ написано — «держите меня, а то я ему рожу набью». А вы вмѣсто того, чтобы держать то, еще масла въ огонь подливаете.

— Но согласитесь... Такія выраженія... И про офицера притомъ....

— Да вѣдь, Максимъ Станиславовичъ, и офицеръ то не очень ловко поступилъ. Носики то намъ всѣмъ, какъ утеръ... Достоевщина какая-то! Чисто — скверный анекдотъ. Мы съ вами потомъ это дѣло разберемъ... Все таки какой то судъ чести быть долженъ. Борису Николаевичу и точно неудобно это такъ оставить. Въ его домѣ... И потомъ — наши сплетни знаете. Тѣмъ, — онъ кивнулъ въ сторону Барышева и Канторовича — тѣмъ ничего... Пожалуй еще и рады — поди, ну а ему... Вродѣ, какъ пощечина... Да вотъ идетъ нашъ генераль... Вѣрно ему кто нибудь доложилъ. Послушаемъ его резолюцію.

XXIX.

И точно, на порогѣ игровой, дымной комнаты съ тускло горящими желтымъ пламенемъ свѣчами появился генераль Заборовъ. Онъ входилъ какими то жесткими, четкими шагами. На красномъ лицѣ его пунцовой пуговкой горѣлъ носъ. Крашенные усы были распушены и онъ то и дѣло ерошилъ ихъ пальцами.

— Господа, — очень торжественно, тономъ, не допускающимъ возраженія, голосомъ хозяина сказалъ онъ. — Попрошу всѣхъ въ гостиную.

Генераль круто повернулся и вышелъ на середину гостиной. За нимъ, толпясь въ дверяхъ, послѣдовали игроки. Генераль и сзади него Ананьевъ стояли по срединѣ. Въ гостиной ярко горѣли лампы. Портьеры не были задернуты. Окна были раскрыты и свѣжее утро вставало за ними. Косые лучи солнца освѣщали дома на той сторонѣ улицы. Изъ комнаты казались они блѣдными и печальными. Улица была совершенно пуста и точно грусть смерти и сна лежала на ея пыльной мостовой.

Въ гостиной раскрытый рояль, гости въ ожиданіи чего то стоявшіе вдоль стѣнъ представляли странное зрѣлище. На диванѣ сидѣли Валентина Петровна съ докторомъ Березовымъ, въ креслахъ Матильда Германовна и рядомъ съ нею сѣлъ старый инженеръ. Матильда Германовна что то возбужденно шептала инженеру.

Заборовъ обвелъ всѣхъ строгими глазами изъ подъ насупленныхъ бровей и грозно скомандовалъ: —

— Попрошу встать!..

Дамы вопросительно смотрѣли на него. Точно спрашивали: «какъ и намъ встать?»

— Попрошу всѣхъ встать! — еще строже скомандовалъ Заборовъ.

Дамы поднялись. Валентина Петровна оперлась рукою о хвостъ рояля. Она уже слышала, что ея Петрикъ что то натворилъ, и теперь страхъ обуялъ ее. У ней подкашивались ноги. Сказывалась и усталость безъ сна проведенной, скучной ночи.

— Минуту молчанія! — сказалъ генераль и сталъ дрожащими руками надѣвать на носъ пенснэ. — Давайте, — громкимъ шепотомъ сказалъ онъ оборачиваясь къ адъютанту. Тотъ подалъ ему небольшую бумагу телеграфнаго бланка.

Генераль нагнулся, выпрямился, отставилъ бланкъ отъ себя и въ торжественной, вдругъ наступившей тишинѣ провозгласилъ: —

— Господа!... Получена телеграмма. Германія объявила войну Россіи... Объявлена мобилизація...

Нѣсколько секундъ было полное молчаніе. Съ улицы прилетѣлъ легкій, влажный вѣтерокъ. Кто-то, —

Валентинъ Петровнѣ показалось, что это была оса на заднихъ лапкахъ негромко и несмѣло сказалъ: —

— Гимнъ!...

И сейчасъ — Барышевъ, докторъ, Канторовичъ и Старый Ржондъ подхватили: — гимнъ!.. гимнъ!..

Генераль передалъ телеграмму адъютанту, движеніемъ головы сбросилъ пенснэ, — оно, раскрытое, упало ему на животъ и повисло на черномъ шнурочкѣ и, сложивъ руку кренделемъ, подошелъ, шаркая ногами, къ Валентинѣ Петровнѣ. Ей хотѣлось сказать, — и эти слова уже были у ней на устахъ: — «да я не умѣю»... Но вдругъ точно какой то токъ прошелъ по ней. Она еще не поняла, что такое произошло. Что такое война? Въ этотъ мигъ она ощутила лишь величіе исторической минуты, которую одинаково переживали всѣ. Она сѣла на табуретъ, подняла, какъ бы дирижируя хоромъ, руки надъ клавишами и ударила по нимъ. И сейчасъ же согласно и стройно, — очень помогаль ведшій хоръ батюшка, — всѣ заплѣли подъ ея игру.

Звуки росли и ширились. Они, прекрасные и величественные, будили улицу.

— Царствуй на славу намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ!
Ца-арь православный.
Бо-оже Царя храни...

И только стали замолкать отзвуки послѣднихъ аккордовъ, какъ по непостижимо какимъ образомъ потому Валентиной Петровной общему желанію она снова взяла первая ноты.

Кто-то — ей показалось — Петрикъ, закрылъ электричество. Комнаты наполнились мягкимъ утреннимъ свѣтомъ. Въ окна глядѣло ясное, чистое безъ единого облачка небо. Въ двери кабинета былъ виденъ дымный сумракъ и тускло горящія, оплывающія свѣчи. Тамъ было ужасное прошлое — то, что тамъ «натворилъ» Петрикъ — здѣсь было что то умирительно прекрасное, что такъ вѣрно и хорошо выражалось и этой музыкой и этими прекрасными словами: —

— Боже, Царя храни!..

И едва кончили, Барышевъ подошелъ къ генералу съ кипой денегъ.

— На красный крестъ, ваше превосходительство, — сказалъ онъ, отдуваясь и отирая выступившій на лбу потъ.

Кто-то крикнулъ: —

— Шапку!... дайте шапку!...

Ананьевъ побѣжалъ въ прихожую звеня шпорами и концами аксельбантовъ и принесъ генералу его фуражку. Деньги посыпались въ нее. Замятинъ положилъ нѣсколько тысячныхъ билетовъ, Канторовичъ ссыпалъ кучку золота. Фуражка раздулась и была верхомъ наполнена.

— Ну вотъ, — громко сказалъ Старый Ржондъ, обращаясь къ старому инженеру, — слава Богу... Что называется: — инцидентъ исчерпанъ.

— Да... да... да, — быстро сказала инженеръ... — Мы ихъ потомъ помиримъ... Война!? Кто могъ думать, что Государь на это рѣшится!?

XXX.

Но только спустя много времени Валентина Петровна въполнѣ поняла весь ужасъ этого слова.

Раньше у нея была одна соперница, къ кому она могла ревновать и ревновала Петрика: — служба. Но это была соперница милостивая. Она не брала къ себѣ Петрика цѣликомъ, она дѣлилась имъ съ нею и позволяла ей входить въ себя. Теперь она увидала новую соперницу, — и эта соперница поглотила Петрика цѣликомъ.

Война и побѣда!... Да, конечно, побѣда, или смерть.. Бѣлый георгиевскій или простой деревянный на полевой могилѣ крестъ — это было все о чемъ всегда, съ тѣхъ самыхъ дней, когда мальчикъ Петрикъ игралъ съ дѣвочкой Алей — Петрикъ мечталъ.

Теперь онъ потерялъ голову. Все забывая — ее, Настю, весь домъ — онъ стремился сейчасъ же... завтра ѣхать на войну.

Коротко и сбивчиво онъ объяснилъ Валентинѣ Петровнѣ, что онъ будетъ проситься отправить его немедленно въ его Лейбъ Маріенбургскій полкъ, который уже навѣрно тамъ... дерется...

Онъ говорилъ объ этомъ пламенно и жарко, его глаза въ воспаленныхъ вѣкахъ горѣли такимъ суровымъ, жестокимъ огнемъ, что она не посмѣла даже спросить — что же она то будетъ дѣлать?

Объявивъ о войнѣ сотнѣ, прослушавъ ея громовое ура, Петрику вымылъ лицо ледяною водою, переодѣлся въ парадную форму и на дрезинѣ помчался къ Старому Ржонду устраивать свою командировку.

Онъ вернулся пришибленный и задумчивый только позднимъ вечеромъ. Старый Ржондъ принялъ его рвеніе совсѣмъ не такъ, какъ то представлялось Петрику. Онъ почти накричалъ на него.

— Что-съ?... Война еще не началась, а уже вы дезорганизацію въ армію вносить желаете... И кто-съ?... Офицеры!.. Не допустимо-съ... Вотъ у меня генераль здѣсь... Я ему доложу-съ... Гдѣ вашъ долгъ, ротмистръ? Приказъ... приказъ есть?.. Пошлютъ — пойдете... А не пошлютъ, здѣсь сгноятъ васъ — и сгнивайте. Вы не анархистъ... Добровольно — не надо... Добровольно... знаемъ мы это добровольно. Хочу... За крестикомъ ѣхать хотите?.. А война потянется, а тѣ ослабѣютъ. Мы понадобимся... а насъ нѣту... Мы уже не хотимъ-съ... Это-съ, Петръ Сергѣевичъ... Я понимаю, миленькій, но допустить не могу-съ!

Старый Ржондъ такъ раскудаhtался, что на его крикъ вышелъ сидѣвшій у него въ кабинетѣ генераль Заборовъ. Онъ выслушалъ короткій докладъ Старого Ржонда и оправданія Петрика, раздулъ толстыя губы и мягко, своимъ барскимъ голосомъ сказалъ: —

— Другимъ, какъ нравится, а мое такое мнѣніе — война эта на годы... Вонъ — совсѣмъ по секрету: у меня уже и телеграмма есть — сводить сотни въ полки и бригады, а пѣшія въ дивизіи — это значитъ — мое

такое мнѣніе — не за горами и намъ походъ. Придемъ на помощь — вдвое дороже будемъ. Теперь скоро осень. Зимой какая война!?... Все разыграется къ веснѣ... Другимъ, какъ нравится, а къ веснѣ мы будемъ тамъ во всеоружіи обученія, знанія и духа!... Такъ то мой упрямый и своевольный Ранцевъ... Готовьте сотню — и не сомнѣваюсь — чудеса съ нею совершите...

И Петрику пришлось сдаться. Онъ скоро почувствовалъ, что генералъ Заборовъ и Старый Ржондъ были правы. Война шла не такъ, какъ онъ ожидалъ. Наши не шли на Берлинъ, но едва не сдали Варшаву. Мимо Ляохедзы безконечные тянулись поѣзда съ войсками и снаряженіемъ — война охватывала всю Европу и уже было извѣстно, что и Заамурцы пойдутъ.

Горячка первыхъ минутъ прошла. Наступили спокойное ожиданіе и подготовка и тогда Петрикъ подумалъ о женѣ и о дочери.

Какъ то осеннимъ вечеромъ, когда въ багрянецъ опускалось солнце и лиловѣли причудливыя горы, Валентина Петровна ѣхала верхомъ съ Петрикомъ. Они возвращались съ прогулки. Мазепа шелъ широко шагая, вытянувъ шею, рядомъ пряла ушами Одалиска. Они только что проскакали версты три по мягкой пыльной дорогѣ. Валентина Петровна почувствовала, что Петрикъ ею любитъ, что она, раскраснѣвшаяся, дѣйствительно прекрасна и опустила стыдливо голову.

— Петрикъ, тихо сказала она, — ты любишь меня?

— Аля!

Петрикъ взялъ ея свободно опущенную правую руку и, поднявъ рукавъ блузки, поцѣловалъ ее выше перчатки.

— Ты сомнѣваешься! — съ упрекомъ сказалъ онъ. — Всегда, теперь и въ будущемъ.

— Нѣтъ... не теперь...

— Аля... Это неправда...

— Теперь ты думаешь только о войнѣ, а меня забылъ.

— Нѣтъ...

— Ты подумалъ, что я буду дѣлать, когда вы уйдете на войну?

Она сказала это смѣлѣе. Слезы слышались въ ея голосѣ. Онъ опустилъ голову. Странно: — и точно — онъ обо всемъ подумалъ. Подумалъ и о томъ, куда спрятать старые артельные хомуты, а о ней и Настѣ не подумалъ. Ему, въ его мечтахъ рисовалось, что онъ уйдетъ изъ этой уютной, обжитой квартиры, и послѣ войны въ нее и вернется. И, если будетъ раненъ — тоже къ ней... Это входило въ его мечты. Именно потому, что онъ ее любилъ. Сколько разъ въ своихъ мечтахъ онъ рисовалъ себѣ, какъ онъ поѣдетъ съ войны. Все тише и тише пойдетъ поѣздъ... Вотъ и Ляховеды и на ихъ скромномъ перронѣ Аля съ Настей. Сейчасъ, послѣ ея словъ почувствовалъ, что всегда и вездѣ онъ думалъ о себѣ, а не о ней, и что любилъ-то онъ не ее, а себя и ее, лишь потому, что она давала ему радости жизни.

Она продолжала тихимъ голосомъ.

— Петрикъ... не сердись на меня... Но не могу-же я остаться здѣсь, какъ остаются инженеры и другіе служащіе дороги... Я боюсь хунхузовъ... Исторія Шадринской заимки не идетъ у меня изъ головы... И когда тебя не будетъ... я умру отъ одного страха.

Въ другое время онъ разсердился бы. Теперь, въ томъ состояніи любовной размягченности, въ которомъ онъ находился, онъ крѣпко пожалъ ея руку и сказалъ неопредѣленно:

— Мы снимемъ квартиру въ Харбинѣ. Переѣдемъ туда.

Она усмѣхнулась. «Какъ легко разрѣшилъ онъ всѣ ея страхи! Одна въ Харбинѣ... Съ Замятиными, Канторовичами?» Ёдкая, горькая мысль мелькнула въ головѣ: — «солдатская жена»... Имъ слава!... Ордена... Георгіевскіе кресты... Имъ раны въ утѣху... Сама смерть ихъ славою и честію вѣнчаетъ... А намъ?... ихъ женамъ?... матерямъ ихъ дѣтей?... Однѣ горючія слезы...»

Съ полверсты они ѣхали, молча, шагомъ. По сторонамъ были сжатые гаоляновые поля. Острые стволы снятыхъ стеблей торчали изъ бурой земли. Вдали показался пожелтѣвшій карагачъ и еще зеленые, но съ порѣдѣвшей листвою райны у переѣзда. Сейчасъ и казармы.

— Знаешь, что... Когда твоя сотня пойдет на войну, я пойду тоже... сestroю милосердія. Мнѣ Березовъ говорилъ, при нашемъ отрядѣ будетъ летучка.

Она подняла голову. На ней была легкая соломенная шляпа - канотье съ вуалью. Изъ-подъ вуали, закрученной на поля были видны блестящіе, вдаль устремленные глаза. Ей то, что она сказала и что она рѣшила сдѣлать казалось подвигомъ, куда большимъ того, на какой шелъ Петрикъ. Розовыя губы пріоткрылись и стали видны нетронутые, свѣжіе зубы. Красивымъ жестомъ она, поправляя волосы, выбила локонъ на лобъ. Вечерній воздухъ вливался въ ея грудь. Она глубоко вдыхала его. Такъ проѣхали они до казармы. Петрикъ молчалъ.

— А, Настя? — вдругъ сказалъ онъ.

— Да... Настя, — тихо повторила она. Ея голова опустилась. Глаза были прикрыты тѣнью рѣсницъ. Румянецъ поблекъ и точно пожелтѣли и обвисли щеки.

И, уже слѣзая съ лошади въ протянутыя ей объятія Петрика, она капризно кинула: —

— Ну, придумай самъ чтонибудь... Видишь, какая мы тебѣ обуза... — И со злобой добавила: — Жалѣешь теперь, что женился!...

XXXI.

Петрикъ задержался на конюшнѣ. Онъ самъ дѣлалъ массажъ и бинтовалъ ноги своимъ лошадямъ. Обыкновенно Валентина Петровна ему въ этомъ помогала. Сейчасъ она поспѣшно ушла къ себѣ. Она не могла оставаться на людяхъ. Слезы подступали къ глазамъ.

Она прошла въ спальню, взяла у амы Настеньку и, не раздвываясь, какъ была, въ легкой свѣтло-сѣрой амазонкѣ сѣла въ кресло у раскрытаго окна. Солнце опустилось за лиловыя горы и тѣнь сумерокъ покрывала поля. Нигдѣ никого не было видно. Настенька тихо лежала на колѣняхъ и улыбалась матери. Валентина Петровна охватила ладонями колѣни и, нагнувшись, смотрѣла на дочь. Таня заглянула къ ней.

— Барыня, переодѣваться будете?

— Нѣтъ, Таня.

— Прикажете зажечь лампы?

— Не надо, Таня.

Таня ушла и плотно притворила за собой дверь. Она знала, что, когда «такое» находило на ея барыню, — лучше оставить ее въ покоѣ.

Валентина Петровна думала.

«Однако, какъ же въ самомъ дѣлѣ, разрѣшался этотъ вопросъ раньше? Война?.. Она перебирала мемуары, прочитанные ею въ «Русской Старинѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Архивѣ», романы и повѣсти о войнѣ. Напримѣръ... въ «Войнѣ и Мирѣ» гр. Толстого?.. Какъ же тамъ-то было? Николенька ушелъ на войну... И Соня осталась... И осталась Наташа, влюбленная въ Андрея Болконскаго. Андрей Болконскій оставилъ маленькую княгиню... Да, оставилъ... Но тамъ — была с е м ь я».

«А вотъ оно что!.. У нея... Отецъ умеръ въ тотъ страшный годъ... Мать послѣдовала за нимъ въ тотъ годъ, когда родилась ея Настя. У ней — нѣтъ семьи. У ней ея никогда не было. Она солдатская дочь. Семья — это, когда много... Братья, сестры, дяди, тетки... Какой муравейникъ кипѣлъ въ семьѣ Ростовыхъ и такой же былъ муравейникъ и въ семьѣ автора «Войны и Мира». Тамъ война украшена любовью... Да вѣдь»...

Валентина Петровна даже удивилась, какъ она этого не понимала раньше.

«Весь смыслъ жизни — въ семьѣ. Отъ семьи — Родина — и въ ней все. Замыкается кругъ... Но это было. Не такъ давно — но это уже прошедшее. Она уже этого не застала и она не сумѣла создать этого ни себѣ, ни Настѣ... Измѣнились условія жизни. Семья — это домъ... Помѣстье... деревня. Она не застала помѣщиковъ. Она нашла служащихъ, родилась у солдата. Ей эта новая, прославленная теперь социалистами р о е в а я жизнь города! Въ этой жизни — семьи не полагается. Есть — знакомые. И все хорошо, пока все благополучно. Пока ея папочка служилъ въ Захолустномъ штабѣ и занималъ видное мѣсто начальника дивизіи — вся дивизія, вся ок-

руга Захолустнаго штаба были ея знакомые. Но, какъ только папочку уволили со службы, многіе знакомые перестали ей кланяться. Тоже было и въ Петербургѣ. Пока ея первый мужъ, профессоръ Тропаревъ былъ живъ, — сколько и какихъ знакомыхъ у ней было!.. Но, онъ умеръ, общественное мнѣніе бросило тѣнь на нее, и гдѣ они — всѣ эти Саблины, Барковы, Полуяновы, Стасскіе? И развѣ можно пріѣхать къ нимъ да еще съ ребенкомъ? Знакомые?.. Не примутъ... Выгонять?... Да и сама она на это никогда не рѣшится. Вотъ къ сестрѣ, или брату она бы пріѣхала. Это — с в о й домъ. Но у ней нѣтъ близкихъ. У папочки былъ братъ. Но они какъ-то разошлись. Ея дядя служилъ по генеральному штабу... Говорятъ — корпусомъ командуетъ... Нѣтъ.... его она не знаетъ».

Валентина Петровна нагнулась къ дочкѣ. На лицѣ ея появилась нѣжная и грустная улыбка.

— Настенька, — шептала она. — Вотъ, постой, Настенька, дай только кончиться войнѣ.... Я это перемѣню. У тебя будутъ братцы и сестры... Много... много... Ну, три, четыре человѣка... Цѣлая семья... И когда ты будешь большая и случится у тебя горе, ты не будешь такъ безконечно одинока. Ты не будешь не знать, куда тебѣ преклонить голову, какъ не знаетъ твоя мама. Слышишь, Настенька?

Дѣвочка улыбалась, протягивала ручонки къ окну и, отворачиваясь отъ матери, кричала: — ма... ма! *).

И не знала Валентина Петровна, что обозначалъ ея крикъ, потому что на Русско-китайскомъ языкѣ, на какомъ говорила ея Настенька, — слово «ма» равно обозначало и лошадь и мама. Можетъ быть, она услыхала за окномъ лошадей?

Да, эта будущая семья разрѣшала судьбы Настеньки взрослой, но нисколько не помогала самой Валентинѣ Петровнѣ и ея маленькой Настѣ.

Куда же, въ самомъ дѣлѣ, дѣваться? Здѣсь станутъ ополченцы... Ъхать въ Петербургъ, гдѣ всѣ эти ужасныя воспоминанья?.. Въ Москву?.. Она не знаетъ Москвы.

*) Ма — по китайски лошадь.

У ней тамъ даже знакомыхъ нѣтъ... Ей все равно куда ѣхать. Куда-нибудь поближе къ фронту... Въ Двинскъ, Смоленскъ, или Кіевъ... Меблированныя комнаты... Чужія вещи... Чужіе люди... Ну, познакомятся... Будутъ опять новые знакомые... Какъ здѣсь, Старый Ржондь... и Замятины.

Она напряженно смотрѣла на Настю. И все думала «Да, ей теперь все понятно. Семья и религія спасали человѣка отъ самого себя и выручали во всякой бѣдѣ, даже въ самой смерти утѣшали. Теперь, когда не стало семьи... когда вѣры становится все меньше, что же осталось?.. Нуженъ гашишъ! нуженъ опиумъ... Вотъ откуда этотъ бѣшеный городской ритмъ жизни, эти громадные листы газетъ съ никому ненужными статьями, которые забываются черезъ пять минутъ послѣ прочтенія. Вотъ откуда эти машинистки, стенографистки, голодные секретарши, гдѣ-то работающія, вотъ откуда это метаніе по кинематографамъ и танцулькамъ, чтобы только забыться... Вотъ придетъ къ ней горе, — а она одна одинешенька съ Настей. Ну и что?... Папиросы станешь курить.... Какъ одурѣлая что-нибудь дѣлать, лишь бы уйти отъ себя... А тамъ — опиумъ... кокаинъ.... Надо, надо, надо намъ, Настенька, вернуться къ Богу и семьѣ!. А, какъ вернешься, когда война!?. Что же сейчасъ-то дѣлать»!?

Слеза за слезою капали изъ ея прелестныхъ глазъ цвѣта морской волны. Онѣ упали на Настеньку, на ея ручки въ узелкахъ, на пухлыя щеки. Дѣвочка повернула лицо къ матери. Маленькіе глаза въ черныхъ длинныхъ рѣсницахъ таращились и глядѣли въ глаза матери. Точно старались угадать и понять, что думаетъ, о чемъ плачетъ ея большая мама.

Валентина Петровна смотрѣла въ глаза дочери и ей казалось, что это она видитъ свои собственные глаза, отраженные въ уменьшающемъ зеркалѣ. Такъ же были они сѣро-зелены, такая же океанская волна была въ нихъ и такая же затаенная, еще никому не высказанная грустная мысль.

XXXII.

Зимою, и совершенно неожиданно для Старого Ржонда — она дала нарочно телеграмму только из Иркутска — къ нему пріѣхала его двадцатилѣтняя дочь Анеля.

Старый Ржондъ со своимъ денщикомъ Казиміромъ едва успѣлъ ей приготовить въ своей холостой квартирѣ комнату. Онъ самъ на своей тройкѣ поѣхалъ ее встрѣчать и не узналъ бы ее никогда — онъ видалъ ее послѣдній разъ ребенкомъ — да она узнала его по фотографіямъ, по памяти, а больше по чутью. Увидала его «разнухивающее» внимательное лицо и сразу догадалась: — папа!

Въ косынкѣ сестры милосердія — Анеля только что въ Петроградѣ окончила спеціальные курсы — въ шубкѣ, крытой сѣрымъ сукномъ съ юбкой въ сборку, по крестьянски, изъ-подъ шубки спускался, закрывая колѣни, бѣлоснѣжный передникъ — она казалась моложе своихъ лѣтъ. Шатенка съ голубыми глазами, съ мелкими правильными чертами лица, съ маленькими губами сердечкомъ она была очаровательна.

Въ коляскѣ молчала, косясь на папу и стѣсняясь кучера-солдата и денщика. Но, едва вошла въ чистую переднюю съ большимъ окномъ безъ занавѣсокъ, куда лило золотые лучи зимнее Манчжурское солнце, едва очутилась въ продолговатой комнатѣ со свѣтлосѣрыми въ бѣлую полоску обоями, съ зеркаломъ въ ясеневой рамѣ, съ такою же вѣшалкой, гдѣ чинно висѣли папахи и шубы Старого Ржонда, увидала отца, снявшаго шинель, въ черкескѣ при серебромъ украшенной шашкѣ, — ее точно прорвало.

Путая польскія слова въ восторженную Русскую рѣчь, взмахивая руками, ударяя себя ладонями по колѣнямъ, присѣдая, она всѣмъ восхищалась. И вся была она — Луцкая, и не Луцкаго уѣзда, но воеводства Луцкаго — будто соскочила со страницъ романовъ Сенкевича,

точно внесла съ собою крѣпкій яблочный духъ Луцкихъ садовъ и пьяную крѣпость старой запеканки.

— Машъ тебе!... *) Такъ я же въ Китаѣ и съ папочкой черкесомъ! — воскликнула она и взяла Старого Ржонда подъ-руку. — Ну, пойдемъ, покажи мнѣ твой палацъ.

Въ гостиной, очень пустой, гдѣ на паркетномъ полу чинно вдоль стѣнъ стояли буковые стулья, а посерединѣ былъ большой круглый столъ съ альбомомъ съ Лукутинской крышкой, гдѣ на стѣнѣ висѣли два большихъ овальныхъ портрета Государя и Государыни, портрета-олеографіи въ золотыхъ рамахъ, а въ простѣнкѣ между окнами было большое зеркало, она подвела отца къ нему и весело разсмѣялась. Точно серебряные колокольчики зазвенѣли по всему дому, и суровый Казиміръ, протискивавшій въ двери ея обшитую клеенкой дорожную корзинку сталъ ухмыляться.

— Ото-жъ пышна пара! — воскликнула она. — Ты папа, совсѣмъ молодецъ... И, если тебѣ усы подкрасить!.. А я то!.. — Анеля сама себѣ сдѣлала книксенъ. — Славный бузякъ! **). — Она вздернула пальцемъ кончикъ носа, двумя пальчиками подобрала концы желто-коричневой «сестринской» юбки и, бросивъ руку отца, танцующей походкой прошла по залу, напѣвая:

— «Ходъ, ходъ, котку бялы
И цалуса дай!
Такій бузякъ малы
То правдивый рай»...

Зазвенѣвшіе было по залу серебряные колесольчики ея смѣха внезапно оборвались. Задорное, раскраснѣвшееся личико стало серьезно.

— Цо то за выбрыки! — погрозила она сама себѣ пальцемъ. — Что подумаетъ обо мнѣ милый папа? Хороша сестра милосердія!

*) Вотъ те и на!

**) Бузякъ — лицо, личико, «мордашка». «Тѣжъ пытане» — «Вотъ вопросъ».

Старый Ржондъ дѣйствительно былъ смущенъ и совсѣмъ безъ ума отъ веселой дочки.

— Пойдемъ, Анелечка, я тебѣ твою комнатку покажу.

— Тѣжъ пытане!

Въ ея комнаткѣ, наскоро убранной и приготовленной манзой-обойщикомъ, еще стоялъ терпкій запахъ китаецъ. Анеля наморщила носъ.

— Чѣмъ это пахнетъ здѣсь?

— Китайцемъ, Анелечка. Привыкай къ этому запаху. Онъ вездѣ здѣсь.

Она раздвинула тюлевые занавѣси у окна и остановилась, глядя на открывшійся передъ нею широкій видъ заснѣженныхъ Манчжурскихъ полей. Подъ самыми окнами, внизу, подъ обрывомъ, была большая китайская деревня. Сѣрыя фанзы съ крутыми крышами, вздернутыми по краямъ, съ разлатыми, растопырившими черныя вѣтви яблонями и грушами занимали большую площадь. Въ улицахъ бѣлѣлъ снѣгъ. За поселкомъ, блистая опаловыми красками подъ бирюзовымъ чистымъ небомъ, высились горы.

— Это что за деревня?

— Ты не выговоришь на тощакъ. — Шань-дао-хеды! — вотъ какая это деревня!

— Шань-дао-хе-дзы, — повторила Анеля. — А горы?

— Хребетъ Джань-гуань цай-линъ, или лѣса Императорской охоты.

— И тамъ можно охотиться?

— Отчего нѣтъ? Ты верхомъ ѣдишь?

— Ну что ты папа! Въ институтѣ насъ этому не обучали. Я умѣю только дѣлать такъ... и эдакъ...

И она отвѣсила передъ отцомъ реверансы — простой и придворный.

— Ну, этимъ ты любого мужчину убьешь, а звѣря не тронешь... Да мы... знаешь что?.. Вотъ сегодня разберешься, отдохнешь съ дороги, а завтра мы поѣдемъ къ Ранцевымъ... Чудные люди... И Петръ Сергѣевичъ тебѣ славнаго конька дастъ.

— Якъ же-шь такъ, просто зъ мосту?*)

— Они люди простые. Валентина Петровна — помнишь, я писалъ тебѣ о ней, такъ тебѣ обрадуется — она такъ одинока.

— Досконале!... Ъхать такъ ѡхать сказалъ попугай, когда кошка тащила его за хвостъ!

Въ открытыхъ дверяхъ появился Казиміръ. Съ трудомъ сдерживая улыбку восторга и умиленія передъ командирской дочкой, онъ торжественно доложилъ: —

— Ваше высокоблагородіе! кушать подано!

Анеля схватила отца подъ руку.

— Идемте, ваше высокоблагородіе, — сказала она.

— Шань-дао-хедзы... Джань-гуань-цай-линъ... Пекинъ, Нанкинъ и Кантонъ всѣ мы пѣли въ одинъ тонъ. —

И, раскачиваясь тонкимъ гибкимъ станомъ, она повела отца въ столовую.

XXXIII.

На Дальнемъ Востокѣ было такъ принято, чтобы каждому вновь прѣѡхавшему «изъ Россіи» показывать китайскій городъ, знакомить съ китайскою жизнью, съ ресторанами — «чофанами», гдѣ заставлятъ ѣсть палочками червей, ласточкины гнѣзда и другую прѣлую, пахучую китайскую снѣдь, водить по китайскимъ лавкамъ, показать китайскій театръ.

Эту программу хотѣли преподнести и Валентинѣ Петровнѣ. Но первые дни послѣ свадьбы она такъ старательно искала уединенія, была даже словно какая-то «дикая», — проводила дни или за роялемъ, или ѣздила часами верхомъ съ мужемъ, притомъ она показала столько брезгливости и отвращенія къ китайцамъ — и это было такъ понятно — генераль Заборовъ предложилъ показать ей, какъ рубятъ головы преступникамъ! — столько ужаса передъ ними, что этотъ планъ былъ

*) «Здорово живешь».

отставленъ. И Валентина Петровна жила третій годъ въ Китаѣ и ничего китайскаго, кромѣ маленькой кумиренки на полѣ подлѣ ихъ постовой казармы не видала.

Съ прїѣздомъ Анели этотъ планъ всплылъ снова и принялъ болѣе широкіе размѣры. Анеля какъ-то сразу — именно «просто зъ мосту», «здорово живешь» сумѣла очаровать своею дѣтскою искренностью Валентину Петровну. Сама-же, съ мѣста, какъ только увидала Валентину Петровну безъ ума влюбилась въ нее, чисто по институтски заобожала ее.

— Не неправдѣ ты естесь парадна! — воскликнула она, хватая обѣими руками руку Валентины Петровны. «Ты» вырвалось у ней невольно и смутило обѣихъ. Анеля хотѣла поцѣловать руку Валентины Петровны по луцкому обычаю — и еще болѣе смутилась, когда Валентина Петровна не дала ей этого.

Но «ты» такъ и осталось. И все у Валентины Петровны для Анели было — «вспаньялы» — великолѣпно.

Ея въ русско-китайскомъ вкусѣ убранная квартира, и очень скромная, была: — «вспаньялы палацъ»! Когда вечеромъ Валентина Петровна сѣла играть — это былъ «вспаньялы концертъ».

А Настя! — Никогда Валентина Петровна не находила столько и такихъ нѣжныхъ словъ для своей дочери, сколько сразу нашла Анеля. Она часами могла стоять надъ Настиной колыбелькой.

— Панна Настя ма такая бузя, якъ я себе выобразаламъ... А очи!.. То твои очи, панно Валентина! Сличны, чудовны, чаруйонцы! Роскошь патшышъ на такого детятка...

«Кохана, слодка» — не сходило съ ея устъ.

Все казалось у Ранцевыхъ Анелѣ необычайнымъ, несказанно прекраснымъ. Она прїѣхала съ отцомъ съ визитомъ, — а осталась на недѣлю. Отецъ уѣхалъ, она собралась съ нимъ, а, когда Валентина Петровна, Петрикъ, Кудумцевъ и Ферфаксовъ стали уговаривать ее остаться гостить, она посмотрѣла на отца: — будто ничего не имѣлъ противъ этого папочка?.. и Анеля въ придворномъ реверансѣ склонилась передъ Петрикомъ: —

— До услугъ пана... проговорила она... — И пани!

Папочка, — могъ ли онъ ей въ чемъ нибудь отказать!?.. поѣхалъ за ея вещами, а она зажила у Ранцевыхъ, окруженная всеобщимъ поклоненіемъ и сама всѣхъ обожающая.

И потому то, когда широко была задумана поѣздка въ китайскій городъ на цѣлыхъ три дня — Валентина Петровна не протестовала. Будировалъ, и то не очень, одинъ Петрикъ. Ему все казалось, что вотъ именно въ эти три дня и случится что нибудь, придетъ приказъ о ихъ выступленіи. Но съ ними ѣхалъ самъ полковой командиръ, Старый Ржондъ, и Петрикъ, не желая разстраивать общаго веселья, передалъ сотню Кудумцеву, условился съ нимъ, что «ежели что» — онъ пришлетъ телеграмму, придумалъ даже на всякій случай условный шифръ и поѣздка была рѣшена.

XXXIV.

Ѣхали цѣлымъ «домомъ». Съ амой Чао-ли и Настенькой. Ее ни за что не хотѣли оставлять ни Валентина Петровна, ни еще болѣе Анеля.

Настеньку нарядили китайченкомъ. Чао-ли была прелестна въ зимнемъ шугаѣ, стеганомъ на ватѣ, съ расшитыми шелковыми наушниками, надѣтыми, какъ корбочки на каждое ухо. Старый Ржондъ вмѣсто папахи надѣлъ круглую манзовскую шапку съ налобникомъ, наушникомъ и назатыльникомъ изъ соболя. Такую же шапку при общемъ смѣхѣ надѣли для тепла и на Анелю. Очень она къ ней шла.

Ѣхали въ двухъ коляскахъ — тройкѣ Старого Ржонда и экипажѣ генерала Заборова. Старый Ржондъ, не очень то надѣясь, что китайская кухня удовлетворитъ дамъ, взялъ съ собою Казимира.

Въ коляскѣ Заборова сѣли Валентина Петровна съ Аней и противъ нихъ Чао-ли съ Настенькой. Таня, оставшаяся съ Ди-ди дома, укутала ихъ тяжелымъ пахучимъ одѣяломъ бараньяго мѣха.

— Какъ на сѣверный полюсъ ѣдемъ, — смѣясь сказала Валентина Петровна.

— И полно, барыня, — заботливо сказала Таня. — Это солнышко обманываетъ, что тепло, смеркнетъ — такъ то меня вспомните, что одѣяло достала.

Колеса прогремѣли желѣзными шинами по сотенному двору, коляски выѣхали за ворота, миновали черный карагачъ, съ него слетѣла стая грачей съ шумливымъ граемъ, и покатили по хорошо убитой дорогѣ. По сѣрому пути, между гололедистыхъ комьевъ синеватой лентой шли укатанныя обозами колеи. По нимъ, какъ по рельсамъ катили экипажи.

Все кругомъ было такъ необычно для Анели. Желтое солнце — долго можно было на него смотрѣть — медленно поднималось къ блѣдноголубому небу. Съ земли, отъ полей запорошенныхъ снѣгомъ, гдѣ южные края бороздъ пахоты были черны, и потому поля казались разлинованными — легкій поднимался туманъ. Дали казались перламутровыми. Въ нихъ сѣрымъ кружевомъ показывались кусты, деревья, маленькія фанзы, плетневые заборы, тяжелыя колоды громадныхъ китайскихъ гробовъ, стоявшія подъ развѣсистыми черными дубами. Невдалекѣ отъ дороги была кумирня. Высокія красныя мачты стояли у входа. Золотые шары на вершинѣ ихъ горѣли на солнцѣ. Тяжелая арба, запряженная маленькой бѣлой лошадкой, коровой и осломъ медленно тянулась по дорогѣ. Коляски обогнали ее. На арбѣ, на ящикахъ сидѣли разряженные въ синія, расшитыя курмы китаянки. Манза въ сѣрой наваченной курткѣ и такихъ же штанахъ, дѣлавшихъ его ноги неуклюжими и тяжелыми погонялъ лошадей. Тонкій бичъ свисталъ по воздуху. Медленно, напрягаясь, шла лошадь, корова ей помогала. Осель тропотилъ сбоку.

— Славная тройка, — сказала Валентина Петровна.

— Окропне! — отвѣтила Анея.*)

Пошли шагомъ. Папочка не утерпѣлъ, подбѣжалъ къ коляскѣ, подсѣлъ рядомъ съ Чао-ли.

— Каковъ пейзажець-то... А горы! Воздухъ! Ты по-

*) Ужасно.

нимаешь, Анелечка, откуда эта мутность тоновъ на китайскихъ и японскихъ картинахъ? Точно все бѣлесымъ чѣмъ то прикрыто внизу. А наверху голубое небо и желтое солнце!... Какія линіи домовъ?... Чуешь экзотику-то, дочка?... Начинаешь любить мой милый Китай?

Навстрѣчу на маленькихъ бѣлыхъ лошадакахъ съ остриженными гривами и короткими хвостами ѣхалъ китаецъ въ черной шелковой, просторной курмѣ и такихъ же шароварахъ, въ валеныхъ, войлочныхъ, черныхъ, расшитыхъ краснымъ шнуркомъ котахъ. На головѣ у него была черная шапочка съ прозрачнымъ овальнымъ шарикомъ. Темная шуба собачьяго мѣха была надѣта на опашь. Сзади него ѣхалъ солдатъ. У него, точно мишень, былъ нашитъ на груди круглый кусокъ красной холстины съ черными китайскими письменами. Карбинъ съ дуломъ, заткнутымъ пучкомъ красной шерсти висѣлъ у него на плечѣ. Ёхавшій впереди китаецъ обернулся къ Старому Ржонду и, улыбаясь, поклонился ему. Старый Ржондъ любезно отвѣтилъ на поклонъ.

— Папочка, кто?.. Кто это? — зашептала Анеля.

— Это шибко знакомый чловѣкъ. — Офицеръ изъ здѣшняго города.

Серебряные колокольчики Анелинаго смѣха зазвнѣли по полю. Сидѣвшій на козлахъ Казиміръ обернулся и не въ силахъ сдержать улыбки спросилъ Старого Ржонда: —

— Ваше высокоблагородіе, курить позволите?

— Кури, кури, Казиміръ, — ласково сказалъ Старый Ржондъ. — Видишь дочка-то у меня какая!

— Да уже дочка это точно! — прокряхтѣлъ кучеръ солдатъ Евстигнѣй. — Это уже Богъ такую на счастье послалъ. Ну, миленькія, трогай!

— Шибко... шибко... знакомый, — сквозь смѣхъ едва выговаривала Анеля. — Это же по каковски?

— По русско-китайски, стрекоза. Сама то два слова русскихъ, а послѣ пять польскихъ... Эхъ-ты!..

Городъ надвинулся какъ то неожиданно. Долго приковывали вниманіе Анели какія то сѣрыя линіи у самого небосвода, башни, зубцы. То скрывались они за изгибомъ полей, то появлялись снова. Потомъ надолго

скрылись, дорога шла по долинь, поросшей тонкимъ ольшаникомъ и, какъ выбрались изъ балочки, сразу предсталъ передъ Анелей весь городъ, озаренный косыми, красными лучами солнца.

— Какъ въ сказкѣ! — вздохнула Анеля.

И точно — будто нарисованный на какой то средневѣковой картинѣ стоялъ городъ. Высокія, темносѣрыя стѣны съ зубцами, башни въ три яруса по угламъ и посерединѣ прямыхъ сторонъ, гдѣ были громадныя ворота, разлатыя крыши башень съ загнутыми кверху концами — все было своеобразно и необычно. Все говорило о многовѣковой старинѣ, нетронутой новой культурой.

— Жалко, не лѣтомъ, — сказалъ Старый Ржондъ. — Лѣтомъ тутъ кругомъ — сады — огороды. Сколько пестраго мака, бобовъ, табака, капусты, стручковъ — такъ все это воздушно-красиво.

Тяжелыя дубовыя ворота были обиты желѣзными гвоздями съ большими шляпками. Коляска вѣхала въ темный пролетъ. Въ громадныхъ гранитныхъ глыбахъ мостовой колеса и время пробили глубокія колеи.

— Боже мой... древность какая! Панно Валентина, смотрите какія колеи продолбили въ этомъ камнѣ.

Китаецъ-солдатъ бросился къ коляскѣ.

— Цуба!*) — грозно крикнулъ на него Евстигнѣй.

Старый Ржондъ сказалъ что то по-китайски и китаецъ отошелъ.

Въ сумракѣ воротъ чуть отблескивали громадныя ножи и алебарды на темно-красныхъ рукояткахъ. Эти ножи приковали вниманіе Анели и Валентины Петровны.

— Это что такое, Максимъ Станиславовичъ?

— Орудіе казни, барынька, — нехотя отвѣтилъ Старый Ржондъ. — Этими ножами рубятъ головы... Дѣлаютъ то, что здѣсь называется «кантами»...

Валентина Петровна пожала плечами и быстро взглянула на Настеньку. Но дѣвочка, убаюканная покачиваніемъ коляски и свѣжимъ воздухомъ — крѣпко спала на рукахъ у амы.

*) Прочь!

XXXV.

Прямая и длинная — ей и конца не было видно — улица гомонила гортаннымъ говоромъ. Она, словно людская рѣка, текла сѣрою толпою манзъ. Тутъ, тамъ синее пятно богатаго китайца, или пестро-одѣтой китаянки — и опять сѣрыя ватныя кофты, сѣрые штаны, сѣрые, сѣрымъ мѣхомъ отороченныя круглыя шапки.

Такъ странна была густая толпа послѣ тишины и безлюдья полей. Ъхали шагомъ. Улица была узкая, покрытая пылью, смѣшанной со снѣгомъ и мощеная каменными плитами. Скрипѣли по камнямъ колеса и потряхивали на выбоинахъ рессоры. Впереди тянулись арбы. Погонщики щелкали бичемъ и надрывно кричали: у-о, у-о... Этотъ крикъ покрывалъ гортанный гомонъ толпы.

Одноэтажные дома, — все лавки, тянулись по обѣимъ сторонамъ. Вдоль нихъ шелъ деревянный троттуаръ, надъ нимъ мѣстами былъ навѣсъ на жердяхъ. И первое, что увидела Анеля у самого входа: — большой китайскій «чофанъ». Сѣрые манзы сидѣли и снаружи на уличѣ и вглубинѣ. Отъ «хибачей» — мѣдныхъ вазъ, наполненныхъ раскаленными углями — шелъ сизый дымокъ. Паръ струился изъ носиковъ громаднхъ, красной мѣди, чайниковъ съ углями и трубой — прадѣдовъ русскихъ самоваровъ. Полуголые, мѣдно красные, мускулистые повара на деревянныхъ доскахъ проворно мастерили капустные голубцы, рѣзали лапшу, наливали блѣдный чай въ чашки безъ ручекъ. На двадцать шаговъ несло прѣлью, капустной вонью, бобовымъ масломъ, чеснокомъ и чѣмъ то прѣснымъ. Люди чавкали и икали, сверкая бѣлыми зубами. Черныя палочки точно усики насѣдомыхъ шевелились у ихъ ртовъ.

— Какая прелесть! — сказала Анеля.

— Хочешь, закусимъ, Анелечка?

— Ну что ты, папа! Скажешь тоже!

На черномъ столбѣ были золотые драконы.

— Это банкъ, — пояснилъ Старый Ржондъ.

Звѣриныя: лисьи, куньи, соболями и собачьи шкурки висѣли у лавки мѣховщика. Громадные гробы деревянными тяжелыми колодами заняли половину улицы. Надъ парикмахерской висѣлъ мѣдный тазъ и конскій хвостъ подъ нимъ. Здѣсь прямо на улицѣ большими бритвами брили лбы и щеки... Слышно было какъ скоблило лезвіе жесткій волосъ.

И, покрывая общій гулъ толпы, неслись надрывные крики погонщиковъ — у-о... у-о... отъ нихъ болѣла голова у Валентины Петровны.

Разнощикъ несъ на прямомъ коромыслѣ кубические ящики и, обгоняя задержавшуюся въ толпѣ коляску, крикнулъ въ самое ухо Анели: —

— Ку-ли-ца-эе!...

— О, что-бъ тебѣ! — выругался Старый Ржондъ.

— Что онъ продаетъ?

— Жареную курицу, начиненную пряностями. Любимое вечернее блюдо китайцевъ.

— То-то онъ и кричитъ курица-е! — сказала Валентина Петровна.

— Да развѣ по-русски? — удивилась Анеля.

— Ну, конечно, по китайски. Только похоже очень.

Тихій вечеръ надвигался. Начинало морозить. Таня была права. Едва солнце зашло за горы стало холодно. Съ благодарностью спрятали руки подъ одѣяло. Мягкія прозрачныя сумерки спускались надъ городомъ. Подвода свернула въ переулокъ. Стали тише крики: — у-о!... у-о!... Было менѣелюдно. Далеко впереди звонкимъ голосомъ кричалъ продавецъ: —

— Ку-ли-ца — ее!...

На углу запирали большую лавку. Толпа приказчиковъ провожала хозяина. Онъ медленно садился на сѣраго рослаго мула въ пестрой сбруѣ. Валентина Петровна залюбовалась красивымъ животнымъ. Вдругъ въ толпѣ манзѣ, стоявшихъ у закрытой лавки, она примѣтила не китайское лицо. Изъ подъ манзовской круглой шапки, остро взглянули на нее сѣрые злобные глаза. Прямой узкій носъ раздѣлялъ лицо, покрытое оспинами. Рыжіе торчали клочья бороды и усовъ. Въ тонкихъ и длинныхъ губахъ показалась ужасная, дикая усмѣшка.

Толпа раздалась. Валентина Петровна увидала короткія ноги и длинныя обезьяньи руки со скрюченными волосатыми пальцами.

Коляска сворачивала въ переулочъ, гдѣ была гостиница. По переулку звонко, отдаваясь о пустыя стѣны эхомъ, несся крикъ разносчика: — «ку-ли-ца-эеел!»

Валентина Петровна обернулась назадъ. Купецъ широко иноходью тронулъ мула. За нимъ съ хохотомъ и криками бѣжали его приказчики. Толпа любопытныхъ расходилась.

Никакого человѣка съ рыжей бородою и длинными руками въ этой толпѣ не было. Это ей только такъ показалось...

XXXVI.

Это видѣніе... Да, конечно, откуда могъ взяться въ китайскомъ городѣ, въ глуши Маньчжуріи, Еромкратъ Аполлоновичъ Грязевъ?... Это могло быть только видѣніе, но оно испортило Валентинѣ Петровнѣ всю поѣздку. Убійство на Шадринской заимкѣ, китайская «богородица», «Евлампіевщина» «Степного короля Лира», удушенный Шадринъ, неистовое богохульство, разрубленные на части тѣла китайцевъ-рабочихъ не шли у нея изъ головы. На такія дѣла только Еромкратъ и способенъ. Но, если онъ здѣсь, то для чего? Почему они опять встрѣчаются здѣсь?... Не за нею-ли онъ пріѣхалъ?

Валентина Петровна гнала эти мысли. Показалось... Но показалось все таки слишкомъ уже ясно?.. И почему воображеніе нарядило Еромкрата въ одежду манзы? Сказать обо всемъ Старому Ржонду, Петрику? Обыскать городъ? Бѣлаго, да еще такого примѣтнаго, не трудно найти въ китайскомъ городѣ.

Нѣтъ... молчать, молчать и молчать.

Еромкратъ былъ изъ того прошлаго, о которомъ нельзя говорить съ Петрикомъ. Въ этомъ прошломъ былъ Портосъ. Была ея любовь, была ея мука и ея позоръ.

Нагнувшись надъ теплымъ каномъ въ комнатѣ караванъ сарая она устраивала Настеньку на ночь.

Не переставая смѣялась Анеля.

Валентина Петровна оставила ребенка и обошла комнату. По стѣнамъ висѣли китайскія акварели. Онѣ изображали семейное счастье такими подробными чертами, что Валентина Петровна покраснѣла отъ негодованія, сорвала и спрятала картины. Видѣла-ли ихъ Анеля?

Но Анеля вертѣлась у зеркала. Чао-ли ей дала серебряныя украшенія для волосъ и устраивала ей китайскую прическу.

— Ама! — капризно крикнула Анеля. — Ну ничего же у меня не выходитъ!

— Постойте, миссъ, я вамъ закручу!

Чао-ли воткнула въ каштановыя косы Анели серебряную булавку съ дрожащей на проволокѣ бабочкой.

— Все-таки слабо держится. Не такъ, какъ у тебя. Тряхнешь головой и разсыпется.

— Чтобы крѣпко держалось, миссъ, надо особаго клею.

— Клею! Вѣше панство!... Слышишь панно Валентина, клею! Машъ тебе китайская прическа съ клеємъ!

Въ сосѣдней фанзѣ, отдѣленной отъ нихъ картонной переборкой, Старый Ржондъ отдавалъ приказанія объ ужинѣ Казиміру.

— Ты возьми у хозяйки курицу, только смотри которая не сама сыпи, а кантами*), и приготовь супъ съ чумизой и пупками, а саму зажарь... Вотъ масла, пожалуйста, и не достанешь... Тогда свари...

Валентина Петровна стояла надъ брошенными ею картинками семейнаго счастья. Она ожидала, когда Чао-ли кончитъ причесывать Анелю, чтобы приказать ей отнести картины хозяину. Ея лицо было печально.

«Семейное счастье», — думала она. — «Вездѣ одно и то же. Во всѣхъ широтахъ и на всѣхъ меридіанахъ — «ихъ» думы объ одномъ... Ужели животныя?... Только

*) «Сама сыпи» — дохлая курица. «Кантами» — зарѣзанная курица.

животныя, жаждущія этихъ утѣхъ и нестерпимо боящіяся смерти... Какъ жаль, что я не религіозна... Вѣрую... молюсь... и плыву по жизни... Сама не знаю, что я... Нѣтъ, надо чѣмъ нибудь заняться».

— Панно Валентина, да посмотри на меня. Хороша китаяночка?

Анеля въ китайскомъ розовомъ халатѣ, расшитомъ гладью цвѣтами, въ сложной китайской прическѣ стояла посерединѣ фанзы. Валентина Петровна подошла къ зеркалу. Мимоходомъ заглянула въ него. Оно отразило поблекшія щеки, увядающее лицо. Такъ показалось рядомъ съ невинною молодостью Анели.

— Прелестна, — сказала она. Сама думала съ грустью: — «увянешь, какъ и я, испытавъ «семейное счастье». Опять думала о томъ, былъ-ли то дѣйствительно Ермократь, или это такъ ей показалось. И чувствовала, какъ зажившія было раны стали открываться и словно опять деревянная пила распиливала ея тѣло. Ей страннымъ казалось, какъ могла смѣяться и напѣвать изъ «Гейши» веселая Анеля.

XXXVII.

Утромъ составляли программу увеселеній и осмотра города. Старый Ржондъ и Петрикъ вошли въ женское отдѣленіе веселые и оживленные. Валентина Петровна съ гостиничнымъ бойкой готовила чай.

— Все устроено, — торжественно, загибая пальцы, говорилъ Старый Ржондъ. — Во-первыхъ честь имѣю васъ поздравить: — мѣстный фудутунъ, — Старый Ржондъ подаль красную продолговатую полоску бумаги, испещренную китайскими іероглифами, — мѣстный фудутунъ, правитель града сего Тангъ-Вень-Фу, свидѣтельствуя свое почтеніе шанго — капитану — это значитъ мнѣ, и русскимъ мадама, да благословить ихъ богиня плодородія двумя десятками маленькихъ карпузовъ...

•

— Шутишь, папуля. Тамъ этого не написано, — перебила Анеля.

— Смотри... Читай.

Старый Ржондъ протянулъ Анелѣ ярлыкъ.

— Что я тутъ разберу.

— Тогда и не спорь. — Да даруетъ имъ Будда сто лѣтъ жизни, а Конфуцій мудрость черепахи, Тангъ-Венъ-Фу, празднуетъ сегодня день своей шестидесятой весны и проситъ пожаловать къ нему на обѣдъ и парадный спектакль-оперу. Хотите?

— Тэжъ пытанэ... Что за вопросъ!.. Такъ это интересно... Папочка, скажи этому самому Тангъ-Венъ-Фу — что *je suis fou*...

— Анелечка... Единица изъ французскаго! *Je suis folle*...*)).

— Все равно: скажи Тангъ-Венъ-Фу, что Анеля Же-сю-фу съ ума спятила отъ его приглашенія. И, конечно, его принимаетъ... Панно Валентина, прости меня, что я такъ, но это виноватъ папа.

Валентина Петровна отвернулась отъ подноса съ чашками. Ее лицо было блѣдно.

— Я бы, пожалуй, осталась, — сказала сна. — И какъ быть съ Настенькой?

— Этотъ вопросъ улаженъ, — сказалъ Старый Ржондъ. Для вашей амы это будетъ такой праздникъ побывать среди своихъ. И Настенькѣ тамъ будетъ не плохо.

— У меня же и голова болитъ... Ихъ опера... Восб-ражаю!...

— Панно Валентина, такой спектакль!... И какъ я одна?... Меня надо шаперонировать! Вдругъ тамъ Тангъ-Венъ-Фу влюбится въ Анелю Же-сю-фу, а какойнибудь Самъ-хо-чу заревнуеть... И будетъ кому-то кан-тами... Цѣлая драма, а не опера!...

Валентина Петровна не могла отказать — она должна пожертвовать собою ради веселой гостыи.

— Во-вторыхъ, на завтра — продолжалъ торжест-

*) Я съ ума сошла.

веннымъ голосомъ Старый Ржондъ — прогулка по городу и осмотръ кумирни Бога Ада...

— Прелестъ, — захлопала въ ладоши Анеля. — Въ гостяхъ у бога ада... Въ гостяхъ у бога — да еще и ада!... Слово хонору — ты, папа, сама прелестъ!...

XXXVIII.

Обѣдъ и опера — они совмѣщались, — опера шла въ то время, когда гости, — ихъ было человѣкъ шестьдесятъ городской знати и именитыхъ купцовъ, — сидѣвшихъ за маленькими столиками, — бесконечно утомили Валентину Петровну.

Ея музыкальное ухо совсѣмъ не переносило оркестра, состоявшаго изъ трещотокъ, звукомъ напоминавшихъ кастаньеты, флейты, длиннаго кларнета и двухъ инструментовъ, похожихъ на скрипки. Но еще болѣе раздражало пѣніе китайца, изображавшаго героиню пьесы. Высокій, тонкій, надрывный голосъ, плачущій, жалобный все повторялъ одну и ту же мелодію, точно стучался въ запертыя наглухо двери. Онъ временами покрывалъ трескъ кастаньетъ и свистъ флейты, временами сливался съ ними и все возвращался къ прежней несложной, незатѣйливой темѣ.

Кругомъ пѣвицы-китайца стояли актеры. Пѣвица была безъ маски въ яркомъ гримѣ, актеры въ громадныхъ уродливыхъ маскахъ съ косматыми бородами.

И названія пьесъ были странныя и длинныя. Или это такъ длинно выходило по русски? «Смерть императора и воцареніе его сына», и другая пьеса: — «Какъ сынъ защищаетъ отца». Тамъ была королева хунхузовъ. И она пѣла такъ же жалобно и тонко, какъ первая актриса и отъ ея пѣнія вѣяло дикимъ просторомъ азіатскихъ степей и пустынныхъ песчаныхъ плоскогорій.

Кругомъ курили изъ маленькихъ трубочекъ. Терпкій табачный дымъ кружилъ голову. Было противно смотрѣть, какъ Анеля пробовала ѣсть по китайски па-

лочками и пыталась подхватить темнобурого блестящего, въ пупырышкахъ червя...

— Ъдятъ же во Франціи улитокъ, — смѣясь, говорила она. — Чѣмъ это хуже?

Валентинъ Петровнѣ казалось, что эта ужасная музыка, это душу выматывающее пѣніе ее готовить къ чему то несказанно страшному. Она сказала Старому Ржонду. Милый Старый Ржондъ — онъ подпилъ немного Смирновской вишневки, ею угощалъ его радушный, съ маслянымъ, потомъ лоснящимся лицомъ Тангъ-Вень-Фу, отвѣтилъ ей анекдотомъ про Амилахвари... Когда на парадномъ обѣдѣ генераль Сухотинъ сказалъ сосѣдкѣ — грузинской княжнѣ, — и такъ, что князь Амилахвари это услышалъ, что ему надоѣла игра зурначей, что это слишкомъ дико и долго, и пора бы перестать — генераль Амилахвари перегнулся черезъ столъ и сказалъ Сухотину: — «ваше превосходительство, я въ Пэтэрбургѣ изъ вѣжливости два часа Рубинштейна слушалъ»...

Валентина Петровна поняла намекъ. Ей оставалось до самаго вечера слушать «изъ вѣжливости» пѣніе китайскихъ пѣвицъ.

И оно подготовило ее къ тому страшному, что ее ожидало на завтра: — посѣщенію кумирни бога ада...

XXXIX.

Когда, обогнувъ стѣнку отъ злого духа, Валентина Петровна и съ нею Анеля, а за ними Старый Ржондъ и Петрикъ, вошли во дворъ кумирни, Валентина Петровна ощутила странное волненіе. Анеля смѣялась, предвкушая зрѣлище и удовольствіе. Валентина Петровна чувствовала, что здѣсь ей будетъ откровеніе, отвѣтъ на неосознанную мысль, что давно въ ней была, что приходила и уходила и первый разъ пришла въ тотъ день, когда нагнулась она передъ маленькимъ изображеніемъ страшнаго бога полей. Точно здѣсь она отходила отъ

Единого Истинного Бога, Бога милостиваго, проповѣданнаго Иисусомъ Христомъ и съ дѣтства ею обожаемаго, точно сознательно шла она здѣсь къ страшнымъ духамъ тьмы, къ незнакомому богу ада — Чен-ши-мяо.

День былъ морозный. Сѣрый туманъ закрылъ голубизну неба и было такъ тихо, какъ бываетъ тихо только въ глубокой Азіи. Просторный песчаный дворъ былъ, мѣстами, полосами занесенъ снѣгомъ. Снѣгъ смѣшался съ пескомъ. Китайцы въ синихъ курткахъ и юбкахъ, еще по старому съ длинными косами, сѣрые манзы и старыя китайнки ходили по двору. Одни шли изъ кумирни, другіе направлялись къ ней.

Темно-малиновыя, точно кровавыя, затѣйливо вырѣзанныя деревянныя мачты съ золотыми шарами стояли въ глубинѣ двора по сторонамъ высокой сѣрой кумирни. Въ просторныя двери тускло мерцали огоньки затепленныхъ, въ горкахъ пепла тлѣющихъ ароматныхъ свѣчей. Металлическій звонъ гонга, рѣдкій и размѣренный несясь оттуда. Въ немъ не было блажности русскаго колокольнаго звона, но слышалось что-то рѣзкое и повелительное. Онъ раздражалъ Валентину Петровну.

Уже издали доносился терпкій, ладанный запахъ жертвенныхъ свѣчей.

Старый бонза съ сѣдой, гладко обритой круглой головой, съ желтошафраннымъ лицомъ въ мелкой паутинкѣ морщинъ, въ широкихъ и длинныхъ жолтыхъ одеждахъ, странно напомнившій Валентинѣ Петровнѣ католическаго патера медленно и важно подошелъ къ почетнымъ гостямъ. Онъ предложилъ имъ взять свѣчи.

Анеля, смѣясь, — «нельзя же ихъ, милыхъ китайцевъ обижать», — Валентина Петровна съ серьезнымъ суевѣрнымъ страхомъ купили тонкія, точно изъ коричневой бумаги свернутыя свѣчи и вошли въ сумракъ высокой башни-кумирни.

Въ ней стоялъ стылый зимній морозъ. И первое, что увидала въ полумракѣ Валентина Петровна былъ громадный, сажени четыре вышиною, идолъ. Онъ стоялъ въ глубинѣ, и проходъ къ нему былъ обставленъ другими громадными идолами, стоявшими шпалерами по обѣимъ сторонамъ прохода. Но ихъ сначала Валентина

Петровна и не замѣтила. Все вниманіе ея было сосредоточено на главномъ идолѣ.

У него было серебряное лицо, искаженное въ страшную, отвратительную гримасу. Большіе, вывороченные изъ орбитъ глаза смотрѣли сверху внизъ. Руки были сжаты въ кулаки, ноги широко растопырены. Складки широкой одежды какъ бы развѣвались отъ быстрого движенія. Валентина Петровна не видѣла, что это было грубое изображеніе, кукла, плохо сдѣланная изъ соломы и папье-маше. Она не замѣтила, что мѣстами штукатурка осыпалась, и сѣрая солома сквозила въ дыры. Она не видѣла, что пестрыя краски поблекли и покрылись многолѣтнею пылью. Она видѣла страшное, точно живое лицо, жестокіе глаза и ей казалось, что за ними сквозить другое лицо. То, что мелькнуло ей третьяго дня, когда проѣзжали они черезъ городъ. Въ этомъ идолѣ была ея судьба. Духъ тьмы?... Но именно такимъ омерзительно страшнымъ, равнодушнымъ къ людскимъ страданьямъ и долженъ былъ быть духъ тьмы.

У ногъ идола лежали жертвенные хлѣбцы и бумажные цвѣты — розы, лиліи и лотосы. Между ними въ горкахъ пепла и песку были вставлены свѣчки.

Анеля, лукаво улыбаясь, — «ей Богу, папочка, ксендзу покаюсь» — шептала она, — ставила свои свѣчки.

Валентина Петровна воскурила свои со страхомъ, съ сильно бьющимся сердцемъ. Она молила бога ада: — «помилуй меня!..»

И долго, въ какомъ то оцѣпененіи стояла Валентина Петровна, точно не смѣя оторвать глазъ отъ серебряной страшной головы. Она очнулась отъ смѣха Анели. Этотъ веселый, непринужденный смѣхъ показался ей неумѣстнымъ, почти дерзновеннымъ.

Старый Ржондъ, переводившій объясненія бонзы сказалъ:

— «Это ен-ваны — короли бога ада, исполнители его повелѣній». Анеля подхватила: — «какъ, папочка, Иваны?... Вотъ они русскіе то Иваны откуда взялись».

Валентина Петровна отошла отъ идола Чен-ши-мяо и посмотрѣла на «ен-вановъ». Неутѣшительно было то, что она увидала. На высокіхъ кубическихъ постамен-

тахъ стояли громадныя, пестро-раскрашенныя, человѣкоподобныя страшилища съ мечами, кнутами и копьями. И первое, что бросилось въ глаза Валентинѣ Петровнѣ были ноги — ступня въ аршинъ — обутыя въ грубыя сандалии. Подъ подошвами «ен-вановъ» корчились попираемые ими маленькіе человѣчки-куклы вершковъ по шести величиною. Манза, въ синей, полинялой и пыльной курмѣ безпомощно раскинулъ руки. Черная коса упала на землю. Съ почтеннаго мандарина скатилась его круглая шляпа съ золотымъ шарикомъ. Съ болью въ сердцѣ смотрѣла Валентина Петровна, какъ короли бога ада ногами топтали людей.

Рядомъ съ нею беззаботно смѣялась Анеля.

— Слово хонору — удивительно сдѣлано! Папа у него даже страданіе на лицѣ, — кричала она. — А этотъ, смотри — зонтикъ потерялъ... Какъ-же онъ тамъ?.. въ аду-то.. безъ зонтика!.. Или тамъ дождя не бываетъ?..

Бонза повелъ посѣтителей во дворъ. Тамъ было самое главное: — то, что будетъ съ людьми послѣ ихъ смерти.

XL.

Послѣ сумрака кумирни на дворѣ показалось свѣтло и радостно. Туманъ садился. Зеленоватое небо просвѣчивало блѣдными полосами. Солнце пробивало себѣ путь сквозь туманъ. Безмолвно, точно тѣни шли по большому двору сѣрые манзы.

По обѣимъ сторонамъ двора, какъ клѣтки бродячаго звѣринца вытянулись какія то отдѣленія, огороженныя тонкими деревянными рѣшотками, доходившими до половины вышины клѣтокъ.

Бонза, развѣваясь складками желтой одежды, шелъ впереди, рассказывая Старому Ржонду, что находится въ клѣткахъ.

Валентина Петровна увидала въ первой клѣткѣ большую куклу въ половину человѣческаго роста, по-

саженную за длинный столъ. Въ рукахъ у этой куклы былъ длинный свитокъ. Передъ куклой, заполняя почти всю клѣтку, стояли на колѣняхъ маленькіе человѣчки, такіе точно, какихъ давили ногами «ен-ваны». Все было достаточно грубо сдѣлано. Время и пыль повыѣли краски. По угламъ вѣтромъ намело сугробы снѣга, смѣшаннаго съ пескомъ. На всемъ лежала печать заброшенности и забвенія, но Валентина Петровна видѣла въ этой заброшенности особый ужасный смыслъ. Всѣми забытые, никому ненужные люди на колѣняхъ ждали рѣшенія своей участи. Старый Ржондъ, должно быть, буквально переводилъ то, что ему говорилъ китаецъ. Фразы выходили отрывистыя и неуклюжія. Отъ нихъ вѣяло ужасомъ правды.

— Чиовникъ бога ада принимаетъ души людей. Это свитокъ ихъ земныхъ дѣлъ... Онъ глядитъ, кому что дать... По его заслугамъ... Вотъ сейчасъ увидимъ, какъ это потомъ дѣлается.

Вдругъ ясно, четко, звенящая мысль-воспоминаніе, отрывскъ чего-то ранняго, дѣтскаго, свѣтлаго пронеслась въ головѣ Валентины Петровны... Горящій свѣчами храмъ. И читаютъ... «И нашихъ прегрѣшеній рукописание раздери и спаси мя Христе Боже мой»... Надо молиться... сильно... горячо молиться... иначе чиновникъ бога ада намѣтитъ по списку ея грѣховъ что нибудь ужасное. Но, какъ молиться?... Сейчасъ?... Въ кумирнѣ Чен-ши-мяо?... Смѣшно!.., И разучилась она молиться.

Поджавъ губы, со страдающимъ лицомъ, перешла Валентина Петровна къ слѣдующей клѣткѣ.

Огненное пламя было нарисовано на задней стѣнѣ. Оно было какъ потокъ. Черезъ него былъ устроенъ обыкновенный китайскій, каменный, трехъ-пролетный мостъ. По мосту уныло шла толпа китайцевъ.

— Это души умершихъ идутъ на испытанія, — пояснилъ Старый Ржондъ.

Въ клѣткѣ стояли опять куклы. Самые обыкновенные русскіе черти, какъ ихъ рисуютъ въ захолустныхъ церквахъ на изображеніи ада, съ рожками и хвостами пилили маленькихъ людей. Въ другомъ углу были вѣсы. Съ одной стороны коромысла былъ подвѣшенъ крюкъ,

Этотъ крюкъ продѣли подѣ ребро полуобнаженнаго манзы, а на чашку, подвѣшенную на другую сторону чортъ накладывалъ гири.

— Посмотрите, Анна Максимовна, какъ хорошо сдѣланъ этотъ чортъ? Какъ внимательно онъ смотритъ на стрѣлку вѣсовъ и черной лапкой трогаетъ чашку!

Это сказалъ Петрикъ. Анеля спросила отца.

— Что это, папа?

— Это купеза. На сколько въ жизни онъ обмѣривалъ и обвѣшивалъ покупателей, столько гирь ему поставятъ на чашку и, бѣда если гири перевѣсятъ его тѣло.

— Что же не глупо, придумано, — сказалъ Петрикъ.

— Вѣше панство! — покачивая головою протянула Анеля. — Ну и фруктъ!...

Шли дальше.

У третьей клѣтки Валентина Петровна съ ужасомъ смотрѣла на куклу обнаженной женщины, ущемленной между колодокъ. Два громадныхъ чорта большою пилою распиливали ее вдоль. Пила дошла уже до середины груди. Вотъ оно гдѣ увидала она то, что съ такимъ жуткимъ ощущеніемъ тошной боли испытывала она уже давно. Пила!... Да, какъ въ ея мысляхъ — такъ тутъ въ этихъ дѣтски сдѣланныхъ фигуркахъ — пила дѣйствительно была. Это не она придумала. Это и точно было. Это знали китайцы много вѣковъ тому назадъ.

Уши ей заложило. Звонъ и пискъ стояли въ нихъ. Она боялась, что лишится сознанія. И какъ сквозь сонъ слышала она поясненія Старого Ржонда.

— Это вдова. Она вышла замужъ не за вдовца, а за холостого и тѣмъ нарушила законъ Конфуція. И такъ выходила она дважды... Вотъ ее и пилятъ пополамъ. Одну половину одному холостяку — другую другому.

«Меня... меня на три части пилить будутъ», — думала Валентина Петровна... Она не могла спокойно смотрѣть въ клѣтки. Она ожидала, что въ каждой найдетъ ея грѣхъ и то наказаніе, что ее ожидаетъ.

Она взяла Петрика подѣ руку. Она шла сзади Анели и Старого Ржонда и старалась не смотрѣть на фигур-

ки, разставленные по клѣткамъ. Отрывками слушала поясненія Старого Ржонда.

— Черти рвутъ кишки у тѣхъ, кто при жизни дѣлалъ подарки и потомъ отнималъ ихъ... Корова жалуется чорту на магометанина за то, что онъ ѣлъ ея мясо... Это рѣжутъ человѣка, который, чтобы выдвинуться доносилъ и клеветалъ на другихъ...

Все было такое обыденное.

За ними шла толпа любопытныхъ манзъ. Отъ нихъ воняло чеснокомъ и бобовымъ масломъ. Ихъ надо было прогнать. Но, Валентина Петровна не смѣла попросить объ этомъ Петрика. Они были хозяева. Они показывали пальцемъ на куколъ, на Анелю, и смѣялись. Они тоже не вѣрили. Они были — матерьялисты. Дѣти золотого, двадцатаго вѣка. Валентина Петровна вѣрила и ужасалась.

Сколько еще клѣтокъ осталось! Ихъ всего двѣнадцать! И въ каждой — ужасъ.

— Это они сдираютъ кожу съ людей, носившихъ не принадлежащее имъ платье — то есть — такъ сказать лицемѣрившихъ... говорилъ Старый Ржондъ.

— Окропне, — прошептала Анеля.

«Защитный цвѣтъ»... Валентина Петровна надѣвала защитный цвѣтъ улыбокъ и болтовни въ ту пору, когда измѣняла своему первому мужу. — «Защитный цвѣтъ!...» А теперь не лицемѣритъ она съ Петрикомъ?... Не скрываетъ отъ него своихъ порою нестерпимыхъ мукъ?... Кожу сдираютъ... Да это такъ... Ея душевная мука порою не меньше!

— Собаки рвутъ прелюбодѣя...

«И меня порвутъ»...

Они подходили къ послѣдней клѣткѣ.

— Какъ въ магазинѣ готового платья, — сказала Анеля. —

Въ послѣдней клѣткѣ черти раздавали одежды душамъ людей, прошедшихъ всѣ испытанія. Праведникъ съ довольнымъ видомъ надѣвалъ на себя одежду чиновника. Громадный чортъ съ предупредительной насмѣшливой улыбкой подавалъ маленькой куколкѣ богдыхана собачью шкуру.

— Но, Аля, посмотри, — каково выражение у китаецца то! — сказалъ Петрикъ. — Какая растерянность и смущение. Попался, братъ!... Революціонеры эти китайцы... Собачья шкура!... Ахъ су... — онъ покосился на Анелю, — суровые сыны!

На задней стѣнѣ была нарисована большая печь. Изъ ея трубы валилъ густой черный дымъ. И съ нимъ вылетали разнообразно одѣтые люди, тигры, собаки, лошади, коровы, птицы, бабочки, насѣкомыя, рыбы.

— Вотъ она, метампсихоза-то, — сказала Анеля. — Кѣмъ же буду я? Что мнѣ подарить свирѣпый Чен-ши-мяо?...

Въ сторонѣ стояла игрушечная постель, на ней лежалъ манза. Старушка съ коричневымъ лицомъ, настоящая китайская бабушка, склонилась надъ нимъ. Въ рукахъ у нея былъ маленькій нефритовый пузырекъ.

Старый Ржондъ выслушалъ пояснение бонзы и сказалъ, повышая голосъ: —

— Вотъ это особо рекомендую вашему вниманію. Какая глубина пониманія этой самой метам... какъ ты сказала то, Анелечка?

— Метампсихозы... Ты это нарочно, папа!

— Эта старушка — фея благодѣтельница Муй-пуо. Она даетъ умершему нектаръ забвенья. Когда онъ проснется и оживетъ — онъ все позабудетъ, что съ нимъ было, и кѣмъ онъ былъ въ прошлой жизни. Вотъ почему и ты, моя милая, не знаешь, кѣмъ ты была раньше... А если-бы знала!...

— Кѣмъ, кѣмъ? — приставала къ отцу Анеля.

Они шли къ воротамъ. Бонза, получившій хорошій бак-шишъ провожалъ ихъ съ поклонами. Манзы разбредались по двору.

Въ воротахъ Валентина Петровна оглянулась на кумирню. Были видны: темный входъ и искорки тлѣющихъ у ногъ бога ада свѣчекъ и двухъ-ярусная башня съ приподнятыми, какъ лепестки опрокинутой лиліи сѣрыми черепичными крышами. Надъ верхней крышей шпиль съ тремя золотыми шарами упирался въ заголубѣвшее небо.

Звяканіе гонга донеслось отъ кумирни. Зазвенѣли

колокольчики. Валентинъ Петровнѣ почудилось, что сквозь сѣрыя кирпичныя стѣны башни она видитъ всего бога Чен-ши-мяо. Подъ конической крышей у него не серебряная уродливая голова — фантазія китайскаго художника-ваятеля, — но темное въ коричневыхъ оспинахъ лицо, клочья рыжей бороды и злобная усмѣшка страшныхъ сѣрыхъ глазъ. Точно громадный четырехсаженный Ермократъ угрожающе заглянулъ оттуда и исчезъ.

XLI.

Валентина Петровна торопилась «домой», на постъ Ляо-хе-дзы. Ей страшно было въ городѣ, гдѣ ей всюду и вездѣ чудился Ермократъ. Кумирня бога ада потрясла ее.

Анеля упивалась китайщиной. Она умолила Валентину Петровну поѣхать съ ней и Старымъ Ржондомъ по магазинамъ. Она покупала курмы, халаты, мѣха, рѣчной сунгарійскій жемчугъ, серебряныя издѣлія Куаньчендзы.

«Куда она все это», — думала Валентина Петровна. «Идетъ война. И ни у кого изъ насъ нѣтъ дома, гдѣ все это можно спрятать и сохранить».

Она осторожно сказала Анелѣ свои мысли.

— Тэжъ пытане! — весело воскликнула Анеля. — Вотъ пустяки-то! У папы останется квартира. Въ ней все и спрячу. А какъ не купить, когда все это такъ прелестно!... И такъ дешево!...

Еще переночевали одну ночь и, наконецъ, поѣхали на разсвѣтъ домой.

На серединѣ пути раздѣлились. Старый Ржондъ въ коляскѣ генерала Заборова съ Анелей поѣхалъ въ свой штабъ, Валентина Петровна съ Петрикомъ и амой съ Настенькой на тройкѣ Стараго Ржонда на постъ Ляохедзы.

Впрочемъ разстались не надолго. Черезъ три дня Анеля примчалась къ Валентинѣ Петровнѣ на цѣлую недѣлю.

Катанье верхомъ днемъ, — Петрикъ училъ Анелю — по вечерамъ концерты Валентины Петровны, а то придутъ Кудумцевъ и Ферфаксовъ и точно на деревенскихъ посидѣлкахъ сидятъ, поютъ подъ гитару, зубоскалятъ... Валентина Петровна наставитъ тарелки съ изюмомъ, финиками, пастилой, мармеладомъ и орѣхами — и коротаютъ длинные, зимніе вечера.

— Какая тутъ война! — проворчить Петрикъ и уйдетъ въ сотню.

Но война давала о себѣ знать. И не только тѣмъ, что въ столовой висѣла большая двадцативерстная карта Европейской Россіи и на ней булавками съ флажками намѣчалъ Петрикъ нашъ и «ихъ» фронты, по газетамъ, но, главнымъ образомъ, тѣмъ, что къ веснѣ жизнь сотни рѣзко измѣнилась.

Изъ штаба пограничной стражи пришло приказаніе съѣзживать полки и бригады, проходить курсъ стрѣльбы, производить маневры. Сотня Петрика на цѣлыя недѣли уходила къ полковому штабу въ Шаньдаохедзы, и Валентина Петровна оставалась въ Ляохедзы одна. Казалось-бы тутъ-то Анелѣ — вѣдь она такъ клялась въ любви къ «панно Валентинѣ» — и пріѣхать къ Валентинѣ Петровнѣ и раздѣлить съ нею ея одиночество? Но... въ Шаньдаохедзы собиралось до тридцати офицеровъ и много было молодежи. Тамъ были танцы, тамъ хоромъ пѣли пѣсни, туда пріѣзжала Маргарита Германовна и подъ гитару Кудумцева голосомъ «Вари Паниной» пѣла цыганскіе романсы, — и Анеля не могла отъ этого отказаться. Валентина Петровна не могла туда поѣхать. Быть тамъ съ Настенькой и амой? Невозможно! Да и квартира Старого Ржонда была переполнена. Въ столовой спало шесть офицеровъ! Валентина Петровна оставалась на своемъ посту, какъ оставались семейныя дамы, сотенныя командирши Бананова, Ярыгина и Штукельдорфъ... Это ея долгъ... Долгъ солдатской жены и матери дочери солдата!

Въ казармахъ оставалось человѣкъ пять солдатъ, — хворыхъ и для ухода за остающимися лошадьми. «Отдувалы», какъ ихъ называлъ Петрикъ. Эти отдувалы, какъ только сотня скрывалась за небосводъ, исчезали

съ полкового двора. Валентина Петровна знала, что они зарывались подъ одѣяла и спали непробуднымъ сномъ цѣлые сутки. Ночью ворота запирались. Никакого дневального не было. И можно было кричать, изъ пушекъ палить — никто изъ нихъ не проснулся бы. Позднимъ утромъ они появлялись на дворѣ въ китайскихъ туфляхъ на босу ногу, въ шинеляхъ безъ хлястиковъ, накинутыхъ поверхъ бѣлья. Они лѣниво выводили лошадей на коновязь, на уборку, поили ихъ, а потомъ гонялись другъ за другомъ съ дикими криками, уханьемъ, визгомъ и скверною руганью, швырялись полѣньями и камнями и грубо хохотали.

Валентинъ Петровнѣ было жутко видѣть ихъ. Она уходила къ окну, выходившему въ поля, садилась и думала. Могъ быть тогда, въ городѣ Ермократь, или нѣтъ? И днемъ ей казалось, что Ермократа быть не могло. Страхи проходили. День шелъ незамѣтно. Уходъ за Настей, игры съ нею и Диди, заказъ завтрака и обѣда бою-повару, англійскій языкъ съ Чао-ли — утро летѣло. Она отваживалась даже выходить на прогулку. Шли вчетверомъ, не считая Насти. Чао-ли везла колясочку съ ребенкомъ, сзади шли Валентина Петровна и Таня. И шагахъ въ двадцати деньщикъ Григорій — ему поручено было Петрикомъ беречь командиршу. Ходили все по одной и той же дорогѣ вдоль желѣзнаго пути, до станціи и обратно. Диди носилась, какъ бѣшеная по полянамъ, гоняла зайцевъ, выпугивала жаворонковъ и возвращалась къ хозяйкѣ съ видомъ побѣдительницы. Пасть раскрыта, дышетъ тяжело, просить ласки. И, когда брала ее подъ грудь, приподнимая къ себѣ, Валентина Петровна, часто и сильно билось маленькое, преданное собачье сердце. На станціи пропускали курьерскій поѣздъ. Онъ проносился мимо, не останавливаясь, мелькалъ громадными пульмановскими вагонами и исчезалъ въ долину. И долго потомъ гудѣли вслѣдъ за нимъ рельсы.

Возвращались къ сумеркамъ. Разморившаяся на весеннемъ воздухѣ Настенька спала въ колыбели. Хмуро и серьезно было маленькое личико. Вдругъ наморщится лобъ. Точно видѣла во снѣ она свою будущую жизнь.

Что то снилось ей? Что ожидало ее — дочь солдата? Против нея въ креслѣ крутымъ клубкомъ свернулась Диди и спитъ, не шевелясь.

И кругомъ — звенящая тишина!

Вотъ, когда приходили къ Валентинѣ Петровнѣ ея ужасы. Она уже не сомнѣвалась, что это Ермократъ задушилъ Шадрина, увлекши его «китайской богородицей», что Ермократъ пріѣхалъ именно за ней. Въ эти часы она вѣрила въ существованіе темныхъ силъ и бога ада, сереброголоваго Чен-ши-мяо. Она ждала его мести. Ждала возмездія за прошлое. Ждала наказанія и мукъ.

Таня съ Григоріемъ зажигали лампы. Они ходили на носкахъ думая, что барыня дремлетъ въ креслѣ. Нѣтъ... она не дремала. Чуткимъ ухомъ она сторожила тишину.

Она вставала и подходила къ роялю. Открывала крышку и сейчасъ же пугливо ее захлопывала. Звонъ разбуженныхъ струнъ ей казался ужаснымъ. Ударить по клавишамъ — казалось невысказаннымъ. Кто знаетъ, что такое музыка? Отъ Бога-ли она? Какія силы, какихъ духовъ разбудить она? А, если вмѣстѣ съ аккордами рояля, ворвутся въ эту страшную тишину сами «ен-ваны» — короли бога ада?

Медленно шло время.

На нѣсколько минутъ оно перерывалось короткимъ одинокимъ ужиномъ. Она почти ничего не ѣла. Развѣ можно было ѣсть? Потомъ съ Чао-ли устраивала на ночь Настеньку. Валентина Петровна сидѣла около часа надъ постелью дочери. Послѣ, тихо, въ мягкихъ туфляхъ входила въ свою спальню. Таня помогала ей раздѣться. Это хорошо, что здѣсь была Таня. Съ ней было легче. Валентина Петровна накидывала свой старый бѣлый европейскій халатъ и ложилась въ постель.

— Спокойной ночи, Таня... Я читаю немного, — Но она не читала.

Въ углу въ зеленомъ стеклѣ горѣла лампадка и бросала отсвѣты на ликъ Божіей Матери.

Нѣсколько мгновений Валентина Петровна смотрѣла на игру свѣта на золотомъ вѣнчикѣ, потомъ закрывала глаза. Она боялась и Божьей Матери.

Надо молиться... А какъ будетъ она молиться, когда она ставила свѣчи богу Чен-ши-мяо и говорила: — «помилуй меня»?

Она грѣшная, вся кругомъ грѣшная, гадкая и подлая.

Она лежала тихо. Даже и не старалась заснуть. Знала: — не заснетъ ни за что. Она слушала тихую поступь ночи.

Вдругъ, внезапно открывала глаза. Все было то-же. Только въ узкую щель между занавѣсей пробивался серебряный лучъ. Полный мѣсяцъ свѣтилъ за окномъ.

Она долго, вся дрожа подъ халатикомъ и одѣломъ, слѣдила за этимъ лучемъ. И ей уже казалось, что кто то смотритъ вмѣстѣ съ этимъ лучемъ въ ея комнату.

Она долго собиралась съ духомъ. Потомъ рѣшительно сбрасывала съ себя одѣяло и вся бѣлая, съ золотыми распущенными волосами въ два прыжка подходила къ окну и раздвигала занавѣсь... Тяжело, но съ облегченіемъ вздыхала.

Никого!

Лунная, алмазами и жемчугами играющая ночь стыла за окномъ. Изъ окна небо казалось чернымъ. И мелкія играли по нему чуть видныя звѣзды.

И тамъ, далеко — блестятъ, блестятъ, блестятъ въ лунномъ свѣтѣ серебряныя, снѣгомъ покрытыя горы.

Отъ окна поддувало зимнимъ холодкомъ.

Валентина Петровна не обращала на это вниманія. Схватившись руками за края занавѣсей, нагнувшись къ самому стеклу она смотрѣла на далекія горы.

Да... конечно... Онѣ приближались... Во всякомъ случаѣ онѣ мѣняли форму.

Появилась серебряная голова Чен-ши-мяо надъ ними. Выпученные глаза горѣли ужасною злобою... Онъ оперся руками о горы. И рядомъ его «ен-ваны», и между ними Ермократь, такой же огромный, какъ они, ухватился руками за горный хребетъ, какъ за какой-то заборъ.

Сейчасъ обопрется и перескочить.

Неизбѣжное случится.

Будетъ душить ее Ермократъ, какъ душилъ онъ Портоса руками, или задавить красной удавкой, какъ задавилъ Шадрина на глухой, лѣсной заимкѣ. Смерть неизбѣжна. Но... муки!...

Время шло. Гдѣ то назойливо жужжало его веретено. Сматывались нитки ея жизни.

Горы останавливались у небосвода. Не видно было больше серебряной головы бога ада. На мѣсто рыжей бороды Ермократа чуть проблескивало вдругъ пожелтѣвшее облачко. Разсвѣтъ наступалъ.

Тогда тихо, пятясь, отступала Валентина Петровна отъ окна и ложилась въ остывшую, холодную постель. Все тѣло ея тряслось, какъ въ лихорадкѣ. И на мотивъ «Сказокъ Гофмана» въ мысляхъ кто то пѣлъ ей странныя слова: —

«О, приди, приди старушка Муй-пуо, дай нектара забвенья...»

Эта пѣснь звучала гимномъ и подъ него, наконецъ, заснула измученная Валентина Петровна.

Она проснулась поздно. Черезъ столовую, — тамъ вѣроятно открыли форточку, — доносились дикіе крики:

— А, гадъ паршивый!.. Язви ты мухи!..

«Отдувалы» шли съ уборки.

Сейчасъ и имъ была рада Валентина Петровна. Все-таки не духи тьмы, а живые люди.

Валентина Петровна открыла глаза. Въ спальнѣ былъ полумракъ. Кто то входилъ къ ней во время сна и задернулъ занавѣси. Диди сидѣла въ креслѣ у ея ногъ и внимательно смотрѣла на хозяйку.

Дверь открылась. Таня съ подносомъ съ кофейнымъ приборомъ вошла въ комнату. Она молча ставила приборъ. Внимательно вглядывалась въ лицо Валентины Петровны: —

— Опять не спали, барыня... Стоить-ли такъ-то себя мучить... Завтра пріѣдетъ баринъ и все по хорошему будетъ.

Валентина Петровна виновато потупила глаза и усѣлась на постели.

«Чего это она въ самомъ дѣлѣ! Ничего же и нѣтъ! Какой можетъ быть Ермократъ въ Манчжуріи!... Нервы разгулялись... Идола испугалась... Картонной куклы, набитой соломой!»

XLII.

Совсѣмъ хорошо прошелъ день. И съ ночи она заснула спокойно и крѣпко. Завтра къ полудню вернется съ сотней Петрикъ. Анеля навѣрно тоже подѣдетъ. «Что то равнодушна она, кажется, къ Кудумцеву? Нашла кого полюбить!... Ферфаксовъ куда же лучше. Да и Кудумцевъ — цыганскіе романсы запѣлъ... Вотъ вамъ и война!... Вѣрно говоритъ Петрикъ».

Она проснулась отъ хриплаго, злобнаго лая Диди у дверей.

«Ну, вотъ и случилось!» — была ея первая, тревожная мысль... Лунный свѣтъ по вчерашнему сквозилъ въ окна. Еще лежа въ постели, Валентина Петровна услышала, какъ Таня пробѣжала черезъ столовую и открыла дверь въ прихожую. Ея шаги и лай собаки перестали быть слышными.

Дрожащими руками Валентина Петровна зажгла свѣчу, накинула теплую шубу, обула валеные китайскіе коты и прошла въ столовую. Она вся дрожала.

Хриплый, небывало злой лай ея прелестной и всегда кроткой и ласковой Диди слышался со двора.

«Господи! не сбѣсилась-ли собака? — мелькнуло въ головѣ у Валентины Петровны. Она поставила свѣчу на полку буфета и подошла къ окну.

Дворъ былъ залитъ луннымъ свѣтомъ. Голубыя тѣни отчетливо легли на снѣгъ отъ высокаго забора и воротъ. Собака лаяла подлѣ нихъ.

Валентина Петровна видѣла, какъ Таня подбѣжала къ воротамъ, пріоткрыла калитку. Диди выскочила за калитку въ степь.

«Зачѣмъ это она?» — мелькнуло въ головѣ у Валентины Петровны.

Съ сильно бьющимся сердцемъ она ждала, что будетъ дальше.

Таня заглянула въ калитку. Должно быть она звала собаку. Потомъ вдругъ бросилась, не закрывая калитки, бѣгомъ назадъ къ крыльцу.

Валентина Петровна собрала всю силу воли и со свѣчей пошла на встрѣчу Танѣ.

Таня совсѣмъ не удивилась, что Валентина Петровна была въ прихожей.

— Таня!... а Диди?..

Таня схватила Валентину Петровну за рукавъ ея халата.

— Барыня, — задыхаясь отъ быстроты бѣга по лѣстницѣ, говорила дѣвушка. — Тамъ такое!... И сказать нельзя!... Сраму-то!... Сраму то сколько!... Не дай Богъ, кто увидить, да узнаеть!... Барыня, скорѣе... Пока ночь... Пока люди то, злые... спятъ пока... берите, что есть у васъ... Бензину что-ли... Скипидару... Я сейчасъ ведерко прихвачу, воды, да мыла... Щетки жесткія... Пока никто не видалъ... Вотъ проклятые злобные какіе нашлись люди!...

— Что случилось, Таня... Диди?... За кѣмъ побѣжала Диди?

— Въ поле побѣжала собака... Вернется, не пропадетъ... Тутъ васъ спасать надо, барыня... Солдатики, чтобы на бѣду не увидали! Вотъ бѣда-то приключилась... Какъ громъ съ яснаго неба!

Онѣ безшумно ходили по комнатамъ. Достали бутылъ со скипидаромъ, щетки и тряпки и обѣ спустились во дворъ.

Уже перевалившая за казармы луна призрачнымъ свѣтомъ освѣщала ворота со стороны полей. Валентина Петровна ничего не понимая, но смутно догадываясь, что случилось что-то ужасное и гадкое, вышла въ поле. Рѣзко задувалъ ночной, весенній вѣтеръ. Несъ онъ съ собою морозъ. Точно серебряныя видѣнія стояли голыя раины и тянули сухія, бѣлесыя вѣтви къ небу, какъ въ молитвѣ. Выкрашенныя свѣтлой охрой ворота были ярко освѣщены. По нимъ рѣзко и грубо тянулись широкія

полосы дегтя и надъ этими наглыми, будто что то ужасно нехорошее кричащими полосами, блестяла свѣжей кроваво-красной краской сдѣланная надпись: —

— Я здѣсь!...

Валентина Петровна схватилась рукою съ бутылкою за грудь. Въ глазахъ у ней потемнѣло.

«Господи!...» — думала она, — «ворота... вѣдь это... мнѣ... мнѣ... ворота дегтемъ вымазали!.. Провѣдали мое страшное прошлое...»

Таня поставила ведро на землю. Она торопливо шептала.

— Паскудники!... Чтобъ имъ!... Ишь люди!... Тоже прозываются!... Безъ грѣха!.. До барина бы такое-то не дошло... Наши бы какъ не пронюхали... На худое ихъ взять... И ночь не поспать, а сдѣлають... А вотъ, чтобы на что хорошее встать.

Скинувъ шубку, чтобы легче работать, засучивъ по локоть рукава, Таня ловко и умѣло смывала и надпись и деготь. Мутные бурые потоки текли по воротамъ. Не видно стало страшныхъ словъ, тряпка со скипидаромъ впитывала и съѣдала деготь и краску.

— Барыня, подержите-ка малость ведерко... Я съ пескомъ, да мыломъ протру, вотъ ничего и видно не будетъ... А утречкомъ инеемъ какъ возьметъ, вотъ никому и вдомекъ не будетъ, что тутъ надѣлали.

— Таня, а гдѣ Диди?

— Погодите, барыня... Куда же она уйдетъ? Никуда она далеко не отходила. Вотъ все какъ сдѣлаемъ по хорошему, я Похилко взбужу. Пусть на конѣ поскачетъ, покличетъ. Вѣрно за зайцемъ какимъ угналась и пошла. Главное, чтобы этого никто не видалъ.

Она еще разъ осмотрѣла и протерла ворота.

— Кажется, чисто... Догадаться трудно.

Таня притоптала землю... Тогда стали кричать и звать Диди.

Уже свѣтало. Исчезли лунныя тѣни. Наступало призрачное, утреннее время, когда ни свѣтъ, ни тьма. Въ казармѣ слышался шумъ.

— Идемте, барыня... Нехорошо, если кто насъ здѣсь увидитъ. А я сейчасъ Похилко съ Григоріемъ пошлю,

чтобы искали по полямъ... Далеко, какъ ушла Диди-шечка наша.

Осторожно, чтобы никого раньше времени не разбудить онѣ прошли въ квартиру. Таня спрятала тряпки, тщательно помыла руки.

— Такъ я пойду, барыня.

— Иди, Таня.

XLIII.

Валентина Петровна бездумно стояла у окна въ столовой. Отсюда былъ виденъ дворъ, ворота, и за ними поля. Тѣ поля, гдѣ стояла за выпашью маленькая кумирня богу полей.

Она видѣла, какъ Таня въ большомъ платкѣ пробѣжала черезъ дворъ въ казарму, какъ оттуда вышелъ Похилко, какъ прошелъ изъ квартиры Григорій и оба исчезли на конюшнѣ.

Ей казалось, что очень много прошло времени, а не прошло и пяти минутъ, какъ они вывели посѣдланыхъ коней, сѣли на нихъ и протрусили за ворота.

Солнце встало. Потянулись длинныя тѣни отъ казармъ. Заблестѣла мокрая желѣзная крыша, закурилась паромъ. «Отдувалы» пошли на уборку.

На дорогѣ показались два всадника. Собака не бѣжала съ ними. Валентина Петровна не могла больше дожидаться. Накинувъ на плечи красную шелковую курму на бараньемъ мѣху она выбѣжала къ воротамъ.

Похилко увидалъ ее и поскакалъ наметомъ.

Уже издали увидала Валентина Петровна, какъ мотались длинныя тонкія лапки и безжизненно свѣсились бархатныя ушки ея собаки. Похилко за заднія ноги держалъ ее въ рукѣ.

— Ишь грѣхъ какой прилучился, — сказалъ Похилко, соскакивая съ лошади подлѣ Валентины Петровны.

Валентина Петровна приняла Диди къ себѣ на руки. Ее поразило, что вмѣсто мягкой и гибкой Диди — жесткая и холодная колода ея тѣла легла ей на руки.

— Камнемъ ее кто пришибъ, — докладывалъ Похилко. — Версты полторы отъ казармъ, прямо на дорогѣ и лежала. Вотъ она и ранка. Чуть видать... Да собачка нѣжная... Много-ли ей и надо... И слѣдъ видно... По дорогѣ... Двое... Верхы проѣхали... И капли кое гдѣ видать... Не разберешь — кровь, или что... Красныя...

Таня пришла сверху, Чао-ли, бойка поваръ, — всѣ столпились около Валентины Петровны.

— А людей не видали?... спросила Таня.

— Гдѣ же ихъ увидишь, Татьяна Владиміровна... Станутъ они васъ дожидаться.

— На кого же вы думаете?

— Китай... Онъ всегда злобный... Увидалъ и швырнулъ камнемъ. Ему что!

— Такъ... здорово живешь? — сказала Таня.

— Да съ чего бы... Не нарочно-же... Пошутилъ кто.

— Спасибо, Похилко, — блѣдно улыбаясь, сказала Валентина Петровна и бережно, какъ ребенка, понесла трупъ Диди.

Похилко пошелъ за нею.

— Да вы, барыня, не убивайтесь... Я вамъ хорошаго песика достану. Настоящаго китайскаго, какъ у нашей генеральши... Тутъ я знаю на одномъ ханшинномъ заводѣ есть... Черныя съ бѣлымъ... Чудныя собачки... А мордастыя... страсть...

Валентина Петровна не дослушала Похилку. Она медленно поднималась по холодной каменной лѣстницѣ.

Она положила Диди въ комнатѣ Тани на тотъ диванчикъ, гдѣ собака всегда спала. Таня стояла подлѣ. Она съ грустью смотрѣла на Диди.

— Петербургская, — тихо сказала она.

— Что, Таня?

— Петербургская, говорю, барыня, собачка... Здѣсь такой нигдѣ не достать... А уже умная была!...

— Таня!

— Что барыня?

Валентина Петровна молчала. Какая то тяжелая, напряженная мысль точно застыла на ея лицѣ.

— Таня... Диди подходила къ Ермократу?

Таня точно сразу поняла все, что творилось на душѣ у Валентины Петровны.

— Да вы что барыня?... Подходила... Да, однако не очень. Когда мнѣ некогда было Ермократъ Аполлоновичъ иногда ее прогуливалъ... Да, только... Откуда же ему взяться-то?

— Таня... а эта надпись!... по русски!... А деготь!?... Когда въ городъ... помнишь... зимою ѣздили... Мнѣ показалось я видѣла его въ толпѣ.

— Да... вотъ... оно какъ!... Конечно... Кому-же больше?... Тутъ никто ничего такого и не знаетъ.

Валентина Петровна съ глухимъ рыданіемъ опустилась на колѣни подлѣ диванчика и уткнулась лицомъ въ щеки собаки, гдѣ всегда такъ тепелъ, нѣженъ и пушистъ былъ проборъ шерсти... Холодная, жесткая, точно прилипшая къ кожѣ шерсть отшатнула Валентину Петровну. Изъ полуоткрытыхъ вѣкъ въ черной каймѣ съ золотистыми рѣсничками были видны тусклые, синевою смерти подернутые глаза.

— Таня, — строго сказала Валентина Петровна. Слезы остановились въ ея прекрасныхъ глазахъ. Голосъ былъ глухъ и торжествененъ. — Таня... Ничего не говори Петру Сергѣевичу... Не надо, чтобы онъ зналъ... Понимаешь... Поклянись мнѣ Таня!

Таня серьезно перекрестилась на образъ.

— Господи!... барыня... Да я сама то что-ли не понимаю?... Да развѣ можно имъ такое напоминать!?... Какъ передъ Истиннымъ!... Надо молчать и хорониться!...

XLIV.

Въ полдень — издалека стало слышно — сотня Петрика шла домой. Гремѣлъ и стоналъ бубень, звенѣлъ треугольникъ, могучій посвистъ раздавался въ теплѣющемъ, весною на солнцѣ пахнущемъ воздухѣ. Таня открыла окно.

Пѣсня была новая. Такой раньше не пѣли. Она зву-

чала, какъ грозный побѣдный гимнъ. Валентина Петровна подошла къ окну и прислушалась. Здоровые мужскіе голоса — и, казалось, пѣло очень много — вся сотня — отчетливо выговаривали бравыя и гордыя слова старой пѣсни, передѣланной на новый ладъ.

На войну, какъ на охоту,
Съ радостью пойдѣмъ!...
Мы херманскую пѣхоту
Еъ полонъ заберѣмъ!...

Уже различимы стали лица. И какія они были разныя! Лицо Петрика, ѣхавшаго впереди сотни сіяло. Фуражка была заломлена на бокъ. На ней былъ примятъ въ тульѣ «имперьялъ». Точно Петрикъ былъ пьяный. Одалиска играла подъ нимъ. Онъ избоченился — бодрый, веселый, счастливый!...

Кудумцевъ ѣхалъ мрачно-свирѣпый. Смотрѣлъ Печоринымъ. Ферфаксовъ былъ растерянъ. Его красное, загорѣлое лицо, какъ никогда раньше, напоминало лицо ребенка. Его Магнитъ спотыкался.

Петрикъ еще за воротами увидалъ въ окнѣ Валентину Петровну и крикнулъ зычнымъ голосомъ: —

— Солнышко!... Война!... Походъ!... — и, обернувшись къ сотнѣ весело, раскатисто скомандовалъ: — сотня! стой!... слѣ-з-зай... отпустить подп-р-руги!... Вахмистръ... заводи сотню...,

Бѣгомъ побѣжалъ наверхъ.

Онъ, всегда такой сдержанный, обнялъ, поцѣловалъ жену, скинулъ фуражку и, счастливый и взволнованный сталъ рассказывать.

— Сегодня... только собрались на ученье... Генераль Заборовъ... Приѣхалъ. Поздравилъ съ походомъ... Черезъ недѣлю и грузимся... Вотъ и нашъ чередъ пришелъ... Ты скажешь мнѣ — со щитомъ, или на щитѣ... Либо бѣлый крестъ сюда!... Либо пошлетъ мнѣ Господь, какъ я всегда мечталъ, честную солдатскую смерть...

Онъ не замѣтилъ, что Диди его не встрѣтила съ радостнымъ визгомъ, не уперлась лапками въ грудь, не высказала всѣхъ своихъ нѣжныхъ собачьихъ привѣт-

ствий и восторговъ. Онъ былъ какъ бы внѣ дома. Онъ былъ уже тамъ, на войнѣ. Онъ не почувствовалъ, какой страшный диссонансъ былъ въ ихъ чувствахъ. Онъ не видѣлъ заплаканнаго лица Валентины Петровны. Онъ не подумалъ о дочери.

И ей все это стало горько и обидно.

— Ты знаешь... Диди?... сказала она.

— Ну что Диди?... Настя что?... Главное — это ты.

И я придумалъ...

— Диди, — начала она.

Онъ ее не слушалъ.

— Генеральша Заборова... Елена Михайловна предложила тебѣ съ Настей, Чао-ли и Таней...

— Диди, — начала она.

— Ну, конечно, и Диди, — съ досадою перебилъ онъ, — переѣхать къ нимъ... Генераль ѣдетъ съ первымъ эшелономъ. Двѣ комнаты тебѣ и Настѣ. Прислуга въ комнатѣ рядомъ. Ты не будешь одна... А потомъ, какъ только мы приѣдемъ на фронтъ — сейчасъ телеграмму. Или Петроградъ, или Смоленскъ, или Москва! И Заборова туда же ѣдетъ... Ея мужъ получилъ пѣхотную нашу дивизію... Все будетъ отлично...

Онъ завертѣлся, какъ бѣшенный по комнатѣ.

— Диди умерла, — наконецъ, договорила Валентина Петровна.

Онъ, казалось не разслышалъ, или не понялъ.

— Что?... Отчего?

Она взяла его за руку и привела въ комнату, гдѣ по прежнему на диванѣ на своемъ мѣстѣ, въ своемъ «домѣ» лежала Диди.

— Какъ же это такъ? — тихо спросилъ онъ.

Валентина Петровна обвила его шею руками и, цѣлуя его, куда попало пухлыми, мокрыми губами, залилась горячими слезами. Онъ неловко гладилъ ее по волосамъ, по спинѣ и говорилъ, не зная и не умѣя, какъ не умѣютъ этого дѣлать мужчины, стараясь утѣшить ее.

— Что жъ, Солнышко... Она собака... И не такъ молодая.... Всему свой конецъ... Конечно жалко... Мы такъ любили ее. Ты такъ привыкла къ ней... А, можетъ быть, и къ лучшему... Въ скитаніяхъ то собака обуза...

Она беззвучно плакала у него на груди. У ней не хватало духа сказать, что Диди не околѣла, а убита, какимъ то злымъ человѣкомъ. Сказать это — пришлось бы сказать и о воротахъ, вымазанныхъ дегтемъ и о страшной надписи, и о своихъ подозрѣніяхъ на Ермократа.

Но Ермократь былъ изъ того прошлаго, о чемъ по молчаливому между собою соглашенію, — они никогда не говорили.

XLV.

Погрузка сотни была назначена на станціи Ляохедзы поздно ночью. Валентина Петровна должна была проводить мужа и съ семичасовымъ поѣздомъ ѣхать съ Таней, Чао-ли и Настей въ Харбинъ къ генералу Заборову. Это былъ выходъ и не плохой. Толстая Елена Михайловна слыла очень доброй женщиной. Валентина Петровна останется у своихъ, въ своей военной семьѣ. Можетъ быть, было бы благоразумнѣе уѣхать до отъѣзда сотни, но, какъ же не проводить на войну?

Настя на время проводовъ останется съ Чао-ли. Какіе нибудь четыре часа... И по всей линіи было такое большое движеніе, такое возбужденіе, что ничего съ ними не могло случиться. Ворота запрутъ и заложать.

Григорій только проводить сотню и сейчасъ вернется. Въ казармѣ останется еще двое солдатъ, назначенныхъ для сдачи помѣщеній ополченцамъ.

«Цѣлый гарнизонъ», — пошутилъ Петрикъ. Валентина Петровна по опыту знала цѣну этому гарнизону. Таня «Христомъ-Богомъ» молила Григорія никуда не отлучаться.

Впрочемъ, за эту недѣлю укладки и отправки вещей и сборовъ мужа на войну Валентина Петровна стала гораздо спокойнѣе. Вымазать дегтемъ и сдѣлать надпись на воротахъ могли и солдаты, и не для нея, а для

Тани... Потому то Таня такъ и волновалась... Собаку, и правда, могли подшибить манзы... Никакого Ермократа въ Маньчжуріи быть не могло. Все было проще. Главное, теперь была война. Петрикъ всѣ эти дни былъ съ нею трогательно милъ. По просьбѣ Валентины Петровны онъ самъ съ Таней закопалъ собаку въ полѣ подлѣ кумирни бога полей — «ляо-мяо»...

Страшный случай отходилъ въ прошлое и это прошлое вытѣснялось болѣе страшнымъ настоящимъ — войною.

Сотня выступила послѣ полуночи. Валентина Петровна ѣхала верхомъ на Мазепѣ рядомъ съ мужемъ. Назадъ она пойдетъ уже пѣшкомъ. Мазепа тоже уйдетъ... на войну!...

Ущербная луна всходила кровавымъ изломаннымъ серпомъ. Отъ полей шелъ влажный ароматъ земли. Дорога пылила. Валентина Петровна ѣхала между мужемъ и Ферфаксовымъ. Луна-ли такъ свѣтила, или и точно Ферфаксовъ поблѣднѣлъ, — лицо его было необычно грустно.

— Вотъ расстаемся, Валентина Петровна, и Богъ знаетъ, встрѣтимся-ли когда?

— Богъ не безъ милости, милый Факсъ!.. Вернетесь героемъ - побѣдителемъ!... Съ георгіевскимъ крестомъ.

Берданъ Факса озабоченно бѣжалъ впереди нихъ.

— Вчера всю ночь вылъ Берданъ, — сказалъ Факсъ. Чужалъ видно что-нибудь.

— Онъ у васъ часто на луну воетъ.

— Да не такъ, Валентина Петровна.

Она положила свою руку, затянутую въ перчатку на руку Ферфаксова и тихо и ласково сказала: —

— Не надо думать... Все отъ Бога.

— Это вѣрно, Валентина Петровна... и вотъ, какъ увидалъ я, какъ Вѣра Сергѣевна Бананова упала въ обморокъ, какъ ей сказали, что мы идемъ на войну, точно оборвалось что во мнѣ. И Банановъ сказалъ мнѣ: — меня убьютъ, въ первомъ же бою... Ну.. да вѣрно... Пройдетъ.

Пѣсенники были вызваны. Да не пѣлось. Начали было свою Маньчжурскую —

«Любимъ драться мы съ германомъ
Пуль пульей отвѣчать...»

И замолчали. Все было необычно... Точно «на совѣтѣ» уходили изъ казармъ. Куда?... Въ неизвѣстность... И эта неизвѣстность была страшнѣе смерти.

На станціи были устроены скромные проводы. Начальникъ станціи, телеграфистъ, вѣсовщикъ, подрядчикъ китаецъ — Александръ Ивановичъ, фудутунъ соседняго города, три китайскихъ офицера тѣснились въ крошечномъ залѣ. Въ Россіи водка была запрещена, но здѣсь былъ Китай — и солдатамъ выставили ведро водки, а офицерамъ шампанскаго.

Сначала была погрузка. Съ ней провозились долго. Упрямые монголки не шли въ вагоны. Мостковъ было мало, перронъ короткій, вагоны подавали на рукахъ. Уже начинало свѣтать, когда приступили къ водкѣ и закускѣ. Были тосты и рѣчи. Начальникъ станціи превзошелъ самъ себя въ краснорѣчіи. Онъ цѣловался со всѣми.

Но... Петрикъ умѣлъ кончать ненужныя изліянія... Прозвучалъ сигналъ. Онъ простился съ женой.

— Давать что-ль, отправленіе? — пьянымъ голосомъ крикнулъ начальникъ станціи.

— Давайте.

Уныло въ блѣднѣющимъ сумракѣ прозвучали три удара колокола, просвисталъ паровозъ, по вагонамъ загремѣло ура и поѣздъ тронулся.

Тутъ, проходя мимо зала, съ ужасомъ увидѣла Валентина Петровна, что весь ихъ «гарнизонъ», обязанный охранять Настеньку, находился на станціи. Пьяный Григорій въ распахнутой шинели цѣловался съ Александромъ Ивановичемъ, два солдата сидѣли, обнявшись съ китайскими офицерами на скамьѣ и начальникъ станціи наставлялъ на нихъ фотографическій аппаратъ, чтобы снять ихъ при вспышкѣ магнія. Онъ уже сдѣлалъ нѣсколько такихъ снимковъ.

Страшное предчувствіе овладѣло Валентиной Петровной.

«Настенька тамъ одна!» — мелькнула мысль. Представились громадныя казармы, пустыя, безъ людей и въ нихъ Чао-ли и Настя.

Она бѣжала по растоптанной лошадыми дорогѣ.

— Да что вы, барыня, беспокоитесь. — Таня догнала ее. И она оказалась на проводахъ. Она тоже хлебнула водки, прощаясь съ Похилко. — Ничего такого не можетъ случиться. Кругомъ народу!... И никто не спитъ... Какъ въ бѣлый день.

Свѣтало. Внизу, въ выемкѣ пути по утреннему блесѣли рельсы и четокъ былъ свѣтлый песокъ съ переплетомъ черныхъ шпалъ. Дали раздвигались. Горы были совсѣмъ темныя. За ними розовѣло небо. Въ отсвѣтахъ разсвѣта кирпичныя казармы, окруженныя высокими стѣнами казались зачарованнымъ замкомъ. Карагачи и раины были въ нѣжномъ зеленомъ пуху почекъ. По склонамъ выемки пышно и густо цвѣли кусты терновника. Ихъ цвѣтъ казался восковымъ. Птицы начинали пѣть.

Изъ за карагачей показались ворота. Одна половина ихъ была распахнута. На другой уже издали стала видна кровавая полоса.

Валентина Петровна схватилась рукою за сердце и бросилась къ казармѣ.

— Барыня!... барыня, — кричала Таня въ животномъ ужасѣ. — Не ходите... Дайте я раньше за солдатиками сбѣгаю... Не ходите... Еще убьютъ васъ...

Точно подхлестывали ея крики Валентину Петровну

— Вернемтесь за солдатиками, барыня!... — Таня схватила Валентину Петровну за рукавъ ея редингота. — Что же однѣ то такъ зря пойдемъ!...

— Тамъ Настя! — со страшнымъ укоромъ крикнула Валентина Петровна и вырвалась изъ рукъ Тани. Амазонка путалась у ея ногъ. Шпоры цѣплялись за подолъ. Дыханіе захватывало. Въ глазахъ темнѣло. Ихъ застигало слезами.

И сквозь слезы прыгала надпись на воротахъ: —
— «Я здѣсь!» —

XLVI.

Въ воротахъ Валентина Петровна крикнула задыхающимся голосомъ: — «ама»!...

Никто не отозвался. Окна спальни и дѣтской затянутыя простыми временными шторами — гардины были сняты — казались глазами мертвеца. Широко, настежь на обѣ половинки были раскрыты высокія двери офицерскаго флигеля. На подъѣздѣ валялись клочья соломы и бумаги. Кругомъ была мертвая тишина. Ни одного живого звука не было на дворѣ. Эхо повторяло ея шаги и казалось страшнымъ.

— Ама! — крикнула Валентина Петровна, вбѣгая на холодную лѣстницу, откуда пахнуло нежилою сыростью. — Ама! — повторило эхо и замерло гдѣ то на чердакѣ.

Она однимъ духомъ взбѣжала во второй этажъ. Двери ихъ квартиры были раскрыты. Анфилады разоренныхъ комнатъ открылась передъ нею. И вдали стала видна пустая кровать.

Безпомощно свѣсилась съ ея края простыня. Не было ни Насти, ни амы...

Какъ безумная бѣгала Валентина Петровна, собирала всѣ силы, чтобы не лишиться сознанія, она вбѣгала въ квартиры офицеровъ, побѣжала въ казармы... Точно туда — да зачѣмъ?! — могла забѣжать Чао-ли съ ребенкомъ?

— Ама!... Ама!... кричала она.

Ей вторила такая же обезумѣвшая Таня. Эхо звенѣло за ихъ голосами и, двоясь и троясь, повторяло: —

— Ама... ама... ама!...

Тысячи темныхъ духовъ смѣялись въ жуткихъ своей пустотою казармахъ.

Онѣ опять выбѣжали за казармы. Серебряная голова Чен-ши-мяо показалась надъ горами. Рядомъ точно въ золотѣ была такая же громадная голова Ермократа. Сѣрые глаза щурились и злобная улыбка кривила его тонкія губы.

— Таня, что тамъ такое!... показывая рукою на горы, сказала Валентина Петровна.

— Тамъ... Горы... барыня.

— Горы... Да... конечно... Я знаю... горы... А... Настя, а Чао-ли?

Таня охватила ее за плечи и повела отъ казармъ.

— Барыня... надо солдатакамъ сказать... Это... мнѣ говорили... такъ дѣлають... Хунхузы... украдутъ чьего нибудь ребенка, а потомъ, значить, и требуютъ, чтобы имъ выкупъ дали... Надо къ фудутуну бѣжать... телеграмму дать по начальству...

Это было разумно... Но это ее не утѣшало. Валентина Петровна тяжело опустилась на землю и лишилась сознанія.

Она очнулась, когда услышала чужіе голоса. Она сидѣла на землѣ. Таня оживленно и быстро рассказывала Григорію и двумъ солдатамъ о томъ, что случилось.

Былъ страшень обезумѣлый взглядъ Валентины Петровны, брошенный на Григорія.

Деньщикъ скинулъ съ головы фуражку и повалился ей въ ноги на пыльной дорогѣ. Хмѣль вышелъ изъ его головы.

— Мой грѣхъ — лепеталъ онъ поблѣднѣвшими губами, — не оберегли малое дите... Барыня... какъ передъ Истиннымъ!... Мы вотъ што... Со дна морского доставнемъ барышню... Куда же ей дѣваться то?... Не убили... унесли... Имъ тоже выгода, чтобы сберечь... Они это понимаютъ... У каждого свое ремесло... Мы заразы такого онганизуемъ... Погонь... По слѣду... Должонъ его слѣдъ быть... Онъ далеко не ушелъ... Лександрѣ Ивановичу скажемъ... Говорю... онганизуемъ... А вы, барыня, телеграмму его высокоблагородію... Они это разберутъ... Ишь какъ — командерское дите воровать!... Манзы проклятые... Имъ кантами за это мало!...

Пьяныя слова, видъ солдата бьющаго лбомъ въ пыльную землю у ея ногъ совсѣмъ пришибли Валентину Петровну.

— И точно, барыня идемте на телеграфъ, — сказала Таня... — А вы, Григорій, по слѣду поищите...

— Поищемъ... Да мы найдемъ... Не хуже полицейскихъ собакъ это дѣло организуемъ...

Валентина Петровна сидѣла въ душной маленькой аппаратной и смотрѣла, какъ съ золотого сквозного колеса спадала лента подъ молоточекъ и по ней длинной вязью бѣжали черныя точки и черточки... Ей казалось, что въ нихъ была ея жизнь.

Скучное солнце свѣтило въ окно аппаратной. Оно въ радужныя краски красило столбы пыли и бросало золотые квадраты на темный заплеванный полъ телеграфной.

Валентинъ Петровнѣ казалось, что время остановилось... Что эта душная комната, пропахшая махоркой всегда была и всегда будетъ. Это и была, должно быть, смерть.

XLVII.

Телеграмма о похищеніи Насти хунхузами застала Петрика на станціи Шаньдаохедзы, гдѣ Старый Ржондъ провожалъ эшелоны своего полка. Тамъ была прищѣпка платформъ съ фуражемъ, двуколками и парными повозками полкового обоза.

Петрикъ сидѣлъ со Старымъ Ржондомъ, Анелей, Кудумцевымъ и Ананьевымъ въ маленькой буфетной комнатѣ. Пили чай.

Петрикъ, пробѣжавъ глазами телеграмму, подалъ ее Старому Ржонду. Тотъ долго читалъ, словно не понимая написаннаго, потомъ смялъ сѣдѣющую бороду, разгладилъ длинные шляхетскіе усы и сѣрыми глазами зорко посмотрѣлъ на Петрика.

— Пойдемъ, миленькій... выйдемъ...

Они вышли на платформу. Составъ стоялъ на четвертомъ пути, и низкая, пескомъ усыпанная площадка была пуста. Отъ поѣзда слышался гомонъ голосовъ. Гдѣ-то играли на гармоникѣ. Солдаты пили по вагонамъ чай.

— Да... вотъ оно что, — тихо сказалъ Старый Ржондъ. — Однако... все это совсѣмъ невѣроятно... Сколько лѣтъ я живу въ Маньчжуріи... Крали, конечно, и дѣтей для выкупа... Богатыхъ купцовъ... Здѣсь?... Кто? Зачѣмъ... почему?... Ты не богачъ какой... Да и время военное...

— Разрѣшите мнѣ сейчасъ поѣхать туда?

Старый Ржондъ будто не понялъ вопроса. Онъ какимъ то далекимъ, отсутствующимъ взглядомъ смотрѣлъ на эшелонъ, на солдатъ, на лошадей въ вагонахъ. Потомъ онъ повернулъ лицо къ Петрику. Лицо его стало жесткимъ, но въ глазахъ обычная была доброта.

— Твой долгъ... — медленно протянулъ онъ... Да у тебя и тамъ долгъ... Но это главное — твоя сотня... Не на прогулку идемъ... на войну... Вотъ твои дѣти.

И, точно желая смягчить суровость своего приговора, Старый Ржондъ взялъ Петрика подъ руку и пошелъ съ нимъ вдоль путей отъ эшелона.

— Да и что ты, миленькій, сдѣлаешь? Если это хунхузы?... Навѣрно, хунхузы, кому же больше?... Я ихъ слишкомъ хорошо знаю... Если это они украли бѣдную Настеньку — гнать за ними бесполезно и просто такъ опасно... Они убьютъ Настю то, какъ только погоню почувтъ... Тутъ нужна политика... Съ нею все-таки ама... Да, китайцы... Что имъ ребенокъ?... Имъ доллары нужны... На югѣ исторія обыкновенная. Въ Маньчжуріи, признаться, не слыхалъ... Да могли какіе и изъ подъ Кантона пріѣхать... Кудумцевъ тутъ былъ бы незамѣнимъ. Да... дрянъ-человѣкъ... а дѣло деликатное... И барыньку такъ оставить нельзя...

— А, если это не хунхузы?

Старый Ржондъ отнялъ руки отъ бороды.

— Не хунхузы?... Кто же можетъ?

— Шадринская заимка...

— Шадринская заимка ликвидирована... Слыхалъ о находкѣ тупа... Это та, что душила... Богородица то самая...

— А тотъ, кто трупы раздѣлывалъ?... Того не наши.

— Положимъ... Только... На что ему Настенька?

Оба замолчали. Они стояли против станціоннаго зданія. Въ стеклянныя двери былъ виденъ буфетъ. Ферфаксовъ что то, краснѣя, говорилъ Анелѣ и она смѣялась, сверкая молодыми, крѣпкими зубами.

— Вотъ кого пошлю... Трудно тебѣ будетъ безъ него... Такъ за то — душу отдасть... И Анеля съ нимъ поѣдетъ. Она утѣшитъ барыньку... Онъ и по китайски мастеръ... Да и всю округу обыщеть... Китайцы его любятъ.

— Кто? — думая о другомъ, спросилъ Петрикъ.

— Факсъ... Другого нарочно не придумаешь Я его сейчасъ и настрочу... А ты, другъ... съ сотней.

Въ окно было видно, какъ Кудумцевъ, прощаясь, поцѣловалъ руку Анели. На платформѣ трубачъ игралъ «сборъ» и «садись». Эшелонъ былъ готовъ къ отправкѣ.

Старый Ржондъ поморщился и быстро пошелъ въ буфетъ.

Петрикъ остался на платформѣ. Онъ видѣлъ, какъ вытянулся передъ Старымъ Ржондомъ Ферфаксовъ. Они пошли въ уголъ буфета. Ферфаксовъ стоялъ, внимательно слушая командира, и за нимъ такой же внимательный стоялъ Берданъ. Кудумцевъ открылъ дверь, пропуская Анелю. Ананьевъ досталъ блокъ-нотъ изъ левой сумки и что то писалъ на столѣ съ недопитыми стаканами.

Мимо Петрика, позванивая шпорами, бѣжали по вагонамъ солдаты. Веселые, безпечные голоса раздавались въ утреннемъ воздухѣ. Кто то, должно быть, читая вывѣску на станціи, сочно сказалъ:

— Прощевай станція Шань-дао-хедзы!...

Прицѣпили паровозъ. Вагоны, звякая цѣпями и буферами, подались назадъ. Сторожъ сталъ у звонка и ударилъ три раза въ колоколъ: «воинскому отправленіе». Трубачъ проигралъ еще разъ — «садись» — и для большей прочности прибавилъ: — «карьеръ». Всѣ люди были по вагонамъ.

Анеля стояла у офицерскаго «микста» и къ ней съ площадки перегнулся стройный Кудумцевъ. Оба смѣялись.

Дежурный по эшелону, brave унтеръ-офицеръ при «полной боевой» подошелъ, чеканя шаги, къ Петрику, щелкнулъ шпорами, приложилъ руку къ лихо надѣтой на бокъ фуражкѣ.

— Ваше высокоблагородіе, прикажете отправлять?

— Да... отправлять!

Платформа опустѣла. Старый Ржондъ, ведя подъ руку Ферфаксова, прошелъ съ нимъ въ телеграфную. Помахалъ рукою Петрику на прощанье.

Кудумцевъ былъ въ окнѣ вагона. Анеля тянулась къ нему руками.

«Если бы это было чувство?... Тогда понятно — не мѣсто чувству тамъ, гдѣ долгъ! Но тутъ его долгъ мужа и отца... Правы были въ ихъ Маріенбургскомъ холостомъ полку. И тамъ умѣли любить. И тамъ были «предметы», кого нелегко было бросить. Но тамъ было легковѣсное чувство, — а не тяжкій долгъ. Здѣсь та же присяга у аналоя. — «Не женивыйся печется о Господѣ, какъ угодить Господу, а женивыйся печется о женѣ, какъ угодить женѣ»... Тамъ у аналоя, гдѣ мѣнялись кольцами, гдѣ пили изъ одной чаши — тамъ была такая же страшная клятва. Петрикъ ее долженъ исполнить — и въ этомъ страшномъ горѣ быть при женѣ!...»

Начальникъ станціи махнулъ рукою въ сторону паровоза. Пронзительный раздался свистокъ... Забренчали, сталкиваясь буфера, заскрипѣли рессоры, заскрежетали, точно съ трудомъ отрываясь отъ ржаваго пути, колеса. Мимо Петрика покатались вагоны съ раскрытыми дверями, заложенными засовами, съ тюками сѣна, съ сидящими на нихъ солдатами, съ тупыми, бѣлыми, лобастыми головами лошадей, опущенными въ репутухи съ овсомъ.

Вагоны катили все быстрѣе, отстукивая по рельсамъ что то бодрое и веселое. Мелькнули головы Одалиски и Мазепы и между ними Магнита Ферфаксова. Сейчас и послѣдній вагонъ.

Петрикъ останется.

«Долгъ мой передъ Государемъ и Родиной — выше всего... Горжусь, что я русскій!...»

Эти слова казарменной прописи — точно стукнули и разбудили Петрика. Ихъ сказалъ Суворовъ... Съ этими словами орлы російскіе несли славу по всему міру. Послѣдній вагонъ проходилъ мимо.

Петрикъ быстро, вольтижерской побѣжкой побѣжалъ за нимъ. Оперся руками о полъ, далъ ногами толчокъ о песокъ платформы и впрыгнулъ въ вагонъ. Солдаты подхватили его подъ мышки и помогли взобраться на сѣномъ засоренный полъ.

Гремѣвшая по вагону пѣсня смолкла. Солдаты пытались встать, но было тѣсно. Подвѣшенныя къ потолку вагона винтовки и шашки мѣшали. Сѣдла со выюками заняли весь вагонъ.

— Продолжайте, братцы, — машинально сказалъ Петрикъ. Онъ сѣлъ на сѣдло и, закрывъ лицо руками, крѣпко задумался.

Подъ вагономъ точно журчали колеса. Золотая Маньчжурія въ осыпяхъ песку, въ поляхъ, покрытыхъ молодою весеннею зеленью, проносилась мимо. Въ ней оставалось самое дорогое для него — семья.

Самое-ли дорогое?

Надъ его головою фыркали и громко вздыхали лошади его сотни. Онѣ ворошили подкинутое въ рептухъ сѣно. Сухія травинки падали на золотые съ зеленою дорожкой, ротмистерскіе погоны...

Онъ не нѣжный Петрикъ, мужъ и отецъ — онъ бравый ротмистръ, начальникъ, вождь... Онъ ѣдетъ на войну... Что его тамъ ожидаетъ?... Слава?... Подвигъ?... Смерть?... позоръ?

Густой басъ — Петрикъ узналъ — ефрейтора Бондаренко загудѣлъ надъ ухомъ.

«Носилки не простыя —
Изъ ружей сложены,
А поперекъ стальные
Мечи положены...»

Пѣсня, прерванная приходомъ Петрика, продолжалась.

Восемь голосовъ подхватили припѣвъ: —

«Ахъ тучки, тучки понависли
И въ поле па-аль туманъ...
Скажи, о чемъ задумалъ,
Скажи, нашъ атаманъ»...

Да онъ и есть атаманъ!... Надъ нимъ нависли тучки... туманъ упалъ на его сердце... душа устала... Но имѣеть ли онъ право уставать? Онъ — ротмистръ Ранцевъ!?

Ротмистръ Ранцевъ, идущій на войну?...

Тамъ, сзади — плачетъ и ждетъ его милая, добрая жена, потерявшаяся въ неутѣшномъ горѣ...

Впереди его ждетъ долгъ... Впереди требуетъ его къ себѣ...

Р о с с і я !

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Война приняла Петрика съ суровою ласковостью. Точно не чужой и холодный латинскій богъ войны — Марсъ — встрѣтилъ Петрика, но свой, съ дѣтства знакомый и такой родной Покровитель ихъ лихого, штандартнаго эскадрона Лейбъ Маріенбургцевъ и, хотя и не русскій на дѣлѣ, но совсѣмъ вошедшій въ русскую жизнь и ставшій роднымъ — Егорій храбрый — снялъ передъ Петрикомъ свѣтлобронный свой шлемъ и подарилъ его только однимъ, но за то какимъ счастливымъ днемъ — днемъ побѣды!

Пока ѣхали по Маньчжуріи, по Круго-байкальской дорогѣ и по Сибири встрѣчали безконечные поѣзда съ плѣнными. Часто попадались навстрѣчу и санитарные поѣзда съ запавѣшенными отъ весенняго солнца окнами, съ тихимъ покоемъ скрытаго страданія. И, чѣмъ ближе подѣзжали къ «Россіи», тѣмъ чаще были такіе поѣзда. На остановкахъ плѣнные толпились по платформамъ и, уже усвоивъ русскіе обычаи, бѣгали за кипяткомъ, погромыхивая желѣзными чайниками и аллюминіевыми манерками. Были они то въ нѣмецкомъ «фельдъ-грау», грубоватые и печальные, то въ австрійскомъ сине-сѣромъ сукнѣ, шумливые и точно довольные, что для нихъ война уже кончилась. Ихъ сопровождали ополченцы, вооруженные, кто австрійскими винтовками, кто старыми русскими берданками. Ополченцы не походили на солдатъ. Они были простодушно ласковы съ опекаемыми ими плѣнными, и не было въ нихъ никакой вражды, ни тѣмъ болѣе ненависти къ непріятелю. Не было и воинственности.

Санитарные поѣзда подходили къ станціи тихо и сосредоточенно. Точно сознавали они сколько людско-го страданія везли они въ своихъ длинныхъ вагонахъ. Выбѣжить изъ класснаго вагона сестра милосердія въ бѣлой косынкѣ и въ передникѣ и пробѣжить въ буфетъ, или на телеграфъ. Появится на площадкѣ вагона сон-ный врачъ и смотритъ на эшелонъ Петрика узкими, рав-нодушными глазами.

Непонятна и неясна была за этими поѣздами война для Петрика.

Эшелоны плѣнныхъ — ихъ были многія тысячи — говорили о побѣдѣ. Австрійскія ружья въ рукахъ у ополченцевъ, подавленный, печальный видъ людей въ сѣромъ «фельдъ грау» показывали, что нѣмцу плохо, и Петрикъ уже начиналъ волноваться, да поспѣетъ ли онъ хотя къ концу войны, придется ли ему увидѣть та-кихъ людей, не сѣрымъ стадомъ покорныхъ плѣнныхъ, но врагомъ, кого онъ будетъ рубить, колоть, топтать конями по праву и по долгу войны?

Но подходилъ санитарный поѣздъ. Легко раненые солдаты вылѣзали изъ вагоновъ. Пограничники ихъ об-ступали живымъ кольцомъ и приступали къ распро-самъ. Петрикъ стоялъ сзади солдатъ и прислушивался къ тому, что говорили раненые.

— Ихъ сила... нѣмца то... Ихъ многіе милліоны су-противъ насъ нагнали... Прутъ и не остановишь...

— Сказываютъ вся Европа съ нимъ...

— Онъ какой!... Развѣ его заберешь?... У него па-троновъ!... Садить начнетъ... Свѣта, почитай, не видать... Онъ т а к о й ! . .

И въ самомъ словѣ: «такой» — чувствовалась точ-но мистическая сила.

— Съ пулеметовъ садить, никуда, милой мой, отъ его огня не подашься...

— Тяжелой артилеріи у насъ нѣтъ... А онъ ка-акъ выпалитъ — страху подобно!... Столбъ ажъ до самаго до неба! Землю развернетъ цѣлое тебѣ тутъ озеро...

— Да, попадетъ, такъ мокраго мѣста отъ тебя не оставитъ...

— Опять же еропланы... У насъ развѣ есть такіе?... Бонбы бросаетъ... Стрѣлы стальные.

И, какъ заключеніе всему этому, какъ подытожную черту, кто нибудь скажетъ, должно быть, отъ кого нибудь изъ офицеровъ слышанное слово:

— У его, братцы, те-хни-ка!

И кто нибудь, будто жалѣя тѣхъ, кто идетъ на войну и желая сгладить произведенное впечатлѣніе, добавитъ успокоительно:

— Наши тоже ничего... летаютъ, однако, стараются..

— Нестеровъ, летчикъ, сказываютъ, сколько ихъ машинъ посбиваль... Еще Ткачевъ... Орломъ наскочить... ничего... Бьютъ и наши...

— Уже очень онъ, нѣмецъ то, значить, сурьезный...

— Все бы, паря, ничего, патроновъ у насъ мало... Самое бы палить. Вотъ оно и взяли бы, а тутъ и палить то нечѣмъ!

— Штыкомъ брали... Онъ, нѣмецъ, штыка очень даже боится...

— Да, не уважаетъ... Штыка, говорю, не такъ что-бы любить.

— Коли на Австрицкій фронтъ попадете, братцы, и все ничего. Онъ австрійцъ то смирный, воевать ему не охота.

— Больше сдается... Бредетъ самъ къ намъ, спрашиваетъ: идѣ, молъ, русскій плѣнъ?...

Смутное, сумбурное, неопредѣленное какое то было отъ всего этого впечатлѣніе у Петрика. Слышалъ онъ и такія разсужденія, больно рѣзавшія его самолюбивое военное сердце.

— Кончатъ пора... Все одно его не осилишь.

— Онъ, сказываютъ, и француза бьетъ!...

Было Петрику непонятно, куда дѣвалась прежняя солдатская гордость? Когда то солдатъ русскій считалъ себя выше всѣхъ. Теперь кто то подсказывалъ ему, что французъ выше его. Уже ежели, молъ, француза бьетъ, такъ уже куда же намъ то соваться?

На долгихъ остановкахъ Петрикъ шелъ въ офицерскіе вагоны и старался тамъ выяснить, что же происхо-

дять на войнѣ и гдѣ правда? Офицеры попадались ему все больше недовольные и озлобленные.

— Приѣдете, дорогой, сами увидите, — сказалъ ему пожилой капитанъ съ прострѣленной грудью. — Главное, не торопитесь. Отъ васъ это не уйдетъ.

Онъ крѣпко пожалъ Петрику руку.

— Послушайте, — хрипло говорилъ кавказецъ. — Развѣ такъ можно воевать? У него снарядовъ сколько угодно. Въ нашей батарее по семь выстрѣловъ на орудіе. Голыми руками брать надо. Солдатскою доблестью... А времена не тѣ... Теперь развѣ люди воюють?... Машины...

— Съ этими развѣ возьмешь его, — говорилъ сосѣдъ кавказца, показывая на толпившихся подлѣ вагона солдатъ. — Очень мы, ротмистръ, сѣрые... Намъ надо еще много чему учиться, прежде чѣмъ воевать съ европейцами.

Странно и непонятно казалось это Петрику. Куда же. Однако, дѣвался былой, иногда до смѣшного доходившій патріотизмъ? Гдѣ же это «шапками закидаемъ», надъ чѣмъ когда то такъ смѣялись? Теперь, сами готовы были передъ врагомъ скинуть шапку. Было какое то преувеличенное уваженіе къ нѣмцу и презрительная насмѣшка къ своимъ.

Когда сталъ подробнѣе допрашивать офицеровъ Петрикъ, выяснилось, что наша пѣхота бьется отлично, стрѣляетъ во много разъ лучше противника, наша артиллерія во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ артиллерию противника, а о его кумирѣ — конницѣ — и говорить нечего: ни нѣмецкая, ни австрійская конница и близко не смѣли подойти къ нашимъ кавалеристамъ и казакамъ. Летчики наши въ лучшемъ видѣ сбивали летчиковъ противника. Чего же, однако, не хватало? И Петрику начинало казаться, что не хватало малаго, но это то малое, пожалуй, и было самое главное и самое нужное: не хватало: — воли къ побѣдѣ. Не хватало: — вѣры въ побѣду... Такой вѣры, какая горами движеть. Не вѣрили, что можно и что должно итти на Берлинъ... Казалось это несбыточно невозможнымъ... Смѣшнымъ... Донъ-Кихотскимъ.

Забывая свое личное горе, а отчасти, чтобы заглушить его, Петрикъ въ пути не сидѣлъ въ классномъ вагонѣ, гдѣ мрачно игралъ на гитарѣ или цѣлыми днями раскладывалъ пасьянсы Кудумцевъ, но ходилъ по вагонамъ эшелона; одинъ перегонъ ѣдетъ въ одномъ, другой въ другомъ. И всюду говорилъ о войнѣ. Его радовало, какъ его солдаты воспринимали войну и какъ отъ него они научались правильно на нее смотрѣть.

— Каждый выбери себѣ земляка односума. Въ бою ли, на походѣ, слѣди одинъ за другимъ и одинъ другому помогай. Тогда нигдѣ не пропадешь. Слыхалъ: патроновъ мало. Что изъ этого слѣдуетъ?... Береги патронъ. Стрѣлай рѣдко, да мѣтко. Тогда и патроновъ хватить, а если стрѣлять дуромъ, такъ и никакихъ запасовъ не хватитъ. Не вина правительства, то есть начальства, что оно не приготовило достаточно патроновъ, а вина солдатъ и начальниковъ, что зря ихъ разстрѣливали. Патронъ дорогъ. Береги свою же народную копѣйку.

Петрикъ говорилъ прописи. Онъ повторялъ то, что читалъ еще у Суворова. Онъ говорилъ то самое, что говорили его предки, цѣлая галлерей предковъ, офицеровъ и солдатъ. Онъ удивлялся одному, почему такъ мало, особенно, «ученые» военные говорили и повторяли эти такія простыя истины неизмѣнно ведущія къ побѣдѣ. Напротивъ, онъ теперь часто слышалъ, что въ этой войнѣ ничего этого не нужно, что теперь совсѣмъ новая война машинъ и роль человѣка въ ней ничтожна и незамѣтна. Петрикъ не спорилъ. Куда же ему спорить съ людьми, кого онъ считалъ умнѣе себя, но онъ не устанно продолжалъ обходить вагоны и въ этомъ находилъ забвеніе отъ тяготившихъ его заботъ и тяжелыхъ воспоминаній.

Душевное горе его было громадно.

II.

Въ Иркутскѣ Петрикъ получилъ телеграмму отъ Валентины Петровны. Поиски Ферфаксова не привели ни къ чему. Ни живыхъ, ни мертвыхъ аму и Настю найти не удалось. Не было найдено и никакого слѣда. Ферфаксовъ возвращался ни съ чѣмъ.

Въ Челябинскѣ Петрика нагнало письмо отъ Валентины Петровны. Оно поразило и тронуло Петрика своимъ спокойнымъ тономъ.

«Богъ далъ — Богъ и взялъ. Да будетъ благословенно Имя Его», — писала Валентина Петровна. «Я одеревенѣла подъ постоянными ударами судьбы и о себѣ я не думаю. Только тебя, моего ненагляднаго, сохранилъ бы мнѣ Господь. Меня окружаютъ хорошіе люди, и я сама на себя дивлюсь, какъ я спокойно могу нести свое исключительное горе».

За Самарой на скоромъ поѣздѣ пріѣхалъ Ферфаксовъ.

Петрикъ пошелъ съ нимъ со станціи, и они ходили по мѣстечку, гдѣ были какія то, видимо, временныя лавки и гдѣ пахло пригорѣлымъ саломъ. Пыль тяжкимъ слоемъ ложилась на ихъ сапоги. Петрикъ ходилъ, низко опустивъ голову, Ферфаксовъ шагаль въ ногу со своимъ сотеннымъ командиромъ и тихо рассказывалъ ему всѣ свои походы и поиски. Онъ еще болѣе загорѣлъ. Лицо его стало бурымъ. Концы тонкихъ, слегка выющихся волосъ ударяли въ золото. Онъ исхудалъ за время своихъ скитаній по лѣсамъ и дебрямъ Маньчжуріи — и все пѣшкомъ! — онъ изстрадался за свою «командиршу» — что скрывать, — былъ онъ въ нее влюбленъ чистой рыцарской любовью.

— Петръ Сергѣевичъ, вѣрь мнѣ, я былъ вездѣ, гдѣ только они могли ихъ укрыть. Тангъ-Вень-Фу далъ мнѣ самыхъ опытныхъ своихъ офицеровъ и солдатъ. Меня познакомили и свели съ хунхузскими вождями Ли-Читсунгомъ и Линъ-Шень-Ксіеномъ. За Мопашанемъ, въ глухой пади, я имѣлъ съ ними свиданіе. Я пришелъ къ

нимъ, какъ между нами было сговорено, одинъ и безъ оружія. Они поклялись мнѣ, что они не имѣли никакого отношенія къ этому похищенію. И я имъ вѣрю. Когда разбойникъ клянется, онъ никогда не обманывается. Какая имъ въ самомъ дѣлѣ корысть похищать твою дочь?

— Местъ.

— Это, Петръ Сергѣевичъ, не Кавказъ. Тутъ это не принято. Хунхузъ знаетъ, что ты не по своей охотѣ гоняешься за нимъ, но выполняешь свой долгъ. Тебя онъ не осуждаетъ. Для него это та же война.

— Ты былъ на Шадринской?...

— Первымъ дѣломъ — туда... Ничего... Былъ я и у Ванга. Допытывалъ, подкупалъ... Къ тебѣ тамъ такое хорошее отношеніе, что я далеку отъ мысли, чтобы это могъ сдѣлать онъ.

— А тамъ... помнишь... гдѣ ты упалъ съ коня и ободрался?

— Ходилъ и туда. Тамъ все разорено. Пустая фанза. Ты, конечно, знаешь, что слѣдователь нашелъ тамъ сильно разложившійся трупъ женщины и считаетъ, что эта именно женщина и была «китайской богородицей».

— Значить: нигдѣ? Ничего? Дѣвушка китаянка и такая разумная, какъ была наша Чао-Ли, и ребенокъ пропали безъ всякаго слѣда... Прости меня, Факсъ, невѣроятно это какъ то...

Ферфаксовъ густо покраснѣлъ. Его лицо стало почти чернымъ. Петрикъ взялъ его подъ руку. Онъ понялъ, что невольно въ своемъ горѣ обидѣлъ напрасно Ферфаксова.

— Не сердись на меня и не обижайся, милый Факсъ, пойми, какъ мнѣ это тяжело. И въ самомъ дѣлѣ: не живыми же онѣ попали на небо?

— Все отъ Бога, — тихо сказалъ Ферфаксовъ. — Изъ Его святой воли не выйдешь.

— Знаю, Факсъ, отъ этого, однако, не легче... Что Аля?

— Командирша... Она впрочемъ просила ничего этого тебѣ не говорить... Не хотѣла тебя тревожить...

— Глупости... Что можетъ меня теперь встревожить?...

— Валентина Петровна думаетъ, что... Но она, правда, просила не говорить тебѣ этого...

Петрикъ, молча, пожалъ руку Ферфаксова.

— Какіе, милый мой, могутъ быть секреты между мужемъ и женой, открытые тебѣ?

— Видишь ли?... Валентина Петровна съ Таней и Анной Максимовной прожили на станціи Ляховедзы всю первую недѣлю моихъ поисковъ. Валентина Петровна, и Таня тоже, настаивала, что ребенка похитили не хунхузы, но русскій... Она даже мнѣ наружность описывала предполагаемаго ею похитителя... Рыжій, въ веснушкахъ, на обезьяну похожій.

— Ахъ это, — густо краснѣя, сказалъ Петрикъ. — Это... да... навязчивая идея... Давнишніе страхи... Ну, а все таки ты этого рыжаго искалъ?

— Конечно... Разъ командирша сказала... какъ же я могъ не искать? И, представь, даже напалъ на слѣдъ какого то варнака. Онъ жилъ въ городѣ нѣкоторое время, но не задолго до нашей отправки онъ исчезъ, и про него никто изъ китайцевъ ничего не слыхалъ. Знаешь, есть даже подозрѣніе, что это онъ и есть тотъ, кто убилъ Шадрина и женщину на заимкѣ. Но зачѣмъ ему могла понадобиться твоя Настенька?

— Ну, значитъ... живыми на небо!... Пойдемъ, однако, сейчасъ отправлять будутъ.

Петрикъ пошелъ къ поѣзду. Ферфаксовъ шелъ сзади него и, когда Петрикъ оглянулся, — онъ увидалъ Факса съ опущенной головой. Сзади Факса шелъ его Берданъ съ поджатымъ хвостомъ. Странное сходство было между ними. Петрикъ подумалъ, что, если бы у Факса былъ хвостъ онъ былъ-бы такъ-же поджатъ, какъ хвостъ Бердана. И ему стало жаль Ферфаксова.

Въ ихъ «микстѣ», гдѣ было два отдѣленія — большое и малое — въ большемъ на верхней полкѣ крѣпко спалъ Кудумцевъ. Петрикъ съ Ферфаксовымъ прошли въ малое отдѣленіе.

— Какъ ты нашелъ Алю? На чемъ же она порѣшила?

— Я проводилъ командиршу до Харбина и передъ отъѣздомъ навѣстилъ ее. Она поступаетъ «сестрой» въ

ту же летучку, гдѣ и Анна Максимовна. Она бывала и довольно часто у Замятиныхъ... Знаешь того инженера...

Ферфаксовъ опять покраснѣлъ.

— Что меня на дуэль хотѣлъ вызвать? Скажите, какая дружба!

— Матильда Германовна приняла большое участіе въ горѣ Валентины Петровны.

— Что же? Аля тамъ, поди, въ карты играетъ?

— Тамъ больше въ карты не играютъ.

— Новости... Съ какихъ это поръ?

— Съ того самого дня. Оказывается Замятинъ тогда казенныя деньги проигралъ и крупную сумму. И далъ зарокъ...

— Скажи, пожалуйста, какая добродѣтель!... Ну, спасибо, милый Факсъ, ты, поди, усталъ съ дороги. Ступай, отдохни. Премного тебѣ благодаренъ. Невозможное, конечно, невозможно... Значить: на небѣ. Я думаю, однако, что Алѣ легче было бы увидѣть Настеньку мертвой, чѣмъ такъ ничего о ней не знать?

— Не думаю. Валентина Петровна глубоко вѣритъ, что Настенька жива и что Господь ее спасетъ.

Когда Ферфаксовъ вышелъ, Петрикъ сѣлъ у окна. Странное чувство свободы и какой то легкости охватило его, точно опять онъ былъ въ холостомъ полку, гдѣ не было никакихъ заботъ.

«Все отъ Бога» — думалъ онъ — «и это отъ Бога». Видно даетъ ему Господь эту свободу отъ семьи въ грозный часъ войны не даромъ. Даетъ, чтобы легко ему было умереть на полѣ брани. Умирать когда то надо. И что можетъ быть лучше и красивѣе, какъ не смерть на войнѣ? Была семья и вотъ нѣтъ семьи. Жена «сестрой»... при дѣлѣ... Дочь пропала безъ вѣсти... И ничего у него. Только его долгъ передъ Родиной».

Было тихо на душѣ и покойно. Точно уже предложено ему было все, и оставалось только ждать того, чтобы предопределенное совершилось.

Ферфаксовъ вошелъ въ свое отдѣленіе. Кудумцевъ проснулся и узкими со сна золотыми глазами тигра, смотрѣлъ на развязывавшаго свою дорожную сумку Ферфаксова.

— Ну что. Отъисповѣдывался... сказалъ онъ, — рассказывай мнѣ теперь, что Анелька?

И Кудумцевъ могуче, такъ, что кости захрустѣли въ суставахъ, потянулся всѣмъ тѣломъ на лавкѣ.

III.

По рассказамъ раненыхъ, по тому, что видѣлъ Петрикъ по мѣрѣ того, какъ ихъ эшелонъ приближался къ фронту, Петрикъ ожидалъ услышать грозные раскаты артиллерійской канонады, ружейную трескотню и сразу попасть въ какой то бой. Наши отступали, и было на фронтѣ не благополучно.

Эшелонъ высадили въ Галиціи на маленькой станціи. Сразу было приказано отойти верстъ на двѣнадцать въ селеніе, гдѣ уже собралась вся ихъ конная бригада.

Было раннее утро. Начинало свѣтать. Былъ май. Кругомъ зеленѣли поля молодой пшеницы, едва развернувшей трубку и выбросившей первые листья. Тяжела была пыль на шоссе. Солнце еще не успѣло убрать съ нея росу. Въ селеніи сладко пахло цвѣтущей акаціей. Маленькіе, чистенькіе домики вытянулись въ рядъ. У дома священника недвижно висѣли на пикахъ желто-зеленые флаги бригаднаго и полковаго командировъ. Часовой стоялъ у денежнаго ящика. Квартирьеры развели сотню по квартирамъ. Кудумцевъ и Ферфаксовъ, не доспавшіе ночью, сейчасъ же разлеглись въ отведенной имъ горницѣ на полу на сѣнѣ. Петрикъ отдалъ необходимыя хозяйственныя распоряженія и сѣлъ писать письмо своему Солнышку. Кругомъ была утренняя тишина. Въ штабѣ, куда заходилъ Петрикъ, никто ничего не зналъ. Бригада была придана къ дивизіи, которой командовалъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Со стѣны на Петрика смотрѣлъ съ портрета императоръ Францъ Іосифъ. Все было чужое, но вмѣстѣ съ тѣмъ напоминало Петрику маневры въ Маріенбургскомъ полку, когда онъ останавливался вотъ такъ же, въ поль-

скихъ чистенькихъ халупахъ. Въ углу былъ образъ Божіей Матери съ пылающимъ сердцемъ на груди. Не Русскій образъ. На комодѣ стояли гипсовыя статуи святыхъ. Терпко пахло какими то травами. Голубыя незабудки увядали въ баночкѣ на окнѣ. Столъ, гдѣ писалъ Петрикъ, былъ накрытъ розовой скатертью, и молодья, еще мелкія, мухи бродили по нему. Хозяинъ, тихій неразговорчивый мужикъ заходилъ два раза, мрачно смотрѣлъ на Петрика и ничего не говорилъ. Деревянные часы покачивали на стѣнѣ маятникомъ и отсчитывали время. На дворѣ было тихо. Солдаты уgomонились и легли спать. Было слышно, какъ скрипѣло перо Петрика, и странно было думать, что это уже война. И тамъ, гдѣ, — Петрикъ это зналъ — былъ непріятель, тамъ была такая же покойная тишина.

Около полудня Петрикъ задремалъ. Разбудилъ его металлическій стукъ колесъ и звонъ черпака. Походная кухня пріѣхала во дворъ и привезла обѣдъ солдатамъ. На дворѣ раздавались голоса. Петрикъ узнавалъ своихъ людей. Ефрейторъ Глущенко въ полъ голоса прочиталъ «Отче нашъ». Потомъ позванивали котелки и чавкали люди. Въ открытое окно сталъ доноситься запахъ щей и каши. Пахнуло чернымъ хлѣбомъ. И всѣ эти запахи тоже говорили о мирѣ.

— Ну вотъ она тебѣ и война, — икая, сказалъ солдатъ Рудъ.

— А что жъ. Ну и война, — медлительно подтвердилъ Лысенко.

Помолчали. Любитель пѣнія, малороссъ Онищенко завелъ здоровымъ басомъ:

— Гей вы, казаки...

Человѣкъ шесть дружно рявкнули:

— Молоді...

Онищенко продолжилъ:

— А дежъ ваши коныченки?...

Хоръ отвѣтилъ:

— Вороні...

Пѣсня какъ то сразу оборвалась.

Лѣнивый голосъ Бурхана произнесъ:

— Наши кони сѣры, и мы не казаки, а есть сѣрые мужики.

Это философское замѣчаніе, видимо, не понравилось Онищенко. Онъ сочно выругался:

— А ну тебя подъ такую!

— Да полноте, браты, — сказалъ Рудь, — господа въ хатѣ, а вы такое говорите. Хорошо развѣ?

Наступила тишина, но слышно было, что люди не спали. Они тихо шевелились, да съ хрустомъ жевали сѣно лошади.

По шоссе, побрякивая шашкой со штыкомъ на ножнѣ, пробѣжалъ унтеръ офицеръ Банановской сотни. Онъ заглянулъ во дворъ и крикнулъ: — «сѣдлать и строиться!»

Увидавъ высунувшагося изъ окна Петрика, онъ подошелъ къ нему.

— Ваше высокоблагородіе, — доложилъ онъ, — есть приказъ отъ командира бригады: заразъ сѣдлать и строиться. Выступаемъ.

Но, куда выступала бригада этого унтеръ офицера, не зналъ.

— Должно, ваше высокоблагородіе, на позицію, — сказалъ онъ на вопросъ Петрика и побѣжалъ дальше.

Петрикъ разбудилъ своихъ офицеровъ, передалъ приказаніе сѣдлать и строиться, приказалъ сѣдлать себѣ Одалиску, а самъ пошелъ къ штабной избѣ за приказаніями.

У колодца, уже надѣвшіе аммуницію солдаты поспѣшно изъ парусиновыхъ ведеръ поили лошадей. По всему селенію шла суета сборовъ и раздавались крики:

— Сѣдлать!... Сѣдлать!... Сѣдлать!..

IV.

Старый Ржондъ самъ ничего не зналъ, куда должна была выступать бригада. Стоявшій съ нимъ въ одной халупѣ командиръ бригады, очень любезный молодой чернобородый генераль Генеральнаго Штаба, пояснилъ Петрику, что обстановка выясняется, что пока только получено приказаніе стать въ резервъ за деревней Плещаницей и поступить въ распоряженіе бригаднаго командира Туземной дивизіи.

— Вы слышите, какая кругомъ тишина. Возможно, что это такъ только для порядка.

Черезъ полъ часа бригада вытягивалась изъ селенія. Петрикъ ѣхалъ въ головѣ 22-го полка. Передъ нимъ точно бѣлой рѣкой въ облакахъ пыли текли монголки 21-го полка. Свѣжія, — ихъ надѣли только сегодня по случаю настоящаго похода, — зеленоватыя рубахи солдатъ топорщились подъ аммуниціей. Винтовки затворами блистали на солнцѣ. Заброшенные за плечо длинные стальные пики позванивали, сталкиваясь. Вспыхивали въ рядахъ папиросы, и сизый легкій дымокъ поднимался къ небу.

Впереди Петрика на старомъ раскормленномъ кабардинцѣ ѣхалъ Старый Ржондъ и съ нимъ рядомъ адъютантъ Ананьевъ.

Старый Ржондъ велъ по старинкѣ, все шагомъ и шагомъ. И онъ и командиръ 21-го полка твердо усвоили, что «тише ѣдешь — дальше будешь», «поспѣшишь — людей насмѣшишь», и что, если это въ бой, то и тогда торопиться никогда не слѣдуетъ.

Но кругомъ было такъ тихо и покойно, что ни о какомъ боѣ и думать не приходилось. Точно шли на легкую проѣздку.

Это спокойное, ровное, не торопливое движеніе, радость и благоуханность весенняго воздуха, только что написанное письмо женѣ, какъ бы тихая бесѣда съ нею, красота далеко разворачивавшихся полей, сознаніе того, что совершается вмѣстѣ съ тѣмъ что то важное, напол-

няло душу Петрика сладкимъ восторгомъ. Одалиска его несла легко. Она шла, пошаливая, радуя хозяина. Петрикъ всѣми нервами ощущалъ радость своихъ тридцати лѣтъ, молодого здорового тѣла, и мысли его противъ воли уносили далеко отъ войны и отъ того боя, куда онъ, можетъ быть, уже шелъ.

Петрикъ смотрѣлъ влѣво, туда, гдѣ долженъ былъ быть непріятель. Поля мягко уходили и скрывались изгибомъ у самага небосвода, гдѣ былъ Днѣстръ. Въ прозрачной дымкѣ невидимы были въ балкахъ деревни, и только сады, покрытые молодою зеленью точно легкій дымокъ, показывали гдѣ были селенія.

Было часа три дня, когда они вошли въ большое мѣстечко, тронутое войною. Въ домахъ были кое гдѣ выбиты окна, сорваны ставни, разбиты двери. Въ дворахъ видны были повозки обозовъ. Стройные, худощавые горцы, кто въ рваной черкескѣ, кто въ черномъ бешметѣ, подпоясанномъ ремнемъ съ кинжаломъ, бродили по селенію. Здѣсь стояли обозы Кавказской Туземной дивизіи и ея штабъ. Изъ головы колонны передали, чтобы подтянулись и подравнялись: — проходятъ мимо кварты Великаго Князя.

Въ переднемъ полку зашевелили пиками. Взяли ихъ сначала «по плечу», потомъ «въ руку»... Отставшіе «хвосты» догоняли рысью. Издали донесся дружный и громко радостный отвѣтъ: «здравія желаемъ Вашему Императорскому Высочеству». Какъ видно — Великій Князь вышелъ пропустить бригаду.

И точно: Великій Князь Михаилъ Александровичъ только что собрался ѣхать на позицію, гдѣ его дивизія съ утра вела спѣшенный бой въ заранѣ сдѣланныхъ окопахъ, когда ему доложили, что черезъ мѣстечко проходитъ Заамурская бригада. Великій Князь остановился у выѣзда изъ селенія и съѣхалъ съ шоссе на поле, пропуская Заамурцевъ мимо себя.

Послѣдняя сотня 21-го полка дрогнула и напряженно выкрикнула отвѣтъ на привѣтствіе Князя.

Петрикъ, изломавъ поясницу и перегнувшись назадъ, красивымъ, звонкимъ, бодрящимъ людей голосомъ скомандовалъ: —

— Перр-рвая со--отт--ня... Пики въ ру-у--ку!...

И, выждавъ, когда «въ два счета», оборвавъ пріемъ, люди взяли пики отвѣсно съ легкимъ наклономъ впередъ, полутонемъ ниже дополнилъ команду:

— Равне--еніе направо... Господа офицеры...

Въ просвѣтѣ между полками, вправо, за дорогой, показался Великій Князь.

V.

Великій Князь Михаилъ Александровичъ, Начальникъ Кавказской Туземной дивизіи, состоявшей изъ горцевъ Кавказа: — дагестанцевъ, татаръ, кабардинцевъ, чеченцевъ, черкесъ и ингушей, стоялъ за шоссе, у чистенькаго домика, гдѣ была его квартира.

Великій Князь никогда не жилъ на Кавказѣ и бывалъ на немъ лишь наѣздами, когда навѣщалъ своего больного брата, Великаго Князя Георгія, проживавшаго въ Боржомѣ. И было это давно, когда Великій Князь былъ еще мальчикомъ. Но никто никогда бы не сказалъ, что это не настоящій горецъ, горскій князь. Такъ ловко, такъ стильно и нарядно сидѣлъ на немъ весь кавказскій уборъ. Серебристо сѣраго курпея папахъ, — другого такого мѣха во всей Ингушетіи не сыскать, — была спереди чуть примята «по кабардински»... Безъ того подчеркнутаго ухарства, какимъ щеголяли нѣкоторые офицеры, игравшіе «подъ горцевъ». Сѣрая черкеска сидѣла ладно, безъ складокъ, и ловко была подобрана подъ себя. Простые, черные, слоновой кости гозыри, черный бешметъ, ремни портупей и пояса, отличной сыромяти съ малой серебряной отдѣлкой: все было скромно, просто: «по джигитски». Драгоценный кинжалъ въ серебрѣ и такая же шашка, чуть скрашенная серебромъ въ черни по ножнамъ были единственными украшеніями одежды Великаго Князя. Онъ сидѣлъ на росломъ, соотвѣтствующемъ его могучему сложенію, темно караковомъ статномъ конѣ, выведенномъ изъ За-

донья, сухомъ и легкомъ. Наборъ его сѣдла, тоже простой, сыromятный, былъ лишь кое гдѣ тронуть серебряными бляшками.

На высокомъ горскомъ сѣдлѣ Великій Князь сидѣлъ легко и ловко, по охотники. Во всей его осанкѣ былъ тотъ навѣкъ умѣть носить любое платье, во всякомъ нарядѣ быть прекраснымъ и обаятельнымъ, что не дается никакою выучкою, но является наслѣдіемъ цѣлаго ряда высокихъ предковъ. Въ немъ было «Романовское» обаяніе и «Романовскій» тактъ. Онъ вызывалъ къ себѣ чувства восхищенія. Горцы его обожали. Не было ему другого имени, какъ: — «нашъ князь». «Солнце на небѣ — Государь на землѣ, Государевъ братъ съ нами». Безконечно далекій и высокій, «Великій» и «Высочество» онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ трогательно близокъ къ своимъ всадникамъ. Точно какой нибудь «свой» родовитый князь.

Его лицо, гладко бритое, съ подстриженными усами, несмотря на отсутствіе бороды, очень напоминало лицо его отца Императора Александра III, какимъ былъ онъ въ молодости, въ бытность Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Лицо это было блѣдно и устало. Тяжелая болѣзнь — язва въ желудкѣ — наложила на него печать страданія. Синевато - сѣрые большіе глаза съ ласковою привѣтливостью смотрѣли въ глаза каждого солдата.

Старый Ржондъ съ адъютантомъ шагомъ заѣхали къ Великому Князю и стали съ боку небольшой его свиты. Петрикъ заблаговременно оттянулъ отъ Старого Ржонда и, приблизившись къ Великому Князю, щеголяя своею ѣздой и прекрасной выѣздкой Одалиски, «на пятачкѣ» поднималъ ее въ галопъ и крутымъ вольтомъ подѣхалъ къ Великому Князю.

Самъ отличный наѣздникъ, «спортсменъ» и любитель лошади, въ Гатчинѣ, на своемъ Тярлевскомъ ипподромѣ, скакавшій съ офицерами Л. Гв. Кирасирскаго Ея Величества полка на самыхъ трудныхъ стипль чезахъ, Великій Князь оцѣнилъ и лошадь и офицера и обратилъ на нихъ вниманіе. Съ «Романовскою» памятью онъ сейчасъ же вспомнилъ, гдѣ онъ видалъ этого мо-

лодца офицера. Онъ мелькомъ взглянулъ на погоны Петрика и сказалъ:

— Ротмистръ Ранцевъ?

— Ротмистръ Ранцевъ, Ваше Императорское Высочество.

— Вы раньше служили въ Лейбъ Маріенбургскомъ моего Брата полку?

— Такъ точно, Ваше Императорское Высочество.

Великій Князь, въ своей личной частной жизни знавшій какія обстоятельства иногда заставляютъ мѣнять мѣсто службы, ничего не спросилъ объ этомъ у Петрика, но еще ласковѣе посмотрѣлъ на него.

— Вы взяли въ третьемъ году на Красносельской скачкѣ первый Императорскій призъ?

— Второй, Ваше Императорское Высочество.

— На этой самой лошади?

— Такъ точно Ваше Императорское Высочество.

— Какого она завода?

— Михаила Ивановича Лазарева, Ваше Императорское Высочество.

— Да... Вижу... Помню...

Вопросы и отвѣты слѣдовали быстро одинъ за другимъ. Петрикъ съ тѣмъ особымъ искусствомъ строевого офицера смотрѣлъ прямо въ глаза Великому Князю и въ то же время видѣлъ проходившихъ мимо него солдатъ его сотни. Ни одна мелочь въ ней не ускользала отъ его взгляда. Все видѣлъ онъ и всѣмъ любовался. Прекрасна была его сотня. Сѣрые, желтые, каріе, синіе глаза въ рѣсницахъ, густо припудренныхъ дорожною пылью, зорко смотрѣли въ глаза Великаго Князя. Бѣлыя монгольскія лошади съ широкими грудями — настоящіе львы — гордо шагали мимо. И онѣ показались прекрасными... Въ свои отвѣты Петрикъ вкладывалъ щегольство короткостью и точностью. Титулъ звучалъ четко. Во всемъ былъ примѣръ солдатамъ. Вездѣ звучала та бодрость, что прежде всего, прежде самой храбрости, требовалъ отъ офицера Суворовъ.

«Нашъ-то сотенный съ самимъ Великимъ Княземъ какъ!.. Ну и ну», — казалось, говорили солдатскія лица.

Первый взводъ миновалъ Великаго Князя. На дис-

танціи два шага показались взводный Похилко и съ нимъ рядомъ правофланговый унтеръ-офицеръ Дулинъ. Они молодецки вскинули на Великаго Князя головы. За ними частоколомъ надвигались пики первого отдѣленія.

Спокойно и громко сказалъ Великій Князь:

— Здорово, молодцы Заамурцы!

Люди набрали воздуха и дружно отвѣтили.

«О-го-го-го»... понеслось по полямъ.

И странная мысль мелькнула въ это мгновеніе у Петрика. «Этихъ людей и его самого, Петрика, Великій Князь видитъ въ первый и послѣдній разъ въ жизни». И Петрику показалось, что такая же мысль должна была быть и у самого Великаго Князя и у офицеровъ его свиты и у солдатъ его бравой сотни.

Когда, лихо избочась, проѣхалъ вахмистръ Разбѣгаевъ и командиръ 2-й сотни ротмистръ Банановъ не красивой тропотцой, на маленькой монголкѣ заѣхалъ на мѣсто Петрика, Петрикъ поднялъ Одалиску въ галопъ и поскакалъ догонять голову своей сотни.

— Молодецъ у васъ командиръ, — ни къ кому не обращаясь, сказалъ Великій Князь и сталъ пропускать мимо себя 2-ю сотню.

Съ версту отошелъ Петрикъ отъ мѣстечка, когда сзади раздались крики команды: «смирно... равненіе направо»...

Петрикъ оглянулся. Правѣ сотенъ, прямо полями, быстро скакала красивая группа всадниковъ. Алые, голубые и бѣлые башлыки крыльями рѣяли за плечами. Впереди всѣхъ, выдѣляясь легкою своею посадкою, скакалъ Великій Князь. Его конь не чуялъ всадника подъ собою. За нимъ въ коричневой черкескѣ на сытомъ ворономъ конѣ скакалъ его начальникъ штаба, генералъ Юзефовичъ, адъютанты, ихъ Заамурскій бригадный командиръ, Старый Ржондъ и всадники ординарцы. Ихъ скачка была легка, и прозрачная пыль неслась за ними тонкимъ и длиннымъ облакомъ. Было что-то волнующее въ этой скачкѣ Государева брата, окруженнаго толпою нарядныхъ горскихъ всадниковъ на ихъ легкихъ коняхъ. Звало къ подвигу и побѣдѣ.

VI.

Великій Князь взялъ вправо отъ шоссе, поскакалъ полями и скоро скрылся въ неглубокой балочкѣ. Только легкая пыль показывала, гдѣ онъ скакалъ.

Заамурская бригада по шоссе подошла къ отвершку оврага и стала спускаться въ него. Оврагъ наполнился бѣлыми лошадьми и людьми въ свѣжихъ зелено-сѣрыхъ «защитныхъ» рубахахъ.

Раздались команды: «стой» и «слѣзай».

Бригада стала въ резервъ.

Бригадный генералъ съ адъютантомъ поѣхали туда, куда поскакалъ Великій Князь, узнавать обстановку. Старый Ржондъ и Петрикъ съ офицерами выбрались на край оврага и легли на травѣ.

Было часовъ около пяти. Солнце сильно, уже полѣтнему, пекло. Кругомъ были поля, чуть колышимыя легкимъ, временами набѣгавшимъ вѣтеркомъ. Въ двухъ верстахъ отъ нихъ на ровномъ полѣ были видны постройки станціи Званецъ, окруженные кустами акаціи и сирени. На путяхъ не было ни одного вагона. Около боковой пристройки легкій поднимался дымокъ. Тамъ копошились люди. Дымили кухни ополченскихъ ротъ. У станціи живописной группой расположились вѣстовые съ лошадьми. Великій Князь былъ тамъ. Далеко за станціей синимъ кустомъ стояла невысокая роща. За оврагомъ, тамъ, куда узкой лентой уходили желѣзные пути, полого поднимаясь на невысокій холмъ, шли поля, покрытыя низкими хлѣбами. Небосводъ былъ ими закрытъ. Петрикъ развернулъ карту и опознался по ней. На западъ отъ нихъ, верстахъ въ шести, долженъ былъ быть Днѣстръ. На немъ непріятель. Но все кругомъ было по-прежнему мирно и тихо.

— Мнѣ говорили въ свитѣ, — сказалъ Старый Ржондъ, — съ утра былъ бой за Званцемъ. Это у станціи.... Наши будто оставили Подлещики, взорвали мосты черезъ Днѣстръ и заняли позицію вотъ гдѣ-то здѣсь въ поляхъ, гдѣ еще заранѣе были нарыты окопы. Тамъ спѣшенные горцы и ополченцы. Вотъ, значитъ, въ какой

переплеть мы съ тобой попадаемъ. Ежели что будетъ: въ чужомъ пиру похмелье. — Старый Ржондъ зѣвнулъ, разлегся на спинѣ и надвинулъ на самые глаза фуражку. — Да, видать, ничего не будетъ, — промычалъ онъ.

Было тихо; какъ бываетъ въ знойные лѣтніе дни. Вѣтерокъ прекратился. Было слышно, какъ жужжали мухи. Петрикъ видѣлъ, какъ въ травѣ, между тонкихъ былиннокъ ползали муравьи. Съ какимъ-то особымъ интересомъ наблюдалъ онъ за ними. Голова была пуста. Никакая мысль не владѣла имъ. Чуть клонило ко сну.

Вдругъ далекій и новый, неслыханный и странный звукъ народился въ самомъ небѣ, въ бездонной его вышинѣ. Тамъ что-то застрекотало сначала нѣжно, потомъ все громче и сильнѣе. Петрикъ сейчасъ же вспомнилъ, гдѣ онъ слышалъ такіе точно звуки. Петербургъ, Коломяжское поле, Гатчино и Красное Село вспомнились ему. Онъ поднялъ голову. Конечно... аэропланъ....

Его солдаты и Старый Ржондъ, никогда еще не видавшіе самолетовъ, стали съ удивленіемъ прислушиваться и присматриваться, поднимая головы.

— Глянь-ка, чего-й то тамъ лятить. — Раздались голоса.

— Птица не птица, а чего-то дюже даже большое.

— А скоро какъ летить. Вотъ те и птица.

— Дурной. Не слыхалъ что-ли никогда.... Еропланъ прозывается.

— Ваше высокоблагородіе, это чего же онъ дѣлать будетъ?

— Нашъ это или его?

— Подлетить ближе... Посмотримъ....

Бинокли были устремлены на летящую точку. А она съ густымъ и уже точно тревожнымъ жужжаніемъ приближалась и росла. Стали видны распластанныя крылья и точно брюшко насѣкомаго, толстый корпусъ машины. Въ золотыхъ лучахъ солнца чуть сквозили, просвѣчивая, крылья. Легкій «фюзиляжъ» былъ, какъ лапки насѣкомаго и весь аппаратъ казался громадной цикадой.

Ясно сталъ виденъ на крыльяхъ большой германскій черный крестъ...

«Его» аппаратъ...

— Это ихъ, — сказалъ Петрикъ, — Фоккеръ.

Наступила тяжелая томительная тишина. Разговоры и замѣчанія смолкли.

Въ полетѣ аэроплана было что-то зловѣщее. Лѣтній день померкъ. Въ комокъ сжималось сердце.

«Что ему тамъ надо?.. Что онъ будетъ дѣлать?»

И только подумали это, страшная беспорядочная трескотня ружей раздалась у станціи и разорвала томящую тишину. Ополченцы стрѣляли по аэроплану.

— Ишь ты какъ садятъ, — заговорили солдаты.

— А ему хоть бы что.

— Въ бѣлый свѣтъ, какъ въ копѣечку.

— И не покачнеть.

— А вотъ и попало. Вишь, какъ задымилъ.

— Это онъ сигналъ подаетъ, — сказалъ Петрикъ.
— Для артиллеріи.

Теперь всѣ стояли, кто съ биноклемъ у глазъ, кто глядя простыми глазами и слѣдили за аэропланомъ. И сразу, отъ присутствія тамъ въ небѣ, кого-то чужого

— непріятеля — все вокругъ: бѣлыя постройки станціи Званецъ, обычно, должно быть, тоскливо-скучныя въ широкомъ просторѣ полей, бѣлыя акаціи, раскинувшія нѣжную свою листву, шоссе, обсаженное низкими яблонями въ цвѣту упиравшееся въ станцію, — все, такое обыденное и однообразное, — стало страшнымъ, важнымъ и зловѣщимъ. Аэропланъ описалъ дугу и сталъ удаляться отъ Званца.

Въ струнку вытянулся Ферфаксовъ. Онъ опустилъ руку съ биноклемъ, и желтыми собачьими глазами глядѣлъ на темное облако, нависшее надъ станціей. Нечеловѣческая тоска была въ его взглядѣ.

— Тамъ... Великій Князь!.. — со страшной силой, съ тоскою необычайною сказалъ онъ.

Старый Ржондъ и Петрикъ его поняли. Они ясно черезъ стекла биноклей видѣли лошадей, стоявшихъ на площадкѣ передъ станціей.

— Тамъ не только Великій Князь, — сказалъ Кудумцевъ, — тамъ еще сотни людей. Да это и насъ касается. Оврагъ, какъ снѣгомъ, забитъ нашими лошадьми. Не замѣтитъ этого нельзя... Что уже тутъ Великій Князь!

Онъ заложилъ руки въ карманы и медленно пошелъ къ оврагу.

— Толя!.. что съ тобой! — воскликнулъ Ферфаксовъ.

Петрикъ догналъ Кудумцева и такъ тихо, что никто, кромѣ Кудумцева, его не слышалъ, сказалъ:

— Это что же, «табсь-ротмистръ? Интеллигентское «хи-хи-хи»?...

Кудумцевъ поблѣднѣлъ и остановился. Одно мгновѣніе они стояли такъ другъ противъ друга, ломая свои взгляды. Медленно вынулъ Кудумцевъ руки изъ кармановъ и, молча, повернулся лицомъ къ станціи.

Въ этотъ мигъ со стороны непріятеля народился новый звукъ. Точно страшный ураганъ неся въ вышинѣ, приближаясь къ Званцу. И вдругъ, обогнавъ звукъ этого страшнаго гула, у самой станціи кудрявыми бурями деревьями взвились высокіе дымы, и густые, будто пушечные выстрѣлы, раздались тамъ: — «боммъ!... боммъ!.. боммъ».. Свистъ и вой чего-то неудержимо летящаго понесся оттуда.

Ополченскіе кашевары заметались у кухонь. Вѣстовые съ лошадьми Великаго Князя и его свиты стояли все такъ же неподвижно.

И опять неся ураганъ и непонятно страшные въ грохотъ и визгъ вставали дымы разрывовъ.

Отъ станціи рѣдкой цѣпочкой потянулись назадъ раненые.

Непріятель обстрѣливалъ Званецъ огнемъ тяжелой батареи.

VII.

Великій Князь полевымъ, упругимъ по мягкому лугу галопомъ прискакалъ на станцію Званецъ. Рѣзвый скокъ послушной сильной лошади, увлекаемой скачущими сзади лошадьми свиты возбудилъ Великаго Князя. Розовый румянецъ покрылъ его щеки. Великій Князь

соскочилъ съ коня, бросилъ поводья лихо подлетѣвшему къ нему всаднику-черкесу и вошелъ въ подъѣздъ. По залу въ безпорядкѣ были сдвинуты столы и скамьи. На полу валялось битое стекло и штукатурка. Буфетная стойка была пуста. Генералъ, начальникъ участка, встрѣтилъ рапортомъ Великаго Князя.

Съ утра здѣсь было горячо. Сильно доставалось отъ австрійскихъ батарей, стоящихъ за деревней Раззавой, и одно время ополченцы стали сдавать и покидать окопы.

— Ваше Императорское Высочество прислали намъ конную батарею. Она карьеромъ, какъ на ученьи, вынеслась на позицію.... во мгновение ока открыла огонь и заставила австрійскія батареи замолчать.... Командиръ батареи, фейерверкеръ 1-го орудія и четыре номерныхъ убиты. Подъ командиромъ дивизіона, — онъ самъ повелъ батарею — убита лошадь, — докладывалъ начальникъ участка.

— Да... я это знаю... Я читалъ ваше донесеніе. Какая прекрасная смерть!.. Покажите, гдѣ это было?

Великій Князь вышелъ на перронъ. Подъ желѣзной крышей, укрываясь отъ солнечнаго зноя, сидѣли хорошо, по Петербургу, знакомые Великому Князю полковникъ Дракуле, командиръ Ингушскаго коннаго полка и его адъютантъ, ротмистръ Арановъ. Подлѣ были всадники-ординарцы. Всѣ встали навстрѣчу Великому Князю.

— Было горячо? — протягивая породистую бѣлую руку Дракуле, сказалъ Великій Князь. — Но ваши молодцами держались?

— Мои ничего. Ополченцамъ было трудно. Первый разъ въ бою — и такой огонь!... Порастерялись немного.

— Вотъ, Ваше Высочество, — говорилъ начальникъ участка, показывая на поля за желѣзнодорожными путями. Не доѣзжая шаговъ пятидесяти до этой лощинки, все и произошло. Очень низко разорвался ихъ снарядъ. Все покрылось дымомъ... Ничего разобрать нельзя. Потомъ, видимъ, орудіе скачетъ... А тамъ гдѣ это было — лежатъ люди и лошади, и оттуда пѣшкомъ

идеть дивизионеръ. Мы и опомниться не успѣли, какъ батарея уже открыла огонь.

— Никто не повѣритъ, — сказалъ Дракуле, — что въ современномъ бою такъ могло быть. Надо было это видѣть! Какъ на Красносельскомъ полѣ.

— Когда-нибудь, — тихо сказалъ Великій Князь, — художникъ-баталистъ вдохновится этимъ подвигомъ конной батареи и запечатлѣтъ его на полотнѣ.

— И никто не повѣритъ. Скажутъ: батальная картинка, — сказалъ Дракуле.

Арановъ въ коричневой мягкой папахѣ и изящной черкескѣ съ голубымъ башлыкомъ за плечами, тонкій, юношески стройный осклабился голымъ лицомъ и сказалъ Великому Князю.

— Ваше Императорское Высочество, не угодно-ли чаю, или вина? Наши ингуши на кухнѣ растопили печь, вода кипитъ, чай заваренъ.

— Нѣтъ.... Спасибо.... Разъ такъ тихо, я сейчасъ и обратно поѣду. Яковъ Борисовичъ торопитъ меня съ бумагами. — Великій Князь кивнулъ на своего начальника штаба.

Онъ не успѣлъ еще сойти съ платформы, какъ въ небѣ показался аэропланъ непріятеля. Великій Князь остановился и сталъ смотрѣть на него.

Начальникъ участка подошелъ къ Дракуле и сказалъ ему вполголоса:

— Надо постараться увести отсюда Великаго Князя. Какъ бы нѣмецъ не сталъ бросать бомбы.

Услыхаль-ли эти тихо сказанныя слова Великій Князь, или, подозрительный ко всему, что касалось его обереганія, догадался, о чемъ тихо говорили генераль съ командиромъ полка, онъ быстро повернулся къ Аранову.

— А впрочемъ, милый Александръ Ивановичъ, — пожалуйста... Я съ удовольствіемъ съ вами выпью чаю.

И, доставъ изъ большой кобуры бинокль, онъ сталъ разглядывать аэропланъ:

— Нѣмецкій Фоккеръ, — сказалъ онъ. — Черный крестъ отлично виденъ.

Ополченцы, а за ними и горцы, изъ окоповъ стали обстрѣливать аэропланъ. Застрѣляли и кашевары за станціей.

— Глупая, безцѣльная стрѣльба, — сказалъ Великій Князь. — Аэропланъ летитъ такъ скоро и такъ высоко, что попасть въ него можетъ только случайная пуля. А что она можетъ ему сдѣлать? Надо попасть въ самого летчика, или въ резервуаръ съ бензиномъ. Сколько я видѣлъ аэроплановъ съ прострѣленными пулями крыльями, сколько разъ разговаривалъ съ летчиками. Они за шумомъ мотора даже не слышатъ выстрѣловъ и свиста пуль. Зря тратятъ патроны, а ихъ и такъ у насъ много... Ага... Подаетъ какой-то сигналъ.

— Онъ замѣтилъ васъ, Ваше Императорское Высочество, — сказалъ начальникъ участка. Въ его голосъ была тревога.

— Александръ Ивановичъ, — обратился Дракуле къ Аранову, — скажи, дорогой, чтобы перестали стрѣлять.

Ординарцы побѣжали передавать приказаніе.

— Очень трудно, Ваше Высочество, остановить людей отъ этого. Такъ и кажется — попадешь и свалишь такую птицу. Наши вѣдь въ орловъ на Кавказѣ пулей попадали.

— Орелъ, Дракуле, паритъ на мѣстѣ, а этотъ летитъ со скоростью, чуть не сто верстъ въ часъ.

Гулъ летящихъ снарядовъ заставилъ всѣхъ примолкнуть. Лица генерала, Дракуле и Аранова стали напряженно блѣдны. Великій Князь, сохраняя полное спокойствіе, сказалъ, шутя, напоминая анекдотъ.

— Ну... Сашка, держись... Начинается!.. А что же чай?

— Готовъ, Ваше Высочество, — подъ гулъ тяжкихъ разрывовъ, особенно тщательно вытягиваясь, сказалъ Арановъ.

— Тяжелыми, — вздохнулъ Дракуле.

— Хорошая наводка.... По дымку, данному аэропланомъ. Всего сажень сто не добросилъ, — сказалъ начальникъ участка.

— Я сниму дымы разрывовъ. Отличный будетъ снимокъ. Борисъ! дайте мой аппаратъ.

— Надо подождать новыхъ, Ваше Высочество, — сказалъ Дракуле.

— Ждать не приходится.... Вотъ они..., — бросилъ Великій Князь и юношески легко побѣждалъ съ аппаратомъ къ дымамъ, откуда съ воемъ неслись осколки.

Снаряды разорвались почти на тѣхъ же мѣстахъ, лишь одинъ ударилъ подлѣ станціи, возлѣ кашеваровъ. Гремя и звеня поскакали назадъ кухни.

— Узнайте, что тамъ? — сказалъ, оборачиваясь, Великій Князь.

Еще осколки тяжело упали на землю, когда онъ, разставивъ ноги, нацѣлился аппаратомъ и, щеголяя своимъ спокойствіемъ, щелкнулъ затворомъ камеры.

Сдѣлавъ снимокъ, Великій Князь вернулся на перронъ. Онъ посмотрѣлъ на блѣдныя лица генераловъ и офицеровъ и понялъ, что волновались за него.

— Ваше превосходительство, — подходя къ начальнику участка, сказалъ полный молодой прапорщикъ ингушъ, — Саратовцы телефонятъ: не могутъ держаться.

— Какіе пустяки, — вспылилъ, быстро краснѣя, генералъ. Обстрѣлъ не по нимъ. Скажите имъ — Великій Князь на станціи и видитъ ихъ!

— Слушаюсь...

Великій Князь подошелъ къ широкой скамейкѣ, придѣланной къ стѣнѣ и покрашенной въ темно-коричневую краску. Два ингуша тамъ приготовили чай. Стояли стеклянные стаканы, желѣзные эмалированные кружки, жестянки съ печеньемъ и на серебряной бумагѣ лежали плитки шоколада.

— Ну, это совсѣмъ развратъ! Такое угощеніе, — сядь на широкую лавку, сказалъ Великій Князь. — Впрочемъ, подъ обстрѣломъ можно. Садитесь, господа. Прошу. Гдѣ достали стаканы?

Еще и еще ударили снаряды. Одни впереди, другіе сзади станціи. Теперь ожидали слѣдующихъ — въ самую станцію и потому никто изъ офицеровъ не отвѣтилъ на вопросъ Великаго Князя.

— Въ буфетѣ нашли, Ваше Императорское Высочество, — сказалъ за офицеровъ, наливавшій изъ желѣзнаго чайника чай ингушъ всадникъ.

Но третья роковая очередь не прилетѣла на станцію. Ангелъ Господень отвелъ руку непріятеля отъ Государева брата и не далъ ему умереть отъ руки врага. Ему уготована была страшная смерть отъ с в о и х ъ.

Нѣмцы такъ же неожиданно, какъ начали, такъ и прекратили обстрѣлъ. Тишина лѣтняго дня, грубо и рѣзко нарушенная орудійнымъ гуломъ и грохотомъ тяжелыхъ разрывовъ, снова стала кругомъ.

Великій Князь пилъ чай съ офицерами.

— Ваше Императорское Высочество, позвольте угостить васъ шоколадомъ миньонъ... Вчера изъ Петрограда получилъ, — предложилъ успокоившійся начальникъ боевого участка.

— Какіе счастливые — третья бригада!

— Идрисъ! — крикнулъ полный прапорщикъ ингушъ — принеси ту коробку, что вчера привезли генералу.

— Понимаю, ваша свѣтлость.

— Балуютъ, балуютъ васъ, — сказалъ Великій Князь, обращаясь къ начальнику участка. — Кто же это такой благодѣтель?

— Кому же и побаловать, какъ не женѣ.

— Пойдите — я сниму васъ здѣсь, и вы ей пошлете. Это будетъ интересный снимокъ — на позиціи.... Подъ обстрѣломъ.

Почти два часа пробылъ Великій Князь на станціи, ожидая новаго обстрѣла. Онъ считалъ неприличнымъ уѣхать раньше, и его начальникъ штаба, генералъ Юзефовичъ долженъ былъ смириться: бумаги подождутъ.

Въ восьмомъ часу Великій Князь садился на коня у станціи.

— Въ ваше распоряженіе, — сказалъ онъ провожавшему его начальнику участка, — я передаю восемь сотенъ Заамурской бригады. Онѣ стоятъ въ полутора верстахъ за вами. Ночью васъ смѣнитъ пѣхота... Я думаю... ничего не случится.

— Богъ дастъ, Ваше Высочество....

— Какой тихій вечеръ!...

Великій Князь шагомъ поѣхалъ по полямъ, направляясь къ шоссе.

Провожавшіе его начальникъ участка, командиръ бригады Заамурцевъ, полковникъ Дракуле и Арановъ долго слѣдили за нимъ.

До самага шоссе Великій Князь ѣхалъ шагомъ. Потомъ закурила пылью мягкая обочина — пошли рысью.

Солнце спускалось къ Днѣстру. Было спокойно и тихо въ тепломъ вечернемъ воздухѣ.

VIII.

Ополченцы, Дагестанцы и Ингуши сидѣли въ окопахъ заблаговременно укрѣпленной инженерами позиціи. На станціи Званецъ начальникъ участка, командиръ Заамурской конной бригады, полковникъ Дракуле, Арановъ и толстый прапорщикъ съ голубыми въ серебрѣ погонами Ингушскаго полка пили чай съ шоколадомъ. Знойный день догоралъ.

Отъ Заамурцевъ былъ посланъ въ сторону Подлещиковъ боевой разъѣздъ изъ восьми солдатъ при красавцѣ подпрапорщикѣ.

Въ той сторонѣ, скрытой мягкимъ перегибомъ пологого холма, поросшаго низкой пшеницей, два раза начиналась и сейчасъ же прекращалась ружейная трескотня. Но такъ было весь день, и никто на это не обратилъ вниманія.

Отъ станціи, отъ прозрачныхъ кружевныхъ акацій потянулись длинныя, холодныя тѣни.

— Ну, вотъ и день къ концу, — вздыхая, сказалъ Дракуле. — Богъ дастъ додержимся до смѣны.

Всѣ промолчали. Слышно было, какъ толстый прапорщикъ шумно дулъ на горячую кружку съ темнымъ и мутнымъ чаемъ, да за станціей скверными словами ругались кашевары ополченскихъ ротъ.

— Это что? — настораживаясь и протягивая руку

къ путямъ, сказалъ Арановъ. Его блѣдное, болѣзненное, не поддающееся загару лицо выразило тревогу и безпокойство.

Слѣва и даже, — такъ показалось, — сзади пропѣла протяжно излетная пуля. Другая шелкнула по перрону.

Всѣ встали. Начальникъ участка и Дракуле пошли къ краю платформы. Надъ станціей опредѣленно свистали пули. И совсѣмъ невѣроятно было ихъ направленіе.

— Но вѣдь тамъ... цѣлая бригада генерала Бунте, — сказалъ дрогнувшимъ голосомъ Дракуле.

— Да, должна была быть.

Изъ-за перегиба холма, скрывавшаго небосводъ, показались скачущіе на бѣлыхъ лошадяхъ люди.

— Сейчасъ узнаемъ, въ чемъ дѣло, — сказалъ начальникъ участка.

— Отъ этихъ ополченцевъ всего можно ожидать.

— Нѣтъ... Это австрійцы... Ихъ это выстрѣлы.

За скатомъ, и, казалось, совсѣмъ уже недалеко, двоили австрійскіе выстрѣлы: «та-пу!.. та-пу!.. та-пу!..» И все посвистывали надъ станціей на вѣтеръ пущенныя пули.

Рослый прапорщикъ — на груди призовая цѣпочка изъ скрещенныхъ ружей — подскакалъ къ станціи и у самага перрона вкопалъ широкогрудого монгола въ песокъ. Начальникъ участка быстро подошелъ къ нему.

— Что скажешь, молодецъ?

— Ваше превосходительство, и двухъ верстъ отседова нѣтъ, идетъ наша пѣхота сюда цѣпью... А за ею, слѣдомъ все поле, сколько видать, до самой рѣки — неприятель... Я насчиталъ шесть цѣповъ у его. Идутъ и пострѣливаютъ. Ходко идутъ... И двадцати минутъ не пройдетъ — здѣся будетъ.

Лицо начальника участка покрылось темною краскою.

— Этого не можетъ быть, — рѣзко крикнулъ онъ. — Вы ошиблись, подпрапорщикъ!

— Ваше превосходительство...

Но генералъ его не слушалъ. Развѣвая полами лег-

кой желто - сѣрой черкески, онъ быстро пошелъ къ станціонному двору, гдѣ въ тѣни акацій были вѣстовые съ лошадьми.

— Бурхановъ, — крикнулъ онъ.

Изъ толпы выдѣлился стройный черкесъ съ алымъ башлыкомъ за плечами. Онъ побѣжалъ съ двумя лошадьми къ генералу.

— Прикажешь что-нибудь сказать по телефону въ штабъ? — спросилъ генерала Дракуле. Генераль, не отвѣтивъ, провѣрилъ пальцемъ подпруги сѣдла своей лошади.

— Ты понимаешь... Тамъ великій князь.... Тамъ обо-
зы всего корпуса... Паника будетъ.. Нехорошо, — говори-
лъ, задыхаясь отъ волненія, Дракуле.

Генераль уже сидѣлъ въ сѣдлѣ на небольшой чистокровной, поджарой рыжей лошади.

— Пока я не вернусь — ничего не говори... Я самъ все скажу...

— Твое дѣло.... Великій Князь, однако... Предупредить надо.

— Э! голубчикъ, лучше тебя знаю, — съ отчаяніемъ крикнулъ генераль.

Онъ сжалъ ногами лошадь и стрѣлою кинулъ ее на холмъ, къ тому перегибу, откуда прискакалъ только что подпрапорщикъ. Навстрѣчу пулямъ. Далеко сзади него, рѣя алымъ башлыкомъ, скакалъ, нахлестывая плетью лошадь, его ординарецъ черкесъ Бурхановъ.

Дракуле и Арановъ остались на краю перрона.

— Что онъ?.. съ ума сошелъ? — пожимая плечами, сказалъ Дракуле.

— Да... положеньице. Кажется еще не было такого, — проговорилъ, поджимая тонкія губы Арановъ.

И оба, беззавѣтно храбрые люди, опустивъ головы, пошли къ оставленному ими чаю.

Почувствовавшіе что-то опасное ополченскія кухни, сопровождаемые кашеварами, гремя и звеня, поѣхали рысью, удаляясь отъ станціи. И по тому, какъ быстро опустѣли отъ нестроевого люда станціонные дворы, всѣмъ стало ясно:

Надвигалась катастрофа!

IX.

Петрикъ сидѣлъ съ Кудумцевымъ и Ферфаксовымъ на краю оврага. Онъ прослѣдилъ, какъ уѣхалъ со станціи Великій Князь. Онъ успокоился — Великому Князю не грозила опасность. Обстрѣлъ станціи кончился, и опять стояла тишина. Гдѣ-то далеко, у самыхъ Подлещиковъ, пострѣливали, но уже къ этому привыкли, и выстрѣлы эти дополняли и точно подчеркивали мирную тишину окружающихъ балку полей.

Говорили о конныхъ атакахъ.

— Я считаю, — сказалъ Кудумцевъ, — что при современномъ огнѣ кавалерійскія атаки абсолютно невозможны. Видалъ, какъ взяли въ оборотъ станцію... Ну, такъ же возьмутъ и кавалерію.... Да, просто, лошади не пойдутъ на этотъ грохотъ разрывовъ.

— Моя пойдетъ, — спокойно сказалъ Петрикъ. Онъ перекусилъ зубами бывший у него во рту стебелекъ и, выплюнувъ конецъ, добавилъ: — да вѣдь онѣ, атаки-то эти были, однако, и какія удачныя... Слыхалъ про атаку барона Врангеля?.. А какъ Саблинъ атакowałъ!.. Мой знакомый!.. — Въ голосѣ Петрика прозвучала гордость.

— Случай.

— Э, милый мой... На войнѣ всегда и вездѣ случай. Вотъ и Суворову говорили, что ему де везетъ... Счастье... А знаешь, что онъ отвѣтилъ?

Кудумцевъ промолчалъ.

— Сегодня счастье, завтра счастье — надо же когда-нибудь и умъ.

— Сказки арабскія!... Не тѣ времена теперь!.. Какой огонь!..

— Вотъ мы учили въ тактикѣ, что конница можетъ атаковать преимущественно потрясенную боемъ, разбитую, отступающую пѣхоту. А я думаю... я думаю... Наоборотъ...

Петрикъ замолчалъ. Ему жаль было исповѣдывать свои затаенныя, годами взлелѣянныя мысли и мечты передъ человѣкомъ, не могущимъ ихъ понять. Онъ сорвалъ новую былинку и закусилъ ее зубами.

— Ты думаешь? — съ живымъ интересомъ спросилъ Ферфаксовъ.

Петрикъ посмотрѣлъ на его оживленное, до предѣла, до черноты загорѣвшее лицо и сказалъ:

— Я думаю не только разстроенную.... Именно наоборотъ... Вотъ она — идетъ побѣдоносная, гоня врага передъ собою. Она только что испытала страшное напряженіе нервовъ, одерживая побѣду и сламливая сопротивление непріятеля. Она, какъ переполненная чаша — прибавъ каплю — и прольется. И вотъ тутъ-то и атаковать!.. Ты понимаешь это, Факсъ? Она побѣдила, но она дошла до предѣла и драться больше она не можетъ.. Вотъ, когда самое-то время атаковать!

— Построить карре, — пожимая плечами, холодно и, Ферфаксову показалось, — враждебно, сказалъ Кудумцевъ, — замкнется въ крѣпости свинца и штыковъ и разстрѣляетъ конницу, какъ куропатокъ.

— Не разстрѣляетъ, — чуть слышно, поднимая къ небу сѣро-голубые глаза, прошепталъ Петрикъ.

— Ваше высокоблагородіе, — раздался съ вершины оврага голосъ Похилко, къ намъ скачутъ. — Бригадный нашъ, и еще кто-й-то въ черкескѣ.

— Ну? — поднимаясь на ноги, сказалъ Петрикъ.

— Бригадный машутъ фуражкой.... Круги надъ головою дѣлаютъ, чтобы, значить, сядились... — докладывалъ Похилко.

— Вѣрно и по домамъ, — зѣвая, сказалъ Кудумцевъ. — Пора и ужинать. Догадались ли наши кашевары, что намъ сготовить?

— Я приказалъ курицу сварить, — сказалъ Ферфаксовъ.

— По конямъ! — скомандовалъ Петрикъ.

Знакъ командира бригады увидали и въ другихъ сотняхъ.

По всему оврагу раздавались команды полковыхъ и сотенныхъ командировъ: — «по конямъ!.. по конямъ!.. садись!».

Когда всадники подскакали къ оврагу въ немъ уже выравнивались, звеня пиками, взводы. Тѣсно жались монгольскіе бѣлые кони.

По указаніямъ прискакавшаго генерала въ черкескѣ, сотня за сотней, во взводныхъ колоннахъ, торопливою рысью выѣзжали изъ оврага. Никто не зналъ, куда? Зачѣмъ? Можетъ быть, и правда: по домамъ, на ночлегъ?

Но головныя двѣ сотни 21-го полка взяли направленіе туда, откуда по прежнему, двоя, раздавались выстрѣлы. Двѣ другія его сотни получили особую задачу и остались въ оврагѣ. Петрикъ видѣлъ, какъ въ нихъ слѣзали для спѣшеннаго боя люди и примыкали штыки. Сотня Петрика, разравнявшись, когда выѣзжала изъ оврага, выскочила на широкое поле и пошла во взводной колоннѣ за 21-мъ полкомъ. Оглянувшись, Петрикъ увидалъ, что за нимъ слѣдовала только сотня Бананова, остальные двѣ сотни ихъ полка остались въ оврагѣ. Ихъ колонну лихимъ карьеромъ обогналъ генералъ въ черкесскѣ, за нимъ скакали ихъ бригадный и Старый Ржондъ. Солнце скрылось за небосводъ. Алые потоки расплывались по небу за Днѣстромъ. Сотни шли навстрѣчу закату полую, къ непріятелю, и Петрикъ чутьемъ угадалъ: для конной атаки.

Онъ оглянулся на сотню. Хмуро и сосредоточенно строго было лицо Кудумцева. За нимъ стройнымъ рядомъ видны были лица солдатъ. Они были спокойны. На четвертомъ взводѣ темнобронзовое лицо Ферфаксова расплывалось въ улыбку.

Все шло хорошо. И какъ передъ тѣмъ, какъ пускаютъ на большой стипль-чезъ — поднялось теплое волненіе отъ сердца, приглушило слухъ и притупило зрѣніе. Петрикъ сквозь него почувствовалъ, что ему, какъ сотенному командиру, надо что-то дѣлать, что-то сказать. И онъ звонко, наигранно строгимъ голосомъ крикнулъ:

— Чище равненіе!.. Подбери поводъ!

Легкимъ уклономъ вверхъ шли передъ нимъ поля молодой пшеницы и что было за ними, не было видно. Колонна изъ четырехъ сотенъ поднимала золотистую пыль и она относилась теплымъ вечернимъ вѣтеркомъ назадъ. Старый Ржондъ изъ головы колонны скомандовалъ:

— Въ резервную колонну... Ма-аршъ... Направление по 1-й сотнѣ двадцать второго...

Шедшая передъ Петрикомъ сотня 21-го полка взяла лѣвымъ плечомъ и стала пристраиваться правѣ головной сотни. Обнажившій шашку, какъ на ученьи, Петрикъ указалъ Кудумцеву правое плечо и поскакалъ въ головѣ сотни, пристраиваясь лѣвѣ. За нимъ скакала сотня Бананова. Полкъ сомкнулся въ почти правильный квадратъ, гуще стала пыль и гулче топотъ ногъ четырехъ сотенъ лошадей.

Небосводъ по-прежнему былъ закрытъ. До перегиба холма оставалось съ версту.

— Въ линію колоннъ — распѣвно скомандовалъ Старый Ржондъ. — Маршъ!

Сотня Петрика была направляющей. Отъ него оторвались вправо сотни 21-го полка. Банановъ завелъ свою сотню влѣво къ шоссе.

И только разошлись — Старый Ржондъ, тоже вынудившій шашку, скомандовалъ:

— Строй фронтъ!

Сотня Петрика щегольски развернулась по знаку. Бѣлая линія коней волной поднималась на холмъ.

— Строй лаву!..

Петрикъ и съ нимъ Банановъ, а лѣвѣ его командиры сотенъ 21-го полка бодро въ голосъ скомандовали:

— Сотня, шашки вонъ, пики на бе-дро!

Все шло, какъ на ученьи, на ихъ Манчжурскомъ полѣ, гдѣ «по старинѣ», требуя во всемъ отчетливости, училъ ихъ Старый Ржондъ.

— Строй лаву!... Маршъ!

Жидкій строй маленькихъ бѣлыхъ лошадей съ хмурымъ нависшими надъ ними пиками занялъ все поле, раздвинувшись, больше чѣмъ на версту: отъ желѣзной дороги до шоссе.

Только одно выдавало волненіе людей: рысь стала торопливой и широкой, кое-гдѣ лошади скакали наметомъ.

Совсѣмъ незамѣтно надвинулся перегибъ холма.

Х.

Широкий съ него открылся видъ передъ Петрикомъ.

Поля полого, безкрайной, зеленой скатертью спу-
скались къ невидной еще рѣкѣ. Они замыкались цѣпью
рѣдкихъ деревьевъ въ голубоватой дымкѣ. За нею, кар-
тинно, желто-розовыми обрывами, и осыпями, зелены-
ми холмами и увалами поднимался въ лиловой тѣни ве-
чера непріятельскій берегъ. Въ золотѣ безмятежно и бе-
зоблачно заходящаго солнца вдругъ красными, точно
злыми очами вспыхнули молніиныя сверканія. Не
успѣлъ Петрикъ разобрать, что это было, какъ небо
заскрежетало желѣзнымъ скрежетомъ и загудѣло на-
встрѣчу ихъ сотнямъ. Гдѣ-то сзади, должно быть, тамъ,
гдѣ клубилась поднятая лошадьми пыль, раздались пол-
ные, густые взрывы шрапнельныхъ разрывовъ. Имъ на-
встрѣчу донесся гулъ многихъ орудій изъ-за Днѣстра.

Петрикъ понялъ: непріятельская артиллерія откры-
ла по нимъ огонь. Это не удивило его и не испугало.
Такъ и должно было быть.. Война!

Злобные, огневые глаза снова блеснули за рѣкой,
посылая навстрѣчу сотнямъ металлическій гулъ летя-
щихъ снарядовъ.

Солдаты безъ команды, пошли наметомъ. Малень-
кія лошадки катились клубкомъ. Все, что было вокругъ,
столько разъ бывало на мирныхъ ученьяхъ и маневрахъ.
Но все показалось инымъ. Солнце зашло за рѣку. Въ
свѣтѣ вечерней зари плоскими казались предметы. Все
то, что было кругомъ, — было неясно. Точно все это
видѣлъ Петрикъ во снѣ. Онъ туго соображалъ.
Во рту было сухо. Мутная пелена застилала глаза.
Сквозь нее Петрикъ увидалъ, что поле было полно
людей. Такъ бывало на большихъ маневрахъ, когда онъ
служилъ на нѣмецкой границѣ въ Маріенбургскомъ пол-
ку. Ближе всего была цѣпь нашихъ солдатъ. Неуклюжіе
и тяжелые ополченцы, въ мѣшкахъ и неловко вздѣтыхъ
скаткахъ, погромыхая котелками и кружками, бысто
шли навстрѣчу Заамурцамъ. Вороты сѣрыхъ, замыз-

ганныхъ землею, пропитанныхъ потомъ рубахъ были разстегнуты. Темныя лица — много было пожилыхъ бородатыхъ — были растеряны. Глаза смотрѣли безумно. И, когда проскакивалъ мимо нихъ, Петрикъ, какъ сквозь сонъ услышалъ, что они бормотали побѣлѣвшими сухими, черною пылью покрытыми губами:

— Свои!.. свои!...

Дальше поле голубѣло отъ «его» солдатъ. Они казались горбатыми отъ высоко вздернутыхъ ранцевъ. Они шли многими цѣпями. Они останавливались и будто стрѣляли, но ни выстрѣловъ, ни свиста пуль Петрикъ не слышалъ. Въ ушахъ гудѣлъ вѣтеръ — отъ скачки-ли, отъ волненія, что того-ли, что это было, какъ во снѣ.

Должно быть тотчасъ же, какъ увидалъ ихъ Петрикъ, и они увидали его и его Заамурцевъ. Среди нихъ произошло замѣшательство. Одни остановились и, бросивъ ружья, подняли вверхъ руки — и видъ этихъ людей былъ жалокъ, смѣшонъ и гадокъ. Другіе сбѣгались въ кучки, и стрѣляли. Третьи легли на землю. Точно въ трубкѣ калейдоскопа кто-то повернулъ битыя стеклышки и другимъ узоромъ легли они на зеленомъ полѣ.

Какъ-то разомъ, порывомъ, и опять безъ команды, лавы сорвали и понесли карьеромъ. Петрику пришлось попустить Одалиску, чтобы солдаты его не обогнали. Онъ оглядѣлся. Лѣвѣе, на мѣстѣ командира 2-ой сотни, скакалъ бѣлый коренастый монголъ Бананова, но самого Бананова на немъ не было. Не было и трубача. Петрикъ посмотрѣлъ назадъ. Сколько тамъ бѣлыхъ пятенъ легло по зеленому полю! Оно все, точно клочьями снѣга, было ими усѣяно. Петрикъ отвернулся и взглянулъ на командира полка. Старый Ржондъ вдругъ склонился на шею своего кабардинца и упалъ. Нога осталась въ стремени. Волочащееся тѣло остановило старого коня. И только тогда Петрикъ услышалъ жуткій и непрерывный свистъ пуль. Ему вдругъ показалось, что пули летятъ плотной стѣной и невозможно сквозь эту пулевую стѣну проскочить.

— Господи помилуй? — мелькнула въ головѣ короткая, жадная молитва.

И больше не было ни мыслей, ни соображенія.

Въ то же мгновеніе дикое и жуткое раздалось ура. Петрикъ оказался противъ растерянно стоявшаго, разставивъ ноги австрійскаго пѣхотинца.

Петрикъ былъ отъ него въ такомъ разстояніи, въ какомъ ставили на учебной рубкѣ чучела. И австріецъ стоялъ неподвижно, какъ чурбанъ. Петрикъ рубанулъ. Было ощущеніе тяжелаго вязкаго удара, и слегка засушило руку въ кисти.

Точно этимъ ударомъ Петрикъ остановилъ бѣшеный огонь непріятеля. Сразу стало томительно тихо, какъ было тихо до этой атаки. Не стрѣляли пушки зарѣкою, не били ружья и Петрикъ задержалъ скокъ Одалиски. Теперь все стало яснѣе. Сонъ проходилъ. Петрикъ видѣлъ, какъ солдаты сгоняли въ толпы плѣнныхъ австрійцевъ. Ферфаксовъ скакалъ наискось къ Петрику. Съ нимъ было человѣкъ пять солдатъ.

— Петъ Се-ичъ... Пет-Се-ичъ! — задыхаясь, кричалъ онъ, и концомъ шашки показывалъ вправо и впередъ. Тамъ, куда онъ показывалъ, были низкіе кусты. У этихъ кустовъ мостилось теперь человѣкъ восемь австрійцевъ, и Петрикъ ясно увидалъ: они устанавливали пулеметъ. Онъ сейчасъ же понялъ Ферфаксова. Онъ крикнулъ въ пространство, — никого близко не было, — «за мной!» и бросилъ Одалиску на пулеметъ.

Дуновеніемъ смерти задулъ пулеметъ. Пламя мелькало изъ дрожащаго ствола. Петрика рѣзко ударило по груди и по животу. Онъ закрылъ на мгновеніе глаза. Ему казалось, что онъ все еще скачетъ. Но, когда онъ открылъ глаза, пулеметъ былъ въ томъ же разстояніи — шагахъ въ шестистахъ отъ него. Ферфаксовъ и солдаты почему-то опередили Петрика.

Они налетѣли на пулеметъ, и, срываясь съ лошадей, падали на него. Человѣка четыре австрійцевъ бѣжали въ стороны отъ кустовъ. Петрикъ собралъ всѣ свои силы, чтобы понять, что же случилось. И съ тоскою въ сердцѣ осозналъ, что онъ не скачетъ, а сидитъ въ очень неловкой позѣ на землѣ. Шашка съ намотаннымъ на кисть темлякомъ тяжело давила ему руку. Въ двухъ шагахъ лежала Одалиска. Она жалобно застонала. Петрикъ хотѣлъ подойти къ ней. Но онъ не могъ встать.

Отъ страшнаго ощущенія безпомощности и неподвижности ставшаго точно чужимъ тѣла зашевелились подъ фуражкою волосы. Стоны Одалиски были еще страшнѣе и мучительнѣе, и Петрикъ собралъ всѣ свои силы и поползъ къ ней.

«Я раненъ?.. Куда я раненъ?» — впервые понялъ онъ. Одалиска почуяла хозяина. Она съ несказанно печальнымъ вздохомъ приподняла голову, чуть слышно, одними храпками, коротко успокоенно заржала и положила голову на колѣни Петрику.

Сердце Петрика точно облилось кровью.

— Что съ тобою, милка? — прошепталъ онъ сухими губами и хотѣлъ поцѣловать лошадь въ полуприкрытые вѣками страдающіе глаза. Но сейчасъ же ужасная боль во всемъ тѣлѣ сломила его. Грудь, животъ, ноги — все было залито чѣмъ-то горячимъ и липкимъ. У Петрика потемнѣло въ глазахъ. Божій день померкъ передъ нимъ. Быстро крутясь, — отъ чего мучительная подступала къ горлу тошнота — стремительнымъ ураганомъ понеслись мысли и воспоминанія.

Темнѣло кругомъ. Точно ночь наступала. Заледенѣли ноги.

Спина безсильно согнулась. Не было болѣе силы въ хребтѣ. Кровь залила лицо.

Что-то холодное коснулось пылающихъ щекъ. Петрикъ упалъ ничкомъ. Запахъ земли вошелъ въ него. Что-то родное и далекое было въ немъ.

Пахло... Когда и гдѣ такъ пахло? Но уже не могъ вспомнить. Очнулся на мигъ. Ему казалось, что онъ прошепталъ, но онъ только подумалъ:

— Благодарю тебя, Господи, что послалъ мнѣ солдатскую смерть!

И повернулся лицомъ къ небу.

XI.

Ферфаксовъ сидѣлъ на травѣ подлѣ пулемета. Онъ гладилъ его по кожуху, какъ гладилъ когда-то свою собаку Бердана и безсмысленно говорилъ: — «пулеметь... мой пулеметь.... вотъ и пулеметь.... и ничего такого»..

Лысенко въ залитой кровью — не своей, а чужой, — рубашкѣ держалъ за поводья трехъ лошадей. Солдатъ Рудь, громадный, тяжелый, лежалъ, раскинувъ крестомъ руки, въ двухъ шагахъ отъ него. Похилко пучкомъ сорванной травы стиралъ кровь съ бѣлой шеи своей монголки. Кругомъ было напряженно, ужасно, нестерпимо тихо. Ферфаксову казалось, что никого больше отъ ихъ полка не осталось — Лысенко и Похилко живые — Рудь мертвый. Весь міръ сомкнулся около пулемета, какъ въ кружкѣ, который видишь въ бинокль.

Ферфаксовъ ни о чемъ не думалъ, но каждымъ нервомъ, каждою жилкою ощущалъ, что онъ-то живъ, здоровъ, цѣлъ и невредимъ. Чудо вынесло его — и вотъ этихъ двухъ: Лысенко и Похилко, изъ ада, куда онъ попалъ, самъ не понимая какъ.

«И артиллерія насъ била... И стрѣляли... и пулеметы»...

Онъ опять погладилъ пулеметь по кожуху и уже болѣе сознательно сказалъ:

— Пронесло... Пулеметь... А вѣдь это же мой пулеметь!

Гордость засверкала въ его глазахъ и чуть расширилось поле зрѣнія. Но лежащіе недалеко отъ него Петрикъ и Одалиска еще не вошли въ него.

Сзади, оттуда, откуда они скакали, раздался знакомый сигналъ.

Кавалерійская труба пѣла и надрывалась, играя «сборъ». Тогда вдругъ все стало ясно и четко видно. Ферфаксовъ увидалъ прежде всего ихъ бригаднаго. Онъ былъ еще далеко, примѣрно въ верстѣ. Онъ стоялъ на полѣ, и за нимъ былъ трубачъ, игравшій сборъ.

Ферфаксовъ, Похилко и Лысенко сѣли на лошадей.

— Захвати пулеметъ, — сказалъ Ферфаксовъ.

— Понимаю, — отвѣтилъ Лысенко.

Когда тронулись, Ферфаксову казалось, что по тускнѣющему въ угасающемъ днѣ полю только они трое и идутъ. Они тронули шагомъ. Потомъ заржавшія лошади напомнили имъ, что по сигналу «сборъ» полагается собираться рысью.

Тогда Ферфаксовъ съ удивленіемъ разглядѣлъ, что поле покрыто всадниками на сѣрыхъ лошадяхъ, такъ же, какъ и они, рысью идущими на сборъ.

Стороною, человѣкъ двадцать заамурцевъ гнали толпу людей въ синеватыхъ шинеляхъ.

«Батюшки! — подумалъ Ферфаксовъ, — да вѣдь это же плѣнные!»

И, угадывая его мысли, Похилко, широко улыбаясь, сказалъ:

— Человѣкъ надо быть — поболѣ двухсотъ наши забрали....

Ферфаксовъ проѣзжалъ мимо Петрика и Одалиски. Оба показались ему мертвыми. Онъ снялъ фуражку и перекрестился. Первымъ намѣреніемъ его было слѣзть, но труба настойчиво звала его. «Можетъ быть, снова въ бой»? Повинуясь ей зову, Ферфаксовъ толкнулъ шпорамъ коня и галопомъ проскакалъ мимо Петрика.

Кругомъ томящая и жуткая стала тишина. Ее разрывали звуки сигнальной трубы, повторявшіе сигналъ сбора.

ХІІ.

Собрались и подсчитались. Ни Старого Ржонда, ни Кудумцева, ни Бананова, ни Петрика не оказалось передъ полкомъ. Ферфаксовъ сталъ передъ сотнею. Едва два взвода набралось за нимъ.

Генералъ въ черкескѣ подскакалъ къ полку. Онъ горячо, сорвавъ съ головы рыжую папаху, нѣсколько разъ благодарилъ полкъ за блестящую несравненную лихую

атаку, спасшую положеніе, обнялъ и поцѣловалъ ихъ бригаднаго, приказалъ подсчитать трофеи, составить свѣдѣнія объ убитыхъ и раненыхъ, и вихремъ умчался къ станціи Званецъ.

Тамъ еще ничего не знающіе о томъ, что произошло, въ тревогѣ и волненіи его ожидали полковникъ Дракуле, Арановъ, ординарцы и всадники вѣстовые.

Усталый и потный генералъ — жаркій былъ вечеръ и жаркое было дѣло, — ничего не отвѣчая на разспросы Дракуле, лишь знакомъ показавъ слѣдовать за нимъ, хлебнулъ мимоходомъ изъ чьей-то кружки холоднаго чая и быстро прошелъ на телефонъ. Телефонистъ въ черкескѣ услужливо подалъ ему трубку.

— Штабъ дивизіи? Попросите генерала Юзефовича къ телефону. — хриплымъ, взволнованнымъ, ломающимся голосомъ сказалъ онъ.

Въ ожиданіи, все такъ же, молча, онъ вытеръ съ лица потъ и пыль. Дракуле, Арановъ, прапорщикъ ингушъ стояли подлѣ. Они терпѣливо ожидали. По лицу генерала они видѣли, что случилось что-то чрезвычайное — и не плохое. Была — побѣда?... Но какъ?.. Такъ быстро?.. О побѣдѣ говорило и вдругъ затихшее въ надвигающейся ночи поле и торжественно важный видъ ихъ начальника.

— Ты, Яковъ Борисовичъ?... Да... сейчасъ все доложу и расскажу... Раньше не хотѣлъ васъ беспокоить.... Потому и не доносилъ... Да... Доложи Его Императорскому Высочеству: въ началѣ двадцатаго часа я получилъ словесное донесеніе, что непріятель силою двухъ батальоновъ переправился черезъ Днѣстръ у Подлещиковъ, сбиль наши ополченскія части и на плечахъ у отступающей нашей пѣхоты идетъ къ станціи Званецъ. Онъ находился въ это время верстахъ въ двухъ съ половиною отъ Званца. За нимъ переправлялась пѣхота силою двухъ полковъ... Да... Совершенно вѣрно... Положеніе катастрофическое... Непріятель выходилъ намъ во флангъ и въ тылъ... Да... конечно... Никогда не удержали бы... Кромѣ всего: тройное превосходство силъ. Я рѣшилъ его атаковать въ конномъ строю Заамурцами...

Генералъ сдѣлалъ паузу. Онъ самъ волновался и не

могъ говорить. У него сперло дыханіе въ горлѣ. Окружающіе его подумали, что онъ сдѣлалъ перерывъ для большаго эффекта.

— Четыре сотни Заамурцевъ во главѣ со своимъ бригаднымъ генераломъ Егорлыковымъ и командиромъ полка полковникомъ Ржондпутовскимъ двумя лавами на триста шаговъ одна отъ другой атаковали непріятеля... Онѣ сбили его. Порубили болѣе двухсотъ чловѣкъ... Слишкомъ двѣсти ведутъ плѣнныхъ... Взяты пулеметы. Переправившіеся было австрійцы ушли обратно за Днѣстръ.... Они убрали три своихъ батареи.... Сейчасъ?.. Полная тишина... Наши потери.... Выясняю... Значительны... Командиръ полка тяжело раненъ.... Изъ четырехъ сотенныхъ командировъ два убиты и одинъ раненъ. Почти всѣ офицеры переранены... Около половины нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя... Ожидая сбора раненыхъ, тогда донесу подробнѣ.... Что?.. Постой... Не слышу... Вы, Ваше Императорское Высочество?.. Радъ стараться... Слушаю... Ротмистръ Ранцевъ?.. На рыжей кровной лошади?... Когда собрался полкъ и я благодарилъ людей, я не видѣлъ такого. Должно быть убитъ... Какъ только соберу свѣдѣнія, доложу... Помилуйте... Покорно благодарю... Радъ стараться...

Сіяющій, красный, онъ повернулся къ Дракуле.

— Ну, милый мой, не подвела конная атака... Она всегда, во всѣхъ трагическихъ дѣлахъ несетъ побѣду...

— Да, Расскажи подробнѣ.

— Сейчасъ... Пошли раньше людей съ носилками собрать раненыхъ и убитыхъ... Да офицера съ ними...

Была ночь, и полный мѣсяцъ свѣтилъ надъ полемъ. За Днѣстромъ, гдѣ часъ тому назадъ, ревѣли пушки оглушительной канонады, гдѣ торопливо синюю рѣкою по мосту лилась вражеская пѣхота, была томящая, мертвая тишина. Таинственнымъ и страшнымъ въ этомъ молчаніи ночи казалось посеребренное луною поле. Съ него непрерывно и жалобно неслись стоны раненыхъ и молящія крики австрійцевъ, призывавшихъ о помощи: — «алло! алло!»...

Ферфаксовъ, унтеръ-офицеръ Похилко и съ ними пять солдатъ съ носилками пошли въ это поле искать

своего командира. Они вышли за линію заставъ и секретовъ. Дальше была невѣдомая и страшная полоса, разорванная было нашей атакой и снова легшая между нами и имъ. Дальше живыхъ нашихъ уже не было. Лежали только мертвые. Они были кругомъ. Бѣлыя тѣла монголокъ серебрились въ лунномъ свѣтѣ. Подлѣ нихъ, раскинувъ руки, кто ничкомъ, кто изогнувшись, лежали наши солдаты. Еще больше было убитыхъ австрійцевъ.

Тихо крались по этому полю, покрытому мертвецами, офицеръ и солдаты. Луна постоянно обманывала. И то, что тогда, когда въ закатныхъ огняхъ скакали въ атаку, казалось близкимъ, теперь было такъ далеко, что, казалось, до утра не дойдешь. Они шли молча, озираясь. Каждый мигъ ожидали окрика австрійскаго часового и выстрѣла на короткѣ. Но тихо было поле. Лишь стонали люди и кто-нибудь молилъ по русски: — «воды!... воды... испить... Братцы... православные. Не забудьте... Спасите!».

И затихалъ...

— Сюда, ваше благородіе, — шопотомъ позвалъ Ферфаксова Похилко.

— Да, развѣ?

— Здѣсь мы свернули.... Тутъ... вонъ онъ и кусть.

Вдали точно цѣлый взводъ стоялъ — темнѣлъ кусть.

— Вотъ онъ, Рудъ лежитъ... Тоже забрать бы надо... Нехорошо такъ-то... Тутъ... недалеко и они лежатъ.

Луна была высоко. Хороводъ перламутровыхъ облачковъ окружалъ ее. Въ ея обманчивомъ свѣтѣ Ферфаксовъ увидалъ Петрика. Тотъ неподвижно лежалъ на спинѣ. Его лошадь положила голову ему на грудь и храпками касалась подбородка.

Ферфаксовъ склонился къ своему другу. Онъ коснулся головы лошади. Тверды и жестки были храпки. Одалиска была мертва. Солдаты оттащили ее отъ своего командира и стали снимать сѣдло и уборъ. Когда оттаскивали голову лошади съ груди Петрика, тотъ тихо застоналъ и что-то сказалъ невнятно. Ферфаксовъ едва разобралъ слова:

— Солнышко!.. Мама!.. мама!..

Петрика положили на носилки.

Медленно, въ ногу шли солдаты съ носилками. Ферфаксовъ шелъ сзади. По его бурому лицу текли слезы.

«Зачѣмъ его... Не меня»... — думалъ онъ. — «Я холостой... Что я скажу теперь командиршѣ? Господи, хотя бы выжилъ онъ... Онъ... побѣдитель».

И вспомнилъ, какъ въ Ляхедзы, Петрикъ, вернувшись отъ Замятина, въ день объявленія войны, зашелъ къ нему въ комнату, взялъ Библию и прочиталъ ему вслухъ изъ Апокалипсиса: — «Побѣждающему дамъ вкушать отъ древа жизни»... — «Побѣждающій не потерпитъ вреда отъ второй смерти»... И бѣлый камень ему — Георгіевскій крестъ! Такъ говоритъ: — «держашій семь звѣздъ въ десницѣ Своей, ходящій посреди семи золотыхъ свѣтильниковъ»... *).

И вѣруя, почитая за величайшее для себя счастье, если Петрикъ будетъ жить, думая только о немъ и не думая о себѣ, о своемъ подвигѣ, — Ферфаксовъ, сердито крикнулъ:

— Да не идите вы въ ногу.... Вы такъ больше его трясете.

На его голосъ, изъ луннаго призрачнаго свѣта кто-то, и такъ неожиданно, что Ферфаксовъ вздрогнулъ, и всѣ остановились, испуганно окрикнулъ:

— Стой, кто идетъ?

— Свои.... свои... — отозвались испугавшіеся солдаты. — За ранетыми ходили.

ХШ.

На станціи Званецъ раненыхъ ожидали присланные Великимъ Княземъ автомобили и лазаретныя линейки корпусной «летучки». Ферфаксовъ сдалъ на нихъ Петрика, а самъ вернулся къ своей сотнѣ. Многія его ожида-

*) Откровеніе Святаго Іоанна. Гл. 2.

ли заботы. За раненіемъ Кудумцева, онъ оказался единственнымъ офицеромъ въ сотнѣ и принялъ ее. Унтеръ-офицера Похилко онъ назначилъ вмѣсто убитаго вахмистра и вмѣстѣ съ нимъ сталъ приводить въ порядокъ сотню, подсчитывать потери и составлять о нихъ вѣдомости. За этимъ не видѣлъ, какъ прошелъ день и некогда было думать о Петрикѣ. Подъ вечеръ пришло приказаніе идти на позицію. Въ эти грозные для Русской арміи дни каждый человѣкъ былъ на счету. Надо было во что бы то ни стало сдержать напиравшихъ на насъ австрійцевъ.

И опять невозмутимо спокойно садилось за Днѣстръ равнодушное солнце, и длинныя тѣни тянулись отъ всадниковъ и назадъ склоненныхъ пикъ. Вмѣсто Стараго Ржонда полкъ велъ ротмистръ Штукельдорфъ. Онъ велъ такъ же, не торопясь. Когда подходили къ станціи Званецъ, Ферфаксовъ увидалъ въ сторонѣ отъ шоссе, на полѣ, группу людей и большой деревянный крестъ у громадной разрытой могилы. На осыпяхъ красной земли длинной шеренгой лежали убитые солдаты — ихъ замурцы. Санитары стояли подлѣ съ лопатами. Сестра милосердія въ свѣтло-коричневой юбкѣ съ бѣлымъ передникомъ, опустила на колѣни и замерла въ тоскѣ, охвативъ руками большой крестъ. Странно знакомой показалась она Ферфаксову: совсѣмъ Валентина Петровна. За Ферфаксовымъ, поджавъ хвостъ, брелъ его вѣрный Берданъ. Точно онъ сознавалъ важность и святость минуты. Оглянулся и онъ, повилялъ кончикомъ своего хвоста, но не отошелъ отъ хозяина. И еще оглянулся Ферфаксовъ. Розовыми лучами заходящаго солнца былъ залитъ крестъ. И онъ и сестра подлѣ него казались изваянными изъ розоваго мрамора. Санитары засыпали могилу. Чуть донеслось оттуда пѣніе нѣсколькихъ солдатскихъ голосовъ. Пѣли «вѣчную память».

Было поползновеніе у Ферфаксова и у его Бердана отойти отъ строя и посмотреть, что тамъ такое и кто, знакомый и дорогой, тамъ лежитъ, навсегда засыпаемый землей. Берданъ вопросительно посмотрѣлъ на Феѣ факсова. Былъ грустенъ и строгъ взглядъ его хозяи-

на. Круче поджалъ хвостъ старый Берданъ и, опустивъ голову, шелъ за старымъ своимъ другомъ Магнитомъ.

На позиціи новыя заботы обступили Ферфаксова. Фронтъ оторвался отъ тыла. Раненые, оставшіеся въ тылу, не могли написать. Здоровые долго не знали, куда увезли раненыхъ, въ какіе госпитали ихъ положили и куда имъ писать. И Ферфаксовъ долго ничего ни о комъ не зналъ.

Позиція шла по рѣкѣ Днѣстру. По самому берегу были не очень искусно нарыты окопы. Впереди шагахъ въ тридцати тянулась на кривые дрючки намотанная въ три ряда проволока. Сзади участка, занятаго 1-ой сотней 22-го полка была большая деревня. Въ ней мирная текла жизнь, несмотря на то, что непріятель пострѣливалъ и что днемъ не безопасно было ходить по ея широкой и прямой улицѣ, обсаженной деревьями. Доцвѣтали акаціи. Ихъ пряный ароматъ кружилъ по вечерамъ голову и навѣвалъ мирныя мысли. Днемъ на позиціи было тихо. Солдаты грѣлись на солнцѣ и спали, прижавшись къ песчанымъ осыпямъ брустверовъ. Ночью къ окраинѣ деревни пріѣзжали отъ резерва походныя кухни, и люди повзводно ходили обѣдать. Въ эти ночные часы ярко свѣтила полная луна, и австрійцы, потревоженные шумомъ на Русской позиціи, часто пускали свѣтлящія ракеты и стрѣляли наугадъ.

Впереди у самой воды, на бродахъ стояли наши заставы и отъ нихъ высылались секреты. Здѣсь Заамурцы смѣняли Дагестанцевъ. Аккуратный Ферфаксовъ, — школа Ранцева въ немъ сказывалась, — самъ ходилъ на эту смѣну. Онъ заставлялъ Дагестанскую заставу поголовно спящей. Онъ будилъ всадниковъ и, когда срамилъ ихъ, слышалъ флегматично спокойный отвѣтъ:

— Твоя боишься — не спи. Моя его никакъ не боишься — моя спи. Да ты не бойся: онъ меня шибко боится. Онъ на меня никакъ не пойдетъ.

Такъ, утрясаясь, шла жизнь, и конная ихъ атака отходила въ прошлое и вытѣснялась новыми заботами и некогда было о ней думать. Но, когда выпадала минута поспокойнѣе, Ферфаксовъ постоянно думалъ о своемъ сотенномъ командирѣ, а еще того болѣе о командиршѣ.

Ночь наступила незамѣтная и несказанно прекрасная въ лунномъ свѣтѣ. Было тихо и тепло. Рѣдко на звось пострѣливали изъ австрійскихъ окоповъ. Двоящіеся выстрѣлы: «та-пу... та-пу» никого не волновали: къ нимъ привыкли. Сладокъ былъ духъ цвѣтушихъ деревьевъ. Какая-то колдовская красота и сила была въ озаренной луннымъ сіяніемъ деревнѣ. Бѣлыя мазанья халупки стояли, какъ какіе-то дворцы. Ферфаксовъ шелъ по улицѣ между ними, направляясь къ кухнѣ. Здорово хотѣлось ему ѣсть. Онъ думалъ о томъ, какъ мудро все устроено у Господа и какъ тѣло съ его запросами идетъ на помощь духу, и духъ помогаетъ, когда надо, тѣлу. Издали уже пахло вкуснымъ малороссійскимъ борщомъ. Его такъ искусно варили Заамурцы. Повеселѣвшій Берданъ бѣжалъ впереди, указывая дорогу. Кашеваръ фамильярно, по родственному, привѣтствовалъ Ферфаксова.

— Живы, ваше благородіе... Вотъ попробуйте, чего я наварилъ. Я у поляковъ (онъ Галичанъ называлъ поляками) бураками разстарался. Помидорная растирка у нихъ оказалась. Славныя вышли у меня щи, хотя самому Императору подать, такъ и то не стыдно.

— Ты, Хвыля, самъ себя не хвали. Подожди, чтобы люди тебя похвалили.

— Помилуйте, ваше благородіе, первый взводъ уже кушалъ. Очень даже одобрили. Господинъ вахмистръ Похилко, такъ они даже три котелка опростали. Вотъ онъ, какой у меня борщъ вышелъ!... Да, вы только откушайте, сами увидите, что Хвыля хвалиться не думаетъ. Хвыля такъ уже заученъ, чтобы всегда правду говорить.

И точно борщъ вышелъ на славу. Ферфаксовъ принялся за второй котелокъ, и подумалъ, что и онъ будетъ подражать Похилкѣ и потянется за третьимъ, но какъ разъ въ это время къ нему прибѣжалъ солдатъ связи и доложилъ, что Великій Князь идетъ по окопамъ.

Ферфаксовъ спряталъ ложку и, на ходу подтягивая ремни пояса и аммуниціи, побѣжалъ на свой участокъ.

Со стороны австрійцевъ пострѣливали. Ракеты свѣтили порхающимъ мертвеннымъ свѣтомъ, но не могли

затмить свѣта полнаго мѣсяца. Рѣдкія посвистывали пули. Великій Князь шелъ по верху по натопанной надъ окопами тропинкѣ, не обращая на нихъ вниманія.

Ферфаксовъ встрѣтилъ его рапортомъ.

— А... Это сотня того доблестнаго офицера, у котораго была такая прекрасная лошадь? Онъ вѣдь тяжело былъ раненъ въ этой замѣчательной атакѣ? Вы ничего о немъ не знаете?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Высочество. Какъ вынесли его (Ферфаксовъ не счелъ нужнымъ сказать, что это онъ вынесъ своего командира), такъ съ тѣхъ поръ я ничего о немъ и не слыхалъ. Я даже не знаю, куда его отправили.

— Ну, такъ я вамъ, поручикъ, скажу. Онъ живъ. Но будетъ ли жить, одному Господу то извѣстно. Восемь раненій изъ пулемета. Три въ грудь, два въ животъ и три въ ноги. А его лошадь осталась цѣла?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Высочество. Кобылица его смертельно была ранена и умерла, положивъ голову на грудь своему хозяину. Такъ ихъ и наши.

— Картина, Ваше Императорское Высочество, — сказалъ кто-то изъ адъютантовъ.

— Не картина, Борисъ, а сама Божія правда. Впрочемъ, конечно, и картина... У насъ назовутъ такую — слащавой.... Да жизнь-то гораздо красивѣе, чѣмъ мы думаемъ, и боимся изображать ея подлинную красоту.

Великій Князь сказалъ это, въ какомъ-то находясь раздумьи. Потомъ спросилъ Ферфаксова:

— У васъ все тихо?

— Третій день тишина, Ваше Императорское Высочество.

— Такъ пострѣливаетъ понемногу, — сказалъ сопровождавшій Великаго Князя полковникъ Дракуле. — Но никого еще не подбилъ.

— И слава Богу, — Великій Князь снова обратился къ Ферфаксову. Видимо нравился ему простоватый, въ черноту загорѣвшій, скромный офицеръ.

— Вашъ резервъ далеко отсюда?

— Всего двѣ версты, Ваше Императорское Высочество.

— Туда верхомъ можно проѣхать?

— Такъ точно. Прямо по дорогѣ до перваго хутора.

— Проводите меня туда.

За деревней, въ блистаніи мѣсяца было совсѣмъ свѣтло. По узкой и мягкой дорогѣ растянулись въ длинную кавалькаду. Ъхали по одному и по два. Луна отбрасывала отъ всадниковъ голубыя тѣни на рожь. Казались таинственными призраками эти мягко и плавно несущіяся по низкой ржи тѣни.

— Ваше Императорское Высочество, — сказалъ ѣхавшій почти рядомъ съ Великимъ Княземъ ротмистръ Арановъ, — посмотрите какое странное сіяніе на тѣни надъ вашей головой.

Всѣ посмотрѣли на тѣнь Великаго Князя и потомъ на свои.

Тѣни были такъ четки, что каждый могъ себя и другихъ узнать. Надъ прозрачною голубою тѣнью Великаго Князя, окружая его голову, какъ бы нимбомъ, какъ пишутъ святыхъ на иконахъ, легъ прозрачно золотой вѣнчикъ.

— Это у всѣхъ такъ, — сказалъ Великій Князь. — Это рожь даетъ такой отблескъ.

И опять всѣ, вдругъ замолкшіе приглядѣлись къ тѣнямъ.

Сіяніе нимбовъ было только надъ Великимъ Княземъ, полковникомъ Дракуле и его братомъ, всадникомъ Ингушскаго полка.

— Это такъ кажется, — сухо сказалъ Великій Князь и тронулъ лошадь рысью. За нимъ потянулись люди его свиты. Всѣ почему-то молчали и какъ-то точно украдкой поглядывали на неслышно несущіяся за ними тѣни. Смотрѣлъ и Ферфаксовъ. Видѣлъ точно: только три тѣни изъ пятнадцати были отмѣчены странными нимбами, золотисто прозрачными, невѣдомыми и таинственными.

Рожь кончилась. На лугу сіянія нимбовъ исчезли. Скоро и сама луна зашла за тучи и тѣней вовсе не стало. Шли рысью и молчали.

Было что-то странное въ этихъ прозрачныхъ и точ-

но призрачныхъ нимбахъ, вдругъ появившихся и исчезнувшихъ. Точно изъ міра невидимыхъ кто-то какой-то подаль знакъ. Что означало это призрачное сіяніе?.. Вѣнецъ мученичества и смерти, или вѣнокъ славы и побѣды? Но долго никто ничего не говорилъ, и всѣ почему-то запомнили это явленіе.

Великій Князь доѣхалъ до резервныхъ сотенъ, но не остановился у нихъ, молча, пожалъ руку Ферфаксову и галопомъ поскакалъ къ своему штабу.

XIV.

Окровавленное и гноящееся тѣло Петрика было доставлено въ санитарномъ вагонѣ въ Кіевъ и направлено въ лучший госпиталь, состоявшій подъ непосредственнымъ присмотромъ и попеченіемъ Великой Княгини Анастасіи Николаевны. Она настояла, чтобы его бмыли, осмотрѣли и самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдовали всѣ его страшныя раненія.

— Только понапрасну будетъ мѣсто занимать, — сказали ей. — Всѣ почти раны смертельныя. Разложеніе въ полномъ ходу. Смерть неизбежна. Только чудо можетъ спасти его.

— Ну и будемъ молить Господа о чудѣ, и Господь спасетъ, а мы сдѣлаемъ все, что въ нашихъ человѣческихъ силахъ, — спокойно и настойчиво сказала Великая Княгиня.

Все это сквозь свое полунебытіе Петрикъ слышалъ. Онъ не молилъ о чудѣ. Онъ не боялся смерти. Вѣдь онъ всегда ее желалъ и именно такую «солдатскую» смерть. Конечно, еще было бы лучше, если бы это было на самомъ полѣ сраженія рядомъ съ Одалиской. Онъ точно и сейчасъ ощущалъ тяжесть конской головы на больной груди. Смерть въ военномъ госпиталѣ отъ ранъ была тоже не плохая для солдата смерть. И напрасно думалъ докторъ, что раненый ничего не слышитъ. Раненый все слышалъ и обо всемъ соображалъ. Онъ и о своемъ Солнышкѣ въ эти минуты подумалъ: «умретъ онъ отъ ранъ, она полную пенсію получитъ». Эта мысль

мелькнула, впрочемъ, такъ, между прочимъ. Потомъ все путались мысли, смежались сладковатымъ небытіемъ, полною путаницей, сномъ, сквозь который только сквозили, не останавливая вниманія, ощущенія внѣшняго міра. Такъ на минуту онъ очнулся отъ крайне болѣзненнаго прикосновенія къ его ранамъ. Онъ застоналъ, но сейчасъ же вспомнилъ, что солдату стонать не полагается и запѣлъ:

Подъ зеленою ракией
Русскій раненый лежалъ
И къ груди, штыкомъ пробитой
Крестъ свой мѣдный прижималъ...

Впрочемъ, это только ему казалось, что онъ поетъ эту пѣсню. Ему даже казалось, что онъ ее очень хорошо и выразительно поетъ, во всякомъ случаѣ очень трогательно. На дѣлѣ же онъ мучительно стоналъ. Его тѣло дергалось, и два лазаретныхъ служителя и сестры съ трудомъ могли его удерживать на лазаретномъ столѣ.

И опять, какъ уже и раньше, слышалъ сквозь сонную дрему слова:

— Только чудо можетъ спасти его.

Онъ теперь вѣрилъ въ чудо.

И оно явилось.

XV.

Чудо пришло въ видѣ необычайно внимательнаго ухода, какимъ его окружила въ лазаретѣ его хозяйка, Великая Княгиня, а потомъ и въ видѣ появленія при немъ сестры милосердія — самой Валентины Петровны.

Валентина Петровна пріѣхала на фронтъ черезъ два дня послѣ раненія Петрика. Она кинулась разыскивать мужа. Нелегко было это сдѣлать. Но и ее искали по приказанію Великой Княгини, и она нашла Петрика вскорѣ послѣ операціи, когда спасеніе его зависѣло исключи-

тельно отъ умѣлаго и непрерывнаго ухода. Надо было чтобы кто-нибудь всего себя ему отдалъ и этимъ чело-вѣкомъ и стала Валентина Петровна. Распоряженіемъ хозяйки госпиталѣ ей съ раненымъ была отведена отдѣльная комната, и въ ней замкнулась Валентина Петровна и вступила въ непрерывную борьбу со смертью.

Въ эти долгія недѣли, глядя на неподвижно, безъ сознанія лежащаго мужа, Валентина Петровна точно перегорала въ какомъ-то внутреннемъ огнѣ. Въ немъ безъ остатка сжигалось ея прошлое. Съ какою-то страшною, необычайною силою загорѣлась въ ней любовь, и любовь эта была совсѣмъ новая. Будто такъ неожиданно и до жестокости грубо прерванная ея материнская любовь къ похищенной дочери вспыхнула снова и обратилась на этого большого и тяжелаго ребенка, безпомощно отдававшагося ея ласкѣ и уходу.

Она не чувствовала своей жертвы. Великой Княгинѣ приходилось насильно выпроваживать ее на прогулку и хотя на недолгій отдыхъ. Валентина Петровна шла въ Софійскій соборъ молиться. Только молитва ее могла утѣшить. Въ горѣ, такъ ей казалось, приходило къ ней прощеніе и забвеніе прошлаго. Если выздоровѣтъ, вѣрнѣе, воскреснетъ отъ ранъ ея Петрикъ — вся жизнь ея начнется сначала: все будетъ по-новому. Не будетъ стоять между ними ея позорное прошлое. Она писала Танѣ. Она готовила въ Петербургѣ, подальше отъ фронта, квартиру. Она боялась и думать о томъ новомъ, на этотъ разъ полномъ, ничѣмъ не затемненномъ счастьи, которое ее ожидало, если онъ поправится, если удастся ей вырвать его отъ смерти.

Все это время Петрикъ былъ во власти сновъ, грезъ, міра невидимыхъ, овладѣвшаго имъ и не желавшаго отдавать его Валентинѣ Петровнѣ, и онъ не чувствовалъ и не понималъ того, что происходило кругомъ него.

Онъ очнулся первый разъ, сознательно открылъ глаза и потянулся, какъ ребенокъ къ открытому настежь окну.

Въ комнатѣ не было солнца, но золотые его лучи наполняли все за окномъ и прозрачные отсвѣты вливались легкими струями въ высокую бѣлую комнату. И отъ

нихъ была въ ней какая-то живительная радость. Окно было въ кружевѣ вѣтвей цвѣтущей липы. Ея благоуханіе входило въ комнату вмѣстѣ съ золотымъ свѣтомъ, и Петрику показалось, что это солнечные отсвѣты несутъ сладкій запахъ. Радость жизни охватила его, и онъ потянулся всѣмъ тѣломъ и оглядѣлся. Онъ сразу увидѣлъ свое Солнышко. Въ небытіи, въ мірѣ невидимыхъ, онъ постоянно ощущалъ ея незримое присутствіе, и чувствовалъ ея борьбу за него. Она была безъ сестринской косынки, и волосы ея были такъ непривычно убраны въ простую гладкую прическу. Большія косы были завязаны крѣпкимъ узломъ на затылкѣ. Не было ея милыхъ локоновъ и завитковъ ни на лбу ни на вискахъ. И на головѣ волосы лежали просто, безъ блестящихъ изгибовъ. Она была совсѣмъ новая и еще болѣе прекрасная. Жена и мама. Обѣ вмѣстѣ. И кого онъ любилъ больше онъ не зналъ. Еще увидалъ Петрикъ въ солнечныхъ отблескахъ, что рѣдкія серебряныя нити протянулись сквозь золото волосъ. Онѣ не портили, но вносили въ ея обликъ нѣчто серьезное и трогательное. На лицѣ по прежнему не было морщинъ, но маленькія ямочки внизу щекъ, куда-то исчезли. Въ нихъ такъ любилъ цѣловать Валентину Петровну Петрикъ и, когда ихъ не стало, лицо стало серьезнымъ и точно недоступнымъ, но и несказанно милымъ. Мама и жена, обѣ вмѣстѣ, и, потому, каждая вдвойнѣ милая.

Петрикъ посмотрѣлъ на Валентину Петровну и улыбнулся. И она улыбнулась ему. Безпредѣльная ласка и любовь были въ ея улыбкѣ. Онъ потянулся къ ней обѣими руками, какъ когда-то тянулась къ ней ея Настя, и она взяла его за горячія руки.

— Солнышко — тихо сказалъ Петрикъ. — Ты?...

Онъ не спросилъ ее, какъ она оказалась здѣсь, какъ онъ самъ очутился въ этой свѣтлой, золотомъ солнечныхъ лучей напоенной комнатѣ: все это онъ зналъ еще тогда, когда невидимый міръ окружалъ его и когда около него шла борьба за его жизнь.

— Солнышко, — повторилъ онъ. Что могъ онъ сказать больше этого? Въ этомъ словѣ было все: и любовь, и ласка, и вѣра въ спасеніе, ибо все черезъ солнце и все

отъ него. Онъ могъ бы сказать еще слово: «мама», — но онъ не посмѣлъ его сказать: она была его женой. И еще могъ онъ на нее молиться, какъ Богу, но чувствовалъ, что она только посредница между нимъ и Богомъ. Слезы навернулись на его глазахъ.

Онъ ихъ закрылъ. И опять началась фантасмагорія борьбы съ невидимымъ міромъ, но на этотъ разъ она продолжалась не долго. Когда онъ снова открылъ глаза, сильнѣе былъ запахъ липоваго цвѣта. Вся листва была пронизана красными отблесками. Солнце садилось.

Онъ взялъ руку Валентины Петровны и потянулъ ее къ своимъ губамъ. Она поднесла ее. Онъ ее поцѣловалъ.

— Ты знаешь, Солнышко: Одалиска убита.... Она умерла.

Это было такъ естественно, что онъ сейчасъ же вспомнилъ про свою лошадь. Валентина Петровна знала, что была для Петрика его Одалиска.

— А твой Мазепа?

— Онъ въ полку.

— Хорошо ли ходятъ за нимъ?

И сейчасъ же его мысли обратились къ полку.

— Что Старый Ржондъ? Я видѣлъ какъ онъ упалъ съ лошади. Живъ ли онъ?

— Онъ былъ только раненъ и вернулся къ полку. Мнѣ Ферфаксовъ писалъ.

— А милый Факсъ. — Ласковая улыбка блѣдною тѣнью прошла по лицу Петрика.

— Онъ командуетъ твоей сотней.

— А гдѣ теперь нашъ полкъ?

— Этого я точно не знаю. Кажется, все въ тѣхъ же мѣстахъ.

— Кудумцевъ?

— Кудумцевъ былъ легко раненъ. Теперь опять въ строю. Командуетъ Банановской сотней.

— Какъ хорошо, — прошепталъ Петрикъ.

— Что хорошо?

— Да, всѣ оказались такими хорошими солдатами. Гордиться можно полкомъ.

— Всѣ вы, я слышала, представлены къ георгіевскимъ крестамъ.

— Не это важно... А жаль...

Онъ не договорилъ. Онъ не хотѣлъ ее огорчать

— А что теперь на фронтѣ? — быстро спросилъ онъ.

— Ничего... Все то же...

— Плохо?.. Ты скажи... Я не испугаюсь... Я ко всему готовъ.

— Нѣтъ.. Было даже наступленіе. Наши взяли много плѣнныхъ.

— Ну, слава Богу!.. Патроновъ, говорятъ, мало, — еле слышно сказалъ Петрикъ, — а какъ имъ и быть, когда ихъ совсѣмъ не берегутъ. Не по-Суворовски ведутъ себя.

Эта короткая бесѣда утомила его. Онъ закрылъ глаза и снова забылся. Но съ этого дня пошло выздоровленіе.

XVI.

И опять Великая Княгиня властно вмѣшалась. Она потребовала, чтобы Валентина Петровна съ Петрикомъ поѣхали въ Ялту. Она устроила имъ двѣ комнаты совсѣмъ отдѣльно и окружила изъ Кіева своимъ не ослабѣвающимъ вниманіемъ и заботой. Но поправлялся Петрикъ медленно.

На фронтѣ желѣзная шла борьба. Но точно чего-то не хватало нашимъ. Съ ужасомъ прочиталъ въ газетахъ Петрикъ, что наши оставили Варшаву. Невозможнымъ и непоправимымъ это казалось ему. Штабъ, однако, нашелъ это возможнымъ и неизбежнымъ. Отступали.... Поговаривали, что, если надо, и Кіевъ отдадутъ. Подготавливали эвакуацію Петрограда. Ничего этого никакъ не могъ понять Петрикъ. — «Отступление — пораженіе, гибель», — такъ учили его на школьной скамьѣ.

Закатывалась слава Русской арміи, и долго Петрикъ не могъ понять, что же тамъ случилось? Онъ понималъ это только весною, когда на одной прогулкѣ, —

его возили въ колясочкѣ и это было ему почему-то очень стыдно, — они встрѣтили Стасскаго.

Была нѣжная и точно больная Крымская весна. Цвѣли мимозы. Ночью налетѣла съ горъ снѣжная вьюга, а съ утра стало такъ тепло, хотъ и лѣту впору и снѣжные хлопья обращались въ маленькія лужицы воды, и тѣ исчезали, дымясь прозрачнымъ туманомъ. На цвѣтущихъ камеліяхъ бѣлыми клочьями ваты налипъ снѣгъ. Море было синевы необычайной. Красота несказанная была повсюду. Скалы Алупки были розовыя и прозрачныя, точно и не изъ гранита были онѣ.

Валентина Петровна вывезла Петрика за Ливадію и вмѣстѣ съ пріѣхавшей къ ней Таней катила колясочку съ раненымъ по сырому скрипучему гравію. Навстрѣчу ей показался худой, костлявый старикъ. Онъ шелъ въ легкой парусиновой разлёткѣ. Сѣрая шляпа съ широкими полями закрывала его лицо. Валентина Петровна не узнала его. Только странно знакомыми и зловѣщими показались ей торчащія изъ-подъ шляпы космы грязныхъ сѣдыхъ волосъ. Когда они поравнялись, старикъ снялъ шляпу, взмахнулъ ею и сказалъ:

—Валентинѣ Петровнѣ мое почтеніе.... А... воинъ! Ну какъ?

Пришлось остановиться. Петрикъ молчалъ. Не находила, что сказать и Валентина Петровна. Ихъ тяжелое молчаніе нисколько не смутило Стасскаго.

— Ну, что же, воюемъ... Это хорошо: для Франціи стараемся. Мнѣ Стаховичъ говорилъ... Вы знаете его, конечно, членъ Государственной Думы... И какой!.. Октябристъ!.. Вотъ какіе нонче люди военными дѣлами заниматься стали. Ничего не подѣлаешь, батюшка, коли ваши-то никуда не годятся. Нынче война не чета прежнимъ... Суворовскимъ-то... Лѣтомъ, сказывалъ мнѣ Стаховичъ, пятнадцать милліоновъ Россейскихъ мужичковъ на фронтъ поставятъ, Европу защищать. Вотъ это я понимаю!

— А скажите?.. — Петрикъ очень смутился, — скажите?... вы думаете... мужички-то эти будутъ воевать?..

— Ну, какъ.. Заставятъ!! Это ваше уже дѣло погнать ихъ!.. Въ окопы что-ли посадите... Какъ у союзничковъ..

Отъ моря и до моря создадите сплошной окопъ... Не мнѣ васъ учить...

— А, если?.. Разбѣгутся...

— Рассейскіе-то? Да что вы, голубчикъ, не вамъ это мнѣ говорить. Это я, интеллигентъ, штафирка такъ могу судить.

— Вѣдь это не солдаты же будутъ, а мужики.

— Во фронтъ поставятъ, вотъ вамъ и солдаты. Чего еще надо...

Стасскій увидалъ какого-то знакомаго и, снявъ шляпу и кинувъ: «мое почтеніе, Валентина Петровна, мое вамъ, воинъ», — пошелъ къ какому-то пожилому чело-вѣку въ длинномъ штатскомъ на мѣху не по теплomu дню пальто.

Петрикъ попросилъ, чтобы его везли домой. Всю дорогу онъ молчалъ. Напрасно Валентина Петровна показывала ему, какъ красиво налипъ на камеліяхъ снѣгъ, онъ даже не повернулъ головы, посмотрѣть на нихъ. Онъ не слушалъ, что говорила Таня. Свои были мысли у него.

«Пятнадцать милліоновъ мужиковъ гонятъ на фронтъ» — думалъ онъ. — «Пятнадцать милліоновъ! — а кто ихъ будетъ обучать? Есть ли офицеры для этого? Вотъ въ ихъ полку сколько ихъ выбыло. Пришелъ ли кто на смѣну? А, можетъ ли Россія дать эти пятнадцать милліоновъ? Не выпаживаемъ ли мы Россію? А что, если она станетъ, какъ паровое поле и потребуеъ отдыха, какъ требуетъ его выпашь? Отдыхъ, — вѣдь это миръ или, по крайней мѣрѣ, перемиріе»? Онъ вспоминалъ всѣ длительныя войны. И во времена Наполеона бывали перемирія, когда давали выпажанному людскому полю отдохнуть, чтобы съ новыми силами начать войну.

«Пятнадцать милліоновъ мужиковъ гонятъ на фронтъ», — все думалъ онъ, — «да нужна ли этакая сила? Кто это потребовалъ? союзники, или такіе, какъ Стасскій, не признающіе военнаго искусства, бранящіе Суворова и Скобелева и теперь ставшіе военными авторитетами?»

«Нѣтъ, надо самому. Надо поправляться во что бы то ни стало. А то какъ же эти то пятнадцать милліоновъ

безъ офицеровъ-то? Необученные они. Ихъ въ бой то не вести, а гнать придется, гнать, какъ скотину! Они за нами не пойдутъ».

Сердце сжималось болью.

Его подвезли къ ихъ дачѣ. Солдатъ санитаръ и Таня хотѣли, какъ всегда, вынести его.

— Нѣтъ... я самъ... самъ...

Но самъ не могъ. Со стономъ отчаянія, весь поблѣднѣвъ и обезсилѣвъ отъ боли, онъ повалился на руки подоспѣвшей къ нему Валентины Петровны и, слабо и жалко улыбаясь, пробормоталъ, такъ что только одна Валентина Петровна могла разобрать, то что онъ говоритъ:

— Выпашь... выпашь... выпашь!...

XVII

Съ этого дня Петрикъ сталъ очень внимательно слѣдить за своимъ здоровьемъ и тщательно выполнять всѣ предписанія врача. Ему указали особую гимнастику, онъ дѣлалъ ее съ рѣдкой настойчивостью и упорствомъ. И онъ началъ поправляться и крѣпнуть. Валентинѣ Петровнѣ радоваться бы. Она не радовалась. Онъ выздоравливалъ не для нея. Та страшная соперница, что оставила было его, вернулась снова и предъявила свои права на Петрика, и онъ потянулся къ ней. Онъ забылъ, какъ и какими трудами выходила его Валентина Петровна. Теперь онъ не думалъ о своемъ Солнышкѣ.

Какъ хорошо было зимой, когда Петрикъ, совсѣмъ слабый, прикованный къ постели или къ креслу, часами слушалъ ея чтеніе. Они перечитали тогда столько и прозы, и стиховъ. Пушкинъ, Лермонтовъ показались имъ новыми и несказанно красивыми. Про лошадь Казбича читали три раза подрядъ, и слезы были на глазахъ у Петрика. Перечитали и Гоголя, и Достоевскаго, и Мордовцева, и Лѣскова, и Тургенева, и Гончарова, и Кре-

стовскаго. Гр. Толстого читали съ благоговѣйнымъ вниманіемъ.

— Господи, какъ хорошо!.. — вздыхалъ Петрикъ. — Солнышко, еще разъ конецъ этой главы... Какъ онъ это все знаетъ. Вотъ совсѣмъ, какъ и я тогда думалъ. А ты, Солнышко? Ты тоже такъ думала? Какъ это можно такъ?

Они читали и новыхъ писателей. Зачитывались Чеховымъ, Куприна «Поединокъ» перечитали два раза подрядъ, читали Андреева, Бунина, Горькаго... Счастливые это были вечера. Большой, пострадавший ею ребенокъ былъ съ нею, а не челоуѣкъ долга. Теперь все это измѣнилось. Точно пришелъ Стасскій, и злобная тѣнь его затмила ея покойное тихое счастье. Теперь Петрикъ отказался отъ чтенія любимыхъ писателей. Его потянуло къ газетѣ. На прогулкѣ, — онъ начиналъ ходить самъ, опираясь на ея или на Танину руку, — онъ все искалъ встрѣчъ съ пріѣзжими съ фронта. Онъ знакомился и жадно разспрашивалъ о томъ, что дѣлается на войнѣ. Онъ дѣлалъ свои выводы, доставалъ различные уставы и наставленія и читалъ ихъ одинъ.

— Дай, я тебѣ почитаю, — скажетъ Валентина Петровна.

— Нѣтъ, я самъ... Тебѣ это неинтересно.

Онъ не замѣчалъ, что обижалъ ее этимъ.

Когда узналъ, что было совѣщаніе и что Куропаткинъ и Эвертъ отказались наступать и напросился одинъ Брусиловъ и ничего, кромѣ частной побѣды не вышло, онъ горячо говорилъ: «я ихъ понимаю... Пятнадцать милліоновъ!.. Да вѣдь кого? Развѣ можно съ ними... съ такими то?.. Отказались наступать... Да надо быть послѣдовательными и отказаться воевать... Отдохнуть надо... Научиться».

Онъ думалъ теперь только о войнѣ и къ ней готовился.

Крымская осень наступала. Золотая Ялта млѣла въ солнечныхъ лучахъ, благоухала ароматомъ розъ и фруктовъ. Мальчишки татары продавали виноградъ. По набережной носились легкіе фаэтоны подъ бѣлымъ парусиновымъ тентомъ. Купальни были полны купальщи-

ковъ. Толпы ходили по набережной. Больше солдаты, присланные на поправку, въ оборванныхъ грязныхъ шмеляхъ, безъ хлястиковъ сзади, ходили съ сестрами, лущили сѣмячки, или стояли, опираясь на костыли. Петрикъ не обращалъ на нихъ вниманія. Онъ зналъ, что это «выпашь», уже порастающая чертополохомъ и лопухами и отдыхающая подъ солнцемъ благословеннаго Крыма.

Онъ шелъ вдвоемъ съ Валентиной Петровной, шелъ, не опираясь на ея руку и только палка была у него. Она помогала ему на подъемѣ.

Петрикъ взялъ ее поперекъ.

— Вотъ видишь, я могу... И даже совсѣмъ безъ палки...

Онъ шелъ легко и бодро. Они оставили городъ за собою и направились къ кладбищу. Тамъ менѣе былолюдно. Они сѣли на скамью у воротъ. Кладбище утромъ приняло свои жертвы и теперь отдыхало. Отъ высокихъ пыльных кипарисовъ терпко пахло. Точно запахъ вѣчности шелъ отъ нихъ. Передъ ними былъ каменный обрывъ. За нимъ голубое и тихое простиралось море. За бѣлымъ моломъ притаился миноносецъ. Петрикъ и не замѣтилъ его сначала. Вправо, полукругомъ, вдавалась въ берегъ бухта. На круглой галькѣ черныя лежали рыбацкія лодки. Дальше крутымъ амфитеатромъ млѣла въ солнечныхъ лучахъ жемчужная Ялта. Чуть доносился говоръ толпы на набережной. Бѣлыя зданія гостинницъ возвышались на горѣ. Надъ ними рѣяли въ тихомъ воздухѣ красно-крестные флаги. Отъ моря пахло іодомъ водорослей и рыбой. Отъ города шли цвѣточные ароматы. Зубцы горъ Ай Петри были въ розовыхъ закатныхъ лучахъ и точно сквозили. Здѣшнія горы не казались Валентинѣ Петровнѣ такими страшными, какъ горы Манчжуріи. Она спокойно посмотрѣла на нихъ.

— А гдѣ то теперь наша Настенька?.. Жива ли она, бѣдняжка?.. Можетъ быть, даже лучше, если она умерла, — сказала Валентина Петровна и тяжело вздохнула.

Петрикъ промолчалъ. Онъ думалъ о другомъ. Она положила свою руку на его. Онъ тихо пожалъ ее.

«Клингъ-клянгъ... Клингъ-клянгъ»..., — мелодично

и такъ красиво, какъ красивъ бываетъ звукъ только на морѣ, пробили на миноносцѣ склянки.

Петрикъ вздрогнулъ и быстро, точно какое то рѣшеніе пришло ему въ голову, всталъ.

— Пойдемъ, Солнышко.

Онъ взялъ палку, какъ шашку въ пріемѣ «шагомъ» и, не беря подъ руку, какъ дѣлалъ это раньше, Валентину Петровну, сталъ бодро, подлаживаясь подъ ея шагъ, спускаться къ Ялтѣ.

На лицѣ Петрика застыла какая то восторженная озабоченность. Валентина Петровна сбоку съ тревогой посмотрѣла на него. Точно отбитыя склянки на миноносцѣ что то сказали Петрику.

На набережной была толпа. Нарядныя дамы смѣшались съ солдатами, среди офицерскихъ кителей попадались изящные штатскіе костюмы. Ялта жила полною вечернею жизнью, забывъ про войну. Ярko горѣли огни «бюскопа». Толпа стояла у кассы. Вечерніе сумерки тихо наступали. Разомъ вспыхнули длинной чередой большіе круглые фонари надъ набережной. Загорѣлись огни и въ окнахъ магазиновъ съ пестрыми пріѣвшими выставками восточныхъ и японскихъ бездѣлушекъ. Навстрѣчу имъ шла нарядная дама съ офицеромъ. Дама вела на своркѣ темно коричневую англійскую борзую. Поджимаясь на короткомъ шагу, изогнувъ спину, какъ это дѣлала Ди-ди Валентины Петровны, борзая шла, настороживъ трубочками нѣжныя уши. Валентина Петровна задержала шагъ и залюбовалась собакой. Петрикъ поймалъ ея взглядъ.

— Солнышко, заведи себѣ собаку, — сказалъ онъ. Онъ сказалъ это совсѣмъ просто, но въ этотъ вечеръ все для Валентины Петровны уже имѣло особое значеніе. Она насторожилась. И онъ сейчасъ же почувствовалъ ея настороженность, и уже продолжалъ съ особою настойчивостью.

— Конечно, заведи. Тебѣ веселѣе будетъ.

— Мнѣ съ тобою и такъ очень хорошо. Другого веселья мнѣ не надо.

Это было сказано тоже совсѣмъ просто, но въ этотъ вечеръ они понимали слова не только по ихъ наружно-

му значенію. Они точно читали въ душѣ одинъ у другого. И холодно стало на душѣ у Валентины Петровны.

— Нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ. Заведи. Можно отыскать и левретку. Можно дать объявленіе въ газеты, или поѣхать въ собачникъ.

— Такой собаки, какъ была моя Ди-ди, не можетъ быть. Я не хочу больше имѣть собаку.

Они замолчали, и Валентина Петровна чувствовала, что еще немного молчанія и Петрикъ еще дальше уйдетъ отъ нея. Въ страхѣ она сказала то, что часто и раньше мучило ее.

— Ты никогда не думалъ, касатка, почему Христосъ никогда и нигдѣ не говоритъ о животныхъ. Точно ихъ и нѣтъ.

— Онъ пришелъ въ міръ спасти не животныхъ, но людей. Объ этомъ надо спросить у Факса. Онъ силенъ въ Писаніи... А я?.. Куда мнѣ такой философскій разговоръ!

Въ его словахъ не было сухости, но Валентина Петровна эту сухость уловила и сказала съ несвойственной ей наставительностью:

— Я думаю, что это потому, что животныхъ не надо было спасать. У нихъ не было первороднаго Адамова грѣха. Они не вкушали древа познанія Добра и Зла. Они не были прокляты и на нихъ не легъ долгъ работы.

И это было сказано безъ задней мысли, но Петрикъ эту заднюю мысль почуялъ. Онъ сухо сказалъ:

— Да, конечно... Можетъ быть... Какой же грѣхъ могъ быть у твоей Ди-ди или у моей Одалиски? Онѣ обѣ безъ понужденія и легко исполняли свой долгъ любви и повиновенія намъ... А, все таки заведи непременно собаку.

Она его поняла. Свѣтъ померкъ передъ ея глазами. Она не видѣла ни толпы, ни магазиновъ. Она торопилась домой.

Дома они сидѣли на заднемъ балконѣ, выходившемъ на горы. Полная луна свѣтила надъ горами. Пики Ай-Петри были затканы серебромъ. Валентина Петровна съ ужасомъ смотрѣла на нихъ. Ей теперь они казались такими же страшными, какими были нѣкогда горы

Чжань-Гуань-Цай-Линь. Она уже видѣла между ихъ зубцами, пронизанными луннымъ свѣтомъ, страшное серебряное лицо бога ада Чен-Ши-Мяо. Онъ отнялъ отъ нея ея Ди-ди, онъ похитилъ ея дочь и теперь онъ пришелъ стнать у нея выстрадааннаго ею Петрика.

Она подошла къ мужу и опустилаcь передъ нимъ на колѣни. Зарыла свое лицо въ нихъ.

— Долгъ... — чуть слышно сказала она. — Долгъ!.. За первородный грѣхъ какого то глупого Адама, на насъ на всѣхъ долгъ!.. Страшный долгъ... И ты уйдешь, я знаю... чувствую... мое сердце меня не обманываетъ... Ты уйдешь на эту проклятую, никому не нужную войну!.. Кто придумалъ все это?.. Богъ?.. Нѣтъ люди!.. Жестокіе, гадкіе люди!..

— Полно, Солнышко. Что ты говоришь такое?.. Развѣ можно это говорить?..

— Ты свой долгъ исполнилъ... И довольно... Радень... Какъ... Это я тебя воскресила... Теперь ты мой и ничей больше... Я тебя не отдамъ... Никому не отдамъ.

— Не надо... Не надо... Грѣхъ такъ говорить, — растерянно шепталъ онъ.

Онъ старался поднять ее съ пола, а она нарочно становилась тяжелой и не вставала. Она горько плакала и сквозь слезы думала: — «Пусть порвутся у него отъ напряженія швы ранъ. Пусть опять загнойтся раны, но только бы онъ былъ мой!.. мой!.. мой!.. Всегда и вездѣ мой... Не отдамъ его войнѣ и службѣ... Какіе бы боги Чен-Ши-Мяо ни грозили мнѣ. Я никого и ничего не боюсь. Я все снесу, только бы онъ былъ мой и всегда былъ со мной...»

XVIII

Осенью 1916-го года Петрикъ, совершенно оправившійся и окрѣпнувшій, вернулся на фронтъ. Свой полкъ онъ нашелъ въ польской глуши въ болотахъ и лѣсахъ. Разыскавъ въ полковомъ обозѣ Мазепу, — онъ нашелъ

его косматымъ, лохматымъ и худымъ, — Петрикъ, въ сопровожденіи вѣстового, обознаго солдата, поѣхалъ на «позицію».

Первый, кого онъ встрѣтилъ, былъ Похилко. Въ грязной и рваной шинели, съ погонами подпрапорщика, Похилко ѣхалъ навстрѣчу Петрику на маленькой монгольской лошаdkѣ. Онъ издали своими зоркими охотничьими глазами увидалъ и узналъ командира и зарысиль ему навстрѣчу. Не ожидая привѣтствія Петрика, онъ весело и какъ-то развязно крикнулъ:

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе... Съ прибытіемъ!.. Совсѣмъ, видать, оправились... А мы, было, похоронять васъ думали...

— Ну, какъ у васъ, Похилко?

— Да что, ваше высокоблагородіе... — и, прикрывая ротъ рукою, точно загораживая отъ кого то страшную тайну, Похилко шепотомъ выдохнулъ:

— Козля-я-тиной кормятъ... Слы-ха-а-ли?..

— Не все ли одно для солдата, Похилко, что козлятиной, что хотъ ананасами.

— Про ананасы, ваше высокоблагородіе, толку нѣтъ никакого — точно обидѣлся Похилко. — А только какъ же это такъ?

— Солдатъ, Похилко, присягалъ терпѣть холодъ и голодъ и всякія нужды солдатскія... Нѣмцу, поди, еще тяжелѣе... Онъ, пишутъ, съ голоду пухнетъ... а козлятина... Это еще и Бога надо благодарить, что хотя и козлятина есть.

— Это что... Это точно... Очень даже намъ понятна такая ваша рѣчь... А только...

И Похилко опять тщательно прикрылъ ротъ и, перегибаясь съ сѣдла, сталъ шептать въ самое ухо Петрику.

— Пѣхота, ваше высокоблагородіе, рядомъ стоитъ, тоже на позиціи... срамъ сказать... въ ом-моткахъ... все одно, какъ австрійцъ... сапогъ, значить, уже и насовсѣмъ нѣтъ... Вотъ оно, значить, какъ обернулось то...

Петрикъ промолчалъ. Не слова, самый тонъ Похилко поразилъ его. Никогда, даже на охотѣ, Похилко такъ не говорилъ съ офицерами. Никогда онъ своихъ не кри-

тиковалъ. Надъ своими не смѣлся. Смѣяться можно было надъ манзами, надъ австрійцами, пожалуй, надъ германомъ, но никогда не надъ царскимъ, Россійскимъ войскомъ. Такъ воспитывалъ его Петрикъ, такъ учили его офицеры... Вотъ развѣ, что Кудумцевъ?..

— Мой отецъ, ваше высокоблагородіе, Турецкой войны кавалеръ былъ... — продолжалъ Похилко, — я махонькій еще былъ, бывало, пойдемъ съ папашей, а они и запоютъ:

«Русскій царь живетъ богато,
Войско водить въ сапогахъ,
Ваша жъ рать есть оборванцы,
Ходить вовсе безъ чувякъ».

А теперича то обернулось то какъ!.. Какъ австрійцы!.. Въ ом-моткахъ!.. Обнищаль что ли Государь Ампира-торъ?

И про Государя раньше не посмѣлъ бы такъ сказать Похилко.

Петрикъ всмотрѣлся въ лицо своего вахмистра. Посмѣлся какъ то Похилко. Лицо въ скулахъ стало шире, а къ подбородку, плохо бритому, сѣзилось. Глаза точно уже стали, и, когда посмтрѣлъ въ нихъ Петрикъ, отвелъ Похилко свои глаза отъ его взгляда.

Съ версту проѣхали молча. Потомъ Похилко опять заговорилъ. Видно хотѣлось ему выложить все, что было у него на душѣ.

— Опять въ окопахъ, ваше высоблагородіе... Да вы сами увидите, вошь одолѣваетъ... Это уже послѣднее дѣло. А бани, чтобы постираться, да выпарить ее, никакъ нѣтъ... Все только общаются... Газами страшатъ... Маски надѣнуть, и на людей не похожи, ну, чисто, свинья морды... Какъ на святкахъ... Война называется... На коней съ самага лѣта и не сажались... Ка-ва-лерія...

— А кони какъ?

— Вотъ сами посмотрите... Хвалиться нечѣмъ. Известно, безъ присмотру то, да безъ проѣздки... Она животная то, тоже тоскуетъ... Ты спроси ее, какъ ей это нравится, или нѣтъ... Она тоже понимаетъ... Не поря-

докъ... Это не такъ, какъ тогда, когда васъ ранили... Конная атака... Теперь какая такая атака и думать позабыли... У сосѣдовъ въ кавалерической дивизіи кони безъ овса съ самаго августа. Тутъ то бы и кормить, потому она шерстью на зиму обрастаетъ, а они — безъ овса... Паршивѣтъ стали... Чесотка... Къ намъ бы не перекинулось... Тогда бѣды-ы!.. Вотъ оно какъ у насъ.... война!..

И опять долго ѣхали молча. Но въ самомъ молчаніи было что то зловѣщее, что говорило яснѣ всякаго разговора.

Подѣзжали къ окопамъ.

— Однако, слѣзать, ваше благородіе, пора. Стрѣлять бы не началъ... На, другъ, примай, — обернулся онъ къ вѣстовому. — Пожалуйте, ваше высокоблагородіе, за мной, я покажу замъ дорогу... Вотъ оно наши кельи какія... Кончатъ, ваше высокоблагородіе, пора. Истосковался народъ по настоящей работѣ... по дому.. Который годъ держать...

XIX

Зимою, въ землянкѣ, гдѣ жилъ Петрикъ, было сумрачно и сыро. Ферфаксовъ молчаливо сидѣлъ часами, не шевелясь на койкѣ, сдѣланной на козлахъ, и, такъ же не шевелясь, сидѣлъ рядомъ съ нимъ его старый Берданъ. И у хозяина, и у его собаки было одинаковое выраженіе, точно одну они думали думу.

Кудумцевъ принялъ вмѣсто Бананова 2-ю сотню. Онъ часто заходилъ по старой памяти въ землянку Петрика. Приходилъ еще съ сосѣдней позиціи молодой пѣхотный офицеръ. Въ землянкѣ становилось душно и темно отъ накуреннаго воздуха. Но свѣчи не зажигали. Берегъ Петрикъ свѣчи. Трудно ихъ стало доставать для него Валентинъ Петровнѣ.

Пѣхотный медленно со вкусомъ свернулъ солдатскую «козью ножку», послунилъ палецъ и сказалъ со вздохомъ:

— Вамъ, господа кавалерія, очень легко. У васъ солдаты... У меня сегодня опять двое ушло.

— Какъ это ушло? — спросилъ Петрикъ.

— Очень даже просто... Вы стогъ сѣна знаете, что противъ нашей позиціи?

— Ну?

— Тамъ, мы, значить, полевой караулъ держимъ. Впрочемъ, всего два человѣка. Ну вотъ утромъ пошли они на смѣну. Я смотрѣлъ въ бинокль. Значить, какъ старые отошли шаговъ на триста, эти повязали платки бѣлые на штыки, да и ай-да, къ самому противнику въ гости.

— А вы бы ихъ полили изъ пулемета, — злобно ухмыляясь, сказалъ Кудумцевъ.

— Да на пулеметъ то тѣ же люди. До чего же это, господа, дойдетъ то?..

— Надо бодрымъ быть, — сказалъ Петрикъ, — помните, какъ Суворовъ училъ.

— Суворовъ... Это вы, ротмистръ, хорошо сказали, да времена то теперь другія стали. Посмотрите, какая война. Одинъ сплошной окопъ отъ моря и до моря. Это съ ума можно сойти И въ окопѣ этомъ, развѣ солдаты? Усталый, измотанный народъ...

Петрикъ вспомнилъ Стасскаго, какъ онъ хвастливо сказалъ: «пятнадцать милліоновъ Рассейскихъ мужичковъ призовемъ и посадимъ въ окопы». Но, желая подержать въ гостѣ бодрость, онъ сказалъ.

— Что же, Владиміръ Валентиновичъ, конечно, мы какъ въ крѣпости, да ничего не подѣлаешь. Развѣ не отсиживались мы въ крѣпостяхъ. Вспомните Севастополь. А въ Баязетѣ солдаты отъ жажды, не имѣя воды мочу пили, да и ту малыми дозами, а крѣпости не сдали. Такъ то...

— И времена не тѣ, и люди не тѣ, да и война не такая. Посмотрите, начали съ Портъ-Артура... А въ эту кампанію, какъ легко крѣпости стали сдавать.

— Кто то умный сказалъ, — проговорилъ Кудумцевъ, — что современные крѣпости не могутъ держаться противъ нынѣшняго артиллерійскаго огня. Вотъ и

пошла повальная сдача крѣпостей. Раньше за это разстрѣливали... а теперь... Стала слабой власть... Ну, и...

Онъ замолчалъ.

— Что, «ну и»... Ты договаривай, коли началъ, — сказалъ Петрикъ:

— Изволь... Народъ любить силу. Слабость онъ презираетъ. Сила и богатство, — вотъ чѣмъ можно держать народъ и заставить его повиноваться... Ну, а когда силы власти нѣтъ... когда, какъ тебѣ Похилко, — ахъ да и прохвостье же, — сказалъ: «козлятиной кормятъ», извини, милый мой, народъ уже глядитъ куда ему перебѣжать подъ сильную, дѣйствительно, державную руку.

— Что же это... Измѣна?..

— Можетъ быть, и измѣна, — странно спокойно сказалъ Кудумцевъ. — То есть, если хочешь, то до измѣны то и не дойдетъ, если только это интеллигентское «хи-хи-хи» народъ не подзадорить.

— Да, зачѣмъ... Война, чай, не шутки...

— Э, милый, Петръ Сергѣевичъ, имъ вездѣ шутки... Имъ и на Шадринской заимкѣ только одни шутки были. А чему распаленнаго мужика научили, ну и тутъ на то же натравятъ.

— Это ты, Толя, напрасно, — тихо сказалъ Ферфаксовъ. — Зачѣмъ такъ, и собака отъ хозяина не уйдетъ, хотя онъ ее и не кормить.

— Собака... Да во сколько же разъ она благороднѣе человѣка, — вставая сказалъ Кудумцевъ. — Ты думаешь у него думки то нѣтъ... какъ ты сказалъ: «кончать надо» — тебѣ Похилко сказалъ?... А если эта думка то обратится въ навязчивую идею?... Тогда за нее всѣ самую жизнь отдадутъ, а не то чтобы честь... да все это, господа, такъ условно... И когда человѣкъ голоденъ, боленъ, или еще того хуже — усталъ, до послѣдней степени, то ему все ничего...

Петрикъ досадливо пожалъ плечами. Онъ опустилъ голову на ладони рукъ и закрылъ глаза. Онъ переставалъ понимать, что дѣлается. Онъ уже не зналъ, что надо дѣлать? Тѣ шаблоны, что сохранилъ онъ съ лѣтъ школьнаго обученія никуда больше не годились. Онъ

терялся въ этой новой для него войнѣ. Та война, что была полтора года тому назадъ, когда они такъ блестяще атаквали и разбили побѣдоносную австрійскую пѣхоту обернулась иначе. Точно богъ войны — Марсъ повернулся къ нему другой стороной своего лица и съ ужасомъ Петрикъ увидалъ, что не военное это было лицо...

«Выпашь... выпашь...» — думалъ Петрикъ, уже не слушая завязавшагося спора. — «Пятнадцать миллионъ усталаго народа... выпашь, порастающая чертополохомъ и бурьянами... Нуженъ отдыхъ... Нужна властная рука хозяина... выполоть, выжечь всѣ эти сорные травы и наново пахать... Наново... наново...»

XX.

Война шла... Странно было думать Петрику, что это была война. Каждое утро онъ доносилъ въ штабъ полка: — «на участкѣ 1-й сотни 22-го полка ночь прошла спокойно»... И каждый вечеръ передавалъ по телефону: — «на моемъ участкѣ безъ перемѣнъ»...

Кое какіе порядки онъ у себя навелъ. Даже отъ вшей избавился. Чистоту навелъ, но тосковалъ безъ дѣла, особенно, безъ своего, военного дѣла ужасно.

Изъ узкаго окна ихъ землянки въ ясные дни видна была уходящая въ безпредѣльность позиція. Странно было думать: отъ моря и до моря! Отъ замерзшаго, въ мятеляхъ застывшаго Балтійскаго Моря и до синяго Чернаго моря — все то же самое. Голубоватая сѣтка проволочныхъ загражденій, какъ вуалька на лбу мертвеца, и снѣга... снѣга!...

Шелъ январь 1917-го года. Былъ яркій солнечный полдень. Только что у походной кухни отобѣдали. Ферфаксовъ на самодѣльной керосинкѣ наставилъ желѣзный чайникъ. Вода закипала. Тонкая струйка пара шла изъ закоптѣлаго носика и туманила стекла окна. Въ землянкѣ пахло дымкомъ и было тепло и привычно

уютно. Петрикъ досталъ жестянку съ печеньемъ и поставилъ на врытомъ въ землю столѣ.

Дверь безъ стука открылась. Въ золотой рамкѣ солнечнаго дня сѣрая показалась фигура телефониста.

— Ваше высокоблагородіе, — доложилъ онъ, вытягиваясь въ дверяхъ землянки, — со штаба полка телефонили: — какой-то химическій полковникъ къ намъ съ пѣхотнаго участка идутъ. Такъ чтобы вамъ встрѣть его и людей на провѣрку по окопу поставить.

— Химическій полковникъ, — выдумаютъ тоже, — проворчалъ Ферфаксовъ. — Однако, чаю сейчасъ напѣшесь, или послѣ?

— Послѣ. Ты, Факсъ, поиди выгоняй людей изъ землянокъ, да посмотри, чтобы у всѣхъ противогазы были въ полной исправности.

— Понимаю. Можетъ быть, и химическому полковнику послѣ предложишь чаю.

— Это мы посмотримъ какой такой этотъ химическій полковникъ. Если не слишкомъ сугубый, то можно.

Петрикъ надѣлъ шинель, тщательно подтянулъ ремни и пошелъ по окопамъ. Съ легкимъ гомономъ выходили и выстраивались люди. Петрикъ дошелъ до хода сообщенія и сталъ тамъ дожидаться. Прекрасный былъ день. Окопы съ солдатскимъ разговоромъ остались позади. Здѣсь, полная, какая бываетъ зимою въ хорошіе дни, была тишина. Черезъ земляной невысокій брустверь хода виднѣлось заснѣженное поле. Далеко по нему вилась легкая сѣтка проволочныхъ загражденій. Шла она прямо, загибалась къ непріятелю, дѣлала уголь и прямой, тонкой, кажущейся прозрачной, тѣнью исчезала въ золотомъ днѣ. Было тепло, хотя снѣгъ и не таялъ, но такъ обманывало солнце.

Петрикъ издали увидалъ вдругъ появившуюся въ ходѣ странную для ихъ боевой, «позиціонной» обстановки фигуру. Она появилась какъ то вдругъ и стала спиною къ Петрику. Высокій человѣкъ въ «мирной» артиллерійской фуражкѣ съ бархатнымъ околышемъ, въ «николаевской» теплой, должно быть, на какомъ нибудь тяжеломъ мѣху шинели, размахивая рукою, выго-

варивалъ что то пѣхотному офицеру. Тотъ, оправдываясь, возражалъ. Ихъ голоса неслись въ тишинѣ воздуха по окопу. Мягкій и точно стѣсняющійся полковника и грубоватый, что то настойчиво доказывающій, пѣхотнаго офицера. Наконецъ, пререканія кончились. Полковникъ протянулъ руку пѣхотному и повернулся къ Заамурскимъ окопамъ. Петрикъ сейчасъ же узналъ полковника и пошелъ ему навстрѣчу. Онъ хотѣлъ рапортовать и приложилъ уже руку къ краю папахи, но полковникъ прервалъ его: —

— Петрикъ... — воскликнулъ онъ, — вотъ радостная встрѣча! Да я бы долженъ былъ все-таки о тебѣ подумать. Да все считалъ тебя раненымъ и гдѣ нибудь подъ крылышкомъ у Али. А ты вотъ уже гдѣ... на позиціи. И совсѣмъ молодцомъ, никто и не скажетъ, что ты такъ безнадеженъ былъ. Ну, хвастай. Вѣрю, что у тебя и химія въ порядкѣ, даромъ, что «сугубая» наука.

Какъ Петрикъ не догадался, какъ не почувалъ! Полковникъ былъ — Долле, Ричардъ Долле, его вѣрный другъ и шаферъ Валентины Петровны на ихъ свадьбѣ. Съ самой свадьбы они не видались. Долле былъ въ своей старой «николаевской» шинели на потертомъ медвѣжьемъ мѣху, «родительской», должно быть, шинели, съ длиннымъ капюшономъ, такихъ теперь и не носили. Его шея зябко была закутана шерстянымъ шарфомъ. Изъ подъ шарфа торчала чуть заиндевѣлая узкая борода лопатой. Она была по прежнему черна. Большой широкий носъ покраснѣлъ отъ холода. Онъ взялъ Петрика подъ руку и насколько позволяла ширина окопа старался итти съ нимъ рядомъ. Дружбой и любовью повѣяло отъ Долле на Петрика.

— Ну, хвастай!...

— А ты не здороваешься съ людьми?

— Зачѣмъ? Я и здороваться то совсѣмъ разучился, вдругъ что нибудь не такъ скажу и вы меня засмѣете... Надѣнь противогазъ, — обратился онъ къ правофланговому солдату... Такъ... правильно... А ты... скажи ка ты мнѣ братецъ, что ты будешь дѣлать, если непріятель пуститъ газъ?

— По первамъ въ била бить буду. Командиру доложу. На телефонъ въ артилерію, чтобы заградительный огонь, значить, открывали...

— Такъ... такъ... А ты, молодецъ, покажи ка мнѣ, гдѣ у васъ хворостъ, гдѣ спички, бидоны съ керосиномъ... Это для чего же все?

— Какъ, значить хазъ, онъ, значить, чижелый и по низу пойдетъ и его, значить, поднять надо, чтобы онъ по верху и онъ огня что ли боится...

— Ну, вѣрно, вѣрно, вотъ и сугубая наука!... А правда, Петрикъ они у тебя лучше, чѣмъ тамъ знаютъ... Молодцы, право, молодцы...

Долле быстро и сноровисто все осматривалъ, поправилъ солдату неумѣло надѣвшему противогазъ, сдѣлалъ два, три дѣльных замѣчанія и всѣмъ видимо былъ доволенъ и удовлетворенъ.

— Ричардъ, пойдѣмъ ко мнѣ, закусимъ, что у меня найдется.

— Спасибо, Петрикъ. Я въ пѣхотѣ пообѣдалъ. Вотъ, если чайкомъ побалуешь, это съ большимъ удовольствіемъ. А то въ пѣхотѣ супъ рыбный былъ изъ консервовъ и теперь съ него пить ужасно какъ хочется.

Въ землянкѣ Ферфаксовъ уже хлопоталъ съ чаемъ.

— Старый знакомый, — привѣтливо сказалъ Долле, — помните меня?

— Помилуйте, господинъ полковникъ, — пробормоталъ Ферфаксовъ.

— Ну какъ же я радъ, что это ты оказался и, какъ мнѣ надо видѣть тебя и о многомъ и многомъ такъ меня волнующемъ спросить. Да, ты оставайся, Факсъ, ты намъ ничуть не помѣшаешь. Слава Богу свой человѣкъ.

Но деликатный Факсъ рѣшительно поднялся.

— Тамъ, Петръ Сергѣевичъ, бидоны съ кислородомъ какъ бы не разбросали. Я пойду присмотрю.

— Ну... Вижу... вижу...

Ферфаксовъ юркнулъ за дверь. За нимъ выскользнулъ, повилявъ изъ вѣжливости хвостомъ, и его Берданъ.

— Вотъ... Видишь ли... такъ многое мнѣ теперь непонятно...

И Петрикъ, какъ онъ это всегда привыкъ дѣлать, когда встрѣчался со своимъ старымъ, ученымъ товарищемъ, сталъ выкладывать все, что было у него на душѣ, все, что накопилось за эти мѣсяцы его жизни въ окопахъ. Онъ все по порядку разсказалъ. И про козлятину, такъ оскорбившую Похилко и про то, что слышалъ отъ пѣхоты, и про то, что безъ стѣсненія сдаютъ, и про усталость и недовольство и про то, что читалъ въ газетахъ и отъ чего сквозило жуткимъ и страшнымъ словомъ: «революція»... «дворцовый переворотъ»... То самое жуткое, о чемъ онъ даже и думать боялся, когда одинъ оставался со своими думами, все это онъ, слегка волнуясь, говорилъ Долле, отъ него ожидая помощи и совѣта.

— Да, Петрикъ, народъ очень усталъ... Онъ давно усталъ... Онъ перетянуть... Нѣтъ, довольно. Больше не буду...

Долле отставилъ желѣзную кружку и отодвинулъ жестянку съ печеньями.

— Что же это... выпашь?

Долле, казалось, не понялъ, что сказалъ Петрикъ.

— Выпаханное поле... Ты помнишь, въ день моей свадьбы, какъ поразило Алю заброшенное пустое поле, поросшее бурьяномъ. Я еще тамъ указалъ на маленькую кумиренку бога полей — «ляо-мяо».

— Да, помню, конечно, помню... Выпашь?... Я боюсь гораздо худшаго.

Тяжелая тишина стала въ землянкѣ. За окномъ меркъ короткій зимній день. Отъ земли поднимались пары. Въ фольгу ударили стекла незатѣйливаго окна. Петрикъ хотѣлъ было зажечь свѣчу, но Долле его остановилъ.

— Не зажигай. Не надо... Я люблю сумерничать. Такъ легче будетъ говорить. Ты помнишь... въ механикѣ... въ артиллеріи тоже... мы учили о предѣлѣ упругости и сопротивляемости металловъ.

— Ну, гдѣ мнѣ помнить? — пробормоталъ Петрикъ, — сугубая все науки. Ихъ мы изучали въ бѣлыхъ перчаткахъ.

— Полно, милый другъ. Навѣрно кое что помнишь.

Такъ вотъ, видишь, есть такой предѣлъ упругости, переходить который нельзя... просто не рекомендуется... Напримѣръ: предѣлъ упругости стальной проволоки въ 1 миллиметръ въ поперечникѣ равняется 40-ка килограммамъ. Есть такой приборъ для испытанія металловъ. Это приборъ нѣмецкаго ученаго Шенка. Нашъ директоръ Политехническаго Института князь Голицынъ свой приборъ изобрѣлъ. Просто зажимаютъ кусокъ металла и тянутъ его особой машинкой и нѣчто въ родѣ манометра показываетъ каково напряженіе металла. Ну и вотъ для каждого металла есть свой коэффициентъ упругости и сопротивляемости на разрывъ. И, когда имѣютъ дѣло съ металлами, этотъ коэффициентъ принимаютъ въ расчетъ да еще обыкновенно и къ нему прибавляютъ свой коэффициентъ, усиливающий надежность издѣлія. И, чѣмъ отвѣтственнѣе машина, тѣмъ этотъ второй коэффициентъ дѣлаютъ больше. Напримѣръ, для автомобилей ставятъ этотъ коэффициентъ равнымъ пяти, а для аэроплановъ даже и тринадцати. Значитъ, металлъ можетъ выдержать въ тринадцать разъ большее напряженіе, чѣмъ отъ него требуютъ. Это, ты самъ поймешь, для большей безопасности. Ну, а если мы перетянемъ металлъ, потребуемъ отъ него больше, чѣмъ онъ можетъ дать, то онъ ломается, приходитъ въ негодность и мало того, что машина ломается, но и самый металлъ на долгое время теряетъ свои качества и становится негоднымъ ни на что. Въ Америкѣ, мнѣ говорили, есть цѣлыя кладбища такихъ брошенныхъ автомобилей. Казалось бы металлъ все-таки что нибудь да стоитъ; на дѣлѣ же и металлъ ничего не стоитъ. Ну, потомъ, со временемъ и онъ какъ то отдыхаетъ что ли, и становится опять годнымъ въ дѣло. Только очень много надо для этого времени. И человѣкъ, милый Петрикъ, тоже, какъ металлъ. И у людскихъ силъ есть свой предѣлъ напряженности и, когда онъ приходитъ къ концу, наступаетъ смерть. И самоубійства отъ этого. Нервы не выдержали. Да, конечно, нервы, а только что такое и самые то нервы? Просто, перейденъ предѣлъ упругости и наступаетъ преждевременная смерть. Можно было бы подставить къ каждому народу, какъ къ каждому ме-

таллу, его коэффициентъ упругости. И въ каждомъ народѣ, въ каждомъ государствѣ есть провинціи, губерніи съ болѣе высокимъ и болѣе низкимъ коэффициентомъ сопротивляемости. Псковскіе одно, а, скажемъ, Вятскіе другое. И по родамъ войскъ тоже увидимъ разницу. И металлъ п р и у ч а ю т ъ къ большей сопротивляемости, такъ и людей можно сдѣлать болѣе выносливыми. Гвардейскія, Сибирскія, Кавказскія, Туркестанскія, Казачьи части показали на войнѣ большую выносливость, чѣмъ другія части и, конечно, все это надо было изучить, и въ расчетахъ своихъ имѣть въ виду, какъ механикъ имѣетъ въ виду степень сопротивляемости металловъ при постройкѣ машины. У насъ на это какъ то не обратили вниманія. По легкомыслію что ли, можетъ быть, и по неразумію. Не думаю, однако, чтобы по злему умыслу. Знаешь ли ты, что, когда шло наше наступленіе въ Восточную Пруссію, то только что укомплектованныя запасными, не втянутыя въ походъ части, по жарѣ, по песчанымъ дорогамъ, безъ дневокъ, дѣлали по тридцати и болѣе верстъ въ сутки... Обозы опаздывали. Утомленные лошади не могли тянуть повозки. Лошадей отпрягали, припрягали въ двойномъ количествѣ къ повозкамъ проходили версту, снова отпрягали, возвращались къ оставленнымъ повозкамъ и тащили ихъ дальше. Можешь себѣ представить, какое при этомъ было напряженіе людей? Упругость и сопротивляемость были превзойдены, ну и вышла катастрофа. Нашъ Генеральный Штабъ всю войну при своихъ расчетахъ на силы войскъ не только не приставлялъ какой то коэффициентъ, чтобы обезпечить стойкость войскъ, напротивъ, окъ всегда форсировалъ силы солдата. Требовали невозможнаго и отъ войскъ и отъ утомленнаго народа. Ну и не выдержали... Упругость пришла къ концу. И должно оборваться.

— Что же это будетъ? —

— Смерть.

— Смерть цѣлаго народа?... Смерть Россіи?... Ты говоришь это такъ спокойно!

— Я, какъ механикъ, давно увидалъ, къ чему идетъ... Остановить невозможно. Неизбѣжное должно случить-

ся, а передъ неизбѣжнымъ я спокоенъ. Этому научила меня наука.

— Но... Остановить это... Дать отдохнуть, оправиться народу и войскамъ.

— Что же это, миръ?... Перемиріе?... Ты самъ знаешь, союзники требуютъ отъ насъ все большаго и большаго напряженія и жертвъ, и мы должны ихъ дать.

— Но, если отъ этого гибнетъ Россія?

— Что дѣлать, въ игръ надо быть честнымъ до конца.

— Какъ же быть?... Смерть?...

— Можетъ быть, самоубійство.

— Какое самоубійство?

— Революція и есть самоубійство націи.

— Остановить нельзя?... Какою угодно цѣною?

— Только цѣною сепаратнаго мира.

Петрикъ не отвѣтилъ. Въ землянкѣ было совсѣмъ темно. Эта темнота, казалось, вливалась и въ самую душу Петрика. Неизбѣжное надвигалось на него. Нарушены были какіе то законы механики, «сгубой», но охъ какой нужной науки, и Россія... Россія! летѣла въ бездну, катилась къ неизбѣжному концу... И кто былъ виновать?...

— Да, если бы только выпашь, — тихо повторилъ поднимаясь, Долле, — выпаханному полю можно дать отдохнуть, оставить его подъ паромъ, вырвать, выкорчевать ненужныя травы, выжечь ихъ и пахать его снова... Но... Государь, да еще нашъ, никогда на это не пойдетъ. Въ этомъ сила, въ этомъ и слабость имперій. Онѣ честны. Онѣ не могутъ пойти на подлость, на измѣну своему слову... А въ нашъ подлый вѣкъ... Не честные нужны Правители и Государи, а гибкіе парламенты. Сегодня стоитъ у власти одна партія и честно это, а завтра стала у власти партія противоположная и то, что вчера считалось просто подлымъ, сегодня именно то, что нужно для народа, и имъ это всѣ прощаютъ и даже находятъ нормальнымъ и естественнымъ. Государю Императору сепаратнаго мира никогда и никто не проститъ, ну, а какому то учредительному собранію все спустятъ. Защита, молъ, націи, защита революціи, пра-

во народа, а народъ то куда самодержавнѣе любого самодержца... Такъ то и, если кто нибудь сумѣетъ это доказать Государю, на что онъ ни пойдетъ для блага народа, для блага Россіи. Помни одно: предѣлъ упругости перейденъ, а законы механики безнаказанно нарушать никому и никогда нельзя... Ну, прощай. Ночь уже. Я заболтался съ тобою. Дай мнѣ солдатику проводить меня до штаба кавалерійской дивизіи. Туда высланъ за мною автомобиль.

— Я сейчасъ спрошу разрѣшенія Старого Ржонда. На позиціи тихо. Я тебя самъ провожу.

XXI.

Неизбѣжное пришло. Оно пришло сначала въ видѣ слуховъ, потомъ въ видѣ газетныхъ извѣстій, и, наконецъ, въ формѣ опредѣленнаго приказа приводить людей къ присягѣ временному правительству. Слухамъ можно было не вѣрить, въ газетныхъ статьяхъ сомнѣваться, приказъ была сама совершившаяся неизбѣжность.

Мартовскимъ утромъ Старый Ржондъ собралъ къ штабу полка всѣхъ своихъ офицеровъ. И то, что на позиціи противъ непріятеля никого не оставили, показывало, что то, для чего собирали офицеровъ, считали уже важнѣе войны.

День былъ мягкій и туманный. Снѣгъ замѣтно таялъ и былъ рыхлый и ноздреватый. У землянки командира полка было томительно тихо. Никто ничего не говорилъ. Тревога и ожиданіе легли на лица. Много и нервно курили. Землянка была въ лѣсу, рубленомъ для нуждъ арміи. Рубили грубо, какъ рубили солдаты, не обременяя себя нагибаніемъ къ низу дерева, но въ ростъ человѣка. Высокіе, красные сосновые пни густымъ частоколомъ торчали кругомъ. У землянки была небольшая прогалина. На ней и стали офицеры. Петрикъ наблюдалъ ихъ. Кудумцевъ смотрѣлъ въ землю и, когда

поднималъ глаза, загорался въ нихъ какой то безпкойный огонь. Своя была дума у него. Командиръ сотни Штукельдорфъ съ неловко, съ ватой торчащей изъ подъ платка, повязанной щекой, тяжело вздыхалъ и часто сплевывалъ. Петрикъ вспомнилъ, какъ, провожая его, говорилъ ему его вахмистръ Похилко: — «а що, ваше высокоблагородіе, слыхалъ я, въ народѣ гуторятъ, — особая украинская армія будетъ. Можетъ и брешутъ собаки, а только, если это такъ, похлопочите, чтобы меня туда узяли, какъ я есть Полтавскій, самое мнѣ тамъ мѣсто. Желаю со своими служить». Уже стали, значить, для него его Маньчжурскіе товарищи не своими.

Штукельдорфъ хрипло, негромко и какъ то неуверенно скомандовалъ: — «господа офицеры».

Старый Ржондъ вышелъ изъ землянки. Его лицо было помято и сѣро. Видно: не спалъ эту ночь Старый Ржондъ. И у него глаза были опущены, а когда поднималъ ихъ, бѣгали глаза, ни на комъ не останавливаясь. Ни на кого не глядѣлъ прямо Старый Ржондъ: точно что гадкое и гнусное онъ замышлялъ, чѣмъ то виновать былъ передъ офицерами.

Путаясь и повторяясь Старый Ржондъ изложилъ событія въ общемъ уже извѣстныя изъ газетъ.

— Господа, намъ приказано присягнуть Временному Правительству. Сегодня послѣ полудня прибудетъ изъ пѣхотнаго полка священникъ, и вы подготовьте людей, объясните имъ въ чемъ дѣло и... понимаете, чтобы безъ всякихъ недоразумѣній. Приказано и исполнено.

— Солдатъ и предупреждать не о чемъ, — сказалъ Кудумцевъ, — они гораздо больше нашего знаютъ. Ихъ отношеніе самое радостное. Они за этимъ видятъ конецъ войны.

Старый Ржондъ холодно и строго посмотрѣлъ на Кудумцева, но ничего ему не возразилъ.

— Вотъ, господа, все что я вамъ хотѣлъ передать. Старый Ржондъ поклонился офицерамъ.

Офицеры нарушили правильность полукруга, въ которомъ стояли. Одни отошли, другіе остались тамъ, гдѣ стояли. Стали закуривать папиросы. Петрикъ подо-

шелъ къ Старому Ржонду. Онъ съ трудомъ сдерживалъ свое волненіе. Никогда еще не было на его душѣ такъ тяжело, какъ сейчасъ. Все точно рушилось подъ его ногами. Сама земля колебалась. Смерть казалась желанною. Она была лучше этого состоянія. Смерть была солдатская, честная смерть. Здѣсь было что то, чего еще не уяснилъ себѣ Петрикъ, но что-то подлое и гадкое. Это чувствовалось въ общемъ подавленномъ настроеніи и въ томъ, что всѣ люди еще вчера такіе дружные и откровенные между собою, стали какъ то настороженно осторожными, точно какая то выросла между ними стѣна. Когда подходилъ Петрикъ къ Старому Ржонду онъ еще даже и не зналъ, что онъ скажетъ тому, съ кѣмъ привыкъ быть всегда прямымъ и откровеннымъ. Но едва сталъ противъ него, какъ свободно полились слова. Петрикъ высказывалъ все то, что передумалъ за эти страшные дни, когда такъ стремительно надвигалась на него эта непреодолимая неизбѣжность.

— Господинъ полковникъ, — твердо и смѣло сказалъ Петрикъ, — я Временному Правительству присягать не буду!

Петрикъ стоялъ, какъ заповѣдалъ Суворовъ стоять солдату: — «стрѣлкой». Каблуки сжаты, колѣни отбиты, во всей фигурѣ строевая, напряженная рѣшимость. Рука у края папахи. Очень онъ красивъ былъ въ эту минуту. Ставшіе, было, расходиться офицеры остановились и со стороны наблюдали и прислушивались, что будетъ дальше. На солнцѣ какъ то особенно выдѣлялась георгіевская ленточка въ петлицѣ ладно пригнанной солдатской шинели Петрика. Строевая молодежавшая подчеркивала рѣшимость того, что говорилъ своему командиру полка офицеръ.

— То-есть... Какъ-съ это такъ?... — растерянно пробормоталъ Старый Ржондъ, рукою отнимая руку Петрика отъ края папахи.

— Я присягалъ Государю Императору и ему одному я только и буду служить. Другимъ служить не желаю. Я подаю въ отставку... А пока выйдутъ мои бумаги, разрѣшите мнѣ уѣхать въ Петроградъ. Я здѣсь лишній и буду только мѣшать.

— Но... я не знаю... Какъ это?... отставка?... Но война-сь, Петръ Сергѣевичъ, какъ же во время войны-сь?

— Государь отрекся... и войны больше не будетъ. Кто заставитъ ихъ теперь воевать?... Во имя чего?...

— Для союзниковъ, — нерѣшительно сказалъ Старый Ржондъ.

— Это дезертирство, — громко сказалъ Кудумцевъ.

Въ другое время самое слово, не говоря про тонъ какимъ было оно сказано, оскорбило бы Петрика, и Богъ знаетъ, что онъ бы сдѣлалъ съ оскорбителемъ. Теперь Петрикъ рѣзко повернулся къ Кудумцеву и, повышая голосъ, обращаясь не только къ оскорбителю, но и ко всѣмъ офицерамъ, внимательно слушавшимъ, сказалъ.

— Дезертирство — покинуть Государя въ эту безконечно трудную для Россіи минуту и давать присягу тѣмъ негодяямъ, которые его заставили отречься... Которые свергли его.

— Народъ, — сказалъ какъ то нерѣшительно полковой адъютантъ Ананьевъ.

— Оставь пожалуйста... Нечего кивать на народъ, который ни сномъ ни духомъ не подозрѣваетъ и не понимаетъ, что случилось и что изъ этого выйдетъ? Очень мы злоупотребляемъ этимъ словомъ: народъ, и не намъ, офицерамъ, этимъ заниматься... Нашъ долгъ... Мой, во всякомъ случаѣ, долгъ не потворствовать этому... Мы офицеры... Мы сила... Мы этого такъ просто не примемъ. Пойдемъ всѣ къ нему... Всѣ... всѣ... вся армія!.. Если тамъ,, старшіе,, не знаю почему?... Мы ротные, мы сотенные командиры, командиры батарей, мы тѣ пружины, что приводятъ въ движеніе всю армейскую машину... Пойдемъ къ нему... Солдаты еще намъ повинуются, поведемъ же ихъ, и всю эту Петроградскую сволочь, тыловикивъ то этихъ, шкурниковъ, испепелимъ, уничтожимъ, истребимъ, а къ нему на колѣняхъ — умолять его не покидать Россію въ этотъ страшный часъ...

— Вы пойдете одинъ, — съ чуть замѣтной насмѣшкой сказалъ Кудумцевъ.

Офицеры молчали. Кое кто тихо и какъ то нерѣшительно, точно земля ихъ держала, стали отходить отъ

землянки. Старый Ржондъ стоялъ у самыхъ дверей ея. Онъ взялся за край ихъ. Онъ опустилъ голову и не подходилъ, что сказать Петрику.

— Нѣтъ, — въ глубокомъ волненіи, какимъ то нутрянымъ, проникновеннымъ голосомъ продолжалъ Петрикъ, — этого не можетъ быть, чтобы я былъ одинъ... Никогда... Мы, офицеры... Вспомните, господа, кто насъ произвелъ? Кто насъ награждалъ?... Кто такъ насъ любилъ и жалѣлъ... Теперь когда ему такъ тяжело, когда такъ надо, чтобы онъ услышалъ нашъ голосъ, что же, господа, будемъ молчать? Во имя чего?...

— Во имя дисциплины, — рѣзко крикнулъ Кудумцевъ.

— Ахъ!... Дисциплины?... Вотъ, когда ты ее, Анатолій Епифановичъ, вспомнилъ... Раньше надо было... Раньше... Дисциплины?... «Дѣлай все, что тебѣ прикажутъ, если противъ Государя, не дѣлай»... Такъ говорить дисциплина!.. И я не буду дѣлать.

Петрикъ съ мольбою посмотрѣлъ на Старого Ржонда. Но Старый Ржондъ молчалъ. По его измятымъ, изборожденнымъ морщинами щекамъ текли слезы. Голова его была низко опущена и Петрикъ понялъ, что Старый Ржондъ не рѣшится. Для Старого Ржонда революція не въ революціи, а въ томъ, чтобы кому то, хотя-бы и самозванному послушаться. А не пойдетъ за нимъ Старый Ржондъ и никто изъ этихъ, воспитанныхъ въ слѣпомъ повиновеніи не пойдетъ. Петрикъ внимательно осмотрѣлъ своихъ товарищей. Какъ сѣры были ихъ лица! Какая безконечная усталость войны лежала на нихъ! Какимъ утомленіемъ вѣяло и отъ ихъ старыхъ пожженныхъ у земляночныхъ печурокъ шинелей и ихъ небрежно надѣтыхъ шашекъ. Они давно не вынимали ихъ изъ ноженъ. Они перестали вѣрить что эти самыя шашки имъ нужны. Въ нихъ не видѣли они уже символы рыцарства. Какъ же звать ихъ?... Вѣдь и они сейчасъ — выпашъ! Имъ надо дать отдохнуть, вотъ тогда они только поймутъ, что они дѣлаютъ... Но, какъ же дьявольски хитро придумалъ кто то, именно теперь, поднять всю эту революцію... Когда стала Россія, какъ истощенное поле... А, что, если не выпашъ, а потерявшій силу сопро-

тивленія металлъ, которому мѣсто только на кладбищѣ?

— Такъ я подаю бумаги и уѣзжаю въ Петроградъ, — сказалъ Петрикъ. Онъ по уставному повернулся кругомъ и пошелъ черезъ рубленый лѣсъ. Когда онъ былъ шагахъ въ тридцати отъ командирской землянки до него донеслись слова Кудумцева: —

— Донъ Кихоть!...

Петрикъ не оглянулся.

XXII.

Валентина Петровна сознавала: — пиръ во время чумы... Пускай!... Все-таки — пиръ!... И она пировала. Богъ ей послалъ счастье: Петрикъ былъ съ нею. Онъ въ тотъ самый день, когда его полкъ присягалъ Временному Правительству, уѣхалъ въ Петроградъ. Старый Ржондъ пожалѣлъ его, да, вѣроятно, и понялъ, и выслалъ ему въ догонку бумаги: отпускъ для лѣченія ранъ. Это было еще такъ легко тогда сдѣлать.

Петрикъ присматривался, искалъ, придумывалъ, что же теперь и какъ дѣлать и не находилъ ни работы, ни возможностей работать и самъ незамѣтно поддавался тому пиршественному настроенію, что создала у себя на квартирѣ Валентина Петровна. Она ничего не пожалѣла. Всѣ свои капиталы, всѣ сбереженія поставила ребромъ, точно сознавала, что это не на долго, что это скоро кончится и жила каждой минутой. Она одѣла Петрика въ штатское. Онъ не противился этому. Противны были ему новые «революціонные» офицеры съ красными бантами и съ красными лентами, мутило отъ всей петроградской суматохи. И не могъ ее покинуть... Наблюдалъ и ждалъ. Отдохнетъ поле и вернется Хозяинъ, чтобы работать на немъ. Петрикъ ждалъ, когда обратно потечетъ рѣка жизни. Она неслась мимо него бурнымъ стремительнымъ потокомъ, все сокрушая на своемъ пути. И не могла она повернуть вспять. Что оставалось

ему дѣлать? Онъ могъ, или броситься въ нее и примкнуть къ этому революціонному движенію, гдѣ одни милостивые государи смѣняли другихъ и гдѣ не было того, кого такъ страстно ожидалъ Петрикъ — Государя Милостиваго, кто смиростивился бы надъ Россіей и вернулся на Престоль. Но Государя берегли подъ строгимъ карауломъ тѣ самые люди, что имѣли еще наглость носить гвардейскій мундиръ. Жизнь была вывернута на изнанку и что могъ въ ней дѣлать Петрикъ? Онъ ходилъ по улицамъ, онъ прислушивался и присматривался къ тому, что дѣлалось. Но даже и тамъ, гдѣ, казалось ему, хотѣли образумиться люди, даже и тамъ шли подъ знаменемъ революціи и, казалось, другого знамени уже не могло быть для Россіи. Что дѣлать? Ждать, когда, если и не потечетъ рѣка обратно, то отдохнетъ и образумится народъ!

Валентина Петровна сдѣлала все, чтобы облегчить Петрику это ожиданіе. Она обставила его такимъ комфортомъ, какого онъ никогда не имѣлъ.

— Знаешь, Солнышко. Какое странное у меня теперь чувство. Я не помню себя, какимъ я былъ до поступленія въ кадетскій корпусъ. Я помню себя только въ мундирѣ. Всегда надо мною былъ долгъ, всегда я долженъ былъ желанія тѣла и души покорять дисциплинѣ и я никогда не могъ, по существу, дѣлать все, что хотѣлъ. И вотъ теперь — свобода!... Я — никто... Я никому не подчиненъ... Я встаю, когда хочу, иду, куда хочу и дѣлаю, что хочу... Вѣрнѣе... ничего не дѣлаю.

— Что же... ты счастливъ?

Онъ молчалъ.

Какъ хотѣла она услышать отъ него, что онъ счастливъ. Она все дѣлала для его счастья. Она занимала его съ утра до вечера. Она читала съ нимъ. Ея большой концертный Эраръ опять заговорилъ. Она играла ему Баха и Листа. Она знакомила его съ новыми и такими прекрасными вещами Рахманинова и, играя, она слѣдила за выраженіемъ его глазъ и, какъ только замѣчала малѣйшее утомленіе въ нихъ, сейчасъ же начинала наигрывать что нибудь легкое, какой нибудь маршъ, вальсъ или романсъ. Она заласкала его, закружила го-

лову своею любовью. Она была еще такъ прекрасна! Она точно расцвѣла въ эти страшные дни. Онъ опять, какъ тогда, когда залѣчивались его раны, былъ ея и только ея. Тогда онъ былъ съ больнымъ тѣломъ, теперь у него болѣла душа, и она исцѣлитъ его душу, какъ исцѣлила и вернула къ жизни его израненное тѣло.

Петрикъ ходилъ по городу — «на развѣдку». Онъ искалъ встрѣчъ со своими старыми товарищами, съ генералами, у кого спросить совѣта, у кого научиться что же дѣлать? Онъ возвращался домой усталый и недовольный: — ничего не было утѣшительнаго. Шло «углубленіе революціи», и одни принимали въ немъ участіе и, не стѣсняясь торговали своимъ мундиромъ и честью, другіе, такъ же какъ и Петрикъ ждали, когда потечетъ рѣка обратно.

Валентина Петровна въ тайникахъ своей души радовалась его неудачамъ. Петрикъ оставался съ нею, оставался ея. Никто его у нея не отнималъ. У нея было теперь отчасти то-же чувство, тѣ-же переживанія, какія были тогда, когда она съ Портосомъ краля свое счастье на ихъ гарсоньеркѣ на Знаменской. Тогда она боялась мужа и знакомыхъ. Боялась, что кто нибудь откроетъ ихъ тайну. И теперь она, законная жена своего мужа, все время должна была бояться толпы. Вотъ ворвется она къ ней и похититъ и отберетъ ея завоеванное ею счастье.

Къ ней, какъ и ко всѣмъ въ тѣ кошмарные дни приходили съ обыскомъ. По счастью тогда, когда Петрика не было дома. Таня умѣла принять незваныхъ гостей, умѣла заговорить имъ зубы.

— Ну чего вы тутъ ищете? Гражданка Ранцева музыкантша, въ самой оперѣ ее знаютъ. Спросите про нее у товарища Обри. Очень ее уважаютъ. Когда нибудь и вамъ поиграетъ. Мужъ у нея офицеръ, такъ этого никто и не скрываетъ. Такъ какой офицеръ? Восемь раненій, почти что, можно сказать, инвалидъ полный: ну такъ чего же вамъ тутъ искать, ничего вы тутъ такого не найдете.

Въ тѣ времена еще было какое то уваженіе къ искус-

ству и къ театру. Таня отъ Обри достала какое то удовольствіе и ихъ не трогали.

Такъ и жила Валентина Петровна между страхомъ и радостями любви и не знала чего хотѣть. Вѣдь, если потечетъ рѣка обратно, какъ того такъ страстно хотѣлъ Петрикъ, уйдетъ отъ нея Петрикъ и кончится ея счастье. Она просила у Бога какого то уголка земли, подъ солнцемъ всѣмъ должно же быть мѣсто, — хотъ съ маленькую горошину. Ну и жили бы они всѣ въ деревнѣ, на хуторѣ, одни и ничего имъ не надо.

Иногда, послѣ страстныхъ объятій и ласкъ мужа она заснеть. Проснется глухою ночью. Тихо свѣтитъ въ углу подъ образомъ лампада. Въ ихъ квартирѣ тихо. Гдѣ то далеко протрещитъ пулеметъ. Какое ей дѣло до него? Осторожно она приподнимется на локтѣ и взглянетъ на Петрика. Его голова совсѣмъ подлѣ ея. Спутанные волосы пробиты сѣдиной. Брови нахмурены. Онъ не спитъ. Она хотеть и не смѣетъ спросить его, о чемъ онъ думаетъ въ ночной тишинѣ. Боится спросить его, счастливъ ли онъ? И не за чѣмъ спрашивать: она знаетъ — онъ не счастливъ. Для него счастье не въ ея женскихъ ласкахъ, не въ покоѣ и уютѣ, какой она ему создала, а въ свято исполненномъ долгѣ. И онъ мучается тѣмъ, что въ это страшное время онъ ничего не дѣлаетъ. Она знаетъ: для него долгъ въ служеніи Родинѣ и Государю. Въ служеніи Родинѣ черезъ Государя. А когда нѣтъ Государя, какъ и кому служить?

— Ты не спишь, мой голубь, — тихо скажетъ она. И вспомнить такіе же вопросы, такіе же тревожныя ночи въ Маньчжуріи. Нѣтъ, ей покоя никогда и нигдѣ не будетъ. Такова ея судьба. Таковъ ея крестъ. Чего она въ самомъ дѣлѣ хотеть? Это пиръ во время чумы. Ну и будетъ день, когда чума придетъ и въ ихъ тихое и теплое гнѣздышко...

XXIII.

Время шло съ неумолимой послѣдовательностью. Какое было дѣло природѣ до того, что дѣлалось у людей? Весна смѣнила зиму, пришла и осень, приближалась зима. И точно, слѣдя за смѣною временъ года, смѣнялись и власти. Петрику это было безразлично. Все это были чужіе и ему и Россіи люди. Въ партіяхъ онъ и теперь не разбирался. Не все ли равно, что кадеты, что меньшевики, что большевики: — одна была кровь и беспорядокъ.

Все труднѣе было Валентинѣ Петровнѣ изворачиваться, чтобы поддерживать довольство «пира» въ домѣ. Но она во время вынула сбереженія перваго мужа изъ банка и благоразумно прятала ихъ въ потаенномъ мѣстѣ. Но теперь больше боялась за Петрика. Кругомъ слышала рассказы о разстрѣлянныхъ и замученныхъ офицерахъ. Да и на улицѣ были бои. Странно равнодушенъ былъ къ нимъ Петрикъ. Онъ точно сказалъ въ сердцѣ своемъ: это не то! И не шелъ никуда. Онъ все ждалъ, когда пойдутъ за Государя.

— Ты не осуждай меня, Солиышко, что я туда не иду. Я тамъ былъ... Тамъ... за республику... Я тамъ и своего Похилку встрѣтилъ. Онъ слово обманъ выговорить не можетъ все говорить: «омманъ», а лѣзъ ко мнѣ за совѣтами, какая Россія должна быть: «хфедерация, или конхфедерация»... Такъ чего же къ нимъ итти?

Нѣтъ... Она его не осуждала. Она безумно боялась за него. Женскимъ чутьемъ своимъ она чужа, что уже нельзя нигдѣ не быть. Надо куда то итти. Все суживался тотъ міръ, гдѣ они жили, сталъ уже такой малый, какъ горошина и надо было куда то «бѣжать». Но знала, что въ словарь Петрика не было и не могло быть этого слова. Не могъ онъ ни отъ кого, ни откуда «бѣжать». А слухи — все Таня, да разысканная ею кухарка Марья ей приносили ихъ — были одни ужаснѣе другихъ. Валентина Петровна поняла, что настало самое ужасное — разлука. Къ «нимъ» онъ ни за что не пой-

детъ. Значить: Украина, Калединъ и какіе то темные слухи о чемъ то замышляемомъ на Югѣ, о какихъ то комитетахъ, какихъ то дамахъ, которыя отправляютъ офицеровъ на югъ для образованія тамъ арміи. И Валентина Петровна осторожно заговорила объ этомъ съ Петрикомъ.

— А какая тамъ армія? — спросилъ Петрикъ, — съ Государемъ, за Государя, или нѣтъ?

Валентина Петровна пожала плечами. Она этого не знала.

— Государь будетъ потомъ, — тихо сказала она.

— Хорошо я пойду... Узнаю.

Былъ туманный ноябрьскій день. Этотъ туманъ дѣйствовалъ на нервы Валентины Петровны. Онъ раздражалъ ее. Онъ ей напоминалъ такой же страшный, липкій туманъ, какой былъ тогда, когда въ ихъ гарсоньеркѣ убили Портоса. Всегда въ туманъ ей было не по себѣ. Въ этотъ день особенно.

Къ ней позвонили. Таня пришла немного смущенная.

— Кудумцевъ, Анатолій Елифановичъ, — осторожно доложила она, — да странный какой. Пожалуй... не большевикъ ли?...

— Что же дѣлать? — растерянно сказала Валентина Петровна.

Но думать не приходилось. Кудумцевъ входилъ въ гостиную.

Въ темнозеленой добротнаго сукна рубашкѣ съ карманами на груди и на бокахъ, въ прекрасной кожаной курткѣ, надѣтой на опашъ, онъ входилъ, не дожидаясь доклада. Валентина Петровна поднялась къ нему на встрѣчу. Онъ поцѣловалъ ей руку, пожалуй съ большей почтительностью, чѣмъ дѣлалъ это раньше.

— Простите, мать командирша, что нарушаю, можетъ быть, вашъ покой. Нарочно ожидалъ и, если хотите, выслѣживалъ, когда благовѣрный вашъ уйдетъ. При немъ всего вамъ не скажешь. Очень онъ у васъ какой то такой... А дѣло не терпитъ... Курить позволите?

Кудумцевъ вынулъ дорогой украшенный золотыми монограммами портсигаръ и, не спѣша, раскурилъ

папиросу. Валентина Петровна со страхомъ смотрѣла на него. «Значить» — мелькнула въ ея головѣ мысль, — «чума пришла»...

— Бѣжать вамъ надо, вотъ что, — сказалъ Кудумцевъ, — и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Куда бѣжать? — блѣднѣя, спросила Валентина Петровна.

— Это уже куда будетъ угодно вашему командиру... На югъ, думаю, будетъ лучше всего. Скажите, чтобы ѣхалъ на Украину, къ гетману Скоропадскому. Отъ него переберется въ Добровольческую армію. Скажите: туда поѣхали генералы Келлеръ, тамъ онъ и къ генералу Щербачеву на Румынскій фронтъ пробраться можетъ.

Кудумцевъ все зналъ. То о чемъ шептались, то, что узнавали, какъ слухъ, ему все это было точно извѣстно.

— Я Петру Сергѣевичу и документики подготовилъ, — говорилъ Кудумцевъ и изъ бокового кармана досталъ сложенный вчетверо полулистъ бумаги и подалъ его Валентинѣ Петровнѣ. — Извольте видѣть: все честь честью и за надлежащими печатами.

Валентина Петровна развернула поданный ей листокъ. На немъ съ ужасомъ увидала и серпъ и молотъ и сакраментальныя слова «совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ», все то, отъ чего все это время она и Петрикъ такъ тщательно отмахивались.

— Вы что же, — съ нескрываемымъ ужасомъ спросила она Кудумцева, — служите у нихъ?

— Н-нѣтъ... То есть... я присматривался и къ нимъ... Видите, Валентина Петровна, я по началу въ революцію то повѣрилъ. То есть я повѣрилъ, что она для народа, и во всякомъ случаѣ не противъ Россіи... Вы это все благовѣрному вашему передайте. Чего вы не поймете — онъ пойметъ. Мы съ нимъ объ этомъ неоднократно, еще и въ Маньчжуріи, говорили и препирались. Видите, такъ ему и скажите, съ народомъ я бы еще пошелъ. Я люблю простой народъ, и народъ меня любить. Ну тамъ что ли чтобы Похилкамъ, да Хвылямъ стало хорошо и сладко жить, я противъ этого ничего не имѣлъ и такъ я понималъ революцію, ну а вотъ какъ это самое ин-

теллигентское «хи-хи-хи»-то на сцену вылъзло, какъ посмотрѣлъ я на Ленина съ его отвратительной ухмылочкой, то и понялъ я, что тутъ ничего для народа. Это все самая что ни на есть въ мѣрѣ пакость, вотъ она и будетъ править и помыкать. Такъ это, какъ говорится, ахъ оставьте, что то не хочется... Я отошелъ и, отходя, о вашемъ благовѣрномъ подумалъ, ибо никогда ничего худого отъ него не видалъ, да и васъ уважаю крѣпко.. Да и Анеля меня притомъ же просила...

— А гдѣ Анеля?

— Анеля со мною и при мнѣ и останется.

— А Старый Ржондъ?

Кудумцевъ рукой махнулъ.

— Такой же Донъ Кихотъ армейскій, какъ и вашъ благовѣрный. Вздумалъ солдатъ убѣждать итти спасать Государя. Ну и прописали ему этого самаго Государя. Еле живого вытащили. Въ Польшѣ теперь гдѣ то отлеживается. А можетъ и еще куда подался. Все воевать хочетъ. Такой неугомонный. Ну, а Анеля со мною на манеръ законной, хотя и невѣнчанной жены. Видите, какъ оно обернулось. Видите, какой хаосъ теперь. Такъ вотъ въ этомъ то хаосѣ я и пришелъ къ тому выводу, что, простите меня за недамское, не салонное слово, сволочью теперь быть и легче и выгоднѣе и пріятнѣе, чѣмъ честнымъ то человѣкомъ офицерскія фигли-мигли разводить...

— И вы что же стали?... — Валентина Петровна не посмѣла договорить.

— Не совсѣмъ... Казаковать по старинѣ теперь можно. Это все-таки не плохо, ну и опять же съ народомъ, а у меня, такъ сказать, къ простому народу всегда симпатія... Да, вѣдь тутъ, хуже чѣмъ сволочи. Тутъ скоро со всего свѣта самая то есть, что ни на есть пакость сюда набѣжитъ русскую кровь пить. Я народа не боюсь, а вотъ этого то «хи-хи-хи» и очень даже опасаясь. Удавятъ, какъ Шадрина удавили, и ни за какія заслуги не помилютъ. А съ народомъ пока можно погулять, я и погуляю по знакомымъ мѣстамъ. Какъ это по иностранному то говорится: «вино, женщины и пѣсни». Вотъ что я надумалъ. Я по натурѣ, если хотите, — разбойникъ,

но никогда не пакостникъ. И пакостями то я заниматься не хочу и не буду. «Изъ за острова на стражень» — вотъ это мое. «На просторъ рѣчной волны» — вотъ это по моему нраву! И я такихъ молодцовъ наберу, что ай да мы!... Я хочу: — «маршъ впередъ, зовутъ въ походъ, черные гусары»!... Ну и будутъ у меня черные гусары... Я поэтъ, Валентина Петровна. И уже, если лить кровь и погибать самому, такъ — съ музыкой и пѣсней. «Смерть насъ ждетъ», ну и пускай... Мы умереть сумѣемъ. Это, если хотите, тоже сволочь, да только благородная сволочь, а не интеллигентское подхихикиванье. Мнѣ такіе, какъ Дыбенко любы, какъ Муравьевъ, а на такихъ, какъ этотъ жидовскій подхалима Буденный мнѣ плевать. Мнѣ съ такими не по пути. Я служу или Государю или самому себѣ... Ну это такъ между прочимъ... Это мечтанія... А благовѣрнаго сегодня же за заставу спровадьте, да пѣшкой, а не по желѣзной дорогѣ, тамъ прознаютъ — и крышка, въ ящикъ сыграть придется, угробятъ въ два счета. Это они умѣютъ.

Кудумцевъ всталъ, церемонно поцѣловалъ руку Валентины Петровны и, не безпокая Таню, тихо вышелъ на лѣстницу.

Валентина Петровна не провожала его, она какъ сидѣла на диванѣ, такъ и осталась сидѣть. Ея сердце сильно, мучительно билось, какъ билось тогда, когда такой же туманъ стоялъ надъ Петербургомъ и она не могла попасть въ гарсоньерку Портоса. Вотъ она и пришла чу-ма и кончился ихъ «пиръ».

Она ждала Петрика. Знала, какъ трудно будетъ ей уговорить его «бѣжать». И понимала, что настала пора, когда бѣжать стало неизбежнымъ.

XXIV.

Петрикъ вернулся около четырехъ часовъ, когда уже темнѣло и по улицамъ загорались фонари. Онъ пришелъ какой то размягченный. И это показалось Валентинѣ Петровнѣ плохую примѣтою. Въ Петрикѣ никогда

не было особыхъ «нѣжностей». Теперь онъ посадилъ Валентину Петровну подлѣ себя на диванѣ, крѣпко прижалъ къ себѣ и сталъ цѣловать, называя ее нѣжными именами. Онъ и Настеньку вспомнилъ. Онъ благодарилъ Валентину Петровну за все то, что она дала ему.

— Ну все это было и прошло... Что говорить о томъ, чего все равно никогда и никакъ не вернешь... Не въ нашей власти... Я придумалъ... Меня — ты беспокоишь. Что ты будешь дѣлать?

Она догадалась. Онъ надумалъ уходить, но она не посмѣла ему сказать, что знаетъ его мысли.

— Я знаю. У насъ это давно рѣшено съ Таней. Мы уѣдемъ къ ней, въ ея губернію. Въ деревню, тамъ у нея есть какой то дядя, она говоритъ, очень хорошій, святой жизни человѣкъ. Тамъ и переждемъ.

Они оба думали лишь о томъ, что надо какъ то переждать. Оба глубоко вѣрили, что все это временно и даже очень не долговременно.

Осторожно къ нимъ заглянула Таня. Она дѣлала какіе то знаки. Вызывала Валентину Петровну къ себѣ.

— Постой, касатка. Танѣ что то отъ меня нужно. Вѣрно Марья что нибудь по хозяйству.

Она вышла къ Танѣ. Та увлекла ее къ себѣ въ комнату.

— Барыня непременно, чтобы Петръ Сергѣевичъ сегодня не позже ночи, куда ни хотите, а уходилъ. Предсѣдатель домового комитета заходилъ, говорилъ, невозможно, что они такъ долго остаются, на регистрацію не идутъ. И вамъ и всѣмъ отвѣчать придется. Имъ бѣжать надо. Мы съ вами, какъ нибудь отвертимся.

Сближались границы и безъ того тѣснаго круга. Уже и горошины не было, гдѣ бы могли они спокойно жить. Чума подошла къ нимъ вплотную.

Валентина Петровна вернулась въ гостиную.

— Что тамъ такое?

— Ничего особеннаго. Марья спрашивала, можно ли подавать обѣдъ.

— Почему такъ рано сегодня? Впрочемъ, это даже хорошо, что сегодня рано. Я рѣшилъ воспользоваться сегодняшнимъ туманомъ и уйти.

Валентина Петровна вздохнула съ облегченіемъ. Но она и вида не подала, что это ее обрадовало.

— Куда же ты, касатка?

— Я узналъ... Въ Псковѣ есть офицеры... Они за Государя. Хочу пройти на развѣдку, что тамъ? Нельзя же ничего не дѣлать. Грѣхъ это большой.

Она вспыхнула. Два чувства боролись въ ней: чувство радости, что онъ уйдетъ отъ опасности и чувство неизбежности разлуки. Какъ тяжела ей показалась разлука. Но она опять ничѣмъ не выдала своихъ чувствъ.

Она тѣснѣ прижалась къ нему и поцѣловала его въ щеку.

— Ты знаешь, — сказала она, — безъ тебя здѣсь Кудумцевъ былъ.

— А? Онъ съ «ними»?

— Не совсѣмъ. Онъ былъ у нихъ и разочаровался въ нихъ.

— Давно пора. Значить онъ не вполне негодяй.

— Онъ сказалъ, что ты поймешь. Онъ хотѣлъ идти съ народомъ...

— Онъ видалъ гдѣ этотъ народъ?

— И увидалъ, что вмѣсто народа «хи-хи-хи» какое то. Онъ сказалъ: ты это поймешь.

— Да, пожалуй. Онъ правъ. Тутъ народомъ то и не пахнетъ. Ну и дальше?...

— Дальше... Онъ сказалъ, что теперь лучше всего быть... — она смягчила крѣпкое слово горячимъ поцѣлуемъ въ губы, — быть сволочью...

— Скатертью дорога.

— И онъ... Онъ все-таки хорошій... Ты сегодня пойдешь... Мало ли что на дорогѣ можетъ выйти... Онъ вотъ далъ мнѣ для тебя...

Валентина Петровна осторожно подала Петрику удостовѣреніе, данное ей Кудумцевымъ.

Петрикъ брезгливо развернулъ его.

— Это что такое?

— Мало ли что... На заставѣ... — ея голосъ дрожалъ.

— Ты думаешь?... Я съ этимъ пойду?... я, ротмистръ Ранцевъ?

Концами пальцевъ, — Валентина Петровна была увѣрена, что будь тутъ у него по близости перчатки, — онъ и перчатки надѣлъ бы, — Петрикъ осторожно взялъ бумагу за края и сталъ рвать ее на мелкіе клочки.

— Что же, — строго сказалъ онъ, — и ты хочешь, чтобы я тоже въ сволочи поступилъ?... Нѣтъ, ротмистръ Ранцевъ имѣетъ свои законные документы... Отпускной по болѣзни билетъ, подписанный полковникомъ Ржонд-путовскимъ...

У нея было на языкѣ, что этотъ документъ не многого стоить. Не лѣчился же онъ? Но она промолчала. Она знала, на что могъ быть способенъ Петрикъ.

— Ротмистръ Ранцевъ пойдетъ искать правду со своимъ послужнымъ спискомъ, гдѣ точно прописано, кто онъ и какъ, и гдѣ онъ служилъ. Вотъ формы онъ до времени не надѣнетъ, чтобы не дать оскорбить ее невѣждамъ.

Петрикъ всталъ. И точно на Донъ Кихота онъ показался ей похожимъ. Худой, тонкій, стройный, высокій, съ глазами, горящими негодованіемъ. Но онъ сейчасъ же справился съ собою. Онъ понялъ чувства Валентины Петровны. Онъ будто задалъ самъ себѣ вопросъ, не поступилъ ли бы и онъ такъ же, если бы дѣло касалось не его, а ея? И гордо отвѣтилъ себѣ: «нѣтъ такъ бы не поступилъ». И вдвойнѣ ему стало жаль ее. Онъ привлекъ ее къ себѣ на грудь и сталъ покрывать ее лицо нѣжными полными несказанной, невыразимой словами любви поцѣлуями...

XXV.

— Уходи!... Пора!... — а сама привлекала его къ себѣ, покрывала его лицо новыми и новыми поцѣлуями и точно не могла оторваться отъ него... Нѣтъ... постой... я провожу тебя... Хоть до угла... Никого на улицахъ нѣтъ и такой туманъ.

Этотъ туманъ ее смущалъ болѣе всего. Онъ слиш-

комъ уже напоминалъ ей «тотъ» туманъ, того страшнаго дня, когда она потеряла своего любовника, но теперь она провожала не любовника, но мужа.

Она быстро одѣвалась. Не попадала руками въ рукава шубки, не могла застегнуть крючки ботишковъ. Они не звали Таню. Хотѣлось дольше и дольше быть вдвоемъ. Теперь оба уже понимали: — послѣдній разъ.

Была ночь. Тревожная, насупленная, какія были всѣ Петербургскія ночи. Было не очень поздно. Публика не разошлась еще изъ театровъ. Странно показалось тогда Валентинъ Петровнѣ, что и театры были. И было въ эту ночь странно тихо. Нигдѣ не стрѣляли. Къ выстрѣламъ теперь какъ то привыкли и боялись не того, когда стрѣляли, а той зловѣщей тишины, какая бывала тогда, когда не стрѣляли.

Они спустились на улицу. Какой густой туманъ! Никого не было видно. Она проводила его до угла. Изъ молочнаго моря страннымъ и страшнымъ замкомъ возвышались обгорѣлыя стѣны Спасской части. Тутъ въ первые дни революціи неистовствовала толпа и жгла полицейскіе участки. Екатерининскій каналъ былъ затянутъ сплошною пеленою тумана и, казалось, что тамъ былъ уже и край свѣта. Да ей и хотѣлось бы проводить его на самый, самый край свѣта, гдѣ его никакіе «товарищи» не могли бы отыскать.

— Прощай...

Холодныя губы коснулись губъ въ официальномъ поцѣлуѣ.

Онъ повернулъ направо по каналу, она осталась на углу. Онъ шелъ прямой, смѣлый и гордый. Рыцарь не думавшій ни о какой м е ч т ѣ , но неизмѣнившій своему д о л г у .

Она стояла на углу. Обѣими руками она держалась за грудь. Ей казалось, что сердце ея выпрыгнетъ наружу, что надо его поддерживать. Если бы кто ей сказалъ, что это разлука навсегда, она побѣжала бы искать на рѣку проруби. Но все была, все таилась въ глубинѣ сердца надежда, что будетъ день, когда они встрѣтятся и расскажутъ, что было.

Неровными шагами она пошла домой, къ своему неизбѣжному. Она была и осталась «солдатская» жена и ее ожидала расправа новой власти. Она не боялась ее. Она къ ней была готова. Теперь, когда она исполнила свой долгъ, она уже ничего не боялась. Точно сейчасъ къ ней пришло прощеніе всей прошлой жизни, отпущеніе всѣхъ ея прошлыхъ грѣховъ. Она знала, что сегодня къ ней придутъ и она готовилась къ встрѣчѣ. Еще не знала, что будетъ говорить и что будетъ дѣлать, но знала одно: будетъ говорить и будетъ дѣйствовать хорошо, достойно его, такъ что и онъ, если бы былъ тутъ одобрилъ бы ее и остался бы ею доволенъ. Онъ точно все былъ съ нею.

— Вы раздѣнетесь, барыня, — спросила ее Таня.

— Нѣтъ я лягу одѣтой... Вѣдь «они» придутъ.

— Можетъ быть, еще и не придутъ. Предсѣдатель могъ и ошибиться.

— Все равно я лягу такъ. Я не въ силахъ раздѣваться. И вы, Таня, будьте наготовѣ.

— За меня не беспокойтесь, барыня, я для васъ и для Петра Сергѣевича все сдѣлаю, какъ надо.

Валентина Петровна думала, что ей не удастся заснуть, но сверхъ ожиданія заснула скоро. Платье мялось въ постели. Не все ли равно! Она не надѣнетъ его никогда больше... Для кого?...

Сквозь сонъ она услышала звонки на парадной и неистовые стуки въ двери. Такъ еще къ нимъ никогда не стучали. Она поняла: «они» пришли. «Чума» подошла къ ней вплотную. Она сѣла на постели, руками протерла заспанные глаза, подошла къ умывальнику и мокрымъ полотенцемъ освѣжила лицо. Машинально, привычнымъ движеніемъправила смятыя складки на платьѣ. У двери все стучали. Трещала дверь. Ничего... подождутъ. Таня побѣжала открывать. Заглянула въ комнату Валентины Петровны.

— Барыня вставайте... Пришли... Да вы уже и встали...

Точно и не удивилась этому.

Валентина Петровна подошла къ зеркалу. Въ поздней ночи, казалось, тускло свѣтили электрическія лам-

почки. Валентина Петровна увидала свои ставшіе громадными глаза. Они были прекрасны и спокойны. Всѣ ея страхи прошли. Да ничего страшнаго и не было. Ну, пришли и уйдуть... Главное, Петрикъ теперь далеко. Поди — уже за Гатчиной.

На ней было то самое платье, которое такъ любилъ Петрикъ. Она надѣла его когда ожидала его. Она носила его и въ Маньчжуріи. Бѣлое шерстяное, съ широкой юбкой со складками, съ широкимъ поясомъ, въ блузкѣ съ напускомъ на поясъ и въ кружевной горжеткѣ. Блузка высоко была зашпиlena золотою брошью, тоже памятью о Маньчжуріи: дракономъ съ брилліантовымъ глазомъ. На шеѣ было жемчужное ожерелье. На запястьи браслеты. Все это показалось ей сейчасъ такимъ ничтожнымъ и ненужнымъ. Ноги ея слегка дрожали, но сама она была спокойна. Она открыла дверь и по маленькому корридору пошла въ гостиную.

Тамъ уже грозно и грубо въ комнатѣ стучали приклады. Громкіе раздавались голоса. Кто то съ трескомъ откинулъ крышку рояля. Заиграли по клавишамъ. Въ столовой чей то грубый басъ спросилъ Таню: —

— Ну гдѣ же твоя барыня, — послѣдовало такое грубое ругательство, какихъ никогда, должно быть эта комната не слыхала, — подавай намъ ее на серебряномъ блюдѣ.

Громко и грубо захохотали.

— А вы вотъ что, коли пришли по какому дѣлу то и дѣлайте, — строго сказала Таня, — а то не хорошо такъ ругаться. Вы не въ кабакѣ.

Въ толпѣ примолкли. Въ это мгновеніе какъ разъ и вошла въ гостиную Валентина Петровна.

Тѣ страшные китайскіе боги, что нѣкогда пугали ее въ Маньчжуріи, показались ей дѣтскими игрушками въ сравненіи съ тѣмъ, что она сейчасъ увидала у себя въ своей чистенькой и кокетливой гостиной. Богъ ада Чен-Ши-Мяо, его ужасные ен-ваны, черти, распиливающіе людей, всѣ ужасы той кумирни, что ее когда то такъ напугали, — все это были только страшныя куклы. Здѣсь... Въ небольшой гостиной, всю ее сплошь наполняя, было человѣкъ двѣнадцать. Всѣ они были съ ружьями. На

нихъ были накручены пулеметныя ленты и надѣты патронташи. Одни были въ солдатскихъ шинеляхъ, другіе въ черныхъ штатскихъ суконныхъ пальто. Они были вооружены, но они не были солдатами. Въ свалаявшихся грязныхъ папахъ на затылкахъ, съ какими то челками неопрятныхъ волосъ на лбу, съ лицами... откуда только могли они набрать столько уродовъ съ узкими косыми глазами, съ толстыми носами, съ сѣрыми, обвисшими отъ бессонницы щеками — они мало походили на людей. Смерднымъ дыханіемъ, вонью недѣлями не смѣняемаго бѣлья они сразу наполнили всю гостиную Валентины Петровны и сдѣлали въ ней непривычную духоту. Воздухъ сталъ спертымъ и въ немъ тускло горѣли лампы электрической люстры.

По всей квартирѣ топотали эти люди. По корридору, на кухнѣ въ столовой, ванной — вездѣ были слышны ихъ грубые голоса, довольный хохотъ, стукъ сапогъ и громоханье прикладовъ, за штыкъ волочимыхъ ружей. Это все было такъ необычно грубо, такъ не похоже на жизнь, на все то, что привыкла видѣть у себя на квартирѣ Валентина Петровна, такъ въ концѣ концовъ не жизненно, что Валентина Петровна подумала, что ея послѣднимъ сномъ и окончилась ея жизнь, и то что она видитъ теперь это уже тотъ міръ, гдѣ богъ Чен-Ши-Мяо, гдѣ его ен-ваны, гдѣ черти... Впрочемъ тѣ наивныя хвостатые черти, кого она видѣла тогда въ кумирнѣ показались ей теперь просто милыми, въ сравненіи съ этими людьми, въ комъ не было ничего людского и кто были образцомъ наглой грубости.

Одинъ штыкомъ ковырялъ въ струнахъ раскрытаго рояля, въ то время какъ другой съ ожесточеніемъ колотилъ по клавишамъ тяжелыми темными, словно изъ чугуна отлитыми пальцами. Трое развалились на диванѣ и дымили вонючими папиросами. Со стѣнъ снимали фотографіи и картины. Съ пола содрали коверъ. Въ него заворачивали бронзовые часы.

Появленіе Валентины Петровны обратило на себя общее вниманіе.

— Пожаловали наконецъ... Товаришшы, скажите комиссару, товарищъ буржуйка изволили проснуться.

Изъ кабинета Петрика вышелъ молодой человѣкъ небольшого роста. На немъ была напялена черная кожаная фуражка, — ихъ тогда называли «комиссарками». Онъ былъ въ разстегнутой кожаной курткѣ. Лицо съ синими бритыми щеками было сухощаво. Длинный, тонкій, изогнутый носъ клювомъ спускался надъ двумя клочками черныхъ волосъ подъ самыми ноздрями. Человѣкъ этотъ, державшій въ рукѣ большой и тяжелый револьверъ, растолкалъ людей и подошелъ къ Валентинѣ Петровнѣ. Теперь Валентина Петровна увидѣла и его тонкія кривыя ноги въ башмакахъ съ обмотками. Она разсмотрѣла и его наглое жидовское лицо. Она поняла: пощады не будетъ.

Шумъ въ гостиной продолжался. Стонали ковыряемые штыкомъ струны ея прекраснаго Эрара. Точно жаловались онѣ на насиліе хозяйкѣ.

— Товарищи, — визгливо крикнулъ комиссаръ. — Попрошу минуту молчанія... Соблюдайте революціонную дисциплину.

И въ наступившей тишинѣ странно и необычно прозвучали слова, сказанныя полнымъ негодованія груднымъ голосомъ.

— По какому праву вы осмѣлились ворваться ко мнѣ беззащитной женщинѣ?... Вы... Вооруженные... Что вамъ отъ меня слабой и безоружной нужно?

Валентина Петровна подняла голову. Между солдатскихъ грубыхъ лицъ въ дверяхъ прихожей она увидѣла блѣдное лицо Тани. Сразу послѣ ея словъ стало на мгновеніе томительно тихо. Изъ корридора было слышно, какъ, плача, причитала тамъ Марья: — «о, моя бариня. О, моя милая бариня... Что такое они дѣляютъ...»

Еще и еще разъ Валентина Петровна окинула громадными прекрасными глазами всю свою гостиную, всѣ свои, когда то такъ любимыя вещи. Какими ничтожными и ненужными они показались ей сейчасъ! Точно въ эти минуты она со страшною быстротою росла. И, какъ не нужны бывають взрослой ея дѣтскія куклы, такъ не нужны были ей теперь всѣ вещи и самый ея рояль показался совсѣмъ лишнимъ. Она поняла: она шла туда,

гдѣ все это не нужно. Ей казалось, что тѣло ея спадаетъ съ нея и обнажается ея душа. И эта душа ни въ чемъ этомъ тѣлесномъ не нуждалась.

— Имѣется ордерокъ, гражданка, на обыскъ и требованіе арестовать вашего мужа, бывшаго ротмистра Ранцева, какъ злостнаго саботажника.

Это сказалъ, выходя изъ за комиссара, солдатъ, болѣе чисто одѣтый, съ интеллигентнымъ лицомъ.

— Притомъ, — добавилъ онъ, пальцемъ показывая на сверкавшую брилліантомъ брошь и золотые обручи браслетовъ, — сокрытіе цѣнностей, составляющихъ народное достояніе само въ себѣ уже носить характеръ преступленія передъ народомъ.

— Ахъ!... Это?... — съ глубокимъ презрѣніемъ сказала Валентина Петровна. Медленнымъ, размѣреннымъ движеніемъ она отстегнула брошь, сняла съ шеи ожерелье и съ рукъ браслеты и бросила все это къ ногамъ комиссара.

Толпа, какъ стая собакъ, кинулась подбирать съ пола драгоценности.

— Гражданка, — строго сказалъ комиссаръ, — я попрошу безъ всякой истерики.

Прямой не ломающійся взглядъ прекрасныхъ голубо-зеленыхъ глазъ остановилъ его. Онъ замаялся и рѣзко спросилъ: —

— Гдѣ вашъ мужъ — Петръ Ранцевъ?

— Онъ... былъ на фронтѣ... Тамъ его и ищите...

— Неправда. Мы знаемъ. Онъ еще днемъ сегодня былъ здѣсь.

— Если вы знаете лучше меня, зачѣмъ вы меня спрашиваете?

— Обыскали квартиру, товарищи?

— Нигдѣ никого не нашли, товарищъ комиссаръ.

— Я васъ, гражданка, еще разъ и послѣдній, спрашиваю, гдѣ вашъ мужъ.

Ихъ взгляды снова скрестились. И первымъ опустилъ глаза комиссаръ. Онъ несмѣло сказалъ, не поднимая отъ пола глазъ: —

— Гдѣ вашъ мужъ? Если вы намъ не укажете мѣста его нахожденія мы будемъ принуждены арестовать

васъ... И тогда берегитесь... Мы сумѣемъ заставить васъ быть болѣе откровенной.

— Я вамъ сказала уже... Мой мужъ на фронтѣ.

— На какомъ?

— Ахъ... На какомъ?... — чуть дрогнули губы Валентины Петровны. Слезы проступили на ея глазахъ и отъ нихъ еще прекраснѣе, блестящѣе стали ея огромные глаза морской волны. — На какомъ?... Почему я знаю?... На Калединскомъ?... На Корниловскомъ?... На Келлеровскомъ?... Вамъ это лучше знать... На какомъ?... На томъ, конечно, гдѣ бьются за Россію и за ея Государя!

Ея лицо скривилось въ страшную усмѣшку.

— Ха... ха... ха... Русскіе... Солдаты русскіе... и рабочіе... рабочіе... грабятъ квартиру жены русскаго офицера, пошедшаго защищать Царя и Родину... ха... ха... ха!...

— Гражданка... не забывайте. Ваши слова уже есть чистѣйшая контръ-революція...

— Ха... ха... ха... — все смѣялась она, — жидъ... съ ними жидъ... Посмотрите на себя въ зеркало, солдатики... Черти... Прямо, черти...

— Взять ее, — грозно крикнулъ комиссаръ.

Плотная стѣна вонючихъ шинелей окружила и затолкала Валентину Петровну.

XXVI.

Въ прихожей Таня накинула на Валентину Петровну тяжелую лисью ретонду и надѣла на нее шляпу. Еще потребовала Таня, чтобы ей позволили обуть въ ботики ножки ея госпожи.

— Какъ же такъ... по снѣгу, чай, поведете. Какъ же безъ калошекъ то барыня пойдетъ.

Совсѣмъ близко отъ себя видѣла Валентина Петровна большое лицо Марьи. Марья обнимала и цѣловала ее въ «плечико». Все это было какъ во снѣ. Кругомъ

суетились и толкались жесткіе, грубые люди. Было больно, оскорбительно и противно ихъ смрадное прикосновенье. Потомъ она увидала, какъ распахнулись двери прихожей и она очутилась на такъ знакомой ихъ лѣстницѣ, тоже показавшейся ей совсѣмъ необыкновенной. Потянуло холодомъ и снѣжной сыростью улицы.

Да такъ могло быть только на «томъ» свѣтѣ. На этомъ все это было слишкомъ странно и, пожалуй, смѣшно. Во всякомъ случаѣ необычайно и не совсѣмъ прилично. Она шла ночью одна, безъ знакомыхъ, окруженная какими то чужими грубыми людьми. Шла прямо по улицѣ. Ее грубо толкали. Она спотыкалась на снѣжныхъ сугробахъ. Она шла, какъ будто по Петербургу, по тому самому Петербургу, гдѣ она всего нѣсколько часовъ тому назадъ, проводила въ неизвѣстность своего любимаго мужа, все, что у нея осталось на свѣтѣ дорогого, и она не узнавала Петербурга. Онъ былъ точно пустой. И туманъ еще не совсѣмъ разсѣялся. Никто имъ не шелъ на встрѣчу. Да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ — ночь и какой поздній должно быть часъ! Да этого не можетъ быть такъ. Это все... во снѣ... Вдругъ попались такіе же вооруженные люди. Они перекинулись нѣсколькими словами съ тѣми, кто вели Валентину Петровну, и она ничего не могла разобрать, что они говорили, точно они говорили не по русски, а на какомъ то ей совсѣмъ не знакомомъ языкѣ.

И все-таки она узнавала улицы. Съ ея Офицерской свернули на Вознесенскій, пересѣкли Маріинскую площадь и шли по Морской, направляясь на Гороховую. Тамъ въ домѣ Градоначальства, помѣщалась особая коммиссія по борьбѣ съ контрѣ революціей и спекуляціей, называемая «чрезвычайкой». Про нее рассказывали ужасы. Валентину Петровну вели туда. Она не боялась.

Она ждала мученій. Она имъ радовалась. Развѣ не заслужила она всею своею жизнью мученій? И пусть будутъ. Ими она очиститъ себя и спасетъ Петрика. Она «солдатская» жена и она сумѣетъ умереть «за вѣру, царя и отечество». Она знала: теперь больше не дрогнетъ. Теперь совсѣмъ не боится смерти.

Да... Тамъ... За муками и страданіями развѣ ожида-

еть ее смерть? Тамъ «жизнь будущаго вѣка», то именно, что она совсѣмъ безсознательно исповѣдывала всю свою жизнь, какъ только себя помнить.

Она шла, спотыкаясь и едва не падая. Но это было не отъ страха, но отъ слабости. Отъ того, что мало она успѣла поспать. Отъ пережитого волненія. Она шла на смерть и муки, и она не боялась больше смерти... Да и чего ей было бояться? Она умерла. Душа ея покинула тѣло, и точно оставалось только исполнить какую то пустую и легкую формальность, чтобы тѣло окончательно освободило отъ себя душу.

Валентина Петровна радовалась каждому сдѣланному шагу: онъ приближалъ ее къ смерти.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I.

Потомъ, уже много лѣтъ спустя, когда Петрикъ, встрѣчаясь съ такими же, какъ и онъ изгнанными изъ Россіи офицерами, слушалъ рассказы о ихъ скитаньяхъ, переживаніяхъ и обстоятельствахъ ихъ ухода, онъ поражался до чего все это было у всѣхъ болѣе или менѣе одинаково. У каждого было я в л е н н о е Б о - г о м ъ ч у д о . Только мало кто понималъ и замѣчалъ это чудо. Въ вѣкъ матерьялизма было не до чудесъ. Но, какъ иначе, какъ не чудомъ объяснить удачу бѣгства черезъ всю Россію одиночныхъ людей, окруженныхъ врагами и предаваемыхъ на каждомъ шагу? У каждого былъ кто то, кто являлся въ нужную минуту и спасалъ отъ бѣды. То были это крестьяне, вдругъ пожалѣвшіе случайнаго прохожаго, укрывшіе и спасшіе его, то это былъ какой то еврей, помогшій укрыться, то нашелся въ окружившей бандѣ солдатъ, служившій раньше подъ командой и выручившій бѣглеца, но всегда былъ случай, спасшій уходившаго. «Да случай ли это былъ», — думалъ Петрикъ, — «не было ли это соизволеніе Божіе, не было ли это подлинное чудо, какое было и у меня, и кто знаетъ, кто были спасавшіе люди?» Только у Петрика все это было еще необычайнѣе, — онъ бы сказалъ: — «чудеснѣе». И потому никогда не рассказывалъ Петрикъ о своихъ походахъ послѣ того, какъ онъ покинулъ туманнымъ вечеромъ Петербургъ и, оглянувшись, послѣдній разъ увидалъ свое милое Солнышко.

Въ Псковѣ Петрикъ не нашелъ того, что онъ ожидалъ. Возвращаться назадъ было бы безуміемъ и онъ

поѣхалъ съ какими то солдатскими эшелонами на востокъ. Свое тянуло его туда. Зналъ онъ, что нѣтъ никакой надежды найти похищенную дочь, а все-таки ѣхалъ въ Маньчжурію. Люди тамъ здоровѣе и крѣпче. Либо Маріенбурцы, либо Заамурцы — другого выбора не было у Петрика. Но слышалъ, что никого живого не осталось отъ его лихого Лейбъ Маріенбургскаго «холостого» полка. Всѣ положили животы свои «за вѣру, Царя и отечество». Оставались Заамурцы, и та лихая привольная жизнь въ Маньчжуріи, гдѣ такъ много было военного. И Петрикъ потянулся туда, гдѣ оставалась его квартира на посту Ляо-хе-дзы.

Въ пути наблюдалъ Петрикъ и прислушивался къ тому, что творилось кругомъ. Многому за это время научился.

Сквозь заградительную стѣну пытокъ и разстрѣловъ, черезъ которую проходили единицы, а сотни гибли, просачивалась не признавшая большевиковъ Россія, чтобы бороться за свою свободу. Во всѣхъ «бѣлыхъ» арміяхъ было все такъ одинаково, такъ схоже, что надо было только мѣнять названія фронтовъ и имена вождей, — остальное оставалось неизмѣннымъ.

Рокъ преслѣдовалъ Россію.

Мужество и доблесть на фронтѣ. Побѣды, бѣгушій непріятель, громадныя трофеи... и измѣна кругомъ. Добыча, оружіе и патроны утекали точно вода черезъ сито, и драться было не съ чѣмъ. Въ тылу всѣ были одѣты въ добротныя англійскія шинели и башмаки «танки»*), въ тылу этимъ торговали — фронтъ былъ разуть и раздѣтъ. Командующіе и командиры всѣхъ ранговъ ѣхали въ поѣздныхъ составахъ, загромождающихъ пути, войска брели по колѣна въ грязи. Тамъ Украина, Донъ, Кубань и Грузія не поладили съ Южною Добровольческою Арміею. Здѣсь во время не признали Финляндіи и безъ достаточнаго уваженія говорили объ Эстоніи, и предатели, купленные нѣмцами ударили въ

*) Такъ называли въ добровольческихъ арміяхъ тяжелые англійскіе сапоги на толстыхъ подошвахъ, подбитыхъ большими гвоздями.

спину войскамъ, наступавшимъ на Петербургъ. На востокъ измѣнили и грабили Чехи. На югѣ атаманы торговались съ генераломъ Деникинымъ. Въ Сибири другіе атаманы не признавали адмирала Колчака. Вездѣ были громоздкія правительства, особыя совѣщанія и грызня партій. Вездѣ была безпардоннѣйшая болтовня и рѣчи о монархіи и республикѣ, о федераціи и конфедераціи, объ автономіи и «самостійности». Каждый доказывалъ, что вся русская исторія съ ея именами и авторитетами, Устряловыми, Карамзиными, Иловайскими, Ключевскими, Соловьевыми и Платоновыми просто чушь и какое то недоразумѣніе и, подражая большевикамъ, стремился построить какую то новую Россію по американскимъ образцамъ и по личному разумѣнію. Объявились новые казацы «народы» и стремились разодрать въ угоду врагу и безъ того растерзанную Русь на мелкіе клочки. Петрикъ всюду наткался на границы, таможни и прещенія. И все это шло подъ флагомъ свободы и воли народа.

Однихъ предавали англичане, другихъ японцы. Однихъ били въ лагеряхъ французскія цвѣтныя войска, другихъ поляки, третьихъ нѣмцы. И всѣ притомъ считались союзниками. По однимъ при переходѣ границы стрѣляли, разстрѣливая женщинъ и дѣтей, эстонцы, по другимъ румыны, по третьимъ китайцы.

Кажется такой ужасъ былъ всѣми пережитъ, такъ ясно показалъ Господь, что такое Россія безъ Царя, что давно пора было бы всѣмъ объединиться и искать этого Царя, но нѣтъ, — никакого единенія, никакого согласія не было между этими несчастными, травимыми врагомъ и судьбою людьми. Каждый брелъ, пробивая свою тропу сквозь колючій кустарникъ не русскихъ партій, сквозь топи марксизма, социализма и анархизма, въ ту ловушку, что поставили ему масоны и жидаы.

Страданія Россіи и страданія русскихъ въ странѣ, покорившейся сатанѣ во образѣ коммунистовъ и страданія русскихъ въ «бѣлыхъ» арміяхъ среди предательства и измѣны были такъ велики, что міровая исторія не знаетъ имъ равныхъ, и только въ Библии можно прочесть о такой же жестокой мести и издѣвательствѣ евреевъ надъ покоряемыми ими народами. Жидъ мстилъ

Россіи и истреблялъ русскій народъ, пакостя его душу.

Все это видѣлъ и наблюдалъ Петрикъ, о всемъ этомъ слышалъ кругомъ. Но было въ его скитаніяхъ нѣчто странное, не совсѣмъ похожее на то, что было кругомъ. Было такое, что заставило Петрика о многомъ призадуматься и что можно было бы и рассказать, если бы кто сталъ его слушать.

II.

Съ эскадрономъ — во всемъ эскадронѣ было двадцать коней, съ весьма и весьма ненадежными всадниками изъ сибирскихъ варнаковъ, — Петрикъ былъ посланъ отъ арміи Колчака искать связи съ атаманомъ Анненковымъ, дѣйствовавшимъ, по слухамъ, въ Семирѣченской и Семипалатинской областяхъ.

Переваливъ горы Алатау, направляемый, возможно, что и невѣрными свѣдѣніями отъ жителей, Петрикъ спустился въ пустыни китайскаго Туркестана. Онъ искалъ Анненкова въ Урумчахъ, но китайцы указали ему направленіе на Суйдунъ и Кульджу, и Петрикъ вошелъ въ безпредѣльные степи за Хоргосскими горами.

У его солдатъ, были не лица, а какія то звѣриныя морды. Отъ ночлеговъ въ степи у жидкихъ костровъ изъ соломы, отъ холода набѣгавшихъ ночью вьюгъ и жаркаго днемъ, палящаго солнца, ихъ лица зачугунѣли. Маленькіе косые глаза смотрѣли злобно и недовѣрчиво. Когда пошли вдоль Хоргосскихъ горъ, за которыми была «совѣтская» земля, эскадронъ Петрика и вовсе примолкъ и нахохлился.

Подъ Рождество Христово ночевали въ таранчинскомъ кишлакѣ. Рѣзали барана. Въ таранчинской лавкѣ нашли вино ташкентскихъ садовъ Иванова и Смирновскую водку-вишневку. Брали все, ни за что не платя, ибо давно платить было нечѣмъ. Въ хатахъ, занятыхъ солдатами была гульба и пьяныя каторжныя пѣсни.

Петрикъ понялъ, что эскадронъ вырвался у него изъ рукъ и не было у него ни силъ, ни авторитета, чтобы заставить людей повиноваться себѣ.

Петрикъ сидѣлъ въ земляномъ домикѣ таранчинца и слушалъ его скорбныя жалобы на неправду. Что могъ онъ ему возразить? Въ хатѣ пахло чеснокомъ, бараньимъ жиромъ, овчиной и ладаномъ. Въ углу, на пестрыхъ рваныхъ коврахъ, сидѣли жена и дочери хозяина. Онѣ испуганно смотрѣли на Петрика.

— Не стало, бачка, бѣлый царь, — говорилъ на ломаномъ русскомъ узыкѣ пожилой таранчинецъ съ умнымъ, печальнымъ лицомъ, — нѣтъ покоя нашему народу. На небѣ Аллахъ и Магометъ — на землѣ бѣлый царь... ай хорошо, бачка, было... Губернаторъ Фольбаумъ ѣдетъ — киргизъ радуется. Въ Джаркентѣ казаки, смотри, въ Кульджѣ спокойно... Мы двери не запирали. Былъ судъ и защита. Какіе пошли тебѣ теперь люди, страшно сказать: — «совѣтскіе»! Что они, бачка, не рускіе что ли?... Вездѣ объявлена коммуна... И Аллаху не надо. Твои солдаты барана брали, ничего не платили... Когда бѣлый царь былъ, солдатъ чего бралъ, всегда платилъ. Сейчасъ пришли къ твоимъ солдатамъ люди съ совѣтской земли, говорятъ, дѣвушекъ брать будутъ... Ай не хорошо!

Жестяная керосиновая лампочка тускло свѣтила, бросая черныя тѣни. Черезъ стѣны и окна слышно было безобразное пѣніе въ сосѣдней хатѣ. И все это казалось кошмарнымъ сномъ. Въ этотъ сонъ входили печальныя слова таранчинца.

— Съ той стороны пришли люди... Говорятъ: Аллаху нѣтъ... Магомета не надо... Россіи нѣтъ больше... Ты бы пошелъ сказалъ имъ... Ай, не хорошо.

Точно проснулся Петрикъ отъ кошмарнаго сна. Да кошмаръ ли это былъ? Это же жизнь и въ ней у него долгъ... Долгъ солдата-начальника!

— Гдѣ эти люди? — глухо спросилъ онъ.

— Съ твоими солдатами сидятъ. Водку пьютъ... Ты, бачка... я тебя понимаю, ты не съ ними... ты бѣги лучше... Я лошадь тебѣ давай... Бѣги на Кульджу... Тамъ Китай тебя укроетъ... Онъ тебя теперь не боится — онъ

китайского солдата боится... Бѣги... Я лошадь... сейчасъ...

«Бѣги». Это слово прозвучало, какъ похоронный ударъ колокола. «Бѣги»... Отъ кого? Отъ своихъ людей?

— Гдѣ они? — еще разъ повторилъ Петрикъ, будто все еще не понялъ или не хотѣлъ понять, что говорить ему таранчинецъ. Чувствовалъ, что вотъ оно и къ нему пришло то страшное, нелѣпое, что было кругомъ и что до сихъ поръ его не затронуло.

Петрикъ всталъ съ земли. Онъ сидѣлъ такъ же, какъ и таранчинецъ на полу, поджавъ ноги. Надѣлъ полушубокъ и поясъ съ револьверомъ. Надѣлъ черезъ плечо винтовку. Въ гражданской войнѣ безъ винтовки нигда не ходилъ.

Таранчинецъ по своему понялъ его сборы: бѣжать хочеть.

— Я тебѣ лошадь свою посѣдлаю... Тутъ во дворѣ и ждать буду. Ты туда не ходи. Тамъ не хорошо. Иди на востокъ. Къ утру на Суйдунскую дорогу выйдешь. Тамъ столбы видать.

Петрикъ вышелъ изъ хаты. Въ неясномъ звѣздномъ свѣтѣ тускло намѣчались стѣны хатъ и точно нарисованы были окна, освѣщенные изнутри. Въ сарайчикѣ тихо заржала лошадь. Хозяйина почуяла.

Дико ревѣли голоса поющихъ въ хатѣ, занятой его эскадрономъ. Нельзя было разобрать словъ. Что то стихійное и жуткое было въ этомъ пьяномъ пѣніи. Сухой ночной морозъ сковалъ арыки, и они не звенѣли, какъ звенѣли днемъ, когда Петрикъ входилъ въ кишлакъ. Звѣздный узоръ раскинулся по глубокому, темному небу. Сквозь пѣсню стало слышно, какъ звякнули стремени таранчинскаго сѣдла, когда набрасывали его на конскую спину. Тяжело вздохнула лошадь. Ночь въ степи молчала, и было прекрасно и величественно ея молчаніе.

Не хотѣлось Петрику итти къ своимъ пьянымъ людямъ. Но тамъ были большевики, и это былъ его долгъ разобрать, кто и зачѣмъ туда къ его людямъ пришелъ.

Медленно, — но легка была походка, и каждый

мускуль отвѣчалъ на біеніе сердца, — Петрикъ сошелъ съ невысокаго крыльца, подошелъ къ кривымъ воротцамъ двора, утвержденнымъ въ земляной стѣнкѣ и вышелъ на улицу. Слышнѣе стало пьяное, дикое пѣніе.

Въ пятидесяти шагахъ кишлакъ кончался. Дальше была степь и пустыня. У края валялись жерди огорожи и за ними была большая скирда хлѣба. Все это, какъ сквозь сонъ, запримѣтилъ Петрикъ и рѣшительно подошелъ къ хатѣ, откуда дикими переливами звучала пѣсня.

Было мгновеніе колебанія. И тянула и звала въ даль ночная степь. Сулила покой. Но... Долгъ!

Петрикъ, поборовъ себя, подошелъ къ хатѣ. Разлатыя черныя яблони простирали вѣтви къ крыльцу. Сквозь дверныя щели сквозилъ свѣтъ.

Петрикъ рѣзкимъ движеніемъ распахнулъ двери. Яркій и жаркій свѣтъ, душный, спертый, угарный воздухъ бросились ему въ лицо. Онъ, на мгновеніе задержавшись на порогѣ, смѣло вошелъ въ хату.

III.

Не сразу и какъ то неувѣренно раздалась команда: «смирно... встать». Но никто не всталъ. Точно и не было этой команды. Большая, просторная, низкая хата съ землянымъ поломъ и жидкимъ потолкомъ изъ камыша биткомъ была набита людьми. Раздѣвшись до рубахъ солдаты эскадрона Петрика сидѣли на чемъ попало — на полу, на низкихъ таранчинскихъ столикахъ, на кровати хозяина. Подвѣшенная къ потолку лампа «геліосъ» горѣла ярко и коптила. Ея стекло было въ черныхъ потекахъ. Копоть сизымъ туманомъ стояла въ хатѣ. Желѣзный плоскій абажуръ отражалъ разсѣянный свѣтъ на сидѣвшихъ. Было душно и угарно. Полосы махорочнаго дыма стояли надъ людьми.

Быстрымъ наметаннымъ взглядомъ Петрикъ охватилъ всѣхъ бывшихъ въ хатѣ. Онъ сразу замѣтилъ

двухъ молодыхъ людей, не принадлежавшихъ къ составу эскадрона. Они, какъ почетные гости, сидѣли на постели хозяина. На нихъ были чистыя «гимнастерки» зеленоватой ткани безъ погонъ. Смятыя рабочія каскетки были заломлены на затылокъ, что придавало имъ наглый и непріятный видъ. Они смотрѣли на Петрика жесткими, любопытными глазами. Петрику показалась въ ихъ взглядахъ насмѣшка и вызовъ. Прямо и рѣшительно, шагая черезъ своихъ солдатъ, Петрикъ направился къ нимъ.

— Вы кто такіе?... Откуда вы взялись, что вамъ здѣсь нужно? — громко и твердо спросилъ онъ.

Тѣ продолжали сидѣть. Насмѣшка играла на ихъ лицахъ. Петрикъ схватилъ ближайшаго къ нему за воротъ рубахи, но тотъ спокойно и твердо отвелъ руку сфидцера. Лицо его стало серьезнымъ.

— Не замай, товарищъ. Не твое дѣло, что мы за люди? Мы къ землякамъ пришли.

— Какъ смѣешь ты мнѣ такъ отвѣчать. Встать, и вонъ отсюда. Чтобы и духа вашего не было тутъ у меня въ эскадронѣ, — грозно крикнулъ Петрикъ.

Сзади него колыхнулись его люди. Сплошной стѣной стали за нимъ, и въ ихъ мрачномъ молчаніи Петрикъ почуялъ измѣну. Звякнули разбираемыя отъ стѣнъ винтовки. Тутъ, тамъ щелкнули взводимые курки. И кто то сзади изъ своихъ людей строго сказалъ: —

— Это, товарищъ, оставить теперь надо. Не при царскомъ режимѣ разговариваете.

Петрикъ оглянулся.

Говорилъ вахмистръ Догадовъ, тяжелый не молодой солдатъ. Изъ подъ широкаго размаха густыхъ, черныхъ бровей неломаящийся взглядъ встрѣтилъ Петрика.

— Это еще что такое? Догадовъ, ты съ ума спятилъ!... Или пьянъ совсѣмъ... Взять этихъ людей подъ караулъ!

— Пили не на ваши деньги, — серьезно, въ упоръ глядя на Петрика, сказалъ Догадовъ. — Эти люди вамъ ничего не сдѣлали. Они пришли къ намъ обогрѣться.

— Свои же русскіе люди, — сказалъ кто то сзади

— Правильные люди и правильно говорятъ...

Гуль голосовъ нарасталъ. На Петрика напирали его солдаты. Пришельцы продолжали спокойно сидѣть. На губахъ у ближайшаго къ Петрику играла насмѣшливая улыбка.

— Это что такое?... Бунтъ?... — крикнулъ Петрикъ и выхватилъ изъ кобуры револьверъ. Въ тотъ же мигъ одинъ изъ пришельцевъ протянулъ руку къ Петрику и спокойно сказалъ: —

— Довольно! Товарищи, уберите этого царскаго гада.

Кто то сзади схватилъ Петрика за винтовку и стремился повалить его. Никто не тронулся, чтобы помочь Петрику. На лицахъ солдатъ Петрикъ видѣлъ любопытство и жажду крови. Пьяныя улыбки играли на нихъ. Но солдаты еще держались въ сторонѣ. Ожидали чья возьметъ.

И тотъ, кто изъ чужихъ былъ постарше, вдругъ какъ то неожиданно ядовито и тонко засмѣялся: «Хи-хи-хи»...

— Совѣтскіе мы люди... Большевики, паренекъ... Хи-хи-хи... Пришли посмотрѣть, какъ съ бѣлогвардейской скотины товарищи шкуру драть будутъ.

Мысль неслась ураганомъ. То, что передумалъ въ эти жуткія секунды Петрикъ было длинно и значительно. А не прошло и мига. Онъ вспомнилъ сейчасъ же то, что говорилъ ему когда то Кудумцевъ объ этомъ интеллигентскомъ «хи-хи-хи», о взрывчатой его силѣ. Онъ понималъ, что оно уже зажгло его людей и онъ не можетъ на нихъ рассчитывать. Горящій фитиль поднесенъ. Порохъ сейчасъ взорвется. Конецъ его наступаетъ. Еще охватило гадливое сознаніе зависимости отъ этихъ людей и точно оплеуха ихъ обращенія съ нимъ, офицеромъ. Вспомнилось, какъ давно, въ Петербургѣ, когда онъ возвращался съ Охты, вотъ такъ же его старался задѣть и оскорбить какой то матросъ, и рабочіе надъ нимъ смѣялись. То было отвратительное чувство какого то слизкаго, грязнаго оскорбленія. Но тогда онъ не могъ. Теперь все было въ его рукахъ. И не въ силахъ будучи сдержать ненависти и презрѣнія къ смѣявшемуся надъ нимъ пришельцу, Петрикъ рѣзкимъ движеніемъ, не цѣ-

лясь, въ упоръ выстрѣлилъ въ лицо ему и сейчасъ же рукояткой револьвера сбиль съ потолка лампу, разбивъ ея резервуаръ. Въ наступившей затѣмъ темнотѣ и растерянности, почувствовавъ свободу отъ державшихъ его сзади людей, Петрикъ протолкался сквозь людскую стѣну и выскочилъ на дворъ.

Вотъ онъ, когда и какъ наступилъ моментъ неизбѣжнаго бѣгства!

Холодный воздухъ сгонялъ съ Петрика приступъ безумія и направлялъ его мысли. Сзади дикіе неслись крики.

— Лови... Дяр-жи... Дяр-жи!... Мать его!... Дяржи командира!.. Сукина кота!..

Рѣзко, оглушая и опалая раздались ружейные выстрѣлы. Пули засвистали въ ночномъ воздухѣ.

Петрикъ уже былъ за калиткой.

— Тюра!... Сюда, — сквозь трескотню ружей донесся къ нему задущенный крикъ. У выхода изъ кишлака чуть намѣчалась въ сіяніи звѣздъ маленькая таранчинская лошадка. Петрикъ вскочилъ на нее. Таранчинецъ вывелъ ее за ворота.

— Прямо, бачка, на востокъ. Скачи скорѣй.

Таранчинецъ рукой показалъ направленіе. Холодная степь зашуршала подъ ногами заскакавшей лошади сухими зимними травами. Еще и еще гдѣ то въ небѣ просвистали пули. Крики и выстрѣлы становились тише и смолкли. Никто не рѣшился преслѣдовать Петрика.

Лошадь скакала, неуклюже, какъ то бочкомъ, прыгая черезъ попадавшіеся мелкіе и узкіе арыки. Впереди было небо, степь, одиночество и полная ничѣмъ ненарушимая тишина. Съ неба лились на Петрика благословляя его, кроткіе лучи звѣздъ. Подъ ногами шуршала трава. Ледяной вѣтерокъ подувалъ съ востока. Большая Медвѣдица широко раскинулась по небу, и ярко въ безпредѣльной вышинѣ влѣво отъ Петрика мигала далекая Полярная звѣзда. Правильно было направленіе. Но куда вело оно?

На маленькомъ таранчинскомъ сѣдлѣ сидѣть было неудобно. Коротки были и скользки стремяна. Лошадь

шла спотыкающейся шаткой тропотою и тяжело водила боками. И опять было сознаніе безграничной свободы, отсутствія связывающаго долга. И... мысли...

...«Что заставило таранчинца, жертвуя жизнью, спасти его. Любовь? Откуда? Какая любовь? Кто проповѣдалъ ее ему? Магометъ? Почему Магометъ оказался выше Христа? Христіане были тѣ, кто осыпалъ его скверной руганью, провожалъ выстрѣлами изъ винтовокъ и едва не убилъ. Христіане... Православные... Ихъ когда то учили любви, способной душу свою положить за ближняго, а вотъ пришло это гнусное, все отрицающее, подлое «хи-хи-хи», и куда дѣвалась вѣра и любовь? Какъ легко они смѣнились злобою и ненавистью?»

Холодно и страшно было отъ этихъ мыслей. За Россію страшно. «Что же будетъ со всею великой Россіей, если она окажется во власти этихъ людей, у которыхъ ничего не было святого?»

Лошадь шла, сбиваясь на шагъ. Ночь казалась свѣтлѣе. Петрикъ зналъ это явленіе: глаза привыкали къ темнотѣ. И все была степь, все такъ же тихо шуршали травы и терпкій запахъ сухихъ ихъ сѣмянъ обдавалъ Петрика, словно вливая въ него живительный бальзамъ.

IV.

Утро застало Петрика въ пустынь, среди ея мертвой, зимней тишины. Въ низкихъ туманахъ вставало солнце. Сквозь ихъ мутную пелену прозрачнымъ золотымъ громаднымъ шаромъ поднималось оно надъ небосводомъ, и казалось долго не могло оторваться отъ розовой степи. Петрикъ слѣзъ съ лошади и оглядѣлся. Нигдѣ... Никого... Вотъ, когда понялъ онъ, какое чудо совершилось съ нимъ! Потянуло его на молитву. Молитва была безсвязна, тиха и какъ бы задумчива. Она перебывалась воспоминаніями о Солнышкѣ, о потерянной Настѣ, о полкѣ, о всѣхъ, кого любилъ и кто ему былъ

дорогъ. Она не походила на молитву, но видно, доходила до Господа. Стало легко и спокойно на душѣ послѣ нея. Подлѣ Петрика на свободѣ паслась его лошадь, щипала скудныя травы, махала по привычкѣ хвостомъ и тяжело вздыхала. Далекія низкія горы наливались свѣтомъ, лиловѣли, становились прозрачными, аметистовыми, ударяли въ розовый топазъ, а на ихъ хребтѣ серебромъ разблистались снѣга. Травы, по поясъ, золотились. Алмазами разгорались на нихъ тающія снѣжинки. Голубѣли ихъ тонкіе, изсохшіе, плоскіе листья. Кругомъ была покойная, ничѣмъ не нарушимая тишина. Набѣжить вѣтерокъ, прошелестить сухими травами, точно скажетъ что то, но тишины не нарушить. Кажется, слышно, какъ поднимается солнце. Точно тамъ на востокъ кто то незримый, неслышный поетъ гимнъ.

Хотѣлось ѣсть. Маньчжурскій опытъ говорилъ Петрику: съ голода не пропадетъ. Винтовка за плечами. Пять обоймъ въ патронташѣ. И фазаны и сайгаки должны быть въ степи. Петрикъ платкомъ протеръ винтовку. Разсѣдлалъ и спуталъ ноги лошади и пошелъ на охоту. Пригрѣвало зимнее солнышко. Клонило ко сну. Все тѣло ломило отъ усталости безсонной ночи. Но не страшно, а пріятно было полное одиночество въ безкрайней степи.

И пошла жизнь, такъ не похожая на прежнюю жизнь. Куда дѣвалась «культура»? Петрикъ обросъ бородою. Сѣдина пробила его закосматившіеся волосы. Звѣриная была жизнь. Да и время было звѣриное. Не одинъ Петрикъ странствовалъ тогда волчьей поступью по бѣлому свѣту, но тысячи такихъ какъ онъ Петриковъ шатались по пустынямъ, переплывали моря, ища родину, которая выгнала ихъ за то, что они слишкомъ любили ее. Какъ легчайшія сѣмена какого то растенія, сорванные ураганомъ, неслись по бѣлому свѣту русскіе люди, гонимые нуждою и голодомъ.

Волчья жизнь. Всегда на сторожѣ. Во всякомъ человѣкѣ надо было видѣть врага. Каждого сторониться, готовить выстрѣлъ, или уходить. Кругомъ пустыня. Память подсказывала скудныя свѣдѣнія изъ географіи. Гдѣ то на востокъ — Кульджа. Но развѣ тамъ спасеніе?

За нею безкрайняя пустыня Гоби. На югъ Тибетъ. Куда итти, гдѣ можно жить бѣглецу, отъ котораго отказалась Родина? Что дѣлать? Тысячи вопросовъ! На нихъ не находилось отвѣта. Отвѣтъ былъ одинъ: — долгъ. Долгъ бороться за Родину. Отстаивать ее отъ насильниковъ и, значить, искать такихъ же, какъ и онъ людей.

Вечерѣло. Который это былъ вечеръ въ пустынѣ Петрикъ не помнилъ. Когда дни такъ похожи одинъ на другой, когда нѣтъ ничего, что отмѣчаетъ одинъ отъ другого трудно ихъ считать. Голубѣли дали на востокѣ. И тамъ чуть намѣтились кривые столбы телеграфа. Суйдунскій, значить, тамъ былъ трактъ. Но что такое былъ для Петрика Суйдунъ? Ему нужна была Россія, гдѣ онъ оставилъ все, что было ему такъ дорого.

На западѣ весь небосводъ пылалъ закатными огнями. Точно въ огнѣ была Россія, которую онъ оставилъ, спасая себя. Петрикъ долго, въ раздумьи смотрѣлъ на западъ.

По Кульджинской дорогѣ поднялась рѣдкая и высокая пыль. Она завилась длинной полосой. И не Петрику надо было говорить, что тамъ идетъ конница. По крайней мѣрѣ три эскадрона шло тамъ, направляясь къ Россіи.

Скрываясь въ высокой травѣ, Петрикъ крался къ дорогѣ, стараясь высмотрѣть, кто идетъ, врагъ или другъ. И врагъ теперь походилъ на друга, и друга нельзя было отличить отъ врага.

Конница шла безъ дозоровъ, безопасно. Точно возвращалась съ ученія или проѣздки. Это могли быть китайцы. Но весь ихъ строй, крупные, рослые лошади, перваго эскадрона, порядокъ и стройность движенія не походили на китайцевъ. Копья пикъ алмазами вспыхивали въ пыли. Колонна, когда глядѣтъ на солнцѣ, казалась черной. И вдругъ народилась пѣсня.

Русскіе...

Петрикъ за это время научился по пѣснямъ различать большевицкія части отъ частей добровольческихъ. Большевики пѣли больше частушки. Да еще была у

нихъ, особенно, въ сибирскихъ войскахъ глупѣйшая пѣсня «Шарабанъ».

«Ахъ, шарабанъ мой, американка... Коль денегъ нѣтъ — продамъ ноганъ»... И почему то, когда пѣли эту пѣсню красногвардейцы, или вооруженные рабочіе неистовая, невыразимая словами скука царила кругомъ. Гочно послѣднія наступали времена.

Добровольцы пѣли старыя русскія солдатскія пѣсни. Въ большой модѣ повсюду была пѣсня, составленная въ Японскую войну, но тогда не пошедшая, а теперь пришедшаяся какъ то особенно по душѣ добровольческимъ частямъ. «Мы, русскіе солдаты»... звучало теперь гордо и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательно. Когда пѣли эту пѣсню многіе не выдерживали и плакали.

Эти пѣли что то новое, какъ будто нотное и торжественное.

Стреноживъ лошадь и спрятавъ ее въ густой сухой чепыгѣ, Петрикъ, прикрываясь травами, ползъ къ конной колоннѣ, все время прислушиваясь къ пѣснѣ и стараясь разобрать слова.

Уже виденъ сталъ черный строй идущихъ солдатъ. Набѣжалъ вечерній вѣтерокъ, колыхнулъ большое знамя въ головѣ эскадроновъ. Приникъ къ землѣ Петрикъ. Показалось ему, что знамя было красное. Съ земли, между травъ присмотрѣлся. Во все полотнище развернулось знамя и стало отчетливо видно. Это было знамя изъ тяжелаго, должно быть, шелка. Большевики такихъ знаменъ не имѣли. Оно было розово-малиноваго цвѣта и по краямъ обшито золотою бахромою. Подползая ближе и приглядываясь, Петрикъ разсмотрѣлъ пятиконечную золотую звѣзду, лучомъ кверху, посерединѣ полотнища. Вокругъ звѣзды золотая вилась надпись. По верхней дугѣ значилось:

— « С ъ н а м и Б о г ъ » , и, замыкая надпись въ кругъ, внизу стояло:

— « И а т а м а н ъ » .

Не атаманъ ли то Анненковъ былъ? Тотъ, къ кому имѣлъ порученіе Петрикъ. Петрикъ всталъ съ земли и смѣло пошелъ къ коннымъ частямъ. Въ тотъ же мигъ примолкшіе были пѣсенники начали пѣть.

Звонкій, хорошій, хотя и надорванный голосъ на всю пустыню звенящимъ теноромъ завелъ:

«Начинай, запѣвай пѣсню полковую,
Наливай, выпивай чару круговую...

И дружный мужской хоръ подхватилъ:

«Маршъ впередъ, трубятъ походъ
Черные гусары...

Петрикъ зналъ эту пѣсню. И исполненіе и самые голоса показались ему знакомыми. Пѣсня была полковою пѣсней Александрійскаго гусарскаго полка. И въ прежнія времена, кто посмѣлъ бы ее пѣть, кромѣ самихъ Александрійскихъ гусаръ, или ихъ самыхъ близкихъ друзей? Пѣсня была собственностью полка. Она была «полковая». Теперь, — Петрикъ это понялъ: — «грабь награбленное». Собственность была отринута не одними большевиками, но и вообще кругомъ не церемонились съ «чужимъ». Все было свое. Все было на потребу человѣку. Жали тамъ, гдѣ не сѣяли. Но и зная съ именемъ Божиимъ, и пѣсня показали Петрику: бояться нечего. Кто? не все ли равно? Во всякомъ случаѣ не большевики. Петрикъ вернулся къ лошади, распуталъ ей поги и поѣхалъ за эскадронами.

...«Коль убьютъ — не тужи, —
Доля знать такая,

звенѣло въ вечернемъ воздухѣ, навѣвая сладкую тоску. Смирясь и успокаивая завершалъ хоръ: —

Маршъ впередъ, трубятъ походъ
Черные гусары...

V.

Золотая пыль стала рѣдкой и исчезла, и съ нею исчезли, точно подъ землю ушли, и темные всадники. И только голоса еще звенѣли въ вечернемъ воздухѣ. Въ степи была глубокая падина. Должно быть тутъ была гдѣ нибудь и рѣка. Петрикъ стороною отъ дороги, прямо по степи поѣхалъ наперерѣзъ конной части. Не поѣхалъ онъ и тысячи шаговъ, какъ очутился на краю глубокаго оврага. Въ лессовомъ слоѣ рѣка проложила себѣ глубокое русло. Чуть извиваясь съ сѣвера на югъ текла степная рѣка. Оба берега были въ крутыхъ, мѣстами отвѣсныхъ обрывахъ. Русло было широко. Средину его, какъ и водится въ при Илійскихъ рѣчкахъ, была завалена мелкою обточенною водою галькою. По ней въ бѣлой пѣнѣ неслась рѣчка. Края ея обмерзли и были въ прозрачной снѣжной бахромѣ. Въ это русло и врѣзывался длиннымъ пологимъ спускомъ, идущимъ къ броду широкий и пыльный Кульджинскій трактъ. Вправо отъ этого спуска, вдоль рѣчного русла широкимъ ковромъ протянулась вѣчно зеленая луговина. На ней большимъ становищемъ раскинулись киргизскія кибитки. Въ сторонѣ были сбиты въ стада и отары коровы и бараны. Пестрый табунъ стоялъ у воды. Дымъ костровъ поднимался между кибитокъ. Шумъ стадъ, мычаніе и блеяніе, тотъ своеобразный концертъ пустыни, что такъ характеренъ для пустынь и степей Средней Азіи, несся оттуда. Къ этому пестрому становищу спускались черныя эскадроны. Съ края обрыва они были отчетливо видны Петрику. Это и подлинно были гусары. Въ черныхъ доломанахъ съ бѣлыми, грубо нашитыми шнурами, въ черныхъ шапкахъ съ изображеніемъ череповъ и мертвыхъ костей, они представляли странное и, Петрикъ подумалъ, «нелѣпое» зрѣлище въ этой пустынѣ между пестрыхъ кошмъ и ковровъ многочисленныхъ, въ безпорядкѣ стоящихъ кибитокъ. Впрочемъ, эти мѣсяцы скитаній, все то, что пришлось за нихъ видѣть Петрику, научили его ничему не удивляться. Вся Россія вы-

ворачивалась на изнанку и, казалось, не могло быть въ ней ничего ни страннаго, ни удивительнаго, ни нелѣпаго. Все было возможно въ этой невозможной жизни.

Эскадроны между тѣмъ выстроили развернутый фронтъ. Не безъ строевого щегольства, однообразно «по приѣмамъ», слѣзли и начали ставить лошадей по коновязямъ.

Петрикъ направился къ спуску. У кручи на дорогѣ стоялъ часовой гусарь.

— Гей! кто ѣдетъ, — наигранно грозно крикнулъ онъ. — Що за чоловікъ?

Часовой былъ юный парень, почти мальчикъ, съ круглымъ румянымъ безусымъ лицомъ. Онъ былъ тоже въ плохо пригнанномъ, какомъ то доморощеннымъ портнымъ «построенномъ» доломанѣ, мѣшковато на немъ сидѣвшемъ. Какою-то опереткою, чѣмъ-то совсемъ не серьезнымъ, вѣяло отъ него. Онъ взялъ ружье «на руку» и еще свирѣпѣе крикнулъ:

— Что пропускъ? Стрѣлять буду!

Петрикъ остановилъ своего коня и слѣзъ.

— Пропуска я не знаю, а имѣю порученіе и хотѣлъ бы повидать начальника. Это отрядъ атамана... — Петрикъ едва не назвалъ Анненкова, но во время остановился. Богъ знаетъ, что за люди были передъ нимъ? Можетъ быть, еще и большевики. Обнаруживать себя не приходилось.

— По какому такому дѣлу къ атаману? Не отъ большевиковъ?.. Погодить, я старшого кликну.

Петрика увидали и съ бивака. Нарядная группа направлялась къ нему. Впереди въ густо расшитомъ серебряными шнурами доломанѣ шелъ, должно быть, офицеръ. Онъ подошелъ къ часовому и спросилъ его, что это за человѣкъ? На груди у офицера была колодка съ двумя солдатскими георгіевскими крестами. Что-то знакомое было во всей ухваткѣ этого офицера. Петрикъ приглядѣлся, всмотрѣлся, вспомнилъ и, наконецъ, и узналъ, да и узнать было не трудно. Унтеръ-офицеръ Похилко такъ мало перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ его не видалъ Петрикъ. Но Похилко, тоже приглядывавшійся къ слѣзшему съ коня неизвѣстному бродягѣ не

могъ, конечно, узнать въ этомъ истерзанномъ, въ лохмотьяхъ солдатскаго платья, съ сѣдыми лохмами волосъ всегда такого изящнаго и щеголеватаго ротмистра Ранцева.

Онъ молодецкато и съ важностью, съ легкой перевалкой, подошелъ къ Петрику и надменно строго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и покровительственно спросилъ:

— Откуда ты, молодецъ?

— А развѣ, Похилко не узналъ меня?

Офицеръ всмотрѣлся еще разъ въ говорившаго и сказалъ нерѣшительно:

— Ньюжи же?.. Петъ Сергѣичъ Ранцевъ? Командиръ нашъ?

— Съ кѣмъ и кто ты, Похилко?

Широкая улыбка расплылась по лицу Похилки. Онъ протянулъ «дощечкой» свою плоскую тяжелую руку Петрику и, неловко кланяясь, сказалъ съ достоинствомъ:

— Есаулъ Похилко. Окончательно невѣроятно, какъ это вы измѣнились. Ну, да надо полагать и чего не пережили съ этими проклятыми. Только по кресту вашему Егорьевскому и призналъ васъ. Батюшки! Совсѣмъ сѣдые! Ну, у насъ поправитесь. Отойдите. Пожалте къ атаману. Безконечно даже обрадованъ будетъ атаманъ васъ повидать. Какъ же! Такіе пріятели! Боевые соратники!

— Да кто же у васъ атаманъ? Анненковъ?

— Н-никакъ нѣтъ. Да вы развѣ не знали? Случайно, нѣшто прибудили къ намъ. Я думалъ, вы знали. Искали насъ. Насъ... того... Стоитъ и поискать. Гдѣ теперь бы что-либо такое отыскать въ Россіи можете, чтобы такая свобода и вмѣстѣ съ тѣмъ дисциплина!.. Кудумцевъ съ у насъ атаманомъ. Кудумцевъ, Анатолій Епифановичъ. Какъ же, Толя Кудумцевъ, вотъ кто у насъ атаманитъ теперь. Можете такое представить. Товарищи, приберите коня ротмистра. Пожалуйста, Петръ Сергѣевичъ со мною. Тутъ у насъ много прекраснаго найдете.

Дѣло принимало неожиданный оборотъ. Кто такой Кудумцевъ? Можно ли довѣрять ему. Но выбора не было. Оставалось отдаться на волю Бога. Петрикъ сталъ спускаться съ Похилко къ послу.

Они проходили вдоль коновязей. Въ первомъ эскадронѣ лошади были на подборъ рослые, отличные текинцы, всѣ, какъ, впрочемъ, и во всемъ отрядѣ, вороные. Они были прекрасно содержаны и подобраны по-любительски. Во второмъ эскадронѣ лошади были мельче, но это тоже были прекрасные Сартовскіе карабаиры съ тонкими, словно точеными ножками и лобастыми азіатскими головками. Въ третьемъ были маленькіе, но крѣпкіе киргизы. Какъ видно, Кудумцевъ умѣло воспользовался крушеніемъ и разгромомъ Россійской кавалеріи и набарантовалъ въ свой отрядъ, гдѣ только могъ, очень не плохой ремонтъ. Сѣдла, въ порядкѣ положенныя вдоль коновязей, могли бы быть лучше. Тутъ была полная пестрота. Были текинскія, и рядомъ лежали маленькія сартовскія. Были сѣдла казачьи съ черными ржавыми кожаными подушками, были и кавалерійскія сѣдла. Винтовки были составлены въ козлы. Пики были въ «кострахъ», сабли и шашки, были и тѣ и другія, лежали въ порядкѣ на сѣдлахъ. Бродившіе между коновязей люди въ черныхъ доломанахъ и такихъ же чакчирахъ вытягивались при приближеніи Похилко и подчеркнуто старательно отдавали ему честь.

— Живемъ, какъ видите, — сказалъ, улыбаясь, Похилко. — У насъ порядокъ, дисциплина. Сытость. Лучшаго теперь нигдѣ не найдете. А свобода!... Гульба! Да, вотъ поживете, посмотрите. Я полагаю нигдѣ такого житья не сыщете.

За бивакомъ на нѣкоторомъ возвышеніи, именно на томъ самомъ вѣчно зеленомъ лугу, который еще сверху примѣтилъ Петрикъ, стояли три богатые кибитки, соединенныя между собою корридорами изъ кошемъ. Передъ средней два черныхъ гусара держали караулъ, стоя съ обнаженными саблями у входа. Тутъ же воткнуто было въ землю между нарочно врытыми для того колышками и тяжелое блѣдно-малиновое знамя. Здѣсь Похилко рукою пріостановилъ Петрика и сказалъ:

— Обождите маленько. Сейчасъ доложу атаману. То то обрадую его! Какъ же! такой неожиданный гость!

Похилко, пролѣзая въ юрту, приподнялъ холстяной пологъ, и Петрикъ увидалъ за нимъ яркій свѣтъ множе-

ства свѣчей. Точно тамъ какое-то шло богослуженіе и зажжены были многіе огни. Блеснуло тамъ, такъ показалося Петрику, еще и золото и пестрота шелковыхъ ковровъ и вышивокъ.

За кибиткой на особой малой коновязи стояло три посѣдланнхъ лошади, накрытыхъ поверхъ сѣделъ богатыми коврами. Петрикъ узналъ вкусы Кудумцева и его пониманіе лошадей. Кони были одинъ лучше другого. За коновязью на площадкѣ стоялъ запряженный тарантасъ. Въ немъ были сундуки, увязки и укладки. Ямщикъ киргизъ дремалъ въ тарантасѣ.

Петрикъ сразу понялъ и оцѣнилъ значеніе и лошадей подѣ сѣдлами и тарантаса въ упряжи. «Предосторожность нелишняя», — подумалъ Петрикъ. — «Значить, гусары гусарами, и пѣсня, зовущая на подвигъ и на смерть, а на счетъ быстрога «драпа» тоже мѣры, что называется, приняты». Но размышлять о человѣческой предусмотрительности, можетъ быть, подлости, много не приходилось. Кошма отдернулась. За ней показался Похилко и проговорилъ самымъ медовымъ голосомъ:

— Пожалуйте, ротмистръ. Атаманъ васъ просятъ.

Пропуская Петрика впередъ себя, Похилко крикнулъ своимъ молодецкимъ унтеръ-офицерскимъ голосомъ въ пространство:

— Скликать пѣсельниковъ, балалаечниковъ до атамана... Да геть!.. Чтобы ж-живо у меня!

И, приподнявъ внутреннюю бѣлую кошму кибитки, сказалъ еще разъ:

— Пожалуйте-сь, ротмистръ.

VI.

Все внутри кибитки горѣло яркими огнями. На дворѣ начинался ночной морозъ. Душное тепло шло изъ кибитки. Пять большихъ висячихъ керосиновыхъ лампъ «геліосъ» висѣли на проволокахъ на потолокъ кибитки и были пущены во всю. Запахъ восточныхъ куреній

смѣшивался съ запахомъ керосиновой гари. Въ этомъ яркомъ блистаніи огней вся обстановка кибитки: богатые ея ковры по стѣнамъ, какіе-то ящики или корзины, накрытые дорогими киргизскими вышивками, пестрыми, цвѣтной кожей покрытыми восточными сѣдлами и сбруей, изукрашенной негранеными самоцвѣтными камнями, яшмами и халкедонами, все это, восточное, пестрое богатство выглядѣло въ огнѣ керосиновыхъ лампъ, какъ обстановка апофеоза какого-то балагана, гдѣ шла восточная феерія. Ярко, пестро, и въ достаточной мѣрѣ безвкусно.

Въ глубинѣ юрты, должно быть, изъ ящиковъ было устроено нѣкоторое подобіе тахты или дивана. Богатая шелковая подушка и пестрая вышивка сплошь покрывали его. Между нихъ, какъ какая-то боярыня, въ тяжеломъ восточномъ парчевомъ уборѣ, покрытая золотыми подвѣсками, браслетами, точно въ ризахъ золотыхъ сидѣла, развѣясь, молодая, накрашенная и насурмленная женщина. Отъ нея отошелъ молодой, статный и ловкій молодецъ въ богато расшитомъ серебряными шнурами и шевронами долманѣ съ полковничьими шнурами на плечѣ и въ серебромъ до колѣна расшитыхъ чакчирахъ. Онъ въ два мягкихъ просторныхъ шага былъ подлѣ Петрика и широко раскрылъ ему объятія.

— Какими судьбами?.. Какимъ вѣтромъ, Петръ Сергѣевичъ?... Вотъ уже именно, какъ говорится, гора съ горою не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ.... Но, какъ же тебя, бѣднягу... Идемъ.... Не узнаешь Анели?..

Накрашенная женщина приподнялась со своего мѣста, протягивая руку Петрику, и томнымъ голосомъ сказала:

— Дае слово. Никакъ не узнать нашего пана ротистра. Милости просимъ къ нашей хлѣбу соли.

Милостивымъ, должно быть заранѣе разученнымъ, «королевскимъ» жестомъ Анеля протянула руку, звѣнящую многочисленными браслетами Петрику, и Петрикъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, прикоснулся къ ней губами. Запахъ терпкихъ китайскихъ духовъ ударилъ ему въ носъ.

— По дѣлу? — сказалъ Кудумцевъ. — Пройдемъ пока ко мнѣ въ кабинетъ. Расскажи про твои скитанія. Анеля, распорядись ш-шикарнѣйшимъ ужиномъ! Да, прикажи заморозить побольше гусарскаго напитка.

Взявъ подъ руку Петрика, Кудумцевъ повелъ его по нѣкоторому подобію корридора изъ кошмъ, гдѣ ѣдко пахло верблюжьимъ войлокомъ и, откинувъ кошму, пропустилъ Петрика въ сосѣдную юрту. Въ ней, за низкимъ столомъ, ярко освѣщеннымъ керосиновою лампою, надъ громадною стратегическою картою Россіи сидѣлъ человѣкъ неопредѣленныхъ лѣтъ въ такомъ же расшитомъ гусарскомъ доломанѣ, какой былъ и на Кудумцевѣ.

— Мой нач-штаба, полковникъ Перфильевъ, — небрежно представилъ вставшаго при ихъ входѣ человѣка Кудумцевъ.

Петрикъ невольно обратилъ вниманіе на странную и страшную, почти трупную, блѣдность лица Перфильева. Большіе, очень свѣтлые глаза съ непередаваемой печалью заглянули въ глаза Петрику. Перфильевъ подалъ бѣлую, вялую, точно безкостную руку Петрику и, поклонившись, вышелъ изъ юрты на воздухъ.

Петрикъ и Кудумцевъ остались вдвоемъ.

— Ну?... Каково?... — не скрывая самодовольнаго восторга, сказалъ Кудумцевъ, играя вороватыми цыганскими глазами. — Видалъ-миндалъ!... Здорово все пущено!... Черные гусары!... А?. Вотъ это я понимаю! И они меня понимаютъ, — Кудумцевъ сдѣлалъ широкій жестъ по направленію бивака. — Тутъ, братъ, козлятиной кормить не стануть. Намъ подавай молодого барашка... У меня — организація!.. Ну ты какъ?.. Откуда?

— Я.. Отъ адмирала Колчака... Былъ посланъ съ эскадрономъ въ двадцать коней искать связи съ атаманомъ Анненковымъ Мои люди мнѣ измѣнили... Взбунтовались. Я долго скитался по степи одинъ. Случайно набрелъ на твой отрядъ.

— Да, они, подлецы, всегда и всѣмъ измѣняютъ. Да, сознайся, было таки у тебя такое интеллигентское «хи-хи-хи». А?.. Помнишь, мы не разъ говорили. Народъ понимать надо. Народъ ребенокъ. Его тѣшить на-

до. Его кормить надо. А вы ему, поди - ка, высокую матерію преподносили. Учредительное какое-то собраніе. Чорта лысаго онъ въ немъ понимаетъ. Ему подавай только... Посмотри у меня... Разливанное море вина... и какого!.. Все заграничныя марки... Изъ консульскихъ и губернаторскихъ погребовъ забрато. Изъ лучшихъ китайскихъ магазиновъ притащено. А коней видалъ?.. Со смакомъ выбиралъ... Любовно и съ понятіемъ. Они мнѣ все лучшее съ наслажденіемъ тащутъ, потому они понимаютъ, кому... Я ихъ никогда не обижу. Атаману первая чарка... А за атаманомъ и по ихъ усамъ медъ потечеть... А женщины?... — и, подражая, Шаляпину, какъ тотъ поетъ, изображая хана Кончакскаго, Кудумцевъ склонился къ уху Петрика и напѣлъ не безъ суровой страсти: — «хочешь женщину?.. Достамъ изъ за Каспія»... — и захоталъ грубо, восторженно, дико и страшно. Что то нечеловѣческое было въ его смѣхѣ.

— Съ кѣмъ вы воюете? — тихо и настойчиво спросилъ Петрикъ, приближая лицо къ Кудумцеву и строго глядя въ его глаза.

— То-есть съ кѣмъ?... Со всѣми, кто посмѣетъ мнѣ не повиноваться и не исполнить моего приказа.

— А Р о с с і я?..

Это слово точно страшнымъ призракомъ вошло въ полутемную кибитку. Россія дышала съ разложенной, и до пола спускающейся карты съ зелеными разводами. На ней лежала рука Кудумцева. Тотъ быстро отдернулъ руку отъ карты, точно жгла его карта.

— Россія... — проговорилъ, послѣ короткаго, но тяжелаго молчанія, Кудумцевъ. — А гдѣ она эта Россія? Ты скажи мнѣ это? Россіи нѣтъ. Есть Ры-сы-фы-сы-ры, слыхалъ ты такое дикое слово? Съ тѣми, кто тамъ, мнѣ не по пути. Я люблю народъ. Я ему готовъ служить и тѣмъ, кто несетъ свободу и волю, и землю этому народу. А тамъ рабство передъ жидами и инородцами. Тамъ третій интернаціоналъ, то-есть именно то самое интеллигентское «хи-хи-хи», которое все отрицаетъ и прежде всего Бога и человѣческую личность. Тамъ много дерзанія, да дерзаніе то тамошнее мнѣ не слишкомъ по вкусу.

— Постой, Анатолій Епифановичъ, а «бѣлое» движеніе и Колчакъ?

— Бѣлое движеніе... Помнишь какъ-то въ Манчжуріи, а потомъ на позиціи, говорили мы всѣ объ Апокалипсисѣ. И тамъ о побѣдѣ. Славно тамъ это сказано о побѣждающемъ.... Побѣждающему все. Ему и манна и какой-то бѣлый тамъ камень и милость Божія... А гдѣ у Колчака побѣды? Тебѣ твои людишки не зря измѣнили, знать почувяли, что пора пришла твой корабль покидать. Вы у атамана Анненкова ищите опоры. Значить, не сладко у васъ. Что же, я поведу своихъ молодцовъ на вашъ разгромъ? Это за то, что они мнѣ слѣпо и безповоротнo довѣрили свои жизни. Да вѣдь и у Колчака, поди, эти самые «хи-хи-хи» сидятъ...

— Какіе «хи-хи-хи»? Побойся ты Бога, Анатолій Епифановичъ. Что ты такое говоришь, чего не понимаешь.

— Какіе?.. Изволь... интеллигенція... масоны.. иностранцы. Поди, иностранными миссіями обложился, какъ подушками, и думаетъ, что они его спасутъ, а ему, иностранцу то этому самому до Россіи, какъ до прошлогодняго снѣга. Никакого, то-есть, ни дѣла, ни интереса. У васъ тамъ, поди-ка, партіи, и каждый свою выхваляетъ. Что, молъ, не по моей программѣ, то и никуда не годится. Я, братъ Петръ Сергѣевичъ, тебѣ твоими словами и отвѣчу. «Вѣра, Царь и Отечество» это единый лозунгъ, который у насъ и послѣдній каторжникъ понимаетъ, и чему готовъ и покоряться и подчиняться. А остальное... будутъ служить лишь изъ-за страха, какъ и большевикамъ служатъ.

— Вѣра, Царь и Отечество, вѣрно, святые-то слова, Анатолій Епифановичъ, да развѣ съ этими ты словами ведешь своихъ людей?

— Ты мои лозунги, чай, видалъ.

— Съ нами Богъ и атаманъ?

— Ну да. Кажется и ребенку ясно.

— Мнѣ не ясно. При чемъ тутъ Богъ? При той то жизни, о какой ты мнѣ только что рассказывалъ.

— Это ты, пожалуй, и правъ. Бога я такъ для люди-

шекъ пустилъ. Ты знаешь, я въ то, чего не видалъ, не очень-то вѣрю.

— Мало ли чего ты не видалъ, — съ досадою сказалъ Петрикъ. Онъ былъ сильно взволнованъ. Онъ всталъ и прошелся по юртѣ. Кудумцеву, казалось, нравилось его волненіе.

— Такъ вѣдь доказано, Петръ Сергѣевичъ, научно доказано, что Бога нѣтъ. Мнѣ даже смѣшно съ тобою объ этомъ говорить. Въ вѣкъ радіо, этихъ дерзновенныхъ полетовъ на аэропланахъ, этой страшной техники и вдругъ говорить о Богѣ!

— Что тамъ доказано! Ничего наука не доказала, кромѣ своего полнаго безсилія. Вся жизнь, эта самая пустыня, ежечасно и ежеминутно милліонами устъ творить хвалу Творцу міра.

— Ну, оставимъ Бога. Мы съ тобою не богословы, — какъ то скоро согласился Кудумцевъ. — Куда намъ въ такія высокія матеріи залѣзть. Это Факсу въ пору. А намъ... Вторая часть моего лозунга... Ты ее усвоилъ: «и а т а м а н ъ», — торжественно и важно почти выкрикнулъ Кудумцевъ.

— Вотъ именно ее то я никакъ не понимаю.

— Кажется, легче легкаго понять. Всѣ мои люди и поняли и усвоили.

— Что же это значить?

— Это значитъ: «Я», съ огромнѣйшей этакой буквищи. Все отъ меня, все черезъ меня и ничего помимо меня или безъ меня, кого люблю — милую, кто мнѣ не по нраву — казню. Я, это, если хочешь, — Степанъ Разинъ, — всегдашняя моя мечта. Мой идеаль со школьной скамьи.

— Разбойникъ?

— Да, если хочешь... Но, Разинъ разбойничалъ при Царѣ... А я при комъ? Что же мнѣ большевиковъ что-ли прикажешь стѣсняться, или Колчака, который все отступаетъ и чѣмъ еще кончитъ, никому неизвѣстно. Царя и я бы побоялся. Ибо передъ Царемъ отвѣтъ держать — страшное дерзновеніе для этого надо имѣть. Но царь отрекся. Царь бросилъ насъ во время войны въ грозную минуту бунта.

— Что ему оставалось дѣлать? Ему всѣ измѣнили.

— Петръ Сергѣевичъ, помнишь ты тотъ страшный часъ, когда наши пути первый разъ скрестились и мы разошлись съ тобою, чтобы вотъ какъ и гдѣ встрѣтиться. Царю измѣнили... Ну, а кто первый не исполнилъ своего царскаго долга?

— Что... Послушай, Анатолій Епифановичъ, вѣдь ты прямо ересь говоришь.

Глаза Кудумцева стали дикими и мутными. Онъ нѣсколько мгновений, не мигая, смотрѣлъ на Петрика.

— Такъ слушай, Петръ Сергѣевичъ. Я тебѣ твоими... твоими, страшными словами скажу такой ужасъ, отъ котораго у тебя волосы зашевелиятся на головѣ. И у Государя, какъ и у насъ съ тобою, простыхъ смертныхъ, есть свой долгъ. И долгъ этотъ не только милловать и жаловать, но и казнить и, если то надо, то и своеручно казнить, какъ то дѣлалъ Петръ, за что исторія его и назвала по праву — Великимъ. Ты говоришь, ему измѣнили? Вспомни событія. Къ нему пріѣзжаютъ въ Псковъ какіе-то милостивые государи. «Извольте, молъ, отречься, а не то въ Петроградѣ т а к о е будетъ». А въ Петроградѣ и дѣйствительно т а к о е дѣлается и никто никого не слушаетъ. Однако, тысячь поболѣ тамъ войска стоитъ, и войско то это ждетъ, какъ развернутся событія и къ кому приспособляться и къ кому надо на животѣ ползти и вѣрность и подлость свою показывать. Вотъ долгъ-то царскій въ томъ и состоялъ, чтобы выйдти къ этимъ самымъ милостивымъ государямъ, что такъ сладко поютъ о необходимости и неизбежности отреченія, выйдти, какъ умѣли выходить Романовы, какъ умѣлъ выходить тотъ же императоръ Николай I, выйдти къ конвою, къ дежурству, къ этимъ самымъ флигель-адъютантамъ то холенымъ да задаренымъ, показать на этихъ господчиковъ, да и сказать и, даже не громко, но твердо и настойчиво сказать: «повѣсить ихъ»!... И представь тогда, какъ еще повѣсили бы ихъ! А потомъ телеграмму въ Петроградъ тамошнему командующему войсками. Я, молъ, пришедшихъ меня уговаривать измѣнить моему Государеву долгу приказалъ повѣсить и ихъ повѣсили. Приказываю и вамъ

всѣхъ, не повинующихся долгу и присягѣ, перевѣшать. И какъ бы этотъ самый Петроградскій гарнизонъ то кинулся бы хватать Думу то эту самую, любо дорого было бы смотрѣть! Такъ то...

— Легко, Анатолій Епифановичъ, говорить теперь. А каково-то было тогда.

— Я это зналъ и тогда. Я и тогда смотрѣлъ, у кого власть и сила, и за тѣмъ и шелъ. И я тебя, прости меня, Петръ Сергѣевичъ, Донъ-Кихотомъ даже называлъ.

— Слышалъ, — съ плохо скрытою досадою сказалъ Петрикъ. — Что старое поминать. Тогда всѣ какъ не въ своемъ умѣ были.

— Повѣрь, Петръ Сергѣевичъ, тогда пятью, шестью такими казнями такой та-ра-рамъ можно было бы учинить, что вся эта революція къ чертямъ англійскимъ полетѣла бы. Исторія тогда листала страницу. И что на другой страницѣ написано, кто скажетъ? Сумѣлъ подавить безпорядки и это бунтъ, а не сумѣлъ, вини себя самъ — это уже безповоротная революція. Личность, то-есть, я разумѣю, сильный человѣкъ самъ напишетъ такую исторію, какую захочетъ. Вотъ и я...

— Пишешь исторію, — сказалъ съ горькой ироніей Петрикъ. — Ты подумалъ, какъ былъ усталъ и измученъ въ эти страшные февральскіе дни Государь, и никого подлѣ него, кто бы могъ ему подсказать мудрое рѣшеніе. Всѣхъ съ верху до низу охватилъ тогда какой-то маразмъ. Выпаханное поле тогда была Россія и всѣ кто въ ней жилъ.

— Спросили бы меня, — жестко сказалъ Кудумцевъ.

Петрикъ, молча, пожалъ плечами. Кудумцевъ не продолжалъ. Онъ былъ доволенъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое онъ произвелъ на Петрика. Онъ казался самому себѣ громаднымъ и властнымъ. Онъ радъ былъ, что все это видитъ именно Петрикъ. Передъ нимъ ему пріятно было куражиться. Онъ закурилъ папиросу и смотрѣлъ на Петрика. Жалкій тотъ имѣлъ видъ. Голодный и потрепанный. Кудумцевъ наслаждался этимъ. Онъ опять напѣлъ: «Хочешь ж-женщину... Возьмемъ изъ-за Каспія»....

— Гдѣ Факсъ, не знаешь? — спросилъ Петрикъ. Молчаніе становилось тягостно ему.

— Чудакъ, болванъ... Недалекій парень. Я звалъ его съ собою. Нѣтъ, подралъ къ Деникину. Говорять... тоже отступаютъ...

Черезъ тонкія кошмы было слышно, какъ подлѣ юртъ собирался народъ. Бряцали сабли, звенѣли шпоры. Прокашливались люди. Кто-то перебралъ лады на гитарѣ или на балалайкѣ.

Кудумцевъ всталъ съ низкаго табурета, на которомъ сидѣлъ. Онъ рукой показалъ за стѣну.

— Ты слышишь — народъ. Народу гулять хочется. Я гуляю съ нимъ. Пусть веселятся до сыта. Ихъ день насталъ. На ихъ улицѣ праздникъ. А тамъ, длиненъ или коротокъ тотъ день, не все ли равно? Свое мы возьмемъ и всласть погуляемъ. Все мое сказало злато, все мое сказало булатъ. Булатъ у меня въ рукѣ... Погуляемъ, Петръ Сергѣевичъ!..

VII.

Сочный аккордъ гитаръ и балалаекъ раздался въ ночной тишинѣ и тотъ же надрывный, сорванный, измученный, перепѣтый голосъ, что пѣлъ тогда, когда эскадроны шли походомъ напѣлъ съ душою:

—«Начинай, запѣвай — пѣсню полковую.

Наливай, выпивай чару круговую»...

— Идемъ Петръ Сергѣевичъ. Товарищи ждутъ насъ. Помянемъ старое. За чарой круговой забудемъ все... Забудемъ и горе Россійское...

Какъ по указанію опытнаго декоратора все въ юртѣ, откуда они полчаса тому назадъ вышли, измѣнилось и въ формахъ и въ краскахъ. Вся передняя часть юрты была снята. Лампы, кромѣ одной, стоявшей на большомъ и длинномъ столѣ были погашены. Синяя ночь пустыни

глядѣла въ юрту. Въ ея неясномъ свѣтѣ все приняло другія болѣе красивыя и фантастическія формы.

— Господа офицеры! — раздалась команда.

Человѣкъ двѣнадцатъ, одѣтыхъ въ черныя, расшитые серебромъ доломаны вытянулись подъ пологомъ юрты. Въ полумракѣ они казались молодцеватыми, красивыми и отлично одѣтыми. Балаганная пестрота скрадывалась темнотой. За ними стройными казались ряды пѣсенниковъ и балалаечниковъ. За столомъ на нѣкоторомъ подобіи тахты полулежало и сидѣло нѣсколько женщинъ. Къ нимъ и повелъ Кудумцевъ Петрика. Онъ усадилъ Петрика подлѣ Анели и со своего мѣста Петрикъ могъ очень хорошо наблюдать всѣхъ женщинъ и все, что происходило въ юртѣ.

«Наши дамы», какъ ихъ назвалъ Кудумцевъ, были несомнѣнно «реквизированы», какъ скоть и лошади по окрестнымъ кишлакамъ и поселкамъ. Это были таранчинки и сартянки. Было и двѣ, или три, Петрикъ не могъ хорошенъко разглядѣть, Русскія изъ переселенческихъ хуторовъ. Петрика поразило выраженіе ихъ лицъ. Онѣ были взяты силою и взяты въ самое скверное рабство. Въ ихъ лицахъ ожидалъ Петрикъ увидѣть безнадежную тоску, страхъ и отчаяніе. Въ нихъ было больше любопытства. Въ нихъ была страсть. Онѣ всѣ были слишкомъ даже одѣты. Въ полураскрытой юртѣ было холодно. Онѣ были въ тяжелыхъ шелковыхъ халатахъ и шубахъ, въ дорогихъ мѣхахъ, въ пестрыхъ самоцвѣтныхъ камняхъ и въ тяжелыхъ золотыхъ уборахъ. Но ихъ одежда, пожалуй, еще болѣе возбуждала чувственность. Намалеванные лица съ подведенными глазами горѣли страстью. Точно нанюхались онѣ кокаина, надышались опиума. Почти всѣ курили, кто маленькія, тонкія, китайскія трубочки, кто Русскія папиросы. Онѣ сидѣли, молча. Петрикъ смотрѣлъ на нихъ, на всю эту обстановку разбойничьяго пира и думалъ: «Такіе должны были быть пиры Навуходоносоровъ, Валтасаровъ, такъ пировали гунны послѣ взятія Рима. Странное существо все-таки женщина. Въ безднѣ ея паденія какую-то таинственную роль играетъ кровь. И, несомнѣнно, ихъ, этихъ плѣнницъ, рабынь, тѣшить, забавляетъ, утѣшаетъ сила этихъ муж-

чинъ, ихъ странная и страшная власть надъ жизнью и смертью. Онѣ, должно быть отдаются съ отчаяніемъ, страхомъ и страстью». И вспомнилъ Петрикъ, какъ послѣ погонь за хунхузами, особенно, если эти погони были съ перестрѣлками, если были раненые и убитые, какъ искала его ласкъ его безупречная, тонкая, образованная, «культурная» Валентина Петровна. А ихъ «пиръ во время чумы»!.. По улицамъ Петрограда лилась кровь, тамъ стрѣляли, а она была такъ прекрасна и такъ страстна, какъ никогда раньше не бывала. «Есть, значить, что-то между смертью, кровью и страстью общее, непонятное и таинственное. Пройдетъ какой-нибудь часъ и этихъ женщинъ потащутъ на насиліе и расправу, а онѣ смотрятъ жадными, любопытными глазами на толпящихся противъ нихъ мужчинъ и точно пьютъ этотъ надорванный, бархатный голосъ».

...«Маршъ впередъ... Смерть насъ ждетъ,
Наливайте жъ чары».

Чары и точно непрерывно наполнялись. Молодые гусары разносили подносы съ горячимъ шашлыкомъ, съ бараниной съ печенкой, съ жареными курицами. На столѣ стояли корзины съ виноградомъ, съ яблоками, съ дынями. Все было изобильно, и въ ночномъ сумракѣ, при неясномъ освѣщеніи казалось прекраснымъ. Наголовавшійся Петрикъ, откинувъ душевную брезгливость, насыщался, но пилъ очень осторожно и умѣренно.

Кудумцевъ, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, обнялъ его за плечи и, подливая ему вина въ серебряный кубокъ, шепталъ ему на ухо.

— Ты понимаешь, Петръ Сергѣевичъ, это снобизмъ... Военный снобизмъ. Гдѣ, когда, при какомъ правительствѣ это возможно? Это возможно только при м о е м ъ правительствѣ. Никогда не думай, никогда не надо думать о томъ, что будетъ завтра. Да что... Ну завтра, скажемъ, смерть?.. Плевать!... Сегодня за то какая красота!!

Къ Кудумцеву подошелъ мальчикъ офицеръ. Онъ вытянулся передъ атаманомъ и приложилъ руку къ гусарской шапкѣ.

— Господинъ атаманъ, отъ нач-штаба со срочнымъ донесеніемъ.

— Ну что тамъ, Гриша, — лѣнливо потянулся къ нему Кудумцевъ и взялъ его ласково за ухо. — Посмотри на него, Петръ Сергѣевичъ, — помпонъ, не правда ли ма-зочка... А... А съ женщинами!! Никто изъ насъ за нимъ не угонится. Одно жаль къ кокаину пристрастился. Да что.. Не все ли равно?. Ну, что тамъ приснилось нач-штабу? Вѣчно ему всякіе страхи снятся.

— Господинъ атаманъ, Кириллъ Кириллычъ приказалъ доложить: съ Хоргоса пришелъ человѣкъ, говорить: атаманъ Анненковъ разбитъ и ушелъ къ Урумчамъ. Тамъ его интернировали китайцы...

— Ну, меня не очень то они посмѣютъ интернировать. Руки коротки...

— Еще, господинъ атаманъ, нач-штаба приказалъ сказать вамъ, что между нами и отрядомъ товарища Гая, что былъ третьяго дня у озера Сайранъ Норъ, никого теперъ нѣтъ.

— И не надо... Плевать! Касаткинъ, — крикнулъ Кудумцевъ пѣсенникамъ, — мою, понимаешь...

Басъ, — Кудумцевъ шепнулъ Петрику, — Шаляпину не уступить! Да, куда Шаляпину за нашимъ Касаткинымъ угнаться», — запѣлъ, потрясая ночной воздухъ пустыни.

— Изъ-за острова на стражень,
На просторъ рѣчной волны...

Была какая-то магія въ этомъ бархатномъ голосѣ. Было что-то особенное въ плавныхъ колыханіяхъ очень хорошаго хора. Синяя ночь колдовала за пологомъ. Время остановилось.. Тревоги и заботы улетѣли въ какое-то ненужное прошлое. Было только настоящее. И настоящее это и точно было такъ необычайно, что завлекало и Петрика. И, точно угадывая его мысли, крѣпко прижимаясь къ плечу его говорилъ ему Кудумцевъ. Страшная, жуткая сила была въ его словахъ.

— Какая очаровательная ночь!.. Посмотри на голубизну неба... А тишина!.. Земля несетъ насъ, какъ на вол-

нахъ морскихъ колышетъ... Я царь!... Я богъ!.. Ты знаешь?. Ты не думай, я все предвидѣлъ... Я рѣшилъ, если что плохо?... Ее, голубку, прирѣжу и самъ живой не дамся. Умѣю гулять и отвѣтъ сумѣю держать.... Если только есть высшая справедливость на свѣтѣ, да я то думаю... что нѣтъ... Была бы?... Не было бы большевиковъ. Петръ Сергѣевичъ, ты не стѣсняйся, что ты женатый... Никто не узнаетъ. Мы здѣсь на другой планетѣ и, кто можетъ нашему желанію предѣлъ постановить? Ты посмотри... Мы шесть кишлаковъ и одинъ поселокъ обобрали. Ты погляди... Какія дѣвочки!.. Мнѣ для тебя не жаль... Ты одинъ, да Похилко, наши старые Мачжурскіе... Бери любую... Тащи!.. Волочи!.. Насладись! Ей-Богу лучше этого не было и не будетъ. Весь міръ на этомъ стоитъ.

Петрику было все это противно и онъ порывался встать. Кудумцевъ понялъ его движеніе и, нажавъ на плечи Петрика, удержалъ его на мѣстѣ.

— Ну, вотъ, экой какой!.. Ты не сердчай!.. Донъ-Кихоть армейскій, ишь ты какой!.. Что мы? въ Имперіи Россійской что ли?.. Гдѣ и законъ и честь были, и все такое... Мы внѣ времени и пространства. Мы внѣ земли и внѣ законовъ божескихъ и человѣческихъ. Мы одни на бѣломъ свѣтѣ, и кромѣ насъ никого... Понимаешь... н и к о г о... Съ нами Богъ и атаманъ!.. Понялъ ты теперь, миляга, что это обозначаетъ?

— Я досижу до конца вечера, — съ трудомъ сдерживая свое негодованіе, сказалъ Петрикъ, — а тамъ дай-те мнѣ моего коня, и я поѣду.

— Да куда ты поѣдешь то, Донъ Кихоть ты армейскій? Гдѣ и что ты найдешь?.. У большевиковъ ты думаешь не то же самое?..

«Куда? Въ самомъ дѣлѣ куда ѣхать?» — думалъ Петрикъ. Міръ опять сомкнулся и сталъ, какъ малая горошина, и некуда было податься. Но Петрикъ рѣшилъ во что бы то ни стало уйти отъ Кудумцева. Остановить его онъ не могъ. Убѣждать, самъ понималъ, было бесполезно. Идти съ нимъ, быть при немъ, и молчать, совѣсть ему не позволяла.

— Аннуса, — обратился Кудумцевъ къ Анелѣ, —

займи и успокой твоего кавалера. Объясни ему, гдѣ онъ находится. Онъ все не вѣритъ, что мы не на землѣ.

— Слово хонору, что вы, Петръ Сергѣевичъ, есть такой пасмурный. Окропне все это... Такъ вѣдь, кѣды нема то, цо любишь, тшеба любить то, цо іесть!... Развѣ мы можемъ перемѣнить нашу судьбу? Кому что, а намъ такая выпала доля.

Анеля улыбалась, и въ ея глазахъ читалъ Петрикъ тоже страшное любопытство и жажду узнать, а что же будетъ завтра и, если громъ поразить за всѣ эти грѣхи, то былъ любопытенъ и громъ и то, какъ это будетъ?

Анеля спрашивала Петрика о Валентинѣ Петровнѣ, но онъ и самъ не зналъ, гдѣ она и что съ ней. Какъ ушелъ тогда изъ Петербурга и, оглянувшись, увидалъ, какъ въ сизомъ ночномъ туманѣ растворилась она, исчеза навѣки, такъ съ тѣхъ поръ ничего о ней и не слышалъ.

Вѣстовые гусары еще разъ принесли громадные подносы съ пахучей бараниной и чашки съ рисовымъ пловомъ и горами накладывали всего и передъ «дамами» и передъ Петрикомъ. Пиръ Валтасара шелъ на его глазахъ и не въ его власти было прекратить его, или помѣшать ему.

За кибиткой все темнѣе и темнѣе становилась ночь. Блѣдный рогъ луны исчезъ, точно погаснувъ за крутымъ рѣчнымъ берегомъ. Отъ обрывовъ потянулась жуткая темнота. И точно: будто и правда все это шло внѣ времени и пространства. У кибитокъ ярче разгорались костры и въ ихъ пламени гуще казалась темнота.

Хоръ опять запѣлъ — въ который разъ! — «Черныхъ гусаръ».

VIII.

Пьяная оргія, между тѣмъ, разгоралась. Трезвыхъ, кромѣ Петрика, Кудумцева и Анели, не было никого. Голоса пѣсенниковъ стали хриплы. Пѣсни потеряли свою

ладность. Балалайки, то звенѣли не въ тактъ, то смолкали. Самыя слова пѣсенъ стали непристойны. Женщины дико визжали. Онѣ были все еще одѣты, но подѣ ищущими, жадными руками, то тутъ, то тамъ мелькалъ кусокъ вдругъ обнажившейся ноги, распахнутая выпяченная наружу грудь, и это еще болѣе возбуждало мужчинъ. Многіе сошли съ мѣстъ. Въ темномъ углу раздавались сочные поцѣлуи, грубая ругань и крики, въ которыхъ, Петрикъ не могъ разобрать, чего было больше, смертельнаго ужаса или страсти. Одни люди входили въ юрту, другіе выходили.

— Какова картинка-то, Петръ Сергѣевичъ, — хлопая по плечу Петрика, крикнулъ Кудумцевъ. — И ночь и луна!.. Вотъ тихаго развѣсистаго сада нѣтъ, такъ и то, что за бѣда, чѣмъ пустыня хуже? Да, лучше, пожалуй... Одной экзотики сколько!.. А этотъ пиръ звѣрей, что идетъ на нашихъ глазахъ... И никакого Бога! Вѣдь это оперетка... балетъ... феерія... Половецкіе танцы какіе-то!. Это чортъ его знаетъ, что такое!..

— Да. Именно. Все, что хочешь, но не война.

— А! Да ну ее подѣ такую!.. Мало мы съ тобой воевали? Пора и отдохнуть. И я удостоился чести пролить кровь за отечество. А что же мнѣ за это отечество?... Само низринулось въ такую помойку, откуда нѣтъ возврата. Что же и мнѣ съ нимъ въ эту помойку?.. По волѣ народа?

— Анатолій Елифановичъ... Но ты же?... когда-то любилъ же Россію?.. Ты гордился своимъ мундиромъ... И, если вы черные гусары, такъ будьте ими до конца. Ты помнишь это:

...«Многихъ нѣтъ среди насъ,
Многихъ выбила смерть, съ одного положивши удара, —
Но толкаетъ впередъ проторенной тропой
Подѣ маской былого гусаровъ.
Но настанетъ пора и трубачъ полковой
Протрубитъ боевые сигналы.
Я изъ гроба явлюсь, стану мертвымъ я въ строй,
Гдѣ бессмертнымъ стоялъ я бывало...»

Не можешь ты, Анатолий Епифановичъ, не любить Россію? Не можешь ты не мечтать о томъ, чтобы вернулось старое? Все обаяніе старой Россійской арміи, весь ея блескъ, порядокъ, честь и слава!

Лицо Кудумцева стало серьезнымъ. Золотыми огнями загорѣлись его цыганскіе глаза.

— Россія?.. Да... Есть магія какая-то въ этомъ словѣ и для меня. Ты не думай, Петръ Сергѣевичъ, что я ее забылъ? Да, она то сама себя забыла. Мы съ тобою знали Россію, какъ прекрасную женщину съ сѣрыми глазами, живую, страстную, сильную. Она умерла, Россія то эта. Въсто прекрасной женщины лежитъ смердящій трупъ. Такъ что же его мнѣ любить?.. Прошрое?.. Можетъ быть, и прекрасное прошрое... Такъ что мнѣ въ немъ? Я живу, а не жилъ... И мнѣ прошлаго то этого не надо. Мнѣ подавай настоящее, и я горжусь, что сумѣлъ въ теперешнемъ хаосѣ создать эту красоту. Россія... Я ее создалъ... Создалъ пьяную гулливую Русь съ ея танцами, плясками, пѣснями, и я пойду кочевать съ нею по бѣлому свѣту. Что малъ онъ? Не хватитъ на немъ мѣста для меня и моихъ гусаръ? Мертвымъ — мертвое, а я, голубчикъ, живъ и жить хочу, да еще и какъ! О, го, го, го!

Онъ рѣзко повернулся отъ Петрика и, не стѣсняясь его присутствіемъ, прижался губами къ губамъ Анели и слился съ нею въ безконечно долгомъ, сочномъ и страстномъ поцѣлуѣ. Потомъ онъ всталъ, поднялъ съ мѣста Анелю и пошелъ съ нею изъ кибитки.

— Живешь, Петръ Сергѣевичъ, одинъ разъ, и мой теперь тебѣ совѣтъ, слѣдуй моему примѣру... Гуля-а-ай!

Трезваго Петрика мutilo отъ всего того, что онъ видѣлъ. Вотъ, когда настало время бѣжать. Бѣжать отъ непріятеля, бѣжать отъ опасности, бѣжать отъ тяжелаго долга было постыдно и всегда казалось Петрику невозможнымъ, но бѣжать отъ этого разврата, отъ этого позора, отъ этого безобразія было должно. Это было не лучше большевиковъ и, если Петрикъ ушелъ отъ большевиковъ, то такъ же долженъ онъ уйти и отъ этихъ «атамановцевъ».

Онъ всталъ и пошелъ за Кудумцевымъ. Никто не

обращалъ на него вниманія. Всѣ были пьяны, всѣ орали пѣсни, кто во что гораздъ. Въ углу уже дрались изъ-за женщинъ. Тамъ хрипло и непотребно ругались, тамъ визжали и кричали женщины. Съ чувствомъ ѣдкой, душевной тошноты пробирался Петрикъ черезъ нестройныя толпы пѣсенниковъ и балалаечниковъ.

На бивакъ ярко горѣли разоженные костры. Людской гомонъ и крики стояли надъ ними. У коновязей, мимо которыхъ шелъ Петрикъ, отыскивая свою лошадь, не было ни дневальныхъ, ни часовыхъ. Всѣ ушли на пиръ, на дѣлежку женщинъ, на пьяную гульбу. Сквозь кошмы кибитокъ просвѣчивалъ свѣтъ. Изъ нихъ неслись стоны, вздохи и крики. Сквозь Русскую омерзительную ругань пробивались визгливые призывы на гортанномъ языкѣ къ Аллаху и шопоть на непонятномъ языкѣ.

Наконецъ, Петрикъ отыскалъ свою лошадь, посѣдлалъ ее и ведя за поводъ, пошелъ къ Кульджинской дорогѣ. Онъ уже поднимался по ней, выходя изъ русла, когда чей то, какъ бы блѣдный голосъ окликнулъ его.

— Кто это?.. Кто идетъ?..

— Ротмистръ Ранцевъ,, — спокойно и грустно отвѣтилъ Петрикъ.

На самомъ краю оврага, тамъ откуда была видна пустыня, стоялъ невысокій человѣкъ въ буркѣ до пятъ. Луна свѣтила ярко, и Петрикъ сейчасъ же узналъ въ окликнувшемъ его человѣкѣ Перфильева, начальника штаба атамана Кудумцева. Его лицо въ лунныхъ отблескахъ казалось еще блѣднѣе и еще болѣе своимъ безжизненнымъ видомъ напоминало трупъ. Перфильевъ внимательно и, какъ показалось Петрику, строго посмотрѣлъ на него и тихо съ глубокою печалью сказалъ:

— Уходите... И хорошо дѣлаете. Подумайте... Отрядъ товарища Гая былъ въ тридцати верстахъ отъ насъ... Вы думаете тамъ не знаютъ, что такое творится у насъ? При ихъ то шпіонажѣ, при ихъ-то освѣдомленности. При томъ, что имъ всѣ стараются услужить... А у насъ и часовые ушли. И трезваго вы за деньги не сыщете. Вы понимаете, насъ за наши то художества ненавидятъ больше большевиковъ. Отъ тѣхъ ничего дру-

гого и не ждуть и не требуютъ... А мы?.. Мы съ Божьимъ именемъ идемъ...

— У васъ всегда это такъ?

— Почти каждую ночь. Какъ женщинъ достанемъ, такъ и гуляемъ, пока ихъ всѣхъ не уничтожимъ...

— Заставы-то, по крайней мѣрѣ, у васъ есть?

— Кто же изъ нашихъ станетъ теперь стоять на заставахъ? У насъ дисциплина, чтобы въ глаза атаману смотрѣть, да любовницѣ его угождать, а, чтобы службу нести, такой дисциплины у насъ нѣтъ. Да, развѣ можетъ быть какая-нибудь дисциплина у пьянаго, предающагося разврату человѣка. Я одинъ — и заставы и часовые.

Перфильевъ досталъ изъ кармана маленькую коробочку, насыпалъ изъ нея на ноготь прозрачнаго порошку и втянулъ одной понюшкой.

— Что смотрите? — сказалъ онъ. — Ну да, кокаинъ. Какъ же иначе? Мы, ротмистръ, всѣ ненормальные люди. Да, часто я думаю, люди ли мы? Иногда задумаюсь. Вѣдь будетъ же когда-нибудь исторія разбирать наши дѣла и поступки, будутъ какіе-нибудь историки доискиваться, какъ и почему это вышло, что такое громадное государство сошло съ лица земли, обратилось въ ничто и было завоевано и покорено сосѣдями. Что доблести мало было? Нѣтъ и доблестъ была, и хорошая, знаете, доблестъ, какъ дай Богъ всякому. Кабы ее то во время, или всегда то показывали, такъ никакихъ, знаете, и большевиковъ не было бы. Но, уже больно гулять мы любимъ. Пропѣли и проплясали мы Россію. Да вотъ еще этотъ развратишко. Безъ женщинъ мы никуда, а уважать женщинъ и за тѣ триста лѣтъ, что мы въ Европу играемъ, не научились... Азіаты...

— Но все таки... Вы какъ-то воюете?

— Голубчикъ, да что вы! Мы противника давно не видали. Онъ на насъ, мы отъ него. У насъ игра идетъ отъ противника. Мы воюемъ съ мирными кишлаками, откуда мы получаемъ все изобиліе, что вы видали. Атаманъ идетъ съ «народомъ», а когда вы видали, чтобы народъ самъ безъ вождей дѣлалъ бы что-нибудь другое, какъ не то, что ему подсказываетъ его хищный звѣ-

рины инстинктъ. Народу вожди нужны. Народу Русскому царь нуженъ, да построжее, а атаманы, которые слушаютъ и прислушиваются къ тому, чего хотятъ ихъ банды, ни къ чему другому и не могутъ привести.

Внизу у рѣки, бросая уродливыя, страшныя тѣни на лесовыя обрывы, по прежнему пылали костры. Пьяныя пѣсни неслись оттуда. Уже ни словъ, ни напѣва разобрать было нельзя, все сливалось въ нестройный дикій гулъ. Верхы кибитокъ свѣтились, какъ громадныя китайскіе фонари. Въ пламени костровъ черными тѣнями шатались люди. Мѣрно гремѣлъ бубень, плескали ладони. Дикая тамъ шла пляска.

— Пропѣли, проплясали Россію и не стыдно, — повторилъ Перфильевъ.

Онъ взялъ Петрика подъ руку и повелъ въ пустыню. И по мѣрѣ того, какъ они уходили въ тишину ночи, жутокъ и непонятенъ становился тихій покой уснувшей степи. Сухія травы тихо шуршали подъ ихъ ногами. Страшенъ былъ этотъ кроткій тихій шорохъ. Надъ ними было небо все въ мелкихъ едва примѣтныхъ въ лунномъ блистаніи звѣздахъ.

— Знаемъ мы, что тамъ? — приподнимая голову къ небу, сказалъ Перфильевъ. — А что, если Богъ? Кто тамъ смотритъ на всѣ наши эти безобразія и какое намъ готовитъ наказаніе?.. Купить народъ вотъ этимъ: гульбою, пѣснями, да широкой привольной сытой жизнью легко. Народъ это любитъ: гулять... Но загулявшій народъ не толкнешь ни на какой подвигъ, а война требуетъ подвига и самопожертвованія. При такой жизни народъ отучается терпѣть. А безъ терпѣнія и выносливости, какая же можетъ быть побѣда? Побѣду даетъ только святое выполненіе воинскаго долга, а тутъ какъ разъ наоборотъ все, что хотите, но только не исполненіе долга. Большевики это понимаютъ. Они дрессируютъ народъ голодомъ, и посмотрите, какъ имъ народъ служить! Голодомъ и казнями! Тамъ скотскую природу человѣка поняли и по достоинству оцѣнили. А мы... — и, передразнивая своего атамана, Перфильевъ сказалъ: — военный снобизмъ!.. Ахъ, чортъ возьми, такъ вѣдь нарочно ничего пошлѣе этого не придумаешь!

Они отошли примѣрно на полъ версты отъ бивака. Глуше и тише сталъ бивачный шумъ и пьяный галдежъ. Тишина ночи точно смыкалась за ними.

— Вы слышите? — останавливаясь, сказалъ Петрикъ.

— А что? Мнѣ кажется все тихо.

Петрикъ легъ на землю и приложилъ ухо къ пыльной дорогѣ.

Далеко впереди, четко, и такъ, что Петрикъ никакъ не могъ обмануться, глухо гудѣла земля. Большой отрядъ конницы быстро шелъ по пустынь.

IX.

— Ну что? Что вы наслушали? — спросилъ съ тревогой Перфильевъ.

Петрикъ замѣтилъ, какъ у Перфильева подъ буркой дрожали ноги.

— Сюда идетъ большой конный отрядъ.

— Такъ что же вы стоите? Тикайте скорѣе! У васъ есть лошадь. Вы такъ одѣты, что никто не признаетъ, что вы отъ насъ.

Петрикъ, казалось, не понялъ, что говорилъ ему Перфильевъ.

— Нѣтъ... — уходить?.. Теперь уже нельзя уходить. Теперь драться надо. Мой долгъ предупредить ихъ и съ ними вступить въ бой. Мы должны завалить спускъ, устроить баррикаду. Самимъ засѣсть за нею и огнемъ встрѣтить идущихъ, если это большевики.

— Оттуда?.. Конечно, большевики. Кому же больше? Отрядъ товарища Гая.

Петрикъ бѣжалъ къ биваку. Перфильевъ едва поспѣвалъ за нимъ и, все нарастая жуткимъ, зловѣщимъ гуломъ, шелъ за ними топотъ быстро идущей конницы.

— Вы не знаете ихъ... — говорилъ Перфильевъ, хватаясь за стремя лошади Петрика. — Поднять ихъ теперь

невозможно. Да и что они?.. Развѣ могутъ драться пьяные?

— Протрезвѣютъ, — бодро крикнулъ Петрикъ. Надвигающаяся опасность, казалось, придавала ему бодрости.

Сквозь толкотню пьяного бивака, мимо валяющихся совсѣмъ раскисшихъ людей въ разстегнутыхъ доломанахъ, Петрикъ пробѣжалъ къ кибиткѣ атамана. Тамъ по-прежнему стояли часовые.

Они не пропустили въ кибитку Петрика.

Зычно, сколько хватило у Петрика голоса, онъ крикнулъ въ кошмы кибитки:

— Анатолій Епифановичъ, выходи скорѣе. Поднимай бивакъ.

Все было тихо въ кибиткѣ. Ни одна тѣнь не появилась въ ней. Еще и еще разъ крикнулъ Петрикъ. Перфильевъ стоялъ подлѣ него и трясся мелкой лихорадочной дрожью. Наконецъ, пламя свѣчей стало просвѣчивать сквозь швы кибитки. У кошмянного входа дымный появился факель. Въ складкахъ полога показался самъ Кудумцевъ. Онъ былъ въ богатой восточной на дорогомъ мѣху шубѣ, надѣтой, вѣроятно, на голое тѣло. Мохнатая грудь показалась сквозь распахнутыя полы.

«Съ чужого плеча шуба», — подумалъ невольно Петрикъ, — «тоже, грабъ награбленное, этотъ лозунгъ и тутъ хорошо привился». И ему стало тошно, до отвращенія жутко смотрѣть на потягивавшагося и зѣвавшаго передъ нимъ Кудумцева.

— Ну, что тамъ такое случилось? — недовольнымъ, барскимъ, хриплымъ голосомъ протянулъ Кудумцевъ.

— Анатолій Епифановичъ, на бивакъ идетъ отрядъ конницы. Онъ совсѣмъ близко. Надо принимать мѣры для его отраженія, — быстро, но спокойно, сдержавъ привычной волею свое волненіе, сказалъ Петрикъ.

— Это кто же сказалъ?.. Вотъ онъ, — съ нескрываемымъ пренебреженіемъ кивнулъ головою на Перфильева Кудумцевъ. — Если Кирилка, такъ не вѣрь ему. Ему вездѣ большевики снятся.

— Анатолій Епифановичъ, я самъ въ степи слушалъ.

Отрядъ совсѣмъ недалеко и, надо полагать, отрядъ не малый.

Кудумцевъ въ нерѣшительности почесывалъ и скребъ свою грудь.

— Ну что жъ, тикать, значить, надо, — какъ бы раздумывая о чемъ то, сказалъ онъ. И дикимъ голосомъ, покрывшимъ всѣ шумы пьянаго бивака, гомонъ, нескладныя пѣсни и ругань, прокричалъ: — «тр-р-рубачъ!» — и скрылся за кошмой.

Прошло нѣсколько секундъ. Онъ показались Петрику долгими часами. Въ кибиткѣ шла торопливая возня, быстрый разговоръ и суета. Изъ нея два рослыхъ киргиза вынесли закутанную въ шубы женщину. Петрику показалось, что это была Анеля. За ними, спотыкаясь, бѣжала киргизка, служанка Анели. Онъ пробѣжали къ тарантасу. Какіе - то люди тамъ уже грузили корзины и ящики. Киргизъ ямщикъ, спавшій подлѣ тарантаса, взгромоздился на козлы, укутался полами армяка, разобралъ вожжи и тарантасъ понесся, поднимаясь на берегъ и направляясь къ Суйдуну.

Въ эти минуты, наблюдая все это, Петрикъ ни о чемъ не думалъ. Онъ сознавалъ одно, что онъ тутъ не нуженъ и бесполезенъ. Кудумцевъ все равно его слушать не станетъ. «Можетъ быть и мнѣ «тикать» вслѣдъ за Анелей», — мелькнула мысль. Но ожидался бой. И, какъ ни противно было все то, что тутъ происходило, чувство товарищества и офицерской порядочности не позволяло ему и думать о бѣгствѣ.

И почти сейчасъ же изъ кибитки вышелъ Кудумцевъ. Онъ былъ въ нарядномъ, на мѣху, крытомъ чернымъ сукномъ полушубкѣ, расшитомъ серебряными бранденбурами. На головѣ была высокая шапка съ султаномъ. Онъ былъ величественъ и красивъ въ этомъ не совсѣмъ обычномъ для наступавшей обстановки нарядѣ. Онъ подошелъ къ своей коновязи, вывязалъ самъ текинскаго прекраснаго коня и легкимъ прыжкомъ вскочилъ на него. Къ нему подбѣжалъ трубачъ съ сигналкой въ рукѣ.

Кудумцевъ подобралъ коня и спокойнымъ ровнымъ голосомъ сказалъ:

— Труби, братъ, тревогу!

При всемъ своемъ отвращеніи къ Кудумцеву, Петрикъ не могъ не любоваться имъ.

Онъ все-таки — былъ офицеръ!

Отрывистые, властные, повелительные звуки трубы ворвались на бивакъ и даже и въ этой пьяной суетѣ навели какой-то порядокъ. Сразу смолкло пѣніе и крики и относительная тишина стала на бивакѣ.

Къ Кудумцеву подбѣгали люди. Несомнѣнно, очень пьяные люди, но они какъ-то держались и Кудумцевъ отдавалъ имъ приказанія.

«Можетъ быть, еще и будетъ бой», — съ удовлетвореніемъ подумалъ Петрикъ.

— Заливай костры, — зычно крикнулъ Кудумцевъ.

«И это правильно», — подумалъ Петрикъ. Онъ самъ бы такъ же распорядился.

— Пулеметы на Хоргосскую дорогу, — продолжалъ распоряжаться Кудумцевъ.

Отъ заливаемыхъ костровъ поднимался бѣлый дымъ. Въ его клочьяхъ тѣнями метались люди. Звѣрскій басъ Похилко покрывалъ ржаніе и топотъ лошадей, ревъ коровъ и блеяніе барановъ потревоженныхъ стадъ.

— Становись въ затылокъ, — ревѣлъ Похилко. — Чище ровняйся у взводахъ!

Сквозь дымы Петрикъ замѣтилъ, что эскадроны строились хвостами къ непріятелю. По обрыву черными мурашами карабкались пулеметчики.

И внезапно во весь хаосъ, шумъ, крики, ревъ стадъ, шипѣніе заливаемыхъ костровъ рѣзкимъ отрывистымъ звукомъ ворвался звукъ совсѣмъ недалежнаго винтовочнаго выстрѣла. Петрику сначала показалось, что кто-нибудь изъ своихъ нечаянно выстрѣлилъ. Но просвистала надъ головами пуля, за ней другая и частый и беспорядочный огонь начался со стороны противника по не построившимся, сидящимъ на коняхъ эскадронамъ. Пули свистали на короткѣ. Непріятель подошелъ совсѣмъ близко. Пули рыли землю на самомъ бивакѣ. На окраинѣ протарахтѣлъ разъ пять Кудумцевскій пулеметъ и смолкъ. Ему сейчасъ же отвѣтилъ сперва одинъ, потомъ другой, и третій пулеметы. Пули завывали кругомъ. Стало

очевидно громадное превосходство въ силахъ непріятеля. На бивакѣ въ безпорядкѣ заматались люди.

— Что же это такое? — прокричалъ кто-то отчаяннымъ голосомъ.

По не снятымъ кибиткамъ визжали и плакали женщины.

Кудумцевъ далъ шпоры коню и въ нѣсколько скачковъ выскочилъ на край обрыва.

— Куда лицомъ строились?... Сволочи! — завопилъ онъ. — Подлецы!... Труссы!... Положу на мѣстѣ перваго, кто ускачетъ. Повзводно налѣво кругомъ!

Петрику показалось, что не обошлось безъ мордобитія.

Подъ копытами заѣзжавшихъ рысью эскадроновъ завизжала рѣчная галька. Кто-то страшно охнулъ, должно быть, раненый или побитый. Взвилась на дыбы рослая текинская лошадь въ первомъ взводѣ и рухнула на землю.

— Эскадронъ за мной! Полевымъ галопомъ! — командовалъ Кудумцевъ и, выхвативъ кривой азіатскій клычъ, бросилъ своего жеребца по пыльной дорогѣ навстрѣчу выстрѣламъ.

Петрикъ поскакалъ за нимъ. Эскадронъ Похилко тронулъ сзади. Перфильевъ не отставалъ отъ своего атамана. Пули встрѣтили ихъ. Кто-то мальчишески звонко и пьяно крикнулъ изъ рядовъ:

— Это жъ без-з-зуміе!

— Молчи, — оборвалъ, оборачиваясь къ эскадрону, Кудумцевъ. — Пристрѣлю, какъ собаку.

Сзади кто-то застоналъ. Дико, страшно и совсѣмъ неестественно, будто то и не человѣкъ кричалъ, завопилъ кто-то отчаяннымъ голосомъ:

— Мы проп-а-али!

Кудумцевъ въ это время уже выскакивалъ наверхъ. Съ нимъ рядомъ былъ Перфильевъ и немного позади Петрикъ. Слабый его конекъ не поспѣвалъ за кровными лошадьми атамана и его начальника штаба.

Пули били лѣвѣе ихъ прямо по биваку. Тамъ крики и стоны становились уже нестерпимыми. Петрикъ оглянулся назадъ. То, что, онъ увидѣлъ, заледенило его серд-

це ужасомъ. Какъ-то сразу и такъ чисто, какъ и по командѣ никогда бы не сдѣлали, вся ихъ колонна повернула повзводно налѣво кругомъ и, смѣшавшись въ безпорядочную толпу, давя стада, опрокидывая кибитки, понеслась вдоль по руслу. Галька завизжала подъ копытами лошадей. Колонна во мгновение ока скрылась изъ глазъ Петрика и все тише и тише становился гулъ несущихся коней.

— Пьяные подлецы, — скрежеща зубами, прохрипѣлъ Кудумцевъ и круто осадилъ на высокомъ обрывѣ своего жеребца. Онъ, видимо, хотѣлъ послѣдовать за бѣгущими, да Петрикъ понималъ, что ничего другого ему не оставалось дѣлать, но сѣрая масса конныхъ и пѣшихъ людей, точно изъ-подъ земли выросшая, мгновенно окружила ихъ. Кудумцева и Перфильева схватили за поводья ихъ лошадей и послѣднее, что увидѣлъ Петрикъ, это — какъ стащили съ коней и того и другого.

— А!.. Гады!.. Кадети, — раздавалось кругомъ Петрика. — Стой, паря, все одно не убѣжишь!..

Во мракѣ ночи Петрикъ какъ-то сразу въ этой безпорядочной толпѣ, свалившейся въ оврагъ, потерялъ изъ вида Кудумцева и Перфильева. Сопротивляться было бесполезно, да Петрика никто и не трогалъ и Петрикъ сейчасъ же понялъ, что его въ сѣромъ и бѣдномъ одѣяніи красноармейцы принимали за своего, и сталъ пробираться наверхъ, рѣшивъ использовать эту ошибку, и опять уйти въ пустыню. Выстрѣлы прекратились. Не по кому было стрѣлять. Кудумцевцы съ ихъ гордымъ девизомъ были далеко. Атамана, если не убили, то, навѣрно, взяли и въ этой массѣ непріятеля Петрикъ ничѣмъ не могъ ему помочь. Да и нужно-ли было ему помогать? Что значилъ для Россіи Кудумцевъ, отрекшійся отъ Родины и вздумавшій ловить рыбу въ мутной водѣ? Впрочемъ, все это осозналъ и продумалъ въ самооправданіе Петрикъ только потомъ, когда вновь и вновь въ мысляхъ своихъ переживалъ эти кошмарныя минуты. Теперь же онъ дѣйствовалъ инстинктивно, какъ дѣйствовалъ бы на его мѣстѣ, вѣроятно, травимый и попавшійся звѣрь.

Онъ выбрался въ чистую степь и припустилъ сколь-

ко позволяли силы его измученнаго коня въ просторы пустыни. Еще было темно и на востокъ не загоралась заря. За нимъ увязалось четверо солдатъ.

Погоня...

Петрикъ не испугался ея. Надо только уйдти подалеже отъ главной массы красноармейцевъ, а съ этими онъ справится. Всегда въ стволъ его большого Браунинга найдется послѣдняя пуля для него. Живымъ онъ не дастся.

Догонявшіе его были близко, и кто то отъ нихъ крикнулъ Петрику дружески:

— Товарищъ... Вы не до товарища Лисовскаго?

— Эге... До него до самага, — сквозь зубы процѣдилъ Петрикъ. Онъ придержалъ лошадь: все равно не уйдти ему отъ нихъ. У нихъ по скоку лошадей было видно, — кони много добръй лошади Петрика. Надо было пускаться на хитрость.

Изъ-подъ свалявшейся сѣрой обшитой собачьимъ мѣхомъ китайской шапки Петрика грязными клочьями выбивались посѣдѣвшіе волосы. Лицо было чугунно-сѣрымъ отъ загара, мороза и лишеній, и было покрыто густымъ слоемъ лессовой пыли. Принять его за чернаго гусара атамановца было мудрено. Онъ болѣе походилъ на большевика красноармейца.

Петрикъ взглянулъ въ нагнавшихъ его красноармейцевъ. Простыя сѣрыя мужицкія лица были у нихъ. Двое были въ солдатскихъ и довольно свѣжихъ шинеляхъ безъ погонъ, но съ сохранившимися петлицами. Петрикъ сразу замѣтилъ: петлицы были, какъ въ ихъ Лейбъ-Маріенбургскомъ полку: черныя съ желтыми кантами. Это его не удивило. Здѣсь такія могли быть отъ Амурскихъ казаковъ. Овечьи покорные глаза смотрѣли на него безъ всякой злобы. Другіе двое, должно быть, были изъ «партизанъ». Они были въ крестьянской хорошей одеждѣ и мѣшковато сидѣли на лошадяхъ.

Теперь всѣ они ѣхали тропотливымъ шагомъ, какимъ ѣздятъ по степи обыкновенно киргизы.

— Я, было, думалъ, — Васька Мукленокъ, — да, видать, ошибся... — сказалъ ѣхавшій рядомъ съ Петрикомъ красноармеецъ въ солдатской шинели.

— А бѣгутъ, бають, Колчаковскія-то войска, — сказалъ другой. — Далеко за Омскъ отогнали. Вся земля подъ совѣтской властью будетъ, паря. Во-о...

— Здорово и товарищъ Гай атамановцевъ накрылъ.

— До-бы-чи, — протянулъ первый.

— Намъ не подѣлять.

— Товарищъ Гай своихъ не забудеть.

— Не жалуюсь. А кабы и пожалился — какая польза?

Кругомъ была тихая, молчаливая, нѣмая степь. Звѣзды еще мигали въ небѣ. Луна скрылась. Петрикъ былъ спокоенъ. Онъ владѣлъ собою. Главное, сейчасъ молчать. Ждать и слушать, что дальше будетъ. Какъ-то успокоительно на Петрика дѣйствовало то, что на тѣхъ, кто были въ солдатскихъ шинеляхъ, были петлицы его родного полка. На востокъ сѣрѣло небо. Звѣзды тамъ погасли, и въ этомъ нарождающемся днѣ было нѣчто, что давало Петрику надежды на какой-то исходъ. Кудумцевъ былъ правъ: Россіи нигдѣ не было, такъ не все ли равно, куда теперь ѣхать? Только не къ большевикамъ, конечно. До смерти еще, можетъ быть, и не такъ близко. Петрикъ былъ уже готовъ принять смерть, и эта отсрочка придавала ему силы и вѣру, что, можетъ быть, и чудо будетъ. А эти петлицы родного ему полка развѣ не были уже чудомъ?

— Я и то гляжу, — сказалъ опять солдатъ съ черными петлицами, вглядываясь въ Петрика. — Вы къ Лисовскому ѣдете, а не его отряда. У него форменно все... По драгунски... Вы отъ товарища Гая?

Другой солдатъ заѣхалъ съ другой стороны Петрика и сказалъ сквозь насмѣшливую улыбку:

— У его и волоса по коммуни длинны отпущены. А посѣдѣлъ, товарищъ. Тоже поди забо-оты... Гдѣ зимовать-то придется. Безъ работы-то одурѣешь насосѣмъ: мается кругомъ народъ. А пойми зачѣмъ и за что? Никто не пойметъ и никто того не знаетъ.

Въ ихъ голосахъ была какая-то тоска безнадежности. Не наступившее еще утро такъ дѣйствовало на Петрика, блѣдный едва брежущій разсвѣтъ, или необыч-

ность и опасность его положенія, но Петрику въ головахъ, утреннихъ, не проспавшихся хриповатыхъ слышалось что-то особенное, точно люди бредили и говорили во снѣ. Да и все было такъ несбычно въ сѣрой пустынѣ, гдѣ обледенѣлыя стояли сухія травы и гдѣ, кромѣ этихъ сонныхъ голосовъ, не было ни одного звука.

— А ладные ребята эти самые Кудумцовы, — сказалъ солдатъ.

— Онъ, Кудумцевъ-то, понимаетъ народъ и жалѣетъ. Кадровый офицеръ, сказываютъ, — сказалъ другой.

— Анненковскіе атамановцы тоже ничего люди. Гулять могутъ.

— Не все одно что и большакъ.

— Да-а... А что?

— Что... Все одно всѣхъ укоротятъ.

— Когда?

— Когда?.. Порядокъ придетъ когда-нибудь. Всѣмъ одна тогда дорога будетъ. Эхъ, невеселая то будетъ дорога!

Наступило долгое и тяжелое молчаніе. Люди сидѣли, понурившись, въ сѣдлахъ и такъ же понуро шли мелкія киргизскія ихъ лошадки.

Х.

Петрикъ понялъ, что дальше молчать невозможно. Надо было тоже что-нибудь сказать. Если бы онъ курилъ, было бы хорошо попросить прикурить. Это было такъ естественно. Онъ ничего не боялся. Было такъ легко пріотстать на два, три шага и изъ револьвера, безъ ошибки, положить выстрѣлами въ затылокъ всѣхъ четырехъ. Это было бы минутное дѣло. Но вотъ офицерская совѣсть заговорила въ немъ, и былъ ея голосъ громче голоса самосохраненія. За что собственно онъ убьетъ этихъ простыхъ людей, которые и сами не понимаютъ зачѣмъ они пошли съ большевиками? Это убій-

ство было такъ противно, что, ѣдучи немного позади красноармейцевъ, Петрикъ и не думалъ ихъ убивать. А между тѣмъ, что нибудь надо было предпринимать. Вдали, верстахъ въ двухъ, въ розовыхъ туманахъ разсвѣта показались маленькія хаты, окруженныя кружевомъ голыхъ вѣтвей яблонь и абрикосовъ таранчинскихъ садовъ.

Петрикъ смотрѣлъ на солдатскія спины. У каждого за спиной на бедрѣ висѣла на тесьмяной портупеѣ овальная аллюминіевая фляга. Эти фляги привлекли вниманіе Петрика. Это были старыя интендантскія фляги, такъ хорошо знакомыя Петрику по всей его службѣ. Теперь было уже совсѣмъ свѣтло. Петрикъ увидалъ полустертыя буквы такъ хорошо знакомаго ему клейма. «63 Л. Мар. др. П.» И Петрикъ уже не могъ больше молчать. Какъ ни рискованно было ему приступить къ разспросамъ, но Петрикъ долженъ былъ узнать, откуда были эти люди и откуда у нихъ могли быть фляги съ его роднымъ полковымъ клеймомъ?

— А что товарищъ, — сказалъ Петрикъ, опять равняясь съ красноармейцами, — водица въ флягѣ найдется?

— Пожалуй, что и найдется, — охотно отозвался солдатъ, подавая флягу.

— Ладная у тебя фляга. Почитай, довоенная.

— Маринбургская у меня фляга. Вотъ какая у меня фляга! Еще своего полка. При баронѣ намъ выдавали.

— При какомъ баронѣ? — съ трудомъ сдерживая волненіе, спросилъ Петрикъ.

— Вотъ ужъ хфамилію, прости, запомятовалъ. Очень уже мудреная потому хфамилія. Такъ что даже, паря, и не выговоришь. Его у насъ офицера больше «отой-то» звали.

Петрикъ пилъ изъ фляги солоноватую невкусную воду. Ему нужно было скрыть все болѣе и болѣе овладѣвавшее имъ волненіе.

— Что же, — сказалъ онъ совершенно безразличнымъ голосомъ. — Много у товарища Лисовскаго Маринбургскихъ то этихъ самыхъ?

— Не такъ чтобы много, однако, со взводъ наберется. Онъ и самъ тоже Маринбурхскій, только давношній изъ запаса. Крѣпкій мужикъ. Хозяйственный. И начальникъ. Дай Богъ всякому...

— Вотъ и поди, — сказалъ другой, довѣрительно наклоняясь къ самому уху Петрика. — Пойми ты этихъ то большаковъ, что за люди. Вотъ простого солдата, толковаго солдата назначили за начальника отряда. Такъ оно и должно быть, если это народная власть. А вотъ поди жъ ты, при емъ, значить, комиссаръ. И Лисовскій, значить, безъ того комиссара ничего приказать даже не можетъ.

— А комиссаръ тотъ, самый что есть жидъ, — сказалъ одинъ изъ мужиковъ партизанъ.

— Просто сказать, жиденышъ, самый обыкновенный и гадкій.

— А какая власть ему дадена, прости Господи! у царя такой власти не было. Вотъ и скажи: народная власть!

— Не все одно, — недовольнымъ голосомъ сказалъ солдатъ. — Значить такъ надобно большакамъ.

Петрикъ фхаль и думаль: «правъ былъ Кудумцевъ, когда говорилъ ему, что потому не пошелъ съ большевиками, что при нихъ есть то самое «хи-хи-хи», что толкаетъ народъ на всяческія гнусности». Но теперь Петрикъ не сомнѣвался, что тотъ Лисовскій, къ кому направляла его судьба, вѣстовой его, съ кѣмъ онъ былъ въ Офицерской Кавалерійской школѣ, при комъ выигралъ призъ на Красносельскихъ скачкахъ, съ кѣмъ онъ прожилъ почти четыре года одною жизнью и кого, казалось, такъ хорошо зналъ.

Желтое солнце всходило спереди и слѣва. Длинные тѣни бѣжали по сухой травѣ отъ всадниковъ. Все кругомъ заголубѣло и становилось прозрачнымъ и всеѣмъ недалеко миражомъ маячили маленькія хатки кишлака съ плоскими земляными крышами. Петрикъ фхаль смѣло и бодро. Усталость безсонной ночи куда-то пропала. Было интересно посмотреть какъ все это обернется и, кто сильнѣе для Лисовскаго: жидъ комиссаръ, или его старый офицеръ, почти другъ его и благодѣтель.

Жердяная калитка въ огорожѣ кишлака была повалена, и они свободно въѣхали въ крѣпко спящій утреннимъ тяжелымъ сномъ кишлакъ. Хатокъ двадцать вытянулось по одну сторону дороги. Обыкновенныя таранчинскія, очень бѣдныя хаты, сдѣланныя изъ земли съ соломой, съ плоскими крышами, накрытыми землею и поросшими сухими травами. Жиденскіе молодые сачки были подлѣ хатокъ. Замерзшій узенькій арыкъ бѣлесой лентой тянулся вдоль заборовъ садовъ. По срединѣ кишлака подлѣ одной изъ хатокъ, немного побольше другихъ, на кривомъ дрючкѣ висѣлъ грязно красный флагъ.

— Здѣсь и стоитъ товарищъ Лисовскій, — сказалъ солдатъ. — Онъ простой, къ нему можно такъ. Безъ доклада.

— Коли не спитъ, — сказалъ другой.

За хатой, во дворѣ, монголы запрягали лошадей въ большую двухколесную арбу. Красноармейцы, лѣнливо потягиваясь, бродили по дворамъ. Жизнь только что начиналась въ кишлакѣ. Чувствовалось, что тутъ глубокой тылъ и никакого охраненія, ни часовыхъ нигдѣ не было замѣтно.

Петрикъ слѣзъ съ коня. Привязалъ его за поводья къ огорожѣ сада и вошелъ во дворъ. Голова у него почему то начинала болѣть и всего ломило. Это его не удивило и не испугало. Такъ это было естественно послѣ всего пережитого этою ночью. Петрикъ собралъ силы и толкнулъ дверь хаты.

Не запертая на замокъ она легко подалась, но сейчасъ же остановилась. Чьи-то громадныя сапожищи мѣшали ее раскрыть. Вся первая комната хатки была полна спящими въ неудобныхъ позахъ людьми и гудѣла ихъ тяжелымъ храпомъ. Въ душный спертый воздухъ хаты отъ двери задуло морозомъ. Лежавшій подлѣ двери на полу солдатъ, открылъ глаза, недовольно нахмурился, потянулъ соннымъ движеніемъ шинель на голое, сѣрое отъ грязи и пыли плечо и сказалъ сердито:

— Чего надо?

— Товарищъ Лисовскій здѣсь стоитъ?

— Проходи налѣво въ дверь. И носить васъ по но-

чамъ. Только спать не даете. Должно встали. Чай пьютъ. Давѣ еще за кипяткомъ выходили... Да дверь закрой, стоерось!.. Дуетъ съ мороза!

Все здѣсь было такое обыкновенное, простое, хотя бы и не у большевиковъ. Петрикъ шагнулъ черезъ густо лежащихъ людей, черезъ ружья, брошенные на полъ и остановился въ недоумѣнн передъ запертой дверью. Постучать?.. Послѣдуетъ такъ естественный вопросъ: «кто тамъ»?... И что скажетъ Петрикъ при всѣхъ этихъ людяхъ?

— Входите такъ, товарищъ, — сказалъ проснувшійся красноармеецъ. — Онъ одинъ, должно быть. Комиссаръ сейчасъ до вѣтра пошелъ. Всю ночь животомъ мучается.

Петрикъ медленно и осторожно раскрылъ дверь. Въ низкой горницѣ съ землянымъ поломъ и стѣнами, съ камышевою высокою крышею безъ потолка, съ маленькими окнами, съ пыльными стеклами, былъ утреннй полусвѣтъ. Большая таранчинская постель, — на ней, судя по подушкамъ, — спали двое, — была взбудоражена. Пестрое изъ лоскутковъ одѣяло, скомканное къ ногамъ, свисало до полу. Подъ нимъ безъ всякихъ простынь былъ сѣрый грязный соломенный матрацъ. Онъ былъ въ дырахъ. Грязная солома торчала изъ нихъ. На низкомъ темномъ квадратномъ столикѣ шипѣлъ помятый маленькй мѣдный самоварчикъ и подлѣ него стоялъ китайскй фаянсовый чайникъ. На скамьѣ передъ нимъ сидѣлъ рослый солдатъ въ растегнутой шинели съ Маріенбургскими петлицами. Въ немъ Петрикъ сейчасъ же узналъ своего бывшего вѣстового Лисовскаго. Тотъ мало перемѣнился. Огрубѣлъ и раздался, но та же славянская мягкость была въ его мелкихъ чертахъ. Сѣрые ватные китайскіе штаны были заправлены въ валенки.

Въ горницѣ кисло пахло мужицкимъ ночлегомъ и чеснокомъ.

Въ тотъ мигъ, когда Петрикъ входилъ въ горницу, Лисовскй, нагнувшись надъ столомъ, внимательно наливалъ въ эмалированную ржавую кружку чай. Передъ нимъ лежала обломанная и облупленная таранчинская лепешка и на желѣзной тарелочкѣ горка черного китай-

скаго сахара. При входѣ Петрика Лисовскій не сразу повернулъ къ нему голову. Онъ видно не ждалъ никого посторонняго.

Петрикъ тщательно и плотно прикрылъ дверь и сказалъ негромкимъ и сердечнымъ голосомъ:

— Не узнаешь меня, Лисовскій?

Было должно быть, что-нибудь особенное въ голосѣ Петрика, потому что Лисовскій вздрогнулъ и всталъ, приглядываясь къ вошедшему.

— По обличью не признаю, — хмуро сказалъ Лисовскій. — По голосу... Голосъ быдто знакомый... Нѣтъ, не признаю... Чьихъ вы будете?

Сильно билось сердце Петрика. И теперь чувствовалъ онъ, что голова его такъ болитъ, точно кололи на ней дрова. Мутнымъ казался свѣтъ въ избѣ.

— Одалиску помнишь? — голосъ Петрика прозвучалъ глухо и неувѣренно.

Прошло нѣсколько тяжелыхъ недоумѣнныхъ минутъ. Казалось, цѣлая жизнь проносилась въ головѣ Лисовскаго.

— Ваше высокоблагородіе?... Ньюжли?.. Вы къ намъ?..

Въ тонѣ, какимъ сказалъ это Лисовскій, прозвучало и недовѣріе и какъ будто и осужденіе. И вотъ это-то осужденіе и подсказало Петрику, что можно съ Лисовскимъ быть вполне откровеннымъ. Однако, въ эти минуты тяжелаго разговора какое-то странное безразличіе и равнодушіе нашло на Петрика, и ему хотѣлось только одного: ни о чемъ не думать и передать всего себя на волю и приказъ кого-то другого. Мелькнула неясная мысль: «вотъ въ такомъ состояніи физическаго и душевнаго равнодушія, должно быть, и находятся тѣ, кого ведутъ большевики на разстрѣлъ». Но Петрикъ овладѣлъ собою.

— Здравствуй, Лисовскій, — сказалъ онъ.

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе, — четко, но негромко отвѣтилъ на привычное привѣтствіе Лисовскій, и Петрикъ понялъ, что все пойдетъ теперь по хорошему.

— Ваше высокоблагородіе, можетъ быть, чайку бы

откушали?.. Какъ же вы къ намъ-то. Я не слыхалъ ничего про васъ...

Лисовскій суетливо и, какъ будто испуганно, топтался по комнатѣ и все къ чему-то прислушивался, точно боялся что кто-то къ нимъ войдетъ. Онъ подвинулъ низенькую скамеечку къ столу и сказалъ:

— Вотъ на лавочку что ли присядьте, ваше высокоблагородіе. Да что же это съ вами?.. Почему вы такъ то... Натерпѣлись не мало. Волоса то... Сколько сѣдыхъ! Маята то эта видно и васъ захватила.

Петрикъ сѣлъ на лавку. И, какъ только сѣлъ, понялъ, что теперь, пожалуй, и не встанетъ. Такая усталость и такая головная боль вдругъ совсѣмъ овладѣли имъ. Зеленые и красные молніи крутились передъ глазами, и были мгновенія, когда онъ совсѣмъ не видѣлъ Лисовскаго, и ему казалось, что все это во снѣ.

—Вы... къ намъ?... Вы съ большевиками?... — какъ сквозь бредъ услышалъ Петрикъ снова, и почувствовалъ недовѣріе въ голосѣ Лисовскаго. Ему показалось даже, что было въ немъ и презрѣніе.

— А какъ ты думаешь, Лисовскій?

— Такъ, кто васъ, господъ, знаетъ, — очень тихо и съ какимъ то точно упрекомъ сказалъ Лисовскій.

Петрикъ продолжалъ сидѣть на низенькомъ восточномъ табуретѣ. Онъ чувствовалъ, что съ нимъ происходитъ что-то неладное. Было ли это ожиданіе неминуемой смерти и смерти не солдатской, но вѣроятно, мучительной, или болѣзнь входила и жгущей голову огневницей охватывала его, но только, когда снова заговорилъ Петрикъ, въ его голосѣ зазвучали совсѣмъ особенныя, теплыя и сердечныя ноты. Голосъ его и слова шли въ душу, подходили къ сердцу, да и шли они отъ сердца, и какъ только услышалъ тѣ слова Лисовскій, онъ всталъ спиною къ окну, такъ, что не стало видно за свѣтомъ его лица, сталъ на вытяжку по-солдатски, какъ ставалъ, бывало, въ Лейбъ Маріенбургскомъ полку во время разнесовъ Петрика. Мрачнѣйшій и недобрый огонь то загорался, то потухалъ въ его глазахъ.

— Ты Красносельскія скачки, Лисовскій, помнишь? Государя Императора то вспоминаешь ли иногда?

— Какъ не помнить, — тяжело вздыхая, сказалъ Лисовскій.

— Твоя жена гдѣ?

— Нѣтъ у меня больше жены.

— Куда же она дѣвалась? Неужели скончалась?

— Комиссаръ забралъ сельскій. Вишь ты, комиссару она по сердцу пришлась. Ушла къ нему, моя благовѣрная... Чего голодъ не сдѣлаетъ. Дѣтей кормить не стало чѣмъ. Извѣстно, мать. Чего она для дитя не сдѣлаетъ.

— А ты что?

Лисовскій тяжело молчалъ.

— Что же, Лисовскій, какъ царя не стало, лучше вы живете, или... какъ по твоему?

— Хужѣ быть не можетъ. Какая теперь жизнь! Одна маята!

— Съ нѣмцемъ замирились, а своихъ Русскихъ бьете.

— Ничего, ваше высокоблагородіе, не подѣлаешь. Значить, такъ надо.

— Надо... Ты Бога то поминаешь когда?

— Бога теперь нѣтъ....

— Кругомъ голодъ... Безпорядокъ... грабежи... Хорошо это по-твоему? Ты долженъ, Лисовскій, со всѣмъ твоимъ отрядомъ повернуть противъ большевиковъ. Ты долженъ быть съ нами. Мы пойдемъ къ адмиралу Колчаку и вмѣстѣ съ нимъ постоимъ за святую Русскую землю. Неужели ты и Россію забылъ?

— Нѣту никакой Россіи, — твердо и упрямо сказалъ Лисовскій, точно просыпаясь отъ какого-то тяжелого сна. — Это все обманъ одинъ. Живутъ люди, вотъ и все...

— Страшныя вещи ты говоришь, Лисовскій, то Бога нѣтъ, то Россіи нѣтъ. Гдѣ же ты самъ-то живешь?

— На землѣ. А земля ничья. Нѣтъ ни нѣмецкой, ни Русской какой земли, а земля вообще. Коммунія, значить, и всеобщее поравненіе.

— Не говори, Лисовскій, вздора. Кто тебя этому училъ?

— Ваше высокоблагородіе, — взмолился Лисовскій

тѣмъ самымъ голосомъ, какимъ онъ когда-то молилъ въ полку Петрика, чтобы онъ не говорилъ ему тяжелыхъ словъ упрека и не отчитывалъ его. — Ваше высокоблагородіе, молю васъ, оставьте. Какъ вы совсѣмъ, значить, не понимаете нашего положенія и что мы изъ себя теперь представляемъ... Совсѣмъ невозможныя ваши слова. Развѣ теперь можно что сдѣлать? Такой развѣ теперь народъ?.. Вы говорите, какъ раньше было. Раньше во сто разовъ, можетъ быть, даже въ тысячу разовъ, лучше было, а переменить никакъ нельзя. У насъ теперь вездѣ н а р о д ъ... Вы то понимаете: народъ. Онъ самъ, значить, править и за всѣмъ слѣдить. Конечно, мы еще не умѣемъ, какъ вы, однако, научимся... А, какъ научимся, такъ то ли хорошо будетъ!.. Ни тебѣ богатыхъ, ни бѣдныхъ... Ни господъ, ни кого... Словомъ, всеобщее поравненіе. Такой ли рай по всей землѣ станетъ.

Все сильнѣе и мучительнѣе болѣла голова у Петрика. Казалось, слова Лисовскаго разбивали ее на части. Времени ни чего уже и не вилѣлъ передъ собой Петрикъ и слышалъ, какъ бы во снѣ ему снились эти слова, но собиралъ всѣ свои силы, чтобы продолжать убѣждать своего вѣстового. Не вѣрилъ Петрикъ, не могъ повѣрить, чтобы Лисовскій могъ такъ перемениться.

— Кто тебя этому научилъ? Ты не свои слова говоришь.

— Ученые люди до этого дошли... Сицилисты. Ваше высокоблагородіе, спорить съ вами не могу и не смѣю. Куда же мнѣ, мужику, съ вами тягаться. Однова, жалко мнѣ васъ. Потому, какъ не понимаете вы даже, что теперь совершается. Судъ идетъ человѣческій, и каждому воздается по дѣламъ его.

— Государя... кроткаго... такъ любившаго народъ. Императрицу, женщину, мать, наслѣдника, отрока невиннаго, царевенъ барышень, никому никакого зла никогда не сдѣлавшихъ и не пожелавшихъ, замучили и убили... За что?... По дѣламъ ихъ? Какія у нихъ такія дѣла, чтобы ихъ убить?

— Можетъ быть, еще и не убили. Коли они невинные, развѣ кто тронетъ ихъ? Опять же ошибка. Въ та-

комъ большомъ дѣлѣ, конечно, и ошибка какая могла произойти.

— Очень уже ты что-то умный сталъ Лисовскій.

— Мало мало глаза точно открылись. Правду увидалъ. Теперь н а р-р-р-о д ѣ!

— Теперь голодъ и смерть.

— Ваше высокоблагородіе, это пока. Пока не обст-роились. А погодите, что будетъ... Только, ваше скоро-діе,... Уходить вамъ надо и очень даже поспѣшно. Я такія ваши рѣчи слушаю потому, какъ очень я вамъ да-же обязанъ. Уваженіе къ вамъ имѣю... Бѣда, если чьи чужія уши услышатъ. Развѣ можно такъ... Государя по-минать, про Россію говорить. Да тутъ, ваше высокобла-городіе такое будетъ, что ни вамъ, ни мнѣ не сдобро-вать.... Да за это такое бывало... Вы даже себѣ и пред-ставить не можете, какія тутъ пытки, какая смерть мо-жетъ тутъ быть... Свѣту не увидите.

— Я, Лисовскій, смерти никакъ не боюсь.... Я чест-ный Императорскій солдатъ и вины никакой за мной нѣтъ.... Мнѣ муки ни почемъ. Я въ Господа Бога вѣрую и слова Господа Нашего Иисуса Христа очень хорошо и навсегда помню: « не бойтесь губящихъ тѣло ваше, ду-шу же вашу не могущихъ погубить». Я, можетъ быть, для того и пришелъ сюда, чтобы смерть мученическую принять, и смертью своею ваши вины искупить и васъ на путь правильный и честный направить. Не первый и не послѣдній разъ офицеру приходится себя въ жертву приносить Родинѣ. Можете взять меня и пытаться мо-жете, только и то знайте, что я себя такъ даромъ не от-дамъ. Зарядовъ у меня достаточно, а какой я стрѣлокъ, вамъ то это хорошо должно быть извѣстно. Душу мою вы не запоганите и не смутите вашими глупыми слова-ми. Я георгіевскій кавалеръ, Лисовскій, восемь вражес-кихъ пуль въ моемъ тѣлѣ и я видалъ своими глазами смерть. Я присягалъ, Лисовскій, и присягъ своей я ни-какъ и нигдѣ не измѣнилъ, и со мною тотъ Господь, въ Кого вы вѣрите перестали, но въ Кого я вѣрую и Кто придетъ ко мнѣ на помощь. Вы сильны числомъ. Я си-ленъ духомъ. И духа моего вы не сломите никакими стращаніями.

— Да что вы такое говорите, ваше высокоблагородіе. Да неужели же я всего этого и самъ не понимаю?.. А только уйдите... Уйдите отъ грѣха подальше. Хотите на колѣни передъ вами стану... И вамъ погибать такъ зря не сладко и мнѣ съ вами погибать придется просто зря.

Лисовскій былъ въ большомъ волненіи. Онъ уже не стоялъ у окна. Онъ топтался по хатѣ, шмыгая своими валенками, задѣвая ими за скамьи и за столъ. Онъ все прислушивался къ тому, что дѣлается внѣ хаты и въ сосѣдней комнатѣ. Заглядывалъ онъ и въ оконце, откуда видны были монголы, оканчивавшіе запряжку и погружку арбы.

Петрикъ совсѣмъ скверно себя чувствовалъ. Земля уходила изъ подъ его ногъ, онъ былъ въ полусознаніи. Онъ увидалъ, какъ Лисовскій вдругъ, точно на что то рѣшившись, вышелъ быстро во дворъ и что-то говорилъ одному изъ монголовъ. Впрочемъ, все это Петрикъ видѣлъ уже совсѣмъ неясно и даже не былъ увѣренъ, точно ли тамъ на солнцемъ освѣщенномъ дворѣ были монголы и арба, или это все рисовало ему его подавленное воображеніе.

«Ну вотъ и конецъ», — подумалъ Петрикъ и отстегнулъ кобуру револьвера. «Не такой конецъ, какого я ожидалъ, однако, попробуемъ его все-таки сдѣлать концомъ солдатскимъ».

Петрикъ сталъ въ уголъ комнаты и приготовился къ отчаянной оборонѣ. Лисовскій между тѣмъ вернулся со двора. Петрика поразило лицо Лисовскаго. Было въ немъ что-то такое размягченное и доброе, что Петрику вдругъ смѣшными показались его воинственные приготовления. Онъ вложилъ револьверъ въ кобуру и сталъ ждать, что будетъ дальше.

— Идемте, ваше высокоблагородіе, — тихо сказалъ Лисовскій — ни минуты намъ терять нельзя. Комиссаръ возвращаются.

— Лисовскій, ты остаешься съ ними?

— Мнѣ нельзя иначе, — глухо сказалъ солдатъ.

Петрикъ не слышалъ отвѣта Лисовскаго. Онъ толь-

ко видѣлъ его лицо, ставшее такимъ добрымъ и славнымъ, какимъ было оно въ полку. И Петрикъ повѣрилъ Лисовскому. Въ томъ состояніи слабости и размягченности, въ какомъ въ это время онъ находился, ему пріятно было отдаться на чье-то попеченіе. Лисовскій казался старымъ другомъ, его былымъ вѣстовымъ. Лисовскій вывелъ Петрика во дворъ и попросилъ его сѣсть въ арбу. Петрикъ не спорилъ «Это еще не казнь», — подумалъ онъ, — «когда поведутъ на казнь, тогда успѣю».

Это была его послѣдняя сознательная мысль. Послѣ наступилъ сладкій и пріятный покой. Арба колыхнулась, должно быть, поѣхала. Кто-то забросалъ Петрика кошмами, и тяжкій душный кошмяный верблюжій запахъ охватилъ Петрика вмѣстѣ со сладкимъ небытіемъ... «Нирвана... Смерть», — неясная и нечеткая мелькнула мысль въ головѣ Петрика и все слилось въ мутную, то бредовую, то безсознательную пелену, гдѣ было что-то сладкое, и во всякомъ случаѣ совсѣмъ не страшное.

Страшное осталось позади.

XI.

Петрикъ лежалъ на спинѣ. Нѣчто мягкое, а не верблюжій войлокъ было подъ нимъ. Чувство покоя и тишины владѣло имъ. Онъ всѣмъ тѣломъ, каждымъ мускуломъ и нервомъ чувствовалъ нарастающее здоровье. Золотой свѣтъ былъ кругомъ. Петрикъ не открывалъ глазъ. Онъ чувствовалъ, какъ этотъ свѣтъ окружалъ его и какъ бы пропитывалъ чувствомъ силы и здоровья. И было страшно: откроетъ глаза, и нарушится сладкая гармонія золотого свѣта, такъ пріятно колдовавшая его. Онъ вспоминалъ все, что произошло съ нимъ въ эти дни. Онъ не отдавалъ себѣ еще отчета во времени и лишь смутно помнилъ о какомъ-то таранчинскомъ кишлакѣ, гдѣ онъ, какъ будто, встрѣтился съ Лисовскимъ. Потомъ было другое: какой-то узоръ, сплетенный изъ дѣйстви-

тельности и кошмарныхъ сновъ, то страшныхъ, то сладкихъ, но всегда занятныхъ.

Было медленное движеніе арбы по пустынь и надобные крики погонщика монгола: «у-о... у-о»!.. Передъ Петрикомъ мотались общипанные, грязные хвосты лошадей и выдавшіеся отъ худобы конскіе маслаки. Отвратительно пахло грязной верблюжьей кошмою, было душно и тяжело дышать, становилось страшно. И вдругъ — Петрикъ вступалъ въ міръ грезъ. Все принимало иной видъ. Лошади по прежнему шагали впередъ, но арба катилась назадъ, и въ этомъ не было ничего необычнаго или страшнаго. Въмѣсто пустыни передъ Петрикомъ стоялъ высокій, березовый садъ. Сквозь его аллеи просвѣчивалъ бѣлый домъ съ колоннами. И самое пріятное было сознавать, что кругомъ пустыня, и никакого дома, ни сада быть не можетъ, а вотъ онъ такъ ясно видитъ и домъ и садъ, что даже ощущаетъ нѣжный запахъ молодыхъ березовыхъ почекъ. Это продолжалось долго. Потомъ наступала темнота и тогда все сливалось въ пустоту, въ какое-то страшное «ничто».

Вдругъ проснется Петрикъ и видитъ; онъ лежитъ на кошмахъ не въ арбѣ, а на землѣ. Лунный свѣтъ мягко свѣтилъ надъ нимъ. Подлѣ пасутся стреноженные лошади и кисло пахнетъ мокрой солонцоватой землей. Бѣлыя, розовыя и голубыя скалы, точно громадные пальцы торчатъ неподалеку. Кругомъ цвѣтутъ невиданные цвѣты. Онъ вспоминалъ, гдѣ, когда слыхалъ, или читалъ онъ про такіе цвѣты и, наконецъ, память находила, гдѣ? Въ необыкновенныхъ разсказахъ Эдгара Поэ. Тамъ цвѣли «асфодели». Петрикъ повторялъ это слово, и оно точно отвѣчало необычному виду обточенныхъ водою мірового потопа и вѣтрами скалъ мергеля, имѣвшихъ причудливый видъ. Онъ шепталъ: «асфодели... асфодели»... Монголъ, — онъ казался Петрику громаднымъ и страшнымъ, — поднимался подлѣ, накрывалъ Петрика кошмами. Опять душный воздухъ, верблюжий запахъ становились нестерпимыми, и Петрика охватывало небытіе.

Иногда Петрикъ приходилъ въ сознаніе и отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что съ нимъ. У него, должно быть,

тифъ, и въ сильной и тяжелой формѣ. Не все ли равно? Его куда-то, по приказанію Лисовскаго, везутъ монголы. Не все ли равно, куда и зачѣмъ?

Лежа въ золотомъ свѣтѣ, Петрикъ понялъ, что его привезли. Золотой свѣтъ сказалъ, что привезли его не въ плохое мѣсто. Объ этомъ говорилъ и совсѣмъ особенный воздухъ океана, или пустыни, такой легкій, какимъ онъ только и можетъ быть тамъ, гдѣ много травъ, гдѣ свобода для вѣтровъ и гдѣ нѣтъ людей. Этотъ воздухъ такъ легко вливался въ легкія Петрика, что груди не надо было дѣлать усилія, чтобы пить его. Отъ всего этого радость входила въ его душу. Петрикъ долго не рѣшался открыть глаза, боясь, что пропадетъ все это очарованіе. «А вдругъ это и есть смерть... нирвана? Тамъ — асфодели.... и золотой, теплый свѣтъ».

Наконецъ, Петрикъ собрался съ духомъ, открылъ глаза и осмотрѣлся.

Его поразила необыкновенная правильность, гармоничность и симметрія покоя, гдѣ онъ лежалъ на низкой постели. Это была просторная и высокая каменная комната. Никакихъ украшеній, обоевъ, или картинъ не было на прямоугольной стѣнѣ передъ Петрикомъ. Въ серединѣ бѣлаго прямоугольника, совершенно точно въ его центрѣ было вырѣзано окно. Ни стекло, ни рамъ, ни занавѣсей не было. Бока окна показывали громадную толщину стѣнъ постройки. Въ это окно, какъ сквозь какую-то раму, смотрѣлъ широкій видъ, очаровавшій Петрика своимъ величественнымъ просторомъ. Духъ захватывало отъ его безкрайной дали. Солнце было высоко, и вся степь, открывшаяся передъ Петрикомъ черезъ прямоугольникъ окна, была залита его золотыми лучами. Она цвѣла. Голубое море тюльпановъ колебалось подъ невидимымъ и неосяцаемымъ вѣтеркомъ. Точно прекрасное муаровое полотно было распростерто за окномъ, и каждое мгновеніе мѣняло краски и тона. До самаго небосвода была голубая степь. Нигдѣ не было въ ней никакой постройки, никакого жилья, ничего и никого живого. Ея просторы, голубой ея цвѣтъ, совсѣмъ другой, чѣмъ голубизна неба, нѣжный, непереда-

ваемый духъ, что шелъ отъ нея, восхитили Петрика, и онъ долго не могъ оторвать глазъ отъ окна.

Онъ ушелъ въ созерцаніе этого прекраснаго вида и сначала прослушалъ звуки, родившіеся за нимъ. Земные звуки. Чей-то голосъ неясно и нечетко бормоталъ, и Петрику показались знакомыми и родными имъ произносимыя слова:

— Гос... ом... ми... — говорилъ кто-то слегка въ носъ — Ом-ми-гос...

— Господи помилуй, — пояснилъ себѣ Петрикъ. Онъ прислушался внимательнѣе.

Нѣтъ, это не было «Господи помилуй». Петрикъ уловилъ слова. Они повторялись, нанизываясь длинною, несвязною нитью. Имъ въ тактъ щелкали костяшки чепчика.

— Омъ-ма-ни-пад-мэ-хумъ.... — и опять послѣ короткаго промежутка времени: — омъ-ма-ни-пад-мэ-хумъ....

Петрикъ повернулся отъ окна. За его постелью, на полу на рисовой циновкѣ, поджавъ по восточному ноги, сидѣлъ рослый, коротконогій человѣкъ. Его гладко обрита голова была опущена. Узкіе косые глаза были устремлены внизъ. Онъ былъ одѣтъ въ бѣлыя просторныя одежды, и желтый платъ былъ перекинута черезъ лѣвое плечо. Лицо было въ мелкихъ морщинахъ. Человѣкъ этотъ держалъ въ рукахъ черныя четки и, перебирая ихъ, бормоталъ совсѣмъ такъ, какъ бормочетъ причетникъ, повторяя сорокъ разъ: «Господи помилуй».

— Омъ-ма-ни-пад-мэ-хумъ... Омъ-ма-ни-пад-мэ-хумъ...

Петрикъ приподнялся на локтѣ. Было несказанно пріятно сознаніе силы и того, что руки ему повиновались.

— Гдѣ я? — спросилъ онъ.

Монголъ мягко, тѣмъ красивымъ движеніемъ, какимъ встаютъ восточные люди, привыкшіе сидѣть на землѣ, не опираясь руками, медленно и гибко поднялся съ циновки, внимательно посмотрѣлъ на Петрика, низко поклонился ему и, протянувъ обѣ руки ладонями впе-

редъ, поднялъ ладони кверху, дѣлая жестъ, приказывающій Петрику лежать и ждать, потомъ повернулся къ старой дубовой двустворчатой двери и неслышными шагами подошелъ къ ней. Дверь мягко раскрылась на обѣ половинки, монголъ скрылся за нею. Петрикъ остался одинъ.

ХП.

Много прошло времени въ полномъ одиноществѣ Петрика и тишинѣ. Но ни это одиночество, ни тишина не тяготили выздоравливающаго. Напротивъ, онъ испытывалъ удовольствіе покойно наблюдать, какъ двигалось солнце надъ землею, какъ заглянуло оно къ нему въ окно и освѣтило всю комнату съ простыми бѣлыми каменными стѣнами. Голубая степь стала лиловой. Дали развернулись шире. Больно глазамъ было смотрѣть: слѣпило солнце.

Шумъ многихъ шаркающихъ шаговъ на лѣстницѣ за дверью обратилъ вниманіе Петрика. Дверь растворилась, и въ горницу стали входить монголы. Они несли желтыя и бѣлыя подушки и клали ихъ вдоль стѣнъ. За этими монголами вошли другіе въ просторныхъ бѣлыхъ одеждахъ съ желтыми накидками. Всѣ они, входя, низко, по монастырскому кланялись Петрику. Петрикъ вспомнилъ, какъ когда-то въ дѣтствѣ онъ съ матерью былъ въ православномъ монастырѣ, и тамъ совсѣмъ такъ же и такими же поклонами привѣтствовали монахи. Петрикъ узналъ тамъ слово, показавшееся ему тогда вычурнымъ и смѣшнымъ: «братолюбіе». Еще услышалъ онъ тамъ же и другое слово: «добротолюбіе». Тогда и тамъ не придалъ этимъ словамъ значенія. Другое было у него на умѣ, и онъ скоро ихъ совсѣмъ позабылъ, и вотъ когда вспомнилъ! Въ поклонахъ входившихъ монголовъ Петрикъ почувствовалъ это самое: «братолюбіе». Тѣ, кто несли подушки, стали вдоль стѣнъ, а тѣ, кто пришли за ними, сѣли на подушки. Послѣднимъ во-

шелъ высокій плотный монголъ. Онъ былъ въ такихъ же длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, но на головѣ у него была желтая съ золотомъ трехрогая шапка. Онъ видо́мъ и одѣяніемъ напомнилъ Петрику католическаго епископа. Этотъ человѣкъ, вѣроятно, тоже епископъ, такъ подумалъ с нимъ Петрикъ, медленно, неслышно ступая въ мягкихъ китайскихъ туфляхъ, подошелъ къ постели Петрика и сѣлъ у Петрика въ ногахъ. При его приближеніи Петрикъ приподнялся и хотѣлъ встать, но епископъ рукою показалъ Петрику, чтобы онъ лежалъ. Петрикъ остался полусидящимъ, прислонившись къ подушкамъ. Онъ смотрѣлъ на епископа, на вошедшихъ впереди него монголовъ и соображалъ: снится это ему опять въ горячечномъ тифозномъ бреду, или это совсѣмъ необычная явь. Вопросъ: «гдѣ я»? «что вы за люди»? былъ у него на умѣ, но какъ, на какомъ языкѣ это сказать? Петрикъ понималъ, что спрашивать по-Русски бесполезно. Онъ старался вспомнить китайскія слова, но все лѣзли ему въ голову такія неподходящія! И Петрикъ молчалъ и ждалъ, что будетъ дальше.

Старый монголъ положилъ теплую руку на лобъ Петрика, точно хотѣлъ посмотре́тъ, есть ли у гостя жаръ. Потомъ положилъ руку на руку Петрика и трогалъ пульсъ. Все это время Петрикъ чувствовалъ себя во власти этого человѣка. Изъ подъ шапки смотрѣли на Петрика узкіе темные глаза: два черныхъ брилліанта. На лицѣ не было ни бровей, ни рѣсницъ, и красноватая вѣки старчески припухли. У монгола была большая голова и подъ шапкой чувствовался мощный черепъ. Голое лицо было покрыто сѣтью мелкихъ морщинъ. Монголъ показался Петрику добрымъ докторомъ. Такой именно у него и въ дѣтствѣ былъ докторъ, толстый, добрый съ лысой большой головой и безбровыми глазами. Только у этого глаза были косые и лицо блѣдно-желтаго цвѣта. Монголъ долго держалъ руку, все время проникательно глядя въ глаза Петрика.

— Ну вотъ, сынъ мой, ты и поправляешься. Теперь скоро и силы начнутъ къ тебѣ возвращаться, — тихо сказалъ монголъ.

Къ крайнему изумленію Петрика монголъ сказалъ

это на чистомъ Русскомъ языкѣ съ тѣмъ мягкимъ акцентомъ, съ какимъ говорятъ восточные люди не столько отъ неумѣнія говорить по-Русски, сколько изъ восточной вѣжливости, не позволяющей говорить съ гостемъ громко и грубо.

— Вы говорите по-Русски, — прошепталъ Петрикъ. — Кто вы?.. Гдѣ я?

Что-то похожее на улыбку появилось на лицѣ монгола. Морщины пробѣжали по нему рябью. Глаза еще болѣе сузились.

— Сынъ мой, ты находишься въ ламаитскомъ монастырѣ. Въ полной безопасности. Я настоятель этого монастыря, и я Русскій.

Монголъ жестомъ обѣихъ рукъ показалъ Петрику, чтобы тотъ молчалъ и не спрашивалъ больше.

— Тебѣ, сынъ мой, нельзя волноваться и уставать. Мы поговоримъ подробно потомъ. А теперь — лежи покойно и отдыхай. Набирайся силъ. Онѣ тебѣ такъ будутъ нужны.

Онъ всталъ, за нимъ встали всѣ пришедшіе съ нимъ монахи. Они пошли къ дверямъ, одни впереди, другіе сзади настоятеля. Комната опустѣла. Петрикъ долго, въ пріятномъ оцѣпенѣніи лежалъ на постели, не соображая, что же это было? Новая картина бреда среди тысячи другихъ картинъ, или это была явь, выздоровленія? Но какъ было все это странно, необычно и полно непонятной тайны!

Передъ нимъ, за окномъ, въ золотые туманы садилось солнце. Теперь можно было смотрѣть на него. Даль безкрайной пустыни простиралась тамъ. Эта даль звала и манила. Пустыня, даль не были грезами. Онѣ дышали вечерними ароматами и были самою настоящею дѣйствительностью. Въ этомъ были ихъ очарованіе и ужасъ. Какъ, значитъ далеку былъ Петрикъ отъ Россіи!

Онъ лежалъ въ странномъ, бездумномъ полуснѣ. Что могъ онъ предпринять? Слабый, едва оправившійся отъ болѣзни, не знающій даже точно, гдѣ онъ находится и что съ нимъ будутъ дѣлать пріютившіе его люди. Одно успокаивало: настоятель монастыря. — Петрикъ вспомнилъ, что ихъ называютъ «ламами», — ска-

залъ, что онъ Русскій. Онъ былъ монголъ. Это говорили и цвѣтъ его лица и весь его видъ. Но онъ сказалъ: «я Русскій». Если Петрику удастся поговорить еще разъ съ нимъ, они найдутъ общій языкъ и они другъ друга поймутъ....

Въ тишину просторнаго покоя, въ его молчаніе опять, какъ и раньше, вошло невнятное бормотаніе. Монахъ монголъ сидѣлъ въ углу сзади Петрика.

— Омъ-ма-ни-пад-мэ-хумъ..... омъ-ма-ни-пад-мэ хумъ, — неслоь изъ угла.

Эти непонятныя слова такъ отвѣчали темнѣвшей за окномъ пустынѣ и надвигавшейся тамъ ночи. Тайнственной смѣнѣ дня ночью, не скрашеннымъ никакимъ далекимъ костромъ сумеркамъ, несказанно красивой игрѣ тѣней и красокъ, прозрачныхъ, нѣжныхъ и воздушныхъ, всей этой великой тайнѣ природы, столько разъ видѣнной Петрикомъ и точно въ первый разъ замѣченной, отвѣчали эти странныя, мистическія и непонятныя съ ужасающей настойчивостью повторяемыя слова:

— Омъ-ма-ни-пад-мэ-хумъ!..

XIII.

Настоятель монастыря — «Канбо-лама» — сталъ часто приходилъ къ Петрику. Онъ навѣщалъ его, какъ хорошій врачъ, слѣдящій за выздоровленіемъ больного, какъ добрый другъ, но еще болѣе, какъ учитель жизни. Онъ приходилъ уже безъ свиты монаховъ, въ сопровожденіи одного старшаго монаха-«гэцуля». Тотъ садился въ углу комнаты и погружался въ созерцаніе, изрѣдка перебирая четками. Въ эти минуты онъ былъ похожъ на католическаго викарія, сидящаго въ высокихъ креслахъ собора во время проповѣди своего епископа.

«Канбо-лама» тихимъ, мѣрнымъ голосомъ рассказывалъ Петрику свою жизнь. Онъ объяснилъ въ пер-

вый же свой длительный приходъ, почему онъ, будучи монголомъ, назвалъ себя русскимъ. Онъ былъ русской культуры. Его фамилія была Джорджіевъ. Онъ былъ сыномъ богатаго купца, торговавшего съ Россіей воловьими кожами. Онъ родился и выросъ въ Ургѣ, но уже въ раннемъ дѣтствѣ бывалъ съ караванами отца въ Россіи, и свободно говорилъ по русски. Отецъ хотѣлъ сдѣлать его европейцемъ. Джорджіева отдали въ Семипалатинскъ, въ гимназію, потомъ онъ окончилъ Казанскій университетъ, поѣхалъ заканчивать свое образованіе за границу, былъ въ Германіи и Англіи. Повсюду онъ обращалъ на себя вниманіе. Монголъ... жолтый... и интересуется Гете и Гегелемъ, изучаетъ Шопенгауэра и Ницше, знакомится съ твореніями Маркса. Все интересовало его. Онъ изучалъ католичество и протестантизмъ, онъ хорошо зналъ сущность православія, и онъ обо всемъ могъ умно говорить. Блестящая въ европейскомъ смыслѣ карьера его ожидала. Въ любомъ университетѣ стараго или новаго свѣта ему готова была кафедра монгольскаго языка, литературы, или Ламаизма. Онъ былъ знакомъ съ изслѣдователями центральной Азіи. Они были его друзьями, и до нѣкоторой степени учениками. Съ профессоромъ Позднѣвымъ онъ долго былъ въ перепискѣ. Но онъ заскучалъ по своей Ургѣ. Кажется, въ мірѣ нѣтъ города болѣе скучнаго и унылаго, чѣмъ Урга. Пустыня, пыльные улицы безъ садовъ, низкіе дома-избы, все плоско, пыльно и безотраднo. Джорджіевъ вернулся въ нее, когда ему было за сорокъ лѣтъ и вдругъ понялъ, что все что онъ видалъ въ Европѣ, было тлѣномъ и пустяками, тѣмъ «преходящимъ», не стоящимъ вниманія, временнымъ, исчезающимъ, гниющимъ, разваливающимся, о чемъ такъ прекрасно учили его въ дѣтствѣ ламы-наставники. Призрачная обманчивая «к о н е ч н а я п у с т о т а», вотъ что былъ европейскій міръ, столько лѣтъ имъ изучаемый. Джорджіевъ убѣдился, что единственная цѣнность здѣшняго міра въ исполненіи «б ѣ л ы х ъ д о б р о д ѣ т е л е й», тѣхъ «п а р а м и т ъ» подражанія Буддѣ, что указаны въ ламаитскомъ ученіи. Джорджіевъ поселился въ Ургѣ. Онъ сталъ на защиту и охраненіе чужой

жизни, онъ роздалъ, какъ милостыню богатое наслѣдство, полученное отъ отца. Онъ соблюдалъ въ поступкахъ нравственную чистоту, былъ правдивъ въ рѣчахъ, старался примирять враждующихъ, велъ душеспасительныя бесѣды съ приходившими къ нему изъ степи монголами, въ своей жизни былъ во всемъ умѣренъ, милосердъ и сострадателенъ и искалъ черезъ общеніе съ ламами воспріять въ полной мѣрѣ истинное ученіе. Слухъ о его святости распространился за предѣлами Монголіи. Его избрали ламою. Въ немъ открыли воплощеннаго Будду: «х у б и л г а н а», въ немъ увидали перерожденнаго великаго ламу: «б о д и с а т в у», и его послали въ далекій монастырь «Канбо-ламой» настоятелемъ.

Джорджіевъ рассказывалъ это Петрику съ какою то точно легкой насмѣшкой надъ самимъ собою и, во всякомъ случаѣ, безъ малѣйшей тѣни какой бы то ни было гордыни.

Петрику казалось, что Джорджіеву доставляло удовольствіе говорить по русски съ русскимъ офицеромъ и вспоминать старую свою жизнь въ Ургѣ. Еще казалось Петрику, что Джорджіевъ, можетъ быть невольно, хотѣлъ увлечь Петрика на путь святости, на путь нравственнаго совершенствованія, и Джорджіевъ становился учителемъ и руководителемъ Петрика въ его новой возрождающейся жизни. Онъ былъ какъ бы путеводителемъ Петрика черезъ крайне опасную мѣстность, гдѣ Петрика ожидали всяческіе ужасы.

Онъ часто говорилъ о религіи. Петрикъ узнавалъ отъ Джорджіева тайны ламаизма.

— Богъ единъ, и понятіе о Богѣ одно у всѣхъ народовъ и во всѣхъ вѣрованіяхъ, — говорилъ Канбо-лама Петрику.

Они сидѣли на мягкихъ подушкахъ у открытаго въ степь окна. Лѣтній вѣтеръ подувалъ по степи, и степь уже начинала желтѣть отъ солнечнаго зноя.

— Вы вѣрите: Богъ единъ, но троиченъ въ лицахъ: Богъ Отецъ, Богъ сынъ и Богъ Духъ Святой. Не то же ли и въ вѣрѣ, проповѣданной Буддой и установ-

ленной Цзонкавой*)... Будда имѣетъ три тѣла — три лица. Два тѣла духовныхъ и третье «превращенное». Первое духовное тѣло Будды: Будда « с а м ѣ в ѣ с е б ѣ ». Безформенное, вѣчное, самосущее, все собою наполняющее, абсолютное бытіе, покоящееся въ мірѣ извѣчной пустоты: — « н и р в а н ѣ ». Все въ Немъ и ничего безъ Него. Богъ-Отецъ... Второе духовное тѣло Будды мы можемъ познавать черезъ созерцаніе, черезъ самоуглубленіе, черезъ пониманіе сущности ученія Будды, черезъ мышленіе и молитву. Въ дивной, лучезарной, несказанной прелести открывается тогда удивительной красоты тѣло Будды, въ которомъ Будда пребываетъ въ небесномъ царствѣ тѣней — « Т у ш и т а » и гдѣ Онъ преподаетъ свое ученіе духамъ свѣта «тенгріямъ» и воплощеннымъ буддамъ «бодисатвамъ». Это, сынъ мой, то, что вы почитаете Духомъ Святымъ. Сосредоточенный талантъ, геній человѣческой, открывающій творящему несказанную радость творчества, вотъ, что есть второе духовное тѣло Будды. Наконецъ, чтобы проповѣдывать людямъ святое ученіе, чтобы учить и спасать людей Будда воплотился въ земное тѣло и являлся въ немъ людямъ. Такимъ воплощеннымъ Буддой былъ Сакья-Муни, о комъ ты, вѣрно, сынъ мой, слыхалъ.

Петрикъ промолчалъ. Онъ никогда не слыхалъ о Сакья-Муни.

Петрикъ внимательно слушалъ «Канбо-ламу». Онъ не перебивалъ его, не задавалъ ему вопросовъ. Съ религіозными темами онъ столкнулся первый разъ въ жизни. Онъ не интересовали его. Петрикъ былъ къ нимъ безразличенъ. Онъ вѣрилъ по своему, вѣрилъ искренно и глубоко, но считалъ, что надъ такими вопросами, какъ ученіе о Богѣ нельзя долго задумываться: «непремѣнно въ ересь впадешь»... Лама говорилъ Петрику о мученіяхъ здѣшняго міра, о конечной пустотѣ всего земного, о томъ, что ни жалѣть, ни любить земную жизнь

*) Цзонкава родился въ 1357 г. и былъ основателемъ Ламаизма, соединившаго различные толки тибетскихъ буддійскихъ сектъ.

не стоитъ. Лама проповѣдывалъ красоту нирваны — пустоты безконечной. Петрикъ не вѣрилъ ламѣ. Конечное и земное влекло его, и было ему дорого. Да, вѣрно, все кончается и все проходитъ, но слѣдъ остается, и Петрикъ жилъ воспоминаніемъ прошлаго счастья. Оно давало ему отраду. Было у него его Солнышко, что свѣтило ему на его жизненномъ пути, была и милая Настенька, и не вѣрилъ Петрикъ, что ни ту, ни другую онъ никогда не увидитъ. Не видѣлъ ихъ мертвыми — считалъ живыми, и ждалъ и жаждалъ встрѣчи съ ними. Этимъ жилъ. Да, все кончается, все проходитъ, но не могла кончиться, не могла исчезнуть съ лица земли Россія. И, если все проходитъ, то прежде всего пройдетъ коммунизмъ, и Петрикъ вернется въ Россію, чтобы работать въ Арміи, учить и воспитывать новыхъ русскихъ кавалеристовъ. Петрикъ для себя ждалъ одного конца: — солдатской смерти въ бою съ врагами Родины. И по своему крѣпко и твердо вѣрилъ Петрикъ, что за этимъ концомъ ожидаетъ его не какая то тамъ «нирвана», ничего его сердцу не говорящая, «но «райскій вѣнецъ на часть», тотъ самый вѣнецъ, о которомъ ему столько лѣтъ пѣлъ кавалерійскій сигналъ. Этому сигналу Петрикъ вѣрилъ больше, чѣмъ всему высокому ученію мудраго Цзонкавы. Но Петрикъ былъ воспитанный человѣкъ, кромѣ того онъ чувствовалъ себя слабымъ послѣ тифа и потому не прерывалъ ламу, но слушалъ съ благоговѣніемъ, какъ слушалъ бы православнаго священника, или старца въ монастырѣ.

И только разъ Петрикъ, воспользовавшись тѣмъ, что послѣ долгаго созерцательнаго молчанія, лама не заговорилъ сразу, но смотрѣлъ на Петрика, какъ бы ожидая его вопросовъ, спросилъ:

— Святой отецъ, вы мнѣ не сказали, какъ и почему я попалъ сюда, именно въ вашъ монастырь? Знали тѣ люди, кто отправляли меня изъ таранчинскаго кишлака о васъ, или все это сдѣлалось случайно?

— Въ мірѣ ничего не дѣлается случайно, но тайныя силы руководятъ всѣмъ, что въ мірѣ совершается. Нѣтъ, тѣ, кто тебя отправляли, меня не знали и не мог-

ли знать. Это были пришлые люди и они никого здѣсь не знали... Но...

Лама замолчалъ и на этотъ разъ его молчаніе длилось очень долго.

XIV.

Степь давно погорѣла и была жолто бураго цвѣта. Осенній вѣтеръ гулялъ по ней. Онъ пригибалъ сухія травы, колебалъ метелками сѣмянъ, и степь волновалась, какъ море. Она и напоминала осеннее сѣверное море. Небо было густого сиреневаго цвѣта. Небосводъ былъ близокъ. На западѣ сгущались черныя тучи. Далекія играли зарницы. И нигдѣ не было ни одной жи́вой точки, нигдѣ, въ надвигавшихся сумеркахъ, не загорѣлся костеръ. Пустыня лежала за окномъ. Нѣжнымъ, терпкимъ запахомъ сѣмянъ пахло отъ степи. Этотъ запахъ кружилъ голову Петрику. «Канбо-лама» сидѣлъ лицомъ къ окну, и на его непокрытую голову ложился отсвѣтъ. Серебряный вѣнчикъ былъ надъ нимъ. Въ другомъ углу покоя на циновкѣ сидѣлъ, поджавъ ноги, «гэлюнъ» и беззвучно перебиралъ четки, шевеля губами. Были пріятны и успокаивали тишина, безлюдіе и безмолвіе пустыни. Петрикъ смотрѣлъ на далекія тучи и думалъ: — «тамъ Россія. Что то тамъ?»

Джорджіевъ повернулъ голову отъ окна, посмотрѣлъ на Петрика и тихо сказалъ: —

— Полна чудесъ Россія. Ты думаешь о ней. Спасется Россія. Въ ней есть праведники. Есть въ ней святыя люди. Помилуетъ ее Господь, какъ помиловаль-бы Содомъ, если бы въ немъ нашлись праведники. Ты спрашивалъ меня какъ то, какъ спастся ты отъ большевиковъ и кто и почему направилъ тебя ко мнѣ? Тогда я не отвѣтилъ тебѣ. Я ждалъ, когда окрѣпнешь ты. Когда сможешь понять и силу подвига и значеніе жертвы. Тогда въ тотъ день ты слишкомъ много думалъ о земномъ. Я говорилъ тебѣ о небесномъ, но ты не отры-

вался отъ земли. Да... Я зналъ все, что было съ тобою въ пустынь. Какъ мнѣ не знать этого?

Петрикъ внимательно посмотрѣлъ на ламу. Онъ ждалъ теперь разсказа о какихъ нибудь чудесахъ, о сверхчувственномъ, о теософіи, объ эфирномъ и астральномъ тѣлѣ, объ излученіяхъ и тайновѣдѣніи, словомъ что нибудь такое, о чемъ онъ иногда смутно слышалъ, чему никогда не вѣрилъ и чѣмъ не интересовался. Должны же быть какія то тайны у буддистовъ, не могло же быть безъ «чудесъ» въ ламаитскомъ монастырѣ въ нѣдрахъ Тибета?

«Канбо-лама» посмотрѣлъ на Петрика и знакомая уже Петрику чуть примѣтная улыбка покрыла сѣтью морщинъ его лицо. Онъ и правда читалъ въ мысляхъ Петрика, какъ въ открытой книгѣ. Петрикъ густо покраснѣлъ.

— Пустыня, — сказалъ лама, — подобна чашѣ, выдолбленной въ прозрачномъ хрусталѣ и наполненной ключевой водою. Каждая песчинка, малѣйшая пушинка въ ней отчетливо видны. Да и весь міръ не тайна для того, кто думаетъ о немъ. Но въ міру соблазна много. Въ пустынь все ясно. Добрыя и злыя дѣла въ ней одинаково хорошо видны, и все и всѣмъ извѣстно, что дѣлается и совершается въ пустынь. Пустыня не держитъ секретовъ. Пустыня говоритъ тысячью языковъ... Здѣсь въ монастырѣ, въ храмѣ, у «Шамбалы» — престола, гдѣ невидимо пребываетъ Будда, четыре раза въ день мною, ламами, гэлүнами и гэцулами совершаются моленія. Монахи-гэнэны присутствуютъ на нихъ. Со всей пустыни пріѣзжаютъ и приходятъ люди и просятъ молиться за нихъ. Они везутъ сюда явства и питія, цвѣты далекихъ странъ, драгоценности и золото, чтобы поставить это у изображеній боговъ и геніевъ, какъ доброхотную жертву. Они остаются въ монастырѣ и они разсказываютъ о всемъ, что случилось въ пустынь... Я былъ въ большихъ городахъ... Парижъ... Нью-Йоркъ... Лондонъ... Берлинъ... Въ ихъ каменныхъ мѣшкахъ, въ ихъ тѣсныхъ улицахъ, полныхъ людей и движенія все спрятано. И доброе невидно, и злое укрыто. Въ пустынь другое... Монголы знали меня. И тѣ

монголы, которые имѣли дѣла съ русскими знали меня особенно. Я столько лѣтъ прожилъ съ ними и столько разъ былъ посредникомъ между ними и русскими. Вотъ въ этой пустынѣ въ одинъ страшный кровавый зимній день русскій солдатъ вдругъ прозрѣлъ и увидѣлъ Бога. Онъ вывелъ тебя, уже совершенно больно-го, и сказалъ монголу ѣхавшему въ степи, въ Калгань: «вези, спасай этого уруса». И монголъ взялъ и укрылъ тебя подъ кошмами.

— Почему же онъ послушался? Онъ такъ рисковалъ... Онъ не обязанъ былъ спасать чужого. Онъ могъ меня бросить въ пустынѣ. Никто бы этого не узналъ.

— Ты судишь, какъ европеецъ. Нѣтъ отвѣта — нѣтъ и долга. Монгола съ дѣтства учили... Мы учили... Мы, ламы и священники всѣхъ степеней, что его долгъ защищать и охранять все живое. Монголъ и тарантула не раздавить... Такъ, какъ же бросить въ бѣдѣ человѣка? Монгола учили милостынѣ, и во имя ея онъ долженъ былъ подумать, какъ лучше спасти тебя. Тотъ солдатъ, который посадилъ тебя въ арбу не зналъ, что есть русскій лама, но тотъ монголъ, кому онъ сдалъ тебя, зналъ это и онъ измѣнилъ свой путь и повезъ тебя ко мнѣ... Просто...

— Нѣтъ... Это чудо! — воскликнулъ Петрикъ.

— Міръ, сынъ мой, полонъ добрыми духами и геніями. Они вездѣ. Каждый человѣкъ, каждое животное, растеніе, былинка имѣютъ своего генія-хранителя... Онъ есть и у тебя. Онъ не оставилъ тебя въ пустынѣ. Онъ спасъ тебя. Геній хранитель того солдата...

Джорджіевъ замолчалъ. Трудно было Петрику угадывать мысли монгола. Его лицо было неподвижно, какъ маска. Но нѣчто большее, чѣмъ любопытство мучило Петрика и онъ рѣшился прервать созерцательное молчаніе ламы.

— Геній хранитель солдата?... Что? геній хранитель солдата? — спросилъ Петрикъ въ глубочайшемъ волненіи. Онъ всталъ отъ окна и прошелъ въ глубину покоя. Сидѣвшій тамъ гэлюнъ не шелохнулся и продолжалъ безмолвно перебирать четки.

Отъ окна слышался тихій и задушевный голосъ

Джорджіева. Въ немъ дрожали необычайныя для него, всегда такого спокойнаго, взволнованныя ноты.

— Въ эти минуты передъ тѣмъ солдатомъ открылось самое великое, что можетъ быть въ здѣшной жизни: возможность отдать свою жизнь за другого. Этотъ другой былъ ты. Ты былъ ему особенно дорогъ. Съ тобою у него были связаны свѣтлыя воспоминанія. Онъ зналъ на что идетъ. Онъ зналъ, что вашъ разговоръ подслушали чужія, враждебныя уши, онъ зналъ, что, или тебѣ, или ему надо умереть страшною смертью, и онъ спряталъ, спасая тебя. Къ нему пришли его люди. Короткимъ судомъ судили его и присудили къ смерти. Его въ тотъ же ранній, утренній часъ разстрѣляли его же солдаты...

— Какой ужасъ, — прошепталъ Петрикъ. — Господи что же это такое?...

— Это великая милость къ тому солдату. Онъ сдѣлалъ святое дѣло. Умиrotворяя враждующихъ, сохраняя жизнь живущему, онъ заслужилъ вѣчное блаженство и временныя мученія міра сего замѣнилъ вѣчнымъ, лучезарнымъ покоемъ нирваны.

Петрикъ стоялъ у стѣны. Онъ тяжело дышалъ. Ему было жутко и страшно и, какъ никогда, хотѣлъ онъ дѣйствія, борьбы, хотѣлъ сражаться съ этими ужасными людьми. Хотѣлъ отмщенія.

...«Еще такъ недавно я былъ, какъ выпашь... Усталъ и боленъ къ тому... И точно... я не могъ... Силъ не хватило бы... Сейчасъ я готовъ... Хотя сію минуту передъ эскадронъ... Но раньше надо отсюда выбраться. Все это прекрасно. И святость, и «нирвана», и братолюбіе, и милостыня, и все это такое тихое и хорошее. Оно не для меня. Пусть придетъ на выпаханное и отдохнувшее поле моей души х о з я и н ъ и скажетъ, что мнѣ дѣлать? Я долженъ ѣхать... Ёхать во что бы то ни стало искать такое мѣсто, откуда я могъ бы работать на пользу и для спасенія Родины. Мнѣ надо найти другихъ такихъ же, какъ я людей и съ ними итти спасать Россію. Міръ геніевъ и духовъ хорошъ, но онъ не для меня».

Лама положительно читалъ мысли Петрика.

— Сынъ мой. — твои бумаги у меня. Твой такъ

тщательно тобою сохраненный послужной списокъ сказалъ мнѣ, кто ты. Ты свободенъ, сынъ мой. Но куда ты пойдешь и что ты будешь дѣлать? — тихо сказалъ онъ.

— Россія... — негромко и какъ то нерѣшительно сказалъ Петрикъ.

Онъ смотрѣлъ въ окно. На западѣ сгущались черныя тучи. Въ короткихъ зарницахъ полыхался небосводъ. Въ мертвенномъ, мерцающемъ свѣтѣ таинственныхъ огней еще страшнѣе и гуще казалась чернота надвигавшейся воробыиной ночи. Въ этомъ мракѣ была Россія. Петрикъ мысленно былъ въ ней. Онъ видѣлъ ея пустыни, ея степи, видѣлъ широкія и тихія рѣки, дремучіе лѣса и прекрасные города. Онъ ждалъ ея зова. Онъ зналъ отъ этого страннаго, все знающаго «Канбо-ламы» все, что тамъ было. Онъ зналъ о русскомъ несчастіи, о пораженіяхъ на бѣлыхъ фронтахъ, о трагедіи Колчака, о томъ что Южная Армія должна была покинуть русскіе предѣлы, но прекращеніе борьбы, пока онъ, Петрикъ, и ему подобные, живы не входило въ его понятіе. Онъ д о л ж е н ъ ... Въ этомъ былъ весь смыслъ его жизни. Этотъ его офицерскій долгъ былъ выше всего. Онъ былъ выше всѣхъ дѣлъ милосердія, всѣхъ таинственныхъ и прекрасныхъ « п а р а м и т ъ », о которыхъ ему часто говорилъ «Канбо-лама». Эти «бѣлыя добродѣтели» хороши для монаховъ, но не для него, ротмистра Ранцева!

— Россія, — сказалъ тихо лама. Это слово въ его устахъ получило особую силу, и Петрикъ вздрогнулъ. услышавъ, к а к ъ сказалъ это великое и святое для него слово лама. — Россія — Родина не только для тебя, но и для меня. И я не менѣе твоего болѣю о ней. Я родился въ Монголіи, но я воспитался и выросъ въ Россіи, и я горжусь, что я русскій... Но... Какъ ты думаешь сейчасъ помочь Россіи, пока она не искупила своего грѣха?... Ты хочешь итти противъ предопределеннаго?... Дерзать хочешь?... Кто поможетъ тебѣ?

— Культурный міръ, — несмѣло и невнятно пробормоталъ Петрикъ. Онъ вѣрилъ въ долгъ передъ Россіей иностранцевъ. Онъ вѣрилъ въ ихъ чувство самосохраненія.

Ночь надвигалась. Въ покоѣ, гдѣ они были, стало темно. Неясно намѣчалась въ углу фигура недвижно сидящаго гэлюна. Четки не двигались въ его рукахъ. Казалось, онъ заснулъ.

Послѣ продолжительнаго молчанія тихо и точно съ какимъ то упрекомъ сталъ говорить лама.

— Міръ, отрекшійся отъ Бога и Имъ установленныхъ законовъ, ты назвалъ культурнымъ?... Міръ, поклонившійся золотому тельцу, ты называешь культурнымъ?... Да вѣдь въ этомъ, тобою названномъ культурномъ мірѣ такое одичаніе, какого исторія не запомнитъ. Въ твоёмъ культурномъ мірѣ: рабство въ самой ужасной формѣ... Одичаніе, озвѣреніе... Дикая наглость... И ты тамъ думаешь найти людей, твоему русскому горю сочувствующихъ и его понимающихъ?...

Петрикъ пожалъ плечами. Лама замѣтилъ его движеніе.

— Ты мнѣ не вѣришь? Ты думаешь: зазнался монголъ!... Азіатъ!... Гнилой западъ!...

Монахъ неслышно открылъ дверь и принесъ въ комнату круглый бумажный фонарь. Отъ него свѣтлѣе стало въ покоѣ. Неопредѣленные тѣни побѣжали по бѣлымъ каменнымъ стѣнамъ. Сидѣвшій въ углу гэлюнъ поднялъ голову.

— Пойдемъ, сынъ мой, потолкуемъ еще, если ты не слишкомъ усталъ.

«Канбо-лама» сдѣлалъ знакъ пришедшему монаху, тотъ раскрылъ двери и гэлюнъ, за нимъ Джорджіевъ и Петрикъ пошли за свѣтившимъ имъ фонаремъ монахомъ и стали спускаться по крутой каменной лѣстницѣ.

XV.

Они прошли дворомъ и направились къ главному флигелю, гдѣ стояла высокая кумирня. Они шли длинными корридорами. За высокими дверьми кое гдѣ слышалось неясное бормотаніе, за другими стояла тишина

глубокаго покойнаго сна. Гэлюнъ дошелъ до высокой рѣзной двери ведущей въ покои ламы и остановился подлѣ нея. Онъ низко, монастырскимъ, уставнымъ поклономъ поклонился «Канбо-ламѣ», Джорджіевъ отвѣтилъ ему такимъ же поклономъ. Монахъ открылъ двери ламѣ. Джорджіевъ пропустилъ Петрика впередъ и вошелъ за нимъ въ высокій покой. Въ немъ, какъ и во всемъ монастырѣ было свѣжо. Большая керосиновая лампа горѣла на громадномъ чернаго дерева въ богатой китайской рѣзьбѣ столѣ. Она освѣщала кипы бумагъ, свитковъ, европейскихъ газетъ, чашечки съ тушью, печатки и изображенія фантастическихъ звѣрей, цвѣтовъ и драконовъ изъ нефрита, порфира и яшмы. Устѣны въ бронзовомъ, въ красивой рѣзьбѣ «хибачѣ» тлѣли уголья. Въ комнатѣ стоялъ ладанный духъ, пахло угольями «хибача» и какими то травами. Этотъ запахъ, обширность покоя почти безъ мебели, бездѣлушки изъ твердыхъ камней, вся эта китайщина, къ которой Петрикъ давно привыкъ, настраивали Петрика на какой то мистическій ладъ, и все здѣсь казалось ему таинственнымъ и необычайнымъ. Онъ ждалъ отъ ламы особыхъ откровеній, можетъ быть, пророчествъ.

«Канбо-лама» сѣлъ за столъ въ высокое китайское рѣзное кресло и пригласилъ Петрика сѣсть противъ него въ такомъ же креслѣ.

— Ты не повѣрилъ мнѣ, сынъ мой, — тихо началъ «Канбо лама», — ты усомнился въ моихъ словахъ. Гордый европеецъ все еще сидитъ въ тебѣ. Рабство?!... Европейскіе торгоши этого слова прямо не употребляютъ. Они кичатся своей свободой. Я живалъ по долгу въ большихъ городахъ. Когда я вздумалъ вернуться къ себѣ въ Ургу, меня не понимали, меня осуждали, считали ненормальнымъ. Какъ можно промѣнять европейскую свободную культуру на азіатскую глушь... Свобода?... Они тамъ помѣшались на этомъ словѣ. Да гдѣ же она эта свобода? Я видалъ европейскихъ рабочихъ. Я знаю, какъ просыпаются они по гудку, или подъ звонъ будильника раннимъ утромъ и какъ бѣгутъ они къ станкамъ, боясь опоздать. Я видѣлъ, какъ косою взглядъ мастера заставлялъ увядать на ихъ лицахъ улыбку ра-

дости. Я видѣлъ людей, получавшихъ за малѣйшую провинность разсчитать, или выгоняемыхъ на улицу за недостаткомъ работы. Выгнать на улицу — это страшнѣе прежнихъ бичей и скорпіоновъ, которыми расправлялись надсмотрщики съ непослушными рабами. Голодъ страшнѣе смерти. И потому, сколько самыхъ страшныхъ самоубійствъ въ культурномъ мірѣ! Рабочихъ усыпляютъ опіумомъ сладкихъ словъ социализма, этой новой религіи европейскаго міра. Они — хозяева государства!... Имъ принадлежитъ первенство!... Ихъ зовутъ въ парламенты!... Имъ даютъ организовывать свои союзы и партіи, а жизнь ихъ становится все хуже и хуже. Ими начинаютъ править толпа, а результаты этого ты уже видѣлъ у себя на Родинѣ.

Лама перебралъ кипу газетъ, лежавшую передъ нимъ.

— Сначала, — сказалъ онъ, это такъ меня удивляло и возмущало, что я дѣлалъ вырѣзки. Потомъ увидѣлъ, что это бесполезно. Каждый день, каждый, приходившій изъ Европы, или изъ Америки, номеръ газеты приносилъ мнѣ какой нибудь новый ужасъ, и вырѣзывать больше не стоило. Древніе народы знали ужасы рабства. Культурные народы знаютъ еще большіе ужасы контракта. Нарушеніе контракта сопровождается судебнымъ процессомъ, лишеніемъ мѣста, громадными неустойками, штрафами, выгономъ на улицу. Въ культурныхъ странахъ люди любятъ судиться. Женщина тамъ какъ будто и свободна, но посмотри, сынъ мой, какова ея свобода.

«Канбо лама» взялъ англійскую газету, лежавшую особо, въ сторонѣ.

— Вотъ, посмотри, сынъ мой. Въ Америкѣ одна дѣвушка, тоже, вѣроятно, выросшая и воспитанная безъ вѣры въ Бога и безъ нравственныхъ устоевъ, по имени миссъ Аллинъ Кингъ, заключила съ антрепренеромъ Зигфельдтомъ такой контрактъ: Она во все время дѣйствія ихъ договора не имѣетъ права ни прибавлять въ вѣсѣ, ни убавлять болѣе чѣмъ на десять фунтовъ. Также и измѣренія ея тѣла не могли, согласно контракта, отклоняться болѣе, чѣмъ на полъ дюйма. Она была

взвѣшена и измѣрена и всѣ измѣренія ея тѣла такъ же, какъ и ея вѣсъ были указаны въ контрактѣ, какъ это дѣлается со скотомъ. Было куплено тѣло человѣка, а вмѣстѣ съ нимъ была куплена и его душа. Ибо со дня подписанія контракта начались невѣроятныя тѣлесныя и душевныя муки этой дѣвушки. Шесть лѣтъ прожила миссъ Кингъ, во всемъ себѣ отказывая и питаясь по особой для нея составленной дозѣ. Завтракъ — тонкій ломтикъ ржаного хлѣба безъ масла, стаканъ апельсиноваго сока и чашка чернаго кофе безъ сахара. Обѣдъ — яблоко, или груша. Ужинъ — нѣсколько листиковъ салата, или томатъ, или маслины, или селлери. Ничего другого ѣсть артисткѣ не полагалось. Кромѣ того эта несчастная дѣвушка принимала еще и особыя пилюли для похудѣнія. Въ результатѣ полнаго истощенія, миссъ Кингъ впала въ странное, какъ бы безчувственное состояніе и была помѣщена въ частную санаторію для нервныхъ больныхъ, гдѣ провела подъ наблюденіемъ врачей, почти три года. Когда она выздоровѣла она пріѣхала къ роднымъ и черезъ четверть часа по пріѣздѣ выбросилась изъ окна. Она оставила записку. Въ ней было: «я прихожу въ ужасъ при мысли, что мнѣ снова надо итти на сцену и снова жить на діетѣ»... Думалъ ли кто изъ законодателей такого соціального строя, какія муки переживала эта дѣвушка?

Лама замолчалъ. Въ состояніи созерцанія, онъ находился нѣсколько минутъ. Потомъ онъ поднялъ глаза и, глядя сверлящимъ взглядомъ на Петрика, сталъ говорить съ большою печалью въ голосъ: —

— Все это дѣлается въ угоду толпѣ и ея кумиру, золотому тельцу. Толпа требуетъ зрѣлищъ, а правительства уже не думаютъ о томъ, какія зрѣлища допустимы и какія ведутъ къ упадку нравовъ. Въ Варшавѣ появился нѣкій Юрашъ, «пожиратель живыхъ крысъ». Онъ просилъ разрѣшенія устроить спектакль. Къ чести варшавской полиціи, онъ разрѣшенія этого не получилъ. Варшава все-таки еще во власти русско й культуры. Въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ или Нью-Йоркѣ онъ не встрѣтилъ бы препятствій къ устройству своего отвратительнаго зрѣлища. Тогда онъ рѣшилъ показать.

свое «искусство» нелегально. Онъ устроилъ «представленіе» на пустырь одной изъ варшавскихъ улицъ. Онъ ѣлъ живыхъ крысъ. Публика смотрѣла и восхищалась. Юрашъ заявилъ, что онъ съѣстъ живого кота. Но, когда онъ началъ грызть кота, и кровь потекла по его груди, публика, а ее набралось нѣсколько сотъ человѣкъ не выдержала отвратительнаго зрѣлища, набросилась на «пожирателя» и сильно избила его... Тутъ все хорошо: — публика въ нѣсколько сотъ человѣкъ и передъ нею тоже «человѣкъ», терзающій зубами маленькихъ звѣрковъ. Ты скажешь мнѣ, это культура?... Это такое одичаніе нравовъ, какого не знала и Римская Имперія въ дни своего паденія. Кто могъ остановить это? Священники?... но ихъ въ просвѣщенной Европѣ едва терпятъ. Бога единого бояться, Бога изгоняютъ изъ школъ, изгоняютъ изъ дѣтскихъ душъ, ну вотъ и приготовили такихъ, какъ тотъ антрепренеръ, что купилъ тѣло, а вмѣстѣ съ нимъ и душу артистки Аллинъ Кингъ, приготовили и саму Аллинъ Кингъ, приготовили и Юраша... Да что говорить!... Есть вещи хуже. Вотъ тебѣ штришокъ парижской жизни. Двадцатилѣтній рабочій Рондье, желая отдѣлаться отъ своей возлюбленной, ожидавшей отъ него ребенка, убилъ ее. Въ теченіе пятнадцати дней онъ держалъ трупъ убитой подъ кроватью, на которой спалъ. Когда сосѣди стали жаловаться на дурной запахъ, онъ ночью вынесъ трупъ на дворъ и спряталъ подъ грудой мѣшковъ съ цементомъ. Прошло нѣсколько дней. Рондье узналъ, что за мѣшками долженъ пріѣхать грузовикъ. Тогда онъ взялъ полуразложившійся трупъ и снесъ его опять къ себѣ въ комнату, гдѣ и скрывалъ еще десять дней. Сосѣди надоедали ему своими жалобами. Тогда Рондье опять таки ночью взялъ трупъ и на тачкѣ вывезъ его, чтобы выбросить въ Сену. Трупъ къ этому времени находился въ такой степени разложенія, что голова сама собой отвалилась отъ тѣла... Это культурные люди!... Каждый день читаешь о самыхъ страшныхъ убійствахъ, совершаемыхъ по ничтожнымъ поводамъ. Соціальныя правительства, отрекшіяся отъ Бога и отъ морали, погрязшія въ материализмѣ думаютъ положить этому предѣлъ казня-

ми, гильотиной, электрическимъ стуломъ. Они видятъ: казни не останавливаютъ преступленій и не улучшаютъ нравовъ. Они понимаютъ: спасти ихъ можетъ только возвратъ къ вѣрѣ ихъ отцовъ, возвратъ къ страху Божьему, но какъ это сдѣлать? Они погрязли въ социализмѣ и матерьялизмѣ. Ихъ храмы пусты, покрыты пылью и разрушаются и на ихъ мѣстѣ растутъ новые храмы, построенные изъ мрамора и дорогихъ камней, украшенные золотомъ и бронзою. Это храмы золотому тельцу. Банки. Въ нихъ съ утра и до вечера непрерывная толчея людей. Въ нихъ сидятъ подлинныя повелители демократическихъ народовъ — банкиры, — эти настоящіе жрецы современныхъ божествъ. Если бы какому нибудь жиду банкиру въ Лондонѣ, Парижѣ, Нью-Йоркѣ или Берлинѣ пришла бы наглая мысль, поставить въ своемъ банкѣ на видномъ мѣстѣ, въ великолѣпномъ залѣ, на особомъ возвышеніи статую золотого тельца, толпа рукоплескала бы, а пресса умилилась бы откровенному дерзновенію такого банкира. Вотъ, что такое современная культура. Міръ идетъ къ упадку, къ гибели. Да, что тутъ новаго! Исторія повторяется, но люди не хотятъ знать исторіи, не хотятъ видѣть отраженія прошлаго въ своей собственной жизни. Была нѣкогда Атлантида. Пишутъ: достигла необыкновенной культуры, тоже вѣроятно такой, гдѣ одни люди стали рабами другихъ, гдѣ пожирали крысъ и носились съ трупами. Были Ассирія и Вавилонъ, былъ Египетъ, Греція и Римъ... Гдѣ все это? Не настало ли время и современнымъ европейскимъ государствамъ погибнуть за грѣхи свои, за моральное разложеніе, за упадокъ нравовъ? Законы Вездѣсущаго неизмѣнны. Вѣровать ли такъ, какъ вѣруете вы, христіане, или вѣровать такъ, какъ вѣруемъ мы, буддисты-ламаиты, все одно: — Богъ есть, Онъ Единъ и все Его и черезъ Него. И отойти безнаказанно отъ Него нельзя... Говорятъ и пишутъ... Вотъ тоже въ ихъ газетахъ пишутъ... предсказываютъ гибель Европы... Страшный катаклизмъ... Землетрясеніе... Часть материка, молъ, опустится подъ воду и стануть моря на мѣсто суши... Зачѣмъ?... Развѣ совсѣмъ ослѣпли въ Европѣ и не видятъ, что Господу не нужно этого. На

востокъ готовятся новыя полчища людей, погрязшихъ въ самомъ страшномъ матерьялизмѣ, не только отрехшихся отъ Бога, но преслѣдующихъ Бога... Это имъ предопредѣлено итти на Европу и, камня на камнѣ отъ нея не оставить. Ты, сынъ мой, хочешь бороться съ ними... Иди!... Но знай, что ты одинокъ въ своей борьбѣ... Ты не найдешь сочувствія тамъ, гдѣ оно должно было бы быть... Что же я держать не могу и не стану... Я вижу, что, можетъ быть, есть только одинъ путь — насиліе надъ насиліемъ... Но ты самъ понимаешь не мнѣ говорить объ этомъ.

Петрикъ сидѣлъ, поникнувъ головой.

«Да, все это правда. Онъ самъ это уже видалъ. Большевизмъ, отъ чего онъ бѣжалъ, развѣ не былъ блестящимъ подтвержденіемъ всего того, что говорилъ Джорджіевъ». Негромко и несмѣло Петрикъ сказалъ:

— А... Если... чудо?...

— Какое чудо? Развѣ мало совершаетъ и теперь чудесъ Господь? Развѣ мало теперь всякихъ знаменій, такихъ, что всякій понимаетъ, откуда они идутъ. Только такъ называемые «культурные» люди не желаютъ ни видѣть, ни понимать ихъ.

— Нѣтъ, я понимаю такое чудо, чтобы каждому стало ясно, что это самое необыкновенное, неповторимое чудо.

— Чтобы мертвые воскресли или больные выздоровѣли?... Но, сынъ мой, теперь, если случится такое чудо, ему не повѣрятъ, стануть производить химическіе анализы, собирать консилиумъ врачей, чтобы доказать, что никакого чуда тутъ и не было и не могло быть. Въ современномъ культурномъ, матерьялистическомъ мірѣ ищутъ обратнаго. Сами хотятъ творить такія же чудеса, пытаются воскрешать мертвыхъ и продолжать жизнь человѣка, вопреки предопредѣленнаго. Теперь, если бы воплощенный Будда, или Христосъ явились бы на землю, за ними стали бы бѣгать съ фотографическими аппаратами, стали снимать ихъ на потѣху толпъ для кинематографа. Для толпы нѣтъ ничего ни святого ни чудеснаго. Одна пошлость... Нѣтъ, недостойнъ совре-

менный міръ того, чтобы Богъ являлся ему, чтобы творилъ чудеса...

«Канбо лама» погрузился въ долгое созерцательное молчаніе. Петрикъ пошевелинулся. Онъ хотѣлъ уходить. Онъ боялся, что онъ мѣшаетъ спать ламѣ.

— И все-таки ты, сынъ мой, хочешь этого міра, хочешь его со всѣми его несовершенствами и борьбою? Что же?... Иди!... Поѣзжай!... Куда?.. Я думаю... — послѣдовало долгое молчаніе. Во время него Петрикъ сидѣлъ, почти не дыша. Онъ ждалъ рѣшенія своей участи и такъ волновался, какъ будто вопросъ шелъ о его жизни.

— Я думаю, — повторилъ «Канбо лама», — въ Парижъ... Да, въ Парижъ... Тамъ ты найдешь свое большое... И большое счастье... Ну, прощай... Монахъ тебя проводить.

«Канбо лама» поклонился Петрику, Петрикъ отвѣсилъ ему уставной поклонъ и вышелъ съ сильно бьющимся сердцемъ изъ покоя ламы.

Въ капищѣ мерцали тусклые огни. Оттуда раздавалась музыка роговъ, серебряные звонки, пѣніе въ унисонъ и бормотаніе молитвъ. Ночная служба начиналась.

XVI.

Черезъ четыре мѣсяца, — Петрикъ ждалъ терпѣливо, онъ зналъ, что не такъ то просто конному монголу добраться до Калгана, проѣхать въ Пекинъ и добиться всего, что нужно, — черезъ четыре мѣсяца, когда уже зима настала въ Тибетѣ, «гэцуль», исполняющій обязанности начальника канцеляріи «Канбо ламы» принесъ Петрику совершенно правильно составленный на него паспортъ со всѣми нужными визами, нѣкоторую сумму денегъ, вполне достаточную, чтобы добраться до Франціи и сказалъ Петрику, что на другой день еще до разсвѣта ему будетъ подана арба, чтобы доѣхать до Калгана.

Когда Петрикъ въ утреннихъ сумеркахъ сѣлъ въ

арбу, и та съ особеннымъ скрипомъ, оставляя на снѣгу свѣжій слѣдъ покатилаь по степи, онъ задумался, что же произошло съ нимъ за эти почти полтора года, когда, онъ, какъ выпашъ отдыхалъ, ожидая хозяина. Онъ ѣхалъ въ Европу. Его ожидала тамъ встрѣча съ русскими людьми. Расскажетъ ли онъ имъ о своихъ похожденияхъ въ центральной Азіи? Нѣтъ... Не расскажетъ... Зачѣмъ? Все равно — никто не повѣритъ. Встрѣча въ пустынѣ съ Кудумцевымъ и сейчасъ же затѣмъ встрѣча съ Лисовскимъ... Да это какъ въ романѣ! Да и въ романѣ то скажутъ, что авторъ неладно и неловко придумалъ, что онъ подтасовалъ эти встрѣчи, что такъ «на дѣлѣ» быть не могло. Опять же, какъ ему рассказывать про Тибетскій ламаитскій монастырь. Если Тибетъ и буддисты, то должны быть чудеса. А гдѣ же таинственные іюги, гдѣ тайновѣдѣніе, гдѣ всевозможные волшебные напитки, дарующіе то вѣчную жизнь, то способность проникать, куда угодно, то способность читать чужія мысли? Какой же это лама, который ничего не показалъ, ничего не предсказалъ, ничему не научилъ Петрика? «Вы врете, все врете» — подумаетъ слушатель. — «Ничего и не было съ вами такого чудеснаго». Правъ былъ Джорджіевъ, когда говорилъ ему объ отношеніи современнаго культурнаго міра къ чудесамъ. Ко всему подходитъ онъ съ невѣріемъ, со скептическимъ анализомъ. Да, конечно, онъ никому не будетъ рассказывать о своихъ приключеніяхъ. Ну, въ самомъ дѣлѣ, ну кто же повѣритъ, что мистическая, сакраментальная формула: «ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ», ничего не значить. Что смысла ея никто, даже самъ «Канбо лама» не знаетъ, и что ее должны повторять монахи ежедневно отъ десяти до ста тысячъ разъ! Какъ наше осмысленное «Господи помилуй»... Нѣтъ, рассказывать этого нельзя. Здѣсь было подлинное чудо тамъ, гдѣ никто этого чуда и не замѣтилъ бы, и не было никакого чуда тамъ, гдѣ по понятіямъ людей чудо обязательно должно было быть.

Но чудо было и здѣсь. Петрикъ понялъ его, когда провожавшій его на полъ перехода монголъ простился съ нимъ и Петрикъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

Солнце только что взошло. Въ голубомъ туманѣ была покрытая дѣвственнымъ снѣгомъ степь. Изъ снѣга выбивались соломины сухой травы. И надъ степью, уже далеко, блестѣли, блестѣли, блестѣли, серебромъ горѣли бѣлокаменные стѣны ламаитскаго монастыря. Золотисто-желтая черепица крышъ его храмовъ сверкала подъ солнечными лучами, какъ чистое золото. Надъ глазнымъ капищемъ ярко горѣлъ полукругъ луны съ солнечнымъ дискомъ на немъ. Точно одно солнце отражало другое. Безлюдно и тихо было въ пустынѣ. Чуть серебрилась снѣжная струйка за скачущимъ къ монастырю монголомъ.

Петрикъ почувствовалъ непонятную тоску. Точно что родное и близкое увидалъ онъ вдали. Снѣжные просторы напомнили ему Россію. Его сердце сжалось, и ему показалось, что не къ Россіи онъ ѣдетъ, но ѣдетъ отъ Россіи.

Тиха, безлюдна и несказанно красива была въ этихъ низкихъ солнечныхъ лучахъ пустыня съ удаляющимся монастыремъ. Было жаль покидать наставника и путеводаителя въ жизни, умнаго ламу Джорджіева. Былъ дорогъ покой монастыря.

Такъ со сладкимъ ощущеніемъ тишины, покоя, безлюдья, красоты и простоты покинутаго имъ ламаитскаго монастыря и уѣхалъ Петрикъ, чтобы погрузиться въ шумный, кипящій, матерьялистическій европейскій міръ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I.

Марсельскій экспрессъ пришелъ въ Парижъ въ пять часовъ пять минутъ утра. Безъ опозданія. Петрикъ вышелъ изъ душнаго вагона третьяго класса и очутился въ толпѣ пассажировъ на грязномъ и темномъ перронѣ. Тускло горѣли электрическіе фонари на вокзалѣ и, какъ бываетъ раннимъ утромъ, точно не давали свѣта. Въ широкое отверстіе застекленнаго навѣса были видны обрывки оранжеваго неба. Клубились пары и зарождающійся день казался тамъ печальнымъ. Шипѣніе выпускаемаго изъ паровоза пара, грохотъ желѣзныхъ телѣжекъ носильщиковъ и шумъ толпы съ подошедшаго мѣстнаго поѣзда оглушили Петрика. Съ маленькимъ узелкомъ на плечѣ, въ простомъ, дешевомъ пиджакѣ, купленномъ вчера утромъ въ Марсели въ магазинѣ готоваго платья, Петрикъ прошелъ съ вокзала и вышелъ въ городъ.

Такъ вотъ онъ Парижъ! Предразсвѣтныя сумерки стлались туманами надъ городомъ. На небольшой возвышающейся надъ улицами площади горѣли большіе круглые фонари. Въ мутномъ свѣтѣ утра они казались ненужными. Нѣсколько такси, стоявшихъ на площади были быстро разобраны. Всѣ кругомъ Петрика торопились, и онъ скоро остался одинъ. Онъ пересѣкъ площадь, спустился по лѣстницѣ въ улицы, по пустымъ рельсамъ трамвая прошелъ къ большому проспекту и оглядѣлся. Съ башни вокзала яркимъ кругомъ свѣтились часы. Они показывали четверть шестого. Впереди на какомъ то домѣ, на углу, на самой крышѣ, изъ ваны улыбался Петрику громадный ребенокъ и надпись *завон «Cadum»*, говорила о мылѣ. Окна домовъ были

однообразно заставлены сѣрыми ставнями и таили за собою глубокий сонъ парижанъ. Внизу, вдоль панелей, валялись порванные газеты, обрывки цвѣтныхъ бумагъ, банановыя и апельсиновыя корки, окурки. Въ воздухѣ было свѣжо и пахло прѣсною вонью канализаций. На углу, у кафэ, желѣзные, круглые столики были вынесены на улицу и повалены на ребро. Улицы были грязны. Отдаваясь жаждѣ движенія, послѣ восемнадцати часового сидѣнія въ неудобной позѣ на жесткой скамѣ Петрикъ легкой пружинистой походкой шелъ, не думая, куда. Парижа онъ все равно не зналъ. Онъ шелъ въ пространство. Навстрѣчу ему медленно шагали лошади, запряженные въ большую арбу цугомъ. Чисто вороной масти, въ тяжелыхъ, мѣдью окованныхъ хомутахъ, онѣ шли, безъ вожжей, повинувся голосу погонщика. Арба до вышины второго этажа была нагружена кочанами капусты. У панели стоялъ, фырча, зеленый, крытый, какъ какой то фургонъ грузовикъ, и люди въ синихъ блузахъ выбирали на него мусоръ. Вдоль панели, подобно туркестанскому арыку, бѣжала пущенная изъ водопровода вода. Въ ней крутились уносимые ею окурки.

Улица шла къ мосту. Слева и спереди поднималось надъ туманами солнце. Рѣка голубѣла. Въ золотыхъ лункахъ были зеленоватые переплески маленькихъ волнъ. Влѣво отъ моста на островахъ низко свѣсились покрытые нѣжнымъ весеннимъ пухомъ деревья. Отъ рѣки вѣяло свѣжестью и просторомъ. Солнце слѣпило глаза. Петрикъ прочелъ надпись на голубой доскѣ съ края моста: «Pont d'Austerlitz». Быть можетъ, ему, какъ нѣкогда Наполеону, свѣтило «солнце Аустерлица». Ему показалось это хорошимъ предзнаменованіемъ. «Нужно стремиться на окраины», — думалъ Петрикъ и шелъ, ища этихъ окраинъ. — «Тамъ дешевле»...

За мостомъ высокіе платаны и липы стояли за сквозной желѣзной оградой. Большія ворота были замкнуты. Петрикъ пошелъ вдоль сада, обогнулъ его, свернулъ вправо, потомъ влѣво, попалъ въ какой то лабиринтъ маленькихъ улицъ и улочекъ и тутъ понялъ всю бесполезность такого хожденія по городу. До ок-

раинъ, какъ видно, было далеко. То были какіе то особенки съ маленькими садиками, съ плотно прикрытыми воротами, то громадные сѣрые семиэтажные дома, и все было заперто, замкнуто на множество замковъ и скрывало за своими стѣнами и ставнями оконъ чужую. да еще и не враждебную ли? — жизнь.

Петрикъ вспомнилъ слова ламы о большихъ городахъ и понялъ, что тутъ онъ болѣе одинокъ и безпомощенъ, чѣмъ въ пустынь. Онъ остановился и оглядѣлся. Онъ попалъ въ такой кварталъ Парижа, гдѣ не было утренней жизни, но все еще спало крѣпкимъ сномъ. Ни одной живой души не было видно кругомъ. Самые дома казались мертвыми. Петрикъ ускорилъ шаги и очутился на площади. На ней были громадные возы, запряженные гигантами лошадьми, грузовики съ желѣзными кольями и полотнищами тентовъ, и по порядку, вѣроятно установленному и повторяемому многими десятилѣтіями, если и не столѣтіями, шла разгрузка и разстановка уличнаго рынка. Люди работали молча и медленно, но въ этой медленности была такая увѣренность движеній, что Петрикъ не успѣлъ пройти всей площади, какъ на его глазахъ выросъ рынокъ. Торговки и торговцы разложили товары и появились покупатели. Петрикъ присматривался къ этой новой жизни, такъ не походившей на ту, какою онъ представлялъ себѣ парижскую жизнь. Онъ постоялъ на рынкѣ, разглядывая разложенные товары: куски мяса, наръзанные такъ, что можно было ихъ прямо класть на плиту, сыры и масла, овощи и цвѣты, и опять такъ же безцѣльно сталъ подниматься вверхъ по маленькой и кривой улочкѣ. Заблудиться онъ не боялся, заблудиться можно тогда, когда есть цѣль, куда итти. У Петрика никакой цѣли не было. Онъ шелъ «куда то», шелъ туда, куда его влекла судьба, какъ ходилъ и ѣздилъ все это время, кѣмъ то со стороны направляемый. Онъ зналъ, что вездѣ были какія то русскія учрежденія. Гдѣ остались старые русскіе консула, полупризнанные правительствомъ той страны, гдѣ они были, гдѣ были бѣженскіе комитеты, и всюду помогали, и во всякомъ случаѣ направляли Петрика. Въ арбѣ съ монголами по

бумагамъ, даннымъ ему Джорджіевымъ онъ добрался до Калгана, а тамъ и пошло, отъ города до города, ему всегда кто то указывалъ путь. И такое учрежденіе, конечно, должно быть и въ Парижѣ, но рано еще въ него итти, да сегодня, притомъ, и воскресенье. Однако, надо было все таки найти какой нибудь уголь, гостиницу что-ли, гдѣ бы передохнуть и привести себя въ порядокъ.

Rue Arbalette спускалась къ rue Claude Bernard. На углу, въ кафэ гарсонъ въ синемъ пиджакѣ переворачивалъ и перетиралъ полотенцемъ столики. Видъ у него былъ равнодушный, сонный и вялый. Петрикъ не рѣшился подойти къ нему и спросить у него. Да и что онъ у него спросить? Металлическій стукъ переворачиваемыхъ столиковъ будилъ тишину погруженной въ сонъ пустой улицы.

Какой то шофферъ съ красной внизу съ чернымъ верхомъ кареткой медленно ѣхалъ, «мародировалъ», поглядывая по сторонамъ, ища пассажира. Онъ подкатилъ, шурша черными шинами по мокрому асфальту и остановилъ подлѣ Петрика машину.

— Monsieur cherche quelque chose, — спросилъ онъ съ грубоватой лаской. — Russe?*)

Петрикъ объяснилъ, что онъ только что пріѣхалъ изъ Марсея и не знаетъ, гдѣ остановиться.

Шофферъ, молча, протянулъ назадъ руку, привычнымъ жестомъ отворилъ дверь каретки, приглашая Петрика садиться. Петрикъ смутился. Расходъ на такси — они ему казались страшно дорогими — не входилъ въ его бюджетъ.

— Je ne sais pas. Trop peu d'argent. Peut-être chère? — проговорилъ Петрикъ, стѣсняясь и своего скромнаго узелка и своей бѣдной одежды.

— Pas plus de cinq francs... — Si pas d'argent — ne payez pas**).

*) Господинъ ищетъ что нибудь? Русскій?

*) Но я не знаю. У меня очень мало денегъ. Можетъ быть это будетъ стоить дорого.

**) Не болѣе пяти франковъ. Если нѣтъ денегъ, не платите.

Петрикъ сѣлъ въ каретку. Эта ласка чужого человѣка его тронула. Она ему сказала, что нигдѣ и никогда онъ не пропадетъ, что и въ Парижѣ, на этомъ матерьялистическомъ западѣ, о которомъ ему такъ много и худого говорилъ въ монастырѣ Джорджіевъ онъ найдетъ и ласку и помощь. Этотъ жестъ чужого, француза притомъ, вдругъ показалъ ему совсѣмъ другое лицо запада, во всякомъ случаѣ не то, какимъ его такъ пугалъ Джорджіевъ. Не все, значитъ, золотой телецъ. Не все деньги, но есть и братская любовь и участіе къ бѣдняку. Нѣтъ, онъ не пропадетъ, а не пропадетъ онъ, не дастъ онъ пропасть и Россіи, найдетъ въ комъ то и участіе, а когда надо и помощь. Петрикъ былъ такъ тронутъ, что слезы навернулись ему на глаза.

Шофферъ, должно быть, зналъ, куда ему везти страннаго пассажира, не указавшаго ему даже адреса, куда ѣхать. Каретка быстро и увѣренно неслась, будто скользила по мокрому асфальту, потряхивала на плитной мостовой. Шофферъ сворачивалъ съ бульвара, осѣненнаго большими деревьями въ весенней зелени, въ узкій переулокъ, неся по нему, вылеталъ на просторъ площади. Счетчикъ на глазахъ у Петрика за переднимъ стекломъ выкидывалъ цифры, и онъ уже перевалили за три франка, когда шофферъ, сдѣлавъ крутой поворотъ, остановился у узкой двери. Надъ дверью и подлѣ нея, спускаясь сверху одиночными буквами, висѣли вывѣски: — «Hotel Moderne».

Петрикъ расплатился съ шофферомъ и вошелъ въ раскрытую дверь отеля.

II.

Узкая мраморная лѣстница, покрытая дорожкой когда то краснаго суконнаго ковра, нѣсколькими ступенями поднималась къ проходу. Вправо и влѣво были видны короткіе корридоры. Прямо передъ Петрикомъ была стеклянная дверь «бюро». Терпкій утренній за-

пахъ перенаселеннаго дома стоялъ въ корридорахъ. На стукъ шаговъ у двери, изъ корридора, вышелъ заспанный челоуѣкъ въ зеленомъ суконномъ фартукѣ съ метелкой въ рукахъ. Онъ окинулъ взглядомъ костюмъ Петрика, его узелокъ въ рукахъ, и, не дожидаясь вопросовъ, объявилъ ему, что комната для господина есть, на шестомъ этажѣ, но очень хорошая комната. Если брать посуточно, то восемнадцать франковъ, если на мѣсяцъ и больше, то триста франковъ въ мѣсяцъ. Петрикъ не раздумывалъ. За время своихъ странствій онъ научился, что раздумывать и выбирать могутъ тѣ, у кого много денегъ, тѣ же у кого денегъ нѣтъ, много думать не могутъ. Отель былъ логово, хотя и съ претензіями на комфортъ. Петрикъ сталъ подниматься за лакеемъ на шестой этажъ.

Въ узкомъ темномъ корридорѣ лакей открылъ тонкую дощатую дверь съ висящимъ на ней овальнымъ фарфоровымъ номерочкомъ, и Петрикъ вошелъ въ крошечную, подобную каютѣ комнату. Ее всю занимала громадная, почти квадратная постель съ неприбраннымъ неопрятнымъ бѣльемъ и съ двумя смятыми подушками на валькѣ. У стѣны былъ зеркальный шкафъ и рядомъ съ нимъ раковина умывальника съ двумя кранами. Еще два соломенныхъ стула стояли въ комнатѣ. Окно было задернуто рваною малиновою репсовою занавѣсью. Оно доходило до самого пола. Кислый, неприятный запахъ непровѣтренной спальни стоялъ въ номерѣ.

Лакей, должно быть, замѣтилъ, какъ потянулъ носомъ Петрикъ. Онъ отдернулъ занавѣсъ и раскрылъ окно.

— Номеръ отличный, — сказалъ онъ, — за такую цѣну вы все равно нигдѣ въ Парижѣ ничего не найдете лучшаго. *Comfort moderne...* А какой притомъ видъ! Весь Парижъ передъ вами. Скучать никогда не будете.

Петрикъ сказалъ, что онъ остается. Лакей вышелъ. Петрикъ положилъ узелокъ на постель и сѣлъ на стулъ у окна.

Походно кочевая жизнь давно отучила Петрика отъ

брезгливости, и все-таки... Для Парижа это ему показалось немного страннымъ. Онъ покосился на неубранную постель, на всю обстановку современного комфорта. Въ немъ не работаютъ, въ немъ только спать. Приходятъ откуда-то и забываются въ тяжеломъ снѣ на этой постели. Одинъ или двое, не все ли равно? Тутъ и любовь, должно быть, такая же торопливая, по часамъ и по минутамъ. Работаютъ и отдыхаютъ не здѣсь. Работаютъ на фабрикахъ, отдыхаютъ на улицахъ, въ ресторанахъ и кафэ. Не даромъ Петрикъ ихъ столько видалъ на своемъ пути, пока добрался до этого логова. Ну что же? видно и ему придется теперь жить такую же жизнью... И Петрикъ вспомнилъ все то, что говорилъ ему лама о рабствѣ современного запада.

За окномъ было голубо-сѣрое, точно усталое небо большихъ городовъ. По небосводу протянулись нѣжныя перистыя облачка. Они казались здѣсь далекими и чужими. Безконечный лабиринтъ сѣрыхъ, большихъ и малыхъ домовъ открывался за окномъ. Какія то круглыя желѣзныя постройки, громадныя, странной формы внѣдрялись тутъ и тамъ въ это сѣрое кружево городскихъ домовъ и нарушали ихъ однообразіе. Много геометричности было въ этомъ видѣ. Съ вызывающимъ дерзновеніемъ поднималась надъ этой сѣрой площадью домовъ высокая ажурная башня. Отъ ея странной формы вѣяло вызовомъ Богу. Она говорила о Вавилонской башнѣ и нагло кричала о побѣдѣ надъ Богомъ. Петрикъ ее сейчасъ же узналъ. Столько разъ видалъ онъ эту башню на всевозможныхъ картинахъ и открыткахъ съ видами Парижа. Онъ хорошо зналъ ее: — Эйфелева башня. Сине-бѣло-красный флагъ трепеталъ на вѣтру, на ея флагштокѣ. Въ безконечной выси башни онъ казался не больше носового платка. Родные Петрику цвѣта на немъ были въ чужомъ сочетаніи и показались ему чуждыми. Весь видъ безкрайняго города пугалъ Петрика своими размѣрами. Какъ жить здѣсь, гдѣ и какъ работать?

Неясный, будто подземный гулъ народился въ улицахъ города. Онъ усилился, приблизился, пронесся мимо и сейчасъ повторился. Къ этому гулу присталъ дру-

гой, онъ слился съ первымъ и вскорѣ весь городъ сталъ гудѣть подземными гулами. Шумъ и грохотъ все увеличивались, къ нимъ пристали трубные звуки и городъ заигралъ какую то странную мелодію. Петрикъ, никогда и нигдѣ еще не выдавшій такой массы автомобилей, даже и не сразу догадался, въ чемъ дѣло. Ему казалось, что какой то невидимый, далекій, но громкій оркестръ играетъ въ городѣ. Странна и дика была его музыка. Печальныя думы она навѣвала. И долго, можетъ быть, больше часа, слушалъ Петрикъ эту странную, волнующую музыку города. Иногда онъ такъ забывался, что улавливалъ мелодію, слышалъ мотивъ, но запомнить его не могъ.

Потомъ къ звукамъ этого оркестра присоединились другіе, болѣе близкіе. Домъ просыпался и, просыпаясь, говорилъ многими голосами. Сначала это было какъ бы невнятное бормотаніе, вскрики, звонки, потомъ стали раздаваться и голоса, наконецъ стало можно уже различать и самыя слова. И что было для Петрика самое странное: — голоса были русскіе, и несомнѣнно говорили по русски. Въ томъ необычайно напряженномъ и взволнованномъ состояніи, въ какомъ находился Петрикъ въ эти часы, послѣ двухъ годичныхъ скитаній среди чужихъ людей, когда онъ рѣдко видалъ русскихъ, это множество русскихъ голосовъ произвело на него необычайное впечатлѣніе. Ему казалось, что тутъ русскіе должны говорить непременно о Россіи, о всемъ томъ, что такъ волновало его самого, о чемъ столько передумалъ онъ и въ монастырѣ и въ дорогѣ. И Петрикъ прислушался.

Пока звуки не выходили изъ стѣнъ комнатъ, Петрикъ не могъ ничего разобрать. Гдѣ то лилась вода, гдѣ то что то шипѣло. Тутъ, тамъ хлопнули дверью. Мимо двери Петрика простучали женскіе башмачки.

И вдругъ со страшною отчетливостью, внизу, этажомъ ниже Петрика, чей то басъ внушительно и жестко произнесъ, такъ, что каждый слогъ сталъ Петрику ясно слышенъ: —

— Ну, матушка, ты тамъ, какъ знаешь, а я пошелъ къ Петровскимъ.

Надрывный, женскій, плачущій голосъ раздался въ отвѣтъ: —

— Ты хоть дѣтей пожалѣй... Денегъ оставь... Кормить надо же чѣмъ...

— У тебя есть.

— Два франка всего... Ей Богу, два франка всего.

— Какъ знаешь... Денегъ и у меня нѣтъ... Ни сантимата.

Тяжелые сапоги загромыхали, затопотали по лѣстницѣ внизъ. Хлопнула съ досадою закрытая дверь.

На половинѣ лѣстничнаго марша молодой женскій голосъ испуганно крикнулъ: —

— Пардон-съ...

Въ отвѣтъ громко фыркнулъ мужчина и, шмыгнувъ носомъ, пробурчалъ: —

— А, чор-р-рть.

Женскіе шаги приблизились къ номеру Петрика, остановились у самой двери, и красивый голосъ негромко запѣлъ: —

Дорогой дальнею да ночью лунною,
Да съ пѣснью той, что вдаль летить, звеня
Да съ той старинною и семиструнною,
Что по ночамъ такъ мучаетъ меня...

Женщина приподнялась на каблучкахъ, было слышно, какъ скрипнули ея башмачки, перестала пѣть и куда то въ пространство сказала: —

— Дима... А у насъ сосѣдь.

И хриповатый голосъ рядомъ съ комнатою Петрика спросилъ:

— Не знаешь кто? Не русскій?

— Кто же другой... Въ нашемъ то отелѣ! Конечно, русскій.

— Я пойду узнаю у Жозефа. Откуда?...

Все это Петрика удивило и взволновало необычайно. Это было какъ у нихъ въ Столинѣ, подлѣ котораго стоялъ ихъ Лейбъ Маріенбургскій полкъ или хотя бы

въ Вильнѣ, но это же былъ Парижъ!... Парижъ!!... Столица Франціи!

Въ номеръ Петрика негромко постучали.

— Войдите, — откликнулся Петрикъ и всталъ со стула.

III.

Человѣкъ средняго роста, сильно лысѣющій брюнетъ, съ коротко постриженными усами, въ рыжемъ пиджакѣ, въ рубашкѣ съ мягкимъ воротникомъ, появился въ дверяхъ комнаты. Въ петличкѣ лацкана былъ какой то металлическій значокъ. Ему можно было дать не больше тридцати, тридцати двухъ лѣтъ.

— Полковникъ Букетовъ, — представился онъ, щелкая каблуками башмаковъ не безъ воинскаго шика. — Сейчасъ узналъ, что соотечественникъ нашъ, компатріотъ, сталъ нашимъ сосѣдомъ и почелъ своимъ долгомъ развѣднуть, кто, что и почему попалъ въ наши палестины? Надѣюсь... Не большевикъ?... Впрочемъ... Чор-р-ртъ. И спрашивать глупо. Эта, простите за выраженіе, сволочь по такимъ логовамъ не селится.

— Ротмистръ Ранцевъ, — представился Петрикъ.

Черезъ плечи полковника Букетова въ номеръ Петрика заглядывала молодая красивая женщина, должно быть, та самая, что напѣвала у его дверей. Она была по воскресному одѣта въ короткое, едва доходившее до колѣнъ темно синее платье. Большіе каріе глаза смотрѣли на Петрика съ лукавымъ любопытствомъ. Волосы были коротко пострижены, брови по модѣ подщипаны. За ея спиною виднѣлись и еще любопытные; разглядывавшіе Петрика.

— Выходить, я вѣрно угадалъ, что русскій и военный, а разъ такъ, навѣрно... Галлиполіецъ?... Не иначе?

— Нѣтъ... Я съ Дальняго востока... Былъ въ арміи Колчака...

— Это же потрясающе!... Вотъ именно намъ такого

въ нашей маленькой колоніи и не доставало. Вы намъ много должны разсказать... Я даже разсчитываю, что вы не откажете въ нашемъ объединеніи прочитать цѣлый докладъ...

— Да не томи его такъ, Дима, — воскликнула за его спиною красивая дама, — видишь, какіе у него голодные глаза. Зови его къ намъ кофе пить.

— Моя жена, — Татьяна Михайловна, — представилъ Букетовъ. — Маремьяна старица, что обо всѣхъ печалится. Прошу любить и жаловать.

Татьяна Михайловна выдвинулась изъ за спины мужа и, протягивая руку Петрику, сказала: —

— Вы съ дороги. Вы навѣрно ничего еще не ѣли. Вы въ Парижѣ новый человѣкъ. Вы еще ничего не знаете. Пожалуйста къ намъ. У меня уже кофе кипить.

Это было сказано такъ просто, что Петрикъ не могъ отказаться. Онъ слѣлалъ неопредѣленное движеніе въ сторону Татьяны Михайловны. Она протянула ему руку и потащила въ сосѣдній номеръ.

Номеръ Букетовыхъ былъ угловой и чуть побольше, чѣмъ номеръ Петрика. При немъ еще былъ какой то полутемный маленькій закуточекъ. Тамъ на ивовой русской корзинкѣ, кипѣлъ на спиртовкѣ, пуская тонкій паръ, кофейникъ. Широкая постель была прибрана и постлана. Комната была обжитая. По стѣнамъ висѣли въ рамочкахъ фотографіи, въ углу надъ постелью были бумажныя иконы, наклеенныя на доски, передъ ними, навѣвая вьютъ и тихія думы, теплилась лампадка. У зеркала былъ устроенъ туалетный столикъ и на немъ стояли фарфоровые слоны. Слонъ слона меньше, какъ и полагается: — семь слоновъ. Въ комнатѣ пахло одеколономъ и кофе. Черезъ открытое окно несло бензиновую гарью.

За Петрикомъ и Букетовыми въ комнату вошло еще много людей. Они едва помѣщались въ номерѣ. Букетовъ быстро знакомилъ ихъ съ Петрикомъ и, какъ водится такъ, что Петрикъ не могъ разобрать ни одной фамиліи. Его только поразило, что все это были полковники. И очень молодые, кому и поручикомъ было достаточно быть и очень старые, кто давно могъ бы

быть генераломъ. Всѣ эти люди, а ихъ втиснулось въ комнату Букетовыхъ человекъ восемь, жадными, любопытными глазами разглядывали Петрика и при немъ обмѣнивались насчетъ него своими замѣчаніями.

— Съ Дальняго Востока?...

— Какъ это интересно!...

— И самъ какой интересный, — послѣднее замѣчаніе было сдѣлано какою то дамой въ розовомъ въ пунцовыхъ цвѣтахъ платьѣ, показавшемся Петрику халатомъ.

— Вы кадровый офицеръ?... А позвольте васъ спросить какого полка? — обратился къ Петрику Букетовъ. Онъ старался играть передъ Петрикомъ полковника, но сѣдины Петрика стѣсняли его.

Татьяна Михайловна стояла на колѣняхъ надъ корзиной съ кипящимъ кофейникомъ и разливала кофе. Въ номерѣ, какъ и у Петрика было всего два стула. На одномъ сѣла дама въ пунцовомъ халатѣ, на другомъ худая чернявая женщина, не спуская глазъ смотрѣвшая на Петрика, какъ на какого то звѣря.

Букетовъ сѣлъ на постель. Петрика усадили на подоконникъ. Въ дверяхъ стояло двое въ одинаковыхъ синихъ пиджакахъ и съ такими же значками въ петлицахъ, какъ и у Букетова. Одинъ былъ маленькій, весь бритый, лысый, крѣпкій и ладный. Онъ держалъ свою голову высоко поднятой, и разглядывалъ Петрика начальническимъ взглядомъ. Другой напротивъ былъ худой, черный съ небольшими усами.

Петрикъ со свойственною ему прямою и откровенностью сказалъ, что онъ коренной офицеръ 63-го Лейбъ Драгунскаго Мариенбургскаго полка, «полка Его Величества», — подчеркнул онъ, — что онъ за два года до войны перевелся въ Заамурскую пограничную стражу, съ которою и сдѣлалъ великую войну.

— Это потрясающе, — воскликнулъ полковникъ Букетовъ.

— Здѣсь нѣтъ ни Мариенбургцевъ, ни заамурскихъ пограничниковъ, — внушительно и авторитетно, но тонкимъ писклявымъ голосомъ сказалъ маленькій лысый человекъ, стоявшій въ дверяхъ. — Не только въ Пари-

жѣ, но и вообще во Франціи нѣтъ таковыхъ... Вы меня впрочемъ не знаете. Генераль Штоссъ. (Петрикъ при этихъ словахъ всталъ съ подоконника). — Я представитель союза офицеровъ, участниковъ великой и гражданской войнъ и принадлежавшихъ къ частямъ доблестнаго 160-го армейскаго корпуса. Садитесь, ротмистръ, а мнѣ позвольте стоять. Я, работая третій годъ у станка, привыкъ стоять и мнѣ странно даже какъ то сидѣть. А вы устали съ дороги. Я въ постоянномъ контактѣ съ союзомъ Галлиполійцевъ, гдѣ всегда бываю на лекціяхъ... Я встрѣчаюсь съ первопоходниками, съ «anciens combattats», я состою въ союзѣ георгіевскихъ кавалеровъ, въ объединеніи бывшихъ кадетъ кадетскихъ корпусовъ, я бываю у «вѣрнопопданныхъ», я состою въ патриотическомъ объединеніи и прочая и прочая и прочая... Такимъ образомъ, несомнѣнно, что я гдѣ нибудь, кого нибудь изъ вашихъ однополчанъ да и встрѣтилъ бы, тѣмъ болѣе, что вашъ Маріенбургскій полкъ для меня не безразличенъ: я самъ служилъ въ Виленскомъ округѣ, и зналъ и много слышалъ про вашъ лейбъ холостой полкъ. И Дальній Востокъ мнѣ не чужой. Мой отецъ старый Восточно Сибирскій стрѣлокъ. Нѣтъ, увѣряю васъ, никого... Никого!

Татьяна Михайловна поднялась отъ своего кофе.

— Генераль, чашечку.

— Благодарствую. Уже пилъ. Угощайте дорогого гостя.

— Господа, извиняюсь, всѣхъ угостить не могу. Посуды, просто говоря, не хватитъ.

— Помилуйте, Татьяна Михайловна... Мы только хотимъ свѣжаго человѣка послушать. Можетъ быть онъ намъ, что про Россію скажетъ.

— Какія нибудь намъ надежды подастъ... Что новаго скажетъ? Что тамъ и какъ?

— Онъ съ Дальняго Востока, — сказалъ Букетовъ. — Это же потрясающе! Вѣдь, увѣряю васъ, именно тамъ то все и начнется. Свѣтъ съ востока! Какія тамъ возможности!... Японія... Китай, опять же Америка! Не даромъ она не признала большевиковъ... Атаманъ Семеновъ..

Русскій самородокъ... Это же, повторяю вамъ, прямо потрясающе...

Но Петрикъ не успѣлъ и рта открыть, чтобы разсказать о своихъ походахъ, о томъ, что онъ видѣлъ и наблюдалъ на Дальнемъ Востока, какъ заговорилъ самъ Букетовъ. Онъ подробно, съ самыми точными мелочами сталъ разсказывать, какъ бѣжалъ онъ изъ Москвы, какъ попалъ въ Добровольческую армію, какъ эвакуировался изъ Севастополя, какъ на кораблѣ познакомился съ Татьяной Михайловной, какъ лежалъ въ тифу. Слушая его разсказъ и видя, какъ невнимательно слушали гости, Петрикъ понялъ, что ему нечего разсказывать, и укрѣпился въ своемъ, принятомъ еще въ пустынѣ, рѣшеніи, что разсказывать бесполезно. Да его больше никто и не спрашивалъ. Отъ него ждали только отвѣта на мучившій всѣхъ вопросъ, когда же конецъ? Но какъ на этотъ вопросъ у Петрика не было отвѣта, то его и не спрашивали больше. Здѣсь, какъ нѣкогда въ Запорожской сѣчи спрашивали: «въ Бога вѣруешь?» и утвердительнымъ отвѣтомъ бывали успокоены. Такъ здѣсь дознавали: «ненавидишь ли большевиковъ?» И, если — да, этого было совершенно достаточно, чтобы быть принятымъ въ общество.

— Вотъ, видите, дорогой ротмистръ, каково намъ съ женою круто пришлось. Цѣлую жизнь, можно сказать, прожили за эти два года скитаній. Наконецъ, устроились здѣсь. Есть такой законъ, что «недорѣзанный буржуй», разъ онъ остается на мѣстѣ и не кочуетъ, съ теченіемъ времени обрастаетъ шерстью, такъ и мы съ Татушей, какъ видите, обзавелись всѣмъ понемногу, — Букетовъ сдѣлалъ широкой жестъ по комнатѣ въ сторону бумажныхъ иконокъ и затепленной лампадки.

«Немного же «недорѣзанному» надо», — подумалъ Петрикъ, оглядывая скудную, почти нищенскую обстановку.

— Да что, — сказала, мило улыбаясь, Татьяна Михайловна, — словъ такихъ нѣтъ, чтобы все это разсказать. Пережить надо. Прямо потрясающая штука... Я вотъ живу здѣсь, а все какъ то оглядываюсь. И такъ понимаю Сусликовыхъ, — она кивнула на художавую

даму съ красными воспаленными глазами и на стоявшего рядомъ съ генераломъ Штоссомъ очень высокаго и худого человѣка съ плоскимъ, и точно навсегда испуганнымъ лицомъ, — отовсюду бѣгутъ. Все состояніе и не малое на этихъ перекочевкахъ промотали.

— А что же, — съ нѣкоторою даже гордостью сказала худошавая дама, — а какъ же и не бѣжать? Повсюду «они»... Ну, прїѣзжаемъ мы, знаете, въ Германію... Кажется чего бы еще бояться? И вдругъ тамъ, вотъ те и здравствуйте, «путчъ» какой то объявился. По Вильгельмъ штрассе рогатки колючей проволоки понаставлены, просто война какая то и эти самые ихъ зеленые «шупо» въ каскахъ расхаживаютъ. Да... Правда... Ну мы знаете, специалисты по этой части, не заѣзжая въ гостиницу, бѣжать... Куда?... Намъ говорятъ: въ Баварію. Подались мы въ Мюнхенъ. Ничего себѣ городишко. Мнѣ даже Москву немного напомнилъ. Такая же старина... Тамъ только обжились немного, колонію свою составили, церкву устроили, какъ тутъ, какъ разъ Хитлеръ этотъ самый появился, чтобъ ему!... По улицамъ стрѣляютъ... Пулеметы везутъ, ей Богу правда, сама видала... А тутъ еще и деньги падать стали. Инфляція что ли какая, я и не пойму. Право... На билліоны считали. Долларъ продашь такъ тебѣ денегъ дадутъ такую уймащу, что и сосчитать нельзя, а купить на нихъ — ничего и не купишь. Ну этого мы достаточно и въ Совдепіи повидали. Значитъ надо опять бѣжать. А куда тебѣ бѣжать. визъ никуда не даютъ. Ну, мы подались сначала въ Висбаденъ, французская оккупация тамъ была, такъ намъ и Хитлеръ этотъ самый не показался страшнымъ... Ну, а потомъ... Сюда... И сначала такъ то хорошо намъ здѣсь показалось... Наше посольство стояло, все какъ есть. Будто и не было ничего... Ну а пото-о-омъ... Стали, знаете за ними ухаживать и, какъ появились они на rue de Grenelle, я сразу поняла, добра не будетъ. А мы уже, знаете, имѣніе подъ Ниццей купили «пропріетерами» стали. На землю сѣли. Тамъ вѣдь какъ!... доходъ круглый годъ. Апельсины сняли, гляди миндаль пошелъ, а тамъ цвѣты, легюмы разные... Мы знаете, ляпенчиковъ развели, курочекъ, совсѣмъ фермеры... Тамъ хорошо...

— Вы намъ расскажите-ка, Анна Васильевна, какъ вы козу доили, — обратился къ дамѣ Букетовъ.

На мрачномъ испуганномъ лицѣ рассказчицы появилась блѣдная улыбка.

— Да ка-акъ, — жеманясь, протянула она. — Коза то строгая попалась. Ну вотъ мы и придумали... Онъ, значить, мужъ то мой, сядетъ на козу верхомъ, за роги держить, а я и дою... А то брыкается... Да... Правда... Забодать можетъ, а я и боюсь. Сроду такимъ дѣломъ не занималась. На все сноровка нужна. Ну мы и придумали... Да мы здѣсь не останемся. Жореса тутъ что ли хоронили... Я всего посмотрѣла... Нѣтъ, тѣ же большевики.., Только куда теперь податься то?... Въ Аргентину что ли?... Да, говорятъ, и тамъ неблагополучно. — Анна Васильевна безнадежно махнула рукой, — и тамъ, сказываютъ революція что ли будетъ.

— Ну что же, господа, — сказалъ генералъ Штоссъ, — разговоры вещь, конечно, хорошая, но надо намъ помочь какъ то ротмистру. У васъ — коротко и просто — деньги то есть?

— Нѣтъ.

— Значить работать пріѣхали?

— Такъ точно.

— И отличное, знаете, дѣло. А что вы умѣете дѣлать?

— Пойдите, генералъ, — сказала, принимая отъ Петрика чашку, Татьяна Михайловна. — Человѣкъ одинокій, долго ли устроить? Поѣдемъ сейчасъ въ церковь, туда всегда кто нибудь съ мѣстомъ набѣжитъ. Одиннадцатый часъ уже. Самое время.

Никто ничего не возразилъ и гости стали одинъ за другимъ выходить изъ комнаты Букетовыхъ.

IV.

Петрикъ съ Татьяной Михайловной спускались внизъ. Изъ корридора второго этажа хрипѣлъ, взывалъ и давился, изображая Вертинскаго, граммофонъ.

«Не хочу, не могу, наконецъ, не желаю,
И, привѣтствуя радостный плѣнь...

Татьяна Михайловна, постукивая каблукками башмачковъ весело сбѣгала съ лѣстницы.

Свое сердце со сцены, какъ мячикъ, бросаю.
Ну! Ловите жъ, принцесса Иренъ.

звонко допѣла она, вторя граммофону.

— Зачѣмъ намъ эти типы, — идя рядомъ съ Петрикомъ по улицѣ ярко освѣщенной весеннимъ солнцемъ, говорила Татьяна Михайловна. — Только такъ, языкомъ болтають. Брехло да и только. Тутъ есть одинъ генералъ инженеръ, очень хорошій человекъ. Онъ на заводѣ французскомъ автомобильномъ служить. Онъ вастъ устроить лучше некуда. Лучше я вамъ не обѣщаю, а вѣрьте мнѣ — все образуется... Я кѣмъ ни была... И горничной служила, — самое никчемное дѣло... И на шеколадной фабрикѣ работала, съ той поры и конфетъ шеколадныхъ не ѣмъ, знаю изъ чего все это дѣлается... И зонтики, знаете, обшивала. Всякое «метье» повидала... Даже въ «кутюрь» работала у княгини одной... Теперь подаю въ ресторанъ... Хорошее дѣло... Чаевыя... По праздникамъ свободна... Знаете, такой ресторанъ для служащихъ... Мы съ вами на «метрѣ» пройдемъ. Тутъ станція рукой подать. До Этуали, а тамъ и пересаживаться не стоитъ. Проще пѣшкомъ дойдемъ. Можетъ и еще какого нужнаго человекъ встрѣтимъ.

Въ вагонъ подземной дороги, впрочемъ, здѣсь она шла надъ землею на высотѣ третьихъ этажей уличныхъ домовъ, одно время Петрика оттиснули отъ Татьяны Михайловны и онъ стоялъ одинъ, приглядываясь къ чужому городу.

«Что же, однако, я умѣю дѣлать?» — вспоминая вопросъ генерала Штосса, думалъ Петрикъ. — «О.... Многое, и притомъ отлично.... Въ четыре мѣсяца я берусь поставить, уравновѣсить и выѣздить любую, самую даже строптивую лошадь... Я могу сколько угодно ѣздить, скакать, брать барьеры, колоть пикой, рубить шашкой... Я могу взорвать любое зданіе или желѣзно-дорожный путь... Я могу составить кроки мѣстности, подкрасться и развѣдать о непріятелѣ»... Но бѣда-то въ томъ, что «соприкосновеніе съ непріятелемъ» давно утеряно и непріятель находится за тридевять земель. А подлѣ Петрика бьется, колотится какая-то особая и во всякомъ случаѣ совсѣмъ мирная жизнь....

Татьяна Михайловна воспользовалась тѣмъ, что на остановкѣ вышло много народа и подошла къ Петрику. Сквозь гулъ и шумъ поѣзда она задавала вопросы. Вопросы эти казались Петрику совсѣмъ дикими, и если бы не серьезное участливое лицо Татьяны Михайловны, онъ подумалъ бы, что та надъ нимъ смѣется.

— Вы дома продавать умѣете?.. Очень, знаете, выгодное занятіе... Оч-чень.... Ганя Лѣсковскій этимъ занимается... Тамъ купить — здѣсь продать... Если повезетъ, большія, знаете, можно деньги заработать.

Петрикъ за всю свою жизнь ничего, кажется, не продалъ. Онъ сказалъ это Татьянѣ Михайловнѣ. Та покачала головой и, окинувъ его испытующимъ взглядомъ, сказала:

— Ахъ, я такъ понимаю васъ... А танцовать вы бы могли? Это ничего — сѣдые волосы... Такъ даже интереснѣе... У васъ лицо американское.... Если хорошій фракъ, брюки съ шелковымъ лампасомъ, лаковые башмаки... Фигура у васъ хоть куда... Говорятъ, американки кавалеру, если онъ имъ понравится, по тридцать франковъ за туръ платятъ.

Петрикъ промолчалъ. За Сеной поѣздъ пошелъ подъ землю. Вспыхнули въ вагонѣ лампочки. Поѣздъ подходилъ къ станціи. Татьяна Михайловна жадными глазами вглядывалась въ толпу пассажировъ, ожидавшихъ поѣзда.

— Тутъ, въ Пассяхъ, навѣрно Русскіе сядутъ, — сказала она. Тутъ ужасно какъ много Русскихъ живетъ.

И точно: съ перрона Татьяну Михайловну уже увидели. Какая-то дама замахала ей ручкой и бѣгомъ побѣжала за вагономъ. За ней едва поспѣвалъ маленькій коротенькій пузатый человѣкъ въ котелкѣ.

Они вскочили въ вагонъ.

— Фу!.. Слава Богу!... Вонзились, — сказала дама. — А все ты! Въ послѣднемъ вагонѣ... въ послѣднемъ вагонѣ... Никогда наши не садятся въ послѣдній вагонъ. Танечка?.. въ церковь?... И мы тоже..

Татьяна Михайловна представила Петрика.

— Вотъ еще къ намъ... Работы ищетъ. Не знаете ли куда?

— Какъ же... Какъ же.... Есть мѣсто. Слыхали въ хоръ Воронина баритонъ хорошій требуется. Совсѣмъ, знаете, сформировали хоръ, ангажементъ даже есть, а главнаго то и не найдутъ.... Знаете такого баритона, чтобы за душу бралъ. Сбился съ ногъ Воронинъ. Черкески пошиты. Все готово, а пѣть нельзя. Даже въ газеты объявленіе давали.

Петрику въ дѣтствѣ не слонъ, а цѣлый мамонтъ на ухо наступилъ. Онъ откровенно объяснилъ это дамѣ.

— Плохое ваше положеніе, — критически и не безъ зависти оглядывая красивую фигуру Петрика, сказалъ господинъ въ котелкѣ. — Тутъ во Франціи.... Или физическій трудъ, или надо талантъ какой-нибудь имѣть.... Шаляпинымъ что ли быть, или какимъ-нибудь Билибинимъ.... Да и тѣмъ нелегко.... Напрасно, знаете, пріѣзжали.

На Этуали вышли и пошли по авеню Гошъ. Широкая улица, обсаженная платанами въ молодой зелени, уходила, слегка спускаясь, въ даль и была красива въ этотъ утренній часъ. Татьяну Михайловну то нагоняли, то она сама нагоняла кого-нибудь, все были знакомые, всѣ шли по одному пути, въ церковь, всѣхъ и всѣмъ Татьяна Михайловна представляла Петрика, всѣмъ говорила о томъ, что ему надо мѣсто и всѣ старались что-нибудь Петрику придумать.

Въ церковь не пошли. Остались на церковномъ дворѣ.

— Теперь въ церковь никакъ не вонзишься. Полно! — сказала дама, подсѣвая въ «Пассяхъ». — Ну, да тутъ еще лучше ваше дѣло оборудуемъ. Сюда мало кто и молиться то ходитъ. Больше новости узнать, съ друзьями словечкомъ перекинуться.

Дѣйствительно церковный дворъ не говорилъ о молитвѣ. Онъ гудѣлъ несдержанными голосами. У входа продавали газеты разнаго направленія, какія-то дамскія издѣлія, ничего общаго ни съ молитвой, ни съ церковью не имѣющія. Подъ большими акаціями на церковномъ дворѣ было то, что называютъ «толчекъ» или «брехалка». Папиросный дымъ стоялъ въ ясномъ тепломъ воздухѣ. Раздавались возбужденные, радостные голоса. Иногда изъ церкви донесется отрывокъ церковнаго пѣснопѣнія, напомнить, гдѣ находятся люди, но никого не остановить. Надо переговорить, надо повидаться, а гдѣ же въ другомъ мѣстѣ? Здѣсь — в сѣ!!

Татьяна Михайловна овладѣла Петрикомъ, взяла его подъ руку и переводила отъ группы къ группѣ.

— Вы пошерную живопись знаете, — строго спросилъ Петрика генераль съ красной розеткой въ петлицѣ теплаго, не по погодѣ, пальто.

Петрикъ не разслышалъ и не понялъ, о чемъ его спрашиваетъ генераль.

— Какую.... Кошерную? — переспросилъ онъ.

— Кошерное только мясо у евреевъ бываетъ, милый ротмистръ. По-шуаръ!.... Еп роchoіге, понимаете... По шелку и по бархату на дамскихъ платьяхъ на неприличныхъ мѣстахъ цвѣты пестрые рисовать... Такъ не знаете?

— Нѣтъ. Не берусь.

— Плохо-съ. На Рено или Ситроенъ идти придется. Совсѣмъ завалющее дѣло. Всякій контрометръ на васъ кричать будетъ. Лѣтомъ въ жарѣ, зимой на холоду... Опять же какія «пъесы» работать заставятъ. Въ другой болѣе пуда вѣса. Таскайся съ нею. Масломъ насквозь провоняете.

— Ваше превосходительство, — сказалъ, подходя

къ нимъ, маленькій пузатый господинъ въ котелкѣ. Онъ, по порученію Татьяны Михайловны, ходилъ искать предложеній работы. — Я имъ нашелъ. Четыре мѣста въ предложеніи. На велосипедной фабрикѣ велосипеды бумагой заворачивать, разъ.

Генераль прищурилъ глазъ, сложилъ бритыя губы трубочкой и выпустилъ воздухъ.

— Па фаме!.. Для ротмистра ни-икакъ не годится. Заработокъ плевый и мѣсто дрянъ. Я знаю. Дальше....

— Лакеемъ въ Русскомъ ресторанѣ.

— Лакеемъ.... Что скажете ротмистръ? Тамъ сыты, по крайней мѣрѣ, будете.... Опять же и чаевыя... Иной подвыпьеть, особенно, если изъ полпредскихъ, очень хорошо даютъ. И дѣло чистое... Въ теплѣ.

— Но требуется свой фракъ, — вставилъ господинъ въ котелкѣ.

— На фракъ соберемъ, — бодро сказалъ генераль. — Это и говорить не стоитъ. Можно даже въ газетѣ объявленіе.... Подписку.... на фракъ... Георгіевскому кавалеру, желающему поступить въ лакеи... Это подробности....

Но Петрикъ никакъ не хотѣлъ идти въ лакеи и услужать «поль-предскимъ». Онъ продолжалъ быть «Донъ-Кихотомъ».

— Гмъ, — промычалъ недовольный отказомъ Петрика генераль. — Ну те-съ, что у васъ дальше?

— Стричь и мыть собакъ.

— Что скажете, ротмистръ? Не плохо... а?... За нимѣніемъ въ двадцатомъ послѣвоенномъ вѣкѣ лошадокъ, займитесь собачками.

Петрикъ промолчалъ.

— Не нравится?.. Докладывайте дальше.

— Сандвичемъ... Ходить съ афишами по бульварамъ.

— Ну.... Это, милый мой, для пьяницъ и стариковъ... Вы не видали, генераль Сережниковъ здѣсь?

— Кругомъ толпа.... Никакъ къ нему не пробиться.

— Идемте, милый ротмистръ. Генераль Сережниковъ васъ въ два счета устроить. Конечно, заводъ и контхрометры.... Не сладкая штука, но приспособитесь,

станете изъ простаго маневра — маневромъ специализе, вотъ вамъ и карьера. Все дѣло въ счастьи. А тамъ не выгоритъ — я васъ къ моей женѣ въ ея «мэзонъ де кутюръ» устрою «Омомъ а ту феръ». Гроши, положимъ.

Генераль Сережниковъ, очень свѣтлый блондинъ съ кокомъ волосъ на вискѣ, какъ носили въ прошломъ вѣкѣ, — онъ стоялъ безъ шляпы, дѣйствительно окруженный толпою чающихъ мѣстъ, — внимательно выслушавъ Петрика и, какъ и предсказывалъ генераль, «въ два счета» устроилъ Петрика въ деревообдѣлочную мастерскую «menuiserie et scierie» большого завода.

— Работа не сложная, — сказалъ генераль Сережниковъ, — справитесь съ ней. Придаткомъ къ машинѣ. Приходите завтра ко мнѣ за записочкой.

Для Петрика началась новая жизнь.

V.

Если бы у Ротмистра Ранцева не было его офицерскаго прошлаго, если бы въ этомъ прошломъ не стояла великолѣпная, несказанно прекрасная Императорская Россія съ ея неподобною Арміею, съ ея Лейбъ-Маріенбургскимъ полкомъ, Офицерскою кавалерійскою школою и ея королевскими парфорсными охотами, даже съ оставившимъ столько печальныхъ воспоминаній постомъ Ляо-хэ-дзы, если бы не было у Петрика его Георгіевскаго креста и незабываемаго впечатлѣнія лихой конной атаки и сладкаго мига, когда онъ подумалъ, что убить, жить было бы можно. Надо было только совсѣмъ забыть прошлое. Не думать о милой, культурной и очаровательной женѣ, Валентинѣ Петровнѣ. Забыть все, и прежде всего забыть Россію, и зажить жизнью европейскаго рабочаго. Ограничить кругъ своихъ мыслей «своей» газетой, научиться питаться впроголодь, гасить голодъ пивомъ и аперитивами въ бистро и никогда не вспоминать, что и у него была когда-то другая жизнь.

Надо было полюбить этотъ городъ, кипящій людьми и машинами, куда-то спѣшащій и торопящійся. Найти прелесть въ сѣрой анфиладѣ домовъ, скрывающихся въ голубоватомъ туманѣ. Умѣть выхватывать красоты Парижа и ими любоваться. Остановиться у статуи у сада Тюльери и вдругъ проникнуться ея необычайной красотой, залюбоваться красотами старыхъ королевскихъ и Императорскихъ дворцовъ, понять неуклюжую роскошь республиканскихъ храмовъ золотому тельцу — банковъ. Полюбить бульвары и Сену, когда они точно растворяются въ лиловыхъ сумеркахъ, а вода горитъ въ золотомъ огнѣ. Восхититься, такъ, чтобы духъ захватило видомъ на Трокадеро... Тогда Петрику все стало бы легче. Если бы онъ могъ стать хотя на мигъ эстетомъ и тонкимъ знатокомъ художественной архитектуры, онъ нашелъ бы много радости въ свои воскресные отдыхи и понялъ бы красоты поэзіи «урбанизма»... Но Петрикъ былъ ротмистромъ Ранцевымъ, и красоты пустыни съ ея золотымъ солнечнымъ свѣтомъ онъ цѣнилъ выше всѣхъ архитектурныхъ красотъ, выше разныхъ «кватроченто» и «квинтаченто», о чемъ онъ читалъ въ газетахъ и чего даже не понималъ.

Милліоны людей и десятки тысячъ Русскихъ «бѣженцевъ» жили такою жизнью и находили ее нормальной. Они не знали настоящаго семейнаго очага, они почти никогда не видали полей и лѣсовъ. Природу имъ въ полной мѣрѣ замѣняли: Булонскій лѣсъ, поэтическая прелесть парка Монсо, широкія аллеи Венсенскаго лѣса, или скромный паркъ Монсури. Птички и кролики въ клѣткахъ на набережной противъ Ситэ, Парижскіе воробы и зяблики, дарили имъ трогательную, дѣтскую, сентиментальную радость. Цвѣточные рынки у Нотр-Дамъ и у Маделенъ имъ были дороже степей, которыхъ они никогда не видали. Ихъ мечта, — верхъ благополучія, — свой автомобиль. Шелестъ шинъ по гудрону улицы и пѣніе клаксона — лучшая музыка. Петрикъ видѣлъ толпы людей, сидящихъ часами за столиками въ кафе на бульварахъ за чашкой кофе, шоколада или за рюмкой вина, и глядящихъ, какъ мимо нихъ, словно рѣка течетъ, идутъ безконечной вереницей прохожіе и

густо ѣдутъ такси и собственные автомобили. Ихъ мѣрный шумъ сливается съ гомономъ толпы, съ гудками машинъ, съ повторяющимися черезъ равныя промежутки звонками сигналовъ и свистками городскихъ и образуютъ своеобразную музыку города. Должно быть она нравится всѣмъ этимъ людямъ, что такъ глубоко-мысленно часами сидятъ въ кафе и находятъ въ этомъ біеніи городской жизни отдохновеніе. Петрикъ не понималъ этой жизни. Да и не на что было сидѣть въ кафе. Петрикъ видѣлъ толпы подлѣ кинематографовъ, онъ много зналъ и слышалъ о нихъ, но никогда въ нихъ не зашелъ.

Настоящей жизни Парижа, что идетъ, такъ сказать, поверхъ этой жизни, Петрикъ не зналъ. Онъ сразу попалъ въ пролетаріи. Онъ понялъ, что, когда онъ нищимъ, ничего не имѣя, жилъ ради милостыни въ Ламанскомъ монастырѣ, онъ не былъ пролетаріемъ. Здѣсь въ Парижѣ, имѣя какой-то, хотя и небольшой заработокъ, онъ съ ужасомъ ощутилъ все значеніе этого слова и всю пустоту такого существованія.

Кругомъ были такіе же, какъ онъ, люди. Отель Модернъ былъ ими переполненъ. Петрикъ съ сердечнымъ содроганіемъ замѣчалъ, что эти люди уже не чувствовали своего паденія. «Неужели», — думалъ онъ, — «и я дойду до такого же состоянія?»

Букетовы и Сусликовы жили только тѣмъ, кто сколько получилъ на чай. Одни откладывали деньги и мечтали купить въ разсрочку участокъ земли, другіе не пропускали ни одной новой фильмы и знали всѣхъ звѣздъ и звѣздочекъ кинематографическаго міра, третьи всю недѣлю работали съ точностью автоматовъ, чтобы въ воскресенье пропить весь свой недѣльный заработокъ въ ближайшемъ быстро, или въ Русскомъ ресторанѣ. Каждый жилъ и думалъ такъ, какъ ему подскажетъ его газета.

Петрикъ еще не могъ такъ жить. Онъ тосковалъ и возмущался.

— Ничего, обтерпитесь, привыкните, — говорила ему Татьяна Михайловна. — Всѣ мы тоже по первона-

чалу тосковали, да видимъ, что ничего не выходитъ, и привыкли.

Петрикъ не могъ ни привыкнуть, ни примириться съ такимъ положеніемъ вещей, когда нельзя переписываться со своей женой, когда изъ одного культурнаго города нельзя написать письмо въ другой культурный городъ и хотя бы только узнать, жива или нѣтъ жена, самый близкій человѣкъ. Послать хотя открытку и сказать: «я живъ», и получить отвѣтное: «храни тебя Господь». Этого нельзя было сдѣлать, и Петрикъ ничего не зналъ и не могъ узнать о своемъ Солнышкѣ. Точно все прошлое опустилось въ могилу и вмѣстѣ съ этимъ прошлымъ опустилась въ могилу и его родная Аля. Это было хуже могилы. Если бы все это было въ могилѣ, на нее можно было бы приходить, можно было бы знать: «да, все кончено: они умерли». Но они, можетъ быть, были живы и не было возможности снестись съ ними. Могила Россіи была недоступна для посѣщенія и нельзя было прѣхать на эту могилу, чтобы на ней помолиться и возложить цвѣты.

Тихая злоба накипала въ сердцѣ Петрика. Эта ея вынужденная тихость и затаенность были ужасны. Петрикъ не могъ спокойно смотрѣть на сытыхъ и самодовольныхъ иностранцевъ, которымъ такимъ чужимъ и ненужнымъ было его большое Русское горе. Петрикъ не могъ спокойно читать о Лигѣ Націй, которую онъ называлъ «идіотской». Всѣ эти конгрессы, съѣзды политиковъ, болтовня о Соединенныхъ Штатахъ Европы, о всеобщемъ разоруженіи, казались ему насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ людей, и Петрикъ не могъ понять, какъ это никто не возмутится, никто не разгонитъ всѣхъ этихъ праздно-болтающихъ политиковъ. Вся большая политическая «кухня» казалась дикою и ребяческою игрою, когда мужъ изъ Парижа не можетъ написать письма своей женѣ, оставшейся въ Петербургѣ. Среда отеля Модернъ его не удовлетворяла.

— Ну что вы все съ чѣмъ-то носитесь, — сказала ему какъ-то мадамъ Сусликова. — Живите и живите.... Ну, и пусть тамъ большевики. Намъ то что до этого за дѣло?... Лишь бы они насъ не трогали.

И всюду вокругъ себя, особенно первое время, Петрикъ видѣлъ и слышалъ это: «насъ... меня... я...»

Даже церковь не могла удовлетворить и успокоить Петрика. Она была благолѣпна и несказанно прекрасна. Въ ней служили съ торжественнымъ, медлительнымъ византійскимъ, красивымъ обиходомъ. Въ ней пѣлъ прекрасный хоръ Аѳонскаго. Отъ этого пѣнія сладко сжималось сердце Петрика и неизъяснимое умиленіе захватывало и врачевало душу. Въ ней «выступали» знаменитые оперные артисты и артистки и объ этомъ объявлялось въ газетахъ. Но... какъ то слишкомъ непротивленчески примирилась она съ совѣтскою властью. Она не проклинала ее и не анаеѣматствовала. Петрику же съ его неизбывною тоскою, съ его страшною болью за Россію именно нужна была анаеѣма, благословеніе на брань, призывъ, немолчно звучащій о борьбѣ до послѣдняго съ богоборческою, сатанинскою властью. И потому прекрасный храмъ казался ему холоднымъ и отступившимся отъ борьбы за Бога. Церковь не отвѣчала бурному кипѣнію его сердца.

Петрикъ боролся со всѣмъ этимъ и не поддавался общебѣженскому равнодушію и въ чужой Парижской жизни искалъ, за что бы ему зацѣпиться.

VI.

Мастерская, гдѣ работалъ Петрикъ, стояла какъ-то особнякомъ отъ завода. Въ ней было много воздуха, много свѣта и простора. Этимъ она выгодно выдѣлялась отъ другихъ заводскихъ мастерскихъ. Она была, кромѣ того, всегда пропитана чистымъ смолистымъ духомъ дерева и спиртнымъ запахомъ опилокъ. Она представляла изъ себя громадный сарай, сколоченный изъ осмоленныхъ досокъ и покрытый черепичной крышей. Громадныя окна прекрасно ее освѣщали. На средней стѣнѣ на самомъ верху, между стальными матрицами и инструментомъ на особой полочкѣ стояла небольшая

алебастровая статуя св. Иосифа, покровителя плотниковъ. Вправо отъ широкаго входа — на телѣгѣ можно было въѣхать — былъ чертежный столъ, заваленный бумагой, циркулями, сантиметрами, линейками и мелкимъ ручнымъ инструментомъ. За столомъ занимался контрометръ, мосье Жозефъ. Съ Петрикомъ работалъ красивый молодой парень, съ вьющимися каштановыми волосами, съ большими на выкатѣ глазами, мосье Эжень, вчерашній лихой матросъ крейсера «Lamotte Piquet». Онъ являлся сотрудникомъ и учителемъ Петрика въ его новомъ ремеслѣ.

Полъ мастерской былъ изъ бетона и выравненъ математически точно. Посерединѣ была механическая пила. Ея овальная безконечная полоса съ мелкими зубцами свѣшивалась съ махового колеса и, чуть прогибаясь, переходила на передаточное колесо. Сорванный палецъ у Эжена говорилъ, какъ надо было быть осторожнымъ передъ ея зубцами. За пилою точно громадная жаба, накрытая чернымъ чехломъ, стоялъ электрической моторъ. Стоило снять чехолъ, повернуть рукоятку и мягко висящая пила напрягалась, сливалась въ стремительно съ тонкимъ свистомъ несущійся потокъ и если подставить подъ него въ прорѣзъ станка дерево вдоль, или поперекъ, ровно отпиленные обрубки начинали падать на землю.

Въ другомъ концѣ барака былъ механической рубанокъ. Стальной валъ съ выступами крутился, шлифуя доски, дѣлая пять тысячъ оборотовъ въ минуту. Доска сама ползла между зажимовъ, розовыя стружки фонтаномъ летѣли отъ нея и она выходила словно полированная. И еще были машины и, когда со свистомъ крутились онѣ, жутко было ходить по мастерской. Было въ ихъ тонкомъ свистѣ что-то ядовитое, предупреждающее, какъ въ змѣиномъ шипѣ. Въ самомъ углу сарая стоймя стояли доски. Ихъ каждое утро привозили, а къ вечеру онѣ обращались въ непонятные Петрику обрубки, палки, куски, сдѣланные машинами строго по тому чертежу, какой далъ за образецъ контрометръ.

Работа была нехитрая и нетрудная. Контрометръ циркулемъ и линейкой размѣтитъ по доскѣ, что надо

сдѣлать, вставить въ машины нужныя лекала, и Петрику съ Эженомъ остается только подносить доски и направлять ихъ движеніе въ машинѣ. Но работа требовала большого вниманія. Малѣйшая неосторожность и можно было или загубить матеріаль, или навѣки испортить себѣ руку, о чемъ постоянно напоминалъ Петрику оторванный палецъ Эжена. Мечтать или думать о постороннемъ за работой не приходилось. Человѣкъ былъ при машинѣ какимъ-то простымъ придаткомъ, такъ же механически точно работающимъ, какъ и остальные части машины. Отъ этого въ головѣ наступала какая-то притупляющая бездумность, ослабляющая голову. Она долго не проходила. Чѣмъ дольше работалъ Петрикъ въ мастерской, тѣмъ острѣе было у него сознаніе, что онъ больше не офицеръ, даже и не человѣкъ, не одухотворенное Богомъ существо, но лишь какой-то механизмъ, особый, что ли, валекъ, нужный для машины. Думать было нельзя. Одна доска шла за другою съ безпощадною точностью и непрерывностью. Кончали работу у пилы, переходили къ рубанку, потомъ къ токарному станку. Отъ семи часовъ утра до полудня и отъ двухъ часовъ до семи, безъ всякаго отдыха. Иногда работали «на аккордъ» и тогда оставались въ мастерской до семи и до восьми вечера. Дня совсѣмъ не видали. Въ тѣ минутные перерывы, когда смолкали станки и Петрикъ съ Эженомъ носили доски, Петрикъ съ какимъ-то ужасомъ думалъ, кому и для чего были нужны эти безчисленные бруски, рамы, лѣстницы, рѣшетки? Ыли ихъ, что ли? Они были непрерывно и всегда почему-то спѣшно нужны. Иногда въ мастерскую заглядывалъ инженеръ. Контрометръ снималъ передъ нимъ каскетку и съ непокрытой головой ходилъ сзади, выслушивая его замѣчанія. Наблюдая ихъ отъ своего станка, Петрикъ вспоминалъ рассказы «Канбо-ламы» о рабствѣ въ европейскихъ странахъ. Въ такіе дни, послѣ ухода инженера, контрометръ былъ особенно придирчивъ и тогда работали до девяти, чтобы выслужиться передъ инженеромъ.

Возвращаясь домой, Петрикъ думалъ о социализмѣ и о восьмичасовомъ днѣ. Восемь часовъ работать, во-

семь часовъ развлекаться и восемь часовъ отдыхать. Утопія, сладкая мармеладная конфетка, плодящая безработныхъ и нищету. И контрометръ и Эжень это понимали. За сверхъ урочные часы платили. Въ такіе дни, вечеромъ, контрометръ, выходя изъ мастерской, закуривалъ вонючій «капораль» и говорилъ внушительно:

— Mais dites donc, когда на носу выставка и надо все подать къ сроку.... Ah, mes vieux! Il faut travailler!.. Ça marche.... Ça roule.... Надо поспѣвать. Ah, sales cra-pauds, — послѣднее относилось къ социалистамъ и безпочвеннымъ мечтателямъ, бездѣльникамъ, къ писателямъ изъ «Юманитэ». — Постояли бы они у станка, comme nous, les autres, не говорили бы глупостей... *).

Эжень молчалъ.

За фабричнымъ переулкомъ, тускло освѣщеннымъ рѣдкими фонарями, они расходились. Контрометръ шелъ на электрическую дорогу. Эжень прямо на мостъ. Петрикъ шагаль домой вдоль набережной Сены. Голова была пуста. Голодъ сосалъ подъ ложечкой. Петрикъ зналъ, что досыта онъ никогда не наѣстся. Заработокъ былъ слишкомъ малъ для этого.

И такъ мѣсяцы... Годы...

VII.

По мысли профессора, генерала Н. Н. Головина, при содѣйствіи и по указаніямъ Великаго Князя Николая Николаевича при собраніи Галлиполійцевъ были организованы Высшіе Военно-научные курсы. Плата за лекцію три франка. Петрикъ отказался отъ чая послѣ обѣда и записался на курсы.

Весь день онъ былъ рабочимъ, «маневромъ», придаткомъ къ машинѣ. Весь день свистѣли пилы и моторы,

*) Но, скажите, пожалуйста... Нужно работать. Работа идетъ, вертится... Ахъ, грязныя жабы... Какъ мы, напимѣрь.

летѣли въ лицо и осыпали одежду стружки. Весь день только и было слышно, что:

— Ça y est!.. C'est ça!..

И напряженное вниманіе, чтобы не попасть подъ пилу или безумно скоро вращающійся валъ.

Наступалъ вечеръ. Петрикъ поспѣшно и тщательно одѣвался въ своемъ крошечномъ номеришкѣ. Онъ надѣвалъ жесткій стоячій воротникъ, повязывалъ шею галстукомъ, чернымъ съ желтыми полосками, Мариенбургскихъ полковыхъ цвѣтовъ, надѣвалъ тщательно вычищенный синій пиджакъ и отправлялся на rue Mademoiselle. Само названіе улицы нравилось Петрику. Чѣмъ-то рыцарскимъ вѣяло отъ него. Уличка была узкая, тѣсная, въ захудаломъ кварталѣ и какъ-то въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ. Въ ней тускло горѣли фонари. Дома были какіе-то сѣрые и невысокіе. Петрикъ издала уже узнавалъ домъ № 81. Подлѣ него у воротъ толпились такіе же, какъ и онъ, бѣдно пріодѣтые люди, молодые и старые. Петрикъ за годъ своего пребыванія въ Ламайтскомъ монастырѣ привыкъ къ одиночеству и созерцанію и туго сходилса съ людьми. Онъ встрѣчалъ здѣсь кое-кого знакомаго по школѣ. Много было совсѣмъ молодыхъ и незнакомыхъ Петрику. И Петрикъ радовался, глядя на нихъ: шла ему смѣна. Нѣтъ, не погибнетъ Россія. Они, старые, погибнуть, но имъ навстрѣчу придетъ вотъ эта самая молодежь. Петрикъ входилъ черезъ ворота на тѣсный и темный дворъ. Въ концѣ него тускло свѣтилась дверь. Тамъ тоже толпились люди. Сейчасъ же почти за дверью былъ большой не ярко освѣщенный залъ. Въ немъ рядами стояли простые стулья. Ни столовъ, ни партъ не было. Въ концѣ зала было возвышеніе и на немъ небольшой столъ для лектора и доска для картъ. Все было бѣдно и просто. И кругомъ стояли люди въ пиджакахъ, въ легонькихъ, продувныхъ пальтишкахъ. Петрикъ зналъ, что это за люди. Цѣлый день они точили на станкахъ «пъесы», сидѣли за рулемъ такси, подавали въ ресторанахъ, ходили по порученіямъ «патрона», сидѣли въ бюро банковъ и конторъ, — это все былъ самый настоящій пролетаріатъ, городская пыль, довольная, что ей позволили работать и питаться

у чужого очага. Цѣлый день они бѣжали на призывъ гостя, боялись бѣлой палочки «ажановъ», боялись попасть въ «аксиданъ». Они даже по Русски разучились говорить правильно, но постоянно вставляли словечки изъ своего «метье». Одни приходили сюда со спинами и поясами, ломящими отъ боли непосильнаго и непривычнаго физическаго труда, другіе со страшно натянутыми нервами, трепещущими отъ напряженнѣйшаго вниманія при ѣздѣ по городу въ постоянной толчѣ машинъ, третьи послѣ утомительной банковской работы. Они наблюдали, какъ проѣдались и пропивались за столомъ тысячи франковъ, они видѣли нарядныя сто-тысячныя машины, Рольсъ Ройсы и Эспано Съюза, а сами правили скромными и дешевыми Ситроенами, взятыми отъ хозяина гаража.... Они не завидовали. Они только недоумѣвали, при чемъ въ этомъ городѣ такихъ рѣзкихъ контрастовъ были на всѣхъ правительственныхъ зданіяхъ надписи: «с в о б о д а , р а в е н с т в о , б р а т с т в о»... Это былъ наглѣйшій обманъ. Эти девизы всегда напоминали Петрику другіе девизы, гдѣ не было никакого обмана, и которые говорили о суровомъ и прекрасномъ долгѣ: з а В ѣ ру , Ц а р я и О т е ч е с т в о»...

Время близилось къ девяти часамъ вечера. Залъ наполнялся. Гулъ голосовъ раздавался въ немъ. Занимали стулья. Изъ глубины, изъ узкой двери показалась фигура крѣпкаго худощаваго человѣка. Несмотря на штатскій костюмъ всякій призналъ бы въ немъ Русскаго генерала и притомъ артиллерійскаго. Спокойный, увѣренный голосъ раздался по залу. Команда:

— Господа офицеры!

Въ первые ряды стульевъ прошелъ человѣкъ въ черномъ пиджакѣ. У него была небольшая черная бородка и черные усы. Его всѣ здѣсь знали и почитали: генераль Кутеповъ, командующій Русской Арміей на чужбинѣ, ея учитель и воспитатель въ Галлиполи. Онъ поклонился собравшимся, и негромко сказалъ:

— Господа офицеры!.. Садитесь господа!..

Точно кто открылъ какія-то широкія ворота передъ Петрикомъ. Въ эти ворота влился яркій свѣтъ. За ними

исчезла полутемная узкая комната, исчезли и всѣ эти страшные годы погрома Россійской Арміи. Петрику казалось, что онъ-видитъ на плечахъ своихъ сосѣдей золотые и серебряные погоны и ощущаетъ и на своихъ плечахъ священные погоны родного Лейбъ-Маріенбургскаго полка. Петрикъ чувствовалъ то, что чувствуютъ всѣ: тотъ полкъ, въ который онъ вышелъ былъ ему болѣе роднымъ, чѣмъ тотъ, гдѣ онъ служилъ послѣднее время. Здѣсь, въ Галлиполійскомъ собраніи Петрикъ всегда и неизмѣнно чувствовалъ себя Лейбъ-Маріенбурцемъ.

Тактика пѣхоты и артиллеріи.... Тактика его родной конницы. Новая ея организація. Такая, какой не зналъ Петрикъ, но какая должна быть въ связи съ механизацией современной войны. Мелочную лавочку напоминала Петрику эта новая организація конницы. Какъ въ мелочной лавочкѣ есть все: и мыло, и деготь, и хомуты, и кнуты, и пряники, и керосинъ, и селетки, и почтовая бумага, и карамель, и свѣчи. Такъ и тутъ были и сабли, и ручныя гранаты, и ручные, и станковые пулеметы, и горныя пушки, и броневыя машины, и аэропланы, и телеграфъ, и телефонъ, и Петрику было страшно, что при такомъ обиліи и разнообразіи какъ бы не стало не хватать конницѣ того коннаго духа, что такъ хорошо знали Великій Князь Николай Николаевичъ, что понималъ Старый Ржондъ, Кудумцевъ и Ферфаксовъ и который увлекъ въ конную атаку и самого Петрика.

На французскихъ планахъ съ невнятными знаками, — къ нимъ долго не могъ привыкнуть Петрикъ, — рѣшали тактическую задачу и наступали цѣлою дивизіею, слѣдуя всѣмъ правиламъ, добытымъ опытомъ великой войны.

Петрикъ вспоминалъ здѣсь уроки прошлаго и учился тому новому, что ему и тѣмъ, кто былъ съ нимъ, непременно понадобится для Россіи. Здѣсь онъ приобрѣталъ не только знанія, но научался вѣрить въ будущее Россіи.

Лекціи начальника и руководителя курсовъ, профессора Головина по стратегіи, его отчетливый разсказъ о Великой войнѣ, о двухъ громадныхъ операціяхъ Рус-

ской арміи: битвахъ въ Восточной Пруссіи и Галиційской, смѣнялись лекціями по тактикѣ пѣхоты полковника Зайцева, лекціями по артиллеріи генерала Виноградскаго, кавалеріи генерала Доманевскаго, такъ волновавшими Петрика его яркимъ разсказомъ о «бѣгѣ къ морю» на западномъ фронтѣ, о яркихъ атакахъ Русской конницы у Волчковце, о корпусѣ Новикова на фронтѣ восточномъ. Все это было интересно, все это такъ захватывало.... Петрикъ слушалъ и объ инженерномъ искусствѣ, что преподавалъ генераль Ставицкій. Новая война возникала въ представленіи Петрика. Не совсѣмъ такая это была война, какъ то хотѣлось бы Петрику, но ее нужно было знать.

Ночью Петрикъ возвращался въ перенаселенный отель. Въ темныхъ улицахъ свѣжъ и чистъ былъ воздухъ. Деревья бульваровъ отдыхали отъ дневной керосиновой гари и отъ нихъ вѣяло ароматомъ листвы. Въ бистро еще горѣли огни. Петрикъ шелъ пѣшкомъ. Трамваи и метро становились все дороже и дороже, и были не по карману простому «маневру». Петрикъ шелъ бодро. Ему временами казалось что на его ногахъ тихо побрякиваютъ шпоры. Да вѣдь и точно: это шелъ ротмистръ Ранцевъ, и шпоры ему полагались. Даже, можетъ быть, это шелъ Полковникъ Ранцевъ, командиръ новаго механизированнаго Лейбъ Маріенбургскаго полка! Петрикъ шелъ и обдумывалъ, какъ онъ поставитъ по старымъ полковымъ казармамъ всѣ эти сабельные, пулеметные и техническіе эскадроны, куда помѣститъ конно-горную батарею.

Въ отелѣ Модернъ всѣ спали. Сквозь тонкія двери и переборки между номерами слышенъ былъ дружный храпъ уставшихъ за день людей. Петрикъ на носкахъ поднимался къ себѣ на шестой этажъ. Поскрипывали деревянныя ступени лѣстницы, и электрическія груши гасли раньше, чѣмъ Петрикъ успѣвалъ достигнуть до слѣдующаго этажа. Но Петрикъ ничего этого не замѣчалъ. Въ мечтахъ своихъ онъ былъ все еще командиромъ полка... Да не цѣлой ли бригады, выполняющей отвѣтственную задачу? Онъ ложился съ пустымъ желудкомъ на свою жесткую и широкую «національную» по-

стель и долго не могъ заснуть. Онъ со своей бригадой выгонялъ изъ Москвы коммунистовъ. Броневики мчались по Тверскому шоссе. Сабельные эскадроны жидкими лавами проходили черезъ Петровскій паркъ. У Химокъ уже ударили его горныя пушки. Самъ Петрикъ сидѣлъ на прекрасной лошади надъ аппаратомъ беспроволочнаго телеграфа и диктовалъ молодому корнету донесеніе генералу Кутепову, съ пѣхотой подходившему къ Подсолнечной... Мечты какъ-то сливались со сномъ, и уже нельзя было понять, о чемъ онъ думалъ и что ему снилось.

Рѣзкій звонокъ будильника въ сосѣднемъ номерѣ будилъ Петрика. Половина шестого. Время вставать и идти на работу.

Просыпался уже не лихой командиръ конной бригады, а скромный и бѣдный, простой «маневръ». Онъ пилъ жидкій кофе въ бистро напротивъ отеля и шелъ по хорошо изученному пути на заводъ.

Отъ Сены тянуло холодною сыростью. Среди длинныхъ и низкихъ грязныхъ заводскихъ построекъ чернымъ прямоугольникомъ выдѣлялось мрачное зданіе его «menuiserie et scierie». У воротъ уже стояли штабели свѣжихъ досокъ: ихъ сегодняшній урокъ. Эжень курилъ папиросу подлѣ нихъ.

— Bonjour, monsieur Pierre.

— Bonjour, monsieur Eugène.

Было по утреннему зябко. Вязли въ глинистой землѣ ноги. Тонкій паръ шелъ отъ дыханія.

Приходилъ контрметръ. Онъ открывалъ большимъ желѣзнымъ ключомъ замокъ и раскрывалъ ворота. Петрикъ и Эжень за перегородкой въ мастерской снимали городское платье и облачались въ просторные коричневые рабочіе «combinaisons».

Нѣсколько минутъ уходило на носку досокъ и ихъ размѣтку. Эжень курилъ за воротами, Петрикъ смотрѣлъ въ окно. Сѣрая грязная улица была за окномъ. Низкія постройки. Утренній туманъ стлался надъ нею. Потомъ визжала пила и рубанокъ вращался, дѣлая восемь тысячъ оборотовъ въ минуту. Розовыя смолистыя

стружки летѣли широкимъ фонтаномъ и былъ ихъ запахъ нѣженъ и отзывалъ спиртомъ. У станка стоялъ простой маневръ Пьеръ.

— Ça y est!.. Ça va!..

— C'est ça!

VIII.

По воскресеньямъ Петрикъ выходилъ изъ отеля Модернъ въ восьмомъ часу. Онъ былъ приодѣтъ. Въ улицахъ Парижа было тихо и, казалось, въ воздухѣ чувствовалась городская усталость. Томень и сладокъ былъ воздухъ, не успѣвшій насытиться автомобильной гарью. Движенія было мало. Парижъ отдыхалъ. Петрикъ шелъ легкой походкой по пустынному въ эти часы Boulevard de Grenelle къ Сенъ, переходилъ въ Пасси и узкими, крѣпко спящими улочками выбирался къ Porte Dauphiné.

Сердце Петрика сжималось. Онъ шелъ точно на любовное свиданіе.

Передъ нимъ была широкая площадь разрушенныхъ укрѣпленій. Вправо и влѣво видны были строительныя работы. Планировали улицы. Высокіе «доходные» дома строились на мѣстѣ скрытыхъ брустверовъ. Къ голубѣющему небу тянулись тонкіе ажурные подъемные краны и подъ ними были скелеты желѣзо-бетонныхъ стѣнъ. Горы земли и песку были подлѣ нихъ. Глубокая траншея шла въ землѣ.

Все мое сказало злато!... Мирный торговый Парижъ вытѣснялъ Парижъ боевой, помнившій страшные дни 1870-го года.

Широкое Avenue du bois de Boulogne было въ нѣжномъ розовомъ туманѣ. Триумфальная арка на Этуали казалась прозрачною голубою игрушкой. Широкія аллеи уже пожелтѣвшихъ платановъ скрывали вышину шестиэтажныхъ домовъ. Площадь передъ Петрикомъ была въ маленькихъ садикахъ. Арки входовъ въ метро

скрывались въ зелени. Мощною лѣсною стѣною высился позлащенный солнцемъ прекрасный Булонскій лѣсъ.

Петрикъ переходилъ по блестящимъ, еще мокрымъ отъ росы, гладкимъ, гудронированнымъ шоссе площадь и направлялся ко входу въ лѣсъ. Влѣво у большого ресторана лакеи накрывали столики для утренняго завтрака. Надъ окнами были спущены блѣдно-желтыя жалюзи. Вправо подъ раскидистыми деревьями стояла высокая бесѣдка-сарай съ крутою соломенною крышей. Она имѣла видъ какой-то экзотической постройки, точно тамъ былъ индѣйскій вигвамъ. Подъ нимъ на затоптанной лошадами землѣ была короткая коновязь. Тамъ уже стояли лошади. Подлѣ, — о, позоръ! — была лѣсенка, чтобы садиться на нихъ.

Петрикъ выбиралъ на *Route de l'Etoile* желто-коричневую, исчербленную временемъ скамью и садился на нее. Отсюда былъ виденъ уголъ городской площади съ песчаной верховой дорогой. Прямо передъ Петрикомъ былъ соломенный вигвамъ, гдѣ конюха ожидали всадниковъ и амазонокъ. Двѣ верховыя аллеи уходили передъ Петрикомъ въ глубину Булонскаго лѣса.

Здѣсь Петрикъ отдыхалъ душою. Наконецъ, онъ видѣлъ лошадей и всадниковъ. Не все еще было механизировано, не все были тупорылые автомобили, были еще и животныя. Мимо Петрика проходили какія-то старыя дамы. Онѣ прогуливали своихъ собачекъ. Безобразныя модныя псы съ жесткой, точно щетка для вытиранія ногъ, шерстью съ не по росту большими лобастыми головами съ коротенькими прямыми ножками неуклюже бѣжали за ними. Точно и псы были не псы, но всего лишь заводныя игрушки. Задорные и шаловливые фоксы, уже «*démodé*», а потому подлежащіе вымиранію, неслись парочкой за барышней съ молодымъ человѣкомъ, шедшими легкой гимнастической походкой по аллѣ. Наконецъ, показывались и ѣздоки. Они появлялись вдругъ и незамѣтно. Лошади шли, неслышно и легко ступая по мокрому мягкому песку. Полный сѣдой человѣкъ проѣхалъ мимо Петрика на громадномъ свѣтлорыжемъ хентерѣ. Петрикъ зналъ отъ конюховъ, кто былъ этотъ человѣкъ. Это былъ тотъ, кто обезобразилъ всѣ

дома Парижа громадными дѣтскими головками, моющихся въ ваннѣ дѣтей. Потомъ, оживленно разговаривая, просторнымъ шагомъ проѣхала мимо Петрика цѣлая семья. Отецъ на поджарой гнѣдой лошади, съ нимъ дѣвочка на рыжемъ кобѣ и два мальчика на пони. Младшаго, — ему было не больше восьми лѣтъ — отецъ велъ на короткомъ поводкѣ.

Рысью, тяжело болтаясь въ сѣдлѣ, проѣхалъ толстый человѣкъ въ короткомъ пиджачкѣ. Очень былъ онъ похожъ на жида. Плотный генералъ въ сѣдыхъ усахъ и съ краснымъ лицомъ скакалъ галопомъ со своимъ адъютантомъ. На генералѣ была красная каскетка котелкомъ съ широкимъ голубымъ околышемъ, расшитымъ золотыми лаврами и дубами. Они проѣхали, и нѣсколько минутъ въ аллеѣ не было никого. Петрикъ уже хотѣлъ вставать и искать другое мѣсто, какъ мимо него полевымъ галопомъ проскакали молодой человѣкъ и дѣвушка. Оба были безъ шляпъ. На молодомъ человѣкѣ была темнозеленая рубашка. У ворота болтался свободно завязанный галстухъ. На ногахъ короткіе кожаные трусики желтаго цвѣта. Они поднялись отъ скачки и бѣлая нога, поросшая рѣдкими темными волосами ерзала по крылу сѣдла. На дѣвушкѣ, сидѣвшей по мужски, была такая же рубашка, желтосѣрые рейтузы и коричневые высокіе сапоги. Они такъ заинтересовали Петрика, что онъ пошелъ спросить, что это была за кавалькада. Уже не большевики ли? Необычнымъ показалось Петрику такое пренебреженіе къ стилю ѣзды. Но успокоился. Это были люди, очень стильно даже одѣтые въ костюмы для игры въ полло.

Въ эти утренніе часы Петрикъ старался забыть все то, что ему пришлось пережить. Онъ вспоминалъ Школу. Вотъ такъ же, лѣтомъ, въ Красномъ Селѣ, въ Новопурскомъ лѣсу ѣздили и скакали они, офицеры Императорской Русской конницы. Петрикъ оцѣнивалъ лошадей, присматривался къ нимъ, точно и правда когда-нибудь будутъ у него снова лошади и онъ будетъ ѣздить верхомъ. Въ эти часы онъ вѣрилъ и въ это чудо. Много было разбитаго на ноги манежнаго брака, но попадались и очень хорошія лошади. Тогда Петрикъ вставалъ и сто-

роною шель за всадникомъ и амазонкой, стараясь возможно дольше любоваться ими.

Высокій худой старикъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ и въ длинныхъ рейтузахъ на тощихъ ногахъ, съ маленькими шпорами на тонкихъ лаковыхъ башмакахъ шель «пассажемъ». У Петрика горѣли глаза. Онъ шель по пѣшеходной дорожкѣ сбоку, слѣдилъ за каждымъ движеніемъ всадника и лошади и мысленно давалъ указанія. «Такъ, такъ», — думалъ онъ, невольно дѣлая руками тѣ движенія, какія было нужво. — «Такъ... Мягче руку... Зачѣмъ шпора?... Собыете... Ну, вотъ, конечно!.. Да, подберите трензель!.. Мягче мундштукъ! А цѣпку надо было пострже натянуть»

У Петрика были уже облюбованныя лошади. «Это мои», — думалъ онъ. — «Вотъ такихъ бы я хотѣлъ».. Онъ ихъ ждалъ съ нетерпѣніемъ и огорчался, когда онѣ долго не появлялись.

Онѣ прошли, наконецъ, легкой воздушной рысью. Молодой прекрасно одѣтый человѣкъ сидѣлъ на большой и статной, — Петрикъ не могъ ошибиться — чистокровной рыжей лошади, не хуже Одалиски Петрика, за нимъ ѣхалъ Мулатъ въ котелкѣ и костюмѣ наѣздника, на такой же отличной темно-сѣрой лошади. Петрикъ чуть не побѣждалъ за ними. Онъ казалось чувствовалъ всю мягкость приподниманій всадниковъ въ сѣдлѣ, всю плавность и легкость рыси. Петрикъ долго слѣдилъ за ними, какъ скрывались они между деревьевъ, появлялись вновь, все уменьшаясь въ перспективной дали и, наконецъ, и совсѣмъ скрылись въ лѣсной чащѣ.

Петрикъ зналъ, что къ полудню они подѣдутъ къ ресторану и всадникъ слѣзетъ со своей чудной рыжей кобылицы. Онъ перекинетъ поводья мулату, а тотъ, не слѣзая съ сѣдла, подниметъ по путлицу стремяна и поведетъ рыжую лошадь въ заводу.

Петрикъ шель за лошадьми, любуясь ими. Они выходили изъ Булонскаго лѣса и Петрикъ долго провожалъ ихъ по avenue du Bois de Boulogne, пока они не скрывались за уличной толпой. Тогда Петрикъ шель въ маленькій переулочекъ тутъ же неподалеку, заходилъ

въ скромную «laiterie», и тамъ спрашивалъ дежурное блудо.

Онъ не завидовалъ, но много критиковалъ. Не нравились ему стриженныя гривы и слишкомъ короткіе или, если длинные, то общипанные хвосты. Не нравилась ему и остриженная машинкой шерсть, дѣлавшая гнѣдыхъ лошадей рыжими, а рыжихъ розовыми. Все говорило Петрику объ экономіи рабочихъ силъ, о неимѣніи хорошихъ конюховъ. «А мы то», — думалъ Петрикъ, — «въ школѣ и полку руками собирали хвосты, гребешками расчесывали гривки и чолки, подпаливали шерсть въ ухахъ, дѣлали «туалетъ» лошади, не жалѣя ни силъ, ни времени. Да то была кавалерія, наслѣдница рыцарей, а это... демократія... Не понимаютъ и не любятъ они лошадей... Ну этотъ? Ну для чего онъ выѣхалъ? Жидъ?.. банкиръ?.. А трясется-то какъ! Поди, докторъ приказалъ ему геморрой разгонять, или любовница послала его для того, чтобы онъ хотя немного жиру спустилъ.... Кто эти наѣзтники? Богатые фабриканты, банкиры, — сколько между ними жидовъ!, — бездѣльная дипломатическая молодежь, кокетки... Ызять изъ снобизма, изъ моды... Потому что въ Англіи ѣздятъ... Много ли между ними настоящихъ любителей... Эхъ мнѣ бы!...»

Но Петрикъ не позволялъ себѣ мечтать объ этомъ... Это было... И будетъ... Но не въ такой обстановкѣ. Не въ Булонскомъ лѣсу!

Когда смеркалось, и послѣдніе любители уѣзжали изъ парка, Петрикъ шелъ домой. Въ отелѣ, въ эти воскресные часы, было тихо. Кто былъ у знакомыхъ, кто пошелъ въ «синема», кто въ танцульку, кто отправился въ «уѣздный городъ Медонскъ», какъ называли Медонъ, гдѣ жило много Русскихъ и гдѣ налаживался недурной театръ.

Петрикъ въ своемъ номерѣ садился за книги. Все, что можно было достать о кавалеріи или о войнѣ, онъ доставалъ, и въ эти вечерніе воскресные часы предавался чтенію, все и вся забывая.

Вдругъ оторвется отъ книги. Передъ нимъ появятся только что видѣнные въ Булонскомъ лѣсу всадники и амазонки. И медленно изъ какой-то страшной дали

сладкимъ видѣніемъ встанетъ прошлое. Онъ увидитъ себя на Одалискѣ и рядомъ милое Солнышко на Мазепѣ. Увидитъ поля Манчжуріи, покрытыя молодымъ гаолянномъ, Диди, носящуюся по нимъ. У воротъ кирпичныхъ казармъ ихъ ждутъ ама съ Настенькой, Таня и вѣстовые brave амуры...

«Нѣтъ... Никогда это не повторится. Все проходить и все прошло. Будетъ... Но будетъ другое... Ощипанные хвосты, стриженныя лошади и.. Булонскій лѣсъ».

Томящая грусть охватывала Петрика. Въ номерѣ и въ отелѣ было тихо и тѣмъ шумнѣе и надоеднѣе казался вѣчно кипящій Парижъ. Гремѣли автобусы и такси, долгій, подземный гулъ стоялъ послѣ прохода поѣзда подземной дороги. Звуки гудковъ и клаксоновъ дополняли этотъ шумъ. Городъ пѣлъ и столько безнадежной тоски было въ его пѣснѣ.

Надъ городомъ поднималось розовое зарево рекламныхъ огней. Вспыхнула и заиграла Эйфелева башня. Расцвѣтилась зелеными гирляндами, вспыхнула золотыми фонариками имени Ситроена, одѣлась въ пурпуръ и погасла на мгновенье, чтобы снова начать свою затѣливую игру. Петрикъ не видалъ ея огней. Онъ вспоминалъ тишину Тибетской пустыни и полное тайны молчаніе Ламаитскаго монастыря.

Онъ былъ въ прошломъ. Онъ былъ въ Азій... Въ Россіи... Здѣсь, въ Парижѣ все ему было чужое и непонятное.

IX.

Была осень. Ноябрь. Непривѣтливъ и унылъ былъ Парижъ въ своихъ далекихъ кварталахъ. Холодный вѣтеръ съ дождемъ носился по улицамъ. Вода текла по спускамъ «метро». Вечеромъ фонари казались тусклыми и пусто было за столиками бистро. Продавцы жареныхъ каштановъ грѣли руки у своихъ желѣзныхъ очаговъ и лопатками подгребали красные уголья. Была суб-

бота. По субботамъ въ Галлиполійскомъ собраніи, въ томъ же самомъ залѣ, гдѣ въ будни читали лекціи, служили всенощную. Служба была поздняя, чтобы дать возможность работающимъ на заводахъ вернуться съ работы и переодѣться. Петрикъ пошелъ въ церковь. Народа было мало. Больше были женщины: жены генераловъ и офицеровъ и ихъ дочери. Бѣдно и скромно одѣтые онѣ стояли по сторонамъ зала. Служили просто, не торопливо, и молитвенное настроеніе, какъ-то само сходило на Петрика. Когда служба кончилась, онъ вышелъ на темный черный дворъ. Нѣсколько человѣкъ, укрываясь отъ вѣтра и дождя въ углу, закуривали папиросы. Дамы, раскрывъ зонтики, входили въ ворота. Вѣтеръ крутилъ и игралъ ихъ короткими юбками.

Петрикъ, поднявъ отъ дождя воротникъ своего холодного, на рынкѣ купленного пальто, проходилъ мимо курящихъ. Его несмѣло и негромко окликнули: «Петръ Сергѣевичъ»...

Петрикъ повернулся къ курившимъ. Отъ нихъ отдѣлился высокій худощавый человѣкъ въ англійской шинели, покрашенной въ черный цвѣтъ. Въ немъ Петрикъ не столько въ лицо, сколько по фигурѣ сейчасъ же узналъ Ферфаксова. Онъ протянулъ обѣ руки навстрѣчу боевому соратнику и воскликнулъ радостно:

— Факсъ. Какими судьбами? Давно здѣсь? Вотъ неожиданная и радостная встрѣча.

Они пошли къ выходу со двора.

— Ты что же дѣлаешь, Петръ Сергѣевичъ?

— Работаю.... Плотникомъ на фабрикѣ... А ты?

— Мнѣ повезло. Только я пріѣхалъ изъ Югославіи, какъ читаю въ газетахъ объявленіе. Въ хоръ Воронина требуется баритонъ. Ну, я въ церковномъ хорѣ когда-то пѣлъ... Слухъ есть и голосъ какъ разъ баритонъ. Я и заявился — и вотъ пою.

— Гдѣ?

— По кабакамъ больше. Да ничего не подѣлаешь. Спрось на наше пѣніе большой... Но сегодня точно самъ Господь послалъ мнѣ тебя въ такой особенный день. Ты на «метро»?

— Нѣтъ, я пѣшкомъ. Всегда пѣшкомъ.

— А то поѣдемъ, — Ферфаксовъ мило смутился, — у меня, Петръ Сергѣевичъ, есть карнэ. Я тебѣ дамъ билетъ.

— Спасибо, Факсъ, — просто сказалъ Петрикъ, — но, право, я не потому не ѣду. Поговорить хочется, а въ метро какой уже разговоръ. Толкотня, грохотъ. Пойдемъ потихоньку. Что же у тебя за особенный день?

Петрикъ при свѣтѣ фонаря взглянулъ на лицо Факса. И на него, время и невзгоды наложили свой отпечатокъ. Но волосы его не посѣдѣли. Лицо какъ будто вытянулось и потеряло свой охотничій бурокарасный оттѣнокъ. Но былъ Факсъ все тѣмъ же бравымъ и стройнымъ молодцомъ. Сейчасъ отъ встрѣчи-ли съ Петрикомъ, или по какой другой причинѣ, но лицо Факса сіяло и въ глазахъ сверкали искры.

— Что же у тебя?.. Жениться, что ли, собираешься?

Ферфаксовъ съ упрямомъ посмотрѣлъ на Петрика.

— Нѣтъ, Петръ Сергѣевичъ, радость моя другого, совсѣмъ другого рода. И ты ее какъ никто другой поймешь и признаешь. Завтра мы поемъ у нашего Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича.

— Вотъ какъ!

Они шли теперь молча. Произнесенное Ферфаксовымъ имя вызвало очень сложныя чувства и воспоминанія у Петрика. Онъ точно вдругъ увидалъ ложу въ манежѣ Офицерской кавалерійской школы и большой портретъ Великаго Князя въ темносиней венгеркѣ съ золотыми шнурами, въ алой гусарской фуражкѣ, скачущаго черезъ жердяной, такъ называемый «чухонскій» заборъ на большомъ сѣромъ хентерѣ. Онъ вспомнилъ свои встрѣчи съ Великимъ Княземъ на Красносельскомъ Военномъ полѣ, гдѣ Великій Князь былъ гроза и учитель Гвардейской конницы. Петрикъ вспомнилъ, какъ онъ со страхомъ и трепетомъ сердечнымъ являлся Великому Князю на ординарцы, какъ скакалъ по его приказанію по полкамъ. И Петрику было странно представить Великаго Князя во Франціи. Онъ зналъ, онъ слышалъ, что Великій Князь здѣсь, и онъ прислушивался, когда по-

дасть Великій Князь сигналъ идти спасать Россію. Великій Князь казался Петрику недосыгаемымъ, недоступнымъ, въ таинственной глуши подготавливающимъ все къ этому сигналу. И то, что Ферфаксовъ съ какимъ-то хоромъ, поющимъ на Монмартрѣ, будетъ пѣть у Великаго Князя, показалось Петрику просто невѣроятнымъ.

— Что же вы будете пѣть? — спросилъ Петрикъ.

— Мы будемъ пѣть обѣдно во дворцѣ Великаго Князя, но Воронинъ хочетъ испросить разрѣшенія у Великаго Князя послѣ завтрака спѣть и наши Русскія солдатскія и казачьи пѣсни. У насъ хорошій репертуаръ и мы, право, Петръ Сергѣевичъ, совсѣмъ не плохо поемъ.

— Да, вотъ какъ!... Если тебя не затруднить, зайди ко мнѣ, когда ты вернешься отъ Великаго Князя и расскажи мнѣ все, что ты тамъ увидишь... Вотъ какъ мы съ тобой встрѣтились?... Съ самаго того дня, когда приносили присягу... Помнишь... Кудумцевъ меня Донъ-Кихотомъ назвалъ... Ты одинъ меня тогда понялъ... Донъ-Кихотами-то, кажется, оказались они, а не я. Съ Кудумцевымъ мнѣ еще разъ довелось встрѣтиться... Но при какихъ ужасныхъ обстоятельствахъ.... А вотъ теперь я и съ тобою встрѣтился.

— Да, я знаю о твоей встрѣчѣ съ Кудумцевымъ, — тихо сказалъ Ферфаксовъ.

— Какимъ образомъ? Развѣ ему удалось выскочить отъ нихъ?

— Нѣтъ... Но Старый Ржондъ и Анеля съ ребенкомъ здѣсь.

— Да что ты!... Съ ребенкомъ?... Да развѣ?... Гдѣ же они?

— Въ Парижѣ.. Ты непременно зайди къ нимъ... Въ страшной нищетѣ.

— Да, зайду непременно. Ты мнѣ адресъ ихъ скажешь. Такъ до завтра, у меня. Я живу, — Петрикъ далъ свой адресъ. — Отель Модернъ. Тамъ все Русскіе.

Они стояли у входа въ метро. Яркіе фонари освѣщали теперь лицо Ферфаксова. Оно вдругъ покраснѣло и побурѣло и приняло тотъ такъ хорошо знакомый темный цвѣтъ смущенія.

— Постой, Петръ Сергѣевичъ... А, Валентина Петровна?.. Какъ это коряво вышло, что я не спросилъ тебя сразу.

— Ничего, милый Факсъ, я о ней не знаю и не слышалъ, а наводить справки, ты самъ это лучше меня понимаешь, въ нашемъ положеніи невозможно.

— Да... Понимаю... — Ферфаксовъ помолчалъ немного. — А знаешь, Петръ Сергѣевичъ, я вѣдь сегодня ночь не буду спать. Все буду думать о томъ, что намъ предстоитъ завтра.

— Мнѣ это, Факсъ, такъ понятно. И я, поджидая тебя, буду не меньше волноваться. Вѣдь это наша послѣдняя надежда... Даль бы Богъ!..

Онъ не договорилъ своей затаенной мысли. Да и договаривать было не надо: въ этомъ направленіи они оба, да и они ли одни? такъ одинаково думали, что слова были лишними. Петрикъ быстро и крѣпко пожалъ руку Ферфаксова, точно хотѣлъ скрыть свои мысли, не сказать лишняго, чего нельзя было говорить, но что можно только чувствовать и, круто повернувшись, скорыми шагами пошелъ по улицѣ. Ферфаксовъ слѣдилъ за нимъ глазами, пока Петрикъ не скрылся подъ эстакадами желѣзной дороги, и тогда сталъ медленно въ какомъ-то раздумьи подниматься по грязной лѣстницѣ на платформу надземной дороги.

Х.

Ферфаксовъ и точно не спалъ эту ночь. Онъ былъ сильно взволнованъ. Онъ никогда не видалъ никого изъ Великихъ Князей. Верховный же Главнокомандующій представлялся ему совсѣмъ особеннымъ человѣкомъ и все въ немъ должно было быть необычнымъ и самая обстановка его жизни не должна была походить на ихъ бѣженскую обстановку.

Эти годы у Ферфаксова были досуги. Раньше онъ эти досуги посвящалъ охотѣ. Теперъ охоты не было. И

Ферфаксовъ сталъ увлекаться чтеніемъ. Читалъ онъ по преимуществу историческія книги. Въ прошломъ онъ искалъ указанія на настоящее. Онъ твердо вѣрилъ, что исторія повторяется. Онъ читалъ про королей въ изгнаніи. Про Польскаго короля, Станислава Понятовскаго, про короля Франціи Людовика XVIII, читалъ, какъ жили они въ Россіи и въ Англіи со своимъ дворомъ, со своею дворцовой стражею, съ караулами вѣрныхъ солдатъ. Великій Князь не былъ королемъ, но Ферфаксовъ зналъ, что для Франціи онъ былъ больше, чѣмъ любой король. Онъ былъ спаситель Франціи и великій полководецъ. Ферфаксовъ отлично помнилъ, какъ впервые къ нимъ на постъ Ляо-хе-дзы пришло извѣстіе о Танненбергской битвѣ, о пораженіи нашихъ I и II армій, о сотняхъ тысячъ плѣнныхъ, о гибели цѣлыхъ корпусовъ, о сдачѣ дивизій съ ихъ артиллеріей и помнилъ, какое страшное смущеніе было у него на душѣ. Онъ помнилъ тѣ разговоры, что шли тогда между офицерами и помнилъ тѣ жесткія слова, что сказалъ тогда Толя Кудумцевъ. Въ нихъ сквозило отчаяніе и презрѣніе. Война казалась тогда проигранной. Потомъ ихъ всѣхъ собралъ въ штабѣ отряда генералъ Заборовъ. Ферфаксовъ и сейчасъ помнитъ его слова.... «Другимъ какъ нравится, мое такое мнѣніе», — такъ началъ генералъ Заборовъ, — «нѣмцы проиграли кампанію. Императоръ Вильгельмъ оказался передъ нашимъ Великимъ Княземъ ничего не смыслящимъ въ большой войнѣ мальчикомъ. Онъ погнался за пустяками и проигралъ все. Нѣмцы были на путяхъ къ Парижу. Еще усиліе нѣсколькихъ дней и Парижъ будетъ взятъ, а съ взятіемъ Парижа кончена и война съ французами. Тогда можно всѣ силы направить на Россію и побѣдить ее. Бить послѣдовательно, по частямъ. Вѣдь это юнкеръ младшаго класса знаетъ. Нашъ Верховный Главнокомандующій осозналъ всю отвѣтственность момента и бросилъ все, что имѣлъ въ Восточную Пруссію, онъ направилъ совсѣмъ не готовые корпуса, безъ обозовъ, онъ перетянулъ струну выносливости Русскаго солдата, онъ взялъ на себя отвѣтственность за пораженіе на Русскомъ фронтѣ, чтобы спасти Францію. Вильгельмъ растерялся, снялъ два корпуса съ

французскаго фронта, чтобы спасти отъ нашествія Русскихъ свою милую Пруссію и... проигралъ кампанію...»

Ферфаксовъ помнилъ эти слова. Они вдохнули вѣру въ молодыхъ офицеровъ. Тогда вспомнили они, что генераль Заборовъ, котораго они легкомысленно вышучивали за его прибаутки и поговорки, былъ офицеромъ генеральнаго штаба и понималъ въ войнѣ больше нихъ, простыхъ офицеровъ-охранниковъ. Теперь этотъ Великій Князь былъ во Франціи въ изгнаніи. Ферфаксовъ, богословъ по своему призванію, прекрасно знавшій св. Писаніе, отлично помнилъ одно мѣсто: «трудясь, надо поддерживать слабыхъ и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Онъ Самъ сказалъ: блаженнѣе давать, нежели принимать» *)...

И, конечно, Франція дала и какъ еще дала! Ферфаксовъ былъ влюбленъ во Францію нѣжною и благодарною любовью. У него не было другихъ словъ для Франціи, какъ: «благородная», «благодарная», «прекрасная», «рыцарская»... Какъ же должна была она дать и обставить своего спасителя, Верховнаго Главнокомандующаго Русскихъ Армій, въ самый страшный и отвѣтственный моментъ войны?!

Въ своемъ воображеніи онъ видѣлъ роскошный дворецъ, предоставленный для жительства Великому Князю, какой-нибудь Версаль, Фонтенебло, Мальмезонъ, Рамбули, и въ немъ придворный штатъ, лакеевъ, караулы... Онъ видѣлъ богато отдѣланную золотомъ и мраморомъ церковь въ этомъ большомъ дворцѣ и благолѣпное чинное торжественное служеніе. Иначе и быть не могло: — «блаженнѣе давать, нежели принимать»!.. И, если король англійскій и Русская Императрица умѣли давать королямъ въ изгнаніи, то какъ же долженъ былъ дать французскій народъ!

Когда въ это воскресенье Ферфаксовъ надѣвалъ пестрый бешметъ и яркую черкеску, онъ сокрушенно вздыхалъ. Не такой нарядъ надо было къ Великому Князю, да еще въ церковь къ Божественной литургіи. Монмартскимъ кабакомъ вѣяло отъ плохо сшитой чер-

*) Дѣянія Апостоловъ, Гл. 20 ст. 35.

кески и яркихъ кричащихъ красокъ бешмета. Ну, что же дѣлать? Но какимъ пятномъ они будутъ на фонѣ прекраснаго дворцоваго храма!

Онъ ѣхалъ съ другими хористами въ томъ же вагонѣ, гдѣ ѣхалъ священникъ, который былъ долженъ служить. Пѣвчіе, первый разъ ѣхавшіе по этой грязной захудалой вѣткѣ, смотрѣли въ окна вагона.

День былъ ясный и свѣтлый. Послѣ вчерашняго дождя всюду была грязь и лужи. За станціей Буасси въ окно вагона стали смотрѣть березовые лѣса. Оранжевый папоротникъ густо поросъ между бѣлыми стволами. Золотая, уже очень рѣдкая листва кистями спадала съ вѣтокъ березъ.

— Смотрите, господа... Россія!.. Совсѣмъ, какъ въ Россіи!.. Какъ напоминаетъ наши мѣста У насъ въ Орловской губерніи совсѣмъ такіе лѣса!

Кто-то опустилъ окно.

Ферфаксовъ не видѣлъ сходства съ Россіей. Россія запечатлѣлась въ его памяти громадной, величественной и ароматной. Тутъ не было этого крѣпкаго духа осени, что бывалъ въ Русскихъ лѣсахъ. Голыя и печальныя, съ остатками листвы стояли березы. Туманъ съѣдалъ дали. Да были ли онѣ еще? Не было ли тамъ опять застроено? Черное шоссе перерѣзало лѣсъ. Оно дымило подъ солнцемъ и совсѣмъ не походило на Русскія шоссе. Въ окно несло тошнымъ запахомъ химическаго удобрения. Тяжелый грузовикъ мчался по шоссе... Нѣтъ... Это не Россія!..

Ферфаксовъ вспоминалъ свои юношескія охоты. Какимъ крѣпкимъ, ядренымъ запахомъ несло отъ Русскаго лѣса. Имъ весь пропитаешься. Имъ пахнутъ лѣсники и имъ пахнетъ потомъ въ комнатѣ и отъ собаки. Тутъ и грибъ, и мохъ, и можжевельникъ, и махорка отъ закуренной мужикомъ-охотникомъ крученки, тутъ и деготь и еще, не передашь, какой-то нѣжный запахъ, лѣсныхъ ягодъ что-ли?.. Ручьи пѣли. Сорока хлопотала, высмѣивая охотниковъ и подрагивая своимъ длиннымъ хвостомъ. И тутъ, когда стояли у станціи, налетѣла сорока, но хлопотала она какъ-то по-французски. И Фер-

факсовъ ее не понималъ такъ, какъ понималъ онъ Русскихъ сорокъ.

У маленькой облупленной станціи Santeny-Servon они вышли. На пустой грязной площади, забросанной бумагами удобренія съ полей, ихъ ожидали два автомобиля и маленькій грузовичокъ.

Высокій сухощавый бритый человѣкъ съ военной выправкой ихъ встрѣтилъ — адъютантъ Великаго Князя. Онъ былъ въ штатскомъ, — и Ферфаксовъ замѣтилъ, — не очень новомъ костюмѣ. Всѣмъ мѣста въ автомобиляхъ не хватило и адъютантъ просилъ обождать, пока машины отвезутъ однихъ и вернутся за другими.

— И пяти минутъ, господа, не пройдетъ, какъ машины будутъ обратно.

Но оставшіеся, — все молодежь, — съ ними былъ и Ферфаксовъ, просили разрѣшенія идти пѣшкомъ.

— Такъ хорошо у васъ въ деревнѣ... А воздухъ какой!.. Послѣ Парижа просто не надышешься.... Такъ хорошо.

Каменное, мощеное плитами шоссе, — route nationale — шло въ одну сторону къ Мелюну, въ другую въ Парижъ. Проѣздъ къ нему отъ станціи былъ обсаженъ громадными каштанами. Мокрые широкіе, бурожелтые листья печально свисали съ вѣтвей. Холодная капель упала съ нихъ. По землѣ между опавшихъ склизкихъ листьевъ, валялись бурозеленыя шишки. Сквозь лопнувшую оболочку проглядывалъ блестящій, какъ полированный, коричневый орѣхъ.

Пѣвчихъ все это радовало и восхищало, какъ дѣтей. Они поднимали и брали каштаны на память. Кидали ими другъ въ друга.

Маленькій и такой моложавый, что никто бы не сказалъ, что ему уже за тридцать лѣтъ, теноръ Кобылинъ шелъ рядомъ съ Ферфаксовымъ. Онъ былъ въ такомъ же приподнятомъ настроеніи, какъ и Ферфаксовъ. Все радовало и восхищало его, все казалось ему здѣсь особеннымъ и не такимъ, какъ вездѣ. Все было освящено присутствіемъ Великаго Князя.

— Воздухъ-то!.. Воздухъ!... Какъ ароматное вино

пъешь, — говорилъ Кобылинъ. — Стекло безъ оправы пенсне его блистало на солнцѣ.

На шоссе, слѣва, въ ржавыхъ разбухшихъ георгинахъ и далѣяхъ, былъ маленькій дорожный кабачокъ — «эстаминъ». У него стояла повозка, запряженная осломъ. И она радовала и казалась необычной, какъ все въ этотъ день здѣсь было необычно и радостно. По шоссе прошли шаговъ чetyреста. У большой фермы, отъ шоссе вправо внизъ отходила болѣе узкая дорога, обсаженная причудливо стриженными деревьями. Они своими черными вѣтвями образовали, какъ занавѣсь сбоку дороги. Передъ пѣвчими была глубокая и узкая балка. Ея низина клубилась прозрачными туманами. Сквозь нихъ, какъ сквозь кисею проглядывалъ сѣрый костелъ съ колокольней, купы громаднаго парка и ряды домовъ, стоявшихъ по скату балки одни надъ другими, амфитеатромъ. Все было въ причудливой пестротѣ осеннихъ красокъ. Плющъ свисалъ со стѣнъ. Облѣпиха нѣжными тонкими нитями падала съ кустовъ. Деревня казалась нарисованной. Точно гобеленъ стариннаго мастера.... Нѣтъ... Это не была Русская деревня... Но ей нельзя было отказать въ поэтической прелести.

На днѣ балки, гдѣ былъ каменный съ желѣзными перилами мостъ, рѣка шумѣла водопадомъ. Пестрые утки съ суетливымъ криканіемъ хлопотали на берегу. По растоптанному спуску къ рѣкѣ спускались громадные сѣрые гуси. За рѣкою была ферма. Въ открытыя ворота былъ виденъ просторный дворъ, и на немъ шестерикъ бѣлыхъ воловъ въ ярмахъ. Все говорило о сытости, довольствѣ и рабочей мирно размѣренной жизни. Послѣ Парижа съ его суетой здѣсь все дышало покоемъ и миромъ.

Со двора навозомъ пахло. И это восхитило.

— Господа, чувствуете.... *Heimats Duft*... Навозъ то, какъ у насъ... Вотъ она настоящая-то деревня!..

Въ деревнѣ свернули въ тѣсный узкій переулочекъ между высокихъ каменныхъ стѣнъ и стали подниматься по пологому подъему изъ балки. За нимъ открылась аллея высокихъ раинъ. Блѣдно-зеленый, осенній точно больной листъ трепеталъ кое-гдѣ на простертыхъ къ

небу прямыхъ вѣтвяхъ. Вправо отъ аллеи зеленый лугъ спускался къ ручью. За ручьемъ были черныя, запахан-ныя поля. Здѣсь и точно походило на Россію.

Аллея уперлась въ высокія желѣзныя ворота. Хмурый мордастый человѣкъ во французской непромокай-кѣ и въ свалывшейся грязнаго цвѣта шапкѣ-кубанкѣ открылъ ворота.

Ни почетныхъ часовыхъ, ни блестящихъ мунди-ровъ, ни оружія, взятаго на караулъ, не увидалъ здѣсь Ферфаксовъ.

Широкій проѣздъ-аллея, усыпанный гравіемъ и чи-сто подметенный велъ къ небольшому бѣлому каменно-му дому въ два этажа съ третьимъ-мансардой. Откры-тое каменное крыльцо съ вазами на перилахъ выступало на лицевой сторонѣ. На немъ толпились пріѣхавшіе на машинахъ пѣвчіе. Противъ крыльца, на подстрижен-ныхъ газонахъ, доцвѣтали «осени поздней цвѣты за-поздалые»: астры, петуніи, вербены и настурціи. Вправо отъ дома, образуя сводъ надъ прямоугольной площад-кой, росли громадныя раскидистыя липы. За домомъ были оранжереи и низкая каменная стѣнка отдѣляла отъ парка огородъ.

Красивый выправленный человѣкъ въ черномъ сюр-тукѣ и сѣрыхъ брюкахъ, съ аристократическимъ лицомъ, въ сѣдой подстриженной бородкѣ и въ усахъ подошелъ къ прибывшимъ и привѣтствовалъ ихъ отъ имени Ве-ликаго Князя.

Онъ провелъ пѣвчихъ въ маленькую гостиную и просилъ тамъ обождать, пока не будетъ все готово для службы.

Ферфаксовъ вошелъ однимъ изъ послѣднихъ и такъ же, какъ и другіе остановился въ изумленіи. Въ гости-ной было одно окно. Оно имѣло сплошное стекло безъ переплета. И точно въ темную раму была вставлена пре-красная картина. На широкомъ лугу, чуть покосившись, стояла большая береза. По самой серединѣ луга росла раскидистая «аккуратная» ель. За ними, въ отдаленіи, гу-стою стѣною темнѣлъ лѣсъ. Небо сѣрѣло за нимъ, за-волакиваясь туманами.

Точно Россія заглядывала тутъ въ окно Великокня-

жеской дачи. Она заглянула въ это скромное изгнанническое жилище Великаго Князя Николая Николаевича, Верховнаго Главнокомандующаго Россійскихъ Императорскихъ Армій въ Великую войну, заглянула и заплакала слезами простого Русскаго человѣка, понявшаго здѣсь величайшее горе, страшный позоръ измѣны и неблагодарности, поразившихъ великую и благородную нѣкогда Россію. Ея Великій Князь и народный герой ютился въ этой маленькой, бѣдно убранной дачѣ, со стѣнами, обитыми старой матеріей, гдѣ надъ широкой тахтой громадная стратегическая висѣла карта.

Карта Россійской Имперіи.

XI.

По узкой лѣстничкѣ, прилѣпившейся къ стѣнѣ, такой узкой, что вдвоемъ нельзя было идти, спустились въ церковь. Она была устроена въ боковой пристройкѣ дачи, стоявшей прямо на землѣ. Должно быть, здѣсь былъ раньше кабинетъ владѣльца Шуаньи. Полъ былъ покрытъ соломенной циновкой. Нѣсколько недорогихъ ковровъ лежало посерединѣ и по сторонамъ. Эта комната была перегороджена дощатымъ иконостасомъ, окрашеннымъ коричневой краскою. Верхъ иконостаса былъ раздѣланъ «кремлевскими» зубцами. Три плоскихъ, выпиленныхъ изъ досокъ купола были надъ вратами. Одинъ побольше надъ царскими, два поменьше, надъ малыми. Они были покрашены въ синюю краску и по нимъ были нарисованы золотыя звѣздочки. Подъ куполами были бѣлыя башенки съ нарисованными на нихъ окнами звонницъ. По иконостасу и по стѣнамъ были развѣшаны иконы. Тутъ были маленькія, семейныя, очень старинныя и цѣнныя и между ними висѣли простыя, писанныя на доскахъ, и просто печатанныя на бумагѣ иконы. Небольшія хоругви съ наклеенными на шелку бумажными образами стояли по бокамъ малыхъ вратъ.

Приведшій въ церковь человѣкъ въ сѣдой бородачѣ пояснилъ пѣвчимъ:

—Вся церковь сдѣлана собственноручно Великой Княгиней.

Все въ церкви было просто и бѣдно и въ тоже время изящно и умирительно-трогательно. Передъ большими иконами свѣшивались на бронзовыхъ цѣпяхъ лампы, сдѣланныя изъ распиленного пополамъ кокосоваго орѣха, въ который были вставлены цвѣтнаго стекла стаканы съ масломъ.

Простые деревянные свѣщники, жидкіе аналои: все было бѣднѣе, чѣмъ въ сельской церкви въ Россіи.

Безъ ничего, все отдавъ и оставивъ въ Россіи, пришелъ сюда, ничего ни у кого не прося, Великій Князь, и здѣсь заботами и трудами Великой Княгини устроена была эта скромная церковь-молельня.

И не нашлось ни Русской, ни Французской руки, что воздвигли бы Великому Князю, спасителю Франціи, достойный для возношенія молитвъ храмъ.

Обстановка крошечной церкви трогала. Это чувствовалъ не только Ферфаксовъ, но это было замѣтно по тому, съ какимъ волненіемъ входили и другіе пѣвчіе. Воронинъ совѣщался, гдѣ имъ стать. На крылосѣ, — собственно крылоса почти и не было, — они, — ихъ было двадцать три человѣка — не помѣщались. Рѣшили стать въ алтарѣ.

Проскомидія кончилась. Чтецъ — это тоже былъ офицеръ въ штатскомъ, — кончилъ чтеніе и отнесъ книги въ алтарь. Въ церкви наступила тишина ожиданія. Передъ лѣстницей у окна стали три дамы и съ ними три пожилыхъ человѣка. Три казака въ штатскомъ платьѣ стали передъ большою желѣзною печью.

Священникъ рукою отодвинулъ голубую шелковую завѣсу и раскрылъ царскія врата. Въ маленькой церкви наступила напряженнѣйшая тишина. Чуть слышно бряцало кадило въ рукахъ у священника. Скрипнула лѣстница. По ней спускались Великій Князь и Великая Княгиня.

Великій Князь былъ въ длинномъ штатскомъ сюртукѣ и въ высокихъ сапогахъ. Этотъ костюмъ необычайно

шелъ и къ его громадному росту и ко всей его военной осанкѣ и строгой «Николая I» выправкѣ. Великая Княгиня была въ старомодномъ, длинномъ до носковъ платьѣ. Они стали въ углу церкви и Ферфаксову было видно, что они оба совершенно ушли въ молитву. Ихъ настроеніе передалось всѣмъ. Въ церкви было тихо. Никто не двигался. Никто не переходилъ съ мѣста на мѣсто. Чернобородый съ сѣдиною, съ блѣднымъ постнымъ лицомъ священникъ служилъ вдохновенно, вознося молитвы «о многострадальной Родинѣ нашей, землѣ Россійской»... Хоръ, отдаваясь вдругъ ставшему въ церкви настроенію, пѣлъ такъ, какъ никогда раньше не пѣлъ. Воронинъ дирижировалъ мягко, и тихо шли голоса, сливаясь въ полную гармонию.

Здѣсь и подлинно была Россія. Здѣсь остановилась жизнь. Сюда не пришла кровавая революція. Здѣсь не знали и не признали кроваваго краснаго знамени. Здѣсь, въ углу храма, свѣсаясь длиннымъ языкомъ, стоялъ значекъ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, выдавшій побѣды подъ Плевной и Шипкой, стоявшій у стѣнъ Константинополя. Эта Россія обѣднѣла, обнищала, потеряла все свое имущество, эта Россія голодала, она ушла въ изгнаніе, но она не поклонилась ни золотому тельцу, ни пятѣ антихриста.

Она не стяжала богатствъ, но и сюда въ изгнаніе, сюда въ плѣнъ принесла суровое служеніе Родинѣ, свято исполняемый солдатскій долгъ.

Ферфаксовъ и въ этой скромной церкви и во всемъ обиходѣ Великаго Князя и Великой Княгини почувствовалъ величавое презрѣніе къ богатству и роскоши.

Ферфаксовъ думалъ и, какъ онъ это часто и особенно когда бывалъ въ церкви, думалъ словами священнаго писанія... «Ибо всякая плоть, какъ трава, и всякая слава человѣческая, какъ цвѣтъ на травѣ, засохла трава и цвѣтъ ея опалъ; но слово Господне пребываетъ во вѣкъ» *).

«Засохла трава былыхъ богатства и почета. Опалъ цвѣтъ преклоненія всей Франціи, всей Европы передъ ве-

*) Первое Соборное Посланіе св. ап. Петра. Глава I ст. 24 и 25.

ликимъ полководцемъ и спасителемъ.... Но слово Господне пребывало съ нимъ. И будетъ пребывать въ вѣкъ»...

Послѣ обѣдни пѣвчихъ выстроили въ маленькой гостиной, бывшей передъ лѣстницей. Великій Князь вышелъ къ нимъ и здоровался съ каждымъ за руку. Онъ разспрашивалъ, гдѣ кто служилъ и гдѣ былъ въ великую войну.

— Вы гдѣ получили георгіевскій крестъ? — спросилъ Великій Князь Ферфаксова.

— У станціи Званецъ, Ваше Императорское Высочество, — четко отвѣтилъ Ферфаксовъ и лицо его стало бурнымъ отъ смущенія.

— А... Въ конной атакѣ заамурцевъ!

— Такъ точно, Ваше Императорское Высочество.

Великій князь обратился къ Великой Княгинѣ и сказалъ: — помнишь Ранцева?

Ферфаксовъ хотѣлъ сказать, что ротмистръ Ранцевъ живъ, что онъ находится въ Парижѣ, но не осмѣлился.

— Благодарю васъ, господа, за ваше пѣніе. Вы прекрасно пѣли... Такая это отрада. Особенно мнѣ понравилось, какъ вы пѣли «Вѣрую». Именно такъ я привыкъ и люблю, чтобы пѣли. Просто и въ то же время съ глубокимъ чувствомъ.

Ферфаксовъ обратилъ вниманіе, что за завтракомъ самое почетное мѣсто въ головѣ стола было предложено священнику. По правую руку отъ него сѣла Великая Княгиня и по лѣвую руку Великій Князь. И это уваженіе къ духовному лицу тронуло Ферфаксова. Да, здѣсь была подлинная Россія со всѣми ея чистыми и святыми обычаями.

Завтракъ былъ простой и очень скромный. Послѣ завтрака Воронинъ просилъ разрѣшенія спѣть нѣскольکو пѣсенъ.

— А вы не устали, господа? — сказалъ Великій Князь. — Цѣлую обѣдную спѣли...

Но объ усталости при общемъ нервномъ подъемѣ не могло быть и рѣчи.

Въ столовой убрали столы. Двери изъ нея откры-

ли въ маленькую прихожую подлѣ наружныхъ дверей. Тамъ на простыхъ лѣтнихъ соломенныхъ диванахъ и креслахъ сѣли Великій Князь съ княгиней, тѣ пожилыя дамы и старые люди, которые были въ церкви сѣли сзади нихъ. Вдоль стѣнъ стало человѣкъ пять офицеровъ и казаковъ охраны Великаго Князя. Всѣ были въ штатскомъ.

Хоръ Воронина былъ очень хорошій хоръ, но, какъ всѣ хоры, образовавшіеся за границей, онъ имѣлъ репертуаръ «подъ иностранца». Онъ пѣлъ не Русскія пѣсни цѣликомъ, но «попурри» изъ Русскихъ и малороссійскихъ пѣсенъ. И выборъ ихъ былъ тоже такой, какой больше по вкусу ресторанной публикѣ. Раньше Ферфаксовъ не думалъ объ этомъ. Теперь, увидѣвъ глубокое вниманіе, съ какимъ приготовился ихъ слушать Великій Князь, серьезность на его лицѣ, Ферфаксовъ понималъ, что здѣсь Русская пѣсня, не развлеченіе, но память о Россіи и здѣсь она будетъ почти, какъ молитва.

Въ ихъ пѣннѣ «Кудеяръ-атаманъ», сливался съ «Вечернимъ звономъ», потомъ слѣдовала «Ноченька» и все замыкалось «Вдоль по Питерской». Они спѣли и серенаду Абта, пѣли и еще пѣсни, и видѣли вниманіе Великаго Князя, и здѣсь, какъ и въ церкви, не разговаривали, но слушали, вспоминая другія времена, другія пѣсни.

Былъ сдѣланъ маленькій перерывъ.

—Вы прекрасно поете, господа, — сказалъ Великій Князь, — я очень вамъ благодаренъ. Давно я не слышалъ Русскихъ пѣсенъ.

Пѣвчіе поклонились. Маленькій Кобылинъ вышелъ впередъ. Его лицо стало блѣднымъ, совсѣмъ бѣлымъ отъ волненія. Изъ оконъ прихожей свѣтъ упалъ на его пенснэ и отъ этого казалось, что его глаза горѣли сверкающимъ огнемъ. Съ чувствомъ, за душу берушимъ теноромъ, онъ началъ:

— ...Пусть свищутъ пули, пусть льется кровь,
Пусть смерть несутъ гранаты....

Хоръ мягко принялъ отъ него запѣвокъ и понесъ

сначала, какъ несутъ полную чашу, боясь ее расплескать:

— Мы смѣло двинемся впередъ,
Мы — Русскіе солдаты!

Благоговѣйное молчаніе стояло кругомъ. Жизнь остановилась. Воспоминанія нахлынули. Пѣвчіе пережили все то, что они пѣли. Хоръ преобразился. Солдаты пѣли свою боевую пѣсню передъ самымъ уважаемымъ, предъ старшимъ своимъ с о л д а т о м ъ. И отъ того, все больше и громче были голоса и все смѣлѣе и увѣреннѣе пѣлъ хоръ. Звуки нарастали. Въ гармоніи были и гроза и та вѣра, что движетъ горами.

— ...Впередъ же дружно на врага,
Впередъ, полки лихіе!
Господь за насъ — мы побѣдимъ!
Да здравствуетъ Россія!..

Этотъ послѣдній куплетъ былъ воплемъ, полнымъ страстной вѣры. Онъ звучалъ призывомъ и повелѣніемъ. Ферфаксовъ видѣлъ, какъ слезы текли по взволнованному лицу Великой Княгини, и слеза показалась на голубосѣрыхъ глазахъ самого Великаго Князя.

Слова: «мы побѣдимъ», пѣвчіе выкрикнули съ такою силою, что окна задрожали. Казаки у стѣны заливались слезами. Великій Князь всталъ, молча, низко поклонился хору и быстрыми шагами вышелъ изъ прихожей. За нимъ вышла Великая Княгиня. У крыльца уже стояли автомобили и грузовичекъ. Было время ѣхать на поѣздъ. Старый генераль передалъ пѣвчимъ глубокую благодарность Великаго Князя за то душевное удовольствіе, которое они ему доставили. Пѣвчіе стали разсуживаться по машинамъ.

ХІІ.

Въ вагонѣ Ферфаксовъ сѣлъ въ сторонѣ отъ своихъ товарищей. Онъ хотѣлъ быть одинъ. Все то, что онъ видѣлъ и перечувствовалъ, надо было продумать и пережить. Онъ торопился къ Ранцеву. Ему, Петру Сергѣевичу, рассказать. Ему вылить все то, что онъ теперь чувствовалъ, и въ чемъ не могъ разобраться.

Петрикъ его ожидалъ. Было темно. Ноябрьскій день догоралъ. Сквозь туманы и мглу надоѣдливо играли огни Эйфелевой башни. Нагло било въ глаза богатство однихъ и нищета другихъ. Къ золотому тельцу, казалось, зывали эти пестрые огни и было въ нихъ что-то страшное. Петрикъ не пустилъ въ своей комнатѣ электричество.

Ферфаксовъ, волнуясь и торопясь, рассказывалъ все то, что онъ только что видѣлъ и что онъ слышалъ въ Шуаньи.

— Ты понимаешь, Петръ Сергѣевичъ, эти слезы на глазахъ Великаго Князя... Все это было не такъ, какъ я ожидалъ... Можетъ быть, въ сто... въ тысячу разъ лучше, выше, благороднѣе, но только не такъ... Ты понимаешь... Онъ не король въ изгнаніи... Тамъ не было ни часовыхъ, ни придворныхъ... Все просто... Онъ.. плѣнникъ... Да... да... У него бывали маршалы Жоффръ и Фошъ, его друзья, его боевые соратники... Но... потаясь!.. Ты понимаешь силу этого слова. Онъ обѣщалъ не бывать въ Парижѣ... Онъ никуда не ѣздитъ изъ Шуаньи.... А Шуаньи, это не дворецъ... Это дача... скромная дача, имъ купленная для того, чтобы жить... Онъ ждетъ.... Россіи... А тѣ... признали грязную, кровавую республику позорнаго Брестскаго мира. Имъжимаютъ руки... На ихъ рукахъ кровь милліона французовъ. Петръ Сергѣевичъ, его не признали... Онъ для нихъ только эмигрантъ... Выходить... на иностранную помощь у насъ нѣтъ никакой надежды... А мы то!..

— Я все это зналъ, — тихо сказалъ Петрикъ — Я ни одной минуты на иностранцевъ не рассчитывалъ.

— Какъ?.. Почему?.. Откуда ты это зналъ?..

— Когда я былъ въ Тибетскомъ монастырѣ, тамошній настоятель, монголь Джорджіевъ, нарисовалъ мнѣ въ своихъ бесѣдахъ такую картину паденія нравовъ въ Западной Европѣ и въ Америкѣ, что просто жутко стало. Культурные народы идутъ къ гибели...

— Но ты ничего мнѣ не рассказывалъ?

— Давно ли мы съ тобою встрѣтились и много ли успѣли поговорить?.. Да, вообще я этого никому не рассказываю... Не поймутъ и не повѣрятъ.

— Но, постой... Россію-то надо спасти.

— Да, конечно, надо.

— И спасти ее должны мы. Въ этомъ нашъ долгъ и оправданіе нашей свободной жизни заграницей.

— Насъ призывали собирать по франку въ мѣсяцъ на спасеніе Россіи... Насъ «бѣженцевъ» поболѣе милліона. Значить, двѣнадцать милліоновъ — вотъ нашъ годовой бѣженскій бюджетъ.... Скажи мнѣ, ощутилъ ты эти двѣнадцать милліоновъ, когда былъ у Великаго Князя? Вѣдь это такая сумма, съ которой и инвалиды и всѣ неимущіе были бы удовлетворены... Это сумма, при которой у Великаго Князя было бы необходимое представительство.

Ферфаксовъ молчалъ. Въ тихую комнату Петрика было слышно, какъ тремя этажами ниже граммофонъ игралъ фоксъ-тротъ. По корридору мимо комнаты Петрика, постукивая каблучками башмачковъ, прошла Татьяна Михайловна. Она напѣвала вполголоса:

— ...Y a des loups, Huguette, y a des loups,
Des loups qui vous guettent et qui font — hou!.. *).

— Дима, — крикнула она въ пространство, — скоро ты будешь готовъ?.. Сусликовы насъ внизу ожидаютъ... Пора въ театръ ѣхать.

За окномъ играли, переливаясь въ пестромъ рисун-

*) Волки, Угеттъ, волки повсюду,

Они васъ подстерегаютъ и рычатъ — гу!

кѣ, огни Ситроена на Эйфелевой башнѣ. Внизу шумѣлъ, гудѣлъ и пѣлъ свой страшный гимнъ города Парижъ.

— Это все масоны дѣлають, — убѣжденно сказалъ Ферфаксовъ.

— Масоны? — сказалъ Петрикъ, поднимая на Ферфаксова голову. — — Какіе?.. гдѣ масоны? — онъ точно отъ сна очнулся.

— Они всюду... Они въ Лигѣ Націй... Это они устраивають всѣ эти признанія... Всѣ эти позорныя Генуи, Рапалло, Локарно... Все ими устроено. Они, втираясь въ нашу бѣженскую среду, разрушають все: церковь, офицерское общество... Они вносятъ расколъ... Они губятъ Россію... А сколько за эти годы пошло и нашего брата въ масоны!..

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? они хотятъ спасти Россію.

— Черезъ масоновъ?

— Ну да... За этимъ и идутъ.

— Я думаю, что не за этимъ. Какъ это могутъ масоны спасти Россію?... Гдѣ масоны и гдѣ Россія? Если Россія, то христіанская Россія... Внѣ христіанской вѣры нѣтъ и Россіи. Это ея миссія, это ея назначеніе... Масоны враги христіанства.

— Ты это точно, вѣрно знаешь?

Петрикъ промолчалъ. Онъ не зналъ этого: онъ это только чувствовалъ.

— Знаешь, пойдемъ къ масонамъ... Намъ надо... Мы должны... Мы офицеры кавалеристы... Мы должны знать, кто они: враги или друзья Россіи?..

Петрикъ ничего не отвѣтилъ. Онъ сидѣлъ, опустивъ голову на ладони рукъ. Его лица совсѣмъ не было видно. У самой ихъ двери остановилась Татьяна Михайловна и громко пропѣла:

— ...Y a des loups, Huguette, y a des loups,
Quand on est coquette, y a des loups partout.... *).

*) Волки, Угеттъ, волки —

И, если красива — волки повсюду.

ХІІІ.

Бываетъ бѣдность опрятная, даже щеголеватая ка-кая-то бѣдность. Точно говоритъ: «вотъ, молъ, и бѣд-ны мы до крайности, но воздухъ у насъ чистый, на окнѣ виситъ занавѣска, по стѣнамъ приколоты открытки или карточки какія-нибудь и въ углу устроена бумажная иконка. Мы Бога не забыли». Такую бѣдность видѣлъ Петрикъ у Татьяны Михайловны, у Ферфаксова и у мно-гихъ другихъ обитателей отеля Модернъ. Въ этой бѣд-ности нѣтъ ничего унижающаго. Видно стремленіе по-бѣдить бѣдность и чувствуется не потерянная вѣра въ лучшее будущее. Но бываетъ бѣдность грязная, неоп-рятная, гдѣ чувствуется, что человѣкъ дошелъ до кон-ца силъ въ своей борьбѣ и больше бороться не можетъ: такая бѣдность удѣлъ холостяковъ и стариковъ. При-бирать за ними некому, а сами они по немощи уже не могутъ слѣдить за собою. Такую грязную, неопрятную, ужасающую бѣдность нашелъ Петрикъ у Старого Ржон-да.

Онъ разыскалъ его съ трудомъ, въ отдаленномъ кварталѣ Парижа, у самыхъ укрѣпленій, недалеко отъ парка Монсури, — парка бѣдныхъ влюбленныхъ парочекъ.

Уличка St.-Yves начиналась крутой лѣстницей, по-добіемъ крѣпостной потерны. Когда Петрикъ поднялся по этой лѣстницѣ съ очень старыми избитыми време-немъ ступенями, онъ очутился въ совсѣмъ особенномъ Парижѣ. Улица была короткая. На ней мало было до-мовъ, да и тѣ были небольшіе, сѣрые двухъ и трехъ этажные. Они чередовались заборами и складами съ са-раями. Въ улочкѣ было безлюдно и тихо. Парижъ съ его шумами и грохотомъ остался позади. Надъ старымъ уз-кимъ трехъэтажнымъ облупленнымъ и грязнымъ до-момъ, чуть замѣтная висѣла вывѣска «hôtel». Имени у отеля не было никакого. Петрикъ съ трудомъ доискался какого-то отрешеннаго малаго, который долго не могъ понять, чего хочетъ отъ него Петрикъ. Фамилія

Ржондпутовскаго не вмѣщалась въ его французской головѣ. Слишкомъ сложна была она для него.

— Ah, les Russes, — наконецъ, догадался онъ и указалъ, что Русскіе, — въ голосъ его было неприкрытое пренебреженіе, — живутъ на третьемъ этажѣ въ № 15-мъ. Туда и направился Петрикъ. Лѣстница была темная, даже и днемъ, и очень узкая. Въ тѣсномъ коридорѣ Петрикъ не столько разобралъ, сколько нащупалъ пятнадцатый номеръ. Онъ постучалъ въ тонкую дощатую дверь.

— Войдите, — раздался за дверью старческій слабый голосъ.

Петрикъ открылъ дверь. На тускломъ свѣтѣ фонѣ небольшого окна онъ увидалъ старика въ сѣдой бородѣ. Онъ сидѣлъ въ рыжей англійской шинели и на подоконникѣ, на разостланномъ газетномъ листѣ набивалъ папиросы.

— Кто вы такой будете? — строго спросилъ старикъ.

Петрикъ назвалъ себя. Старикъ порывисто всталъ и заключилъ Петрика въ объятія.

Петрикъ думалъ, что меньше той комнаты, какую онъ занималъ въ отелѣ Модернъ, и быть не можетъ. Комната Старога Ржонда была въ два раза меньше комнаты Петрика. У Петрика почти всю комнату занимала широкая «національная» кровать, здѣсь у стѣны стояла небольшая и узкая, простая желѣзная койка. Она была небрежно послана. Двѣ смятыя и грязныя подушки лежали на ней рядомъ, показывая, что на ней спятъ вдвоемъ. Въ ногахъ постели и совсѣмъ въ углу стояла старая дѣтская колясочка, служившая, вѣроятно, постелью для ребенка. Остальное до стѣны пространство было такъ узко и мало, что Петрикъ съ трудомъ могъ протиснуться по нему навстрѣчу Старому Ржонду. Въ углу, однако, былъ умывальникъ съ проведенной водой. На грязной его чашкѣ, на прокопченной картонной доскѣ, стоялъ сильно помятый и облупленный примусъ. У окна былъ соломенный стулъ, съ него то и поднялся Старый Ржондъ. На стѣнѣ между умывальникомъ и дверью висѣли на гвоздяхъ два женскихъ платья и старая Русская

военная фуражка съ неснятой кокардой. Больше ничего въ этой комнатѣ-вертепѣ не было.

— Боже мой... Боже мой, — волнуясь и трясущимися руками оправляя постель, говорилъ Старый Ржондъ, — въ какомъ паденіи ты насъ застаешь, милый мой Петръ Сергѣевичъ. Кажется, уже дошли до дна... Дальше-то и некуда. Садись вотъ на стулъ. Да, дожили... Такъ дожили, что и умирать не полагается...

Старый Ржондъ усадилъ Петрика на единственный стулъ, самъ сѣлъ на постель. Ихъ колѣни соприкасались.

Запахъ керосиновой холодной гари и чего-то съѣстнаго, сильно приправленнаго лукомъ, смѣшиваясь съ запахомъ несвѣжаго бѣлья, дѣтскихъ рубашечекъ и кислымъ запахомъ табака, першилъ въ горлѣ Петрика. Вездѣ были грязь и пыль. Скомканное дѣтское одѣяльце и простынки валялись въ колясочкѣ, на зеркало надъ умывальникомъ были приклеены для просушки только что тутъ же въ комнатѣ выстиранные дѣтскіе штанишки. Пыль подъ кроватью давно не выметалась. Подушки были въ сѣро-желтыхъ давно не смѣняемыхъ наволочкахъ.

Старый Ржондъ замѣтилъ бѣглый взглядъ Петрика. Онъ поспѣшно, какимъ-то стыдливымъ движеніемъ сбросилъ съ зеркала штанишки и кинулъ ихъ подъ подушки.

— Не суди насъ съ Анелей, миленькій, — сказалъ онъ. — Бѣдность не порокъ, но, ахъ какое свинство! Эта грязь насъ обоихъ такъ угнетаетъ, что ты и представить себѣ не можешь. Анелька, бѣдняжка, изъ силъ выбивается. Чтобы поспѣть на метро, — она у самага гаръ сенъ Лазарь служить, — ей надо въ половина шестого встать. Надо все для ребенка приготовить, одѣться, прибраться. Тамъ вѣдь тоже никакъ нельзя безъ кокетства. Ну и волосы подвить надо и краску наложить, такъ по ихъ формѣ требуется. Домой еле къ восьми поспѣваетъ. Назадъ ѣхать... Въ метро то давка... очереди... духота.. А дома и ужинъ надо сготовить, подстирать за ребенкомъ, прибраться... Такъ устанетъ, бѣдняжка!.. Одна мысль — спать. Лежить подлѣ меня, какъ мертвая. Не шелохнется... Иной разъ прислушаешься, — да дышетъ ли? А меня,

миленькій, безсонница томить. А пошевелиться боюсь, ее бы не потревожить. Такъ и коротаю ночь въ думахъ, да проектахъ разныхъ...

Старый Ржондъ пожевалъ губами и замолчалъ. Петрикъ не нашелся, что сказать. Все, что онъ видѣлъ, поразило его. Такой нищеты, такого паденія онъ еще и не видалъ.

— Конечно, — продолжалъ Старый Ржондъ, — мнѣ бы надо было прибирать здѣсь. Полы помыть и все такое. Такъ вѣдь, миленькій, старъ я сталъ. Нагнусь, а кровь къ головѣ прильетъ, въ глазахъ потемнѣетъ. Боюсь я: грохнусь, да такъ и не встану. Больше всего удара боюсь.... Помирать это что!... Всѣ помирать будемъ, а вотъ, какъ слягу, ну, куда я больной то дѣнусь. Прошлый годъ ночнымъ сторожемъ служилъ, все прирабатывалъ немного, ей на помощь. Прознали, что мнѣ больше шестидесяти, ну и прогнали... Теперь вотъ... младенца пасу... Днемъ, когда солнышко, въ паркъ пойдемъ. Тутъ паркъ недалеко. Сядемъ на скамеечкѣ... Няньки... дѣти кругомъ... И я съ ними....

Старый Ржондъ тяжело вздохнулъ. Отъ этого вздоха жутко стало Петрику.

— Георгіевскій кавалеръ Россійской Императорской Арміи... Съ няньками... съ колясочкой... съ ребенкомъ... Такъ-то... — прошепталъ Старый Ржондъ.

Послѣ этого долгая и страшная наступила тишина. Ни Петрикъ, ни Старый Ржондъ ее не прерывали. За тусклымъ и грязнымъ окномъ скупое свѣтило ноябрьское солнце. На дворѣ хрипло пропѣлъ пѣтухъ и кудахтали куры. Не умолкая, точно какая-то неумолимая машина времени, стукоталъ, гремѣлъ и пѣлъ пѣсню города Парижъ. Страшной казалась эта пѣсня.

— На прошлой недѣлѣ, — оживляясь и точно сбросивъ тяжелыя думы о своей бѣдности, началъ снова Старый Ржондъ, — заходилъ къ намъ Факсъ... Милый мальчикъ, онъ таки забѣгаетъ къ намъ иногда вечеромъ, когда Анеля вернется со службы. Рассказывалъ... Подумай, Петръ Сергѣевичъ... У самого Великаго Князя былъ... Завтракалъ у Верховнаго... И что я тогда, миленькій, надумалъ. Вѣдь я Дальній-то Востокъ во какъ

знаю, какъ свои пять пальцевъ. Чан-Дзо-Лина, нынѣшняго Манчжурскаго диктатора, мало-мало что не нянчилъ.... Во, какимъ карапузомъ видалъ. Ты, миленькій, не смотри, что я старъ. Мнѣ бы то есть, до коня бы только добраться... А тамъ... я... Человѣкъ бы пять со мной.. Ядро... Ты, конечно, Факсъ... Еще кого искалъ бы... Я бы тамъ такой отрядъ организовалъ бы. Тамъ абы только зацѣпиться. Тамъ, братъ, бо-о-ольшія возможности. Опять атамана Семенова я хорошо знаю... По-китайски говорю прекрасно. Семеновъ изъ Монголіи на Хайларъ и на станцію Манчжурію, я бы на Пограничную и на Владивостокъ... Хунхузовъ бы набралъ... «Ходей» *). Ей-Богу можно... Я вотъ письмо приготовилъ объ этомъ Великому Князю. Цѣлый докладъ. Пусть вспомнитъ старика.... Назначить... Прикажетъ... Пишу еще письмо Англійскому королю и Американскому президенту, потому, самъ понимаешь, безъ денегъ такого дѣла не осилишь. Добраться какъ-то надо... Хотя бы и палубнымъ пассажиромъ... Безъ церемоній... Что тамъ за церемоніи?! Для Россіи!. Вотъ переведемъ все это на англійскій языкъ, да перепишемъ на министерской бумагѣ.... Надо и на это средства... Да найдемъ!.. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей... Съ послами переговорю... Я живу, миленькій, этимъ... Авось и моя старость куда-нибудь да пригодится.

На сѣрыхъ и совсѣмъ выцвѣтшихъ глазахъ Старого Ржонда блеснула слеза. Петрикъ положительно не зналъ, что ему сказать. Такъ не хотѣлось добивать старика. Видѣлъ Петрикъ всю тщетность мечтаній Старого Ржонда, но какъ упрекнетъ его и разочаруетъ, когда въ самомъ такія же мечты живутъ и не умираютъ, не смотря ни на какія разочарованія?

— Конечно, Максимъ Станиславовичъ... Хорошее это дѣло... На Дальнемъ Востокѣ и точно можно работать... Тамъ Азія, а Азія насъ и наше горе скорѣе пойметъ. Только какъ все это провести?.. Отсюда? Вѣдь мы не у себя дома.

— Обдумалъ... Обдумалъ все, миленькій. Очень да-

*) Ходей — китаецъ.

же я понимаю, что мы не у себя дома... Я и французскому президенту письмо готовлю... Ты, Петръ Сергѣевичъ, въ союзѣ Георгіевскихъ кавалеровъ состоишь?

— Нѣтъ.

— Почему?

Петрикъ замялся.

— Деликатное дѣло, Максимъ Станиславовичъ. Очень я старорежимный, все не могу привыкнуть къ этимъ разнымъ «союзамъ». Все мнѣ странно кажется... Военные, армія — и союзъ... Заработки мои малые... Членскій взносъ, хоть и малый, такъ вѣдь онъ не одинъ, — смущаетъ... Времени нѣтъ... Состоять и не бывать на собраніяхъ полагаю неудобнымъ... Да и послѣдніе годы моей жизни я какъ-то ушелъ отъ людей, замкнулся въ себѣ... Просто — одичалъ... Но, конечно, запишусь и въ этотъ союзъ, разъ вы найдете, что надо.

— Да какъ же, миленькій не надо то. Что я, или ты одинъ? Прахъ. Бѣженская пыль... Ну а союзъ!... Представь себѣ, весь нашъ союзъ въ полномъ составѣ, честь честью является въ Елисейскій дворецъ къ президенту. Такъ молъ, и такъ, мы, которые... Кровь вмѣстѣ проливали... Которымъ вы обязаны и славой и миромъ... Вы обязаны... А мы только просимъ помочь устроить экспедицію... Когда будетъ нужно поддержать флотомъ... Ну и обѣщанія... Ихъ купить надо... Тамъ концессіи что ли какія. Тебя... Меня... не послушаетъ, ну а цѣлый организованный союзъ храбрыхъ... Какъ не принять? Мы имъ своимъ честнымъ рыцарскимъ словомъ долги довоенные и военные заплатить обѣщаемъ... Союзъ — сила.

Петрикъ молчалъ. Ничего не могъ онъ возразить или прибавить. Онъ видѣлъ, онъ зналъ, что это все несбыточные, неосуществимыя мечты, но какъ скажетъ онъ это Старому Ржонду, когда Старый Ржондъ только этимъ и живетъ.

Старый Ржондъ съ трудомъ поднялся съ постели. Короткая рыжая шинелька лохмотьями висѣла на изхудаломъ тѣлѣ. Старый Ржондъ пошатнулся отъ слабости и ухватился за край умывальника.

— Что это я, старый дуракъ, такъ заболтался, — сказалъ онъ и сталъ шарить между бумагами на пол-

кѣ. — Соловья баснями не кормятъ... Сейчасъ я тебѣ чайку изготавлю.

— Не надо... Не надо, Максимъ Станиславовичъ. вамъ беспокоиться. Я уже пилъ чай дома... Давайте мы лучше съ вами поговоримъ.

— Куда это Анеля задѣвала, — ворчалъ про себя старикъ. — Я помню былъ таки у насъ чай. И сахаръ оставался...

Съ полки въ умывальникъ упала горбушка сухого хлѣба. И по тому, что оставалось на полкѣ, трудно было предположить, что тамъ могутъ быть чай и сахаръ. Тамъ оставались пакетикъ табаку, баночки съ губною помадою и краскою, да лежала пачка завивалокъ «бигуди».

— Все дамскія штучки, — ворчалъ Старый Ржондъ. — А нельзя ей безъ этого.

Петрикъ осторожно, за спиною Старога Ржонда, полѣзъ въ боковой карманъ своего пиджака. Тамъ у него въ старомъ бумажникѣ лежала вчерашняя получка, сто семьдесятъ франковъ, то, на что онъ долженъ былъ жить двѣ недѣли. Онъ вынулъ стофранковый билетъ и засунулъ его подъ подушку. Но въ той тѣснотѣ, гдѣ они были, трудно было это сдѣлать незамѣтно, хотя и не свѣтило болѣе солнце и ноябрьскіе надвигались сумерки. Старый Ржондъ все увидалъ въ зеркало. Онъ быстро повернулся, чуть не упалъ и, охвативъ Петрика старыми, узловатыми пальцами за плечи, припалъ губами къ губамъ Петрика. Сѣдые усы щекотали, мягкая борода елозила по подбородку. Губы Петрика ощущали мягкую пустоту беззубаго рта.

— Миленькій... видѣлъ... все видѣлъ... Милостыньку убогому, — сквозь стариковскія рыданія, то, отрываясь отъ лица Петрика, то снова къ нему прижимаясь орошеннымъ слезами лицомъ, восклицалъ Старый Ржондъ... — У самого то ничегошеньки нѣтъ. Пиджачишко старенькій... Воротничекъ... Галстухъ не на рю де ла Пэ куплены... А даетъ... даетъ... Послѣднее даетъ... И принимаю... Съ благодарностью принимаю... Потому что знаю, что милостынька то твоя отъ чистаго сердца, а не отъ гордыни идетъ. Христа ради принимаю... Ибо дочка у меня

и внукъ... И имъ кушать хочется... А тутъ вѣдь на цѣлый мѣсяцъ и булочки, и чай и колбаски... Молочка Стасику маленькому.

Все это было очень тяжело Петрику. Онъ не зналъ, какъ ему вырваться отъ расчувствовавагося старика. Онъ хотѣлъ сразу и уйти, но Старый Ржондъ крѣпко вцѣпился въ плечи Петрика.

Въ эту сложную, чувствительную и непріятную для Петрика минуту, быстро, безъ предварительнаго стука, запахнулась затрепетавъ зыбкими досками, дверь, и въ ней появилась Анеля.

— Что случилось, папочка, воскликнула она и шагнула въ комнату, таща за собою упиравшагося и должно быть испугавшагося «чужого» мальчугана лѣтъ двухъ.

XIV.

Анеля мало измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ ее видалъ на фантастическомъ бивакѣ Кудумцева Петрикъ. Она только еще болѣе похудѣла и приобрѣла тѣ модныя тогда въ Парижѣ мальчишескія линіи тѣла, безъ бедеръ и безъ округлостей. Одѣта она была бѣдно, но чисто и опрятно. Черный суконный колпачекъ прикрывалъ ея стриженные волосы. Брови были подщипаны двумя узкими черточками. Большіе глаза отъ наложенной туши казались огромными. Щеки были подрумянены. На губахъ карминомъ было изображено сердечко. Въ узкомъ черномъ платьѣ она казалась куколкой. Стройныя ножки были въ простыхъ желто-розовыхъ чулкахъ. Она сейчасъ же узнала Петрика. Вѣроятно Ферфаксовъ уже сказалъ ей о немъ и она не удивилась, но искренно обрадовалась.

— Машъ тебе, — какого гостя намъ Богъ послалъ!

Она бросила ручку ребенка и просто и сердечно протянула обѣ руки Петрику.

— Страшно рада, что вижу васъ, сказала она. —

И какой вы пышный. Нисколечко не измѣнились... Сѣдина... Но она вамъ идетъ... Папочка, да возьми же Стася.

— Ты знаешь, Анелечка, онъ меня прямо своею щедростью убилъ, — началъ Старый Ржондъ, но Анеля прервала его

— Ну и досконале, — бросила она отцу. — Тутъ мы вчетверомъ никакъ не умѣстимся... И запахъ какой!... Отчего не открыли окно?... Совсѣмъ не холодно... Пойдемте отсюда, Петръ Сергѣевичъ. Вечеръ еще теплый. Посидимъ въ паркѣ на скамеечкѣ. Я расскажу вамъ про моего Толечку.

Привычнымъ движеніемъ она сама безъ помощи, быстро вдѣла рукава снятаго, должно быть, на лѣстницѣ пальтишка, подправила передъ зеркаломъ волосы и вышла за дверь.

— Анелечка... Если бы ты знала... Поблагодари хорошенечко Петра Сергѣевича... Прямо убилъ... Такое благородство, — торопился сказать ей Старый Ржондъ.

— Вѣше панъство... Але-жъ то зухъ!... — кинула уже изъ коридора Анеля.*)

Петрикъ пожалъ руку Старому Ржонду и вышелъ за Анелей.

Анеля ждала его этажомъ ниже. Тонкая папироса дымилась у нея въ зубахъ. Хорошенькая головка была поднята кверху навстрѣчу Петрику.

— Видали?... Но это жъ окропне. Я и рада и не рада, что вы у насъ были. А все таки... Такъ мнѣ хотѣлось съ вами, именно съ вами, поговорить и даже попросить совѣта. Вы лучше всѣхъ знали моего Толечку.

Каблучки башмачковъ быстро и звонко стучали по узкимъ ступенькамъ крутой лѣстницы. Анеля вышла на улицу и пошла рядомъ съ Петрикомъ. Они вошли въ прозрачный сумракъ осенняго парка.

— Трудно здѣсь въ праздникъ найти скамейку, гдѣ не сидѣло бы четверо, — говорила Анеля. — Но все рав-

*) «Машъ тебе». — вотъ те и на. «Пышны» — отличный. «Досконале» — хорошо. «Вѣше панъство. Але-жъ то зухъ» — ну и молодецъ.

но. Здѣсь нѣтъ русскихъ и мы можемъ поговорить... А французы?... Что то ми обходи...*)

Анеля ошиблась. Паркъ пустѣлъ и они безъ труда нашли свободную скамейку. Анеля сѣла и опять раскурила папиросу.

— Вы, конечно, помните ту ужасную ночь, — пуская дымъ черезъ ноздри, тихо сказала она. — Какъ помогъ вамъ Богъ спастись?

Петрикъ очень коротко разсказалъ про свою встрѣчу съ Лисовскимъ, про тифъ и про чудесное спасеніе въ Ламаитскомъ монастырѣ. Анеля его внимательно слушала.

— Дѣйствительно, все это чудесно, — сказала она задумчиво. — Если бы не отъ васъ слышала не повѣрила бы... Мнѣ... тоже... повезло.., Если жизнь считать везеніемъ?

Горькая улыбка появилась на ея лицѣ. Отъ нея мелкія побѣждали морщинки къ угламъ рта. Анеля сдѣлала затяжку, и откинула руку съ папиросой.

— Да... Я, если хотите... Жива... Ну что это за жизнь? Вы видали во всей красѣ всѣ прелести нашего существованія. И этотъ Стасикъ! Найзабавнѣйше, что я сама не знаю, люблю я его или ненавижу... Казалось бы ненавидѣть должна бы... А вотъ подумаю... онъ умретъ и жалко станетъ... Ну, я вамъ все по порядку. У Толи, что касалось меня и этого, что у насъ называлось «драпа», все было продумано на ять. Вѣрные... есть ли теперь гдѣ-нибудь вѣрные люди? — Киргизы помчали меня въ Суйдунъ, а потомъ въ Кульджу, и я ничего не видала и не знала, что тамъ у насъ вышло. У меня въ тарантасѣ были и деньги и драгоценности. Жить было на что.. Въ Кульджѣ оказалось не мало русскихъ, даже консулъ тамъ былъ нашъ старый. Меня уговаривали свое тамъ открыть дѣло... Но, Петръ Сергѣевичъ, — Анеля положила свою покраснѣвшую отъ холода руку безъ перчатки на руку Петрика и тихо пожала ее. Она давала этимъ понять, что сейчасъ она будетъ говорить

*) «Что то ми обходи» — буквально: чѣмъ это меня касается. Мнѣ что за дѣло. «Окропне» — ужасно.

самое интимное и самое дорогое. — Я любила Толю гораздо крѣпче, чѣмъ это думали другіе, чѣмъ это и я сама думала. Когда я узнала, что Толю и Перфишу отвезли и будутъ судить въ Вѣрномъ, я стала сама не своя. Я, знаете, поѣхала въ Вѣрный...

— Къ нимъ?

— Да... Къ большевикамъ... — просто сказала Ане-
ля. — Это же былъ мой долгъ!

— Ну и?... Дальше?

— Я присутствовала на судѣ и на казни.

Густѣли осеннія сумерки. Лиловый парижскій туманъ вставалъ между черными липами и бѣлыми въ пятнахъ, точно облѣзлыми платанами. Съ набухшей рѣд-
кой листвы падали тяжелыя капли. Розовато-сѣрый, пестренкій зябликъ бочкомъ попрыгивалъ подлѣ нихъ. Склонялъ головку на бокъ: хлѣбныхъ крошекъ просилъ. По дорожкѣ, усыпанной гравіемъ проходили женщины. Онѣ везли колясочки съ дѣтьми. Ихъ поступь была усталая. Люди въ праздничныхъ пиджакахъ и пестрыхъ галстукахъ ихъ сопровождали. Мимо прошла влюблен-
ная парочка. Она остановилась въ пяти шагахъ отъ Ане-
ли и Петрика и стала вкусно цѣловаться. Поцѣловались, защебетали, запѣли что то говоркомъ и пошли дальше. Точно дѣло какое сдѣлали. Все здѣсь дышало миромъ и покоемъ послѣ труда въ продолженіи цѣлой недѣли. И странно было слышать именно здѣсь разсказъ Анели.

— Ну, только какой же это былъ судъ! — начала послѣ нѣкотораго тяжелаго молчанія Ане-
ля. Она заку-
рила новую папиросу. — Якъ же-шь такъ, просто зъ мосту и къ разстрѣлу*). Явились и свидѣтели. Никогда они нашихъ черныхъ гусаръ и въ глаза не видали. Больше бабы, немного наглой деревенской молодежи и какіе то древніе старики. Они ихъ всѣхъ набрали тутъ же подъ Вѣрнымъ. Бабы въ хорошихъ ковровыхъ платкахъ и въ шубахъ. Какія морды, однако, у нихъ были! Ничего то есть человѣческаго не было въ нихъ. Тупыя, съ маленькими, маленькими глазками и до нельзя до-
вольныя и влюбленныя въ совѣтскую власть. Чего толь-

*) «Якъ же-шь такъ, просто зъ мосту» — здорово живешь.

ко онѣ ни рассказывали. И грабили то ихъ и невинности лишали... Кто на такихъ польстился бы! И казалось мнѣ, что онѣ все это говорили про красную армію и ея насилія приписывали моему атаману. Толя и Перфиша были въ своей формѣ. Въ черныхъ венгеркахъ и въ серебряныхъ шнурахъ. По тюрьмамъ и по этапамъ все это потерлось, но было красиво и импозантно. Атаманъ сидѣлъ молча и, казалось, даже и не слушалъ, что на него наговаривали. Перфиша былъ страшно блѣденъ. Послѣ каждого показанія, судьи, — какіе то интеллигенты, на половину жида, обращались къ залу, полному народа и говорили: — «вы слышали?»... Толпа ревѣла какъ дикіе звѣри: — «разстрѣлять!... Смерть имъ!..» Ругались послѣдними словами... Было все это очень жутко.

— Вы, Анна Максимовна, за себя не боялись. Васъ могли узнать. Догадаться.

— За себя?... Нѣтъ. Мнѣ было все все равно... Какое то оупѣніе на меня нашло. Былъ и правозаступникъ. Лучше бы онъ впрочемъ ничего не говорилъ. Онъ ссылался на классовую ненависть, на несознательность атамана, съ дѣтства воспитаннаго въ ненависти къ пролетаріату. Онъ и самъ понималъ всю ненадежность своей защиты и даже не просилъ о снисхожденіи. Потомъ громилъ прокуроръ. Послѣднее слово было предоставлено подсудимымъ. Атаманъ и Перфиша встали. Атаманъ обвелъ красивыми спокойными глазами залъ и всѣ въ немъ примолкли. — «Все, что я дѣлалъ», — медленно, отчеканивая слова, сказалъ онъ, — «сотая доля того, что дѣлаетъ ваша красная армія. Да, мои черные гусары насильовали женщинъ... Да, мы грабили... Но мы грабили награбленное. Дѣлали то, чему васъ учить и что проповѣдуетъ вашъ учитель и вождь — Ленинъ»... Тутъ раздались неистовые вопли: — «онъ оскорбляетъ рабочекрестьянскую армію!... Не смѣть такъ говорить о Владимірѣ Ильичѣ!...» Атаманъ спокойно ожидалъ, когда уляжется буря криковъ и воплей. Его лицо было холодно и замкнуто. Глаза горѣли, какъ уголья. Какъ онъ былъ прекрасенъ въ эти минуты!... Онъ дождался, когда въ залѣ смолкло, и съ необычайною силою сказалъ: —

«да, я гулялъ и давалъ гулять моимъ гусарамъ. Когда же и погулять, какъ не теперь?...» Эти слова точно заколдовали толпу. Гробовая стала тишина: народъ любитъ и понимаетъ дерзновеніе. Онъ преклоняется передъ разбойниками. Наступилъ, Петръ Сергѣевичъ, большой, рѣшительный, психологическій моментъ. Отдай Толю сейчасъ толпѣ и его на рукахъ бы вынесли, какъ народнаго героя... Ихъ сейчасъ же вывели... Въ народѣ говорили, что имъ предлагали служить въ красной арміи, но они отказались... Ихъ приговорили къ высшей мѣрѣ наказанія. Залъ, молча, выслушалъ приговоръ. Стояло какое то благоговѣйное молчаніе.

По саду сторожа звонили. Садъ запирали и надо было уходить куда то. Анеля повела Петрика по улицѣ Нансути, вдоль рѣшетки парка. Въ улицѣ рѣдкіе зажигались огни. Анеля и Петрикъ шли очень тихо, въ ногу. Анеля кроткимъ и странно спокойнымъ голосомъ досказывала печальную повѣсть о Толиной судьбѣ.

— Я была на разстрѣлѣ. Мнѣ почему то казалось, что мой атаманъ такъ даромъ не дастся. Будетъ драться. Выхватить у когонибудь изъ караульныхъ ружье?... Можетъ быть, убѣжить? Мнѣ говорили, что и ведшіе его на казнь ожидали этого и боялись. Обыкновенно тамъ «жмуриковъ» заставляютъ самихъ рыть себѣ могилы. Моему атаману побоялись дать въ руки лопаты. Вѣдь и лопата оружіе!... Былъ блѣдный зимній разсвѣтъ. Прекрасны были далекія Алтайскія горы всѣ въ снѣгу. Черная разрытая земля рѣзкимъ пятномъ лежала на полѣ. Небольшая кучка любопытныхъ стояла поодаль и взводъ красной арміи въ длинныхъ неуклюже надѣтыхъ шинеляхъ... Атаманъ и Перфиша были все въ тѣхъ же своихъ гусарскихъ мундирахъ. Имъ должно быть было холодно. Ихъ поставили у кирпичной стѣны какихъ то построекъ. Мой атаманъ протянулъ руку, показавъ, что хочетъ что то сказать. Кругомъ была необычайная тишина. Никогда ни раньше, ни потомъ я не слышала, не ощущала такой тишины. Мое сердце разрывалось отъ любви къ атаману. Я боялась, что онъ узнаетъ меня и я помѣшаю ему въ чемъ либо. И почему то я была увѣрена, что онъ сейчасъ убѣжить. Красноармейскій коман-

дирь былъ страшно блѣденъ и волновался. Его руки тряслись. Ружья ходуномъ ходили въ рукахъ красноармейцевъ. Я стояла въ толпѣ и горячо молилась, чтобы Матерь Божья помогла атаману сдѣлать то, что онъ хочетъ. И вдругъ мой атаманъ запѣлъ: — «Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ»... Это любимая была его пѣсня послѣднее время. Онъ и «черныхъ гусаръ» такъ не любилъ, точно чуялъ свой конецъ. Запѣлъ и оборвалъ. Вы знаете, онъ былъ невѣрующей... Тутъ скинулъ съ себя гусарскую шапку, перекрестился и сказалъ очень громко и проникновенно: — «судить меня не вамъ», — онъ сказалъ очень скверное слово. — «Меня разсудить Господь Богъ. Къ Нему для суда праведнаго я иду». Я поняла: все кончено. Сопротивляться онъ не будетъ.

Анеля съ Петрикомъ вышли на окраину города. Въ темнотѣ наступившей ночи краснымъ огнемъ вдали горѣлъ фонарь у спуска въ метро. За площадью были низкія постройки, сараи, склады, заборы, фабричныя зданія. Оттуда съ пригородной дороги валила въ Парижъ толпа. И странно было слушать этотъ тихій и полный несказанной печали разговоръ Анели и видѣть толпы людей и слышать непрерывный шумъ и гулъ города.

— Крас-комъ скомандовалъ и спуталъ команду. Красноармейцы не шелохнулись. Что то страшное творилось. Въ толпѣ любопытныхъ прокатился глухой гулъ. Комиссаръ вынулъ изъ кобуры револьверъ. Вотъ, когда бѣжать то было можно. Въ моемъ сердцѣ все кричало: — «бѣги! Бѣги!...» Я сама молчала и тряслась, какъ осиновый листъ. Мой атаманъ грозно выпрямился и крикнулъ: — «сволочь!... и этого не умѣете». И подалъ самъ команду. Такъ отчетливо и спокойно, какъ вы въ Ляо-хе-дзы командовали. Каждое его слово зарубилось въ моей памяти на вѣки. — «Прямо по доблестному атаману Кудумцеву... Пальба»... — онъ сдѣлалъ выдержку и властно оборвалъ: — «взводомъ»!... Перфиша откинулся къ стѣнѣ и быстро повернулся спиною. Мой атаманъ продолжалъ: — «свол-л-лочь!... пли»!... Грянулъ залпъ... Мой атаманъ упалъ ничкомъ и

лежалъ недвижимый. Перфиша осѣлъ на колѣни и держался всѣмъ тѣломъ. Стоявшая сзади толпа кинулась на тѣла и буквально разорвала ихъ на части.

Анеля и Петрикъ подошли къ метро. Изъ полутемной потерны дохнуло сырымъ тепломъ. Анеля остановилась.

— Я читала когда то у Достоевскаго, — медленно, тихимъ голосомъ говорила она, — въ «Идіотѣ», князь Мышкинъ рассказываетъ о видѣнной имъ казни и о томъ невѣроятномъ ужасѣ, который долженъ переживать казнимый, отсчитывая послѣднія минуты и секунды своей жизни... Надо теперешнія казни повидать... Говорятъ: нервный вѣкъ!... Машъ тебе, да какой же это нервный вѣкъ? Играютъ со смертью.

Анеля замолчала. Она стояла на парижской площади у входа въ метро. Голова ея была опущена. Она перебирала руками концы носового платка. Ея фигурка казалась маленькой и жалкой. Петрику было жаль ее. Сердце его сжималось отъ боли. «Да», — думалъ онъ, — «каждый изъ насъ пережилъ столько, что на цѣлое поколѣніе людей хватитъ рассказовъ. И что мои переживанія передъ ея муками и страданіями?»

— Что же было дальше?... И какъ вы вырвались оттуда? — сказалъ Петрикъ.

Анеля подняла голову. Ея глаза были прекрасны. Въ нихъ было то самое выраженіе безконечной любви и скорби, какое Петрикъ видалъ въ Ликахъ Богоматери, писанныхъ великими мастерами.

— Видали Стасика?... Такъ знаете, когда толпа кинулась грабить и рвать мертвыхъ, я осталась одна на мѣстѣ. Я вся дрожала. На меня показали, что я была съ казненными. Меня тоже чуть не разорвали. Вмѣшался комиссаръ. Онъ оказался полякомъ. Онъ увелъ меня къ себѣ и сдѣлалъ своей любовницей... Тамъ, Петръ Сергѣевичъ, женщина рабыня... Въ сто разъ хуже рабыни!... Рабыню хотя у кого то покупаютъ... Тамъ просто берутъ, какъ приبلудившуюся собаченку. Комиссаръ оказался не плохимъ человѣкомъ. По совѣтски, конечно. Онъ полюбилъ меня. Черезъ два года у меня родился ребенокъ — сынъ... Вотъ этотъ самый Стась. Мы тогда

были недалеко отъ Польской границы. Я уговорила своего комиссара бѣжать въ Польшу. Красноармейцы убили его при переходѣ границы. Я съ ребенкомъ перешла благополучно. Въ остаткахъ Бредовской арміи, въ концентраціонномъ лагерѣ, куда я попала, я нашла папочку. Чудо?... Можетъ быть!... Миръ полонъ чудесъ!... Была тяга во Францію. Папочкѣ все казалось, что тамъ онъ что то можетъ дѣлать... Приѣхали въ Парижъ... То то пышна пара... Только такой Парижу и не доставало! Папочка задѣлался ночнымъ сторожемъ... Стасика отдала въ дѣтскій домъ, а сама «вандезкой». Теперь вы сами видали... Все на мнѣ... Но я хотѣла вамъ сказать совсѣмъ о другомъ... О настоящемъ... А увлеклась прошлымъ.

XV.

Они пошли отъ входа въ метро. Опять отошли отъ шумнаго, кипящаго людьми и говоромъ Парижа и погрузились въ тѣ тихіе кварталы, гдѣ рядомъ съ нищею гнѣзятся пороки и преступленіе.

— Мнѣ страшно и стыдно говорить объ этомъ. Такъ все это не соотвѣтствуетъ всему моему теперешнему положенію и тому, что я только что вамъ рассказала... Петръ Сергѣевичъ, помогите мнѣ. Вы хорошо знаете нашего милаго Факса. Вы давно дружны съ нимъ. Слово хонору, я тутъ не при чемъ. Онъ все пристааетъ ко мнѣ, чтобы я вышла за него замужъ... Это жъ окропне!... Я понимаю, если бы любовь?... Но тутъ... Это сложная исторія. Онъ, какъ и я понимаетъ, что папочка недолговѣченъ. На мнѣ ребенокъ. Я его покинуть не могу... И Факсъ вдолбилъ себѣ, что онъ долженъ спасти меня. Цо то за выбрыки!... Слава Богу не маленькая! Чего не повидала на своемъ вѣку. Это же просто благотворительность. Видите: — я могу пѣть и танцовать у нихъ въ хорѣ. Стася онъ устроить. Глупо все это, хотя и очень благородно. Но я то такъ не могу. Я же

все таки живой человекъ, и здѣсь не Совдепія. Понимаете, я не могу губить его жизни. Достаточно того, что я свою загубила. А у него постоянные планы. Варшавскую цукерню мы съ нимъ откроемъ... На какіе это, спрашивается, капиталы? Просто падшую хочетъ под-
нять...

Анеля рѣзко остановилась. Слезы блистали въ ея печальныхъ, наивныхъ и все еще прекрасныхъ глазахъ.

— Такъ я же, Петръ Сергѣевичъ, не падшая! Ей Богу же не падшая! Меня жизнь исковеркала. Меня валили, а я не падала и падать не хочу. Вы скажите ему... Понимаете... Этого не будетъ... Послѣ такой то жизни!... Нѣтъ, никогда... Не надо!... Не надо!... Не надо!..

Они тихими шагами подходили къ «отелю». Анеля плакала. Петрикъ совсѣмъ не зналъ, что ему надо дѣлать и что сказать.

— Вы любите Факса? — несмѣло спросилъ онъ.

— Могу ли я когонибудь любить послѣ того, что было?

Анеля погрозила въ воздухъ въ направленіи Парижа кулакомъ.

— Они у насъ все отняли, — съ какимъ то надрывомъ воскликнула Анеля. — Семью, домъ, имущество... Право любить. У насъ, у пролетаріевъ, этого права нѣтъ. Это для богатыхъ... Любить?... Гдѣ же тутъ любить? Цѣлый день, отъ восьми утра до семи вечера стоять на ногахъ... Улыбаться... Быть привѣтливой... «Que désire, Madame»?... «Que désire, Monsieur?...»). Заворачивать, завязывать, носить квиточки въ кассу... Отъ утра и до ночи... Не видя солнечнаго свѣта. Въ страшной духотѣ. Все при электричествѣ... О, проклятые социалисты, строители громаднхъ городовъ и универсальныхъ магазиновъ. Подумали они когда-нибудь о стадѣ молодыхъ дѣвушекъ, что только винтики въ ихъ сложномъ социальномъ механизмѣ? — «У васъ неулыбчивый голосъ»... — «Мы васъ разсчитаемъ»... — И вѣчно подъ угрозой — панели и голода... А потомъ, когда вся эта дневная пытка кончится, бѣжать въ толпѣ, что въ семь

*) Что угодно дамъ?... Что угодно господину?...

часовъ вечера стремится по рю Сень Лазаръ и рю дю Авръ, да и по всему Парижу, и вливается въ устья метро, какъ потокъ помоевъ вливается въ отверстіе сточной трубы. Тускло въ подземныхъ переходахъ мерцають лампочки. Въ нихъ тысячи людей и не слышно разговора. Сдавленные, стиснутые, въ нестерпимой духотѣ, обливаясь потомъ, подвигается этотъ потокъ, поминутно останавливаемый, все болѣе и болѣе сжимаемый въ узкихъ проходахъ, точно какая то фабричная масса, подаваемая къ машинѣ. Спускается въ самый низъ, въ духоту нестерпимую, и тамъ, давясь и работая локтями, набивается, какъ шпроты въ жестянку въ такіе же душевые вагоны и мчится... на отдыхъ... Отдыхъ?... Это у меня отдыхъ?... Бѣжать по лавченкамъ, пока ихъ не закрыли... Экономить сантимы... На керосинкѣ жарить чтонибудь большому и малому, оба одинаково безпомощны... А потомъ спать на одной узкой постели со своимъ старымъ отцомъ... Любовь?... Да, дерзнешь ли при такой жизни и помыслить о любви?... Пышна пара! Подумаешь?... Онъ — хористъ въ ночномъ ресторанѣ... Она — вандезка. Онъ спитъ днемъ, она спитъ ночью... О! Парижъ!... Парижъ!... Прославленный городъ любовныхъ увлеченій и красоты... Будь ты проклятъ во вѣкъ!.. Ты, убившій во мнѣ любовь!

Петрикъ, молча, слушалъ Анелю. Какъ это все случилось съ тѣмъ, что говорилъ ему въ монастырѣ старый лама Джорджіевъ. Рабство! И передъ нимъ стояла одна изъ этихъ рабынь двадцатаго культурнаго вѣка. Онъ ее понималъ, но такъ же точно онъ понималъ и Ферфаксова. Онъ видѣлъ въ его предложеніи не только любовь — Анеля была все таки очень красива, — онъ видѣлъ большее: онъ видѣлъ христіанскую любовь и подвигъ, что такъ походило на его родного и милаго Факса. Петрикъ сказалъ, стараясь въ голосъ свой вложить силу убѣжденія. —

— Ну, а если Факсъ васъ дѣйствительно любить.

— Тѣжъ пытане*)... — воскликнула Анеля съ мученіемъ въ голосѣ. — Меня любить? Да Стася то, сына

*) «Тежъ пытане» — вотъ вопросъ.

комиссара... чекиста... онъ мнѣ не напомнить когда нибудь? Просто... Онъ добрый, хорошій человекъ и очень — христiанинъ... Такъ жить то по Христу?... Это въ романахъ только и хорошо. А въ жизни?... Не снесетъ... Если уже онъ такой святой, ну и пусть идетъ въ монастырь, а меня своей святостью не оскорбляетъ. А бояться за меня ему нечего... Кто пристанетъ, я сама отпоръ дамъ. Слава Богу учена... Да тутъ не совѣтскій рай.

— Я думаю, Анна Максимовна, Факсъ все это искренно затѣялъ. Это очень честный офицеръ.

— Тѣмъ хуже. Скажите ему: — не надо!... не надо!... не надо!... — крикнула Анеля и, быстро пожавъ руку Петрику, бросилась въ подъездъ, точно бѣжать хотѣла отъ него.

Петрикъ постоялъ у дверей отеля, прислушиваясь къ все замирающему стуку каблучковъ Анели по лѣстницѣ, потомъ повернулъ и тихо побрелъ къ станціи метро. Смутно было у него на душѣ.

XVI.

Безпощадное, безостановочное, неумолимое, жестокое время шло и отсчитывало дни, недѣли, мѣсяцы, годы. И странно было: ни Петрикъ, ни тѣ русскіе эмигранты, съ кѣмъ онъ встрѣчался, точно и не замѣчали этого времени. Дни тянулись безконечно долгіе, а незамѣтно проходила недѣля и одинъ «кензенъ»*) смѣнялъ другой съ поразительной быстротой. И что было самое примѣчательное: будто всѣ застыли въ томъ возрастѣ, въ какомъ они выѣхали изъ Россіи. Старые генералы, начальники дивизій не хотѣли замѣчать, что имъ давно предѣльный возрастъ стукнулъ и по старымъ правиламъ ихъ ожидала отставка. Нѣтъ, они мечтали все по прежнему командовать и не только дивизіей, но

*) Quinzaine — двухънедѣльная плата.

хотя и полкомъ. Точно молодѣли они въ эмиграціи. И самъ Петрикъ, хотя въ мечтахъ и думалъ часто о бригадѣ, но чувствовалъ себя все такимъ же лихимъ ротмистромъ, готовымъ летѣть въ конную атаку. И женщины не старѣлись. Татьяна Михайловна застыла на своихъ двадцати семи годахъ. Сусликова не хотѣла понять, что ей перевалило за пятьдесятъ, и все продолжала шутить съ молодыми людьми и носить платье, на вершокъ не доходившее до колѣнъ, Да и молодые люди, съ кѣмъ шутила Сусликова и кого она знала въ дни эвакуаціи кадетами и юнкерами, давно поженились и имѣли дѣтей, и въ возрастѣ подходили къ тридцати, однако все считали и называли себя молодежью и смѣялись надъ «отцами», и все думали, что они такъ и остались кадетами на всю жизнь.

Жизнь остановилась.

Это такъ только казалось, что она остановилась. Нѣтъ, нѣтъ, она о себѣ напомнить какимъ нибудь событіемъ и заставить призадуматься о ея теченіи, а потомъ опять повседневная скучная механическая работа затуманитъ мозги и заставить забыть о полетѣ ничѣмъ и никѣмъ неостановимаго времени.

Въ жизни Петрика такими событіями были: смерть Старого Ржонда. Петрику при помощи союза георгіевскихъ кавалеровъ удалось устроить Старого Ржонда въ Русскій домъ, гдѣ онъ вскорѣ, въ полномъ довольствѣ, покоѣ и почетѣ умеръ и былъ достойно похороненъ. Черезъ три мѣсяца Петрику пришлось быть посаженнымъ отцомъ на свадьбѣ Анели и Факса. И еще какъ то случайно въ газетахъ Петрикъ прочиталъ что «инженеръ» Долле продалъ французскому правительству какое то свое изобрѣтеніе. Это былъ, сколько могъ понять Петрикъ, аккумуляторъ на 25 вольтъ. Петрикъ не зналъ, что аккумуляторъ больше двухъ вольтъ изобрѣсти не удавалось, и потому не отдавалъ себѣ отчета, какое необычайное, переворачивающее всю современную технику было открытіе Долле. Онъ только обратилъ вниманіе, что милый ихъ «Арамисъ», значить находился во Франціи и какъ будто въ томъ самомъ Парижѣ, гдѣ былъ и Петрикъ. Еще удивило Петрика, что русскіе

инженеры и техники, какъ будто не были обрадованы и не гордились этимъ открытіемъ русскаго генія. Напротивъ, на Долле набросились съ остервененіемъ газеты. Его обвиняли, одни въ не патріотическомъ поступкѣ. Онъ, видите ли, долженъ былъ отдать свое изобрѣтеніе Россіи, хотя бы и совѣтской, а не продавать его Франціи, да еще за такіе милліоны. Если не хотѣлъ отдавать большевикамъ, онъ могъ подождать, когда ихъ не будетъ, ибо вотъ вотъ большевики падутъ. Другіе неприкровенно завидовали полученнымъ Долле милліонамъ и негодовали, что онъ тутъ же не роздалъ ихъ на разныя бѣженскія учрежденія. Сквозила въ статьяxъ и обида и будто негодованіе, что Долле не настоящій инженеръ, что онъ не состоитъ въ союзѣ инженеровъ, что онъ артиллеристъ и химикъ и вотъ вдругъ сдѣлалъ такой переворотъ въ электротехникѣ. Потомъ вдругъ о Долле замолчали, какъ воды въ ротъ набрали, точно его и его изобрѣтенія и вовсе никогда не было. Факсъ говорилъ, что это было сдѣлано по распоряженію масоновъ. Но Петрикъ не особенно въ этомъ довѣрялъ Факсу. Факсъ во всемъ видѣлъ масонскую руку.

Это все были событія лично касавшіяся Петрика и отмѣчавшія для него время. «Это было до смерти Старога Ржонда»... «Это было въ тотъ годъ, когда Долле изобрѣлъ свои аккумуляторы»... Самыхъ годовъ Петрикъ не замѣчалъ и отсчитывалъ только ихъ календарныя числа.

Но были и событія болѣе крупныя, захватывавшія все русское общество и грозными вѣхами становившіяся на бѣженскомъ пути.

При странныхъ и загадочныхъ обстоятельствахъ умеръ послѣ тяжелой болѣзни главнокомандующій арміей генералъ Врангель. Совсѣмъ молодой и полный силъ, онъ угасъ въ два мѣсяца отъ скоротечной чахотки. И опять Факсъ говорилъ: «большевики отравили». Онъ не допускалъ мысли, что такой человѣкъ, какъ Врангель могъ умереть своей смертью. Это было событіе, страшно потрясшее бѣженскій міръ, но какъ то странно забытое.

Скончался въ Антибѣ Верховный Главнокомандую-

щій Російських Армій Великій Князь Николай Николаевичъ. Исторія повернула послѣднюю страницу Императорскаго періода Россіи и въ сердцѣ Петрика страшная образовалась пустота. На смертномъ одрѣ за нѣсколько часовъ до своей смерти, уже ощущая холодное ея дыханіе Великій Князь продиктовалъ слѣдующія слова: — «памятуйте о Россіи. И здѣсь въ изгнаніи ей отдайте всѣ ваши помыслы, не числа трудовъ, силъ и средствъ на дѣло ея спасенія, ибо безпримѣрно тяжки испытанія и наступаютъ рѣшительные сроки»...

Эти слова страшно, до самага дна души взволновали Петрика. Онъ принялъ ихъ, какъ самый священный для себя приказъ. И постоянно, непрерывно, и днемъ и ночью думалъ онъ, какъ исполнить этотъ приказъ Великаго Князя. Господи!... Онъ ли не помнилъ о Россіи? Вѣдь помимо всего, тамъ было его Солнышко!!... Онъ отдалъ Россіи всѣ помыслы... Но вотъ дальше то?... Дальше?... Какъ? и гдѣ? могъ онъ потрудиться для Россіи, этого никто не могъ ни объяснить, ни указать Петрику. Событіе произошло и, — Петрикъ понималъ это, — событіе чрезвычайной важности и значенія, а какъ повернуть его для работы, для Россіи никто не зналъ и не указывалъ. И это было ужасно. Петрикъ понималъ, что они не бѣженцы, но плѣнники и не могутъ распоряжаться своею судьбою и не могутъ помогать Россіи, если ихъ хозяева этого не захотятъ. Съ особенною силою Петрикъ понялъ это, когда среди бѣла дня на людной улицѣ Парижа былъ похищенъ генералъ Кутеповъ, и никто этому не воспрепятствовалъ, и похитители не были разысканы, хотя всѣ знали, что похитителями этими были большевики. И самъ Кутеповъ не былъ никѣмъ отомщенъ. Петрикъ совершенно терялся, какъ ему поступать? Руководители его не удовлетворяли. Надо было молчать, а молчать онъ не могъ. Смятенно было его сердце и мутно было на душѣ. Онъ порывался искать Долле, но смущали милліоны Долле, и страшно было итти къ Долле въ нищенскомъ костюмѣ.

Судьба, точно осенняя непогода, сметала листь за листомъ, листья русской надежды и обнажался голый

стволь безпредѣльной тоски, разочарованія и отчаянія. Жизнь безъ Родины становилась нестерпимой.

Воскресная утрѣ въ Булонскомъ лѣсу больше не радовали Петрика. Часто онъ сидѣлъ на своей скамейкѣ, опустивъ голову и не глядя на проѣзжавшихъ всадниковъ и амазонокъ. Подниметь голову и вдругъ со страшною болью подумаетъ: — «а вѣдь это онъ могъ бы такъ ѣхать съ Валентиной Петровной и Настенька съ ними. Теперь Настенькѣ... что же это было бы?... Шестнадцать?... Нѣтъ... Семнадцать лѣтъ!... Она была бы вотъ какъ эта, что проѣхала со старикомъ отцомъ, рысью. И смѣялась такъ заразительно весело».

Все это было ужасно тяжело.

«Да, пыль! Бѣженская людская пыль! Придетъ время и сотретъ эту пыль, какъ уже стѣрло такъ многихъ, и великихъ и малыхъ. Правы буддисты: «все преходяще въ этомъ мірѣ и не заслуживаетъ ни вниманія, ни любви...» И все таки оторваться отъ этого міра никакъ не могъ. Созерцаніе его не удовлетворяло.

Какъ разъ въ это время въ жизни Петрика произошло событіе, перевернувшее всю его жизнь.

XVII.

Въ это воскресенье, какъ и всегда, Петрикъ сидѣлъ на своей облюбованной скамейкѣ въ Булонскомъ лѣсу. День былъ туманный. Октябрь расцвѣтилъ деревья пестрой окраской осенней листвы. Сквозь ея порѣдѣвшія завѣсы въ сѣромъ туманѣ голубыми силуэтами показывались въ аллеяхъ всадники и амазонки, появлялись и исчезали. Они казались, таинственными и будто знакомыми. Лошади неслышно ступали по мокрому гравию верховыхъ дорожекъ. По блестящему черно-голубому шоссе, шелестя шинами проѣзжали автомобили. За рѣшоткой парка черезъ площадь куда то на выставку, или аукціонъ вели разукрашенныхъ накрытыхъ дорогими попонами тяжеловозовъ. Они выступали въ со-

знаніи своей красоты и силы. По дорогѣ между автомобилей наѣздникъ наѣзживалъ наряднаго гнѣдого рысака, запряженнаго въ легкій кабріолетъ. Рысакъ бѣжалъ, вычурно красиво бросая ногами, и наѣздникъ сбоку засматривалъ на него. Высокій тандемъ, запряженный четверикомъ въ два уноса прокатилъ мимо Петрика. Все это когда то такъ радовало Петрика. Теперь онъ только холодно скользнулъ по нимъ глазами. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ, опутивъ голову и отдавшись своимъ мыслямъ. Невеселыя были мысли.

«Неужели, всю жизнь, до самой смерти, онъ будетъ для чего то, для кого то, въ чужомъ государствѣ точить и строгать какія то болванки — «пьесы», не зная даже ихъ назначенія. Онъ теперь уже «маневръ-специализе» и замѣняетъ Эжена, женившагося и уѣхавшаго въ деревню. Теперь это онъ обучаетъ плутоватаго итальянца коммуниста и показываетъ ему, какъ работать. Но что толку? Какая польза отъ этого для Россіи? Что дѣлаетъ онъ для Россіи? Только думаетъ о ней и ждетъ когда его позовутъ. Но все болѣе похоже на то, что никогда его не позовутъ... «Мнѣ уже пятидесятые пошли годы. Ротмистръ Ранцевъ!.. И подъ пятьдесятъ лѣтъ. Въ эти годы, въ Россіи генералами были... Онъ ротмистръ... Да какой онъ ротмистръ? гдѣ его эскадронъ? только въ мечтахъ!.. Сколько разъ онъ порывался ѣхать «туда»... «Нельзя», — говорили ему. — «Васъ сейчасъ же узнаютъ, и вы зря погибнете и подведете тѣхъ, кто вамъ поможетъ тамъ». Погибнуть самъ, Петрикъ не боялся. Онъ продолжалъ, какъ и раньше мечтать умереть солдатскою смертію и онъ отлично понималъ, что въ такихъ дѣлахъ напрасной смерти не бываетъ, но всякая жертвенная кровь идетъ на спасеніе Родины. Но подвести другихъ не хотѣлъ. Годы шли. Пятидесятые... И было жутко...

Петрикъ сидѣлъ, опутивъ голову на ладони и не глядя на часы по затихавшему движенію зналъ, что полдень близокъ и надо итти питаться въ до одури надобвшую *laiterie*. Мимо Петрика, чуть шелестя пескомъ ѣхали двое. Петрикъ поднималъ на нихъ глаза. Впереди рослая, красивая, немолодая, полная амазонка на

дамскомъ сѣдлѣ ѣхала на прекрасной большой лошади. Ее сопровождалъ наѣздникъ. Онъ былъ въ низкомъ котелкѣ, надвинутомъ на брови, въ потертомъ рейт-фракѣ и сѣрыхъ рейтузахъ. На немъ были русскіе сапоги съ высокими голенищами со шпорами. Онъ былъ не молодъ, но возраста его опредѣлить было нельзя. Усы и борода были гладко сбриты и розовое отъ загара и ѣзды лицо казалось молодымъ. Петрикъ обратилъ вниманіе, что наѣздникъ сидѣлъ не по французски, но глубоко, съ наложенными шенкелями, такъ, какъ сидѣли въ его, Петрика, обожасмой школѣ. И Петрикъ невольно залюбовался посадкой наѣздника. Наѣздникъ тоже внимательно взглянулъ на Петрика сѣрыми печальными глазами изъ подъ черныхъ полей котелка.

Они свернули черезъ шоссе, подѣхали къ «вигваму» съ соломенною крышею и тамъ наѣздникъ, ловко соскочивъ съ лошади, помогъ амазонкѣ слѣзть. Та что то сказала ему, и онъ выслушалъ ее, приподнявъ котелокъ. Конюхъ — «*palefrénier*» принялъ отъ нихъ лошадей, накрылъ ихъ попонами и повелъ къ площади. Амазонка сѣла въ ожидавшій ее большой черный автомобиль, а наѣздникъ остановился у шоссе и сталъ закуривать папиросу. Онъ дѣлалъ все это тѣми самыми движеніями, какими дѣлали это товарищи Петрика кавалерійскіе офицеры, гдѣ нибудь на военномъ полѣ, въ Оранахъ. Онъ досталъ изъ кармана рейтузъ серебряный портсигаръ, похлопалъ о его крышку папиросу и сталъ ее раскуривать. Въ это время Петрикъ подходилъ къ нему. Сѣрые глаза внимательно осмотрѣли Петрика. Тотъ уже прошелъ мимо наѣздника.

— Ранцевъ?... — услышалъ Петрикъ сзади себя.

Онъ оглянулся, еще разъ внимательно посмотрѣлъ на наѣздника и сейчасъ же узналъ его: генералъ Ермолинъ.

Петрикъ познакомился впервые съ генераломъ Ермолинымъ въ офицерской школѣ, гдѣ тотъ, какъ штабъ офицеръ, въ Поставахъ проходилъ курсъ парфорсныхъ охотъ. Ермолинъ тогда восхищался ѣздою Петрика и его Одалиской. Тогда Ермолинъ былъ блестящимъ офицеромъ одного изъ гвардейскихъ полковъ. Потомъ

Петрикъ, по «Русскому Инвалиду» слѣдившій за Ермолинымъ, зналъ, что онъ передъ войною получилъ полкъ, на войнѣ командовалъ бригадой и дивизіей и, казалось Петрику, даже и корпусомъ и вотъ теперь встрѣтилъ въ Булонскомъ лѣсу наѣздникомъ.

Петрикъ быстро повернулся къ Ермолину и снялъ шляпу.

— Ваше превосходительство.

— А, узнали, значить и меня. Что подѣлываете Ранцевъ?

Ермолинъ взялъ Петрика подъ руку и повелъ его изъ воротъ къ широкому бульвару.

— Пойдемте, закусимъ. Тутъ неподалеку есть очень уютное бистро, гдѣ завтракаютъ такіе же наѣзники, какъ и я. И, правда, очень недурно кормятъ.

Въ трактирчикѣ, куда они пришли и гдѣ Ермолина видно хорошо знали, имъ подали какую то «casse croute», отъ которой отзывало баннымъ вѣшникомъ. Ермолинъ спросилъ графинъ ординеру.

— Что подѣлываете, Ранцевъ?

Петрикъ разсказалъ о своей работѣ, о своихъ печальныхъ мысляхъ и, между прочимъ, сказалъ, какъ онъ былъ удивленъ, обрадованъ и восхищенъ, увидавъ Ермолина верхомъ въ Булонскомъ лѣсу.

— Ничего не напишешь, Ранцевъ, — тихо сказалъ Ермолинъ. — Противъ рока не пойдешь... Ужели вы думаете, что мы, генералы, меньше вашего страдаемъ за Россію? Да, зашли мы въ тупикъ, уйдя за границу. Это была самая жестокая наша ошибка... Заграница то эта! Да вѣдь воспитаны были мы въ вѣрѣ въ эту самую за границу. Все казалось она намъ олицетвореніемъ благородства и доблести. Свое видѣли только худое, за границей примѣчали только хорошее. И потомъ, очень мы уже много о себѣ думали. Исполнили свой долгъ, а себя возомнили спасителями... Ну, вотъ и платимся теперь за это. Вы изнемогаете плотникомъ... Я который годъ наѣздникомъ. Прогуливаю геморройныхъ жидовъ, скачу со снобирующими еврейчиками, мнящими себя Уэльскими принцами, сопровождаю банкирскихъ

дамъ... И мнѣ все это надоѣло... Да «хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь»... Кормлюсь... Вы холосты?

— У меня жена осталась въ Россіи.

— Имѣете возможность посылать ей чтонибудь?

— Я не знаю даже гдѣ она... И жива ли?...

Генераль Ермолинъ помолчалъ немного.

— Ну все таки одинъ. А у меня жена. Кормиться надо. Если Господь не посылаетъ смерти, жить надо.

— Вы все таки, ваше превосходительство, при своемъ дѣлѣ, — сказалъ Петрикъ.

Ермолинъ внимательно посмотрѣлъ на Петрика.

— Не жалуюсь, — сказалъ онъ. — А что, Ранцевъ, не хотѣли бы вы тоже задѣлаться наѣздникомъ... Вы школу первымъ кончили?

— Нѣтъ. Вторымъ.

— Ну, вотъ и прекрасно... Послушайте, еще и карьеру сдѣлаете... Американскому какомунибудь жиду чистокровнаго коня такъ объѣздите, что онъ по *avenue du Bois de Boulogne* испанскимъ шагомъ на немъ пойдетъ. У жидовъ теперь русскіе въ модѣ. Какой чинъ у васъ?

— Ротмистръ.

— Жалко не генераль. Жиду нанимать, такъ генерала пріятнѣе.

— Я, ваше превосходительство, — хмуро сказалъ Петрикъ, — къ жиду наниматься не пойду.

— И напрасно, Ранцевъ. Во первыхъ есть жида и жида. И между ними есть прекрасные люди и даже, представьте, большіе русскіе патріоты.

Замѣтивъ, какъ наершился Петрикъ, Ермолинъ сказалъ, положивъ руку на рукавъ Петрика.

— Смотрите проще на вещи. Для васъ, какъ это мы въ катехизисѣ когда то учили... Нѣсть еллинъ ни іудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе... Такъ и намъ, намъ все одно — кліентъ. И, если не боитесь сѣсть на четыреста франковъ, я васъ мигомъ могу устроить.

И Ермолинъ разсказалъ, что онъ какъ разъ получилъ болѣе выгодное мѣсто, и его хозяйка обезпечена подысканіемъ другого наѣздника.

— Лучшаго какъ вы не придумаешь. Вы не моло-

ды и въ то же время красивы и элегантны. Моя Ленсманша, — она, поди, вторую имперію помнить — выросла на почитаніи этикета и красоты. Клиентура у нея прекрасная. Молодого наѣздника она взять побоялась бы. У нея ѣздить барышни американки, чего добраго еще увлеклись бы, а такъ, за сорокъ, ей самое подходящее... Да что говорить!... Сегодня же и пойдемте. У меня урокъ отъ трехъ. Хозяйка въ два поѣдетъ на прогулку, вы и поѣзжайте съ ней. Она васъ и опробуетъ. Мы съ вами одинаковаго роста. Вы надѣнете мой костюмъ. А мнѣ такъ будетъ пріятно показать, какъ всѣ русскіе ѣздить.

Петрику вспомнились слова Анели: — «да якъ жешь такъ просто зъ мосту»... но онъ согласился. Не все ли равно?... Четыреста франковъ?... Маловато... Да онъ привыкъ голодать... За то будетъ при своемъ дѣлѣ и съ лошадьми, кого онъ такъ всегда любилъ.

Ермолинъ словно угадалъ мысли Петрика.

— Это ничего, что только четыреста франковъ. Въ сезонъ вы чаевыми столько же наберете. Тутъ такъ принято, чтобы наѣзднику и палефренье*) давать на чай.

Петрикъ опять поморщился, но генералъ Ермолинъ ударилъ его по плечу и сказалъ: —

— Да будетъ!... Россію прогуляли!... Такъ что уже тутъ!... Забудьте на это время прошлое.., Вы наѣздникъ и только. А тѣ, съ кѣмъ вы будете ѣздить — кліенты... И все... Не вы одинъ страдаете.., А шофферы так-си?... Когда нибудь и свое благородство покажете.

— *Addition s'il vous plait*, — крикнулъ Ермолинъ. Лакей подаль счетъ. Петрикъ хотѣлъ было платить свою долю, но Ермолинъ ему этого не позволилъ.

— Послушайте, ротмистръ, — сказалъ онъ. — Вы — ротмистръ, и для васъ я все еще генералъ. Ну, идемте, не мѣшкая, чтобы вамъ успѣть переодѣться.

*) *Palefrénier* — конюхъ.

XVIII.

Madame Lensman, или Ленсманша, какъ ее называлъ Ермолинъ оказалась дамой подъ семьдесятъ лѣтъ. Она, какъ то вдругъ, появилась на маленькомъ дворикѣ своего заведенія, куда выходили окна денниковъ и куда смотрѣли на Петрика рыжія, гнѣдые и сѣрыя конскія головы. Она была въ котелкѣ съ туго подобранными подъ него сѣрыми косами. Громаднаго роста, выше Петрика, въ длинной старомодной амазонкѣ она и точно будто соскочила съ картины времянь второй имперіи. Ермолинъ разсказалъ въ чемъ дѣло и представилъ ей Петрика. Ленсманша съ ногъ до головы осмотрѣла Петрика тѣмъ взглядомъ, какимъ она осматривала лошадей, которыхъ ей приводили на продажу и по видимому удовлетворилась осмотромъ. Ничего не говоря самому Петрику, она приказала конюху посѣдлатъ «Калипсо», «*pour monsieur*».

Ленсманшѣ подали громаднаго шестивершковаго коня. Ермолинъ посадилъ ее на него. Петрикъ легко вскочилъ на нервную, горячую гнѣдую кобылу и сжалъ ее шенкелями. Онъ пропустилъ монументальную амазонку и поѣхалъ, какъ полагается, въ полушагѣ за нею. Они проѣхали на *rue de la Faisanderie*, свернули переулочкомъ къ новымъ домамъ, и по песчаной, растоптанной лошадьми дорожкѣ выбрались въ Булонскій лѣсъ. Ленсманша хлыстомъ показала Петрику, чтобы онъ ѣхалъ рядомъ съ нею.

Петрикъ подъ испытующимъ и внимательнымъ взглядомъ Ленсманши чувствовалъ себя, какъ на смотру генераль инспектора кавалеріи. Пошли рысью. Наѣзница то прибавляла, то убавляла ходъ своей лошади и смотрѣла, какъ мягко и искусно справлялся со своей плохо выѣзженной, что называется только «нашлепанной» лошадью Петрикъ. Прошли цѣлую аллею галопомъ, опять такъ же то прибавляя, то убавляя ходъ.

У выходныхъ воротъ перешли на шагъ.

— Вы хорошо ѣздите, — сказала, наконецъ, Ленсманша. — Русскіе вообще хорошо ѣздятъ.

Петрикъ нагнулъ голову.

Эта похвала ему была пріятна: она касалась не его, но русскихъ.

— Я когда то ѣздила съ вашими великими князьями. Они всѣ прекрасно ѣздили, — продолжала Ленсманъ. — И главное, вы знаете правила, какъ надо ѣздить съ дамой. Вы вѣрно ѣздили съ амазонками?

Петрикъ не отвѣтилъ. Ему не хотѣлось говорить съ кѣмъ онъ ѣздилъ. Онъ опять поклонился.

— Я вижу, вы джентльменъ, и я могу васъ принять къ себѣ на службу. Но кромѣ того, что быть джентльменомъ, вы должны быть еще и наѣздникомъ. У меня правила такія: наѣзникъ не имѣетъ права разговаривать съ кліентомъ. Я не переносу этой болтовни нахальныхъ гидовъ. Вы только отвѣчаете на вопросы кліентовъ. Ну еще, если надо сдѣлать указаніе, поправить, дать урокъ. Вы по англійски говорите?

— Немного.

— Много и не надо. Не болтать надо, а учить... Да еще... Вы не должны никому говорить, что вы русскій.

Петрикъ хотѣлъ спросить, почему, но воздержался и только съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Ленсманъ.

Она поняла его взглядъ и сейчасъ же пояснила: —

— Русскій это всегда — политика. А тотъ, кто ѣздитъ верхомъ, тотъ не занимается и не хочетъ знать никакой политики. Русскихъ могутъ бояться... Не большевикъ ли?... Коммунистъ? Вы будете... Французъ... Скажемъ, по вашему выговору... Изъ Эльзаса. Мосье Пьеръ... Другого вамъ имени и не надо. У меня и мосье Ермоль ходилъ за француза... А онъ притомъ же генераль. Такъ то лучше... И никому не обидно и не стѣснительно.

Она не спрашивала согласенъ или нѣтъ мосье Пьеръ на ея условія. Она знала, тотъ, кто голоденъ, согласенъ на всякія условія: и на чetyреста франковъ въ мѣсяцъ («ну и чаевыя притомъ»), и на отрѣшеніе отъ своей личности. Она твердо усвоила европейскіе обычаи покупки людей и она диктовала свои условія. Петрику оставалось только соглашаться.

Въ какіе нибудь полчаса (время — деньги) все было оформлено и Петрикъ съ слѣдующей недѣли «задѣлался» наѣздникомъ въ заведеніи г-жи Ленсманъ.

XIX.

Эта новая работа очень благотѣльно подѣйствовала на Петрика. И прежде всего потому, что она не походила на работу, а походила на службу. Въ бюро заведенія Ленсманъ, маленькой комнатѣ, кажется, хранившей слѣды конныхъ модъ за полъ вѣка, гдѣ висѣли въ рамкахъ выцвѣтшія старыя фотографіи, изображавшія офицеровъ и генераловъ временъ Франко-Прусской войны, всѣ на коняхъ, старинныя запряжки, гдѣ висѣли похвальные листы и свидѣтельства на медали, полученные госпожею Ленсманъ на конкурсахъ и конскихъ выставкахъ, гдѣ въ углу стояли бичи и хлысты, гдѣ былъ тотъ манежный запахъ, который Петрикъ такъ любилъ, на большомъ столѣ лежала книга распоряженій. Книга «приказовъ», назвалъ ее Ермолинъ, показывая и рассказывая Петрику правила службы у Ленсманъ. Въ этой книгѣ въ четырехъ графахъ Ленсманъ указывала кто на завтра, отъ котораго часа и съ кѣмъ и на какой лошади долженъ былъ ѣздить.

Весь день на воздухѣ. Ызда Петрика не утомляла, но бодрила, — все на разныхъ лошадяхъ и съ разными кліентами. Онъ ожилъ. Мрачныя мысли оставили. Только сильнѣе была тоска по потерянному Солнышку. Кроме того у Петрика явились и досуги. Зимой ѣзда кончалась въ четыре часа и Петрикъ былъ свободенъ. Явилась возможность ходить на лекціи, то въ Сорбонну, то въ какой нибудь залъ, гдѣ объявлялась бесплатная лекція.

Но какъ только соприкоснулся съ людьми, опять сталъ раздражаться. Да какъ же это могло быть такъ? Читали: «о японской литературѣ», «о живописи Пикассо», «модернизмѣ Квадраченты» и еще о какой то ерундѣ... Это тогда, когда въ Россіи совершалась небывалая

катаклизма, равная міровому потопу, причемъ ее захлестывала не вода, но людская кровь! Бывали лекціи и о Россіи... Какъ дѣтямъ рассказывали о Волгѣ и показывали картинки, и старые сѣдые люди плакали отъ умиленія. Петрикъ сжималъ кулаки. О борьбѣ никто и никогда не говорилъ. Никто не говорилъ о необходимости всѣмъ подняться и итти вмѣстѣ съ таинственными братьями Русской Правды помогать тѣмъ, кто еще бился тамъ. Точно борьба за Россію исключалась, и о Россіи можно было только вспоминать, какъ о дорогомъ покойникѣ... Для Петрика Россія не была мертвой, но была живой и страдающей. И онъ страдалъ на этихъ лекціяхъ.

Досуги дали возможность Петрику читать газеты отъ начала до конца. И тутъ онъ возмущался. «Чашки чаю», почему?» — думалъ онъ, — «не стаканы вина? Какое, подумаешь, общество трезвости!...» Изъ сотенъ полковъ Русской арміи объединились десятки. Все больше кавалерія и Гвардія. Совсѣмъ почти не было пѣхоты. Раньше, — Петрикъ помнилъ эти времена, — создавались землячества, люди объединялись по признаку родства съ землею, по признакамъ принадлежности къ одной семьѣ. Теперь, — Петрикъ съ ужасомъ отмѣчалъ это въ своемъ умѣ, — объединялись по признакамъ исключительно политическимъ, и политика эта становилась все болѣе и болѣе нездоровой. Вдругъ, какъ чертополохъ и будяки на выпашахъ появились какіе то евразійцы, младороссы, точно недостаточно, или, можетъ быть стыдно быть просто русскими. Газеты пестрили таинственными буквами. Лѣнь или некогда было называть общества и союзы полными именами. Были: Р. Ц. О., Р. Д. О., В. М. С., Р. О. В. С., О. Р. О. В. У, З, и т. д.; и т. д. Заразная совдепская сыпь сокращеній поражала и эмиграцію и тутъ говорили на телеграфномъ кодѣ, будто стѣсняясь называть все своими подлинными и полными именами. Все это было новое... Можетъ быть нужно?... Петрикъ не зналъ этого. Онъ искалъ, ждалъ, когда прочтетъ, что и его Мариенбургскіе драгуны составляютъ свое объединеніе и соберутся... неужели на чашку чая?...

И дождался.

Петрикъ перевернулъ послѣднюю страницу газеты.

«Боярскій теремъ»... «Б. А. П.»... Это еще что такое?... «Ясновидящая»... Большой былъ спросъ на гадалокъ и ясновидящихъ... «Поваръ опытный»... не офицеръ ли какой безработный изъ бывшихъ гурмановъ? — ищетъ мѣста... «Требуются аэрографистки»... Это еще что за профессія? Ужели щелкать на машинкѣ и вовремя полета на аэропланѣ? — подумалъ Петрикъ. — «Times is money» — каждую минуту куютъ доллары. Современный дѣловой человѣкъ способенъ, спускаясь на парашютѣ, диктовать свои приказы «аэро-графисткѣ». И вдругъ глаза Петрика остановились. Онъ прочелъ, перечелъ, прочелъ еще разъ и все не вѣрилъ своимъ глазамъ. Но вѣдь ничего особеннаго не было. Это должно было случиться. Не могъ же быть ихъ полкъ такимъ исключительно несчастнымъ?

«Маріенбургскихъ драгунъ Е г о В е л и ч е -
с т в а » ...

Точно: въ демократической газетѣ крупно было напечатано: «Его Величества». Власть денегъ.

«Просить откликнуться полковникъ Дружко по адресу»... И стоялъ адресъ... Въ семнадцатомъ аррондисманѣ.

Петрикъ положилъ газету на колѣни и поднялъ глаза къ окну. Онъ не видѣлъ назойливой игры огней Эйфелевой башни. Онъ вспоминалъ тотъ незабвенный день, когда онъ принималъ въ командованіе четвертый эскадронъ... Штандартный... Самый лихой... И вечеромъ въ собраніи молодой корнетъ Дружко круглыми влюбленными глазами смотрѣлъ на Петрика. Тому прошло... Девятнадцать лѣтъ, однако... Корнетъ Дружко сталъ полковникомъ. Въ той арміи скорѣе производили...

Полковникъ Дружко просить откликнуться... А, можетъ быть, уже и еще ктонибудь откликнулся?... Петрикъ ушелъ изъ полка. Но въ полку поняли и оцѣнили причины, почему ушелъ Петрикъ и его просили вернуться, когда онъ только этого пожелаетъ. Нѣтъ причинъ ему теперь отказываться. Онъ, правда, женатый,

а ихъ полкъ холостой... Но гдѣ его жена и сколько лѣтъ онъ живетъ одинъ?

Да... Онъ откликнется. Онъ сдѣлаетъ это сейчасъ же, и лично, а не письмомъ... Корнетъ Дружко... Милый Степа Дружко!... Вотъ, кого онъ сейчасъ, черезъ какіе нибудь полчаса увидитъ, вотъ съ кѣмъ онъ будетъ говорить про полкъ и про всѣхъ, кого онъ зналъ и кого онъ такъ любилъ.

Петрикъ спускался съ шестого этажа.

На площадкѣ пятого его остановила Татьяна Михайловна.

— Куда вы?... Что вы?... Такой.

— Какой, такой?

— Да будто миллионъ въ лотерею выиграли.

— Я болѣе того счастливъ... Я нашелъ однопольчанина.

— И потому такъ сіяете?... Летите, никого не видя.

— Развѣ я васъ толкнулъ?... Простите...

— Нѣтъ, не толкнули... А только странно видѣть сіяющаго человѣка, который ничего не выигралъ и не получилъ какого то особеннаго мѣста... Ну, сіяйте, сіяйте...

И она замурлыкала: —

... «Paris... Reine du Monde

Paris, c'est une blonde

Le nez relève d'un air moquer

Les yeux toujours rieurs» ...*)

Дальше Петрикъ не слышалъ.

На планѣ у входа въ метро Петрикъ отыскалъ улицу, указанную въ объявленіи и помчался туда. Улица оказалась тамъ, гдѣ семнадцатый аррондисманъ теряетъ аристократическую тишину своихъ кварталовъ съ ихъ невысокими домами особняками и широкими, тихими улицами, и узкими тѣсными улочками, между высокихъ «доходныхъ» домовъ подходитъ къ шумному avenue de Clichy.

*) Парижъ — царица Міра, Парижъ блондинка съ насмѣшливо приподнятымъ носомъ и вѣчно смѣющимися глазами.

Шелъ дождь. Ноябрь былъ на исходѣ. Въ темнотѣ узкой улицы Петрикъ едва могъ различать номера домовъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, Дружко жилъ въ какомъ то вертепистомъ отелѣ.

— Colonel Droujko ?

— Au sixieme a gauche...

Лифта не полагалось. Домъ былъ старый, бѣдный, темный и тѣсный. Узкая лѣстница вилась въ безконечность. Лампочки гасли раньше, чѣмъ Петрикъ достигалъ слѣдующаго этажа. Подъемъ въ темнотѣ казался кошмаромъ. Ни номеровъ, ни досокъ съ фамиліями, ни визитныхъ карточекъ въ Парижѣ не полагалось. Вѣроятно этотъ порядокъ установился съ тѣхъ поръ, какъ по нему гуляла кровавая революція и люди скрывали мѣсто своего жительства.

Петрикъ постучалъ въ дощатую дверь гдѣ то подъ самой крышей.

— Entrez!..

Петрикъ открылъ незапертую на ключъ дверь. Маленькая комната была странно освѣщена. Единственная висячая на проволокѣ лампа была спущена къ большому столу и подтянута къ нему веревкой такъ, что освѣщала только столъ. Склонившійся надъ столомъ человѣкъ былъ въ тѣни. Въ свѣтѣ была рисовальная доска, стаканъ съ водою и желѣзный ящичекъ съ акварельными красками. Сидѣвшій всталъ отъ стола и лицо его совсѣмъ скрылось въ тѣни.

— Полковникъ Дружко?

— Съ кѣмъ имѣю честь?

— Степанъ Ильичъ!... Степа?... Ты?...

Дружко освободилъ привязанную лампу и поднялъ ее къ потолку освѣщая Петрика. Въ облакахъ табачнаго дыма Петрикъ увидалъ очень худое, помятое лицо съ глубокими складками у щекъ, порѣдѣвшіе, сивые волосы и сѣрые, круглые глаза. Только они и напоминали Дружко. Коричневый старый пиджакъ висѣлъ мѣшкомъ. Мягкій воротникъ былъ смятъ и галстухъ завязанъ небрежнымъ узломъ.

Между дверью и стѣною была низкая желѣзная кой-

ка, накрытая старымъ одѣяломъ: на ней лежали бумаги и рисунки. Стѣны мансарды до самаго потолка были завѣшаны картинами, изображавшими котовъ и кошекъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ и всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Большой желтый котъ, прекрасно написанный акварелью, нагло поднялъ лапу, изогнулся кольцомъ и совершалъ свой туалетъ. Бѣлая ангорская кошечка, написанная масломъ, лежала на голубой подушкѣ. И еще были коты. Не до нихъ было сейчасъ Петрику.

Дружко присматривался къ Петрику и, видимо, не узнавалъ его.

— Не узнаешь?... Такъ перемѣнился?... Ранцевъ.

Голосъ Петрика дрогнулъ.

— Петръ Сергѣевичъ... Боже мой... По объявленію меня разыскалъ?... Какое это счастье!.., Да какъ же мнѣ тебя то узнать?... А твои усы?... Волосы сѣдые! Да и я не ребенокъ корнетъ...

Дружко расчищалъ мѣсто на постели, чтобы посадить на нее Петрика.

— Ты что же... — не зная какъ и съ чего начать, сказалъ Петрикъ, еще разъ внимательно оглядывая комнатушку и котовъ.

— Какъ видишь... Художникъ... Специалистъ по кошкамъ... Спросъ есть и коты меня питаютъ.

— Ты что же съ натуры?

Петрикъ разсматривалъ рисунки.

— А какъ придется, смотря по заказу. Вотъ видишь этого желтаго нахала? Рекомендую: котъ Лулу моей консьержки. Умилостивительная ей жертва. Это копія. Оригиналъ проданъ за пятьдесятъ франковъ...

— Но у тебя подписано...

— Ахъ, Jule Lambert?.. Не удивляйся. Это требованіе моего патрона.

— Значитъ, — горько улыбаясь, сказалъ Петрикъ, — совсѣмъ, какъ и у моей патронши. Вѣдь и я не ротмистръ Ранцевъ, русскій, но просто monsieur Pierre, эльзасецъ. Они цѣнятъ наши знанія, нашъ умъ, наши таланты, нашу доблесть, но они и знать не хотятъ нашего славнаго русскаго имени.

— Не удивляйся и не негодуй, дорогой Петръ Сергѣевичъ. Это вполнѣ естественно. Не наша ли прежняя эмиграція въ теченіе едва ли не двухъ вѣковъ приучала ихъ презирать Россію, талдыча имъ на всѣ нарѣчья и лады, что Россія страна кнута и произвола, что дикіе и некультурные татары выше русскихъ? Такъ что же тутъ удивляться ихъ страху и пренебреженію русскаго имени.

Петрикъ промолчалъ. Онъ наблюдалъ и удивлялся на Дружко. Какъ развился и какъ поумнѣлъ онъ за эти годы скитаній и лишеній!

— Какъ я радъ, Петръ Сергѣевичъ, что ты сейчасъ же и откликнулся на мое объявленіе... Теперь у насъ пойдетъ работа. Мы будемъ теперь видѣться часто. Каждый день. Этого требуетъ... — Дружко сдѣлалъ паузу. — Нашъ полкъ!

XX.

Они видѣлись часто. Окончивъ свой дѣловой день Петрикъ пріѣзжалъ къ Дружко. Теперь уже не всѣ стѣны были завѣшаны котами. На главной лицевой стѣнѣ, гдѣ въ углу висѣла икона, былъ помѣщенъ большой портретъ Государя Императора Николая II въ формѣ 63-го Лейбъ Драгунскаго Маріенбургскаго полка. Подлѣ него были изображенія лейбъ драгунъ на коняхъ. Дружко былъ мастеръ рисовать не однихъ котовъ. Это была полковая стѣнка. Коты стѣснились на противоположной стѣнѣ между шкапомъ и окномъ. Они висѣли, отчасти закрывая другъ друга.

На столѣ къ приходу Петрика были положены два листа чистой бумаги и два хорошо отточенныхъ карандаша.

— Садись... Начнемъ. И такъ насъ двое... Слѣдовательно: мы теперь можемъ составить полковое объединеніе Лейбъ Маріенбургскаго полка и зарегистрировать его въ Обще-Воинскомъ Союзѣ. Это мною уже

сдѣлано. Нужныя бумаги написаны. Тебѣ ихъ только подписать.

— Постой, Степанъ... Но ты — полковникъ, я же всего ротмистръ. Тебѣ и надо быть предсѣдателемъ. Ты старшій.

— Ты ошибаешься. Ты царскій ротмистръ, а я добровольческій полковникъ. Ты нашъ девизъ помнишь? Ему не измѣнилъ?

— За вѣру, царя и отечество, — торжественно и твердо, тихимъ голосомъ сказалъ Петрикъ.

— Именно... Другого нѣтъ, и у насъ, русскихъ офицеровъ, быть и не можетъ, а потому, ты царскій ротмистръ, я царскій штабсъ ротмистръ и пока не отыщется кто нибудь старше тебя коренной маріенбуржецъ, ты являешься старшимъ и становишься предсѣдателемъ полкового объединенія. Подписывай заявленія.

Петрикъ, молча, не протестуя, подписалъ поданныя аккуратно написанныя бумаги.

— А теперь, слушай... Въ 1919-мъ году нашему славному 63-му Лейбъ Драгунскому Маріенбургскому Его Величества полку минуло триста лѣтъ его доблестнаго служенія русскимъ государямъ и Родинѣ. Наемные нѣмецкіе рейтары полковника Курціуса, драгуны Ласси, прославившіе себя на поляхъ подъ Дудергофомъ при Петрѣ и со славою участвовавшіе въ первой и второй Нарвахъ, кирасирскій фельдмаршала Миниха полкъ, опять драгуны въ Отечественную войну и, наконецъ, шефство Государя Александра I... Тогда, въ 1919-мъ году, какъ то не вспомнили объ этомъ. Я былъ посланъ за вещами офицерскаго собранія, вывезенными въ Вильно, и нашелъ городъ въ польскихъ рукахъ. Ничего не уцѣлѣло. Священные мундиры шефовъ, старые штандарты, полковое и призовое серебро — оно то, конечно, въ первую голову — было разграблено и растащено неизвѣстно кѣмъ. Но я знаю, что многое можно найти по антикварамъ, по жидовскимъ лавченкамъ, искать по объявленіямъ. Я знаю: люди ищутъ и находятъ.

— Нужны деньги и люди, — сказалъ Петрикъ.

— Да, совершенно вѣрно... Нужны люди. И они

есть... Это мы съ тобой. А когда есть люди будутъ и деньги. Мы создадимъ свой полкъ снова. Мы будемъ праздновать свой трехсотлѣтній юбилей. Это ничего, что онъ прошелъ. Мы возвратимся къ этому дню.

— Праздновать, — тихо сказалъ Петрикъ. — Прости меня, Степа, но не звучитъ какъ то это слово въ моемъ сердцѣ. Праздновать?... Какъ это можно праздновать?... Теперь?... Когда вся Россія залита кровью безчисленныхъ разстрѣловъ?... Когда самого полка нѣтъ и нѣтъ его святого штандарта?... Когда мы, русскіе, безъ Родины?... Унижены до послѣдней степени?... Какъ это, въ такое то время праздновать? Въ чемъ же можетъ заключаться нашъ праздникъ?... Въ слезахъ?... Въ панихидномъ пѣніи по погибшемъ полкѣ? Самый настоящій праздникъ — это купить винтовку и патроны и уйти въ приграничные лѣса, партизанить съ братьями Русской Правды... Каждый убитый коммунистъ — праздникъ полка.

— Постой... Погоди... Выслушай меня.

Дружко опустилъ къ самому столу лампу. Комната погрузилась во мракъ. Только на столѣ былъ свѣтлый кругъ и въ немъ два листа бѣлой бумаги. Дружко говорилъ... И точно вдругъ раздвинулись стѣны тѣсной и низкой мансатры. Выше сталъ потолокъ. Исчезли со стѣнъ коты. И не слышно стало городского Парижскаго шума.

...Просторный кабинетъ тонулъ въ нарочито сдѣланномъ уютномъ полумракѣ. Пылалъ въ углу каминъ. Зимняя торжественная стояла тишина. Все точно застыло въ покоѣ и довольствѣ. Время потекло обратно. Петрикъ не сидѣлъ на жесткомъ рыночномъ стулѣ изъ соломы, но было подъ нимъ глубокое кресло, обитое мягкой кожей съ мягкой спинкою и крутыми вальками. Въ глубинѣ кабинета чуть отблескивала каминные огни широкая золотая лѣпная рама и въ ней такъ Петрику знакомая картина Коцебу: «Взятіе Варшавской Воли», и на ней подвигъ полка. Не сѣрый дымъ плохого «капоралъ» шелъ передъ нимъ отъ папиросы Дружко, но будто курилъ Степа дорогую сигару, что только что принесъ ему полковой буфетчикъ, и терпкія, ароматныя,

сизыя и голубыя прямыя струи сигарнаго дыма тянулись между каминомъ и картиной. И будто Дружко налилъ не въ рябые стаканы блѣднаго «ординера», а наливаль въ хрустальныя фужеры играющій и искрящійся золотой Муммъ... Трѣ сѣкъ... Полковая марка.

И говорилъ Дружко не усталымъ голосомъ недоѣдающаго и недосыпающаго рабочаго человѣка, но своимъ бодрымъ корнетскимъ голосомъ.

— Прежде всего, мы достанемъ полковую исторію.

Петрикъ записалъ на чистомъ листѣ бумаги: «полковая исторія».

— Я заходилъ въ русскій книжный антикварный магазинъ. Тамъ есть. Просятъ тысячу франковъ. Мнѣ обѣщали подождать шесть мѣсяцевъ. Записали книгу за мной.

— Черезъ шесть мѣсяцевъ мы должны имѣть эту тысячу франковъ, — сказалъ Петрикъ и отмѣтилъ на листѣ цифру: 1000.

— Мы ее и будемъ имѣть, — твердо сказалъ Дружко. — Каждое воскресенье послѣ перваго числа, ты будешь приходить ко мнѣ и класть ровно въ девять часовъ, въ часъ вечерней зари, въ эту копилку сто франковъ... На полкъ !..

— На полкъ, — повторилъ Петрикъ. Его голосъ звучалъ торжественно.

— Исторія полка... Отмѣть: черезъ шесть мѣсяцевъ мы имѣемъ на исторію полка тысячу двѣсти франковъ. Слушай дальше. Нашъ долгъ, во что бы то ни стало, какою бы то ни было цѣною отыскать и раздобыть нашъ полковой штандартъ.

— Но гдѣ?... Какъ?...

— Я слышалъ, что его вывезъ и спасъ послѣдній штандартный унтеръ офицеръ Карвовскій. Ты его помнишь?

— Помню ли я?... Вѣдь моего лихова четвертаго... Онъ петербургской губерніи былъ, Дудергофской волости.

— Онъ ѣхалъ со штандартомъ въ Добровольческую армію. На пути едва не попалъ къ краснымъ... Спасся къ Уральскимъ казакамъ. Съ ними сдѣлалъ ихъ леген-

дарный походъ по пескамъ и пустынямъ Закаспія и перешелъ границы Персіи. Его тамъ надо разыскивать. Уралецъ Бородинъ въ Сербіи мнѣ говорилъ, что онъ слышалъ что штандартъ цѣль.

Напряженнѣйшая тишина наступила послѣ этихъ словъ Дружко.

— И мы должны отыскать Карвовскаго и выписать его сюда. Клади на это двѣ тысячи.

— Съ половиной, — тихо сказалъ Петрикъ.

— Сколько бы ни потребовалось. Когда будетъ Штандартъ, намъ легче станеть собирать къ нему людей. Мнѣ писали: въ Монтаржи работаетъ нашъ драгунъ... Вотъ когда будетъ штандартъ мы и напомнимъ о своемъ трехсотлѣтнемъ существованіи. Мы наймемъ большой залъ...

— Или попросимъ гостепріимства у Лейбъ казакъ. Это для такого случая будетъ много лучше.

— Вѣрно. Мы привеземъ туда свой штандартъ.

— Штандартный въ формѣ.

— Непремѣнно... И мы всѣ въ историческихъ формахъ полка за триста лѣтъ его существованія... Намъ будетъ уже много...

— Молебень.

— Слово къ присутствующимъ... скажетъ тотъ, кто будетъ старшимъ...

— Мы будемъ почтительно просить Великихъ князей почтить насъ своимъ присутствіемъ.

— Представителей полковъ кавалеріи.

— Гвардіи, арміи и флота... Ты понимаешь, Петръ Сергѣевичъ, что въ такой день безъ бокала вина нельзя.

— Муммъ extra dry... Полковой марки.

— Первый и единственный тостъ: за Государя и за полкъ.

— За полкъ!

— За Россію!

— Государь и Россія одно... Мы за Россію отдѣльно никогда не пили. Въ государѣ и Россіи.

— И з а п о л к ъ ! — съ глубочайшимъ волненіемъ сказалъ Петрикъ.

— За полкъ, — снова повторилъ Дружко.

Внизу, кругомъ, шумѣлъ, гудѣлъ и пѣлъ пѣсню города Парижъ. Въ незанавѣшенное окно видны были красные и цвѣтные огни рекламъ. Прямо передъ отелемъ, гдѣ жилъ Дружко было пустопорожнее мѣсто. Тамъ сломали домъ и расчищали мѣсто для постройки новаго. Въ этотъ пролетъ между домами была видна перспектива улицъ. Какой то куполь не то банка, не то дворца банковаго короля тамъ возвышался. Сѣрое декабрьское небо отражало заревомъ огни города. На столѣ передъ ними на помаранныхъ замѣтками листахъ лежали большіе никкелевые часы Дружко. Они показывали безъ четверти девять.

Ни Петрикъ ни Дружко ничего этого не видали и не слышали. Они все были какъ бы въ полковой библіотекѣ, и за стѣнами ея была зимняя тишина ихъ захолустнаго мѣстечка.

Петрикъ посмотрѣлъ на часы.

— Ты слышишь, — чуть слышно, точно боясь разсѣять очарованіе мечты и прогнать родные призраки, сказалъ онъ.

— Ну?

— Заря... Наша заря...

Городъ за окномъ пѣлъ суровый гимнъ каменныхъ громадъ, тюремъ человѣческой души. Рожки и клаксоны давали какую то несложную мелодію. Дружко сложилъ губы трубочкой и, искусно подражая звуку сигнальной трубы сталъ выдувать: —

«...Господи... Спаси... сохрани
Воиновъ... и Россію...»

Петрикъ внимательно его слушалъ. Благоговѣнно и молитвенно было его лицо.

— Мы всегда... Стоя слушали эту молитву, — какъ бы про себя, какъ въ какой то дремотѣ, проговорилъ Петрикъ.

Дружко продолжалъ играть, подражая трубѣ.

Петрикъ сидѣлъ неподвижно, устремивъ свой взглядъ на окно. Онъ не видалъ парижскихъ улицъ. Онъ

не чувствовалъ на себѣ темно сѣраго дешеваго пиджака наѣздника, пропахшаго конскимъ потомъ. Онъ смотрѣлъ въ окно и видѣлъ заснѣженную Россію и чувствовалъ на себѣ стягивающій и тѣсный полковой мундиръ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Дружко. Рѣдкіе, сивые волосы сбились надъ его лбомъ. Лицо было сосредоточенно и серьезно. Онъ и точно, какъ молитву выдувалъ губами кавалерійскую зорю. Глаза въ набрякшихъ красныхъ вѣкахъ смотрѣли напряженно и строго на портретъ Государя въ Маріенбургской формѣ.

Онъ допѣвалъ послѣднія ноты зори.

XXI.

Петрикъ проводилъ кліента, долговязаго американца, бравшаго у него урокъ ѣзды и пошелъ въ бюро посмотреть «книгу приказовъ». Другой наѣздникъ, англичанинъ мистеръ Томпсонъ, стоялъ надъ книгой. Ту-скло надъ нею горѣла лампочка. Томпсонъ повернулъ голову къ Петрику и показалъ ему на запись.

— Вамъ завтра съ восьми, — сказалъ онъ, — и посмотрите-ка какая вамъ лошадь. Это что то особенное, что патронша даетъ такую лошадь первый разъ.

Петрикъ нагнулся надъ книгой. Тонкими падающими буквами госпожи Ленсманъ тамъ было написано: — «вторникъ, 2-го декабря. Мосье Пьеръ. Миссъ Гербертъ. — Фонеттъ. Буль-де-нежъ. —

Лучшая лошадь заведенія, свѣтло рыжая кобыла Фонеттъ, предназначалась для какой то миссъ Гербертъ. И время было дано не часъ, какъ обыкновенно, а полтора часа. Петрикъ закрылъ книгу и вышелъ на улицу. Новая кліентка и, видимо, любительница, если беретъ лошадь на полтора часа и если ей такъ довѣряетъ хозяйка. Вѣрно на долго. Впрочемъ все будетъ зависѣть отъ погоды. Петрикъ уже изучилъ обычаи «катающихся». Погода дѣлала хорошіе и худые дни.

Безъ четверти восемь на другой день Петрикъ подходилъ къ заведенію Ленсманъ. Ворота были открыты. Сама Ленсманъ была уже на дворѣ.

День общалъ быть хорошимъ. Густой туманъ опускался надъ городомъ. Но надъ сѣрыми крышами домовъ розовѣло небо, а въ самомъ верху оно было чистаго голубого цвѣта. Солнце пробивалось сквозь туманъ.

На дворѣ уже стояли посѣдланныя лошади перваго урока. На Фонеттъ было новое, собственное, не манежное, англійское сѣдло. Оно было маленькое. Значить миссъ Гербертъ не толстуха и будетъ ѣздить по мужски. Ленсманъ строго и внимательно осмотрѣла съ головы до ногъ Петрика. Осталась видно довольна осмотромъ. Легкая тѣнь улыбки скользнула по ея сухому лицу стараго гренадера. Сапоги и шпоры Петрика блестѣли, распахнутый рейтъ фракъ былъ еще достаточно свѣжъ. Котелокъ хорошо начищенъ. Наѣздникъ былъ строенъ и красивъ. Сѣдые волосы придавали ему нужную солидность.

— Клиентка очень молодая, — сказала Ленсманъ, — не позволяйте ей много скакать.

— *C'est entendu, madame,* — поднимая надъ головою котелокъ, сказалъ Петрикъ.

Клиентка начинала его интересоваться. Онъ внимательно осмотрѣлъ сѣдловку обѣихъ лошадей. Старый Бульде-нежъ добродушно оскалился на Петрика. Точно подсмѣивался надъ лишними заботами наѣздника.

Петрикъ ожидалъ у воротъ. По улицѣ взадъ и впередъ, заложивъ длинный бичъ за спину, разгуливалъ Томпсонъ. У него урокъ былъ отъ девяти, но погода была очень хороша и могъ набѣжать случайный клиентъ.

Ровно въ восемь, къ воротамъ мягко и беззвучно точно подплылъ громадный восьмицилиндровый американскій «Пакхардтъ». Петрикъ, знакомый съ шофферами, сразу оцѣнилъ машину: — сорокъ пять городскихъ, сто десять настоящихъ силъ. Всѣ новѣйшія усовершенствованія роскоши и удобства. Долговязый шофферъ французъ въ длинной синей ливреѣ и фуражкѣ,

не спѣша вылѣзъ изъ своей застекленной кабины, обошелъ машину и открылъ широкую дверь кареты.

Оттуда вышла стройная дѣвушка, лѣтъ семнадцати. За ней показалась полная сѣдая, очень богато одѣтая дама. Дѣвушка была въ разрѣзной амазонкѣ, въ высокихъ рыжей шагрени очень дорогихъ сапогахъ со шпорами. Поверхъ было надѣто широкое пальто изъ серебристыхъ соболей. Изъ подъ чернаго котелка на лобъ выбивалась тонкая прядка золотистыхъ волосъ. Эта прядка придавала лицу амазонки шаловливый видъ. Дѣвушка была высока, почти такого же роста, какъ и Петрикъ. Дама остановилась разговаривать съ Ленсманъ. Амазонка кивнула хозяйкѣ головкой со стриженными по модѣ волосами и прошла къ своей лошади. Петрикъ стоялъ подлѣ Фонеттъ, готовый помочь новой кліенткѣ. Сѣро голубые глаза дѣвушки, такъ много напомнившіе Петрику глаза цвѣта морской волны были широко раскрыты. Въ нихъ свѣтилась дѣтская радость.

— Am I to ride this horse ?

Голосъ былъ глубокъ и красивъ. Онъ показался Петрику сладкой музыкой.

— Yes, miss.

— Is it good — natured ?

— Yes, miss*).

— May I pat it ?

Петрикъ самъ погладилъ Фонеттъ, показывая, что лошадь добрая. Дѣвушка съ ласковою нѣжностью стала гладить и трепать лошадь по шеѣ.

— Я надѣюсь мы будемъ друзьями и полюбимъ другъ друга, — сказала она по англійски, какъ бы сама съ собою.

Сѣдая дама, сопровождаемая Ленсманъ подошла къ нимъ. Она строго осмотрѣла Петрика.

— Are you quite sure of him, madam ?

— Indeed I am, Madam. Monsieur Pierre is a

*) Я поѣду на этой лошади?

— Да миссъ.

— Она добрая?

— Да, миссъ.

Frenchman. He has been for many years in our house. He is an accomplished horseman.

— Up, my darling?!*)

Петрикъ подставилъ руку, амазонка поставила на нее свою маленькую ножку и легко, привычнымъ движеніемъ опустила въ сѣдло. Петрикъ вскочилъ на Буль-де-нежъ. Его кліентка поѣхала къ воротамъ и, выѣзжая изъ нихъ, помахала привѣтливо ручкой сѣдой дамѣ.

— Пожалуйста направо, — показалъ Петрикъ дорогу.

Лошади шли бодро и смѣло по камнямъ улицы. За послѣдними домами показался Булонскій лѣсъ. Солнце побѣдило туманъ. Послѣдніе клочья его застыли между кустами въ низинахъ. Весь сквозной лѣсъ горѣлъ въ яркихъ лучахъ. Точно золотой дождь пролилъ надъ нимъ и отдѣльныя капли его спадали съ тонкихъ вѣтвей: золотые листья, уцѣлѣвшіе отъ вѣтряныхъ бурь прозрачными гроздьями свѣшивались кое гдѣ съ темныхъ сучьевъ. Дали аллеи клубились прозрачными голубыми туманами. Со всѣхъ сторонъ къ лѣсу направлялись всадники и амазонки. Всѣ точно обрадовались солнцу и прекрасной теплой погодѣ. Сзади по *avenue du bois de Boulogne* по широкимъ панелямъ сплошной толпой двигались пѣшеходы.

— Какая прелесть! — сказала дѣвушка, тонкимъ хлыстикомъ показывая въ глубину аллеи.

— Что прикажете? — сказалъ Петрикъ.

Положительно ему сегодня не давался англійскій языкъ и тонъ наѣздника. Онъ внимательно посмотрѣлъ на амазонку. Должно быть она много и съ дѣтства ѣздила верхомъ. Она сама безъ подсказки Петрика разобрала поводья по полевому. Сидѣла она прекрасно. Длинная стройная нога красиво обрисовывалась подъ

*) Можно ее погладить?

— Вы вполне полагаетесь, мадамъ?

— О, да, мистриссъ... Мосье Пьеръ французъ. Онъ давно у насъ служить и наѣздникъ замѣчательный.

— Садись, моя милая!

юбкой амазонки. Шенкель былъ наложенъ. Бояться за нее не приходилось. Петрикъ сознавалъ, что онъ ѣхалъ теперь съ самой красивой и нарядной наѣздницей, ка кую онъ видалъ въ Булонскомъ лѣсу. И это было пріятно, и тѣмъ еще труднѣе было выдерживать менторскій тонъ наѣздника.

Дѣвушка прямо въ глаза посмотрѣла Петрику. Удивительно, несказанно чистъ и ясенъ былъ взглядъ глубокихъ глазъ цвѣта прозрачной морской волны.

— Это и есть Булонскій лѣсъ?

— Да, миссъ.

— Я ѣздила въ Кенсингтонскомъ паркѣ и въ Гайдъ паркѣ. Тамъ тоже очень красиво. Только тамъ гораздо чище... И бараны бродятъ по «пелузамъ»... Очень это украшаетъ и оживляетъ.

Петрикъ ее плохо понималъ. Онъ помнилъ, что разговаривать не полагается и промолчалъ.

— Я думаю, тутъ можно рысью?

— Какъ вамъ будетъ угодно, миссъ.

Они пошли рысью. Лошади шли, играя. Фонеттъ точно не чувствовала тяжести и шла воздушно, совсѣмъ точно не касаясь земли. Такъ многое напоминала и эта легкая побѣжка лошадей и это плавное приподниманіе черезъ тактъ граціознаго дѣвичьяго стана. Сердце щемило тоскою воспоминаній. Буль-де-нежъ едва поспѣвалъ за Фонеттъ. Онъ бѣжалъ, недовольно крутя головою.

Черное шоссе пересѣкало верховую дорожку. Петрикъ обогналъ на полшага амазонку и сказалъ: —

— Здѣсь надо шагомъ.

— Почему?

— Здѣсь скользко и могутъ быть автомобили.

— А... Да...

Они пересѣкли дорогу, шедшую отъ *Porte de la Muette* и шагомъ пошли къ большому длинному озеру. Вода въ немъ казалась темнозеленой и клубилась холоднымъ паромъ. По смятой, набухшей бурой травѣ золотымъ узоромъ легли послѣдніе опавшіе листья. Здѣсь шумы города не были такъ слышны. Рѣже попадались автомобили. Верховыхъ было много и Пет-

рикъ долженъ былъ быть на чеку. Высокій господинъ, сопровождаемый мулатомъ ихъ обгонялъ полевымъ галопомъ. Фонеттъ заволновалась и поддала задомъ.

— Fighten the reins.

— It's done.*)

Дѣвушка виноватыми глазами посмотрѣла на Петрика. Совсѣмъ такъ смотрѣла на него когда то Валентина Петровна, когда онъ давалъ ей урокъ въ манежѣ Боссе. На мгновеніе воспоминаніе о прошломъ заслонило его настоящее. Очень уже эта дѣвушка ему напоминала его жену, когда она совсѣмъ еще юная носилась съ нимъ по полямъ и лѣсамъ Захолустнаго Штаба.

Амазонка подобрала поводъ и поскакала галопомъ. Въ концѣ озера шоссе шло поперекъ ихъ пути. Петрикъ опять обогналъ дѣвушку и, преграждая ей путь рукой, серьезно сказалъ: —

— Здѣсь надо шагомъ.

Отъ плохого произношенія по англійски Петрика это вышло у него непроизвольно строго.

— Опять шоссе, — вздохнула дѣвушка.

— Да, миссъ.

Они обогнули озеро. Когда выворачивали на дорогу, ведущую къ воротамъ лѣса, Петрикъ сказалъ: —

— Миссъ ѣздитъ уже часъ съ четвертью. Можетъ быть, миссъ повернетъ домой. Этою дорогою мы какъ разъ черезъ четверть часа будемъ у конюшенъ.

Она ничего не сказала и покорно поѣхала туда, куда ей указалъ Петрикъ. Въ прекрасныхъ глазахъ ея горѣла радость. Лошади шли къ дому просторнымъ и легкимъ шагомъ. Наѣздница опустила правую руку и чуть покачивала ею въ тактъ хода лошади. Они свернули въ переулочекъ. Передъ ними были ворота заведенія госпожи Ленсманъ.

— Очень хорошо было, мистеръ, — сказала, поворачивая къ нему оживленное, раскраснѣвшееся лицо дѣвушка. — Но какой вы строгій... И педантъ!... педантъ!...

Петрикъ вздрогнулъ. Она сказала слово: «педантъ»

*) — Подберите поводъ.

— Я знаю (сдѣлано).

какъ будто не по англійски «пед-энтъ», но точно по русски: — «педантъ» съ удареніемъ на второмъ слогѣ. Такъ нѣкогда, заканчивая съ нимъ ѣзду въ манежѣ сказала ему его Валентина Петровна. Впрочемъ, можетъ быть, это только такъ показалось, потому что, страннымъ образомъ въ этотъ мигъ эта чужая дѣвушка, англичанка, до мелочей напомнила ему его милое, далекое, покинутое, недостижимое Солнышко.

Петрикъ легко снялъ съ сѣдла амазонку. Шофферъ подаль ей соболью шубку. Миссъ Гербертъ ласкала лошадь, принятую конюхомъ и давала ей сахаръ. Старая дама спрашивала ее о впечатлѣніяхъ прогулки. Петрикъ пошелъ къ конюшнѣ.

— Мосье Пьеръ, — нетерпѣливо окликнула его дѣвушка. Она протягивала ему руку... «Да... На чай»...

Петрикъ подошелъ къ ней и снялъ шляпу. Она теперь совсѣмъ не походила на его Солнышко. Она сунула въ его руку двѣ смятыя свѣжія десятифранковки.

— Благодарю васъ миссъ.

Обоимъ стало почему то неловко.

Пустымъ взглядомъ смотрѣлъ Петрикъ, какъ она прошла къ машинѣ. Пожилая дама уже сидѣла въ каретѣ. Шофферъ закрылъ дверь, не спѣша сѣлъ къ рулю и громадная машина мягко и плавно тронула съ мѣста.

Петрику показалось, что солнце зашло за тучи и стало темно. Небо было безъ облака, и Парижъ по блеску солнечнаго декабрьскаго дня соревновалъ съ Ниццей. Яркимъ солнечнымъ свѣтомъ былъ залитъ конюшенный дворъ. На немъ уже стояли готовые для ѣзды лошади. Сейчасъ долженъ былъ ѣздить съ Петрикомъ японецъ изъ посольства.

Маленькій, худощавый, лукавый японецъ выходилъ изъ бюро, натягивая перчатки.

— Eh bien, mon vieux, — японецъ подпрыгнулъ и хлопнулъ по плечу Петрика. Онъ считалъ хорошимъ тономъ фамиллярность со служащими. *Quel beau temps.**).

*) — Ну что, старина. Какая чудная погода.

Лошади дружно вышли изъ воротъ. Уличка была пуста. По мокрому асфальту сѣрыми змѣями вились слѣды наряднаго Пакхардта.

И почему то непонятная грусть охватила Петрика и онъ съ трудомъ отвѣчалъ на шутки японца.

XXII.

Жизнь Ферфаксова, послѣ его женитьбы на Анелѣ, рѣзко измѣнилась. Хоръ Воронина распался, и Ферфаксовъ остался безъ работы. Тутъ за него принялась Анеля. Отъ тѣхъ добрыхъ людей, которые помогли ей устроить отца въ Русскій домъ, а потомъ достойно похоронить его, она достала денегъ взаймы и энергично принялась за мужа. Факсъ во время своего пребыванія въ русскомъ хорѣ совсѣмъ не говорившій по французски теперь долженъ былъ засѣсть съ Анелей за уроки французскаго языка. По утрамъ онъ посѣщалъ автомобильную школу, по вечерамъ съ Анелей зубрилъ улицы Парижа и правила ѣзды. Анеля достигла своего. Черезъ три мѣсяца упорнаго труда Ферфаксовъ выдержалъ экзаменъ, получилъ картъ розъ и картъ «bleu»*) и взялъ мѣсто шоффера на такси въ одномъ гаражѣ. Теперь жизнь его протекала на улицѣ среди людской толчеи въ страшномъ калейдоскопѣ парижской суеты. И это отразилось на немъ. Спокойный и уравновѣшенный до этого времени онъ сталъ нервнымъ и беспокойнымъ. Ему все казалось, что онъ долженъ что то дѣлать. Онъ искалъ истину. Нервный днемъ, онъ не могъ успокоиться къ вечеру. Анеля и возня со Стасемъ его не удовлетворяли. Онъ долженъ былъ быть на людяхъ и кого то слушать, чему то учиться. Онъ не пошелъ, какъ то сдѣлалъ Петрикъ на Военно-Научные курсы.

*) — Картъ розъ — билетъ на право управленія и ѣзды на автомобилѣ, картъ бле — билетъ на право быть шофферомъ на такси.

Онъ жаждалъ общихъ знаній, политика и философія его увлекали. Какъ только выпадала свободная минута во время стоянки, онъ бралъ русскую газету и первое, что смотрѣлъ въ ней — отдѣлъ: «лекціи и собранія». Онъ намѣчалъ, куда онъ пойдетъ этимъ вечеромъ. Онъ съ одинаковымъ вниманіемъ и, какъ будто даже удивленіемъ слушалъ о борьбѣ партизанъ на Дальнемъ Востока, о Португальской поэзіи XVI вѣка, о четвертой вѣпостаси и святой Софіи, ходилъ на проповѣди проповѣдника Рогожина, слушалъ пренія по «текущему» моменту. Онъ сталъ членомъ нѣсколькихъ обществъ и союзовъ и даже кое гдѣ вошелъ въ правленіе. И отъ этого обилія лекцій, рѣчей и диспутовъ съ нимъ сдѣлалось то, что бываетъ съ обѣзвѣвшимъ человѣкомъ. Какъ у того бываетъ несвареніе желудка, такъ у Ферфаксова стало какъ бы несвареніе мозговъ. Онъ многое, такое простое раньше для него, пересталъ понимать. Давно ли онъ повторялъ слова апостола Петра: — «кто любитъ жизнь и хочетъ видѣть добрые дни, тотъ удерживай языкъ свой отъ зла и уста свои отъ лукавыхъ рѣчей»...*) Лукавыя рѣчи тянули его. Онъ, какъ пьяница безъ вина, не могъ обходиться безъ того, чтобы кто нибудь что нибудь ему не рассказывалъ и не разъяснялъ. Среди своихъ товарищей по гаражу, шофферовъ, онъ не находилъ людей, которые помогли бы ему разобраться въ томъ, что онъ слышалъ кругомъ. Ихъ интересы были мелкіе и узкіе. Говорили лишь о томъ, кто сколько наѣздилъ за день, кому сколько дали на чай. Еще говорили объ «аксиданахъ», о строгости парижскихъ «ажановъ». Мечтали не о Россіи. Россія уплыла въ какое то далекое и, пожалуй совсѣмъ недоступное и недостижимое мѣсто. О ней говорили мечтатели. Идеаломъ шоффера, особенно изъ молодыхъ, былъ сильный человѣкъ американской складки и потому мечтали лишь о томъ, какъ наколотить деньгу, купить машину «люксъ» и работать отъ себя и для себя.

...«Насъ столько разъ обманывали... Кому теперь вѣрить?... Нѣтъ, на авантюру я не поддамся?... Зачѣмъ

*) Первое посланіе апостола Петра. Гл. 3. ст. 10.

инѣ туда?... У меня тутъ все есть... Подъ солнцемъ мѣста много... Насѣ тамъ не хотятъ, чего же мы будемъ туда соваться?...» — Говорили Ферфаксову въ отвѣтъ на его вопросы: — «что теперь дѣлать»...

Такія рѣчи Ферфаксова не удовлетворяли. Тѣмъ болѣе чужды были онѣ ему, что совсѣмъ другое онъ слышалъ отъ Ранцева, съ которымъ поддерживалъ постоянныя сношенія.

Въ ту зиму, когда Петрикъ поступилъ въ заведеніе госпожи Ленсманъ и сталъ наѣздникомъ, Ферфаксовъ, какъ никогда раньше носился съ масонами. Онъ такъ жаждалъ чьего то руководства, такъ, бѣдный, потерялся во всемъ томъ, что онъ слышалъ, такъ совершенно утратилъ свою волю, что ему стало казаться, что въ масонствѣ онъ именно и найдетъ то, чего ему такъ недоставало. Сдѣлаться масономъ — потерять свою свободную волю и отдать себя въ распоряженіе какихъ то мудрыхъ людей и власти, которыхъ, правда, не знаешь, но которые ведутъ къ истинѣ.

У нихъ въ гаражѣ появился молодой человѣкъ, графъ Онгринъ. Онъ числился когда то въ блестящемъ гвардейскомъ полку. Въ дѣтствѣ былъ страшно богатъ, теперь, лишившись всего, работалъ шофферомъ. Онъ рѣзко отличался отъ другихъ шофферовъ. Онъ былъ задумчивъ, сосредоточенъ и молчаливъ. Однажды, когда машины Ферфаксова и графа Онгрина стояли рядомъ, они разговорились.

Ферфаксовъ съ подкупающей искренностью разсказалъ Онгрину о своихъ сомнѣніяхъ и исканіяхъ, о своей полной неудовлетворенности, о своихъ колебаніяхъ и поискахъ истины. Графъ Онгринъ открылся Ферфаксову, что онъ масонъ.

— Ну и что же? — съ живѣйшимъ интересомъ спросилъ Онгрина Ферфаксовъ.

— Я нашелъ тамъ большое удовлетвореніе, — спокойно отвѣчалъ Онгринъ.

И тогда Ферфаксовъ упросилъ графа Онгрина устроить совсѣмъ маленькое собраніе, гдѣ бы можно было откровенно поговорить о масонствѣ и современномъ его значеніи.

— Все будутъ свои... Офицеры... Мы обсудимъ... Это не простое любопытство. Такихъ ищущихъ, какъ я, много... Раньше меня вело священное писаніе... Теперь я колеблюсь... Нахожу противорѣчія... Сомнѣваюсь... Можетъ быть, масоны меня научатъ и пріоткроютъ уголокъ истины.

Графъ Онгринъ обѣщалъ переговорить со своимъ наставникомъ и черезъ нѣсколько дней сообщилъ Ферфаксову, что согласіе дано, что на собраніе придетъ видный масонъ парижской ложи и что Ферфаксовъ можетъ привести на собраніе сколько угодно и какихъ угодно оппонентовъ, хотя самого Николая Евгеніевича Маркова, масонамъ это не страшно.

Ферфаксовъ разсказалъ объ этомъ Петрику и просилъ и его вмѣстѣ съ Дружко притти на это собраніе. Петрикъ сначала закобанился. Все это ему казалось нуднымъ, бесполезнымъ и совсѣмъ ненужнымъ, но потомъ, переговоривъ съ Дружко, согласился.

Другъ ли врагъ ли масоны — ихъ надо знать. Дружко отыскалъ нѣкоего полковника Пиксанова. Это тоже былъ гвардейскій офицеръ. Когда то онъ вошелъ въ масонскую ложу, потомъ разочаровался и вышелъ изъ нея. Онъ согласился быть на собраніи и, если то будетъ нужно, выступить со своими опроверженіями.

Въ вечеръ того дня, когда Петрикъ первый разъ ѣздилъ съ миссъ Гербертъ онъ отправился на это собраніе.

XXIII.

Собраніе было назначено въ отдѣльной комнатѣ бистро на rue de la Convention противъ rue Vercingetorix. Это была не то галлерей, не то стеклянный балконъ, выходившій на улицу. Въ ней стояли простые длинные столы и соломенные стулья. Изъ сѣней былъ отдѣльный ходъ въ эту комнату. По другую сторону сѣней была буфетная стойка, за ней билліардная.

Начало было назначено ровно въ девять, и Петрикъ — дѣйствительно: педантъ, педантъ! — пришелъ безъ десяти минутъ девять. Въ бистро еще никого не было. Не было даже и самого устроителя, Ферфаксова. Хозяинъ, толстый черномазый, ко всему равнодушный французъ, показалъ Петрику комнату и сказалъ, что она «réservée» для какого то русскаго «union» *)

Въ комнатѣ, куда прошелъ Петрикъ, было прохладно. Пахло виннымъ спиртомъ и кофе. Оконныя занавѣси были наглухо задернуты. Изъ сосѣднихъ помѣщеній слышались возгласы на французскомъ языкѣ и шелканіе карамболирующихъ шаровъ.

Прошло бездумныхъ пять минутъ. Сразу пришли Ферфаксовъ и Дружко. Дружко пришелъ въ ужасъ, увидѣвъ предсѣдателя, пришедшаго раньше него.

— Неужели я опоздалъ? — воскликнулъ онъ, вынимая изъ жилетнаго кармана никелевые часы.

— Успокойся, Степа, это я пришелъ слишкомъ аккуратно. Видишь, никого и нѣтъ.

Ферфаксовъ озабоченно съ видомъ хозяина пересчиталъ стулья.

— Будетъ много народа? — спросилъ Петрикъ.

— Человѣкъ двѣнадцать обѣщало притти. Генераль Ловчилло будетъ дѣлать докладъ о путяхъ масонства... Будетъ полковникъ Пиксановъ, графъ Онгринъ, полковникъ Парчевскій, онъ мнѣ говорилъ, что онъ былъ съ тобою въ школѣ, Помпоновъ, Рукинъ и еще кое кто. Все офицеры, жаждущіе правды. Хорошій все народъ... А я, знаешь, Петръ Сергѣевичъ, волнуясь. Я вчера и духовника своего спрашивалъ, не грѣшу ли я? Мой духовникъ ничего противъ масоновъ не сказалъ, а у меня все такое чувство, что діаволь будетъ между нами.

— А вы, если діаволь, съ молитвою на него, — сказалъ Дружко, и нельзя было понять, шутить онъ или серьезно говорить.

Къ половинѣ десятаго начали собираться.

— Простите, господа, — говорилъ, снимая съ шеи шарфъ, графъ Онгринъ, — маленькое опозданіе, но

*) Заказана для собранія.

какъ разъ въ послѣднюю минуту подвернулся выгодный клиентъ, я не могъ ему отказать... Сюда мчался, какъ оглашенный. Я и машину въ гаражъ не сдавалъ... Онгринъ чувствовалъ себя до нѣкоторой степени героемъ собранія и былъ менѣе молчаливъ, чѣмъ Ферфаксовъ привыкъ его видѣть.

Парчевскій узналъ Петрика, но не выказалъ особенной радости встрѣчи. Эмигранство наложило на него печать осторожности въ отношеніяхъ съ людьми, съ которыми онъ давно не встрѣчался. Со школы они были на ты.

— Я слыхаль, ты наѣздничаешь?

— Да... Работаю.

— Хорошо зарабатываешь?

— Какъ придется.

— На чаевыхъ? — просто, какъ о совсѣмъ обыкновенномъ дѣлѣ, спросилъ Парчевскій.

Петрикъ смутился.

— А ты что подѣлываешь? — вопросомъ отвѣтилъ онъ.

— Я, какъ въ опереткѣ поется: — игралъ чертей, качалъ дѣтей... Всего перепробовалъ. Ресторанъ русскій держалъ. Товарищамъ сталъ даровые обѣды давать... Ну, какъ же!... Время такое было!... Изъ Сербіи пріѣзжали голо-одные... Какъ самому ѣсть, другу не дать... Прогорѣлъ... Потомъ... Да, что потомъ?... За собаками ходилъ... На собачьи бѣга ихъ натаскивалъ,,, Теперь платя дамамъ расписываю... Дожили, братъ... До чего дошелъ... И масона слушать пожаловалъ.

Пришелъ Пиксановъ. Его встрѣтили дружнымъ говоромъ почитанія и уваженія.

— Вотъ посмотри на него, — шепталъ Петрику на ухо Парчевскій, — стопроцентный монархистъ... Ума палата... Онъ таки этого Ловчиллу уклеить. На обѣ лопатки, поди его положить. Ты Ловчиллу то помнишь?

Но Петрикъ не зналъ никакого Ловчиллу.

— Генеральнаго штаба и бывший гвардеецъ. Впрочемъ въ гвардіи пробылъ только столько, сколько нужно, чтобы держать въ академію. Фамилія, вотъ уже именно по шерсти и кличка: — ловчилой былъ, ловчи-

лой и остался. Авантюрный человекъ. То, что во время войны называли: — «Вова приспособился». Приспособляемость необычайная. Говорятъ, есть такія ящерицы-хамелеоны, которыя всяческую окраску принимаютъ. Такъ и онъ съ красными — красный, съ черными — черный, ну съ нами естественно будетъ бѣлымъ. Передъ Государемъ на животъ ползалъ, все въ Свиту попасть добивался. Въ Думѣ въ какой то комиссіи либеральничалъ... Теперь вотъ масономъ задѣлался. Видно и тутъ почуялъ, что жаренымъ пахнетъ. Онъ, говорятъ, мастеръ ложи «Змѣя и чаша»... Важный парень. Большая шишка. Въ добровольцахъ не былъ, гражданской войны не нюхалъ. Какъ здѣсь очутился, чѣмъ живетъ? — темна вода во облацѣхъ... Но живетъ не по нашему.

Генералъ Ловчилло пришелъ послѣднимъ. Парчевскій, онъ оказался старшимъ изъ присутствующихъ, командовалъ: — «Господа офицеры».

Ловчилло обошелъ всѣхъ и съ каждымъ поздоровался.

— Я, господа, по долгому опыту знаю, какъ на эмигрантскія собранія собираются и потому не торопился.

Ферфаксовъ, какъ распорядитель собранія, провель Ловчиллу въ голову стола и предложилъ ему стулъ.

— Садитесь, господа, — сказалъ Ловчилло и обратился къ Ферфаксову, — можетъ быть, кофе потребуется или ординеру? За чашками и стаканами веселѣе пойдетъ бесѣда. Распорядитесь, голубчикъ.

Ферфаксовъ пошелъ сдѣлать заказъ. Офицеры сѣли, кто у стѣны, кто за столъ. Въ самый уголъ сѣлъ Пиксановъ. Съ нимъ рядомъ сѣли Петрикъ и Дружко.

Пока гарсонъ въ зеленомъ передникѣ разносилъ чашки съ кофеемъ и стаканы съ блѣднымъ виномъ и было тихо Петрикъ разсматривалъ собравшихся.

Генералъ Ловчилло рѣзко отличался отъ всѣхъ. Онъ былъ отлично и во всемъ новомъ одѣтъ. Смокингъ съ блестящими отворотами прекрасно на немъ сидѣлъ. Сытое полное лицо со тщательно припомаженными висками. со стриженными усами, — лишь были оставлены маленькія черныя кисточки подъ самымъ носомъ, — все

говорило о какой то совсѣмъ другой жизни, чѣмъ та, какую вели всѣ другіе. Ему было вѣроятно за шестьдесятъ. Онъ былъ не толстый, но пузатый. Животъ круглымъ шаромъ выпячивался изъ подъ смокинга. Нижняя губа презрительно оттопыривалась. Во всей осанкѣ его было, что онъ былъ генераль и генераломъ остался. Онъ знаетъ и умѣетъ вести себя по генеральски.

Ловчилло положилъ полныя руки на столъ и сцѣпилъ пальцы. Руки у него были бѣлыя, холеныя, на пальцахъ яркими огнями горѣли камни дорогихъ перстней. На бѣлыхъ рукавчикахъ были тройныя золотыя запонки.

Какимъ контрастомъ были сидѣвшіе противъ него офицеры. У всѣхъ худыя, изможденные непосильной и непривычной работой лица. Блѣдныя отъ плохого, неправильнаго питанія. Руки въ мозоляхъ и съ неотмываемой грязью масла и машинной копоти. Рѣдко у кого на пальцѣ блеснетъ золотое обручальное, или черное пажеское кольцо. Всѣ они были въ одинаковыхъ пиджакахъ, купленныхъ въ магазинахъ готоваго платья. Графъ Онгринъ былъ въ шофферской ливреѣ. Это сидѣли настоящіе рабочіе — пролетаріи. Только ищущіе знанія глаза, да спокойныя, сдержанныя манеры говорили о какомъ то другомъ, во всякомъ случаѣ не пролетарскомъ воспитаніи.

Всѣ молчали, чего то ожидая. Никто не закурилъ. Ферфаксову, онъ былъ устроителемъ собранія, надо было предложить выбрать предсѣдателя собранія, или прямо взять инициативу на себя и предоставить слово генералу, но бѣдный, скромный Факсъ былъ подавленъ генеральскимъ видомъ и осанкой Ловчиллы и совершенно, что называется, «скисъ», и только растерянно и безпомощно поглядывалъ на графа Онгринъ, ища у него помощи и поддержки.

Генераль Ловчилло нѣсколько разъ обвелъ глазами все собраніе, вопросительно посматривая то на того, то на другого. Онъ ожидалъ вопросовъ. Потомъ онъ медленно расцѣпилъ пальцы, положилъ ладони на столъ и сказалъ: —

— Что жъ, господа, приступимъ.

Никто ничего не отвѣтилъ. Ферфаксовъ мучительно, до слезъ покраснѣлъ и умоляюще своимъ собачьимъ взглядомъ посмотрѣлъ на генерала Ловчилло.

— Хорошо, господа, я начинаю, — сказалъ мягкимъ и негромкимъ голосомъ Ловчилло.

Въ комнатѣ наступила полная тишина. Слышнѣе стали голоса французовъ въ бильярдной, да рѣзкій трескъ карамболирующихъ шаровъ.

XXIV.

— На этихъ дняхъ въ Бельгiи, въ Брюсселѣ, — спокойно и плавно началъ генералъ, — тономъ челоуѣка, читающаго лекцію и увѣреннаго въ знаніи предмета, — въ мѣстномъ оперномъ театрѣ былъ спектакль исключительно для масоновъ. Спектакль *réservee*. Масоны при входѣ въ зрительный залъ надѣвали свои масонскіе передники и знаки отличія. Заграницей принадлежности къ масонскому ордену не стыдятся. Тамъ понимаютъ: — масонство — великое братство. И что, господа, можетъ быть выше, какъ общее братское исканіе истины. Это только наша русская косность, наша отсталость и некультурность, наконецъ, наша неосвѣдомленность приписываютъ масонамъ какой то мистическій демонизмъ, связываетъ его съ міровымъ еврействомъ, съ каббалой, даже, стыдно сказать, съ черной магіей. Начитаются книгъ какъ: - «*L'élue du Dragon*»*), сочиненій г. Бастунича, или г. Маркова и думаютъ, что они знаютъ, что такое масонство.

Генералъ пріостановился. Онъ будто ждалъ возраженій. Всѣ молчали. Петрикъ посмотрѣлъ на Пиксанова. Тотъ сидѣлъ, опустивъ красивую, худощавую голову съ плоскимъ рыбымъ лицомъ. Онъ, видимо сдерживаясь, сжималъ и разжималъ зубы и отъ этого жел-

*) «Избранница дракона».

вакъ игралъ у него на вискъ. Онъ, подмѣтивъ взглядъ Петрика, вздохнулъ и охватилъ голову обѣими руками.

— Къ масонамъ и сейчасъ принадлежатъ многія коронованныя особы, — продолжалъ генераль. — Всѣ выдающіяся, наиболѣе образованныя и талантливыя личности современнаго міра — масоны. Масонство впитало въ себя, такъ сказать, мозгъ челоѳчества, — и потому естественно, что ему принадлежитъ и предстоитъ громадная роль въ будущемъ Россіи.

Генераль опять приостановился, и опять никто ничего не сказалъ. Если бы Ловчилло теперь посмотрѣлъ внимательно на собравшихся и слушавшихъ его въ гробовомъ молчаніи, онъ увидалъ бы какимъ мрачнымъ огнемъ горѣли глаза большинства его слушателей. Но генераль былъ упоенъ своею рѣчью. Онъ съ наслажденіемъ слушалъ самъ себя и смотрѣлъ на свои холеныя руки и на игру камней на перстняхъ.

— Что скажете вы, если я скажу вамъ, что императоры Павелъ I и Александръ I были масонами? Что масономъ былъ и нашъ великій вождь, учитель и наставникъ, непобѣдимый Суворовъ?... Богобоязненный, вѣрующій, такъ благостно скончавшійся!... Чью память мы недавно благоговѣйно поминали... Непобѣдимый!...

Генераль игралъ этимъ словомъ, какъ блестящимъ мячомъ, колдуя имъ своихъ слушателей.

— Тогда масонство было другое, — хмуря брови, рѣзко сказалъ Пиксановъ.

— Императоръ Александръ I былъ окруженъ масонами, а какія побѣды!... Русская армія въ Парижѣ. Гвардія бивакируетъ на Елисейскихъ поляхъ... Что же это діаволъ помогаль?... Я слышалъ... Мнѣ возразили: — тогда было масонство другое... Можетъ быть?... И люди и нравы были другіе... И теперь есть масонство и масонство. Я не буду говорить про такъ нашумѣвшую ложу Grand-Orient, ложу Великаго Востока. Можетъ быть тамъ и много евреевъ... Отчего имъ и не быть тамъ? Можетъ быть тамъ и дѣйствительно есть связи съ Alliance Israélite и съ банковскимъ міромъ? Это нисколько не умаляетъ ея значенія, пожалуй даже напротивъ. Но я про нихъ не говорю. Я ихъ не знаю. На-

ши русскія логи: — «Сѣверная звѣзда», «Астрея», «Юпитеръ» и другія внѣ всякаго подозрѣнія въ сношеніяхъ съ Grand-Orient. Наши логи прежде всего философскія... ищущія... находящія... Онѣ отнюдь не враждебны православію... Онѣ его не исключаютъ... Когда скончался настоятель берлинской посольской церкви, протоіерей Мальцевъ, человѣкъ высокаго ума и святой жизни, въ его вещахъ нашли знаки масона высокой степени. Это не мѣшало ему предстоять передъ алтаремъ и приносить безкровную жертву... Гдѣ же тутъ демонизмъ?... Насъ упрекаютъ въ обрядности, въ бутафоріи, театральности... Говорятъ про наши обряды, что они «très enfantiles»*)... Но это куда меньше того, что мы видимъ въ православныхъ храмахъ...

— Оставьте православное богослуженіе въ покоѣ, ваше превосходительство, — громко и рѣзко сказалъ Пиксановъ и поднялъ отъ ладоней голову.

— Что у насъ всѣ посвященные могутъ говорить и оспаривать свое мнѣніе, — то это, господа, согласитесь сами, только хорошо. Каждый можетъ, ибо въ каждомъ заложено это совсѣмъ особое душевное движеніе: — исканіе истины. Исканіе смысла и оправданія жизни. Масонство въ этомъ только помогаетъ. Но, кромѣ этой духовной философской стороны жизни, которая не всякому по плечу, въ масонствѣ есть и другая сторона, — сторона политическая.

— А вотъ оно, — сказалъ Пиксановъ.

— Вы, кажется, хотѣли мнѣ возразить? — обратился къ нему генераль Ловчилло.

— Я возражу послѣ, — холодно сказалъ Пиксановъ. — Теперь я слушаю ваше превосходительство.

— Вы, господа, конечно, знаете, что происходитъ теперь въ Россіи? Ея мозгъ, интеллигенція ея, выбита, затравлена и просто физически уничтожена. Въ Россіи не осталось больше политическихъ партій. Наконецъ, просто въ Россіи нѣтъ больше людей, которые бы вѣрили одинъ другому. Вообразите на минуту, что тамъ совершился переворотъ и коммунисты отброшены отъ

*) Очень ребяческіе.

власти. Что же будетъ дальше?... Хаосъ... Анархія... Кому вѣрить?.., Кого звать?.., Просто, кто нашъ и кто противъ насъ? Эмиграція ничего не создала. Тринадцать долгихъ лѣтъ она только ссорится и грызется между собою. Обще Воинскій Союзъ узкая профессиональная организація, отказавшаяся притомъ же отъ политики, и не ему овладѣть всѣмъ громаднымъ служебнымъ и правящимъ аппаратомъ Россіи. Да онъ на это и не претендуетъ. Вотъ, когда русское масонство сыграетъ рѣшающую роль. Оно явится въ Россію во всей силѣ братскаго довѣрія, дисциплины и организованности. У него, благодаря всемірности ордена, братскія связи вездѣ, и оно получитъ какую угодно поддержку. Кредиты — ему. Вѣра въ него. Братскія ложи подбираютъ лучшихъ людей и воспитываютъ ихъ загодя. Масоны, это единственная прочно организованная партія, которая придетъ въ Россію и сыграетъ первую роль въ ея устроеніи. Внѣ масонства не будетъ ни работы, ни назначеній. Внѣ масонства гражданская смерть и тяжкое одиночество.

Генераль остановился и было похоже на то, что онъ кончилъ. На его лицѣ играла странная и — Петрикъ подумалъ, — нехорошая улыбка. Было что то въ ней смущенное и точно подловатое, дерзкое и въ то-же время испуганное.

— Позвольте возразить, ваше превосходительство, — вставая, сказалъ Пиксановъ.

Генераль широко развелъ руками, показывая на собраніе, — дескать: не отъ меня это зависитъ, а отъ всѣхъ.

— Пожалуйста... Просимъ, — раздались голоса.

Генераль сдѣлалъ приглашающій жестъ рукою и опять такъ же, но уже не безъ пріятности улыбнулся.

Пиксановъ, стоя, обвелъ глазами всѣхъ собравшихся.

Всѣ на него смотрѣли съ большимъ вниманіемъ и ждали его слова.

XXV.

— Прежде всего, господа, кто я? Почему говорю? Отчего возражаю? — началъ волнуясь и сбиваясь, Пиксановъ. — Послѣ крушенія бѣлой борьбы, когда я очутился за границей — тоска охватила меня. Надо дѣлать, дѣло надо дѣлать... Надо для Россіи работать... Спасать какъ то надо Россію... Я кинулся искать... За кѣмъ итти? Въ кого вѣрить?... Вотъ, когда я услыхалъ это архи-глупое слово: — «вождизмъ»... Одни физически не могли... Другіе не хотѣли... Впрочемъ я самъ скоро понялъ, что, живя за границей, мы жили въ такъ сказать благожелательномъ плѣну... Мы не могли имѣть вождей безъ разрѣшенія, больше того, безъ приказанія отъ нашихъ хозяевъ... Прибавьте къ этому страшный душевный надрывъ отъ церковной смуты... Однако что то дѣлать надо... Я тогда не понималъ, что «что то» дѣлать это «ничего» не дѣлать. Это «что то дѣлать» былъ все тотъ же русскій — авось, небось да какънибудь... Я сталъ искать, и бросился къ масонамъ. Вы слышали сейчасъ его превосходительство... Что же, ничего худого, только хорошее... Такъ и мнѣ спервоначалу показалось. Вѣрѣ въ Бога не препятствуютъ, напротивъ — признаніе великаго Архитектора Вселенной даже обязательно, что не допускаетъ, казалось бы среди масоновъ ни атеистовъ ни матеріалистовъ... Но это только одна видимость... Я прошелъ всѣ стадіи посвященія... Балаганъ, скажу вамъ... Бутафорія, насмѣшка надъ личностью и не безъ задней мысли и притомъ довольно гнусной, если хотите — провокаторской. Какъ можно даже и помыслить сравнить это съ нашей величественной православной службой, уносящей насъ къ первымъ вѣкамъ христіанства, ко временамъ апостольскимъ, къ самому Господу Нашему Иисусу Христу... Я вырвался оттуда, но тамъ я многое узналъ... Его превосходительство сказалъ: — есть масонство и масонство... Это — ложь.

Генераль Ловчилло сдѣлалъ движеніе и Пиксановъ, замѣтивъ это, быстро добавилъ.

— Я отнюдь не хочу сказать, что его превосходи-

тельство насъ обманулъ. Онъ самъ обмануть... Какъ водятъ и другихъ русскихъ за носъ, рассказывая имъ о какихъ то особыхъ «христіанскихъ» ложахъ. Масонство отъ діавола и основаніе его ложъ. Если масонство не едино, то спрошу я васъ, какая ему цѣна? Если есть русское, шотландское, французское, еврейское масонство, — то нѣтъ у масонства и той страшной силы и того большого вліянія, о которомъ намъ такъ заманчиво рассказывали только что и о чемъ и я много былъ слышанъ. Тогда и масонство не масонство, и политическая цѣна ему грошъ... Что?.. Гдѣ?.. Почему?.. Какая логика?.. Тогда любая наша партія, или группа интеллигентныхъ людей можетъ сыграть такую же роль въ спасеніи Россіи, какъ и масонство... Возьмемъ Академическую группу, Россійское Національное Объединеніе, Русское Патріотическое объединеніе, Высшій Монархическій Совѣтъ, да и нашъ Обще Воинскій Союзъ, чѣмъ они будутъ менѣе значительны и цѣнны, чѣмъ русскія масонскія ложи?... Да они будутъ еще цѣннѣе, потому, что ихъ руководители явные, и каждый знаетъ, куда кто ведетъ. Если масонство не едино, то для чего эта тайна?... Если у него нѣтъ никакихъ другихъ цѣлей и намѣреній, кромѣ тѣхъ, о которыхъ намъ сейчасъ говорили, то для чего всѣ эти фокусы-покусы при пріемѣ и эта страшная тайна, многихъ запугивающая... Какая логика?... Если русскою ложею на rue de l'Yvette заканчивается масонство, то для чего, скажу, тайна? Каждый знаетъ и мастера ложи и ея членовъ. Но тайна есть, и я вамъ ее пріоткрою. Когда сюда пріѣзжалъ братъ высокаго посвященія изъ Шотландіи для связи съ русскими ложами и ихъ наставленія, онъ предварительно посѣтилъ ложу Grand Orient. И это вполне понятно: — масонство едино. Только въ этомъ его единствѣ его сила и его смыслъ. Мнѣ возразятъ: — русское масонство — невинное масонство. Я отвѣчу, если это только невинное баловство, выкрикиваніе непонятныхъ словъ, отъ которыхъ несетъ каббалой и питье коктейлей, то это дѣтская игра, недостойная ищущихъ истины. Но дѣло то въ томъ, что этимъ далеко не ограничивается... Рядовыхъ братьевъ очень много, и всѣ они

говорять: — «вотъ я масонъ, а какъ видите ничего... Никто мнѣ не мѣшаетъ жить и ничего плохого я не вижу... Напротивъ, тамъ помогли устроиться на мѣсто, тамъ дали денежное пособіе или хорошую рекомендацію... Выгодно»... Ахъ, это ужасное, подлое слово нашего гнуснаго вѣка: — «выгодно»!.. Но вотъ приходитъ ко мнѣ одинъ изъ братьевъ и говоритъ: — «ты знаешь, мнѣ приказали передавать мастеру все то, что говорится у насъ въ полковомъ объединеніи. Какъ мнѣ быть?..»

— Ничего въ этомъ такого страшнаго нѣтъ, — перебилъ Пиксанова генераль Ловчилло, — такъ естественно, что ложа должна знать людей. Она должна знать и настроенія полкова.

— Пусть только такъ... Но вотъ приходитъ ко мнѣ мой старинный другъ и говоритъ: — «Ты мнѣ ничего не говори. Я масонъ... И я все долженъ передавать мастеру»... Тысячи людей идетъ въ масоны и ни одинъ не знаетъ, когда и кого потребуетъ масонство на работу и какое порученіе ему дастъ. Подъ угрозой смерти скажутъ: — «сдѣлай подлость» — и сдѣлаетъ... Ибо тутъ уже нельзя отказаться. Клятва... Присяга... Да и страхъ же смерти притомъ... И вы даже не знаете, кто, откуда приказываетъ... Отъ невинной ли ложи, какой нибудь тамъ «Астрей», или отъ самой звѣзды Великаго Востока. Въ этомъ и страшный ужасъ масонства. Оно вербуетъ себѣ безотвѣтныхъ рабовъ и распоряжается ими, когда и какъ пожелаетъ. Оно въ нужную минуту посадитъ на верхи російскіе, или своихъ вѣрныхъ, испытанныхъ и на все способныхъ братьевъ, или ничтожество безъ воли и ума. Когда нужно, оно и деньги этимъ ничтожествамъ дастъ. Помните у Достоевскаго въ «Идіотѣ» сказано: — «Деньги тѣмъ всего подлѣе и ненавистнѣе, что они даже таланты даютъ. И будутъ давать до скончанія міра»... Оно, опираясь на газеты, раздуетъ ничтожества въ гении, окружить ихъ ореоломъ, и черезъ нихъ, имъ послушныхъ, проведетъ все, что ему только будетъ нужно... И прежде всего еврейское равноправіе... Какое дѣло, казалось бы философскому ордену до того, что въ Россіи, для спасенія русскихъ, была учреждена процентная норма и черта осѣдлости? Ка-

кое дѣло до того, что со временъ мудрѣйшей нашей царицы Екатерины Великой наши императоры, зная инертный и незлобивый характеръ своихъ подданныхъ, оберегали ихъ отъ порабощенія сильными, способными, талантливыми и наглыми евреями? Но вотъ масоны этого простить никакъ не могутъ... Масоны всего міра, писатели, драматурги, ученые, на всѣхъ языкахъ клеймятъ величайшую императрицу и всячески клеветаютъ на нее. За благодѣтельными и такими невинными масонскими циркулями, треугольниками, кожаными фартуками сверкаетъ страшная, таинственная, пятиконечная звѣзда, та самая звѣзда, что блеститъ на шапкахъ красноармейцевъ, что сіяетъ всюду и вездѣ въ большевицкомъ мірѣ, и что скрывается за собою великую ложь. Масонство желаетъ войти въ Россію невинными русскими, христіанскими ложами, а когда войдетъ и утвердится, когда окрѣпнетъ, тогда покажетъ свое страшное сатанинское лицо, но изгонять масоновъ будетъ гораздо труднѣе, чѣмъ не пустить ихъ. Тогда для наставленія русскихъ ложъ пріѣдетъ братъ изъ Великаго Востока и потребуетъ того, что будетъ выгодно кому угодно, но не русскимъ. Тогда продолжится порабощеніе русскаго народа евреями, но только это будетъ уже покрѣпче, чѣмъ при большевикахъ.

— Откуда вы все это знаете, — съ видимымъ раздраженіемъ сказалъ генералъ Ловчилло. — Странно, я масонъ, и смѣю васъ увѣрить, не низкой степени. Стою на высокихъ ступеняхъ и общаюсь съ заграничными ложами, а ничего подобнаго никогда не слыхалъ. А вы человѣкъ посторонній, все это такъ разложили, будто всѣ тайны масонства только вамъ одному и открыты.

— Потому я знаю, а вы не знаете, что я свободный, а вы не свободный. Вы въ тенетахъ и въ какихъ! — масонской лжи! Масонство правильная пирамида, и пирамида всемірная, и кто на верхушкѣ этой пирамиды? Вы знаете?. Вы скажете, что не знаете, вы скажете, что это не такъ. И скажете, пожалуй, правду. То, что закрыто для мудрыхъ — то открылъ Господь простымъ и смиреннымъ. На верхушкѣ еврейскіе банкиры!... Золотой телецъ!... Самъ сатана!

— Да вотъ какъ по вашему, — стараясь обратить все въ шутку, сказалъ Ловчилло. — Хорошо кабы такъ... Капиталь поддержка не плохая... Для всякой войны и для войны съ большевиками, конечно, тоже, нужны деньги, деньги и деньги и если масонство такъ близко къ финансовымъ кругамъ, какъ вы говорите, то всѣмъ активистамъ именно нужно его и держаться. А, если тамъ еще и діаволь замѣшанъ — тѣмъ лучше. Россію молебнами, да чудотворными иконами спасти не удастся. Намъ всѣмъ нужна Россія и хотя съ самимъ діаволомъ, а мы пойдемъ ее освобождать...

Генераль хотѣлъ еще что то сказать, но вскочилъ со своего мѣста молчаливо и внимательно слушавшій Ферфаксовъ. Онъ даже какъ будто поблѣднѣлъ отъ негодованія. Его лицо стало сѣробураго цвѣта. Голосъ дрожалъ и обрывался, переходя на хрипъ. Волчьи глаза его горѣли. Онъ закричалъ истерически: —

— Нѣтъ, ваше превосходительство, нельзя съ діаволомъ итти спасать Россію. Нельзя вѣру православную освобождать при помощи сатаны. Нѣтъ мира между Христомъ и Веліаромъ.

Онъ сжалъ кулаки и казалось готовъ былъ броситься на генерала.

— Успокойся, Факсъ, — строго сказалъ ему Петрикъ. — Никто съ діаволомъ и не собирается итти спасать Россію. Мы должны быть очень благодарны его превосходительству за докладъ. Намъ теперь вполне понятна и ясна сущность масонства. Кто захочетъ изучать его болѣе основательно, тотъ можетъ обратиться къ литературѣ, а она по этому вопросу не малая, особенно на французскомъ языкѣ.

Генераль поднялся и, прощаясь, все съ тою же подловатою усмѣшкою протянулъ руку ближайшимъ къ нему офицерамъ. Графъ Онгринъ предупредительно подаль ему пальто.

— Моя машина къ услугамъ вашего превосходительства, — почтительно сказалъ онъ.

Ловчилло кивнулъ головою въ уголъ, гдѣ стояли Пиксановъ, Дружко, Ранцевъ, Ферфаксовъ и Парчевскій и вышелъ изъ бистро.

— А вѣдь масонъ то нашъ за кофе и вино не заплатилъ... Э-эхъ... воскликнулъ кто то весело иронически.

— Ничего расплатимся мы по общей раскладкѣ. Онъ вѣдь былъ нашимъ гостемъ. Полковникъ Ферфаксовъ давайте подсчитаемся почему съ брата.

— Съ діаволомъ спасать Россію... — все не могъ никакъ успокоиться Ферфаксовъ.

Собраніе кончилось и, когда расходились, никто ничего не говорилъ о масонахъ. Точно былъ между ними такой уговоръ.

Ранцевъ, Дружко и Ферфаксовъ долго шли вмѣстѣ пѣшкомъ. Они прошли одну станцію метро и подходили къ другой. На метро имъ всѣмъ надо было ѣхать по разнымъ направленіямъ, а имъ хотѣлось быть вмѣстѣ. Петрикъ съ Дружко тихо говорили о полковыхъ дѣлахъ. Дружко уже разыскалъ и вошелъ въ связь еще съ двумя Маріенбургскими драгунами. Одинъ жилъ въ Южной Америкѣ, другой на Зондскихъ островахъ.

Ферфаксовъ шелъ, молча, устремивъ глаза на небо. Глаза его стали опять спокойны и приняли обычное собачье ласковое выраженіе. Онъ вдругъ остановился и схватился за то мѣсто, гдѣ у него былъ бы долженъ быть поясъ. На темно синемъ шофферскомъ пальто его никакого пояса не было. Онъ громко воскликнулъ.

— Ну и чудачина, Факсъ!... Вотъ уже подлинно на всякаго мудреца довольно своей простоты.

Дружко и Петрикъ остановились и вопросительно смотрѣли на своего спутника.

— Искать рукавицы, а онъ за поясомъ.

Ферфаксовъ весело и какъ то чисто по дѣтски разсмѣялся.

— Въ чемъ дѣло Факсъ? — спросилъ его Петрикъ.

— Въ чемъ дѣло?. Да дѣло то въ томъ, что я искалъ истину, а и забылъ, что Христосъ то вѣдь Пилату отвѣтилъ, и я даже наизустъ Его слова то помню, а тутъ вздумалъ искать истину у масоновъ... Ахъ и чудакъ, право чудакъ!... Бить такихъ надо.

— Поясни намъ это, — сказалъ Дружко.

— Такъ вѣдь Христось то прямо говорить: — «Я на то родился и пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ, всякій, кто отъ истины слушаетъ гласа Моего»*). Уже кажется яснѣе яснаго!... А Пилать то, ахъ и дурной же! спрашиваетъ, — «что есть истина»?... Ну будто не понялъ!... Въ вѣрѣ Христовой только и истина... И другой никакой быть не можетъ.., Прощайте, родные... Бывайте здоровы...

И Ферфаксовъ, крѣпко пожавъ руки своимъ спутникамъ, пошелъ отъ нихъ широкими шагами. Голова его была поднята и смотрѣлъ онъ въ самое небо на звѣзды, и надо полагать хорошо и тепло было у него въ эти минуты на сердцѣ.

XXVI.

Миссъ Гербертъ ѣздила съ Петрикомъ каждое утро отъ восьми часовъ утра. Это была большая радость для Петрика. Дѣвушка оказалась не только прекрасной наѣздницей, съ которой было спокойно и пріятно ѣздить, но она такъ же, какъ Петрикъ, страстно и нѣжно любила лошадей. Она подмѣчала всѣхъ хорошихъ лошадей, которыхъ они встрѣчали въ Булонскомъ лѣсу и она на нихъ обращала вниманіе, совсѣмъ такъ же какъ и Петрикъ. Она повидимому привязалась къ своему наѣзднику. Когда однажды почему то госпожа Ленсманъ хотѣла замѣнить Петрика мистеромъ Робертсомъ, это она сама запротестовала и потребовала, чтобы всегда съ нею ѣздилъ мосье Пьеръ. Она была очень красива и элегантна на лошади и Петрику было пріятно что на нихъ въ лѣсу обращали вниманіе. Ѣздить съ миссъ Гербертъ скоро стало для Петрика радостью и праздникомъ. Она была не по англійски чутка. Она съ перваго же раза подмѣтила, что Петрикъ смущается, беря чаевыя, и она передавала ихъ, и очень щедро, въ концѣ

*) Евангеліе отъ Іоанна. Гл. 18. Ст. 37 и 38.

недѣли госпожѣ Ленсманъ, чтобы та давала ихъ наѣздику Пьеру. Госпожа Ленсманъ выговаривала ей, что она слишкомъ много даетъ и балуетъ людей, но миссъ Гербертъ настояла на своемъ.

Въ русскій рождественскій Сочельникъ стояла совершенно весенняя погода. Небо было темно голубого цвѣта. Паркъ казался сквознымъ и прозрачнымъ. Гуляющихъ и катающихся было много. Весь модный Парижъ явился въ это свѣтлое и прекрасное утро въ свой любимый Булонскій лѣсъ. Старомодный Парижъ щеголялъ верховыми лошадьми и экипажами. Откуда взялись они, эти блестящіе майль кочи, запряженные четвериками съ господами въ лощенныхъ цилиндрахъ съ веселыми дамами, что катили между тупорылыхъ автомобилей всевозможныхъ марокъ и системъ?

Ѣздить надо было осторожно, и Петрику приходилось быть особенно внимательнымъ къ своей ученицѣ. На нее же, какъ нарочно, нашелъ какой то задоръ. Она непременно хотѣла заставить Фонеттъ мѣнять ногу на галопѣ. Та ни за что не мѣняла и упрямо шла съ лѣвой ноги. Дѣвушка чуть не плакала.

— Мосье Пьеръ, но почему она не мѣняетъ? — съ досадой обернулась она къ Петрику.

— Она недостаточно хорошо выѣзжена, миссъ.

— А, это не моя вина?

— О, нѣтъ миссъ, вы дѣлаете все, что нужно.

— Правда?...

Они поѣхали шагомъ. Навстрѣчу имъ, и тоже шагомъ, ѣхалъ тотъ худошавый джентльменъ, который ѣздилъ съ мулатомъ. Миссъ Гербертъ такъ и впилась блестящими, восторженными глазами въ статныхъ и красивыхъ лошадей. Она обернулась раскраснѣвшимъ лицомъ къ Петрику.

— Мосье Пьеръ, — сказала она, это очень хорошія лошади?

— Да, миссъ. Это чистокровныя англійскія лошади.

— Я скажу мама, чтобы она мнѣ купила совсѣмъ такихъ. И мы будемъ съ вами ѣздить. Одинъ день вы на сѣрой, я на рыжей, другой день наоборотъ. Какъ вы думаете, ихъ намъ продадутъ?

— Не знаю, миссъ, продадутъ ли этихъ лошадей, но всегда можно достать такихъ же и даже лучшихъ.

— А вы сможете выѣздить ихъ такъ, чтобы онѣ мѣняли ногу на галопѣ?

— О, да конечно, миссъ.

Они продолжали ѣхать шагомъ. Теплый день, чудная погода, обиліе встрѣчныхъ располагали къ равному и мягкому движенію. Лошади неслышно ступали по мокрому гравію, перемѣшанному съ землею.

Петрикъ видѣлъ лицо дѣвушки сбоку и чуть сзади. Когда поворачивалась она къ нему, онъ видѣлъ весь розовый овалъ ея лица и маленькую чуть только обрисовывающуюся ямочку на ея щекѣ, совсѣмъ такую, какая была у Валентины Петровны. И тогда Петрикъ думалъ: — «какъ это странно, эта англичаночка совсѣмъ чужая для меня. Мы съ трудомъ можемъ, да и не смѣемъ, разговаривать, а въ ней есть что то родное, именно родное мнѣ... А вѣдь зовутъ ее поди какънибудь... Мери что ли?... Нѣтъ, пожалуй и совсѣмъ по чужому... Доротея?... А то и вовсе какимънибудь языческимъ именемъ. Какойнибудь Сэнрей, какъ я читалъ у Уэльса... А она мнѣ кажется родною, и я ее люблю какою то странною и нѣжною любовью. Но это вполнѣ возможно потому, что, если бы моя бѣдная Настенька была бы жива и все было по хорошему, мы бы такъ вотъ съ нею ѣздили бы гдѣнибудь въ русскихъ лѣсахъ... Вѣдь ей тоже вѣроятно семнадцать лѣтъ, какъ было бы и нашей Настенькѣ. И у Настеньки такіе же золотистые были бы волосы. Остригла бы она ихъ, или послушалась бы насъ съ Алей и носила бы волосы по русски: длинные, какъ ихъ носило мое Солнышко?...»

Петрикъ такъ ушелъ въ свои думы, мечты и воспоминанія, что, когда миссъ Гербертъ обратилась къ нему съ какимъ то вопросомъ, онъ не сразу ее понялъ и долго не могъ составить отвѣта. Ему даже дико какъ то показалось, что надо говорить по англійски.

Она посмотрѣла на него съ какимъ то удивленіемъ, но, вѣроятно, догадалась что онъ не подберетъ словъ для отвѣта и, снисходительно улыбнувшись, отвернулась отъ него и пошла короткимъ галопомъ.

Когда они вернулись, Петрикъ, снявъ съ сѣдла амазонку, вынулъ желѣзо изъ рта Фонеттъ. Миссъ Гербертъ давала ей сахаръ. Конюхъ обтиралъ тряпкой морду лошади. Петрикъ не отошелъ, какъ отходилъ всегда, но стоялъ подлѣ. Онъ мучительно думалъ. Какъ странно была похожа на его Алю эта дѣвушка? Она точно говорила ему о его пропавшей дочери. И ему вдругъ вздумалось спросить, какъ ее зовутъ. Онъ зналъ, что это нельзя. Кто онъ? Наемный наѣздникъ, которому даютъ на чай и который не смѣетъ разговаривать съ кліентами. Она лучшая и самая богатая кліентка заведенія госпожи Ленсманъ. Но, скажи ему, что ее зовутъ Сузанной, или Бригиттой и ему легче станетъ. Ему надо было въ эти минуты, чтобы очарованіе сходства съ Алей, чтобы очарованіе воспоминаній о его погибшей дочери отошло бы, и не было бы этого навожденія милой красоты и обаянія прекрасной англичаночки. И, забывая всѣ правила хорошаго тона и требованія госпожи Ленсманъ, «патронши», рискуя самымъ мѣстомъ, Петрикъ сдѣлалъ быстрыхъ три шага вслѣдъ за миссъ Гербертъ, уже подходившей къ дверцамъ громаднаго Пакхардта и громко и твердо спросилъ: —

— May i ask for your name, miss*).

Она задержалась у дверцы и вся повернулась къ Петрику. Ни удивленія, ни возмущенія на такую дерзость со стороны наѣздника не отразилось на ея лицѣ. Въ солнечномъ блескѣ радостнаго яркаго дня оно горѣло, какъ солнце и какъ солнце дарило счастье. Ея глаза, и точно совсѣмъ такіе, какіе были у его Али и у Настеньки, большіе, прозрачные, глубокаго цвѣта морской волны, сіяли восторгомъ и ласкою. Соболя шубка была распахнута на груди. Она улыбнулась старому наѣзднику и, солнце ли такъ свѣтило на нее сверху и нѣсколько наискось, но на ея щекахъ показались совсѣмъ такія ямочки, какія были у Валентины Петровны и до жуткости эта дѣвушка, англичаночка, стала похожа на его жену. Зубы сверкнули изъ подъ красиваго разрѣза губъ. Она съ ласкою и привѣтомъ посмотрѣла на Пет-

*) Какъ ваше имя, миссъ?

рика и точно по русски съ тѣмъ мягкимъ произношеніемъ, съ какимъ говорила по русски въ Маньчжуріи ихъ ама, сказала отчетливо и громко: —

— А н а с т а с і я!..

XXVII.

Въ этотъ самый день и, можетъ быть, въ этотъ самый часъ Валентина Петровна молилась послѣдней жаркой молитвой о Петрикѣ и о маленькой Настѣ...

Валентина Петровна недолго оставалась въ Чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ саботажемъ и со спекуляціей. Ее нѣсколько разъ на дню водили на допросъ. Ее проводили по тѣснымъ корридорамъ, затянутымъ краснымъ кумачомъ съ нашитыми на немъ бѣлыми костями и черепами. Ее ставили въ какихъ то маленькихъ комнатахъ или закуткахъ, освѣщенныхъ красными лампочками и тоже обитыхъ такимъ же кумачомъ и съ тѣми же изображеніями смерти. Ее это не пугало. Отъ всей этой грубой бутафоріи вѣяло сквернымъ дешевымъ балаганомъ. Она была слишкомъ тонка и культурна, чтобы это могло на нее подѣйствовать. Допросы ее не только не пугали, но радовали. Каждый допросъ говорилъ ей, что ея Петрикъ не пойманъ. Поймали бы не допрашивали бы. Поймали бы — не искали, гдѣ онъ и почему скрывается? И потому она на всѣ вопросы отвѣчала искренно, охотно и даже съ нѣкоторою горделивою радостью. Это состояніе допросовъ и вожденія по краснымъ застѣнкамъ продолжалось всего два дня. На третій ее вызвали «съ вещами». Ея сосѣдка по комнатѣ тихо и точно съ нѣкоторою завистью вздохнула и прошептала: — «значить на совѣмъ, на волю».

И точно ее отпустили домой, взявъ какую то подписку, содержанія которой она даже и не поняла хорошенько.

Въ тѣ сумрачныя дни власть не чувствовала себя прочно. Она всего боялась и ухаживала за всѣми тѣми, кто казалось могъ способствовать ея престижу въ народѣ. И потому, когда на другое утро нахрапомъ къ самому Крыленкѣ явилась въ скромномъ платочкѣ Таня, дочь крестьянина и представительница пролетаріата, и не просила, но смѣло и увѣренно требовала освобожденія Ранцевой и на всю канцелярію кричала о народной справедливости, о томъ, что никто не смѣетъ такъ поступать, какъ поступили съ гражданкой Ранцевой, что она играетъ на фѳортепьяно и нужна для народа, въ комиссіи смутились. Къ требованіямъ пролетаріата относились съ вниманіемъ и больше всего боялись раздражать именно этотъ бабій классъ, крикливый и могущій вліять на улицу. Танѣ обѣщали пересмотрѣть дѣло гражданки Ранцевой и потребовали отъ нея доказательствъ, что гражданка Ранцева дѣйствительно служитъ народному искусству. Доказательства далъ съ большою охотою и мужествомъ скрипачъ Обри, оставшійся въ театрѣ и принесшій письмо отъ Луначарскаго. Таня этимъ не ограничилась. Она разыскала Матильду Германовну, съ началомъ революціи переѣхавшую въ Петербургъ и устроившуюся на хорошемъ мѣстѣ. Матильда Германовна оправдала мнѣніе, что у каждого русскаго есть свой хорошій еврей. Она, узнавъ отъ Тани о всемъ, что произошло съ Валентиной Петровной, помчалась прежде всего къ Горькому, отъ него къ Зиновьеву и добивалась свиданія съ самимъ Ленинымъ. Ей, какъ еврейкѣ всѣ двери были открыты. Для нея рѣшили отпустить совсѣмъ Валентину Петровну, тѣмъ болѣе что за нею, кромѣ укрывательства мужа, не значилось никакихъ другихъ преступленій. Едва Валентина Петровна вернулась домой въ объятія своей вѣрной Марьи, какъ къ ней неожиданно и негаданно пріѣхала Матильда Германовна и горячо ей посовѣтовала «смыться» съ петербургскаго горизонта.

Валентина Петровна поговорила съ Таней. Марью

отпустили, квартиру бросили на швейцариху, а сама Валентина Петровна должна была поѣхать въ деревню къ Таниному дѣду.

— Тамъ барыня и сытнѣе и теплѣе. Такъ то по хорошему мы съ вами заживемъ, а тамъ, глядишь и все это кончится.

Вотъ эта то вѣра, что все это должно кончиться и кончиться скоро и дала рѣшимость Валентинѣ Петровнѣ поѣхать съ Таней куда то въ лѣсную глушь и ожидать тамъ событій.

Въ тотъ же день, когда Валентину Петровну выпустили изъ «Чрезвычайки», она уложивъ самое необходимое въ двѣ корзины, поѣхала съ Таней въ Москву. За Москвой пересѣли на какой то мѣстный поѣздъ и медленно потянулись черезъ дремучіе лѣса на юго-востокъ. Весь міръ точно перевернулся и все выглядѣло не такъ, какъ обыкновенно. Вагонъ былъ переполненъ. Валентина Петровна сидѣла съ Таней въ дамскомъ отдѣленіи. Корridorъ вагона былъ тѣсно заставленъ солдатами и ихъ котомками такъ, что нельзя было совсѣмъ выйти, ни помыться, ни въ уборную. Такъ въ давкѣ и ѣхали двое сутокъ, никуда не выходя, какъ скотина. Но никто не жаловался. Рады были, что хотя ихъ не трогали. Да и какъ было жаловаться. На какой то станціи въ окно было видно, какъ солдаты вытолкали какихъ то мальчиковъ изъ вагона и грубо пихая повели со станціи. Въ вагонѣ сказали: — «Контръ революціонеровъ поймали. Разстрѣливать повели». И поѣздъ еще не отошелъ, какъ слышны были выстрѣлы, и сосѣдка Валентины Петровны крестилась при каждомъ нестройномъ залпѣ и говорили тихо: — «спаси Христось».

И потому, когда послѣ такого путешествія въ переполненномъ вагонѣ, съ такими жуткими впечатлѣніями и переживаніями, Валентина Петровна раннимъ утромъ вышла на какомъ то полустанкѣ и, протолкавшись черезъ солдатскую стѣну въ корridorъ и на площадкѣ, очутилась на деревянной платформѣ съ примерзшимъ къ ней снѣгомъ, и послѣ духоты и вонн вагона вдохнула морозный зимній воздухъ, ей весь пережитый ужасъ показался не такимъ страшнымъ и все что было и что

ее ожидаетъ казалось временнымъ и преходящимъ. Надо только перетерпѣть.

Она сама перетаскивала тяжелыя корзины, которыя ей Таня подавала въ окно. Вагонъ былъ переполненъ сильными здоровыми мужиками солдатами, но никто имъ не помогъ. Слышались только злобныя замѣчанія:

— Ишь... Буржуи... Со всѣми своими бебехами путешествуютъ... Только мѣста зря занимаютъ... Поди на сколько народныхъ милліоновъ добра то везутъ!

И были эти слова и взгляды, ихъ сопровождавшіе, такъ злобны и полны такой ненависти, что даже всегда находчивая Таня не нашла возможнымъ огрызнуться и торопилась снести корзины подальше отъ вагоновъ.

За станціей въ серебряномъ снѣгу стояли густыя лѣса. Они уходили балками и горушками къ самому небосводу. Дали были лиловыя. Въ природѣ было особенно и какъ то значительно тихо. Точно широкая картина Русскаго художника развернулась передъ нею. Вспомнились «лѣсныя дали» Крыжицкаго, видѣнная Валентиной Петровной въ дѣтствѣ на выставкѣ въ Академіи Художествъ и оставившія на нее такое сильное впечатлѣніе, что вотъ и сейчасъ смотрѣла на эти дали въ серебряномъ снѣгу и голубомъ туманѣ и не могла не вспомнить картину.

Думала о Петрикѣ. Въ какихъ то даляхъ онъ теперь?.. Удалось ли ему спастись, или его повели, грубо толкая солдаты, какъ повели вчера тѣхъ... молодыхъ... разстрѣливать?..

Лучше было ни о чемъ не думать...

Кругомъ былъ снѣгъ. Онъ былъ глубокій, ровный, нетронутый. Только одинъ слѣдъ санныхъ полозьевъ велъ къ станціи. Синѣли круглые слѣды конскихъ ногъ и по сторонамъ шли полосы рыхлаго осыпающагося снѣга, разворошеннаго санными полозьями. Золотистая ископытъ валялась кое-гдѣ. Морозъ чуть пощипывалъ и румянилъ щеки Валентины Петровны. Солнце поднималось за лѣсами. Оно было желтое, блѣдное, и можно было безъ боли смотрѣть на него. Въ воздухѣ была какая-то сладкая отрада и она вливалась въ душу Валентины Петровны и бодрила усталое сердце.

Мужичекъ въ свалявшейся шапкѣ собачьяго мѣха, въ широкомъ азымѣ поверхъ полушубка, задержалъ веревочными обмерзлыми вожжами и подалъ имъ маленькія санки. Таня стала ладиться съ нимъ и устраивать корзины такъ, чтобы на нихъ можно было сидѣть. Сейчасъ же тронулись и не прошло десяти минутъ, какъ вѣхали въ большой боръ и дорога стала ровнѣе и глаже.

Мужичекъ обернулся къ Валентинѣ Петровнѣ и, показывая кнутовищемъ на громадные черные дубы, стоявшіе по сторонамъ дороги, сказалъ, какъ то, не то радостно, не то насмѣшливо:

— Почитай поболь двухъ сотенъ лѣтъ стоятъ родимые... Заповѣдная, значить, была роща... Никто и тронуть ее сколько годовъ не смѣлъ... А теперь, слышно, порѣзывать... Вырубать будутъ... Потому общество постановило, чтобы дѣлать... Коммуна...

Это страшное слово пришло и сюда въ эту вѣковую тишину и покой. Валентина Петровна въ страхѣ прижалась къ Танѣ. Та весело и насмѣшливо спросила мужика:

— А вы что ли коммунисты?

— Какіе мы коммунисты?.. Православные мы хрестяне... А только слышно, приказъ такой, отъ самаго отъ главнаго... Отъ царя что ли новаго... Чтобы всѣмъ коммуной называться....

Лѣсъ былъ тихій и точно задумался надъ своей участью. Дорога прихотливыми изгибами, мимо вѣтокъ кустовъ спускалась въ оврагъ. Внизу, въ голубыхъ тѣняхъ замерзшая и тихая была рѣчка. Тонкіе прутики торчали по ея берегамъ.

— Вотъ она, значить, Благодать рѣчка пошла... Заразъ и Дубровъ хуторъ будетъ.

Рыжая пузатая лошаденка съ по ямщицки увязаннымъ петлею хвостомъ бѣжала весело внизъ. Совсѣмъ близко отъ Валентины Петровны мелькали ея заднія ноги, покрытыя слипшейся колечками шерстью. Она дымилась и по особенному пахло конскимъ потомъ. Мужикъ въ черномъ азымѣ домадѣльнаго сукна сидѣлъ бокомъ и бѣлымъ валенкомъ чертилъ по снѣгу голубыя

полосы. Сани скрипѣли, постукивали, налетая на замерзшія колеи, ухали въ ухабы и медленно ползли наверхъ. Чуть чуть, пьяно какъ-то, кружилась голова. Отъ воздуха ли, отъ усталости, или это въ саняхъ по ухабамъ укачивало. Лѣзли въ голову воспоминанія, мысли разныя и все это казалось точно не настоящимъ, не жизненнымъ, нарочно будто такъ придуманнымъ и во всякомъ случаѣ временнымъ.

Мужикъ вернулся къ прежней своей мысли. Видимо она его тоже тяготила и было въ ней что то непонятное.

— Еще Петра садилъ дубы та... — махнулъ онъ назадъ къ заповѣдной рощѣ кнутовищемъ. — Петръ великай, слышь, дубы то садилъ. Онъ зналъ, значить, что дѣлалъ. Корабли чтобы строить, да по Дону сплавлять... А вишь ты какъ обернулось то!..

Медленно выползали изъ оврага. Морщилась кожа на спинѣ лошади отъ усилія. Пахло хвоей, смолой, а болѣе того снѣжной свѣжестью, этимъ необъятнымъ Русскимъ просторомъ, гдѣ столько природы и мало людей. Къ этому запаху примѣшивался запахъ махорки и мужика. Тихій и будто дремотный голосъ ямщика говорилъ о чемъ то далекомъ прошломъ, что никогда не вернется. Петръ Великій... Былъ и онъ когда-то здѣсь. И онъ ѣхалъ вотъ такъ же и замышлялъ корабли строить и по Дону сплавлять... И все это казалось просто какою то занятой поѣздкою, пикникомъ какимъ-то, красивымъ и не долгимъ... Поѣздкою для леченія нервовъ.

Валентина Петровна вспомнила, какъ въ вагонѣ Таня, чтобы не обращать на нее вниманія другихъ пассажировъ и солдатъ называла ее просто «Валечкой».

— Вы, Валечка, погодите, я вамъ чайкомъ какънибудь черезъ земляковъ разстараюсь... Вы бы, товарищъ, съ сапогами какъ нибудь полегче. Видите Валечкѣ стѣсненіе дѣлаете.

Было это смѣшно, очень уже фамильярно и какъ будто обидно. «Какая я ей Валечка»?

Но смирялась. Валентина Петровна понимала, что настали какія то такія времена, когда не Таня, ея служанка и горничная, исполняетъ ея приказанія, а она,

барыня, генеральская дочка, жена ротмистра и георгиевскаго кавалера, должна во всемъ ей подчиняться. И это казалось какой-то игрой. Конечно, не надолго. Пока сидятъ эти... Большевики.

Когда выбрались изъ оврага сейчасъ и пошли бѣлая, накрытыя соломенными шапками крышъ хатки, за ними опять были лѣса и все это казалось картиной на фонѣ синяго яснаго неба.

— Теперь лѣсъ пойдетъ до самой, до графской степи, — сказалъ мужикъ. — Вы гдѣ же пристать то думаете?.. Тутъ у насъ вѣзжей нѣтъ.

— Я къ своимъ ѣду, — сказала съ независимымъ видомъ Таня. — Къ дѣдушкѣ, къ Парамону Шагину.

— Не знаю, гдѣ его и хата... Да дома ли?.. Не угнали ли въ красную армію?

— Такъ онъ же старенькій, свое давно отслужилъ.

— Ничего, что и старенькій... Большаки этого не разбираютъ... Не при царѣ.. Баловства, али льготы какой никому не даютъ... И старыхъ, и малыхъ, даже, срамъ сказать, и бабъ, и тѣхъ берутъ... Подъ гребло.. Народная власть...

XXVIII.

Было странно-весело входить на крылечко, запорошенное снѣгомъ, съ тонкими по краямъ столбочками и плетушками стараго померзшаго уже, почти безъ листьевъ винограда, свисавшими съ крыши. Крыльцо упиралось въ жидкую дощатую дверь. Бѣлыя тополевые доски блестѣли на солнцѣ. Вмѣсто ручки была прибита простая желѣзная дужка. Надъ нею была щеколда.

— Вы толкните, — сказалъ возчикъ, выносившій изъ саней корзины. — У нихъ не заперто.

Узкая галлерейка, съ одной стороны застекленная, была въ золотомъ солнечномъ свѣтѣ. На досточкахъ, вдоль оконницы, стояли въ горшкахъ герани. Вдоль чистаго дощатаго пола шелъ половичекъ изъ пестрыхъ

шерстяныхъ обрѣзковъ. Другая стѣна была бѣлая, мѣломъ и глиной замѣленная. По ней легли голубыя тѣни отъ оконнаго переплета и гераней. Въ галлерейкѣ прѣсно пахло тѣстомъ и овчиной. Баранья истертая шкура лежала въ концѣ галлерейки у дверей, ведущихъ въ хату.

И точно все казалось просто веселымъ праздничнымъ приключеніемъ. Пріѣхали въ деревню, на облаву... Валентина Петровна вспомнила пикники и охоты молодости.

Таня постучала въ дверь.

— Кто тамъ?.. — отозвался старый голосъ. За стѣною зашуршали валенки.

— Парамонъ Кондратьевичъ... Къ вамъ...

— Кого Богъ несетъ?

Таня назвалась. Прошла, должно быть, минута, показавшаяся Валентинѣ Петровнѣ тягостной. Сколько помнила Валентина Петровна, Таня никогда не бывала въ деревнѣ. Возможно, ее тамъ и забыли. За дверью чуть слышны были шепчущіеся голоса. Наконецъ, раздалось: — «Войдите, Христа ради».

Это «Христа ради» отшатнуло Валентину Петровну. Оно ворвалось въ ея веселое и легкомысленное настроеніе грубымъ диссонансомъ. На пикникахъ и охотахъ въ крестьянскія избы входили не «Христа ради», но по праву найма, платы, часто совсѣмъ даже и не спрашивая, хотятъ этого или не хотятъ хозяева. Два слова этихъ опять напомнили Валентинѣ Петровнѣ о томъ ужасномъ, что давало право Танѣ называть ее «Валечкой» и что не позволяло прямо войти въ избу и потребовать себѣ пріюта. Но это продолжалось недолго. Сейчасъ же раскрылась дверь въ хату и въ солнечномъ веселомъ свѣтѣ Валентина Петровна увидала хозяевъ. И были они такъ красочны, такъ просились на картину, пожалуй, даже на сцену, что Валентинѣ Петровнѣ снова стало казаться, что все это только забавное приключеніе, которое вотъ вотъ и кончится.

Въ маленькой горницѣ, почти всю ее занимая, стоялъ могучій, высокій старикъ въ широкой бараньей шубѣ, накинута на плечи, въ розовой ситцевой рубахѣ,

пестрядинныхъ портахъ, бѣлыхъ съ голубою полоскою, онучахъ и валенкахъ. Широкая, совсѣмъ бѣлая борода вѣеромъ ложилась на его грудь. Черты лица были грубы, но и величаво красивы. Позади него была маленькая старушка съ волосами, накрытыми темнымъ платкомъ.

Въ хатѣ было два покойчика, двѣ комнатки, отдѣленные одна отъ другой деревянною переборкой, не доходившей до потолка. Въ первой комнатѣ была большая печь съ лежанкой, съ широкимъ устьемъ, съ заслонами и большою, съуживающею кверху бѣлою трубою. Стѣны были глиняныя, бѣленыя. Въ красномъ углу божница осталась, но висѣвшіе рядомъ съ нею портреты, должно быть царскіе, были сняты. Тамъ сѣрѣли пятна въѣвшейся за ними пыли. Простой липовый столъ, лавки, полка съ посудой, все было чисто, опрятно, очень просто, почти бѣдно.

Валентину Петровну пригласили въ сосѣдную горенку.

— Здѣсь вамъ поспокойнѣе будетъ, — сказала старушка.

Въ горницѣ вела узкая дверка, занавѣшенная ситцевой занавѣской. Комната была совсѣмъ маленькая. Въ ней, у стѣны, стояла высокая постель, казавшаяся квалпатной, такъ она была копотка. На постели лежало розовое стеганое одѣяло и на немъ, занимая всю постель, въ три ряда аккуратно были разложены подушки безъ наволочекъ. Было видно, что на постели этой никогда не спали. У противоположной стѣны былъ пузатый красный комодъ и надъ нимъ висѣли въ выпиленныхъ орѣховыхъ и въ украшенныхъ рѣчными ракушками рамочкахъ выпѣвшіе фотографическіе портреты. Въ красномъ углу была темная икона и за ней воткнуты запыленные вербочки. На комодѣ, въ тяжелыхъ кожаныхъ переплетахъ лежали книги. На нихъ былъ положенъ футляръ для очковъ. Маленькое окно съ кисейной занавѣской выходило на дворъ. На дворѣ дымила на морозѣ навозная куча и куры пестрою стаею копались въ ней.

Въ комнатѣ пахло мятой, полынью и еще какими то

сухими травами. Запахъ былъ не рѣзкій и скорѣе пріятный.

Все это понравилось Валентинѣ Петровнѣ. Главное: — въ ней опять крѣпла увѣренность, что все это только на время и на очень недолгое время. А тамъ вернется Петрикъ. Банкъ возобновить свои операціи, и она опять заживетъ обычною культурною жизнью.

Таня тихо переговаривалась со стариками. Мужикъ, привезшій ихъ носилъ въ галлерейку ихъ корзины и въ горенку было слышно, какъ скрипѣли доски подъ его тяжелыми шагами.

Въ простѣнкѣ между окномъ и переборкой висѣло засиженное мухами пыльное зеркало. Валентина Петровна посмотрѣла въ него.

Морозъ расцвѣтилъ усталыя щеки. Если бы не противная складка у подбородка — и когда она появилась! — и совсѣмъ была Валентина Петровна такая, какъ всегда. Ни годы, ни несчастья, ни тяжелыя переживанія ее не брали. Глаза морской волны сіяли. Капельки растаявшаго инея на длинныхъ рѣсницахъ отражали ихъ блескъ и казались маленькими алмазами. Валентина Петровна разстегнула шубку. И талія была совсѣмъ дѣвическая. Нѣтъ, не хотѣла она стариться. Остановила время, чтобы дожидаться того счастливаго дня, когда уйдутъ «они», и она вернется къ Петрику, все такая же обаятельная, какъ и была. Нужно только умѣть переждать.

Валентина Петровна отвернулась отъ зеркала и подошла къ постели. Она потрогала ее. Ничего себѣ... Мягкая... А подушекъ то!.. Что же на ней? Вдвоемъ съ Таней?.. Таня и «Валечка»... Пеффы!.. А нѣтъ ли въ ней клоповъ?.. Вотъ обернулась жизнь... А гдѣ умыться?.. И, конечно... Безъ всякихъ удобствъ... Вотъ такъ такъ! Хуже, чѣмъ въ Ляхедзы... Что же?.. Таня къ стѣнкѣ, или я?.. Не знаю, что хуже?.. Хотя Таня все таки чистенькая...

Вошла Таня. Веселая, шумная, энергичная. Таня не горничная, не служанка, не милая, чуткая совѣтчица и другъ, но Таня командиръ.

— Ну те-сѣ, барыня, все обошлось по хорошему. Дѣдушка съ баушкой согласны на принятіе насъ и защиту. Слава Тебѣ, Господи, люди оказались съ поняті-

ями и Христа не забыли. Вотъ здѣсь мы и расположимся. Постеля чистая. На ней и не спали. Только для парада и соблюдалась. Я вамъ здѣсь постелю, себѣ на лавкахъ у стѣнки постелю устрою. Вамъ и не страшно будетъ и не стѣснительно. Сейчасъ корзины притащимъ, я вамъ свѣжія простыньки ваши положу, все устрою, такъ то важно отдохнете съ дороги. А тѣмъ временемъ мы съ баушкой обѣдъ вамъ сготовимъ.

— Стоитъ ли, Таня, разбирать корзины, — нерѣшительно сказала Валентина Петровна. Ей все еще казалось, что можно такъ, на корзинахъ, въ уголку, посидѣть, подремать, почитать книжку, а тамъ и домой, въ Петербургъ, къ своему роялю... И Петрикъ, гляди, вотъ вотъ и вернется.

— Да что вы, барыня... Здѣсь, я распознала, прямо, ну такое убѣжище, просто, какъ у Христа за пазухой. Весь хуторъ въ Бога вѣруеть!... Дѣдушка мой, — Таня показала на книги, — что твой апостоль между ними... Тутъ жить, да жить... Можетъ быть, даже и годы жить придется, такъ тутъ такъ то славнечко проживемъ. Ей Богу правда, и въ благочестіи и въ чистотѣ...

Таня нагнулась къ принесенной старикомъ корзинѣ. Развязала зубами узелъ веревки и стала раскручивать ее.

Веревка свистѣла въ ея ловкихъ рукахъ.

XXIX.

Годы... Это было бы просто ужасно!.. Но дни шли за днями, однообразные, скучные и сплетали жизнь Валентины Петровны въ какой то нудный и странный бытъ чисто животнаго существованія. Было странно и непонятно, какъ это жить безъ базара, безъ лавокъ, безъ поставщиковъ, безъ сотеннаго артельщика, которому закажешь все, что надо, и онъ привезетъ.

Теперь она и не заказывала. Все было свое. По вечерамъ Таня спускалась въ клѣти. Валентина Петровна

свѣтила ей жестянымъ фонаремъ съ восковымъ огаркомъ. Въ клѣти стояли мѣшки съ мукою, грудю, прикрытый рогожей лежалъ черный картофель, морковь, бураки и будто человѣческіе черепа блестѣли при свѣтѣ фонаря круглые кочаны капусты.

Заберутъ въ клѣти, что нужно и идутъ въ коровникъ. Таня поставитъ низенькую скамеечку у живота косматой, пахучей коровы, широко разставитъ ноги, подставитъ ведерко, и изъ подъ ловкихъ и сильныхъ ея пальцевъ съ пріятнымъ журчаніемъ побѣжитъ въ ведерко бѣлая тепломъ пахнущая струя молока.

— Барыня... а вы попробуйте.... Когда мнѣ недосугъ будетъ, гляди, и вы мнѣ подможете.

Валентина Петровна смущенно улыбалась. Не могла же она признаться Танѣ, что при одной мысли взяться за коровьи соски, дрожь пробѣгала по всему ея тѣлу и оно покрывалось точно въ лихоралкѣ мелкими пупырышками? Но не могла отказаться. Вѣдь Таня — командиръ!.. И кто она передъ Таней? Она неловко садилась на нагрѣтую Таней скамеечку и несмѣло бралась за соски. Таня стояла подлѣ и съ улыбкой наблюдала за своей барыней.

— А вы сильнѣе, барыня, не бойтесь... Такъ вы ее только щекотете... Вотъ такъ!.. Вотъ и пошло...

Таня втягивала Валентину Петровну въ работу. И не могла Валентина Петровна отказаться. Она ничего не платила. Она жила — Христа Ради. Она должна была сколько могла помогать.

Таня вела Валентину Петровну на рѣку: — бѣлье стирать. Таня стирала большое и грубое бѣлье, Валентинѣ Петровнѣ давала платочки, да всякіе пустячки женскіе. Валентина Петровна старалась. Но какъ краснѣли ея руки и какъ зудили долго потомъ! Валентина Петровна смотрѣла, какъ безстрашно входила Таня босыми ногами въ ледяную воду. Ноги по икры краснѣли, синѣли, распухали точно, а Таня, знай себѣ, полощетъ бѣлье и точно азартъ какой-то на нее находить. Валентина Петровна замерзаетъ отъ одного глядѣнія на Таню, а Таня кричитъ изъ рѣки:

— А вы, барыня, тоже разулись бы и пошли. Ничего, не простудитесь. Такъ то славно закаляетъ...

Такъ вотъ и жила Валентина Петровна безъ рояля, безъ книгъ, — тѣ, что привезла съ собою, зачитала до дыръ, — безъ газетъ. Шла война или кончилась? Когда уѣзжали, все кричали: — «миръ безъ аннексій и контрибуцій»... А былъ ли миръ?.. Гдѣ Государь и Его Семья?.. Гдѣ же Петрикъ и какъ его искать?

По воскресеньямъ Таня ходила въ село. Она возвращалась къ вечеру и рассказывала новости. Безотрадные то были новости. «Большаки» воюють съ кѣмъ-то... А въ сельскомъ совѣтѣ засѣли все пришлые жида, а свой одинъ, да и тотъ Андронъ дурачокъ.

— Таково то, барыня, смѣшно... Андронъ замѣсто волостного писаря... А онъ и не грамотный... И, сказываютъ, кадеты на Дону собираются.

И не могла Таня объяснить Валентинѣ Петровнѣ, какіе это были кадеты, тѣ что учатся, или тѣ, что другихъ учать...

Надо было ужасаться такой жизни. Да, отчего ужасаться? Развѣ не было это то самое знаменитое опрощеніе, которое проповѣдывалъ графъ Толстой и сколько дуръ за нимъ бѣгало. А Стасскій?.. Развѣ не это проповѣдывалъ онъ?.. Для другихъ... не для себя, конечно.

Лѣсной ихъ поселокъ замкнулся, какъ улитка въ раковинѣ. Да не было ли это къ лучшему?

По вечерамъ дѣдушка съ бабушкой полягутъ спать, а Таня сядетъ у коптящей лампочки и сучить какую то пряжу, а сама поетъ. И недурно поетъ, но отъ ея пѣнія, черная тоска заливаетъ сердце Валентины Петровны. Откуда приносить такія страшныя пѣсни Таня?..

... « — Купите бублички-и,
Гоните рублички-и.
Горячи бублички-и,
Васъ угошу-у!..
И въ ночь ненастную
Меня несчастную,
Торговку частную,
Ты пожалѣй!..»

Валентина Петровна лежала на постели и хотѣла, не хотѣла, а слушала это пѣніе. Она точно видѣла жуткую ненастную Московскую или Петербургскую ночь. Ей казалось, что это она стоитъ гдѣ то на площади, притаившись у каменнаго забора, и мимо идутъ и идутъ злые, равнодушные люди, а у ней связка бубликовъ и это она такъ заунывно и протяжно поетъ, зазывая покупателей и все время боясь, что ее увидитъ «мильтонъ», ее заберутъ и посадятъ за запрещенную торговлю, или красноармеецъ, шутки ради, выстрѣлитъ ей въ животъ... А она вотъ совсѣмъ такъ, какъ сейчасъ Таня поетъ: —

«Купите бублички-и,
Гоните рублички-и...

Вся печальная совѣтская жизнь отразилась въ этой пѣснѣ съ жалобно просящимъ ея напѣвомъ, съ печальными словами: «Ты пожалѣй»!.. Ты пожалѣй!.. Въ этомъ былъ весь ужасъ этой страшной жизни, что тутъ никто не зналъ жалости.

Таня давно перестала пѣть. Она погасила лампу и улеглась спать. Въ комнатѣ былъ тихій свѣтъ отъ лампадки и въ окно свѣтила луна. Валентина Петровна никакъ не могла уснуть. Она смотрѣла на Таню. Лицо Тани было во снѣ совсѣмъ бѣлымъ и носъ сталъ какъ то длиннѣе и лежала она точно покойница. И надоѣдливо, куда хуже, чѣмъ лягушки въ Манчжуріи, въ ушахъ Валентины Петровны звучалъ, звучалъ и звучалъ назойливый, скучный и печальный напѣвъ:

«Купите бублички-и,
Гоните рублички-и»...

XXX.

Какъ то спросила въ такую безсонную ночь, когда и Таня проснулась, Валентина Петровна:

— Таня, почему вашъ дѣдушка насъ пріютилъ? Вотъ что я хотѣла тебя спросить, Таня?

— Только и всего то заботы у васъ, барыня. Есть отъ чего и не спать?

— А, если это мучить меня?

— Да вы сами его и спросите? Онъ вамъ и разъяснить.

Таня повернулась лицомъ къ стѣнкѣ и тихо стала сопѣть. Заснула опять. Ну да, она намаялась за день, устала.

Спросить самого Парамона Кондратьевича было страшновато. Было въ немъ что то будто и нечеловѣческое. И не земное, хотя весь онъ былъ отъ земли и даже землею отъ него пахло. Въ его сѣрыхъ, блестящихъ зоркихъ глазахъ, — ими онъ на солнце безстрашно смотрѣлъ, — было что то, напоминавшее Валентинѣ Петровнѣ страшнаго Манчжурскаго бога Чен-ши-мяо. Только манчжурскій богъ былъ грозенъ и страшенъ, а дѣдушка былъ благостенъ, но въ благостности его было что то несокрушимое, непреоборимое, такое, съ чѣмъ спорить было бы бесполезно.

Тогда въ ихъ поселкѣ шутили, что, какъ совсѣмъ не стало лошадей, то придетъ время пахать и придется бабъ въ плуги запрягать. И говорила тогда, шутя, конечно, Таня: «Вотъ прикажетъ Парамонъ Кондратьевичъ, и вамъ, барыня, въ корню, а мы съ баушкой на пристяжкахъ пахать пойдемъ». И думала теперь Валентина Петровна: — «а, вѣдь, прикажетъ Парамонъ Кондратьевичъ, скажетъ: — «а ну, запрягайся-ка барыня, въ плугъ», и запрягусь!.. Его нельзя послушаться, какъ нельзя послушаться бога Чен-ши-мяо... Въ немъ народъ.... А народъ, это что то страшнѣе самаго страшнаго бога».

И, когда, какъ это часто бывало, вечеромъ, Парамонъ Кондратьевичъ засвѣтилъ восковую свѣчу и досталъ съ комода большую книгу «апостолъ», положилъ ее на столъ и закорузлымъ бурымъ пальцемъ поманилъ Валентину Петровну, чтобы она почитала вслухъ, у Валентины Петровны сильно забилося сердце. Парамонъ Кондратьевичъ самъ безъ очковъ не могъ читать, а очки, еще тогда, когда черезъ ихъ поселокъ проходили красноармейцы, у него отобрали ради издѣвки и раздавили каблукомъ о камень. Съ тѣхъ поръ, почти каж-

дый вечеръ Парамонъ Кондратьевичъ манилъ пальцемъ Валентину Петровну и давалъ ей читать изъ Писанія, что укажетъ.

Парамонъ Кондратьевичъ показалъ Валентинѣ Петровнѣ сѣсть противъ него на лавкѣ и сталъ отстегивать мѣдныя застежки тяжелой книги.

Валентина Петровна смотрѣла ему въ глаза и думала: когда она смотрѣла въ глаза своей собаки Ди-ди, въ ея черные блестящіе брилліантики, она видѣла въ нихъ ея собачью думу и часто, казалось ей, она понимала эту думу и угадывала желанія собаки. Она смотрѣла такъ же въ выцвѣтшіе блѣдно сѣрые глаза Парамона Кондратьевича и не могла ничего ни угадать, ни прочитатъ въ нихъ. Въ нихъ была какая-то отреченность отъ земли. Въ нихъ было и что то благостное и въ то же время будто и насмѣшливое, въ нихъ была молитвенная устремленность къ небу и вмѣстѣ съ тѣмъ и неодолимая жестокость, и вѣра была въ нихъ и пытливое, испытующее Бога невѣріе. Страшны были глаза и манили на откровенный разговоръ, на исповѣдь.

— Дѣдушка, — несмѣло сказала Валентина Петровна.

— Что, боярыня?

Парамонъ Кондратьевичъ ее все «боярыней» называлъ, и въ этомъ словѣ была ласковая насмѣшливость и будто подчеркнутое уваженіе...

— Что хотѣла я васъ спросить... Почему вы насъ съ Таней пріютили и устроили и кормите и поите вотъ уже сколько времени? Придутъ большевики, они васъ за это не пощадятъ.

Парамонъ Кондратьевичъ ничего не отвѣтилъ. Онъ смотрѣлъ нѣсколько мгновеній въ глаза Валентинѣ Петровнѣ, и была въ его глазахъ будто насмѣшка и сожалѣніе. Потомъ онъ опустилъ глаза въ книгу и, не видя буквъ, сталъ листать ее. Было похоже, что онъ и, не читая, зналъ, какое мѣсто ему нужно. Онъ отлисталъ нѣсколько тяжелыхъ замусоленныхъ страницъ и показалъ чернымъ закорузлымъ пальцемъ, гдѣ надо читать.

Съ трепетомъ, чувствуя, что вотъ сейчасъ и прочтетъ она отвѣтъ въ этой громадной книгѣ со старопе-

чатными славянскими буквами подъ титлами начала Валентина Петровна мѣрно и громко читать.

... «Возлюбленные! не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они, потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ. Духа Божія и духа заблужденія узнавайте такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Иисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога; а всякій духъ, который не исповѣдуетъ Иисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста, о которомъ вы слышали, что онъ придетъ и теперь есть уже въ мірѣ...»

Парамонъ Кондратьевичъ тяжелой рукой, какъ медвѣжьей лапой, накрылъ страницу и сказалъ твердо и убѣжденно:

— Большаки то не исповѣдуютъ Иисуса Христа, пришедшаго во плоти. Въ нихъ духъ антихриста. Ибо онъ уже въ мірѣ...

Онъ опять открылъ страницу и далъ читать ее Валентинѣ Петровнѣ. Странное волненіе охватило теперь Валентину Петровну, и она уже искала въ читаемомъ сокровенный смыслъ, имѣющій отношеніе къ ея теперешнему положенію.

...«Дѣти! вы отъ Бога и побѣдили ихъ; ибо тотъ, кто въ васъ, больше того, кто въ мірѣ. Они отъ міра, потому и говорятъ по мірски, и міръ слушаетъ ихъ. Мы отъ Бога: знающій Бога слушаетъ насъ. Посему то узнаемъ духа истины и духа заблужденія. Возлюбленные! будемъ любить другъ друга, потому что любовь отъ Бога, и всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь»...*)

Съ безконечною любовью смотрѣлъ въ глаза Валентины Петровны Парамонъ Кондратьевичъ и сталоъ понятно, почему пріютилъ Валентину Петровну этотъ мудрый старикъ.

Потому что: — «Мы имѣемъ отъ Него такую заповѣдь, чтобы любящій Бога любилъ и брата своего»...

*) Первое посланіе апостола Іоанна Богослова. Гл. 4. ст. 1-8 и 20-21.

XXXI.

Зима прошла и наступила дружная русская весна. Для пахоты еще не пришлось запрягать бабъ въ плугъ. Въ поселкѣ оставалось нѣсколько лошадей и пахали на нихъ міромъ по очереди.

Изъ внѣшняго міра, путаясь страшнымъ клубкомъ, гдѣ нельзя было разобрать, гдѣ правда и гдѣ ложь, пришли страшныя вѣсти. Большевики заключили съ нѣмцами въ Брестѣ «похабный» миръ и воевали теперь съ казаками и «кадетами». Государь Императоръ и вся Царская Семья были звѣрски убиты въ Екатеринбургѣ.

Божій громъ не разразился надъ землею и не содргнулась культурная Европа. Черезъ село, куда ходила Таня точно людская текла рѣка. Она разливалась мелкими ручьями и на громадномъ пространствѣ все затопляла страшнымъ развращающимъ своимъ потокомъ. Приходили и уходили люди, приносили вѣсти, забирали женщинъ, убивали священниковъ и стариковъ, и нигдѣ не было ни суда ни расправы. Таня потребовала, чтобы Валентина Петровна перестала носить свои городскія платья и стала одѣваться, какъ крестьянка. За огородомъ разросся коноплянникъ и Таня сказала Валентинѣ Петровнѣ, что, если она дастъ ей какой знакъ Валентина Петровна должна лѣзть въ окно во дворъ, бѣжать въ коноплянникъ и сидѣть тамъ, укрывшись, пока за ней не придетъ Таня.

— Свои, хуторскіе, барыня, не выдадутъ... А теперь вездѣ «ходятъ».

Въ этомъ безличномъ: «ходятъ» было что то страшное. Валентина Петровна понимала теперь: — антихристовы люди «ходятъ»... И были они страшнѣе, чѣмъ призраки маньчжурскихъ страшныхъ боговъ.

Жизнь становилась напряженнѣе и голоднѣе. Въ кладовкѣ не стало запасовъ. Каждый день сулилъ неожиданными и непріятностями... Каждый день и часъ могла быть тревога. Ее не игралъ трубачъ на громко-голосой трубѣ, но вбѣжить растерянная, раскраснѣвшаяся Таня. — «Барыня!... Бѣгите!... Пришли!...»

Валентина Петровна скользнетъ въ окошко, неловко перелѣзетъ въ него и бѣжитъ, нагнувшись, черезъ огородъ къ коноплянику. Какъ скучны и долги часы этого вынужденнаго бездѣлья и сидѣнья въ душной коноплѣ. Кругомъ тишина. Время точно остановилось. По небу розовыя плывутъ облачка. Конопля чуть шелеститъ метелками цвѣтовъ. Пряно пахнетъ отъ нихъ. По желтѣющему стеблю ползаютъ мухи съ синимъ брюшкомъ. Взволнованное сердце отбиваетъ секунды.

Валентина Петровна сидѣла и прислушивалась къ тому, что дѣлалось на хуторѣ. Но и тамъ было тихо. Сарай закрывалъ хату. Сквозь стебли конопли была видна огорожа. На нее цѣплялись плети помидоровъ. Морщинистые, еще зеленые плоды повисли на нихъ. Солнце съ томительной медленностью ползло по небу. Все сокращались тѣни. Потомъ перевалили на другую сторону и стали расти. Первый разъ Валентина Петровна замѣчала это движеніе земли. И только, когда пришла вечерняя прохлада, Таня явилась какъ то вдругъ и совсѣмъ неожиданно изъ огорода.

Сколько передумала за этотъ тревожный день Валентина Петровна!

Таня шла поддерживая за локоть Валентину Петровну.

— Чай проголодались... Ослабли... День цѣлый ничего не ѣвши... Двое пришли. Сидѣли на бревнѣ..., Потомъ въ хату вошли. Молока истребовали. Какъ имъ не дать! Послѣднее отдали. Все чего то высматриваютъ. Въ солдатскихъ гимнастеркахъ. Морды страшныя... Ни о чемъ сами не заговариваютъ... Дѣдушка ихъ спросилъ: — «а какъ наши»?... А они какъ вскинутся!... Ну, прямо, бѣшеные стали. «Кто», — кричатъ, — «ваши»?... Ажъ страшно стало!

И то, что говорили о нихъ, не называя ни именъ, ни прозвищъ, говорили, какъ то неопредѣленно и то, что были у нихъ «страшныя морды» все это придавало имъ нѣчто таинственное, грозное и мистическое... Подлинно, антихристовы люди.

Въ эту ночь за лѣсомъ точно далекія вспыхивали

молніи и слышенъ былъ громopodobный гулъ. Валентина Петровна одна стояла въ полѣ, слушала и смотрѣла. Она знала, что тамъ было такое... Пушки... Тамъ шелъ бой и кто кого одолѣвалъ? Можетъ быть то Петрикъ пробивался къ ней, чтобы спасти ее? Но пушечный громъ продолжался недолго. Не было такъ, какъ слыхала она въ ту, Великую войну, когда недѣлями гудѣли пушечными громами дали и молніями по ночамъ горѣли вспышки непрерывныхъ залповъ. Теперь порѣбляли съ полчаса и кончили. Все замерло и затихло. Кто то кого то сбиль... Кто то отошелъ...

Послѣ этого дня наступила на ихъ хуторѣ страшная тишина. Валентинѣ Петровнѣ казалось, что только въ могилѣ можетъ быть что нибудь подобное. Точно желѣзная дверь склепа отгородила ихъ отъ внѣшняго міра. И вмѣстѣ съ этою тишиною навалился на хуторъ самый настоящій, неприкровенный голодъ. Таня снесла въ село то «трюмо», что висѣло въ горенкѣ Валентины Петровны. За нимъ въ промѣнъ на мѣшокъ муки, на горсть крупы, пошли достанныя изъ корзины платья и драгоценности Валентины Петровны, жалкіе остатки того, что когда то украшало ее. Кому то надобны они были въ селѣ и городѣ? Значить, тамъ еще кто то жилъ и наряжался. За ними послѣдовало кунье боа, мѣха, все что оставалось.

Зимою явилась къ нимъ въ поселокъ и новая власть. Два жиды и съ ними спившійся съ круга мужичекъ изъ села, извѣстный воръ. Они допытывали, почему не было въ поселкѣ разстрѣловъ и грозили прислать для расправы матросовъ. Они прожили на хуторѣ до зимы и зимою, когда ѣхали изъ хутора въ городъ, между селомъ и городомъ ихъ всѣхъ трехъ положилъ кто то изъ мужицкаго обрѣза. И послѣ этого никакая власть на хуторъ не являлась. Дѣдушка Парамонъ Кондратьевичъ, сталъ на хуторѣ единственной властью. Да и на хуторѣ почти никого не осталось. Всѣ, кто помоложе и посильнѣе, подались въ городъ въ поискахъ хлѣба и работы.

Теперь зимними вечерами все населеніе хутора собиралось въ хатѣ у Парамона Кондратьевича. И былъ

разговоръ о божественномъ, о скоромъ пришествіи антихриста.

Читали евангеліе или апостолъ, а потомъ пѣли грубыми мужицкими голосами. Страшны были эти бесѣды и еще страшнѣе было пѣніе. Въ нихъ было такое презрѣніе къ здѣшнему міру, такое устремленіе къ міру будущему, такой вызовъ смерти, такое страстное ее ожиданіе и упованіе на нее, какъ на избавительницу, что Валентина Петровна надолго разстраивалась послѣ такихъ вечернихъ моленій. Все здѣшнее — тлѣнъ, суетное мечтаніе, не стоящее вниманія. Лишь смерть избавительница отъ мірскихъ страданій. Этой смерти не боялись, ее ждали, молили о ней. Тамъ, за гробомъ — блаженство вѣчное. Тамъ Христосъ милостивый, Матерь Божія Заступница. Никто никогда не говорилъ и не пояснялъ, въ чемъ же будетъ состоять это вѣчное блаженство. Его никакъ не представляли, но твердо вѣрили, что оно будетъ.

А какъ боялась смерти Валентина Петровна! Какъ по прежнему тянуло ее къ жизни!...

Когда пѣли, страшно было Валентинѣ Петровнѣ смотрѣть на поющихъ. Сѣдые, путанные борода, громадные лица, конопатые, въ оспенныхъ рябинахъ, въ трудовыхъ морщинахъ. Отверстыя рты, то полные крѣпкихъ — имъ и сносу нѣтъ — смоляныхъ зубовъ, то совсѣмъ пустые и еще болѣе страшные, то такіе гдѣ торчитъ какимъ то громаднымъ клыкомъ, не похожій на человѣческій какой нибудь одинъ уцѣлѣвшій зубъ. И пѣли все гробовое, панихидное, говорящее о смерти.

Бѣжать отсюда... Но куда убѣжишь, если кругомъ бьютъ и рѣжутъ «буржуевъ», если вездѣ такая же «народная» власть, только еще и въ Бога невѣрующая!

Страшный рыжій громадина мужикъ Андронъ, помощникъ Парамона Кондратьевича, вдругъ откроетъ свою пасть и зареветъ могучимъ хриплымъ басомъ: —
— Бога человѣку невозможно видѣти...

И вдругъ непонятнымъ образомъ, безъ дирижера, наладится хоръ. Таня примкнетъ звонкимъ сопрано и вѣрно поведетъ за собою мужиковъ: —

— На Него же ангельскіе не смѣютъ взирати...

Тогда точно открывалась душа Валентины Петровны и неслась куда то ввысь. Но эта высь не была небомъ... Это было что то особенное, полное огней горячихъ, ярко затепленныхъ свѣчей... Что то душное и жаркое, гдѣ не видно Бога, но гдѣ Онъ чувствуется вездѣ и Незримый.

Тогда страшной и неправдоподобной казалась хата, биткомъ набитая людьми, полная тяжелыхъ мужицкихъ испареній и какого то земляного могильнаго духа. Точно вѣчный огонь адскій было устье громадной печи, гдѣ ярко пылало пламя сжигаемыхъ дровъ. И казалось все это такимъ же неестественно жуткимъ, какимъ показались ей нѣкогда изображенія въ кумирнѣ бога ада, громаднаго косматаго Чен-ши-мяо.

Въ низкой избѣ точно спирало голоса людей. Они уже не походили на людскіе, но точно сама судьба, самъ рокъ пѣлъ унылую могильную пѣснь.

Глаза поющихъ горѣли и свѣтились тою страшною вѣрою, что шлетъ живого на смерть и мертвому даетъ воскресеніе.

И такъ... г о д ы ...

XXXI.

Валентина Петровна поставила овальную деревянную лохань на ножкахъ въ галлерейкѣ и стала наполнять ее водою. Она собиралась стирать. Веселое осеннее солнце заливало галлерейку яркимъ свѣтомъ. Оно ярко освѣтило лицо Валентины Петровны, и лицо это отразилось въ водѣ. Валентина Петровна нагнулась. Она ухватилась за острые, склизкіе края лохани и застыла въ оцѣпененіи ужаса. Сердце часто и мучительно забилося.

Въ успокоенной водѣ, какъ въ зеркалѣ отразилось чье то чужое, страшное лицо. Лобъ былъ покрытъ сѣтью мелкихъ морщинъ. На него свисали прямые пряди сивыхъ волосъ. Изъ подъ размаха бровей смотрѣли въ

рѣдкихъ рѣсницахъ потухшіе оловянные глаза. Желтая кожа туго обтянула щеки и подбородокъ. Носъ заострился крючкомъ.

Это?... Она??...

Валентина Петровна не вѣрила отраженію. Она побѣжала въ горницу. На бѣгу прибирала волосы и съ ужасомъ ощущала, какъ рѣдки и жестки стали они. Да вѣдь и то... Все это время, какъ падали!

Такъ вотъ оно, почему Таня такъ поторопилась продать трюмо и такъ тщательно прятала отъ нея ея складное на три створки зеркало.

«Нечего, барыня, въ зеркало смотрѣть. Не жениха ожидаете. Чего еще не видали... Кому теперь нравится? О душѣ пора подумать...»

Тогда Валентина Петровна въ своемъ ужасномъ душевномъ состояніи какъ то не обратила вниманія, не придавала особаго значенія словамъ Тани. И въ самомъ дѣлѣ можно и не смотрѣть въ зеркало.

Теперь она торопливо отыскивала запрятанное на самое дно корзины подъ всякое тряпье завѣтное зеркало. Наконецъ нашла, тщательно протерла его, поставила на столъ у окна, сѣла на табуретъ, разставила локти, оперлась щеками на ладони и стала разглядывать себя.

Это та Валентина Петровна, что какъ то, проходя въ подшпиленной амазонкѣ мимо зеркала въ гостиной въ Петербургѣ, невольно остановилась и залюбовалась собою. Ея Ди-ди стала подлѣ нея, согнувъ спину, тоже точно позируя. Картина Левицкаго... Это та самая дѣвушка, подлѣ которой стояли три кадета — ея мушкетеры — и клялись: — «un pour tous, tous pour un»...*)

— Боже мой!...

Время и лишенія ее сѣбли. Она не посѣдѣла тою благородною сѣдиною, что точно пудренный парикъ средневѣковой маркизы, покрываетъ голову не постарѣвшей лицомъ женщины. Она посѣдѣла неровно, и сѣрая, бѣлая и золотисторыжія пряди образовали грязную смѣсь. И рѣдки стали волосы. На макушкѣ просвѣчивала кожа черепа. Глаза потухли, — и не голубо-зе-

*) Одинъ за всѣхъ, всѣ за одного.

леная морская волна, согрѣтая солнцемъ искрометно сверкала въ нихъ, — но были они тусклые, какъ старое олово. И какая жуткая скорбь глядѣла изъ нихъ! По ея алебастровой шеѣ, которою всѣ такъ восхищались желтыя побѣжали морщины. Губы точно завяли и стали тонкими. Валентина Петровна пріоткрыла ротъ, и сразу, точно въ первый разъ замѣтила недостатокъ зубовъ. И тѣ, что остались, не сверкали перламутромъ и слоновою костью, но были жолты и въ ржавыхъ потекахъ.

Девять лѣтъ безъ зубного врача, безъ ухода, безъ настоящихъ зубныхъ щетокъ, и вмѣсто порошка толченый уголь. Но какъ же не видала она времени? Все ожидала Петрика и, считая дни, просчитывала годы. Можетъ быть и хорошо, что его нѣтъ, что онъ такъ и не вернулся и вѣсточки о себѣ не подалъ?... Лежитъ гдѣ нибудь въ безкrestной могилѣ, наскоро похороненный, никому не нужный. Видала она такія могилы.

Валентина Петровна посмотрѣла на руки. Будто больше и мясистѣе стали пальцы. Крѣпкіе неровные ногти обрамляли ихъ и была на нихъ невыводимая чернота.

— Да... Вотъ оно что!...

Она схватила зеркало и съ размаха бросила его на полъ. Зеркало разбилось и десяткомъ осколковъ брызнуло по доскамъ избы. На звонъ стекла вбѣжала Таня.

— Барыня, что съ вами? — воскликнула она, со страхомъ глядя на темное, искаженное нечеловѣческой скорбью лицо Валентины Петровны.

— Таня!... Старуха?...

Таня, молча, собирала осколки. Когда она встала, лицо ея было сурово.

— Барыня, — тихо сказала она, кладя осколки зеркала на комодъ. — Успокойтесь... Года то наши...

— Какіе года?

— Сорокъ пятый, почитай, вамъ пошелъ.

— Сорокъ пятый... да... Но женщина въ сорокъ пять еще и какъ интересна... Въ романахъ...

— Ахъ, въ романахъ, барыня...

— Таня... Мы жили... Теперь не живемъ...

— Вы ж-жили?... — страшень былъ шипящій голосъ Тани. Какая ѣдкая иронія была въ этомъ точно сверлящемъ словѣ: — «ж-жили». Да и Таня была не Таня — субретка изъ красиваго балета, что въ бѣломъ съ кружевами передникѣ и наколкѣ красиво и ловко прислуживала ей на ея Петербургской квартирѣ. Какая то мертвая черничка стояла передъ Валентиной Петровной. Черный платокъ прикрывалъ темно каштановые, не посѣдѣвшіе волосы. Ни одна прядка не вилась, но всѣ лежали плоско и строго. Бѣлое лицо съ обострившимся носомъ было, какъ изъ слоновой кости. Мелкія морщины бороздили его. Но всего страшнѣе были Танины глаза. Огромные, темные, строгіе, они были, какъ видала въ Кіевѣ на иконахъ Валентина Петровна глаза святыхъ и великомученицъ. Въ нихъ горѣлъ огонь, но это былъ не веселый огонь жизни, но страшный огонь смерти — «огнь поядающій».

Эта Таня, можетъ быть и святая, — это не мѣшало ей быть страшной, подошла неслышными шагами къ Валентинѣ Петровнѣ, обняла ее за плечи и посадила на постель. Сама сѣла рядомъ.

— Вы жили, повторила она. — Что же, барыня, вспомните, какая же это была жизнь? Батюшка вашъ при смерти лежалъ, а у васъ шуры-муры съ Владиміромъ Николаевичемъ шли... При такомъ то мужѣ, какъ покойный Яковъ Кронидовичъ!... Мнѣ Ермократъ Аполонovichъ все рассказывали... И были вамъ предупрежденія отъ Господа... Помните, какъ Ди-ди задушили, какъ Настеньку въ самый годъ войны увезли и украли, какъ на войну Петръ Сергѣевичъ пошли, раненіе ихъ страшное... Все отъ Господа... А вы развѣ видали все это?... Чѣмъ бы постичь тогда, да Богу молиться, вы все шутки, да любовь... Чего горничная то не видитъ?... Хоть и съ мужемъ законнымъ, такъ не довольно ли было барыня?... Вѣдь за такую то жизнь какія муки страшныя васъ ожидаютъ на томъ свѣтѣ? Господь по милосердію Своему послалъ вамъ искупленіе въ этой жизни и теперешними муками и постомъ, глядите, еще и простится все ваше прошлое... Вы жили?... Нѣтъ, барыня, то не жизнь была, а одинъ великій грѣхъ. Что кра-

соту вашу потеряли, такъ возблагодарите за то Господа... Значить, сподобляетъ Онъ васъ красоту ангельскую принять. Плакать и горевать вамъ о томъ не приходится. Вся Россія, матушка барыня, какъ вы исхудала и постарѣла. Такъ что вамъ о себѣ то говорить и думать... Вы о мученикахъ нашихъ свято-русскихъ, о святителяхъ, убиенныхъ, да въ тюрьмы заточенныхъ подумайте, да имъ подражанія ищите... Богъ дастъ и вашу душеньку Господь черезъ какія ни на есть муки, а спасетъ...

И долго еще говорила Таня Валентинѣ Петровнѣ, и все о смерти, о мукахъ о непонятной жизни будущаго вѣка. Не легче было отъ этихъ словъ Валентинѣ Петровнѣ. Не готова была она къ смерти и какъ раньше, такъ и теперь смерть казалась ей только страшнымъ концомъ, а не началомъ...

А вечеромъ старый кузнецъ Лукьянычъ въ тѣсно набитой хатѣ, гдѣ были зажжены восковыя свѣчи, въ страшной духотѣ, мрачнымъ басомъ вычитывалъ: —

— «Всевышній не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ, какъ говоритъ пророкъ: — «небо престолъ мой и земля подножіе ногъ Моихъ; какой домъ созиждете Мнѣ, говоритъ Господь, или какое мѣсто для покоя Моего. Не Моя ли рука сотворила все сіе».*)

Кошунственные мысли шли въ головѣ Валентины Петровны. Она видала бога, чьи ступни опирались на землю и давили несчастныхъ маленькихъ человѣчковъ. И тотъ богъ былъ не милостивый единый истинный Богъ, но страшный китайскій богъ ада Чен-ши-мяо. Не онъ ли придавилъ и ее, не онъ ли въ прахъ растопталъ ея прекрасную красоту и вотъ сдѣлаетъ еще одно усиліе и ничего отъ нея не останется?

Она слушала дальше. Тяжелыя слова падали въ тишину переполненной народомъ избы, какъ камни, спадающіе съ горъ.

— «Да хвалится братъ униженный высотой своею, а богатый униженіемъ своимъ, потому что онъ преидетъ, какъ цвѣтъ на травѣ. Восходитъ солнце, наста-

*) Дѣянія св. Апостоловъ. Гл. 7., ст. 48, 49 и 50.

еть зной, и зноемъ изсушаетъ траву, цвѣтъ ея опадаетъ, исчезаетъ красота вида ея; такъ увядаетъ и богатый въ путяхъ своихъ»... *)

— «Вы, которые не знаете, что случится завтра: ибо что такое жизнь ваша? паръ являющийся на малое время, а потомъ исчезающій»... **)

— «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противникъ вашъ діаволъ ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища кого поглотить»... ***)

— «Придетъ же день Господень, какъ тать ночью, и тогда небеса съ шумомъ прейдутъ, стихіи же разгорѣвшись, разрушатся, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ... Мы, по обѣтованію Его, ожидаемъ новаго неба и новой земли, на которыхъ обитаетъ правда»... ****)

И чудилось Валентинъ Петровнѣ будто двѣ громадныя стѣны изъ базальта стали по сторонамъ ея. И такъ высоки онѣ, что не видно за ними Божьяго свѣта. И такъ толсты, что никакой звукъ не проникаетъ черезъ нихъ... И вотъ сдвинулись эти стѣны и движутся медленно съ неумолимой силою и, когда сойдутся, расплющатъ совсѣмъ тѣло Валентины Петровны. И некуда податься. Вездѣ пустыми очами глядится на нее смерть. Уйти, отправиться къ «нимъ», печь и продавать бублики, и въ «ночь ненастную» молить тупорылаго красноармейца, чтобы онъ пожалѣлъ... И знала: не пожалѣетъ. И тутъ придетъ часъ и тоже не пожалѣютъ... Только тамъ смерть поганая отъ руки слуги діавола, здѣсь смерть благодная... Не все ли равно?... Смерть!...

*) Посл. св. ап. Іакова. гл. 1. ст. 9 и 10.

**) Посл. св. ап. Іакова. Гл. 4. ст. 14.

***) Первое посланіе ап. Петра Гл. 5. ст. 8.

****) Второе посланіе ап. Петра. Гл. 3. ст. 10 и 13.

XXXIII.

Въ тѣ страшные годы небывалыя въ исторіи гоненія на христіанъ были воздвигнуты по всей русской землѣ. Воинствующие безбожники издѣвались, мучали, пытали за вѣру Христову. Священниковъ истязали и сжигали живьемъ. Храмы грабили, разрушали или обращали въ дома непотребства, въ клубы, въ танцульки, въ кинематографы. Съ веселыми пѣснями взрывали монастырскія стѣны, устоявшія противъ татаръ, выдавшія полчища Наполеона и теперь разрушаемыя русскою молодежью, красноармейцами, подъ грозные окрики жидовъ комиссаровъ.

Мѣстоблюститель Патріаршаго Престола Митрополитъ Петръ Крутицкій и съ нимъ сонмъ іерарховъ томилась въ ледяной сибирской тундрѣ, въ нищетѣ и голодѣ. Другіе іерархи смутились и поклонились сатанинской власти большевиковъ: — «нѣсть бо власть, еще не отъ Бога»...

Сатану признали Богомъ поставленною властью.

Въ тѣ годы милліоны соблазнились и отреклись отъ Господа. Но были тѣ милліоны гнилою пылью, стадомъ шелудивымъ, мерзостью людскою, и не они была Россія.

Многіе ушли въ катакомбы, унося въ подполья и лѣса пламенную горячую вѣру. Не было священниковъ, они избирали изъ своей среды начитаннаго, богобоязненнаго мужика, и тотъ шелъ за двѣсти, триста верстъ къ архіерею искать благодати. И посвящали его, какъ въ старину безъ обряда, простымъ рукоположеніемъ. Возвращались времена преподобнаго Сергія, страшныя времена татарской неволи. Въ темной ночи горѣли яркіе свѣточы народной вѣры.

Поневолѣ упрощеннымъ стало богослуженіе. Обѣднѣли уцѣлѣвшія, ограбленныя церкви, и церковные каноны не были соблюдаемы. На просторъ вышло сектантство. Но и оно, заблуждаясь, кривыми тропинками шло къ единой великой цѣли, къ Іисусу пресвѣтлому. Теплилась православная вѣра, какъ уголь подъ слоемъ золы,

укрывалась, пряталась и вдруг вспыхивала яркимъ пламенемъ, опалая мучителей, вызывая на подражаніе.

И совсѣмъ непостижимо, какъ, какими путями, въ Дубровскомъ хуторѣ знали о всѣхъ такихъ проблескахъ вѣры, гдѣ бы на всей Руси они ни случались. Приносила эти вѣсти обыкновенно Таня и передъ чтеніемъ святыхъ книгъ рассказывала, просто, безъ поясненій, такъ какъ и въ библии и въ житіяхъ святыхъ повѣствовалось о подвигахъ ревнителей вѣры.

Паль Гдовъ, и семнадцать деревень было сожжено коммунистами. На Рождествѣ обыскивали по избамъ и отбирали хлѣбъ. Разстрѣляли опять многихъ священниковъ и бывшихъ военныхъ. И тѣхъ, кто оставался вѣрнымъ своимъ духовнымъ отцамъ, замучили и убили. Одного мальчика, девяти лѣтъ, сына убитого крестьянина, вытащили голымъ на снѣгъ въ морозъ и требовали, чтобы онъ отрекся отъ Бога. Мальчикъ, дрожа отъ страха и холода, твердилъ: — «Тятка вѣрилъ въ Бога, и я вѣрую. Тятку замучили и меня замучаете, а отъ Боженьки не уйду... Отпустите меня. Матка ждетъ меня. Я одинъ у нея. Она съ голода помретъ, если меня не станетъ». — «Скажи, что не вѣруешь», — кричали коммунисты и били его по голой спинѣ и по головѣ, такъ что кровь показалась на снѣгу. — «Гдѣ Богъ твой? — если матка и ты голодаете». Но мальчикъ держалъ ручку, сложивъ пальцы, какъ для крестнаго знаменія, смотрѣлъ на небо и все время повторялъ: — «Богъ мой, помоги мнѣ! Тятка не сдался и я не сдамся». Одинъ коммунистъ махнулъ рукой и ушелъ. Другой выстрѣлилъ, но мальчикъ остался невредимъ. Онъ пошелъ было прочь, но сейчасъ же вернулся. Мальчикъ, заливаясь слезами, сталъ на колѣни и, простирая руки къ небу, громко кричалъ: — «Боженька, спаси меня отъ нихъ, или возьми меня къ Себѣ». Вдругъ раздался выстрѣлъ и коммунистъ замертво упалъ... Это тотъ другой коммунистъ, потрясенный глубиной вѣрой ребенка, самъ прозрѣвъ душой, и, не допустивъ дальнѣйшихъ испытаній ребенка, убилъ своего товарища. Взявъ на руки окровавленнаго мальчика и со слезами укрывая его полами своей шинели отъ мороза онъ принесъ его къ матери, помогъ ей согрѣть

и отходить и, опустившись на колѣни передъ пустымъ угломъ, гдѣ раньше были образа, долго молился и ка-ялся. Онъ сталъ помогать женщинѣ въ ея работахъ. Но когда слухъ объ этомъ дошелъ до «властей» они бѣжали изъ той деревни, но крестьяне твердо вѣрятъ, что они спасутся и что Богъ за такую вѣру мальчика не оставитъ ихъ...

Не одолѣвали врата Адовы Божію церковь.

Въ тѣ дни, въ томъ большомъ городѣ, что былъ недалеко отъ Дуброва хутора объявилась секта «Еедоровцевъ». Совѣтскія власти арестовали основателя этой секты, Еедорова, и съ нимъ одиннадцать его послѣдователей. Предстоялъ показательный судъ.

Парамонъ Кондратьевичъ и старики порѣшили, что на этотъ судъ должны итти, какъ нѣкогда жены муроносицы ходили за Христомъ, отъ ихъ общества Таня и Валентина Петровна, и въ этомъ рѣшеніи Валентина Петровна прочитала страшный приговоръ своей бывлой красотѣ и господскому виду. Значить, не боялись пустить ее къ «нимъ», значить, считали, что и она сойдетъ за бабу-черничку и никто не признаетъ въ ней «буржуйки», врага народа.

Глухою осенью, то по грязнымъ, размытымъ дождями дорогамъ, то по подмерзшей жесткой колоти, лѣсами, перелѣсками, черными осенними полями пробирались Таня и Валентина Петровна въ городъ, гдѣ былъ назначенъ судъ. Шли Христовымъ именемъ. Послѣ девяти лѣтъ затворничества Валентина Петровна первый разъ вышла изъ хутора и съ любопытствомъ наблюдала новую Россію, что открывалась въ пути передъ нею.

Бѣдныя деревни, избы безъ стеколъ, гдѣ въ окнахъ соломой или бумагой замѣнены выбитыя шибки, порушенныя огорожи ободранныхъ садовъ, испытыва горемъ и голодомъ лица старыхъ, источенныя порокомъ, пьянствомъ лица молодыхъ — вездѣ матерная ругань, щегольство грубостью, озорствомъ, визгъ гармоникки, пьяныя частушки, красныя тряпки надъ избою клубомъ-читальней и вездѣ среди развала, крика, шума и возни, рабій страхъ, готовность предать, убить, защищая свою шкуру. Дикая была деревня. А поближе къ городу, въ

поляхъ тарахтѣлъ тракторъ, лѣниво волоча тяжелые плуги по синему на солнцѣ чернозему. И еще видала Валентина Петровна тракторы въ поляхъ. Они стояли недвижимые, ржавые и издали походили на какихъ то допотопныхъ чудовищъ. Такою представилась Валентинѣ Петровнѣ новая русская деревня.

Надъ городомъ леталъ аэропланъ. Красный кругъ съ серпомъ и молотомъ былъ на его крыльяхъ. Въ стрелотанкѣ его пропеллера чудилось Валентинѣ Петровнѣ что то зловѣщее, апокалипсическое.

Тропинка, по которой Валентина Петровна и Таня подходили къ городу, шла надъ полотномъ желѣзной дороги. Печальной показалась эта дорога Валентинѣ Петровнѣ. На старыхъ, подгнившихъ, черныхъ шпалахъ лежали ржавыя рельсы. Въ каждой будкѣ съ выбитыми и не вставленными стеклами, въ каждой стрѣлкѣ пути чувствовалась безпризорность и безпечность. Точно надъ всѣмъ живымъ и вещнымъ смерть простерла свои страшныя мертвыя крылья.

Городъ поразилъ Валентину Петровну еще болѣе. Когда увидала она порушенные кресты на заржавѣлыхъ куполахъ большого каменнаго храма и красное полотнище съ большими буквами надъ входомъ въ храмъ, она ощутила чисто физическую боль. Ей показалось, что нѣтъ уже болѣе и Россіи.

По окраинамъ городъ былъ тихъ и безлюденъ. Уже не сонною, провинціальною скукою вѣяло отъ пустыхъ улицъ и домовъ съ облупленными стѣнами, но смертнымъ покоемъ. Но чѣмъ ближе подходили онѣ къ центру, тѣмъ больше густѣли улицы народными толпами. Что дѣлали эти люди напряженно, словно тѣни шатавшіеся по городу? Шла какая то процессія дѣтей. Мальчики и дѣвочки, совсѣмъ маленькіе, имъ по десяти лѣтъ не было, несли красныя плакаты съ богохульными надписями: — «Мы убрали у васъ царей, уберемъ теперь и боговъ». Дѣтишки были худыя. Ихъ блѣдныя лица съ кожей, туго обтянувшей черепа были старчески серьезны. Одежда была рваная. Худыя безъ признака мускула ноги были голыя, несмотря на осенній холодъ. Ихъ вели

какіе то мужчины и женщины. Они показались Валентинѣ Петровнѣ сумасшедшими.

На постояломъ дворѣ, гдѣ онѣ остановились Валентина Петровна изъ угла наблюдала за посѣтителеми. Смѣлая Таня разговаривала съ ними. Валентину Петровну поразило то, что всѣ эти люди были молодые. Не было ни старыхъ, ни людей средняго возраста. Новая Россія принадлежала молодежи. Валентина Петровна приглядывалась къ этой молодежи. Должно быть, тутъ подлѣ была какая нибудь фабрика или производились работы, но сюда приходили толпами дѣвушки и молодые люди. Они никѣмъ и ничѣмъ не стѣснялись. Входили въ обнимку, при всѣхъ цѣловались. Они были очень бѣдно одѣты. На ногахъ у кого какіе то рваные опорки, кто и вовсе былъ босикомъ. Они лутили сѣмячки, ѣли какую то бурду. Ихъ лица были еще болѣе испиты, чѣмъ лица деревенской молодежи, на нихъ отразились годы голодовокъ. Но они были веселы. Смѣхъ не сходилъ съ ихъ лицъ. Зубы блистали черезъ толстыя губы. Они безропотно сносили и голодъ и недостатокъ жилищъ, они, какъ животныя, казалось, радовались тому, что свѣтитъ солнце, что вода течетъ въ рѣкѣ, что просто: — они живутъ. Они не только были веселы, они были настроены восторженно. Они, какъ видно, очень мало работали, много гуляли, читали газеты. Когда заговорили они съ Таней, — заговорили снисходительно, насмѣшливо, — они бойко и съ необычайнымъ апломбомъ и увѣренностью въ томъ, что они говорятъ, рассказывали ей объ «имперьялистическихъ» странахъ, о притѣсненіи тамъ рабочаго люда, о злыхъ намѣреніяхъ этихъ странъ противъ совѣтскаго союза. Они лютою ненавистью ненавидѣли англичанъ и французовъ, они ругали поляковъ, они грозили войною всему міру. Они увѣряли Таню, что въ Европѣ лишенія еще хуже, что тамъ люди валяются мертвыми отъ голода.

— Вотъ у насъ въ Москвѣ, — говорилъ Танѣ какой то оборванный и испитой молодой человекъ, — уже двѣсти автомобилей, а что тамъ въ Парижѣ, поди, и десятка не наберется. Погодите, гражданка, вотъ кончится «пятилѣтка», и вы увидите, какъ мы заживемъ...

Да, эта молодая Россія была совсѣмъ новая Россія... Да и Россія ли это была?

Въ Бога она не вѣрила. Про государей говорила: — «цари насъ обманывали»... Дворянство, «помѣщиковъ» и вообще образованные классы ненавидѣла лютою ненавистью. «Имъ всѣмъ горло надо перегрызть безъ остатку». Она была необычайно самоувѣрена и самолюбленна. Она вѣрила въ «соціализму», она поклонялась вождямъ этой «соціализмы»: — Карлу Марксу и Ильичу. Она говорила про завѣты Ильича и благоговѣла передъ своими вождями коммунистами. Имъ она вѣрила крѣпко и безусловно и готова была отъ нихъ все снести.

И думала Валентина Петровна, что, если бы какимъ то чудомъ вернулся сюда Петрикъ и получилъ бы возможность жить здѣсь съ нею, онъ не могъ бы жить въ этой новой Россіи, потому что прежде всего это не была та Россія, которую они оба знали и любили. Россіи не было и правы были большевики, что они запретили свой соціалистическій союзъ называть Россіей. Нѣтъ, русскимъ здѣсь нечего было дѣлать.

Наблюдая жизнь этого города Валентина Петровна поняла, что она и Петрикъ давно умерли. Петрикъ тогда, когда онъ точно растворился въ вечернемъ туманѣ и скрылся на набережной Екатерининскаго канала, она въ тотъ самый ночной часъ, когда съ размаху бросила къ ногамъ красноармейцевъ свои драгоценности и пошла на Гороховую.

Дальше уже была не жизнь. И то, что она теперь видѣла кругомъ себя тоже была не жизнь. Сносить это было невозможно. Не было еще сдѣлано одного шага. Послѣдняго... Она его сдѣлаетъ... Какъ ни боится она смерти, какъ ни противна ей смерть, она его сдѣлаетъ, потому что жизни больше нѣтъ и жить больше нельзя.

Она сдѣлаетъ его смѣло, какъ и надлежитъ «солдатской женѣ»...

XXXIV.

Въ залѣ суда была толпа. И люди въ этой толпѣ были — одни тихіе, съ испуганными глазами на блѣдныхъ, отекавшихъ, какъ у людей долго пробывшихъ въ больницѣ, лицахъ, съ робкими заискивающими жестами, другіе наглые, шумливые, веселые, но тоже со страхомъ на воровскихъ глазахъ. Всѣ были очень бѣдно и не по наступившимъ холодамъ легко одѣты. Было много молодыхъ женщинъ со стриженными косами, со взбитыми спереди чолками. Онѣ были въ очень узкихъ, едва достигавшихъ до колѣнъ платьяхъ. Онѣ злобно и непріязненно шипѣли на Валентину Петровну и Таню.

— Пришли Іудушки на Христа своего любоваться.

— А ну ихъ въ... — Валентина Петровна услышала слово, какого никогда еще не слыхала изъ устъ женщины.

— Пушай полюбуются «божественная», какъ народная власть расправляется съ врагами народа.

— Ихъ рѣжутъ, рѣжутъ, а онѣ все откуда то ползутъ. Несосвѣтимая сила!...

— Справятся... Наши имъ покажутъ...

Въ залѣ было душно и тѣсно. Стояли въ проходахъ, сидѣли на колѣняхъ другъ у друга. Вдругъ весь залъ поднялся и сталъ напряженно смотрѣть впередъ.

Окруженныхъ красноармейскимъ нарядомъ вводили обвиняемыхъ. Это были люди, одинаково просто одѣтые въ длинные азамы черной домотканины. На груди у cadaго были нашиты изъ широкихъ бѣлыхъ полосъ большіе, закрывающіе все тѣло восьми конечные кресты. Въ этихъ одеждахъ подсудимые походили на монаховъ. Они напомнили Валентинѣ Петровнѣ крестоносцевъ Готфрида Бульонскаго, какихъ она видѣла въ дѣтствѣ на гравюрахъ Густава Доре.

Подсудимые были рослые крѣпкіе крестьяне. Почти всѣ были съ окладистыми бородами и этимъ рѣзко выдѣлялись среди гладко бритыхъ лицъ толпы. Они стали на своемъ мѣстѣ тѣснымъ рядомъ. Они стояли, мол-

ча, не двигаясь и не шевелясь. Ихъ лица были чисто вымыты. Они были очень блѣдны — ихъ долго держали въ тюрьмѣ и морили голодомъ. Усы, бороды и волосы, стриженные по русски въ кружокъ были тщательно расчесаны. Но, что бросилось въ глаза Валентинѣ Петровнѣ это ихъ глаза. Они сіяли какимъ то уже не здѣшнимъ восторгомъ. Они точно не видѣли ни судебного зала ни этой толпы, напряженно разглядывавшей ихъ, но уже видѣли то, что будетъ, и восторгались этому будущему... Смерти!... На нихъ было трудно и страшно смотреть. Божественное сошло на нихъ и уже непонятна была подлѣ нихъ людская суета.

Красноармейцы съ ружьями ихъ окружили. Они были безусые мальчишки. Въ топорщащихся шинеляхъ они пыжились и играли въ заправскихъ солдатъ.

Вошелъ судъ. Потянулся длинный рядъ свидѣтелей. Собственно въ чемъ ихъ обвиняли? Они работали надъ землей, были самыми настоящими крестьянами хлѣборобами. Они безпрекословно сдавали свой урожай приходившимъ къ нимъ властямъ. Они этимъ властямъ повиновались. Андрей Тихій отказался итти на повѣрочные сборы... Они молились Богу... Они говорили, что наступаетъ день Суда Господня и гибели всякой земной власти.

Передъ Валентиной Петровной повторялись сцены того, что было девятнадцать вѣковъ тому назадъ. Тогда судили Праведника, Сына Божія, и не знали за что судили. Тогда жиды судили бѣднаго сына плотника, учителя, ходившаго и проповѣдывавшаго любовь между людьми. Теперь судили Его учениковъ, бѣдныхъ крестьянъ, призывавшихъ людей во имя Того, Кто принялъ крестную смерть за людей, къ покаянію и любви.

Тогда судила жадная толпа полудикихъ евреевъ, теперь...

Валентина Петровна еще разъ оглянула залъ суда. Какъ много было въ немъ носатыхъ брюнетовъ и брюнетокъ! Какими жадными до крови глазами смотрѣли они на обвиняемыхъ! Какъ, видимо, раздражали ихъ эти бѣлые кресты, нашитые на черныхъ крестьянскихъ одеждахъ! И чудилось Валентинѣ Петровнѣ, что сей-

часть изъ устъ этой толпы вырвется душу раздирающій вопль: — «распни!.. Распни Его»!..

— Валечка, — потянула Валентину Петровну за рукавъ Таня, — поглядите... Ермократъ Аполлоновичъ.

— Гдѣ?

— Да рядомъ съ судьей главнымъ... Съ Иродомъ ихъ.

Валентина Петровна стала смотрѣть на судьей. Предсѣдатель былъ еврей. Сытый, упитанный, съ бѣлымъ, сальнымъ лицомъ, съ черной кисточкой усовъ подъ самыми ноздрями онъ выпячивалъ губы и, вертя карандашомъ и постукивая имъ по бумагѣ, презрительно бросалъ вопросы свидѣтелямъ. По правую его руку, въ черной, просторной, суконной «толстовкѣ» сидѣлъ Ермократъ. Восемнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній разъ видѣла Валентина Петровна Ермократа надъ постелью умирающаго мужа, но она сейчасъ же его узнала. Ермократъ нисколько не перемѣнился. Только среди ключевъ огненно рыжей косматой его бороды пробились кое-гдѣ сѣдые пряди. Такимъ онъ примерещился ей въ китайскомъ городѣ. То же лицо сѣро-бураго цвѣта съ черными угрями и со слѣдами оспы. Ермократъ сидѣлъ, узкими глазами глядя на подсудимыхъ. Обезьяны свои руки онъ положилъ на столъ и перебиралъ длинными узловатыми пальцами по столу. Валентинъ Петровнѣ страшны и противны были эти руки. Ей казалось, что вотъ-вотъ Ермократъ вскочитъ и бросится на подсудимыхъ и станетъ ихъ душить этими страшными руками, всегда вызывавшими отвращеніе въ Валентинѣ Петровнѣ.

Въ глазахъ у Валентины Петровны потемнѣло. Она почти лишилась чувствъ. Она уже не слышала больше ни того, что спрашивали судьи, ни того, что говорили свидѣтели. Она никого не видѣла, ни Ѳедоровцевъ, ни толпы, ни другихъ судьей. Мутнымъ казался залъ и въ немъ только какими то страшными, что то предвѣщающими символами горѣли двѣнадцать огромныхъ бѣлыхъ крестовъ. Одна мысль сверлила въ ней: — «бѣжать, бѣжать, бѣжать, какъ можно скорѣе бѣжать отсюда, пока Ермократъ не увидалъ ее и не узналъ»... Но

куда бѣжать?.. Базальтовые страшныя стѣны сдвигались по сторонамъ и уже чувствовала она ихъ сырой и точно тяжелой холодъ.

Судья что то сказалъ подсудимымъ. Залъ дрогнулъ. Валентинъ Петровнъ вернулось сознание.

Несказанно красиво, властно, сильно и убѣдительно прозвучали въ голосъ сказанныя изумительныя по своей простотѣ и важности слова, произнесенныя подсудимыми Ѳедоровцами:

— Х р и с т о с ъ В о с к р е с ъ!

XXXV.

Кромѣ этого, сильнаго своею вѣрою «Христосъ воскресъ», ничего не могли добиться судьи у Ѳедоровцевъ.

Ихъ приговорили къ высшей мѣрѣ наказанія — къ разстрѣлу.

И, какъ тогда, девятнадцать вѣковъ тому назадъ, вели по тѣснымъ улицамъ Іерусалима Того, Кто заповѣдалъ міру любовь, и толпа бѣсновалась вокругъ Него, изнемогавшаго подъ тяжестью креста, такъ и теперь яснымъ морознымъ передразвѣтнымъ часомъ вели на разстрѣлъ Ѳедоровцевъ. Толпа шла за ними. Изъ этой толпы раздавались крики и ругательства. Но никто ихъ не подхватывалъ. Они звучали одиноко, и торжественно было молчаніе толпы. Въ немъ было осужденіе. Валентина Петровна оглядѣлась: подлѣ нея шли люди, молча, низко опустивъ головы.

За городомъ, подлѣ городскихъ свалоковъ, гдѣ нудно пахло отбросами помойныхъ ямъ и падалью, была ихъ Голгоѳа.

За далекими лѣсами всходило солнце. Земля была черна и будяки точно колючіе кактусы Россійскіе, простирали въ стороны свои почернѣвшіе иглистые стволы и листья. Мертвая стояла кругомъ тишина. Въ эту тишину рѣзко и непріятно вошли слова команды молодого краснаго командира. Брякнули ружья, взятыя на изгот-

И когда, щеголяя командой и желая выслужиться передъ жидомъ комиссаромъ, долго тянулъ команду безусый крас-комъ: — взво-о-одъ...» — вдругъ опять ясно, четко и такъ же несказанно красиво, навстрѣчу румяному солнцу, несущему морозъ, прозвучали въ голосъ сказанныя слова:

— Христось воскресъ!..

Залпъ былъ сорванъ.

Пригнанные изъ предмѣстievъ худые, отрепанные люди стали зарывать тѣла. Никто не посмѣлъ снять съ нихъ ихъ крестоносныя одежды. Толпа расходилась, молча. Въ напряженномъ этомъ молчаніи чувствовалось, что много прибавилось въ этотъ утренній часъ людей, въ комъ, вмѣстѣ съ поднимавшимся солнцемъ воскресала вѣра въ воскрешаго Христа.

Скверно ругаясь, требовалъ дорогу румяный сытый крас-комъ. За нимъ рядами шелъ взводъ. Ружья несли «на ремень». Головы у красноармейцевъ были опущены. Они шли не въ ногу.

Когда возвращались въ деревню, Валентина Петровна сказала Танѣ:

— Какъ это безконечно тяжело... Зачѣмъ?.. Зачѣмъ эти жертвы?.. Развѣ нужна кровь Богу Любви?

Таня остановилась. Онѣ были въ лѣсу. Внизу въ оврагѣ клубилась паромъ и звенѣла еще не замерзшая рѣчка Благодать.

— Ахъ, барыня, хоть и ученая вы, а ничего то вы не понимаете... Какъ же можно безъ мучениковъ то? Поглядите, барыня, какъ просіяла мучениками вѣра христіанская?.. Краше некуда... А все ими страстотерпцами!.. Такъ и Россія ими спасется. Ужели такъ просто въ рабы «имъ» пойти?

Валентина Петровна молчала. Она, какъ въ изнеможеніи, сѣла на край оврага и задумалась. «Господи», — думала она, — «да вѣдь живешь то для себя... Для себя!.. Юги?.. Да, это у Юговъ, кажется, сказано: — «все живое Я создалъ изъ моего дыханія, и каждое изъ Моихъ твореній имѣетъ право жить и питаться»... Да, то юги... брамины... А мы — православные... Религія самоотрече-

нія и любви.... Религія, гдѣ въ огнѣ сгорають за вѣру, гдѣ идутъ на муки съ пѣніемъ псалмовъ, или умирають съ этимъ гордымъ: — «Христосъ воскресъ»!..

— Ну, пойдѣмте, барыня, а то смеркнется, а теперь и тутъ волки появились.. Долго ли до грѣха то.

По оттаявшей за день тропинкѣ, гдѣ скользили ноги и черноземная грязь налипала на башмаки Валентины Петровны, онѣ спустились въ хуторъ. Уже издали увидала Валентина Петровна Парамона Кондратьевича. Онъ стоялъ въ бѣлой рубахѣ и на плечи накинута азамѣ. Онъ былъ величественъ и непроницаемъ. Мудрость была въ его глазахъ. Онъ уже непонятнымъ образомъ все зналъ. Въ его рукахъ былъ большой деревянный крестъ. Онъ высоко поднялъ его навстрѣчу подходящимъ къ хатѣ женщинамъ и громко, сурово и торжественно сказалъ:

— Не бойтесь убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ убить.

XXXVI.

Весною пришла на хуторъ вѣсть, что будутъ всѣхъ жителей писать въ колхозы. Изъ города пришли люди. Валентина Петровна пряталась отъ нихъ на огородѣ. Разговоры велъ Парамонъ Кондратьевичъ. Съ нимъ говорилъ молодой совсѣмъ парень комсомолецъ. Наглости въ немъ было достаточно, да наглость эта еще подкрѣплялась нарядомъ красноармейцевъ, сидѣвшихъ тутъ же съ ружьями съ примкнутыми штыками. Молодой наглый парень, посмѣиваясь надъ деревенской сѣростью и темнотою, разяснялъ, что теперь все будетъ общее, и трудъ, и удовольствія. Скотину и лошадей требовалось сдать въ общественные коровники и конюшни, людямъ будетъ отведена одна общая хата-казарма. Работать теперь будутъ по наряду и что нарабotaютъ, будутъ дѣлить поровну, и это будетъ не чье нибудь частное, а общее, государственное.

— Ну, словомъ, лучше некуда, — твердо сказалъ Парамонъ Кондратьевичъ, — настоящее крѣпостное право, только вмѣсто баръ — жида...

Комсомолецъ смутился.

— Эхъ, старикъ, ну посмотрю я на тебя и какой же ты несознательный... Ты вотъ и боговъ то не убралъ... Все, какъ есть у тебя, какъ было во времена царизмы... Портретовъ вождей социализмы нѣтъ у тебя. Самъ, по-ди, понимаешь, что это нехорошо и какъ ты за это самое отвѣтить можешь.

Парамонъ Кондратьевичъ строго взглянулъ на краскома и твердо сказалъ ему:

— Ты мнѣ святые иконы богами не смѣй называть. Не говори, чего не понимаешь и понимать не можешь, потому мало чему путному ученъ. Богъ единъ и не тебѣ, паршивцу, о Немъ говорить и намъ чего указывать. Своей сатанинской власти скажи: — рабами ея не будемъ!.. Какъ освободилъ насъ батюшка царь Александръ Второй, такъ свободны будемъ и свободными и умремъ. Понялъ?..

Въ хатѣ Парамона Кондратьевича было собрано челоуѣкъ двадцать хуторянъ. Въ ней стало грозное молчаніе. Комсомолецъ посмотрѣлъ на красноармейцевъ. Тѣ сидѣли, опутивъ головы. Блѣдны и хмуры были ихъ лица.

Онъ началъ было говорить, что его не такъ поняли, что социализма это есть свобода, равенство и братство, что она направлена противъ богатыхъ, а бѣдныхъ она защищаетъ отъ эксплуатаціи капиталистами. Молчаніе слушателей становилось все грознѣе и грознѣе, онъ невольно вспомнилъ о тѣхъ, кто былъ тутъ въ лѣсахъ убить изъ крестьянскаго обрѣза, замолчалъ и скоро «смылся».

Но разговоры о колхозѣ не замолкли. Стали на хуторѣ болтать, что вышелъ отъ народной власти и такой приказъ, что жены и дѣвки будутъ общими, что въ хатѣ-казармѣ будутъ устроены общія нары, гдѣ всѣ и будутъ спать въ повалку и вперемежку мужики съ бабами. Для покрытія свальнаго грѣха отъ власти будутъ выданы общія десяти-метровыя одѣяла.

Валентина Петровна слушала эти разговоры. Они ее не удивляли. Отъ этой власти всего можно было ожидать. Она вспомнила Ермократа. Вотъ, когда онъ задушить ее. Ляжетъ съ нею подъ общее десяти-метровое одѣяло и ночью вопьется своими длинными пальцами въ ея шею, какъ впился когда то въ шею Портоса.

Она теперь знала, что смерть, и смерть скорая, неизбежна. Но, странное дѣло, прежде, когда думала о смерти, казалась ей смерть мучительной, жестокой и непереносимой. Трепетала всѣмъ своимъ тѣломъ, когда думала о смерти. Казалась ей смерть несправедливой и жестокой. Теперь, какъ и тогда въ чрезвычайкѣ на Гороховой, вдругъ примирилась со смертью. И тогда поняла: — смерть это какъ путешествіе. Когда оно далеко, и надо думать о немъ, вилишь всѣ трудности, что надо ололѣть. Но вотъ насталъ часъ отъѣзда. Билеты лежатъ въ карманѣ. Вещи уложены. Остается только сѣсть въ вагонъ и ѣхать: — и все тогда просто и самое путешествіе только радость и удовольствіе. Такъ случилось съ нею и теперь. Будто пришла смерть, и посмотрѣла на нее Валентина Петровна и увидѣла, что она вовсе не такъ страшна и примирилась съ нею и стала ждать, когда ее позовутъ умирать.

Но прошли весна и лѣто, а въ колхозѣ никто не приходилъ писать. Послѣ сбора урожая деревня стала разбѣгаться. Кто, убоявшись наказаній, самъ пошелъ добровольно батракомъ наниматься въ большой пригородный колхозъ, кто бѣжалъ въ городъ на желѣзную дорогу, кто нанялся на копи. Хаты стояли заколоченныя съ забитыми досками окнами. Когда проходила улицей Валентина Петровна, ей казалось, что и точно наступаетъ конецъ свѣта, и все гибнетъ въ ожиданіи «новаго неба и новой земли».

На хуторѣ осталось только четыре семьи. Одни боялись съ малыми дѣтьми идти невѣсть куда, на зиму глядя, другіе были крѣпкіе, твердые старики, рѣшившіе во всемъ слушаться Парамона Кондратьевича.

Подъ Рождество Таня ночью подошла къ постели Валентины Петровны и сѣла на ея край. Въ хатѣ было темно. Тускло бѣднымъ пламенемъ горѣла лампадка.

— Барыня... А барыня... не спите?

— Нѣтъ. Я не сплю, — не открывая глазъ, сказала Валентина Петровна.

— Барыня... Наши порѣшили, въ Сочельникъ... Въ самую ноченьку, когда Христось Младенець родился, какъ звѣзда въ небѣ покажется. Ко Господу пойдемъ Его защиты, Его суда праведнаго искать.

Голосъ Тани звучалъ восторженно.

— Что-жъ, барыня, и вы пойдете?.. Наши всѣ порѣшили идти.

— И съ дѣтьми пойдутъ? — тихо и сонно, какъ о чемъ то совсѣмъ обыкновенномъ и житейскомъ спросила Валентина Петровна.

— Ну, какъ же?.. Съ дѣтьми... На кого же ихъ оставлять?

— Что же?.. Ну и я пойду... Куда же мнѣ дѣваться?

— Господи, барыня, такъ то хорошо все это будетъ!. Христось воскресъ и мы къ Нему Воскресшему пойдемъ. За ручки возьмемся и пойдемъ!.. И что намъ!.. Земныя власти, антихристовы слуги?.. Мы къ Нему!.. Пріюти, молъ, насъ, Христось Милостивый... Отъ Него и смертушку примемъ... Не отъ нихъ, поганныхъ...

Она сошла съ постели Валентины Петровны и легла на свою.

Валентина Петровна лежала съ закрытыми глазами и думала: «А куда же дѣваться? Впереди колхозъ и десяти-метровое одѣяло, и Ермократь, который ее задушить... Пора... Она не та... Что ей жалѣтъ?.. Развѣ то у нея тѣло, что такъ радостно отдавала она Портосу, не чуя грѣха... Если бы вернулись тѣ чувства, что были, когда она смотрѣла въ глаза Настеньки и точно въ зеркалѣ видѣла въ глазахъ дѣвочки свои отраженные глаза... Если бы былъ подлѣ Петрикъ и вмѣстѣ съ нимъ несла она свою старость, какъ читала она въ романахъ... Въ романахъ! — съ какимъ упрекомъ сказала ей это Таня. У нея ли, ученой и талантливой, мудрость, или мудрость у Тани и у Парамона Кондратьевича?

И какъ-то незамѣтно крѣпкій, спокойный сонъ сме-

жилъ ея очи. Голодное, измученное тѣло вытянулось на постели, какъ на гробовой доскѣ. И наступилъ сладкій покой.

Послѣдняя ея мысль была: — не такая ли будетъ смерть? — сладкая и покойная!

XXXVII.

Въ сочельникъ съ утра въ хатѣ было общее моленіе. Передъ иконами, цѣлымъ костромъ жарко горѣли тонкія восковыя свѣчи. Всѣ, кто оставался на хуторѣ собрались у Парамона Кондратьевича. Очень долго читали Евангеліе. Перечли всѣ «Страсти Господни», какъ въ страстной четвергъ. Потомъ пѣли покаянныя молитвы, панихиду отпѣли по всѣмъ, кто здѣсь былъ, всѣхъ помянули не «о здравіи», а «за упокой».

Собралось всего двѣнадцать душъ. Парамонъ Кондратьевичъ съ женой Сергѣевной, Таней и Валентиной Петровной, вдова Ладыгина съ двумя малыми дѣтьми, пяти и семи лѣтъ, кузнецъ Андронъ Лукьянычъ Шаровъ съ женой и пятнадцатилѣтней дочкой Даренькой, и старикъ Калистратъ съ шестилѣтнимъ внукомъ Васенькой. Долгій голодъ наложилъ на ихъ лица смертную печать. Только ихъ блестящіе глаза говорили, что эти блѣдные люди съ синими жилами еще живые. Дѣти не плакали, но какъ-то тупо и напряженно смотрѣли на горящія свѣчи. Валентинѣ Петровнѣ страшно было смотрѣть на нихъ.

За хатой, на дворѣ, студеной стоялъ морозъ. Бревна трещали. И вездѣ была мертвая тишина. И скотъ и птица были давно уничтожены. Кромѣ этихъ двѣнадцати человѣкъ, никого не было живого на хуторѣ, занесенномъ снѣгомъ.

Какъ только солнце стало спускаться за лѣсъ, Парамонъ Кондратьевичъ приказалъ всѣмъ раздѣться и остаться въ однихъ исподникахъ.

Валентина Петровна и Таня съ утра, когда одѣвались, надѣли на себя новыя бѣлыя, домашняго холста, чистыя рубахи до самыхъ пятъ. Сняли и сапоги и онучи. Ноги у всѣхъ были вымыты къ этому дню.

Суровый Калистратъ роздалъ всѣмъ привезенныя на прошлой недѣлѣ большія толстыя «гробовыя» свѣчи. Андронъ вынулъ отъ Спасова Лика затепленную «негасимую лампаду» и завернулъ ее отъ вѣтра бумагой. Стали другъ съ другомъ прощаться, кланаясь пояснымъ поклономъ.

— Прости, Христа ради!

— Богъ проститъ.

Парамонъ Кондратьевичъ оглядѣлъ всѣхъ и строго спросилъ:

— Всѣ готовы?

— Спаси Христось... Готовы.

— Никто не измѣнилъ своему рѣшенію?

— Помилуй Господь.

Одинъ за другимъ стали выходить на крыльцо, потомъ на крѣпкій промерзшій снѣгъ. Улицей пошли къ лѣсу.

Зимній день догоралъ. Морозъ жегъ ноги Валентины Петровны, хваталъ и щипалъ щеки, носъ и грудь. Все тѣло ея тряслось мелкою дрожью послѣдняго озноба. Всѣ суставы ныли нестерпимою болью. Она шла сзади Андрона. Сквозь бумагу краснымъ пятномъ свѣтилось пламя лампы. Воздухъ былъ такъ тихъ, что можно было бы и не закрывать огня. Дѣти шли покорно и не плакали, но жались къ взрослымъ. Парамонъ Кондратьевичъ несъ съ собою связку веревокъ.

Начали пѣть погребальное: — «Святыи Боже, святыи крѣпкій»...

Съ этимъ пѣніемъ торжественно вошли въ лѣсъ. Долго, Валентинъ Петровныи казалось, что такъ долго, что она и не дойдетъ, но замерзнетъ раньше, шли по лѣсу. Наконецъ, вышли на небольшую поляну, гдѣ мачтовые сосны обступили высокій старый черный дубъ.

Пѣніе смолкло. Парамонъ Кондратьевичъ разставлялъ всѣхъ подлѣ сосенъ и крѣпко привязывалъ ихъ

къ стволамъ. Потомъ прощался, цѣлуя въ губы. Въ руку вставлялъ свѣчу. Старый Калистратъ засвѣчивалъ свѣчу отъ лампады.

Парамонъ Кондратьевичъ привязалъ Таню, поцѣловался съ нею и подошелъ къ послѣдней — Валентинѣ Петровнѣ.

— Вязать, что ли? — мягко и ласково спросилъ онъ, заглядывая въ самую душу Валентины Петровны.

— И такъ не убѣгу, — тихо улыбаясь, отвѣтила Валентина Петровна.

Она нагнула свѣчу къ лампадкѣ и Калистратъ засвѣтилъ ее. Валентина Петровна подумала, удержитъ ли мертвая ея рука тяжелую свѣчу. Спиною она прижалась къ обледенѣлой соснѣ. Ей казалось, что она совсѣмъ не старая, но молодая, гибкая и прекрасная, точно такая, какъ была двадцать лѣтъ тому назадъ. Ни боли, ни холода она больше не чувствовала. Тѣло ея дрожало крупною дрожью, въ ушахъ звенѣло, и сонъ заволакивалъ пеленою ея глаза. Она старалась не заснуть и стала молиться о Петрикѣ и Настѣ. Она молилась за нихъ, какъ о живыхъ. Она уже теперь, не сомнѣваясь, знала, что у Бога нѣтъ мертвыхъ, но всѣ живые.

Парамонъ Кондратьевичъ сталъ въ центрѣ круга подъ дубомъ, затеплилъ свою свѣчу и затянулъ громкимъ проникновеннымъ, не земнымъ, ничего не боящимся, не знающимъ страданій голосомъ:

— Святый Боже...

Изъ разныхъ концовъ отъ сосенъ отозвались точно и нечеловѣческіе голоса: — «святый крѣпкій, святый безсмертный»... Заплакалъ и сейчасъ же смолкъ ребенокъ.

Пламя свѣчей горѣло ровно, не колеблясь. Оно бросало розовыя пятна свѣта на изсиня бѣлыя, совсѣмъ уже мертвыя лица поющихъ. Было страшно блистаніе ихъ еще живыхъ глазъ и ужасно было то, что рты ихъ шевелились.

Валентина Петровна слышала подлѣ голосъ Тани, но не видѣла ее. Какой-то сонный туманъ заволакивалъ отъ нея постепенно всѣхъ поющихъ. Она присоединила

свой голосъ къ голосу Тани и громко, или ей это такъ показалось, что громко, запѣла: — «поми-и-илуй насъ»...

Зимняя ночь надвигалась. Крѣпкій сонъ по вчерашнему наваливался на Валентину Петровну и гасилъ всѣ боли тѣла, всю чрезвычайную тоску сердца. Все тише и тише, точно уносясь въ безконечную даль, было пѣніе. И будто вмѣстѣ съ нимъ въ эту же даль уносилась и сама Валентина Петровна. Изъ этой дали, замирая, едва донеслось: — «святой Безсмертный, помилуй насъ!»

Надъ лѣсомъ зимняя студеная спустилась ночь. Молчаніе могилы было на круглой прогалинѣ подъ елями. Въ рукахъ мертвыхъ, замерзшихъ людей неподвижными желтыми языками горѣли свѣчи. И точно отражались онѣ въ темномъ небѣ. Сквозь вѣтви сосенъ тамъ тихо свѣтились большія зимнія звѣзды. То зажгли у Господа лампы навстрѣчу ушедшимъ къ Нему душамъ.

На поляну вбѣжалъ волкъ. Онъ подбѣжалъ какъ-то бокомъ трусливою побѣжкой къ привязанному къ дереву ребенку, понюхалъ его, отбѣжалъ на середину поляны, поджалъ подъ себя полѣно, сѣлъ, поднялъ къ небу широкую лобастую голову и завылѣ.

Другіе волки отозвались изъ лѣса. На полянѣ, чуть озаренной свѣтомъ свѣчей, между деревьевъ замелькали темныя тѣни. Громче становился волчій вой. Но ничья живая человѣческая душа не слышала этого воя.

Въ тѣ дни вся Россія выла въ неистовомъ страданіи рабства и голода... Но никто ея голоса не слышалъ...

XXXVIII.

...«Анастасія»...

Это имя точно обожгло Петрика. Мгновеніе онъ видѣлъ, какъ стояла миссъ Гербертъ въ воротахъ. Шофферъ въ синей ливреѣ съ широкимъ кенгуровымъ воротникомъ открылъ передъ нею дверцу. Еще секунду

видѣлъ Петрикъ, какъ стройная фигурка усѣлась въ глубокой каретѣ. «Пакхардъ» мягко и безшумно тронулся, и Анастасія Гербертъ уѣхала. Съ нею вмѣстѣ умчалось и то навожденіе, что произвело на Петрика это имя..

«Конечно, все это вздоръ...» — думалъ Петрикъ. — «Анастасія! мало какихъ именъ и фамилій теперь нѣтъ? Играетъ же на французской сценѣ Таня Ѳедоръ, а сколько появилось Вѣръ и Ольгъ, и все настоящія француженки... Сходство? Да ужъ такъ ли разительно это сходство? Вѣдь онъ съ той дѣвушкой Алечкой Лоссовской, генеральской дочкой, королевной Захолустнаго штаба, передъ кѣмъ они, кадеты, клялись мушкетерской клятвой: — «un pour tous, tous pour un». тридцать лѣтъ не видался. Какъ было это давно!.. Какъ легко теперь ошибиться?»

Петрикъ разсѣянно ѣздилъ съ мадамъ Лоранъ. Толстая банкирша разсердилась на него и сказала, что будетъ ѣздить съ мистеромъ Томпсономъ. Японецъ Юшіаки Міура оказался болѣе чуткимъ и не беспокоилъ задумчиваго Петрика.

— Все пройдетъ, mon ami, — сказалъ онъ Петрику, слѣзая съ лошади.

Усиліемъ воли Петрикъ прогналъ мысли объ Анастасіи Гербертъ, которая никакъ не могла быть его маленькой Настенькой. Но, когда возвращался вечеромъ домой былъ грустенъ и задумчивъ.

«А если бы это было такъ?.. Да какъ же такъ?.. Вѣдь она то сама считаетъ себя англичанкой... Она то не говоритъ по-Русски... А «педантъ»?.. Ну, что «педантъ» — случайность... Послышалось... Показалось... Какъ и самое сходство показалось... Глаза морской волны... А мало ли такихъ глазъ? Красивыхъ глазъ у дѣвушекъ не занимать стать...»

Задумчивый и печальный поднимался Петрикъ на свой шестой этажъ. На пятомъ — двери въ номеръ были широко открыты и въ яркомъ свѣтѣ комнаты, гдѣ горѣла лампа, стояла одѣтая по вечернему Татьяна Михайловна. Она сверху увидала Петрика, чуть приподня-

ла верхъ своей юбки, какъ будто бы держала въ рукахъ что-то и слегка раскачиваясь, стала напѣвать Петрику, по мѣрѣ того, какъ онъ поднимался.

«— Купите бублички-и
Гоните рублички-и...
Горячи бублички-и,
Васъ угощу....»

— Что это еще за пѣсня? — спросилъ Петрикъ.

— А развѣ не слышали?.. Модная, совѣтская... Можетъ быть, ваша дочь, если у васъ есть такая, теперь поетъ ее.

И вслѣдъ поднимавшемуся Петрику понеслось:

«— И въ ночь ненастную,
Меня несчастную,
Торговку частную,
Ты пожалѣ-ѣй....»

Это пѣніе подхлестывало Петрика. «Если жива его Настенька, — то вотъ что съ ней!» Онъ бѣжалъ по лѣстницѣ. На шестомъ этажѣ у дверей своей комнаты онъ чуть не наткнулся на какихъ-то людей, ожидавшихъ его. Нервы Петрика были напряжены. Онъ вздрогнулъ и спросилъ, кто это? Но тѣ не успѣли отвѣтить, какъ Петрикъ уже узналъ ихъ по росту.

— Степа... Факсъ... — воскликнулъ онъ. — Вотъ не ожидалъ васъ въ такой часъ.

— Мы по дѣлу, Петръ Сергѣевичъ, — сказалъ Дружко.

— И по очень важному, — добавилъ Ферфаксовъ.

— Такъ входите же, — Петрикъ открылъ ключомъ дверь и пригласилъ гостей входить.

— У тебя говорить-то можно? — спросилъ, понижая голосъ, Дружко. — Постороннія уши слушать не будутъ?

— Домъ, конечно, сквозной, — отвѣчалъ Петрикъ. — Однако, въ эти часы всѣ еще на работѣ. Сосѣдей нѣтъ.

— Потому что самъ, Петръ Сергѣевичъ, сейчасъ поймешь, дѣло то государственной важности, — сказалъ серьезно Ферфаксовъ.

— Да что вы точно Добчинскій и Бобчинскій въ «Ревизорѣ» напускаете на меня туману. Говорите, въ чемъ дѣло и какая государственная тайна въ ваши руки попала?

Ферфаксовъ, казалось, обидѣлся на шутку Петрика. Онъ сѣлъ на единственный стулъ, досталъ изъ бокового кармана пиджака небольшую пачку листовъ желтой бумаги, исписанной на машинкѣ и бережно разложилъ ихъ на маленькомъ столикѣ подлѣ литографированныхъ записокъ Военно-Научныхъ Курсовъ. Дружокъ сѣлъ противъ него на постель Петрика. Хозяинъ остался стоять. Онъ ожидалъ, что будетъ дальше и какою государственною тайною владѣли его друзья.

— Это докладъ, предназначавшійся Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу, — тихимъ голосомъ заговорщика началъ Ферфаксовъ. — Великій Князь отозванъ къ Господу. Дѣло остановилось... Тогда все это казалось невозможнымъ. Крѣпко стояла Европа за большевиковъ... Теперь, ты понимаешь..... Такой сдвигъ.. Всюду митинги протестовъ... Въ Финляндіи — Лапповцы... И выплываетъ опять на сцену баронъ Маннергеймъ, благороднѣйшая личность!. Понимаешь? Въ Германіи растетъ національное движеніе и Хитлеровцы это уже не шутка!.. Это еще, если и не козырь, то во всякомъ случаѣ и не жиръ... Гинденбургъ тоже, вѣдь солдатъ же онъ!.. На него можно положиться... Здѣсь Тардье.... Это, братъ, я отъ шофферовъ французовъ слыхалъ, это человѣкъ!.. И притомъ же, понимаешь?.. Міровой торговлѣ такой ударъ съ этимъ самымъ... Дансингъ...

— Дампингъ, — съ досадою поправилъ Дружокъ.

Петрикъ смотрѣлъ, какъ Ферфаксовъ большою мозолистою рукою поглаживалъ на столѣ принесенные имъ листки, слушалъ, что говорилъ Ферфаксовъ, слушалъ его «понимаешь», и ничего не понималъ. Ему странно было слушать, какъ Ферфаксовъ говорилъ о Гинденбургѣ, о Лапповцахъ, и Хитлерѣ, и Тардье, такъ

же странно, какъ пожалуй, было бы странно, если бы Берданъ Факса, съ кѣмъ онъ охотился въ Манчжуріи вдругъ заговорилъ бы по-человѣчески.

— Дай читать, — сказалъ Дружко Факсу, — прочтеть и самъ увидить, въ чемъ тутъ дѣло. По моему, з-з-замѣчательный проектъ.

Онъ всталъ съ постели, спустилъ съ потолка лампочку и предложилъ Петрику сѣсть на его мѣсто и читать.

Петрикъ сталъ просматривать записку.

...«Съ 1917-го года, оставаясь вѣрнымъ сыномъ Россіи и въ принципахъ неся на себѣ до сихъ поръ обязанности, принятыя мной моей присягой искренняго и беззавѣтнаго служенія Землѣ Русской и моему Государю, я во всей дѣятельности своей всегда стремился изыскать жизненные и дѣйствительные способы стать на правильный путь политическаго и экономическаго возсозданія Государства Россійскаго» — читалъ Петрикъ, и въ четыре глаза слѣдили за нимъ Ферфаксовъ и Дружко.

...«Представляя меморандумъ и докладную записку на имя Японскаго посла въ Парижѣ» — читалъ дальше Петрикъ.

— Это все не важно, — сказалъ Дружко. — Это все неизбѣжная въ такихъ вопросахъ литература. Смотри здѣсь, здѣсь самый цимись.

Петрикъ читалъ теперь самый «цимись».

...«Соображенія по существу проведенія въ жизнь концессій на островахъ Галапагосъ, принимаемыя моей фирмой». — Какъ, — обратился Петрикъ къ Дружко, — уже и фирма какая-то есть? Развѣ спасеніе Россіи и возстановленіе въ ней Монархіи есть торговое дѣло?

— Читай, и все поймешь и увидишь, какъ это все шикарно задумано.

— «Средства испрашиваются у Японскаго правительства... Въ виду исключительной государственной важности приобрѣтенія концессіи на островахъ Галапагосъ, въ цѣляхъ огражденія нашихъ государственныхъ интересовъ, равно какъ и Русской эмиграціи и находя необходимымъ на всякій случай изыскать всестороннія

гарантіи этому дѣлу, я заручился полной матеріальной и моральной поддержкой и со стороны вліятельныхъ американскихъ круговъ»... — Ничего не понимаю, — сказалъ Петричь. — Наборъ словъ какой-то... Да развѣ интересы Америки и Японіи не діаметрально противоположны?

— Все это, понимаешь, можно обойти, — сказалъ Ферфаксовъ. — Дипломатическимъ путемъ... Дошлаго только человѣка найди для этого. Ты понимаешь, Петръ Сергѣевичъ, это составлялъ нашъ братъ кавалеристъ, и притомъ умнѣйшій человѣкъ. Свѣтлая такая голова... А в а н т ю р и с т ь....

«... Съ момента приобрѣтенія моей фирмой означенной концессіи, лицамъ, стоявшимъ во главѣ Русскаго національнаго дѣла представилась бы возможность дать національно настроенной части Русской эмиграціи, находящейся въ настоящее время въ Европѣ, включая военные образованія и контингенты бывшихъ бѣлыхъ армій — стать на правильный путь концентрации силъ Русской антибольшевицкой государственности... Учитывая исключительное политическое и коммерческое значеніе для заинтересованныхъ иностранныхъ правительствъ группы острововъ Галапагосъ, я полагаю осуществимымъ за счетъ иностраннаго правительства, — фактическаго концессіонера, — полное вооруженіе двухсотъ тысячной арміи, технически оборудованной, согласно послѣднимъ требованіямъ современнаго военного дѣла»...

— Понимаешь?.. Видаль? — торжественно сказалъ Ферфаксовъ. — Чувствуешь, куда гнетъ эта свѣтлая голова. Никто до этого и не додумался.

— Но, постойте... Послушайте... Степа, гдѣ же, однако, находятся острова Галапагосъ?

— Въ Тихомъ Океанѣ. На самомъ экваторѣ, недалеко отъ республики Эквадоръ, которой они фактически и принадлежатъ. Я сегодня утромъ былъ въ Тургеневской библіотекѣ и справлялся.

— Какое же могутъ они имѣть исключительное политическое, стратегическое и коммерческое значеніе?

— Первое, — загибая пальцы, отвѣчалъ Ферфаксовъ, — большевики никогда не догадаются, что именно тамъ, на островахъ Галапагось, идетъ формированіе бѣлой арміи.

— Но какъ же туда перевозить нужныхъ людей? Это, значитъ, надо дѣлать тайно.

— Да ужъ, конечно, кричать объ этомъ по бистро не придется.

— По сколько же человѣкъ въ день, вы думаете, можно тайно и незамѣтно туда доставить?

— Ну, человѣкъ по двѣсти, — сказалъ Дружко.

— Двѣсти тысячъ перевозить по двѣсти человѣкъ въ день, это потребуешь тысячу дней, или безъ малаго три года.

Наступило молчаніе. Петрикъ чувствовалъ недовольство своихъ гостей. Дружко курилъ десятую папиросу. Густой дымъ стоялъ въ маленькой комнатукѣ Петрика.

— Если такъ разсуждать, — сердито сказалъ Ферфаксовъ, — мы никогда не спасемъ Россіи.

— Я только разсуждаю логично... Хорошо... Допустимъ... Перевезли... Какое же особое стратегическое значеніе имѣютъ эти острова. Они такъ далеки отъ Россіи?

— Но Дальній Востокъ... — забывая всю «конспирацію», закричалъ Дружко, — ты забываешь Дальній Востокъ!..

Ферфаксовъ зашипѣлъ на Дружко.

— Вѣдь нуженъ тогда флотъ, — сказалъ Петрикъ.

— О, конечно. Все предусмотрено. Флотъ японскій.

— Наконецъ... деньги.

— Не такъ уже много.

— Однако... Двѣсти тысячъ человѣкъ.... Если положить, что доставка, снаряженіе и вооруженіе одного человѣка обойдется въ десять тысячъ франковъ, да годовичное содержаніе хотя бы три тысячи... Мы имѣемъ... Мы имѣемъ...

Петрикъ прикинулъ на бумагѣ.

— Шесть милліардовъ франковъ понадобится на это.

— Да.... Конечно... — очень уязвленный сказалъ Ферфаксовъ, — какъ только начнутъ люди по умному разсуждать, — и выходить, — пропадай Россія пропадомъ!

Наступило опять тяжелое молчаніе.

XXXIX.

— Послушай, — кладя руку, замазанную красками на колъно Петрика, сказалъ Дружко, — ты совсѣмъ никакъ не согласенъ съ этимъ планомъ?

— То-есть, напротивъ... Сердцемъ.... Ты понимаешь, сердцемъ!.. Да, Господи... Какъ же не сочувствовать, какъ о томъ не мечтать?.. А!.. Чортъ!.. Острова Галапагосъ... Островъ св. Пасхи... Вандименова земля... Абиссинія... Конго... Хотя на томъ свѣтѣ, но только за Россію и для Россіи!.. Вотъ моя грудь... Бери мое сердце!.. Всего меня бери!.. Вѣдь это же единственная мечта моя, умереть по солдатски... Ахъ, если бы могъ я поступить, какъ эти герои, эти прекрасные мученики, Коверда и Конради?.. За нихъ всегда молюсь!.. Но, вотъ прочелъ, ей Богу, внимательно прочелъ эту докладную записку и... Ну какъ же деньги то?.. Деньги-то откуда?.. Тутъ и на Братство Русской Правды едва гроши собираемъ, а тутъ такую уймищу денегъ осилить?.. Да какъ же? Какъ же?..

— А чудо? — тихо, но какъ-то значительно, спросилъ Ферфаксовъ.

— Чудо?..

— Вдругъ да на этихъ-то самыхъ островахъ Галапагосъ нефтяные фонтаны небывалой мощности забьютъ?.. Золотыя и брилліантовыя розсыпи откроются?.. А, что?... Невозможно ты думаешь?... Для Бога невозможно?

— Для Бога все возможно, — серьезно сказалъ Петрикъ.

— Петръ Сергѣевичъ, а что, если бы тебѣ съ ка-

кимъ ни есть умнымъ человѣкомъ поговорить конфиденціально... Все-таки, мы — кавалерія, мы — солдаты... Не дипломаты, какіе, не политики, не экономисты. Гдѣ намъ?

— Понимаю, Степа, что не намъ такими дѣлами заниматься... Да только къ кому я пойду?

— Помнится, ты говорилъ мнѣ о Долле... Помнишь? Твой шаферъ... А вѣдь онъ здѣсь теперь... Я читалъ во французскихъ газетахъ, онъ инженеромъ въ европейскомъ синдикатѣ химической промышленности. У нихъ большая контора на Champs Elysées, возлѣ самой Этуали.

— Я видалъ, — воскликнулъ Ферфаксовъ, опять забывая о конспираціи, — вывѣска во! На такси, то ѣдешь такъ отъ самаго пятаго Жоржа видать *).

Петрикъ задумался. Дѣйствительно, почему онъ до сихъ поръ не постарался повидаться съ Долле? Ходилъ же онъ къ нему въ Петербургѣ по всякому дѣлу, которое его волновало. Какой-то теперь Долле? Ну, конечно, такой же, какъ и былъ, химикъ, инженеръ, изобрѣтатель... Въ грязномъ длинномъ сюртукѣ и съ черной бородой узкой лопатой... Отчего къ нему и правда не пойти? Не для острововъ, конечно, Галапагось... А вообще... О всемъ поговорить... Вспомнить милое Солнышко и, какъ клялись они передъ нею: — «un pour tous, tous pour un». Это не забывается. Встряхнуть милыя дѣтскія грезы.

— Что жъ, хорошо... Я пойду.... Давай, Факсъ, твои листы. Побесѣдую съ нимъ. Конечно... Ерунда.

— А ты, Петръ Сергѣевичъ, только безъ предвзятой мысли.

— Не бойся. Не такой онъ человѣкъ и не такія у насъ отношенія, чтобы мнѣ не сказать ему все, о чемъ мы здѣсь помечтали.... А чортъ! Можетъ быть, и правда, счастье-то наше на какихъ-нибудь этихъ островахъ лежить.

Гости ушли. Петрикъ остался одинъ со всѣми своими мыслями.

*) Avenue George V — недалеко отъ Этуали.

Странный былъ, однако, сегодня у него день. Анастасія... Онъ прогналъ ее изъ головы, а она не уходила и то, что было такъ просто и естественно утромъ, теперь въ одиночествѣ комнаты, въ которую вливался свѣжій ледяной декабрьскій воздухъ, — Петрикъ открылъ окно, чтобы выгнать табачный дымъ, — въ тишинѣ ея среди говора и пѣнія кругомъ, казалось совсѣмъ не простымъ, а какимъ то... да не чудеснымъ ли? Анастасія... И поразительное, потрясающее сходство съ тою, кого онъ такъ любилъ... Нѣтъ, выше ростомъ... И эти слова: — «педантъ, педантъ», они не шли у него изъ памяти. Она хотѣла купить лошадей, чтобы ѣздить съ нимъ... Фантазія богатой англичанки!.. А все не шла она изъ головы у Петрика и все думалъ, да не рассказать ли и объ англичаночкѣ Долле? Все за одно. Одна фантазія къ другой.

Петрикъ написалъ на бланкѣ заведенія госпожи Ленсманъ записку Долле, гдѣ просилъ Долле позвонить ему по телефону между двѣнадцатю и двумя въ манежъ. Эту записку онъ занесетъ завтра передъ тѣмъ, какъ идти въ манежъ, въ то учрежденіе, гдѣ служить Долле и попроситъ передать инженеру. Онъ не сомнѣвался, что Долле откликнется и жаждалъ видѣть стараго товарища дѣтскихъ игръ.

Усталый не только физически, — день былъ горячій и по случаю хорошей погоды кліенты были до самой темноты, — но, главное, усталый отъ непривычныхъ волненій, Петрикъ рано легъ спать. Онъ слышалъ, какъ внизу у Сусликовыхъ граммофонъ игралъ Атаманскій маршъ, потомъ кто-то съ кѣмъ-то побранился и сразу все стихло. Петрикъ заснулъ и странный сонъ ему приснился.

...Синее море-океанъ било пѣнными гребнями въ береговую полосу. Широкое дикое поле развернулось отъ берега и гдѣ-то въ полтора верстахъ кривая нагнулась къ землѣ кокосовая пальма. Петрикъ на прекрасной свѣтлорыжей лошади, той самой, что облюбовала для него миссъ Гербертъ, въ походной формѣ, — все новое, съ иголки, — ѣдетъ къ полку. А полкъ вытянулся въ линейчку всѣми своими сабельными эскадронами. Сза-

ди стоятъ пулеметный и техническій эскадроны и еще глубже конная полковая батарея. Что за чудный это полкъ! Лихой Лейбъ Маріенбургскій Его Величества! Петрикъ уже видитъ родные полковые погоны на солдатахъ, черные съ желтымъ кантомъ. Трубаچی взметнули кверху серебряныя трубы, заигралъ точно подъ сурдинку полковой маршъ. Петрикъ поздоровался съ полкомъ, сейчасъ начнетъ полковое ученіе. Шашки съ пріятнымъ шумомъ исчезли въ ножнахъ. Вихремъ разлетѣлись трубаچی «по мѣстамъ». Петрикъ командуетъ: — «направленіе по третьему эскадрону... на кокосовую пальму... рысью»... И взмахнулъ шашкой. Какъ мягко тронулся полкъ, послушный его знаку! Сзади звенятъ, погромыхая пулеметныя двуколки и пушки. Мягко надвигается полкъ. Петрикъ сталъ на интервалъ между вторымъ и третьимъ эскадрономъ. Отлично прошелъ мимо него полкъ. Миновалъ пальму. Петрикъ подалъ сигналъ: «Повзводно налѣво кругомъ»... Не слышали что ли сигнала?... Идутъ все прямо и прямо къ морю.... Петрикъ скачетъ за полкомъ, повторяетъ сигналъ.... Его не слушаютъ.... Какой-то внутренній голосъ говоритъ будто на ухо: — «да вѣдь это большевики... красная армія».... И въ тотъ же мигъ весь полкъ, безъ всякой команды, поворачиваетъ кругомъ, выхватываетъ шашки, валитъ пики къ атакѣ и съ дикимъ крикомъ: — «даешь Варшаву!», кидается на Петрика...

Петрикъ проснулся. Нѣсколько мгновеній онъ былъ еще подъ впечатлѣніемъ сна. Онъ чувствовалъ, какъ сильно и непріятно билось у него сердце. И мысленно произнесъ: — «однако, хорошіе у нихъ полки!...»

Сталъ думать о Солнышкѣ и о Настѣ. Не видѣвъ ихъ мертвыми, всегда представлялъ ихъ живыми. Настенькѣ теперь семнадцать... Гдѣ-то онѣ, чѣмъ и какъ живутъ? Въ отелѣ было тихо. Былъ должно быть четвертый часъ утра, и тихъ былъ предутренній Парижъ... Что-то онѣ?... Можетъ быть, въ Петербургѣ или Москвѣ?... И «въ ночь ненастную» «торговкой частною» онѣ торгуютъ чѣмъ попало, рискуя жизнью.

Петрикъ повернулся ничкомъ, ухватилъ зубами подушку. Такъ мучительна была боль безсилія, невозмож-

ности не только помочь имъ, но хотя бы узнать, живы онѣ и, если живы, то гдѣ и какъ живутъ?.. Можетъ быть, и лучше, что Настенька пропала до этого... А Солнышко?.. И не зная, что лучше, сознавать Солнышко въ этой ужасной совѣтской обстановкѣ или сознавать, что она умерла и у Бога...

Такъ до утра и пролежалъ Петрикъ, не шелохнувшись, не перемѣнивъ положенія, не думая ни о чемъ въ тоскѣ безмѣрной.

XL.

Въ этотъ день миссъ Гербертъ не ѣздила. Уроки все были неинтересные и Петрикъ отъѣздилъ ихъ машинально. Отъ нагрѣтой вчерашнимъ солнцемъ земли подымались туманы и застили уже солнце. Холодомъ, дождемъ и сыростью пахло въ воздухѣ. Петрикъ слѣзъ съ лошади и прошелъ въ бюро, спросить, не вызывали ли его къ телефону? Когда выходилъ изъ бюро увидалъ, какъ къ воротамъ мягко подкатилъ громадный автомобиль. Сердце Петрика дрогнуло, но онъ сейчасъ же увидалъ блестящій длинный радіаторъ и изящное кароссе-ри мощной очень дорогой машины «Рольсъ-Ройсъ». Весь персоналъ заинтересовался пріѣзжимъ. Шофферъ въ какой-то очень модной вычурной курткѣ сѣраго обезьяньего мѣха вышелъ изъ кабинки и открылъ широкую дверь. Оттуда вышелъ человѣкъ неопредѣленнаго возраста. На немъ была мягкая фетровая шляпа, очень должно быть дорогая, не боящаяся дождя, черное пальто съ бѣлыми полосками, точно сплетенное, какого-то тоже особаго англійскаго сукна. Этотъ человѣкъ былъ высокаго роста, гладко, по модѣ обрить и худошавъ. Онъ всмотрѣлся въ Петрика и, минуя вышедшую къ такому важному посѣтителю госпожу Ленсманъ и мистера Томпсона, раскрывъ широко объятія, пошелъ прямо къ Петрику. Онъ стиснулъ Петрика въ своихъ рукахъ и, цѣлуя его, сказалъ.

— Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что написалъ мнѣ.

Какъ переимѣнился Долле за эти годы! Совсѣмъ англичанинъ, или французъ и какъ богатъ! Петрикъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на него.

— Тебя не узнать, Ричардъ.

— Ну еще бы совсѣмъ другая обстановка и другія условія работы. А ты все такой же... И въ штатскомъ такой же стройный, какъ и въ военномъ.... Но и тебѣ пришлось усы сбрить...

— Ничего не подѣлаешь... Служба...

Долле обнялъ Петрика за талію и повелъ его къ автомобилю.

— Ыдемъ ко мнѣ завтракать. У меня обо всемъ переговоримъ.

— Но, Ричардъ... Ты видишь, какъ я одѣтъ.... Не пойдемъ ли лучше тутъ куда-нибудь по-близости въ какое-нибудь быстро и тамъ поговоримъ... А то въ такомъ костюмѣ, мнѣ совѣстно и въ карету твою садиться.

— Ахъ ты... Да я вѣдь одинъ, и декорація эта мнѣ нужна, и я все тотъ же твой старый Арамись.

Долле усадилъ Петрика въ машину и самъ сѣлъ рядомъ. Шофферъ укуталъ ихъ ноги мягкимъ пледомъ. Все это смущало Петрика.

— Что же... И машина эта твоя?.. Поди, дорогая.

— Самая дорогая, какую я только могъ найти въ Парижѣ... И моя собственная, — Долле захохоталъ, и смѣхъ его напомнилъ Петрику тотъ смѣхъ, какимъ смѣялся Долле въ своемъ скромномъ казенномъ домикѣ на Охтѣ.

— Ничего, другъ, не подѣлаешь, — сказалъ Долле, когда машина плавно покатила по улицамъ Парижа — По одежкѣ протягивай ножки... Это вѣдь и обратный смыслъ имѣеть. Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ. Помню я, когда я изобрѣлъ особый ведущій поясокъ къ шестидюймовымъ снарядамъ, увеличивавшій дальность ихъ полета съ шести до восьми верстъ, Государь Императоръ пожелалъ меня видѣть. Досталъ я съ денщикомъ изъ шкафа свой парадный мундиръ, а онъ весь въ складкахъ, слежался и нафталиномъ отъ него такъ и несетъ. Ну, выгладили мы его, вывѣсили, вывѣтрили, сколько

могли, и поѣхалъ я въ Царское представляться. Государь долго меня разспрашивалъ о моихъ изобрѣтеніяхъ и на прощаніе, пожимая мою руку, и говоритъ мнѣ: — «а вы, Долле, рѣдко надѣваете парадную форму»? И, ты знаешь эту его особую милую такую улыбку, такъ ею онъ такъ улыбнулся, что и я невольно улыбнулся. Такъ и разстались мы въ этомъ миломъ прощеніи и моего смятаго мундира и крѣпкаго нафталиноваго запаха, которымъ я продушилъ всю дворцовую залу. Такъ, видишь ли, то былъ Государь милостивый, всепрощающій и понимающій и офицерскую нужду нашу и бѣдность. А теперь мнѣ приходится имѣть дѣло съ «милостивыми государями», съ королями биржи и капитала... Мнѣ, Петрику, денегъ много нужно, а тутъ по платью встрѣчаютъ и въ платьѣ все. Вся оцѣнка тебѣ по твоей внѣшности. Дѣла тутъ дѣлаютъ по ресторанамъ и по отелямъ, за завтракомъ, и все на тебѣ оцѣнять съ точки зрѣнія твоей торговой стоимости. Приди сюда, какъ мы пришли — «бѣженцы» — съ нищею сумою, просить Христа ради, къ нимъ то, Христа позабывшимъ, ну и выгонять вонъ... Да, просто не примутъ. «Золотой телецъ» бѣдноту не жалуется. Онъ брезгливо отворачиваетъ отъ нея носъ. Встрѣчаться приходится все больше у Ритца на Вандомской площади или въ отелѣ Meurice на rue de Rivoli. А тамъ такіе швейцары, что, принимая отъ тебя пальто, если увидятъ на немъ ярлыкъ какого-нибудь «Samaritaine» или «Au bon Marché», такъ швырнутъ твое пальто, что со стыда сгорить...

— Ну, чего же со стыда сгорать то, — тихо сказалъ Петрикъ, — холуй, плевать тебѣ, дворянину, на его мины.

— Здѣсь, милый мой, дворянъ нѣтъ. Здѣсь есть — богатые и бѣдные. Богатымъ все, а бѣднымъ ничего. Ну а, когда у меня пальто отъ Дэвиса, а рубашка на мнѣ отъ Сулька, такъ швейцаръ такъ мое пальто станетъ развѣшивать, что тотъ, кто пріѣхалъ со мной, пойметъ мою цѣну. Въ Европѣ и Америкѣ все продажно. И умъ и честь, и совѣсть. Ты думаешь... большевики?... Чичеринъ?... Чѣмъ взяли Европу?... А вотъ хорошо сшитымъ фраккомъ.... Явись Чичеринъ въ Геную въ толстовкѣ и

съ мятымъ воротничкомъ, и «Золотой телецъ» не принялъ бы его человѣческаго жертвоприношенія.

Долле помолчалъ немного. Онъ ждалъ, что скажетъ Петрикъ. Но тотъ былъ такъ ошеломленъ, что молчалъ, опустивъ голову. Онъ не понималъ и даже начиналъ бояться Долле.

— А мнѣ, милый Петрикъ, большія деньги нужны... Многіе милліоны.

— На что же тебѣ нужны такія деньги? — тихо, не поднимая глазъ отъ пола, спросилъ Петрикъ.

Отвѣтъ послѣдовалъ не сразу. Автомобиль свернулъ на небольшую улицу аристократическаго квартала и замедлилъ свой плавный бѣгъ.

— На то же, о чемъ мечтаешь и ты.

— Освободить Россію.

— **З а с т а в и т ь** освободить Россію, — внушительно и твердо сказалъ Долле и сталъ выходить изъ остановившейся передъ темнымъ особнякомъ машины. Лакей, должно быть, ожидавшій хозяина, открылъ высокую дверь.

XLI.

— Такъ какъ ты стѣсненъ временемъ, — сказалъ Долле, указывая Петрику, чтобы онъ шелъ впередъ, — идемъ прямо въ столовую.

Столовая помѣщалась въ нижнемъ этажѣ. Домъ былъ старой постройки съ толстыми, каменными стѣнами. Громадныя окна были въ цвѣтныхъ стеклахъ и пропускали мало свѣта. Петрикъ увидалъ большой столъ, человѣкъ на двадцать, накрытый на два прибора. Давно невиданный фарфоръ, хрусталь разнообразныхъ, но одного фасона рюмокъ сверкалъ на бѣлоснѣжной въ складкахъ скатерти. Посерединѣ стола была ваза съ цвѣтами. Все было стильно и очень, подчеркнуто, богато. Противъ Петрика стѣна была занята гобеленомъ. Въ мутныхъ сѣро-розовыхъ тонахъ былъ на томъ гобеленѣ

изображенъ кудрявый лѣсъ, какой-то замокъ въ отдаленіи, каменный мостъ горбомъ, и всадникъ съ крутымъ охотничьимъ рогомъ на сытой сѣрой лошади, окруженный англійскими борзыми. Вокругъ gobelena были развѣшаны фарфоровыя и золотыя блюда. Громадные, рѣзные, чернаго дуба буфеты, высокій, точно органъ, по одну стѣну и низкій, заставленный хрусталемъ, по другую придавали столовой величественный видъ какого-то замка или дворца. Въ Маріенбургскомъ полку, въ ихъ полковомъ собраніи было роскошно, здѣсь было еще роскошнѣе.

Долле, казалось, любовался удивленіемъ Петрика.

— Gobelenъ настоящій, — сказалъ онъ, — XVII вѣка, по картонамъ Удри... Зубровки, или очищенной?

— Я, знаешь.... водки... Она отъ «нихъ».

— Пей не смущаясь, она изготовлена въ Парижѣ. Ты этимъ «ихъ» торговлю не поддержишь. Твое здоровье.

— Твое....

— Какое же дѣло заставило милаго моего Атоса вспомнить, что у него есть вѣрный Арамисъ?

Петрикъ, молча, досталъ изъ бокового кармана своего верхового костюма желтые листки, переданные ему вчера Ферфаксовымъ, и протяну ихъ Долле.

— Ты ѣшь блины... Я блиновъ не ѣмъ. Я буду читать.

Петрикъ насыщался. Давно, давно онъ такъ не ѣдалъ. Ну и вино было великолѣпное!..

Долле вернулъ Петрику обратно его листки. Петрикъ вопросительно посмотрѣлъ на Долле.

— Конечно, чушь, чепуха, ерунда.... Одинъ изъ безчисленныхъ эмигрантскихъ проектовъ спасти Россію, не соображенный ни съ чѣмъ. Безсмысленныя офицерскія мечтанія о красивомъ парадномъ солдатскомъ строѣ, о командѣ: — «смирно» и о молчаливо повинующемся полкѣ. Гдѣ онъ эти двѣсти тысячъ солдатъ то набереть? Мундирчикъ и лошадка. Вѣкъ не тотъ... Но... Какъ странно, что мы именно сегодня встрѣтились съ тобою.... Пей, милый, вино. Оно не вредное... И бери больше фазана... Что же ты ножку-то взялъ.. Бери бѣлаго мяса... Какъ

въ самомъ дѣлѣ странно.. — и точно про себя, повторяя вдругъ пришедшую ему мысль, Долле тихо пробормоталъ: — острова Галапагось... Острова Галапагось... Почему въ самомъ дѣлѣ и не острова Галапагось?

Лакей беззвучно ходя вокругъ стола, наливалъ въ хрустальные бокалы шампанское.

— Ну, а какъ ты самъ... Имѣешь какія-нибудь свѣдѣнія о Алечкѣ?

— Никакихъ, — глухо сказалъ Петрикъ. — А вотъ какая со мной дѣйствительно странная исторія происходитъ.

И Петрикъ, какъ «на духу», какъ онъ и привыкъ все и всегда рассказывать Долле, рассказалъ про англичаночку, странно, до невѣроятнаго напоминающую ему Алечку въ дни ея дѣвчества, носящую имя Анастасіи и, однажды, точно по Русски произнесшую: — «педантъ, педантъ»...

— Ты понимаешь, Ричардъ, что все это совершенно невозможно. Я отлично сознаю, что моя Настенька погибла давно... Да, если бы она и не погибла, то не могла же она такъ таки взять да и обратиться въ англичанку и начать ѣздить со мною въ Булонскомъ лѣсу въ Парижѣ? Слишкомъ чудесно и слишкомъ романтично.

— И тѣмъ не менѣе это тебя мучаетъ?

— Мучаетъ?... нѣтъ. Но заинтриговало. Да я это уже изъ головы выбросилъ... И рассказалъ то тебѣ потому, что къ слову пришлось.

— Такъ вѣдь, если есть что-либо непонятное, самое лучшее подойти вплотную къ этому непонятному и разъяснить его себѣ.

— Я понимаю... Это и по кавалерійски.... Прежде всего развѣдка... Но, ты понимаешь... Въ этомъ костюмѣ, въ моемъ положеніи наѣздника...

— Тебя просто не примутъ Вотъ видишь, почему и я такимъ снобомъ и аристократомъ сталъ... Мой смокингъ и тебѣ послужить.

— Да какъ?... я и по-англійски только свои слова профессиональныя знаю...

— Ты ея адресъ знаешь?

— Нѣтъ.

— Ну, да это не важно. Найдемъ, или въ Bottin, или въ посольствѣ справлюсь *).

— Что ты хочешь дѣлать?

— Да просто... Съѣзжу къ ней. Ingénieur Dollet, да еще съ «t» на концѣ. Примутъ и все узнаю, что, кто, откуда эта барышня.

— Ты допускаешь мысль? Но это никакъ невозможно.

— Милый Петрикъ, мы живемъ въ такія времена, когда возможно все. Когда Господь открыто, полными пригоршнями сыплеть на землю чудеса, и только люди за своимъ наглымъ и неприкровеннымъ служеніемъ Золотому Тельцу не видятъ и не хотятъ видѣть этихъ чудесъ... Не будемъ подражать имъ, и будемъ вѣрить въ возможность всякаго чуда... Даже въ возможность чуда воскресенія нашей несчастной Родины. Ты сейчасъ ѣдешь въ манежъ. Къ шести часамъ пріѣзжай ко мнѣ обѣдать и я тебѣ сдамъ полный отчетъ, о всемъ, что я найду въ домѣ миссъ Анастасіи Гербертъ....

XLII.

Ровно въ шесть часовъ вечера Петрикъ дернулъ за согнутый языкъ, торчавшій изъ бронзовой пасти льва, прикрѣпленной съ правой стороны входной двери дома Долле. Ему открылъ лакей въ ливреѣ. Онъ провелъ Петрика по полутемной лѣстницѣ, затянутой мягкимъ ковромъ, мимо какихъ-то рыцарскихъ латъ на подставкахъ, во второй этажъ и впустилъ черезъ высокія двери въ большой залъ. Въ немъ мутно горѣла одна лампочка отъ люстры. Петрикъ успѣлъ только разсмотрѣть какія-то золоченныя кресла, картины, или портреты по стѣнамъ и мягкій коверъ во весь полъ, какъ сейчасъ же откуда-то изъ внутреннихъ комнатъ къ нему торопливыми шагами вышелъ Долле.

*) Bottin — «весь Парижъ» — адресный и телефонный указатель.

Онъ подошелъ къ Петрику, крѣпко сжалъ его руку и сказалъ:

— Ну, да, милый Петрикъ, ты не ошибся. Твое сердце тебя не обмануло.... Однако, какая тутъ тьма. Никакъ не могу приучить, что когда кто нибудь приходитъ, надо прежде всего зажечь всю люстру. — Долле повернулъ штепсель и освѣтилъ гостиную. — Да... эта англичанка — твоя дочь... Анастасія Петровна...

— Но... какъ ты узналъ?..

Петрикъ устало, въ изнеможеніи, опустилсѣ въ кресло.

— Она сама это знаетъ?

— И да, и нѣтъ.

— Она знаетъ... или догадывается, что наѣздникъ, который ѣздитъ съ ней?..

— Нисколько.

— Ты ей сказалъ?

— Я ей ничего не сказалъ, милый Петрикъ. Какъ я могъ ей что-нибудь открыть или сказать, не имѣя на то отъ тебя полномочій.

— Да... конечно... Ты правъ. Я слушаю. Какъ же это вышло?

— Ну вотъ... Я пріѣхалъ къ нимъ. Они занимаютъ очень большую, красивую меблированную квартиру на avenue Henri Martin. Тамъ только нефтяникамъ впору жить. Я подалъ карточку. — «По какому дѣлу»? — «По личному». Костюмъ, милый мой, — ключъ, открывающій двери королевскихъ, что королевскихъ! короли всегда были доступны, но и президентскихъ и банкирскихъ домовъ. А на мнѣ былъ первосортнѣйшій этакій жакетъ... Ну, и все-таки я не мальчишка. Лакей, англичанинъ, провелъ меня въ гостиную. Побольше и пороскошнѣ этой. Все подлинное, старинное... Съ большимъ вкусомъ обставлено. Вазы съ цвѣтами... Рояль..

— Рояль?..

— Да, рояль.. И пороскошнѣ, чѣмъ былъ у твоей Алечки. Очень дорогой Плейель.... Я быстро окинулъ комнату взглядомъ и думаю, какъ и съ чего начать... И вдругъ вижу на каминѣ, и въ большомъ почетѣ, на полкѣ, подлѣ массивныхъ бронзовыхъ часовъ, въ дубовыхъ

рамкахъ стоятъ два портрета. На одномъ изображенъ красивый англійскій лейтенантъ въ парадной формѣ. Благородное этакое лицо, спортивная осанка. Бритый, твердый, «волевой» подбородокъ. Проборъ посерединѣ и каска въ рукахъ. Залюбоваться можно. На другомъ, и въ такой же рамѣ и въ такомъ же почетѣ, переснятый и подрисованный портретъ такого же молодцеватаго офицера въ русыхъ, распущенныхъ на концахъ усахъ, но только въ Русской драгунской формѣ, въ каскѣ съ длиннымъ шлыкомъ, въ перевязи и со значкомъ школы на груди. Ну, словомъ, твой портретъ... Вотъ и предложъ для начала разговора. Вотъ и объясненіе моего вторженія въ ихъ квартиру. И только я все это подумалъ, какъ въ гостиную входитъ очень представительная и красивая дама въ сѣдыхъ волосахъ и въ очень дорогомъ и модномъ платьѣ. Смотритъ на меня надменно и сухо... «Чѣмъ могу быть вамъ полезной?..» По французски, знаешь, какъ говорятъ англичанки съ удареніями на первомъ слогѣ. Я ей сейчасъ же по англійски... И ледъ сталъ таять... Я — говорю — къ вамъ, сударыня, по совершенно необычайному дѣлу. И прошу васъ выслушать меня до конца и сказать мнѣ все, что я васъ спрошу. Она стала очень серьезной и спокойно сказала: — «я васъ слушаю». Было въ ней что то, что сказало мнѣ, что я имѣю дѣло съ христіанкой, что то подкупающее, ласковое, любовное. И я ей сразу: — скажите, сударыня, ваша дочь, Анастасія, ваша родная дочь, или пріемная, или она просто ваша знакомая?.. — «А почему вы меня такъ спрашиваете?» — Потому, сударыня, что я хорошо зналъ того Русскаго офицера, чей портретъ стоитъ у васъ на каминѣ. «Вотъ какъ... Это очень интересно.... Какъ же его звали?» — Его звали, сударыня, — ротмистръ Петръ Сергѣевичъ Ранцевъ. У него въ маѣ мѣсяцѣ 1915-го года, въ Манчжуріи, была похищена дочь двухъ лѣтъ по имени Анастасія. Какъ ее ни искали, найти не могли. — «Вы не знаете», — спросила меня дама, — «этотъ офицеръ или жена его живы?» — Я не знаю этого. Но я постараюсь узнать.

— Такъ, правильно, — тихо сказалъ Петрикъ. Онъ всталъ и, неслышно ступая по ковру, подошелъ къ окну.

Когда онъ проходилъ мимо Долле, тотъ замѣтилъ, что лицо Петрика было необычно торжественно. Петрикъ сталъ спиною къ Долле, лицомъ къ окну и сказалъ: — продолжай, Ричардъ, я тебя слушаю.

— «Я вижу», — сказала дама, — «что вы знаете про миссъ Анастасію больше, чѣмъ знаемъ мы». И она спокойно и твердо, ничего, видимо, не скрывая, рассказала всю исторію миссъ Анастасіи. Исторія и необыкновенная и, если хочешь, самая простая по тамошнимъ мѣстамъ и по англійскимъ нравамъ. Вѣдь можно любить или не любить англичанъ, но отрицать того мы не можемъ, они джентльмены до мозга костей. Такъ вотъ: въ этотъ самый май мѣсяцъ мистеръ Гербертъ, мужъ этой самой дамы, маіоръ англійской службы и его сынъ, молодой лейтенантъ, охотились въ лѣсахъ Императорской охоты. Они получили извѣстіе, что ихъ полкъ, стоявшій въ Британской Индіи, долженъ идти на фронтъ, и они, бросивъ охоту, шли напрямикъ къ японской вѣткѣ желѣзной дороги, чтобы ѣхать въ Дальній на пароходъ. Ихъ тамъ уже ждала мистриссъ Гербертъ, та самая дама, которая мнѣ все это рассказывала. Какъ это часто бываетъ, когда, торопясь, идутъ напрямикъ, заблудились въ Манчжурскихъ сопкахъ и падахъ. Заночевали въ лѣсу, и на разсвѣтѣ стали продолжать свой путь. Вдругъ они услышали въ глубинѣ балки крикъ ребенка и плачъ женщины. Они бросились туда. Мелькомъ увидели они страшную сцену. Какой-то обезьяно-подобный человѣкъ, рыжій, лохматый, оборванный билъ молодую китаянку, очень богато одѣтую. Та вырывалась отъ него. Въ сторонѣ на травѣ лежалъ ребенокъ и громко плакалъ. Они бросились на этого человѣка. Какъ только онъ ихъ увидалъ, онъ всадилъ ножъ въ бокъ китаянки и побѣжалъ. Англичане послали преслѣдовать его своихъ слугъ китайцевъ, а сами стали помогать раненой китаянкѣ. Рыжаго не поймали, но привели китайцевъ, сдѣлали носилки и перенесли китаянку на желѣзную дорогу, а потомъ доставили въ Дальній, въ госпиталь. Она тамъ пришла въ себя. Она показала, что она служила у одного Русскаго офицера, она назвала «Лянцау» этого офицера. Что ребенокъ — дочь этого офи-

цера, крещеная и зовуть ее Анастасія. Она достала, въ подтвержденіе своихъ словъ, кожаный портфеликъ и изъ него вынула и дала карточку своего хозяина — твою карточку.

— Почему Ферфаксовъ не нашель ихъ? Онъ шель по горячимъ слѣдамъ, — сказалъ какъ бы самъ себѣ Петрикъ.

— Онъ искалъ Настеньку въ Русской полосѣ отчужденія, а они уже были въ японской. Онъ искалъ хунхузовъ, а дѣвочку похитило обезьяно-подобное существо несомнѣнно европейскаго происхожденія и едва ли не Русскаго — просто сибирскій каторжникъ-варнакъ. А, главное, все очень быстро случилось. Китайка, давъ свои показанія, скончалась въ страшныхъ мученіяхъ. Осталась дѣвочка и куда было ее дѣвать?... Сердобольная мистриссъ Гербертъ взяла ее съ собою, рассчитывая уже изъ Англіи искать этого офицера — «Лянцау»... Ну а тамъ... Война затянулась. Сынь мистриссъ Гербертъ былъ убитъ на Ипрскомъ фронтѣ... Они осиротѣли... Дѣвочка росла и стала премилой барышней... Въ Россіи произошла революція... Сношенія съ Россіей прекратились. И Герберты рѣшили удочерить эту дѣвочку въ память своего сына, особенно хлопотавшаго о ней, когда ее взяли въ лѣсу.

— Она знаетъ, что она не ихъ дочь? — быстро спросилъ Петрикъ.

— Они отъ нея этого не скрыли. Когда ей минуло двѣнадцать лѣтъ, ей рассказали всю ея исторію. Она очень задумалась, долго была чрезвычайно грустна, потомъ пожелала учиться по-Русски. Она недурно, конечно, съ акцентомъ и не всегда находя нужныя слова, говоритъ по-Русски.

— Ты видалъ ее?

— Да.

— Какъ же ты нашель ее?

— Она... И правда, она совсѣмъ, какъ Алечка, когда та была дѣвочкой. Еще и красивѣе. У ней болѣе продолговатое лицо, чѣмъ было у Алечки. Такое, какъ у тебя. Она прекрасно играетъ на рояли — это отъ матери. Она въ Парижѣ, чтобы учиться, и серьезно, въ кон-

серваторіи. Она «обожаешь» лошадей и верховую ѣзду — это отъ тебя... У нея прекрасная борзая кровей, достанныхъ изъ разсадника Великаго Князя Николая Николаевича, она достала ее здѣсь у графини Грэффюль. Это тоже, какъ у Алечки — ея Ди-ди. Она очень богата и, видимо, счастлива. Свою настоящую мать она не помнитъ, но почитаетъ мистриссъ Гербертъ, какъ мать. У нея ни въ чемъ нѣтъ недостатка, всѣ ея желанія исполняются.

Петрикъ смотрѣлъ въ окно. Въ сумракѣ улицы подъ нимъ проходили прохожіе. Иногда съ хриплымъ гудкомъ проносился автомобиль. Косой дождь падалъ на стекла и капли ползли, стушевая улицу. Люди и машины казались расплывчатыми и неясными, точно призраки. Тамъ все-таки шла жизнь. Здѣсь она остановилась для Петрика.

— Что же мнѣ теперь дѣлать? — глухимъ голосомъ сказалъ Петрикъ. Онъ заложилъ руки за спину и въ волненіи шевелилъ пальцами.

— Твое положеніе очень сложное. Старый Гербертъ три года тому назадъ умеръ. Все ихъ громадное состояніе, а оно исчисляется въ милліонахъ фунтовъ, завѣщано по смерти мистриссъ Гербертъ миссъ Анастасіи. Она воспитана и выросла въ Англіи. Она англичанка. Она осталась православной, но ея православіе и ея Русскій языкъ не болѣе, какъ снобизмъ. Можетъ быть, остатокъ твоей Русской души.

Долле замолчалъ. Онъ ждалъ, что скажетъ Петрикъ. Но тотъ молчалъ.

— Конечно... Если ты придешь, — тебя признають... Доказательства неоспоримы. Всѣ права твои. Тебя возмуть въ домъ... Ты станешь тоже милліонеромъ... но, я боюсь, что вмѣстѣ съ милліонами тебѣ придется стать и англичаниномъ.

Петрикъ нервно пожалъ плечами.

— Никогда, — прошепталъ онъ.

— Ты можешь... Это, конечно, твое законное право.. Ты можешь отказаться отъ всего и взять ее, какъ она есть. Она твоя по крови... Она твоя дочь...

— Какъ Анеля со Старымъ Ржондомъ... — Петрикъ брезгливо подернулъ плечами. — Нищета... нищета, — прошепталъ онъ. — На одной постели въ крошечной комнатукѣ отеля Модернъ... Въ *maison de couture*... или *vandeuse* въ универсальномъ магазинѣ... Она играетъ на рояли... Барабанить по ночамъ въ какомъ-нибудь ночномъ ресторанѣ... Дочь ротмистра Ранцева.. Скажи мнѣ... Ты имъ общалъ узнать обо мнѣ?

— Да.

Лакей доложилъ, что обѣдъ поданъ.

— Идемъ обѣдать, Петрикъ. За столомъ все и обсудимъ...

Петрикъ неподвижно стоялъ у окна. Пальцы быстро крутились, выдавая сильное его волненіе.

— Скажи имъ.. Понимаешь... — не отворачиваясь отъ окна, не громко, но очень твердо, съ какою-то непривычною печалью, говорилъ Петрикъ, — Ты скажи имъ... Завтра же... Ты справлялся въ Обще-Воинскомъ Союзѣ... Ротмистръ Петръ Сергѣевичъ Ранцевъ убитъ въ конной атакѣ 29-го мая 1915-го года.... Это будетъ почти правда.

Петрикъ рѣзко повернулся отъ окна

— Ну.. Идемъ обѣдать, — сказалъ онъ, — я, по правдѣ сказать, совсѣмъ не хочу ѣсть. Давно отвыкъ такъ много ѣсть.

И на лѣстницѣ, спускаясь въ столовую, Петрикъ, шедшій впереди, сказалъ глухимъ голосомъ:

— Пусть на тотъ... Мой портретъ.... Прицѣпить георгіевскій и креповый, черного крепа бантъ...

Въ его голосѣ было съ трудомъ сдерживаемое рыданіе.

XLIII.

Обѣдали молча. Оба ничего не ѣли. Блюда приносили и уносили нетронутыми. Долле часто поглядывалъ на золотые часики браслетъ, бывшіе у него на рукѣ. Онъ

точно кого-то поджидалъ, куда-то спѣшилъ. Когда подали сладкое, апельсиновое желе, и опять, какъ и за завтракомъ, разлили по бокаламъ шампанское Долле приказалъ лакею сказать шофферу, чтобы подали автомобиль.

— Поѣдемъ, милый Петрикъ. Жаль, что дождь... Но, какъ я сказалъ тебѣ утромъ, ты въ особенный пожаловалъ ко мнѣ день. И видно такъ Богу угодно. Я для тебя найду дѣло.

— Мнѣ ничего, Ричардъ, находить не надо. Я давно думалъ объ этомъ, да все никакъ не могъ рѣшиться. Все наша эмигрантская тина и Парижское болото меня засасывали. Все я приказа ждалъ. Проклятая привычка на все ожидать приказа. А я, между прочимъ, прочелъ недавно маленькую этакую книжечку Амфитеатрова «Стѣна плача и стѣна нерушимая» называется... Много правды... Ахъ, много горькой правды тамъ сказано!.. Надо въ лѣса идти. Партизанить надо... Надо «ихъ» стрѣлять... За Россію, за Государя, за армію, за Алю, за все, за все имъ мстить надо, чтобы неповадно было имъ все это дѣлать. Надо съ братьями Русской Правды работать... Убьютъ?.. И пусть!.. Я всегда мечталъ умереть по-солдатски... Вотъ это будетъ честная, достойная полка смерть.... Капля? Пускай капля воды....

— Капли воды долбятъ твердый камень, — сказалъ Долле.

— Вотъ видишь... А если капель-то много? Если цѣлая Ниагара соберется? А то что?.. На всю эмиграцію... Одинъ Конради и одинъ Коверда!.. Да и тѣхъ забыли...

— Я совершенно съ тобою согласенъ, но раньше посмотримъ, что я могу тебѣ въ этомъ направленіи предложить и тогда рѣшишь. Я тебѣ сказалъ, что мнѣ нужны миллионы.... Они у меня уже есть.... Приступимъ...

Долле подошелъ къ Петрику и, обнявъ его, повелъ изъ столовой. Они надѣли пальто и, выйдя на улицу, сѣли въ пркрасный «Рольсъ-Ройсъ» Долле.

По мокрымъ блестящимъ мостовымъ, точно рѣка отражавшимъ огни уличныхъ фонарей, машина быстро и безшумно спустилась по boulevard Male-

sherbes къ Madeleine. Въ сѣромъ сумракѣ, за дождевой завѣсой, высились колонны и ступени точно языческаго храма. Они свернули по rue Royale на place de la Concorde, обогнули ее и покатали по набережной Сены.

Съ этой минуты Петрику казалось, что все то, что онъ видитъ и слышитъ отъ Долле, происходитъ во снѣ, или что Долле внезапно сошелъ съ ума. Такъ было все это: и этотъ ночной Парижъ, и то, что говорилъ про него Долле, необычайно и невѣроятно.

— Посмотри, милый Петрикъ, видишь на томъ берегу кровь на окнахъ.

Чуть намѣчалась сквозь сѣтку дождя въ сумракѣ ночи на желтомъ фонѣ Парижскаго зарева длинная черная средневѣковая постройка. Круглые башни съ конусообразными крышами обрамляли ее. На узкихъ ея окнахъ и точно отражался краснокровавый отсвѣтъ.

— Это Консьержери. Старая тюрьма. Сто тридцать пять лѣтъ тому назадъ здѣсь неистовствовала Парижская чрезвычайка. Здѣсь грубые палачи издѣвались надъ прекрасной королевой Маріей Антуанетой, здѣсь ей остригли волосы и отсюда ее повезли на казнь — на площадь Согласія. Ты видишь, и теперь сто съ лишнимъ лѣтъ спустя кровь ея проступаетъ на окнахъ и красными огнями горитъ на нихъ. Если бытъ суевѣрнымъ, есть отчего призадуматься. Но теперь суевѣрныхъ людей нѣтъ, теперь всѣ матеріалисты, и каждый уличный мальчишка знаетъ, что это отражаются красные огни вывѣсокъ театра Сарры Бернаръ. Шутовскіе огни падаютъ на окна, выдавшія величіе предсмертнаго горя и невинной крови.

Они обогнули Шатлэ и по набережной поѣхали на площадь Согласія. Тамъ, подъ оградой сада Тюльери Долле приказалъ шофферу остановить машину и вышелъ изъ кареты вмѣстѣ съ Петрикомъ.

Дождь пересталъ, но небо было въ черныхъ тучахъ. По зимнему хмурилось оно. Въ сыромъ сумракѣ били фонтаны. Ихъ струи, освѣщенныя огнями, сверкали и играли. Противъ нихъ у вѣзда на Елисейскія поля статуи «Marly», — бѣлые всадники, укрощающіе бѣлыхъ лошадей, казались маленькими и были ярко освѣщены. Громадная площадь, отдѣлявшая ихъ отъ Долле и Пет-

рика, казалась безкрайной. Гирлянды огней провѣшивали путь авеню и исчезали въ туманахъ безконечной дали. Чуть намѣчались голыя деревья скверовъ. Дома за ними не были видны. И только вдали горѣли и сверкали безчисленные вывѣски рекламъ.

Быль тотъ часъ, когда весь Парижъ спѣшилъ по театрамъ, кинематографамъ и лекціямъ. Безчисленные такси мелькали бѣлыми и красными огоньками. Одни стремились вверхъ по авеню, другіе спускались, и на площади, казалось, они крутились въ затѣйливой сарабандѣ и играли точно стеклышки калейдоскопа. Ихъ гудки сливались въ мелодію города. Фасадъ ограды Тюльерійскаго сада былъ освѣщенъ гирляндами фонариковъ. Большіе фонари окружали статуи городовъ и вся эта огненная игра отражалась въ мокромъ асфальтѣ, какъ въ водѣ, змѣилась и лучилась. Толпы людей выходили изъ нѣдръ подземной дороги и черными потоками ползли по блестящимъ троттуарамъ. Вправо величаво вздымались громадныя постройки морского министерства, дальше шли банки, отели, все богатство и роскошь капиталистическаго Парижа. Широкою, огнями опоясанною лентою уходила между ними rue Royale. Влѣво, за мостомъ, чуть намѣчалась въ ночномъ туманѣ строгая классическая постройка Палаты Депутатовъ и еще лѣвѣе надъ крышей высокаго дома кровавыми огнями горѣла вывѣска: «Cannes».

Долле показалъ Петрику на эту точно въ воздухѣ, въ небѣ, висящую вывѣску и сказалъ:

— Не о тѣхъ, конечно, Каннахъ, говоритъ эта вывѣска, о которыхъ мнѣ хочется тебѣ напомнить. Она говоритъ о Каннахъ, веселыхъ и радостныхъ своими казино и карнавалами, лежащихъ на берегу лазурнаго моря. Я же, глядя на эту вывѣску, вспоминаю тѣ Канны, гдѣ легъ на полѣ битвы въ древней Апуліи цвѣтъ Римскаго войска и гдѣ Ганнибалъ Карфагенскій разбилъ на голову консула Павла Эмилиа... Дѣла давно минувшихъ дней, а вспомнить не мѣшаетъ. Побѣда и пораженіе смѣняють другъ друга, и послѣ великаго несчастія не перестаютъ твердить Катоны: «Прежде всего я полагаю, должно разрушить Карфагенъ»... И Карфагенъ былъ разру-

шенъ и сейчасъ лежитъ грудю развалинъ... Тогда какъ Римъ...

Да, въ эти минуты Долле казался Петрику сумасшедшимъ. Онъ, и правда, точно заговаривался и нервенъ былъ ужасно. Все поглядывалъ на часы, для чего подходилъ къ фонарю.

— Посмотри. Петрикъ, на эту зловѣщую пляску такси на площади... Посмотри на людскую суету возлѣ фонтановъ. Фонтаны бьютъ водою. Ее накопилось отъ дождей слишкомъ много въ водопроводахъ и вотъ ее пустили. Приглядишь, милый, водою ли бьютъ эти фонтаны?.. Не кровью ли? Не проступаетъ ли это на этой страшной площади кровь короля и королевы, кровь тысячъ и тысячъ людей, здѣсь казненныхъ. Земля не приняла этой крови и вотъ бьетъ фонтанами... Петрикъ, тебѣ не страшно этого богатства, этой сытости, этой вакханаліи электричества, что заревоиъ стоитъ надъ всѣмъ Парижемъ, надъ всѣми большими городами Европы и Америки. Тебѣ не страшно сознавать, что въ эти самые часы, у насъ на Родинѣ сплошной мракъ, голодъ и рабство. Тамъ люди умираютъ отъ голода... Тамъ стаи голодныхъ волковъ носятся по лѣсамъ и пожираютъ трупы крестьянъ, которыхъ не успѣваютъ хоронить... Тебѣ не страшно такого неравенства. А что если это — уже прошедшіе Канны?.. И... «Прежде всего я полагаю, совѣтская республика и коммунизмъ должны быть разрушены».. Твердить, твердить и твердить...

— Твердятъ не мало, да толку что. Никто не слушаетъ, и Русскаго горя никто не понимаетъ, — тихо сказалъ Петрикъ.

— Надо заставить понять, — твердо, съ силою сказалъ Долле.

— Какъ ихъ заставишь?..

— Какъ?.. Надо ударить по больному мѣсту и такъ, чтобы это восчувствовали.

— Кажется, уже и бьютъ.... Возьми дамлингъ....

— Вотъ именно наоборотъ. Дамлингъ только укрѣпляетъ коммунистовъ.

Петрикъ вопросительно посмотрѣлъ на Долле.

— Да, милый мой. Не удивляйся. Современные демократическія правительства слагаются изъ двухъ взаимно противоположныхъ и взаимно противоборствующихъ, но согласныхъ силъ: капиталистовъ и пролетаріата, то есть толпы. Схватиться мертвой хваткой они не рискуютъ, потому что пролетаріатъ отлично понимаетъ, что безъ капиталистовъ онъ съ голода подохнетъ, а при существующемъ парламентскомъ строѣ правленія пролетаріатъ нуженъ капиталистамъ, потому что пролетаріатъ — это избиратели. Это та толпа, что течетъ къ урнамъ, это тѣ люди, что создали миръ и войну... Ахъ, милый мой, какими плохими психологами были нѣмцы, когда вздумали изъ длинной Берты обстрѣливать Парижъ. Пока война касалась этихъ несчастныхъ «пуалю», она не была популярна, и въ войскахъ были уже волненія, но какъ только война коснулась н а с ъ, окопавшихся и чувствующихъ себя въ безопасности на Парижскихъ бульварахъ — все перевернулось: «война до побѣднаго конца».... «Война до полного уничтоженія Германіи». «Война — войнѣ»... И побѣдили... Напрасно думаютъ, что, если теперь ударить по городамъ бомбами съ ядами и газами, война прекратится... Ничего подобного... Всѣ, вся эта толпа встанетъ противъ и война станетъ популярной. Большевики живутъ, потому что ихъ весь міръ поддерживаетъ. Если дампингъ не выгоденъ однимъ капиталистамъ, онъ выгоденъ другимъ. Лѣсоторговцу онъ разорителенъ, а фабриканту мебели или бумаги онъ очень на руку. А, главное, онъ пріятенъ и угоденъ пролетаріату. Дешевый хлѣбъ, дешевыя дрова, дешевое мыло!.. Какое мнѣ дѣло, что это изготовлено рабами. Эти рабы не я... «Я» съ громадной буквы. Вотъ если бы это м е н я заставили работать, тогда другое дѣло... И, милый мой, всѣ эти митинги протеста смѣшны. Нужна в о й н а съ большевиками, нуженъ полный бойкотъ ихъ, изгнаніе ихъ посольствъ изъ всѣхъ странъ и полная изоляція зараженного гнѣзда, и этого ни протестами, ни газетными статьями, ни митингами, ни молитвами не достигнешь. Надо, повторяю.... З а с т а в и т ь.... Ты понимаешь это слово?

— Да... какъ?..

— Надо ударить... удушливыми газами... тысячами убитыхъ въ рабочихъ кварталахъ большихъ городовъ, тысячами отравленныхъ въ богатыхъ первокласснѣйшихъ отеляхъ... Нужно сказать: если вы не понимаете, что вы должны помочь Россіи освободиться отъ большевиковъ, мы заставимъ васъ это понять. Мы объявимъ войну Золотому Тельцу прежде всего....

— Для этого нужна армія, — сказалъ Петрикъ.

— Гдѣ ты найдешь эту армію?.. Золотой Телець ее давно побѣдилъ.... Генералы бросили своего Государя и пошли служить... толпѣ... Формировать на островахъ Галапагосъ двухсоттысячную армію?... Гдѣ ты найдешь людей?.. Храбрыхъ — ты найдешь... Безумно храбрыхъ — найдешь... Но терпѣливыхъ и выносливыхъ?.. Гдѣ? Ихъ убили... не война... не на войнѣ... Ихъ убилъ этотъ самый Парижъ, *chauffage centrale* и шелковые чулки Парижскихъ мидинетокъ...

— Найти людей можно... — какъ-то нерѣшительно сказалъ Петрикъ.

— Все продажно, милый Петрикъ. Вопросъ только въ томъ, сколько дать... И Золотой Телець чувствуетъ свою силу. Онъ воспрянулъ духомъ. Такихъ Донъ-Кихотовъ армейскихъ много ли ты насчитаешь? Да они всѣ и пойдутъ съ нами. Вѣдь ты пойдешь со мною?... Ты сегодня не поѣдешь домой. Ты останешься у меня. И мы найдемъ ровно столько людей, сколько нужно для того, чтобы заставить Золотого Тельца и пролетаріатъ, да и пролетаріатъ, служить намъ для Россіи. Мы ихъ, ненавидящихъ войну, убѣжденнѣйшихъ антимилицаристовъ заставимъ уважать войну, заставимъ потребовать войны съ коммунистами и большевиками.

— Какъ?... Гдѣ?...

Жизнь на площади становилась все напряженнѣе и шумнѣе. И вмѣстѣ съ тѣмъ и Долле становился нервнѣе и нетерпѣливѣе. Петрикъ уже и не зналъ, принимать ли ему въ серьезъ все то, что говорилъ Долле. Тотъ ждалъ чего то, все посматривая на часы. И было похоже, что и въ толпѣ, собиравшейся на площади, тоже чего-то ожидали. Было, какъ тогда, когда Кость и Беллонтъ летѣли въ Америку и по радіо ждали отъ нихъ

извѣстій. Всѣ посматривали почему-то вверхъ на небо, откуда снова мелкій и холодный начиналъ моросить дождь. У вѣзда на улицу Риволи образовался заторъ автомобилей. Громадный темносиній автокаръ, биткомъ набитый англичанами и американцами, точно большой баркасъ съ потерпѣвшими кораблекрушеніе, причалилъ къ самой панели недалеко отъ Долле. Худощавый брюнетъ въ намокшемъ легкомъ пальтишкѣ стоялъ на ступенькахъ автокара и кричалъ по-англійски въ ночную темноту, точно собака лаялъ. Черные зонтики покрывали троттуары.

— Толпа и деньги.... Имъ надо противопоставить — личностей и знаніе... Умъ... Геній изобрѣтеній... Это мой отвѣтъ на твой вопросъ: — какъ? А гдѣ...

Долле вдругъ вздрогнулъ, поднялъ голову къ небу и показалъ рукою на тучи. Въ толпѣ тоже что-то примѣтили, или предупрежденные, ожидали какого-то небеснаго знаменія.

Прохожіе и автомобили остановились. Зонтики свертывались. Всѣ смотрѣли вверхъ.

Съ тою берега Сены, откуда-то изъ-за Марсова поля и Эйфелевой башни, очень высоко, все приближаясь, летѣла какая-то красная точка. Точно кто-то оттуда пустилъ ракету. За нею неся все расширяющійся огневой хвостъ. Онъ гасъ въ холодныхъ дождевыхъ тучахъ. Звѣздочка эта приближалась, и уже Петрикъ слышалъ ея верещащій звукъ, напомнившій ему шумъ приближающейся шрапнели и совсѣмъ, какъ шрапнель, эта звѣздочка съ громкимъ выстрѣломъ: «поммъ» разорвалась гдѣ-то надъ Вандомской площадью. Длинное, бѣлое, ярко блистающее облако развернулось по черному небу. На немъ, точно кровавые, проступили буквы: «Покупайте химическіе продукты въ Е. С. Х. П.».

Облачко и буквы постояли въ небѣ нѣсколько секундъ, потомъ разсыпались, растаяли и погасли въ частой сѣткѣ мелкаго дождя.

Толпа только этого и ждала. Зонтики раскрылись, автокаръ съ громкими гудками поплылъ за тронувшимися съ мѣста такси. Раздался свистокъ полицейскаго и тѣсный клубокъ сжатыхъ автомобилей сталъ посте-

пенно распутываться. Приближалось девять часовъ. Парижъ усаживался по зрительнымъ заламъ безконечныхъ увеселительныхъ мѣстъ. Площадь постепенно пустѣла.

Долле взялъ Петрика подъ руку и повелъ его къ своей машинѣ.

— Домой, — крикнулъ онъ рѣзко шоферу. — Ты меня спросилъ: — Гдѣ?.. Гдѣ хочешь, мой милый... Чѣмъ хочешь ихъ снаряжать. Они такіе, что и океанъ перелетятъ... Гдѣ?.. Да вотъ вопросъ... Гдѣ?.. Да, хотя на островахъ Галапагось...

Дер. Сантени.

Май 1930-го года — мартъ 1931-го года.

О Г Л А В Л Е Н И Е:

	Стр.
Часть первая	5-177
Часть вторая	179-280
Часть третья	281-364
Часть четвертая	365-571

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Отъ Двуглаваго Орла къ красному знамени. Романъ
въ четырехъ томахъ.
Опавшіе листья. Романъ.
Понять простить. Романъ.
Единая недѣлимая. Романъ.
Бѣлая свитка. Романъ.
«Largo». Романъ.
За чертополохомъ. Фантастическій романъ.
Амазонка пустыни. Романъ.
Съ нами Богъ. Романъ въ двухъ томахъ.
Все проходитъ. Повѣсть въ двухъ книгахъ.
Мантыкъ — охотникъ на львовъ. Повѣсть для юноше-
ства.
Съ Ермакомъ на Сибирь. Повѣсть для юношества.
Терунешъ (Любовь абиссинки) и др. рассказы.
Поѣздка на Ай-Петри и др. рассказы.
Степь. Восьмидесятый. Рассказы.
Душа арміи. (Опытъ военной психологій).
Тихіе подвижники. Очеркъ.
Казачья самостійность. Очеркъ.

НА АНГЛИЙСКОМЪ ЯЗЫКЪ:

From Double Eagle to Red Flag.
The Unforgiven. (Понять — простить).
The White Coat.
The Amazon of the Desert.
Kostja the Cossak. (Все проходитъ).
Yermak the Conqueror.

НА БОЛГАРСКОМЪ ЯЗЫКЪ:

Душата на армията.

НА ГОЛЛАНДСКОМЪ ЯЗЫКЪ:

Van den Dubbelen Adelaar naar het Roode Vaandel.
De Wreker (Bjelaja switka).

НА ИТАЛЬЯНСКОМЪ ЯЗЫКЪ:

Dall' Aquila Imperiale alla bandiera rossa.
Comprendere è perdonare.
L'Amazzone del Deserto.
Tutto passa.

НА НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКЪ:

Vom Zarenadler zur roten Fahne.
Fallende Blätter.
Verstehen heisst vergeben.
Einig - Unteilbar.
Der weisse Kittel.
Eroïca (Съ нами Богъ).
Kostia der Kosak. (Все проходитъ).
Die Amazone der Wildnis.
Jenseits der Disteln.
In der Mandschurischen Einöde. (Русскаго изданія
нѣтъ).
Der Achtzigste. Die Steppe.

НА ПОЛЬСКОМЪ ЯЗЫКЪ:

Opadle Liscie.
Amazonka Azji.

НА ФИНСКОМЪ ЯЗЫКЪ:

Kaksoikotkasta Punalippuun.

НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКЪ:

De l'Aigle Impérial au drapeau rouge.
Comprendre c'est pardonner.
L'Amazone du désert.

НА ХОРВАТСКОМЪ ЯЗЫКЪ:

Amazonka pustinje.
Terunes.

НА ЧЕШСКОМЪ ЯЗЫКЪ:

Od Carského orla k rudému praporu (иллюстрирован-
ное издание).
Bila Halena.
U stupne Boziho trunu. (Amazonka pustiny).

НА ШВЕДСКОМЪ ЯЗЫКЪ:

Fran Dubbelornen till roda Fanan.
Oknens Amazon.

